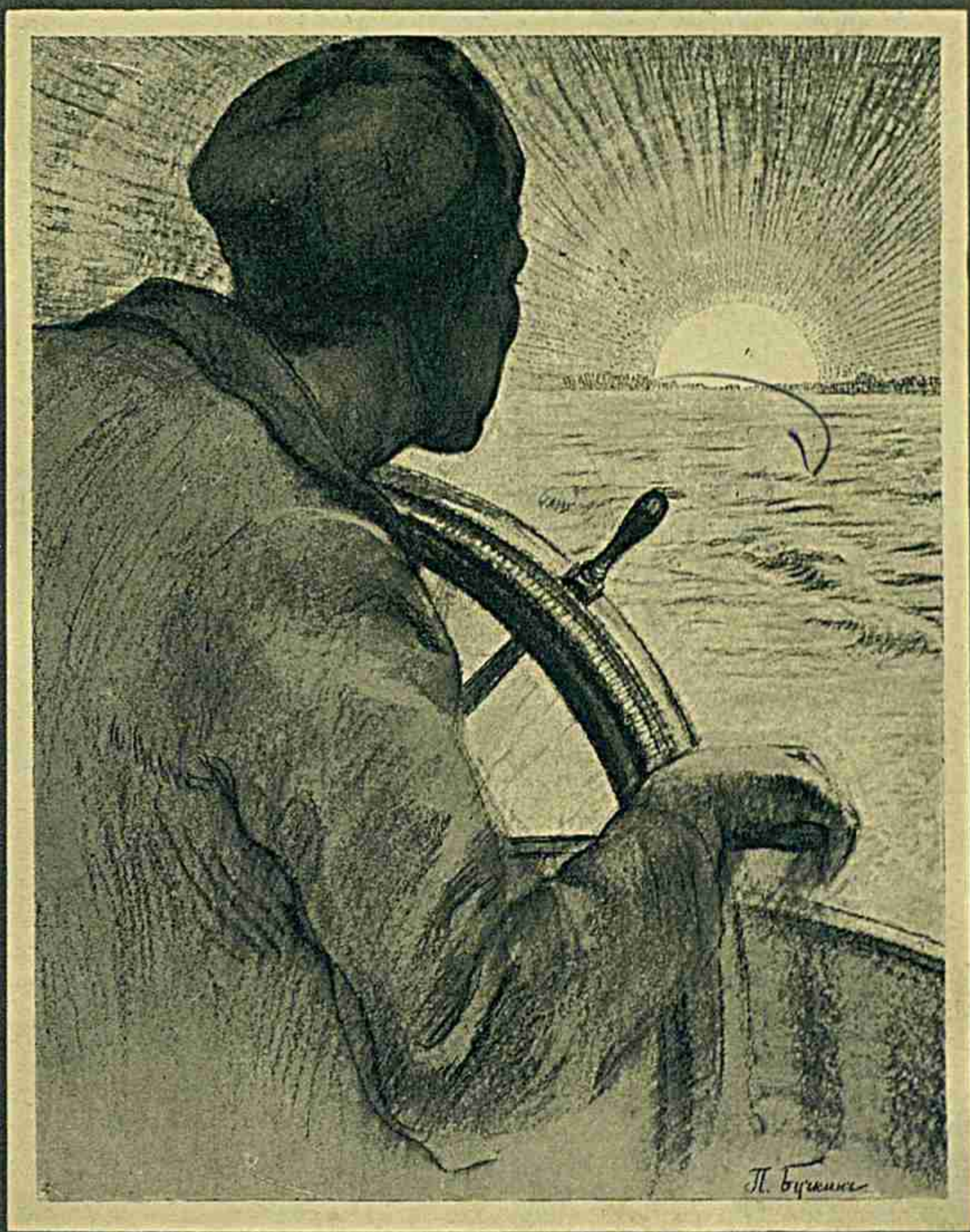
37-77-3-100.

Проверено 1950

ФРИТЬОФЪ НАНСЕНЪ

ВЪ СТРАНУ БУДУЩАГО

АВТОРЪ НА КАПИТАНСКОМЪ МОСТИКѢ.
(Фотографія І. И. Лида).

ФРИТЬОФЪ НАНСЕНЪ

ВЪ СТРАНУ БУДУЩАГО

Великій Сѣвѣрный путь изъ Европы въ Сибирь черезъ Карское море

Съ портретомъ автора, 155 рисунками и 3-мя картами

Авторизованный переводъ съ норвежскаго

А. и П. ГАНЗЕНЪ

ИЗДАНІЕ К. И. КСИДО

ПЕТРОГРАДЪ
1915

Складъ при Конторѣ изданій Т-ва А. Ф. Марксъ

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркъ, Измайл просп., № 29

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Скоро минетъ годъ съ того времени, какъ бо̀льшая часть этой книги была написана подъ огромнымъ впечатлѣніемъ безпредѣльныхъ равнинъ на востокѣ Азіи, все еще лежащихъ втуне и ждущихъ человѣка. Какъ утѣшительно было воочіію убѣдиться, что на землѣ еще много мѣста, гдѣ могутъ возникнуть милліоны счастливыхъ семейныхъ очаговъ.

И какой жуткій контрастъ съ этой картиной представляетъ разгорающійся съ каждымъ днемъ все ужаснѣе гигантскій европейскій пожаръ! Европа какъ-будто вдругъ стала тѣсной для народовъ, и они начали прилагать всѣ усилія для взаимнаго истребленія.

Какая зловѣщая расточительность благородныхъ силъ человѣческаго духа! Какая невознаградимая потеря для европейской культуры! Какихъ благихъ результатовъ могли бы достигнуть человѣческія силы и организаторскія способности, воодушевленіе и самопожертвованіе, проявляемыя въ столь грандіозныхъ размѣрахъ въ этой бойнѣ людской, если бы направлены были на покореніе силъ природы и обработку земли! Тамъ, на востокѣ, ея вѣдь хватитъ людямъ еще надолго.

Очень кстати было бы теперь вспомнить слова Бэкона о трехъ сортахъ честолюбія: „Первое сводится къ стремле-

нію усилить собственныя власть и вліяніе въ своей странѣ. Это честолюбіе низменнаго сорта. Второе заключается въ стремленіи усилить могущество своей страны и распространить ея власть среди другихъ народовъ; это честолюбіе болѣе благородное, но не менѣе алчное. Тотъ же, кто стремится упрочить и увеличить силу и владычество человѣка надъ природою, надъ вселенною, проявляетъ, безъ сомнѣнія, честолюбіе—если только это слово здѣсь умѣстно—болѣе здоровое и благородное, нежели первыя два".

Каковъ будетъ исходъ нынѣшней великой войны, никому изъ насъ не дано предвидѣть. Она можетъ привести къ полной переоцѣнкѣ жизненныхъ цѣнностей и принудить старую Европу къ составленію новаго баланса, о которомъ мы пока еще не имѣемъ понятія. Но одно мы знаемъ: громадные лѣса Сибири, безграничная тайга съ могучими рѣками и волнистыми степными пространствами, лежащія въ сторонѣ отъ шума битвъ, по-прежнему ждутъ людей — пока они не устанутъ истреблять и разрушать. Такимъ образомъ то, на что я указываю въ своихъ описаніяхъ, вѣроятно, сохранитъ свое значеніе для будущаго.

Выпуская эту книгу въ свѣтъ, я не могу не высказать искренней благодарности, во-первыхъ, директору І. И. Лиду и Правленію Сибирскаго Общества, пригласившимъ меня участвовать въ плаваніи къ устью Енисея, а во-вторыхъ—инженеру Е. Д. Вурцелю, начальнику русскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, какъ за приглашеніе проѣхаться черезъ Сибирь въ Пріамурье, такъ и за любезное общество въ пути.

Осмѣливаюсь также принести почтительную благодарность Императорскому Русскому Правительству за гостепріимство и многія льготы, оказанныя мнѣ на русской территоріи.

Въ большомъ долгу нахожусь я и у многихъ частныхъ лицъ, съ которыми сталкивался во время путешествія и о которыхъ съ благодарностью упоминалъ въ своей книгѣ;

здѣсь же позволю себѣ отдѣльно поблагодарить капитана Іогана Самуэльсена за его рѣдкое радушіе во время пріятнаго плаванія нашего на „Корректѣ“ и двухъ моихъ спутниковъ—С. В. Востротина и І. Г. Лорисъ-Меликова за ихъ любезную компанію,—особенно во время долгаго пути по Енисею,—за оказанное мнѣ ими разнообразное содѣйствіе и за цѣнныя сообщенія, которыми я воспользовался при составленіи этой книги.

Еще остается поблагодарить профессора славянскихъ языковъ при Христіанійскомъ университетѣ, Олафа Брока, за добрые совѣты и указанія и наконецъ капитана В. Стеффенса за его цѣнную помощь, выразившуюся въ переводѣ для меня русскихъ документовъ и печатныхъ свѣдѣній о Сибири.

Въ русскомъ изданіи моей книги считаю пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать особую признательность капитану К. И. Ксидо, чьему энергичному и безкорыстному содѣйствію я обязанъ возможностью предложить мой трудъ вниманію русской читающей публики.

Фритьофъ Нансенъ.

Христіанія.
24 октября 1914 г.

I. ИЗЪ НОРВЕГІИ ВЪ КАРСКОЕ МОРЕ.

Отъѣздъ. — Цѣль экспедиціи. — Мои спутники. — Въ Тромсё. — Капитанъ Ритчеръ и его злополучная экспедиція на Шпицбергенъ. — Капитанъ Самуэльсенъ и „Корректъ".—Лоцманъ Іогансенъ.—Отплытіе отъ береговъ Норвегіи.—Баренцово море—затонувшій материкъ.—Виды на будущее.—Безпроволочный телеграфъ; отрѣзаны отъ міра.—Черезъ Карскія Ворота въ туманъ, среди опасныхъ мелей и бурныхъ теченій. — Карское море свободно отъ льда.—Во льдахъ и вдоль края льдовъ.—Ямалъ.

Часы показывали уже двадцать минутъ четвертаго (было это 2 августа 1913 года), поѣздъ отходилъ съ Восточнаго вокзала въ Христіаніи въ 3 ч. 25 м., но никто изъ моихъ спутниковъ еще не показывался, и я началъ немножко волноваться.

Наконецъ появился тщательно одѣтый по-дорожному господинъ съ лакеемъ и разнообразнымъ мелкимъ багажомъ. Онъ отрекомендовался секретаремъ русскаго посольства Лорисъ-Меликовымъ, моимъ товарищемъ по путешествію. Никого изъ остальныхъ и онъ не видѣлъ на вокзалѣ.

Чуть не передъ самымъ отходомъ поѣзда показался директоръ-распорядитель Лидъ, заявилъ, что сегодня выѣхать, пожалуй, не придется, такъ какъ багажъ Востротина по ошибкѣ оставленъ въ Грандъ-Отелѣ, и исчезъ подъ предлогомъ посмотрѣть, не ѣдетъ ли Востротинъ, да кстати спросить начальника станціи: нельзя ли задержать поѣздъ на нѣсколько минутъ.

Пока я раздумывалъ—остаться ли мнѣ до завтра или ѣхать сейчасъ, явился запыхавшійся Востротинъ, наскоро объяснилъ, что ѣдетъ съ нами, такъ какъ багажъ пошлютъ ему вслѣдъ, а Лида онъ на вокзалѣ не видалъ, и отправился по вагонамъ отыскивать купэ.

Пришли пожелать намъ счастливаго пути члены Правленія Акціонернаго Сибирскаго Общества: генеральный консулъ Лоренценъ и директоръ страхового общества Вистъ. Послѣдній заявилъ, что вѣритъ въ мою счастливую звѣзду,—поэтому его страховое общество и приняло нашъ пароходъ на страхъ. Въ ту же минуту раздался свистокъ, поѣздъ дернулся и задвигался. Поспѣлъ ли багажъ? И директоръ Лидъ? Никто ничего не зналъ. И вдругъ видимъ—Лидъ преспокойно шествуетъ по перрону. Онъ однако успѣлъ крикнуть намъ вслѣдъ, что остается до завтра, чтобы захватить багажъ Востротина. Въ такомъ случаѣ и мы могли бы отлично подождать, тѣмъ болѣе, что мнѣ еще многое нужно было бы привести въ порядокъ передъ отъѣздомъ. Но теперь было уже поздно думать объ этомъ; предстояло потерять цѣлый день въ Троньемѣ въ ожиданіи запоздавшаго.

Въ Эйдсволлѣ я однако получилъ телеграмму отъ директора Виста, извѣщавшую, что Лидъ съ багажомъ отправился и догонитъ насъ на экстренномъ поѣздѣ въ Гамарѣ, гдѣ мы и успѣли отлично пообѣдать, когда подкатилъ на своемъ экспрессѣ Лидъ, невозмутимый, какъ всегда.

Теперь все было въ порядкѣ, и мы, къ общему нашему удовольствію, могли всѣ вчетверомъ продолжать нашъ путь по желѣзной дорогѣ до Троньема, а оттуда пароходомъ до Тромсё, вдоль береговъ Норвегіи, сказочная красота которыхъ мерещилась намъ за сѣрой сѣткой дождя и низко нависшею пеленой тумана, заволокшаго всѣ синія горы, вершины и бѣлоснѣжные ледники.

Экспедиція наша была предпринята съ цѣлью попытаться завязать постоянныя торговыя сношенія съ цен-

тральною Сибирью морскимъ путемъ черезъ Карское море и устье Енисея. Для этой-то цѣли главнымъ образомъ и было, по иниціативѣ І. И. Лида, основано „Сибирское Акціонерное Общество пароходства, промышленности и торговли".

Послѣднее еще въ прошломъ году сдѣлало попытку пробраться черезъ Карское море къ устью Енисея, для чего зафрахтовало норвежскій пароходъ „Тулла", построенный спеціально для плаванія во льдахъ и поэтому, казалось бы, какъ-разъ годный для упомянутаго рейса. Попытка однако не удалась. „Тулла" встрѣтила въ Карскомъ морѣ массу льда и вернулась назадъ ни съ чѣмъ уже въ началѣ сентября.

Лидъ тѣмъ временемъ самолично спустился внизъ по Енисею отъ Красноярска съ нѣсколькими груженными баржами, вполнѣ расчитывая встрѣтить въ устьѣ вышеупомянутый пароходъ, который приметъ этотъ грузъ. Мало того, Лидъ на небольшомъ пароходикѣ добрался до самой Диксоновой гавани, къ сѣверу отъ устья,—все въ чаяніи встрѣтить „Туллу".

Ради же таможеннаго досмотра груза „Туллы" прибыли изъ самаго Иркутска къ устью Енисея чиновникъ съ двумя солдатами таможенной стражи, т.-е. совершили путешествіе въ 2.610 верстъ, или какъ изъ Рима до Лофотенъ. Кромѣ того, пароходъ поджидало изрядное число полицейскихъ и жандармовъ съ самимъ полицеймейстеромъ и мѣстнымъ приставомъ во главѣ.

Всѣ эти люди и баржи прождали „Туллу" до половины сентября; затѣмъ пришлось имъ отправиться обратно вверхъ по Енисею, чтобы успѣть добраться въ Красноярскъ до ледостава.

Въ нынѣшнемъ году предполагалось сдѣлать попытку посерьезнѣе на пароходѣ „Корректъ", поджидавшемъ насъ въ Тромсё, и самъ Лидъ рѣшилъ на этотъ разъ участвовать въ экспедиціи отъ самой Норвегіи. Грузъ парохода

состоялъ главнымъ образомъ изъ принятаго въ Штеттинѣ цемента, предназначеннаго для Сибирской желѣзной дороги.

Весь вопросъ заключался въ томъ—удастся ли намъ на этотъ разъ пройти намѣченнымъ путемъ или нѣтъ. Въ случаѣ повторной неудачи Обществу пришлось бы отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ, а въ случаѣ удачи наша экспедиція могла положить начало ежегоднымъ морскимъ рейсамъ къ устью Енисея. Итакъ, съ нашею экспедиціей были связаны немаловажные интересы.

Въ самой Сибири установленію подобнаго морского сообщенія съ Европою уже давно придавалось насущное значеніе. Будущее Сибири заключаетъ въ себѣ, готовъ я сказать, неограниченныя возможности, но развитіе ихъ тормозится главнымъ образомъ громадностью разстояній. Желѣзнодорожный путь изъ центральной Сибири, какъ на западъ—къ Балтійскому морю, такъ и на востокъ—къ Тихому океану, настолько длиненъ, что дороговизна провоза препятствуетъ прибыльному вывозу главнѣйшихъ мѣстныхъ продуктовъ: хлѣба, лѣса и т. д.; стоимость провоза отъ мѣста до рынка сбыта этихъ товаровъ сплошь и рядомъ почти равна стоимости самихъ товаровъ.

Но громадныя пространства центральной Сибири,—считая отъ Минусинска, сѣверной Монголіи и границъ Байкала,—имѣютъ отличные водные пути: Енисей и его притоки, обусловливающіе сравнительно дешевый провозъ грузовъ до устья Енисея. Эти годныя къ обработкѣ и плодородныя пространства превышаютъ своею площадью Германію и Францію, вмѣстѣ взятыя; но, къ несчастью, Енисей впадаетъ въ Ледовитый океанъ, гдѣ судоходство затруднено льдами. Если бы тѣмъ не менѣе удалось установить правильные ежегодные рейсы отъ устья Енисея въ Европу и тѣмъ обезпечить болѣе дешевый вывозъ сибирскихъ товаровъ, то это дало бы огромный толчокъ дальнѣйшему торгово-промышленному развитію всей центральной Сибири. Этимъ объясняется повышенный интересъ

тамошняго населенія ко всему, что̀ такъ или иначе связано съ разрѣшеніемъ вопроса о судоходности Карскаго моря. А я-то и не подозрѣвалъ, сколько взоровъ было приковано къ нашей экспедиціи и съ какимъ нетерпѣніемъ ждали ея результатовъ.

Итакъ, мы ѣхали на сѣверъ вчетверомъ. Во-первыхъ, ѣхалъ самъ директоръ-распорядитель Общества, Іона Ивановичъ Лидъ, иниціаторъ экспедиціи, человѣкъ лѣтъ тридцати съ небольшимъ, уже прожившій нѣсколько лѣтъ въ Россіи и въ Сибири и вполнѣ изучившій тамошнія условія. Провидя громадную будущность этой страны, онъ, съ помощью норвежскаго, англійскаго и русскаго капитала, и основалъ „Сибирское Акціонерное Общество пароходства промышленности и торговли".

Условія судоходства по Енисею были имъ изучены основательно, и онъ съ большимъ знаніемъ дѣла и осмотрительностью составилъ весь планъ экспедиціи и снарядилъ самую экспедицію.

Мы, трое остальныхъ: Степанъ Васильевичъ Востротинъ, Іосифъ Григорьевичъ Лорисъ-Меликовъ и я, были приглашены участвовать въ экспедиціи въ качествѣ гостей.

Степанъ Васильевичъ Востротинъ — золотопромышленникъ изъ Енисейска, бывшій городской голова этого города, а въ настоящее время членъ Государственной Думы, представитель края съ почти милліоннымъ населеніемъ. Вотъ страна, достойная зависти! Если бы нашъ стортингъ созывался на такихъ же условіяхъ, въ немъ было бы два съ половиной человѣка, и съ ними было бы полегче сладить, чѣмъ съ нынѣшними 123 депутатами.

Лучшаго спутника по Сибири у насъ и быть не могло. Карское море Востротинъ проѣхалъ во время своего свадебнаго путешествія въ 1894 г., а внизъ и вверхъ по Енисею плавалъ много разъ. Свою родину и свое милліонное населеніе онъ зналъ вдоль и поперекъ и являлся настоящимъ живымъ справочникомъ по всѣмъ интересовавшимъ

насъ вопросамъ относительно условій мѣстной жизни и труда. Кромѣ того, онъ самъ въ девяностыхъ годахъ долгое время состоялъ совладѣльцемъ пароходства по Карскому морю и Енисею и даже пріобрѣлъ для этого предпріятія на собственныя средства нѣсколько пароходовъ. Въ результатѣ потерялъ немало денегъ, но обогатился большимъ личнымъ опытомъ и въ этой области.

Іосифъ Григорьевичъ Лорисъ-Меликовъ много лѣтъ занималъ постъ секретаря при русскомъ посольствѣ въ Христіаніи. Кавказскій армянинъ по происхожденію, онъ долгое время провелъ въ Германіи, учился въ нѣмецкомъ университетѣ и, кромѣ русскаго и нѣмецкаго языковъ, прекрасно владѣлъ норвежскимъ, французскимъ и англійскимъ. Его задачей было между прочимъ подмѣтить и записать особенности юрацкаго, самоѣдскаго и енисейско-остяцкаго нарѣчій, а кромѣ того онъ, разумѣется, въ качествѣ лица, поддерживающаго сношенія между Норвегіей и Россіей, былъ непосредственно заинтересованъ самою экспедиціей, имѣвшею цѣлью открытіе новаго торговаго пути изъ сѣверной Норвегіи въ сердце восточной окраины великаго русскаго государства. Мы же благодаря этому имѣли возможность наслаждаться въ пути обществомъ всегда одинаково любезнаго, предупредительнаго и безукоризненно одѣтаго джентльмена, незамѣнимаго интереснаго собесѣдника, одинаково готоваго какъ лично отпустить остроту, такъ и оцѣнить по достоинству чужое остроуміе, а ко всему прочему патріота, непоколебимо увѣреннаго въ превосходствѣ русской правительственной системы.

Теперь нѣсколько словъ о себѣ самомъ. Какъ и почему собственно я попалъ въ это общество, въ сущности такъ и осталось для меня лично загадкой: меня вѣдь никоимъ образомъ нельзя причислить къ коммерсантамъ, и съ Сибирью я никогда не имѣлъ никакой связи, только проѣхалъ однажды вдоль ея сѣвернаго побережья. Впрочемъ, я всегда живо интересовался этою необъятной окраи-

1. Капитанъ І. Самуальсенъ, 2. І. Г. Лорисъ-Меликовъ, 3. І. И. Лидъ.
4. С. В. Востротинъ, 5. Авторъ.

І. И. ЛИДЪ ВЪ САЛОНѢ (18 АВГ.).

Г. ІОГАНСЕНЪ, ЛОЦМАНЪ, НА МОСТИКѢ (23 АВГ.).

„КОРРЕКТЪ“ ВО ЛЬДАХЪ (18 АВГ.).

„КОРРЕКТЪ“.
Предохранительная обшивка видна съ обѣихъ сторонъ носа, надъ ватерлиніей.

ной и не прочь былъ познакомиться съ нею поближе. Не знаю я также за своей особой какого-либо особаго преимущества, которое могло бы сдѣлать мое присутствіе желательнымъ; развѣ вотъ только то, что я когда-то плавалъ по Карскому морю и вообще обладаю нѣкоторымъ опытомъ по части плаванья во льдахъ. Поэтому, должно-быть, Лидъ нѣсколько разъ и обращался ко мнѣ, чтобы узнать мое мнѣніе о возможности установленія ежегодныхъ рейсовъ черезъ Карское море. Возможно, что у него при этомъ составилось представленіе, что я интересуюсь самымъ вопросомъ, и вотъ въ одинъ прекрасный день я получилъ отъ Сибирскаго Акціонернаго Общества приглашеніе совершить на пароходѣ „Корректъ", въ качествѣ гостя, путешествіе къ устью Енисея. Одновременно пришло отъ Е. Д. Вурцеля, управляющаго казенными сибирскими желѣзными дорогами, необыкновенно любезное приглашеніе проѣхаться съ нимъ дальше вверхъ по Енисею и затѣмъ по желѣзной дорогѣ въ Восточную Сибирь и Пріамурье для осмотра строящейся тамъ новой желѣзной дороги. А русскій министръ путей сообщенія присоединилъ къ упомянутому приглашенію любезное предложеніе считать себя во время всего путешествія гостемъ Россіи.

Почему же мнѣ было не согласиться? Представлялся заманчивый случай совершить путешествіе по Ледовитому океану до Енисея, затѣмъ увидѣть всю Сибирь, до ея крайнихъ восточныхъ границъ, безъ всякихъ затрудненій и хлопотъ. Я какъ-разъ нуждался въ отдыхѣ, лучше использовать свои вакаціи было трудно, и я съ благодарностью изъявилъ свое согласіе.

Е. Д. Вурцель тоже приглашенъ былъ проѣхаться на „Корректѣ" въ качествѣ гостя Сибирскаго Акціонернаго Общества; къ сожалѣнію, станціи безпроволочнаго телеграфа въ Карскомъ морѣ къ тому времени еще не были оборудованы, а отрѣзать себя отъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ и оторваться отъ своей обширной дѣя-

тельности на столь долгій срокъ онъ не могъ, почему принужденъ былъ отказаться отъ морской поѣздки, назначивъ мнѣ черезъ Лида свиданіе въ Красноярскѣ, гдѣ обѣщалъ ждать меня до 25 сентября.

Около полудня 5 августа, въ сѣренькую дождливую погоду, добрались мы до Тромсё. Здѣсь насъ привѣтливо встрѣтилъ бравый капитанъ „Корректа“ Іоганъ Самуэльсенъ. На суднѣ все было готово къ отплытію, и ждали только насъ, чтобы сняться съ якоря. Вѣсти съ востока были однако неблагопріятны. Нѣсколько дней тому назадъ съ Печоры прибылъ пароходъ, который между устьемъ Печоры и Колгуевымъ встрѣтилъ массу пловучаго льда, застрялъ въ немъ и вмѣстѣ съ нимъ несся въ теченіе нѣсколькихъ дней къ сѣверу; только уже въ виду Новой Земли удалось пароходу высвободиться. Словомъ, хорошаго предвидѣлось мало.

Въ Тромсё, какъ въ послѣднемъ городѣ, намъ предстояло немало дѣла. Нужно было отправить телеграммы и письма, а также запастись кое-чѣмъ для предстоявшаго плаванія во льдахъ, между прочимъ купить рукавицы, мѣховыя шапки, теплые шарфы. А Лорисъ-Меликовъ даже пріобрѣлъ себѣ элегантный коричневый мѣховой костюмъ, какъ у шоффера, въ защиту отъ суроваго дыханія Ледовитаго океана.

Неожиданно мнѣ передали привѣтъ отъ капитана Альфреда Ритчера и просьбу навѣстить его въ мѣстномъ католическомъ госпиталѣ, гдѣ онъ лежалъ. Это былъ капитанъ корабля злосчастной Шпицбергенской экспедиціи Шредера-Штранца. Прошлымъ лѣтомъ она отплыла на сѣверъ, а нынѣшнею весною я помогъ германскому Комитету послать ей на помощь экспедицію подъ начальствомъ капитана Стаксруда.

Я отправился въ госпиталь. Красивый и любезный молодой нѣмецкій морякъ, лежавшій въ постели, привѣтствовалъ меня улыбкой. Уже больше семи мѣсяцевъ прошло

съ тѣхъ поръ, какъ бѣднягѣ удалось наконецъ послѣ всякихъ злоключеній и въ ужасномъ состояніи добраться до Адвентъ-Бая на Шпицбергенѣ, а онъ все еще лежалъ въ постели: ему ампутировали ногу.

Онъ разсказалъ мнѣ обо всѣхъ претерпѣнныхъ бѣдахъ, постигшихъ, по его словамъ, экспедицію главнымъ образомъ потому, что среди участниковъ ея не было ни одного опытнаго полярнаго путешественника. Никому изъ нихъ не приходилось раньше бывать въ Ледовитомъ океанѣ или во льдахъ. Разсказалъ онъ и о снаряженіи ихъ экспедиціи и наконецъ о своемъ ужасномъ странствіи отъ бухты Скорби (Трейренбергъ-Бай) на сѣверо-востокѣ Шпицбергена, гдѣ судно было затерто льдами, до бухты Адвентъ въ Исфьордѣ.

Начали они это странствіе въ составѣ семи человѣкъ, но двое сразу же отдѣлились, рѣшивъ итти другой дорогой, и съ тѣхъ поръ пропали безъ вѣсти. Затѣмъ двое остались въ зимовьѣ, такъ какъ одинъ изъ нихъ окончательно выбился изъ силъ. Наконецъ еще трое остались въ другомъ зимовьѣ, подальше къ югу, и вотъ Ритчеръ одинъ-одинешенекъ, среди лютой зимы, безъ спальнаго мѣшка, съ небольшимъ ранцемъ на спинѣ, прошелъ весь этотъ длинный путь, перебрался черезъ горы и черезъ Исфьордъ, гдѣ провалился сквозь тонкій ледъ и едва не утонулъ. Въ концѣ концовъ онъ, терпя невѣроятныя лишенія, добрался-таки до бухты Адвентъ, но при этомъ такъ отморозилъ себѣ одну ногу, что ее пришлось потомъ отнять. Онъ вѣдь не былъ опытнымъ лыжебѣжцемъ!.. Спасли его только выдержка и сила воли, которымъ я и не могъ не подивиться, слушая его подкупающе-скромное повѣствованіе.

Изъ пятерыхъ отставшихъ четверо вернулись обратно на судно въ бухту Трейренбергъ и спаслись, а пятый погибъ въ пути. Изъ троихъ, оставшихся на суднѣ, одинъ умеръ, и наконецъ самъ Шредеръ-Штранцъ съ тремя товари-

щами, ранѣе покинувшіе судно, также пропали безъ вѣсти,— по всей вѣроятности, погибли. Злополучная экспедиція!

Я спросилъ Ритчера: неужели правда, что начальникъ экспедиціи Шредеръ-Штранцъ, покидая судно съ тремя товарищами и намѣреваясь пробраться по льду на сѣверъ отъ Сѣверо-восточной Земли, условился, чтобы судно ожидало ихъ возвращенія вплоть до 15 декабря? Такъ писали въ газетахъ, но я думалъ, что это опечатка: 15 декабря вмѣсто 15 сентября.

— Нѣтъ, — возразилъ онъ: — у насъ было условлено ждать именно до 15 декабря.

Тогда я спросилъ его, неужели они не понимали всей нелѣпости такого уговора? Вѣдь къ тому времени море сплошь покрывается льдомъ, да и, кромѣ того, наступаетъ безпросвѣтный зимній мракъ. Какъ же они расчитывали выбраться тогда со Шпицбергена?

— Ну да,—признался онъ:—вамъ это, конечно, можетъ показаться страннымъ, но всѣ мы ничего не понимали: у насъ вѣдь не было рѣшительно никакого опыта. Я только послѣ понялъ, какъ нелѣпо вообще мы дѣйствовали.

Въ общемъ онъ произвелъ на меня впечатлѣніе открытой и симпатичной личности, а также показался мнѣ энергичнымъ и опытнымъ морякомъ. Теперь онъ сгоралъ отъ нетерпѣнія встать съ постели и снова отправиться къ сѣверу отъ Шпицбергена, чтобы привести обратно свое судно, не допуская даже мысли, чтобы это выполнилъ за него кто-нибудь другой. Я однако высказалъ ему, что, по моему мнѣнію, ему прежде всего слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы окончательно поправиться, а спасеніе судна предоставить другимъ. У него вѣдь была еще долгая жизнь впереди.

Уходя отъ него, я думалъ о томъ, сколько лишнихъ драмъ и трагедій происходитъ изъ-за этого злосчастнаго стремленія неопытныхъ людей въ Ледовитый океанъ и къ полярному кругу. Имѣй участники экспедиціи Шредера-

Штранца хоть нѣкоторый опытъ по части льдовъ и снѣговъ, имъ не пришлось бы испытать всѣхъ этихъ лишен ій Подобныя экспедиціи, право, достаточно опасны сами по себѣ, чтобы еще пускаться въ нихъ безъ необходимаго снаряженія и хоть небольшого опыта. Сколько разъ приходилось мнѣ твердить это нетерпѣливымъ юнцамъ, которые такъ и рвутся сразу отправиться въ путь, но развѣ ихъ переубѣдишь? И развѣ такія скороспѣлыя экспедиціи достигали когда-нибудь какихъ-либо результатовъ?

Многое, впрочемъ, какъ всегда, зависитъ отъ случая; какъ-разъ одновременно, въ августѣ прошлаго года, я находился съ моимъ суденышкомъ на томъ же самомъ фарватерѣ, къ сѣверу отъ Шпицбергена и пролива Гинлопа, всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ ихъ судна. Если бы мы встрѣтились, то, почемъ знать, можетъ-быть, и удалось бы предотвратить катастрофу случайною бесѣдою или маленькимъ совѣтомъ, и всѣ участники злополучной экспедиціи могли бы теперь радоваться жизни вмѣстѣ съ остальнымъ человѣчествомъ.

Впрочемъ, къ чему говорить объ этомъ? Въ то время какъ-разъ стоялъ туманъ, и наши суда, по всей вѣроятности, прошли мимо другъ друга, даже не подозрѣвая объ этомъ.

Наконецъ мы покончили всѣ наши дѣла въ Тромсё. Только Востротинъ не успѣлъ обзавестись моторной лодкой, которую хотѣлъ пріобрѣсти для поѣздки вверхъ по Енисею; но купить здѣсь наспѣхъ такую большую моторную лодку оказалось невозможно. И вотъ послѣ полудня мы вступили на палубу „Корректа“, стоявшаго на якорѣ посреди залива. Праздничный обѣдъ дожидался насъ цѣлыхъ три часа, къ немалому огорченію стюарта, но безъ ущерба для нашего аппетита, и какъ пріятно было попасть съ холода и сырости въ уютную каюту, гдѣ ожидали насъ вкусная ѣда, заздравный бокалъ и самый радушный пріемъ нашего любезнаго капитана.

Капитанъ Самуэльсенъ—запасный офицеръ норвежскаго флота, лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Онъ самъ вмѣстѣ съ владѣльцемъ покупалъ этотъ пароходъ и командовалъ имъ уже нѣсколько лѣтъ, совершая по большей части рейсы съ грузомъ фруктовъ по Средиземному морю. Бравый и опытный морякъ оказался вдобавокъ очень любезнымъ человѣкомъ и пріятнымъ собесѣдникомъ.

Первымъ долгомъ ему нужно было размѣстить насъ на суднѣ, которому предстояло служить нашимъ домомъ, пожалуй, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Но размѣстить четверыхъ требовательныхъ гостей на обыкновенномъ торговомъ пароходѣ, не приспособленномъ для пассажировъ, не такъ-то легко.

По счастью, на немъ имѣлась двухмѣстная каюта для гостей, гдѣ и помѣстились, хотя и тѣсненько, двое иностранцевъ: Востротинъ съ Лорисъ-Меликовымъ. Лиду пришлось войти въ соглашеніе со старшимъ механикомъ, и тотъ предоставилъ ему свою каюту, а самъ перебрался куда-то въ другое мѣсто. Со мною вышло еще хуже: чтобы помѣстить мою скромную особу, великодушный капитанъ уступилъ мнѣ свою собственную каюту и, оставшись безъ каюты, вынужденъ былъ спать въ салонѣ; въ палубной рубкѣ, гдѣ бы онъ могъ пріютиться, помѣщался безпроволочный телеграфъ и телеграфистъ.

Общимъ сборнымъ пунктомъ служилъ уютный салонъ „Корректа“, и во время трапезъ мы бывали тамъ обыкновенно въ полномъ составѣ, т.-е. вшестеромъ: капитанъ, Лидъ, трое гостей и лоцманъ. Часто сиживали мы тамъ и въ остальное время дня и провели въ общемъ немало пріятныхъ часовъ за чтеніемъ, куреніемъ и игрой въ карты, а Лидъ съ Лорисъ-Меликовымъ также за шахматами. Немало времени удѣляли мы и бесѣдамъ, въ которыхъ трактовалось все, что̀ только есть подъ луною, но главнымъ образомъ льды и Ледовитый океанъ.

„Корректъ“, собственность пароходной фирмы Иваръ Ан. Христенсенъ въ Хаугезундѣ, былъ построенъ въ Голландіи въ 1908 году, по всей вѣроятности, для обыкновенныхъ рейсовъ, но являлся отличнымъ, крѣпкимъ судномъ съ толстой стальной обшивкой, вполнѣ пригоднымъ для нашей экспедиціи. Водоизмѣщеніе его равнялось 1550 тоннамъ, длина вдоль палубы 225 футамъ, ширина 33 футамъ и осадка съ грузомъ достигала въ данное время 17 футовъ. На немъ имѣлась машина тройного напряженія, въ 700 индикаторныхъ лошадиныхъ силъ, и скорость его въ тихую погоду доходила до 10 миль въ часъ, но теперь онъ былъ такъ основательно нагруженъ,—главнымъ образомъ бочками съ цементомъ (свыше 1000 тоннъ),—что, возможно, и не развивалъ всей скорости.

Чтобы лучше приспособить судно для плаванья во льдахъ, капитанъ обшилъ носъ парохода дубовыми досками; обшивка эта почти на два фута возвышалась надъ ватерлиніей и спускалась на четыре фута подъ воду. Доски были укрѣплены вертикально, прихваченныя сверху и снизу двумя желѣзными полосами. Лучше было бы, конечно, укрѣпить ихъ горизонтально, но это оказалось слишкомъ затруднительно. Да и такая обшивка принесла большую пользу, выдержавъ немало толчковъ, которые иначе надѣлали бы бѣдъ, и вообще такъ хорошо защищала всю носовую часть судна, что мы безъ особаго риска могли пробираться среди льдовъ по узкому фарватеру.

Спеціально для нашей экспедиціи „Корректъ“ былъ снабженъ безпроволочнымъ телеграфомъ. Высота мачтъ была увеличена, и между ними натянуты пріемники. Аппараты были установлены въ капитанской рубкѣ, гдѣ, какъ я уже упомянулъ, поселился также телеграфистъ. Съ помощью этого телеграфа намъ открывалась возможность сноситься со станціями безпроволочнаго телеграфа на Вайгачѣ, у Югорскаго Шара и на Ямалѣ. Послѣдняя еще только устраивалась, да и первыя, повидимому, еще не были

вполнѣ оборудованы и открыты, но, какъ намъ было сказано, посылать радіотелеграммы уже могли, и во всякомъ случаѣ туда пошли суда съ безпроволочнымъ телеграфомъ, которыя могли давать намъ сообщенія о состояніи льдовъ.

Пока мы шли къ востоку, мы однако такъ и не добились сношеній съ ними, и все время нашъ безпроволочный телеграфъ бездѣйствовалъ.

Команда „Корректа“, какъ это теперь всегда водится на норвежскихъ судахъ, состояла изъ представителей разныхъ національностей. Штурмана, механикъ, а также нѣсколько матросовъ были норвежцы, остальные—англичане, шведы и датчане.

Лоцманомъ для плаванія во льдахъ мы приняли на бортъ въ Тромсё капитана Ганса Кристіана Іогансена, который зналъ фарватеръ по своимъ прежнимъ многочисленнымъ рейсамъ по Ледовитому океану. Во время экспедиціи Норденшёльда на „Вегѣ“ въ 1878 году онъ командовалъ пароходомъ „Лена“, ведя его изъ Норвегіи вдоль береговъ Сибири къ устью Лены. Затѣмъ онъ поднялся по этой рѣкѣ до Якутска, а послѣ того много лѣтъ водилъ пароходы по Ленѣ. Въ 1883—84 г.г. онъ командовалъ пароходомъ Сибирякова „Норденшёльдъ“, съ которымъ долженъ былъ добраться до устья Енисея, но неблагопріятный въ смыслѣ льдовъ годъ, а также другія препятствія помѣшали ему выполнить этотъ планъ. Послѣ того онъ пріобрѣлъ промысловое судно „Гоя“ и нѣсколько лѣтъ плавалъ съ нимъ по Ледовитому океану, пока въ 1901 году не продалъ судна Роальду Амундсену, совершившему на немъ свой знаменитый рейсъ черезъ Сѣверо-западный проходъ. Въ послѣднее время капитанъ Іогансенъ командовалъ небольшимъ пароходомъ „Викторія“, совершавшимъ рейсы по Ледовитому океану. Благодаря своему долголѣтнему опыту въ плаваніи по сѣвернымъ морямъ, онъ, разумѣется, могъ принести нашей экспедиціи большую пользу.

Вторникъ, 5 августа. Подъ вечеръ 5 августа мы наконецъ могли поднять якорь и направиться къ сѣверу черезъ Тромсё-Зундъ, который въ этотъ сѣрый, дождливый день простился съ нами далеко не привѣтливо. Попавшаяся намъ навстрѣчу одинокая моторная лодка подъ управленіемъ незнакомой женщины срѣзала намъ корму, а сама женщина встала во весь ростъ и помахала намъ на прощанье свободной рукой.

Среда, 6 августа. Чтобы отправить послѣднюю почту, мы на слѣдующій день зашли въ Медовую бухту, а въ десять часовъ вечера того же дня уже находились въ открытомъ морѣ, направляясь къ востоку и держа курсъ прямо на Вайгачъ. Мы расчитывали пробраться черезъ Югорскій Шаръ.

Погода была сѣрая, и дулъ противный сѣверо-восточный вѣтеръ, временами переходившій въ восточный. Море было неспокойно, и небольшія волны довольно часто перекатывались черезъ носовую часть „Корректа“, неуклонно двигавшагося на востокъ со скоростью около семи миль.

Судовъ встрѣчается въ этихъ краяхъ немного, и мы, покинувъ Медовую бухту, за весь слѣдующій день встрѣтили одно-единственное—четырехмачтовый парусникъ изъ Архангельска.

Послѣ того мы уже не видѣли надъ волнующеюся свинцово-сѣрою поверхностью моря никакихъ живыхъ существъ кромѣ обыкновенныхъ чаекъ, буревѣстниковъ да изрѣдка темныхъ чаекъ-разбойниковъ, которыя подобно соколамъ кидаются на простыхъ чаекъ, только-что поймавшихъ въ водѣ добычу. Морская тишь оглашается тогда жалобнымъ крикомъ обижаемой птицы, которая всячески старается спастись отъ преслѣдователя, чертя въ воздухѣ зигзаги, но наконецъ выпускаетъ-таки свою добычу изъ клюва. Разбойникъ съ легкостью ласточки сигаетъ внизъ и подхватываетъ добычу, не давъ ей долетѣть до воды; затѣмъ обѣ птицы спокойно разлетаются, каждая въ свою сторону.

Пятница, 8 августа. Большія стаи чаекъ встрѣчаются еще и на второй день послѣ отплытія изъ Медовой бухты. Мы находимся около 70° 45′ сѣверной широты, приблизительно противъ устья Бѣлаго моря и Канина Носа. Присутствіе птицъ доказываетъ, что здѣсь водится разная морская мелюзга и, быть-можетъ, даже рыба.

Вода однако должна быть очень холодна, и поэтому появленіе рыбныхъ стай носитъ довольно случайный характеръ. По всей вѣроятности, здѣсь проходитъ одинъ изъ рукавовъ Гольфстрёма, огибающій съ востока Нордкапъ. Я назвалъ его Нордкапскимъ теченіемъ. Оно идетъ у края наиболѣе низкой отмели, которая тянется къ сѣверу отъ материка и которую мы пересѣкаемъ.

Море здѣсь вообще усѣяно отмелями. Глубина колеблется между 50—90 метрами на всемъ протяженіи къ сѣверу отъ русскихъ береговъ до нашего курса, а къ сѣверу отъ послѣдняго въ самомъ глубокомъ мѣстѣ достигаетъ 300—360 метровъ. Теченіе вслѣдствіе мелководья и неровности дна не отличается особенной силой; образуются всевозможные водовороты, обратныя теченія, и мелкія воды въ теченіе зимы сильно охлаждаются.

Впрочемъ, нѣкоторое вліяніе на состояніе льдовъ въ здѣшнихъ краяхъ теплое океанское теченіе все-таки оказываетъ. Не будь его, это мелководное море было бы вообще гораздо холоднѣе, а зимою охлаждалось бы до точки замерзанія морской воды, отчего покрывалось бы болѣе толстымъ льдомъ, и лѣтомъ для судоходства открывался бы только очень узкій фарватеръ.

Подвигаясь къ востоку, мы все время бросали лотъ, но глубина то и дѣло мѣнялась. То она достигала 200 метровъ, то 100, то всего 70—80. Морское дно здѣсь изобилуетъ впадинами, долинами и возвышеніями.

По моему, дно Баренцова моря, до самаго Шпицбергена и Земли Франца-Іосифа на сѣверѣ, нужно считать частью Европейскаго материка. Когда-то оно было равни-

ной, представлявшей одно цѣлое съ сушей; равнина была изборождена могучими рѣками, между длинными и широкими долинами которыхъ простирались обширныя, но невысокія возвышенности. Со временемъ послѣднія были сглажены движеніемъ ледниковъ и давленіемъ толстаго ледяного покрова, а затѣмъ всю эту часть материка съ возвышенностями и долинами затопило моремъ, которое теперь и волнуется въ безпредѣльномъ просторѣ надъ забытой сушей.

Насъ крайне интересуетъ вопросъ: какъ-то мы будемъ подвигаться дальше къ востоку. За каждой трапезой, собравшись вмѣстѣ, мы обсуждаемъ будущее: легко ли будетъ пройти сквозь льды, и какъ скоро мы доберемся до устья Енисея. Держится пари, а именно Лидъ поспорилъ съ Лорисъ-Меликовымъ, что мы прибудемъ туда до четверга 14 августа.

Нашъ лоцманъ Іогансенъ твердо увѣренъ, что мы вообще доберемся до мѣста назначенія. Какая-то старая гадалка въ Тромсё напророчила ему удачу, но предупредила, что на пути нашемъ встанутъ два затрудненія.—„А ея предсказанія сбываются“,—увѣрялъ онъ. Кромѣ того, она предсказала ему, что онъ заслужитъ во время этого плаванія какую-то особую денежную награду, и онъ все ломалъ себѣ голову, стараясь отгадать — какимъ образомъ. Тутъ Лидъ, оказавшійся страстнымъ охотникомъ и горѣвшій желаніемъ убить медвѣдя, посулилъ 50 кронъ тому, кто высмотритъ звѣря; Іогансенъ и рѣшилъ, что старуха говорила какъ-разъ объ этихъ деньгахъ. Весьма возможно, что, когда мы войдемъ во льды, ему посчастливится высмотрѣть изъ обсерваціонной бочки бѣлаго медвѣдя.

Заходилъ разговоръ и о льдахъ, встрѣченныхъ печорскимъ пароходомъ; я, впрочемъ, не придавалъ этимъ льдамъ особаго значенія для насъ. Дѣло въ томъ, что льды въ этомъ фарватерѣ имѣютъ мало общаго со льдами Карскаго моря. По всей вѣроятности, тотъ пароходъ попалъ

въ ледъ, двигавшійся къ сѣверу отъ западнаго берега Вайгача.

Суббота, 9 августа. Все время дуетъ свѣжій восточный вѣтеръ, и море волнуется, такъ что врядъ ли мы встрѣтимъ тутъ ледъ

Къ одиннадцати часамъ вечера 9 августа мы настолько подвинулись впередъ, что нашъ телеграфистъ сдѣлалъ попытку снестись со станціей у Югорскаго Шара. Динамо-машина гудитъ все сильнѣе и сильнѣе, жалобные призывы уносятся въ ночной просторъ, упорно повторяясь черезъ равные промежутки. Динамо-машина останавливается, и телеграфистъ прислушивается—не будетъ ли отвѣта, но ничего не слышно. Снова гудитъ машина, и раздаются новые жалобные призывы. Затѣмъ снова тишина, и такъ нѣсколько разъ подъ-рядъ, но отвѣта по-прежнему нѣтъ.

Станція у Югорскаго Шара, стало-быть, все еще не готова; но гдѣ же суда съ безпроволочнымъ телеграфомъ, о которыхъ намъ говорили?

Черезъ часъ мы, несмотря на дальность разстоянія, сдѣлали попытку снестись съ Инге, но тоже безъ результата. Изъ Инге должны были въ случаѣ надобности посылать намъ радіотелеграммы, но и оттуда ничего не было слышно. Сообщеніе съ Инге однако хорошо поддерживалось вплоть до второго вечера съ нашего отплытія изъ Медовой бухты (7 августа), т.-е. на разстояніи 230 — 240 миль, тогда какъ нашъ аппаратъ гарантировалъ передачу лишь на разстояніи 150 миль въ ночное время. На третій же вечеръ (8 августа) намъ уже не удалось снестись ни съ Инге ни съ Архангельскомъ

Подъ вечеръ 9-го числа и затѣмъ въ теченіе ночи стояла сѣрая и нѣсколько туманная погода, такъ что мы не видѣли Новой Земли, хотя находились неподалеку отъ нея. Астрономическія вычисленія вполнѣ совпадали съ измѣреніями глубины.

Воскресенье, 10 августа. Въ восемь часовъ утра 10-го мы

наконецъ вполнѣ убѣдились въ близости земли. Это былъ Саханинъ островъ, находившійся на траверсѣ въ 3 миляхъ разстоянія. Лотъ, по словамъ штурмана, показалъ 184 сажени. Такая глубина казалась слишкомъ значительной и наводила на мысль объ ошибкѣ; на самомъ дѣлѣ, должно-быть, было 180 метровъ; однако и указанная глубина была понятна, если мы находились какъ-разъ въ глубокомъ руслѣ, которое тянется вдоль южнаго берега Новой Земли отъ Карскихъ Воротъ.

На O. S. O. сильныя волны, такъ что, несмотря на постоянный восточный вѣтеръ, не могло пригнать льда къ западу отъ Карскихъ Воротъ, и мы надѣемся пройти этимъ путемъ, хотя раньше собирались проскользнуть въ Карское море Югорскимъ Шаромъ.

Стоитъ густой туманъ, но скоро мы должны подойти къ Карскимъ Воротамъ и тогда можемъ забрать больше къ востоку.

Все еще никакихъ признаковъ льда, но волненіе не прекращается. Кажется, мы все-таки пройдемъ. Хорошо бы знать навѣрное. Измѣренія глубины утѣшительны.

Снова пытаемся воспользоваться радіотелеграфомъ. Тутъ, поблизости отъ станціи, сооруженной на Вайгачѣ, вѣдь должно было находиться судно съ безпроволочнымъ телеграфомъ. Отвѣта однако нѣтъ. Идемъ по-прежнему въ густомъ туманѣ.

Около полудня лотъ показалъ 28 саж., затѣмъ 26 и 27. Въ полдень беремъ курсъ на сѣверо-востокъ, чтобы пройти Карскія Ворота, но, едва прошли 3 мили, лотъ показалъ 6, потомъ 4 сажени. Стопъ! Полный ходъ назадъ! Сворачиваемъ на юго-западъ.

Слѣдующее измѣреніе даетъ 12 саж. Гдѣ же мы? Кругомъ плотная стѣна тумана. Не подошли ли ужъ къ Вайгачу? Впрочемъ, быть не можетъ, чтобы мы такъ подвинулись впередъ. Скорѣе всего это Прокофьева банка передъ Кусовымъ Носомъ, находящимся на сѣверной сто-

ронѣ входа въ Карскія Ворота. Тамъ глубина не превышаетъ 2 саж.

Снова беремъ курсъ на востокъ. Лотъ показываетъ 24 сажени. Повидимому, все обстоитъ хорошо: мы миновали мель. Ѣдемъ тихимъ ходомъ. Вдругъ лотъ снова даетъ 6 саж. Снова поворачиваемъ и держимъ курсъ къ югу. Ожиданіе становится болѣе, чѣмъ напряженнымъ. Очевидно, мы попали въ шхеры.

Вслѣдъ затѣмъ лотъ показываетъ 30 саж., затѣмъ 27, потомъ 68, 100, 108 и наконецъ 105. Мы снова поворачиваемъ къ юго-востоку и получаемъ глубину въ 68 саж. Затѣмъ показанія лота становятся равномѣрнѣе, давая по большей части глубину въ 20—30 саж. Въ 1 ч. 42 м. пополудни беремъ курсъ на востокъ, а въ 2 ч. 5 м.— на нордъ-остъ-нордъ.

Тщетно вглядываемся въ густой туманъ, отыскивая острова или материкъ. Глубина все держится ровная между 20—30 саженями, и лишь временами достигаетъ 40 слишкомъ. Намъ думается, что мы пройдемъ Карскія Ворота, такъ и не увидѣвъ земли.

Наконецъ въ 4 ч. 20 м. туманъ отчасти разсѣивается, и мы видимъ впереди, немного правѣе нашего курса, островъ. Это совпадаетъ съ нашими вычисленіями. Должно-быть, это Оленій островъ. Сообразуясь съ этимъ, мы и держимъ курсъ, взявъ на полъ-румба къ сѣверу, чтобы выйти въ открытое море. Странно только, что мы не видимъ Чирячьяго острова, который долженъ находиться поблизости.

Но вотъ впереди показывается еще островъ. Приходится забрать еще больше къ сѣверу. Но тутъ наши расчеты не оправдываются. Мы попадаемъ въ отвратительное теченіе — съ быстринами, пѣнистыми водоворотами и большими блестящими омутами. Намъ это кажется опаснымъ, и мы сворачиваемъ въ сторону. Бросаемъ лотъ, но глубина превышаетъ 30 саж.

Миновавъ островъ, мы увидѣли еще два небольшихъ островка,—должно-быть, острова Янова; первый же былъ дѣйствительно Чирячій. Слѣдовательно, за Оленій островъ мы приняли, по всей вѣроятности, Вороновъ Носъ. Немного погодя мы увидѣли и этотъ островъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ длиннаго мыса.

Теперь намъ все стало ясно. Теченіе отнесло насъ болѣе, чѣмъ на 13 миль къ юго-востоку, да и теперь продолжаетъ сносить съ такой силой, что придется взять курсъ прямо къ сѣверу, чтобы обогнуть землю, минуя быстрину за быстриной.

Нѣсколько часовъ спустя теченіе какъ будто повернуло опять и, вѣрно, понесетъ насъ, куда нужно. Оно по-прежнему сильное и быстрое, но идетъ, должно-быть, къ востоку, такъ какъ подымаетъ волну, и она идетъ съ сѣверо-востока, откуда, къ нашему огорченію, дуетъ теперь вѣтеръ. Утромъ онъ дулъ съ юга, и мы было-радовались этому, такъ какъ онъ угонялъ ледъ къ сѣверу. Потомъ онъ подулъ съ запада, что̀ было уже хуже, а теперь задулъ форменный нордъ-остъ, хуже чего и быть не можетъ, такъ какъ онъ гонитъ ледъ къ юго-западу и къ западу, въ Карское море.

И все-таки мы все еще не видимъ впереди льда; зато поближе къ землѣ порядочное количество сала и разбитаго мелкаго льда. Туманъ такъ и не разсѣялся окончательно, такъ что кругозоръ нашъ невеликъ. Потомъ туманъ снова сгустился, и земля исчезла изъ глазъ. Опять ничего не видно кромѣ тумана надъ головою и вокругъ да волнъ внизу, но теперь мы уже можемъ взять курсъ къ Ямалу, почти прямешенько на остъ-тенъ-нордъ.

Въ туманъ вошли мы въ Карскія Ворота, въ туманъ и вышли изъ нихъ; передъ нами волновалось Карское море, повидимому, совершенно свободное отъ льда; волны шли съ сѣвера.

На „Корректѣ“ воцарилась радость. По мнѣнію Іогансена, мы уже преодолѣли одну изъ тѣхъ трудностей, о которыхъ говорила ворожея въ Тромсё.

Мы было уже рѣшили, что передъ нами открытое море до самаго Енисея, какъ вдругъ въ половинѣ девятаго вечера съ правой стороны показался ледъ. Онъ все приближался и миляхъ въ 20-ти отъ Карскихъ Воротъ окружилъ насъ. Такъ „Корректу“ пришлось познакомиться съ пловучимъ льдомъ.

Оказалось однако, что это были отдѣльные небольшіе обломки рыхлаго и грязнаго льда. Небо нигдѣ не было особенно свѣтлымъ, но свѣтлѣе всего казалось на югѣ, гдѣ, можетъ статься, и былъ ледъ.

Намъ встрѣтилась, очевидно, только узкая полоса льда, тогда какъ подальше къ югу ледъ, должно-быть, двигался болѣе плотными массами, да, судя по окраскѣ неба на сѣверѣ, и тамъ скопилось нѣкоторое количество льда.

Получивъ нѣсколько толчковъ и испытавъ гордость нашего капитана—предохранительную носовую обшивку, вполнѣ оправдавшую надежды, „Корректъ“ снова очутился въ открытой водѣ. Небо впереди было темно-синяго цвѣта, и волны снова шли съ сѣвера. Все говорило о томъ, что передъ нами открытое море.

Около полуночи снова сообщили о большихъ массахъ льда впереди. Мы находились миляхъ въ 34-хъ за Карскими Воротами. Но и на этотъ разъ мы попали только въ узкую полосу мелкаго льда и послѣ часового тихаго хода выбрались изъ него, не сворачивая съ нашего курса, и снова очутились въ широкомъ, открытомъ морѣ, свободномъ отъ льда на всемъ видимомъ пространствѣ.

Впереди, на горизонтѣ, однако что-то бѣлѣетъ. Можетъ статься, тамъ ледъ, но вѣрнѣе—просто облачное небо. Лоцманъ Іогансенъ, стоявшій на своемъ мостикѣ, даже обидѣлся, когда я заговорилъ о возможности встрѣтить тамъ ледъ. По мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся къ вос-

току, вокругъ становится однако все свѣтлѣе; должно-быть, приближаемся къ той свѣтлой полосѣ.

Понедѣльникъ, 11 августа. Дивная ночь, синее небо, открытое море и почти полный штиль. Солнце начинаетъ золотить сѣверное небо и скоро появится надъ морскимъ горизонтомъ во всей своей красѣ.

Море совсѣмъ синее и кажется такимъ безбрежнымъ, что въ три часа утра мы мѣняемъ курсъ, повернувъ почти на нордъ-нордъ-остъ, въ надеждѣ пройти напрямикъ, обогнувъ съ сѣвера Бѣлый Островъ. Твердо увѣренный, что это удастся, я пошелъ спать.

Въ шесть часовъ я проснулся отъ даннаго въ машинное отдѣленіе сигнала убавить ходъ. Стало-быть, опять ледъ. Оказывается, ледъ уже давно виднѣлся съ сѣвера, но теперь появился и впереди. Рѣшено было, что это узкая полоса, и „Корректъ“ врѣзался въ нее, не мѣняя курса. Стоялъ небольшой туманъ.

Мы все дальше и дальше забирались въ полосу льда, и, когда я вышелъ на мостикъ въ девять часовъ, ледъ окружалъ насъ со всѣхъ сторонъ. Впрочемъ, онъ былъ необычайно рыхлый; по большей части это было даже только сало, которое врядъ ли могло продержаться долго, а скорѣе всего должно было окончательно растаять въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Къ востоку и къ сѣверу ледъ однако становился гуще, и казалось безразсуднымъ продолжать путь въ этомъ направленіи; гораздо вѣрнѣе было повернуть обратно въ открытый фарватеръ. Правда, судя по синему цвѣту неба, на востокѣ должна была открыться опять полоса свободной воды, но изъ обсерваціонной бочки ея не было видно, и ледъ всюду къ востоку казался одинаково густымъ. Поэтому трудно было опредѣлить—достаточно ли широка та полоса открытой воды, чтобы „Корректъ“ могъ свободно пройти по ней. До побережья Ямала было еще далеко, и если на всемъ этомъ протяженіи оказался бы ледъ, мы рисковали

быть затертыми, а тогда неизвѣстно, сколько времени пришлось бы просидѣть въ немъ и плыть съ нимъ. Вотъ если бы подъ рукой былъ аэропланъ, который можно было бы послать на развѣдки къ востоку! Тогда мы узнали бы навѣрное—есть ли тамъ свободный проходъ, и могли бы сберечь много дней.

Мы рѣшили взять курсъ на юго-западъ и пошли полнымъ ходомъ, чтобы выбраться изъ льдинъ, а потомъ двинулись прямо на югъ въ надеждѣ обойти ледъ съ юга и оттуда уже взять курсъ на Ямалъ.

Когда идешь по фарватеру съ разбитымъ льдомъ, полезно придерживаться берега. Стòитъ вѣтру хоть немного подуть со стороны земли—ледъ угонитъ отъ берега, и образуется прибрежная полоса открытой воды.

Напротивъ, если стараться пробиться сквозь ледяной поясъ въ открытое море, то рискуешь застрять во льду, и тогда никакой вѣтеръ не будетъ въ силахъ открыть судну свободный проходъ. Вообще вѣтры часто сгущаютъ ледъ съ навѣтренной стороны, тогда какъ съ подвѣтренной онъ разсѣивается.

Полуденная высота дала 70°51′ с. ш., т.-е. мы оказались немного южнѣе, чѣмъ полагали. Долгота по вычисленіямъ равнялась приблизительно 63° в. д.

Дальше къ югу ледъ по краю шелъ не такой густой массой, и мы снова направились къ востоку, въ надеждѣ отыскать свободный проходъ. Черезъ часъ ледъ однако снова сгустился, зато на юго-востокѣ показалась широкая полоса открытой воды, уходившая далеко къ сѣверо-востоку; но къ ней не было прямого доступа, и намъ пришлось потратить немало времени, чтобы обойти ледъ съ юга.

Только въ восемь часовъ вечера мы достигли края льда и могли, обогнувъ его, взять курсъ на востокъ. Тутъ мы попали въ широкій открытый проливъ, тянувшійся къ сѣверо-востоку, насколько хваталъ глазъ изъ обсерва-

ціонной бочки, и почти совсѣмъ свободный отъ льда въ этомъ направленіи. Но съ другой стороны, нѣсколько восточнѣе, опять виднѣлся ледъ, и можно было усомниться. что проливъ идетъ до самой земли.

Мы и рѣшили не пытаться плыть по нему, а взять курсъ къ противоположному краю льда, почти въ юго-восточномъ направленіи.

Глубина оказалась здѣсь значительной: въ одиннадцать часовъ лотъ показалъ 10 саж., но потомъ стало опять мельче.

Вторникъ, 12 августа. Только подъ утро добрались мы до края льда. Теперь мы снова могли итти къ югу, то вдоль льда, то врѣзываясь въ него.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше уклонялись мы къ югу. Показалась земля на южномъ берегу Карскаго моря, и въ теченіе утра мы находились отъ нея не далѣе 6—8 миль, по мнѣнію капитана.

Въ концѣ концовъ онъ нашелъ, что намъ необходимо сдѣлать попытку пробиться сквозь ледъ къ востоку: ледъ тянулся къ югу до самой земли. Сначала „Корректу“ пришлось пробивать себѣ узкій путь между большими льдинами, затѣмъ ледъ сталъ рѣдѣть, и, когда я около девяти часовъ вышелъ наверхъ, мы уже шли по открытой водѣ и могли держать курсъ на сѣверо-востокъ. Погода стояла облачная и туманная. Изрѣдка встрѣчались отдѣльныя льдины, и фарватеръ обмелѣлъ до 11 саж.

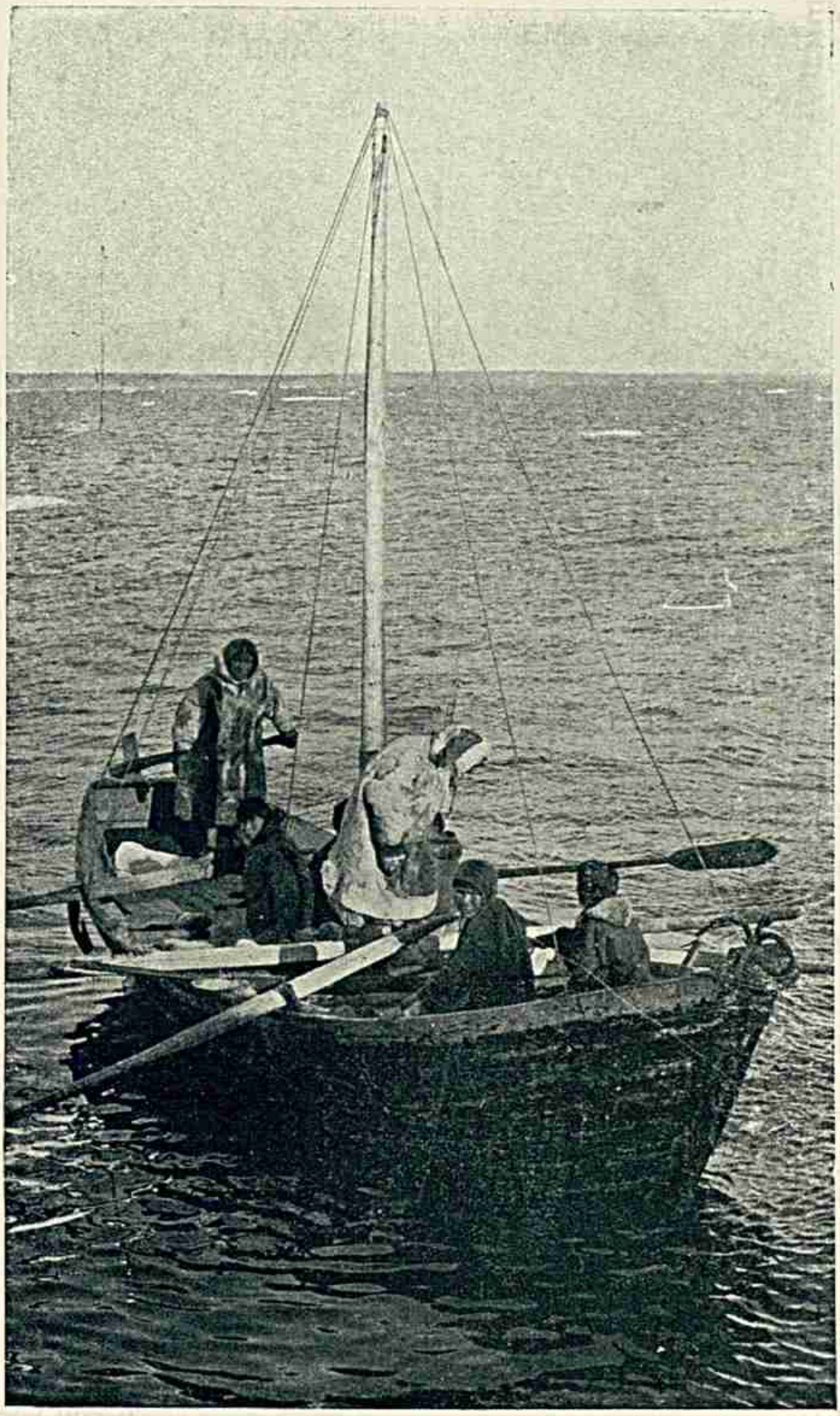
Около одиннадцати часовъ утра мы увидѣли на востокѣ въ туманѣ очертанія низкаго берега. Это былъ Ямалъ—та самая низменная песчаная земля, которую я увидѣлъ впервые въ такой же туманъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Ямалъ напоминаетъ немного Едеръ или Листеръ, хотя берега его значительно выше и скорѣе похожи на западное побережье Ютландіи.

Весь Ямалъ образованъ отложеніями песку, глины и гальки. Берега его круто обрываются въ море, достигая 20—30 метровъ высоты; внутренняя же часть представляетъ

низкую волнистую равнину, поросшую травою и мхомъ, съ разбросаннымъ тамъ и сямъ ивнякомъ, безчисленнымъ множествомъ большихъ и малыхъ озеръ, мелководныхъ рѣкъ и ручьевъ и массой прекрасныхъ пастбищъ. Поэтому лѣтомъ по всему Ямалу, вплоть до крайняго сѣвера, кочуютъ самоѣды со своими стадами.

Мы взяли курсъ къ сѣверу, вдоль берега, и скоро увидѣли впереди на длинномъ мыскѣ высокую вѣху. Должнобыть, это была вѣха, отмѣчающая, согласно русской картѣ, устье рѣки Мора-Яга, къ сѣверу отъ мыса Мора-Сале. Впрочемъ, берегъ на всемъ протяженіи такой плоскій, что трудно отличить одну часть отъ другой.

Пространство свободной воды дальше къ сѣверу сузилось, и, такъ какъ вѣтеръ все время дулъ съ запада, намъ показалось рискованнымъ итти дальше къ сѣверу по открытому проливу вдоль берега. Если бы ледъ сгустился, „Корректу“ могло плохо прійтись у этого берега съ большими отмелями. Мы рѣшили дать себѣ время оріентироваться, и „Корректъ“ легъ въ дрейфъ. Капитанъ могъ пока-что вкусить спокойный и вполнѣ заслуженный сонъ: онъ не раздѣвался съ самаго нашего отъѣзда изъ Норвегіи.

САМОѢДСКАЯ ЛОДКА (къ стр. 33).

САМОѢДЪ И ЗЫРЯНИНЪ (12 АВГ.).

ЗЫРЯНИНЪ И САМОѢДЪ (12 АВГ.).

II. ВИЗИТЪ САМОѢДОВЪ.

Лодка съ самоѣдами.—Самоѣды на „Корректѣ“.—Житье-бытье ямальскихъ самоѣдовъ.—На сѣверъ сквозь ледъ.—Густой ледъ.—Вторая лодка съ самоѣдами.—Ѣдятъ сырую рыбу.—Искусство штурмана.—Еще одна лодка съ самоѣдами.

Западный вѣтеръ медленно несъ „Корректъ“ прямо къ берегу. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ нему, все яснѣе можно было различить людей возлѣ вѣхи. Они толпились на берегу и таращились на насъ. Были ли это самоѣды, или русскіе, прибывшіе сюда для оборудованія станціи безпроволочнаго телеграфа, разобрать было мудрено.

Въ бухточкѣ сѣвернѣе вѣхи оказалась лодка съ мачтой. Наше предположеніе, что это были русскіе, такимъ образомъ получало подтвержденіе, и такъ какъ намъ было важно узнать что-нибудь о состояніи льдовъ, то мы рѣшили побывать на берегу, пока капитанъ спитъ. Но нужно было сперва пообѣдать.

Покончивъ съ ѣдою, мы уже собрались сѣсть въ лодку, какъ вдругъ Іогансенъ крикнулъ намъ изъ обсерваціонной бочки, что отъ берега идетъ къ намъ лодка. И мы съ нетерпѣніемъ стали ожидать разгадки—были ли это самоѣды или русскіе.

Скоро уже можно было различить въ бинокль всѣхъ сидѣвшихъ въ пробивавшейся среди льдинъ лодкѣ. Одѣты

они были во всякомъ случаѣ по-самоѣдски и въ своихъ цѣльныхъ оленьихъ одѣяніяхъ съ капюшонами на головахъ походили, по вѣрному опредѣленію Лорисъ-Меликова, на обезьянъ. Въ лодкѣ находилось шесть человѣкъ, но полъ ихъ не такъ-то легко было различить.

Востротинъ громко крикнулъ имъ что-то по-русски, но они только поклонились въ отвѣтъ по-восточному и замахали руками въ знакъ привѣтствія. Востротинъ крикнулъ снова. Старикъ, сидѣвшій на рулѣ,—по всей вѣроятности, старшина,—всталъ посерединѣ лодки и, согнувшись для поклона, такъ и застылъ, уставясь на насъ непонимающимъ взоромъ, а гребцы перестали грести. Видно, они не понимали ни слова, вотъ и остановились въ нерѣшительности.

Мы привѣтливо замахали имъ и знаками пригласили ихъ на „Корректъ“. Тихо и осторожно подошли они къ трапу, прислушиваясь къ словамъ Востротина, который все время пытался объясниться съ ними.

Оказалось все-таки, что одинъ изъ нихъ немножко понималъ по-русски; онъ былъ изъ-подъ Пустозерска,—по всей вѣроятности, зырянинъ. По отношенію къ самоѣдамъ зыряне являются, по словамъ Востротина, настоящими вампирами. Остальные были самоѣды изъ Обдорской волости.

Зырянинъ объяснилъ, что охотится и ловитъ рыбу въ компаніи со старикомъ. Кромѣ того, у него какъ-будто были олени, но, должно-быть, не пренебрегалъ онъ и торговлей. Съ виду онъ былъ продувной и совсѣмъ не похожъ на остальныхъ. Не безъ гордости повѣдалъ онъ, что шрамъ съ правой стороны рта у нижней губы остался у него отъ удара ножомъ въ дракѣ. И Востротинъ подтвердилъ мнѣ, что зыряне—большіе забіяки, драчуны и охочи до водки, тогда какъ самоѣды вообще народъ смирный, хотя тоже не прочь выпить при всякомъ удобномъ случаѣ.

Старикъ съ просѣдью въ бородѣ, сидѣвшій на рулѣ, тоже былъ какъ-будто не чистокровнымъ самоѣдомъ. Другіе, помоложе, производили болѣе пріятное впечатлѣніе, въ особенности одинъ юноша съ симпатичнымъ, почти красивымъ лицомъ. На видъ ему было лѣтъ 25, и мы узнали, что это онъ построилъ лодку. А еще былъ одинъ съ краснымъ, изрытымъ оспою лицомъ, уродливый и глуповатый.

Мы пригласили ихъ на бортъ, и они полѣзли по веревочному трапу, чисто по-обезьяньи; съ такими же обезьяньими ухватками топтались они затѣмъ по палубѣ и таращились на всѣ диковинки вокругъ. Врядъ ли они когда-нибудь видѣли такое большое судно, и нѣтъ ничего удивительнаго, что они считали своимъ долгомъ пощупать каждый кусокъ драгоцѣннаго желѣза. Ихъ интересовали и желѣзныя штанги, поддерживавшія громадную трубу, и желѣзные тросы, и мачты, и люки. Они заглядывали въ черную бездну машиннаго отдѣленія, прислушивались къ страннымъ звукамъ — визгу и лязгу, доносившимся изъ кочегарки, и, должно-быть, имъ чудился тамъ таинственный подземный міръ.

Въ Лидѣ тѣмъ временемъ проснулся коммерсантъ, и онъ завелъ съ посѣтителями мѣновую торговлю: отобралъ себѣ два ножа съ ножнами и поясами, украшенными металлическими бляшками, и нѣсколько цѣпочекъ, а въ обмѣнъ предложилъ свои вещи, изъ которыхъ особенно импонировалъ самоѣдамъ карманный электрическій фонарь. Одинъ изъ самоѣдовъ не вытерпѣлъ и вымѣнялъ его себѣ.

Разумѣется, онъ произведетъ этой колдовской штукой настоящій фуроръ въ своемъ становищѣ. Но какъ вытянутся у нихъ всѣхъ физіономіи, когда колдовство потеряетъ свою силу, и фонарь не захочетъ больше зажигаться!

Съ палубы гости прошли въ салонъ и осмотрѣли его во всѣхъ подробностяхъ. Для нихъ даже завели граммофонъ, но это не произвело на нихъ особеннаго впечатлѣ-

нія. Оказалось, что они уже слышали граммофонъ въ Обдорскѣ, который оралъ даже громче нашего.

Но затѣмъ ихъ повели въ капитанскую рубку послушать визгъ и гудѣніе безпроволочнаго телеграфа, въ то время когда телеграфистъ выстукивалъ радіотелеграмму. Самоѣды вытаращились, съ открытыми ртами глядя черезъ головы другъ друга, и на лицѣ у нихъ изобразилось нескрываемое почтительное изумленіе. Врядъ ли, впрочемъ, они сознавали, что при помощи всей этой удивительной махинаціи можно посылать вѣсти по воздуху на громадныя разстоянія, но во всякомъ случаѣ имъ было ясно, что они встрѣтились здѣсь впервые съ новой и необычайной силой.

Одежда самоѣдовъ состоитъ по большей части изъ однѣхъ оленьихъ шкуръ и надѣвается, видимо, прямо на голое тѣло: въ прорѣхи одѣяній сквозила смуглая кожа. Покрой одежды одинаковъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ: штаны и родъ балахона съ капюшономъ, такъ что неопытному человѣку не такъ-то легко различить полъ. Мнѣ лично казалось, что всѣ шестеро гостей нашихъ были мужчины, но многіе матросы клялись, что двѣ изъ нихъ были женщины, а телеграфистъ ручался только за одну.

Съ помощью Востротина въ качествѣ толмача, мнѣ удалось узнать, что свою лодку они выстроили сами изъ досокъ, привезенныхъ изъ Обдорска на трехъ саняхъ, связанныхъ между собою и запряженныхъ шестеркой оленей. Легко себѣ представить, что обзавестись при такихъ условіяхъ въ здѣшнихъ краяхъ лодкою—дѣло нелегкое, и имѣютъ лодки на этомъ побережьи лишь немногіе. Охота на морскихъ животныхъ поэтому ведется обычно прямо на льду, вблизи берега.

По приблизительному подсчету, самоѣдское населеніе Ямала состоитъ изъ 350 душъ мужского пола въ возрастѣ отъ 15 до 50 или 55 лѣтъ, которыя обложены податью въ пользу русскаго правительства. Судя по этимъ даннымъ,

общая цифра населенія полуострова вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми приближается къ тысячѣ. Принадлежитъ населеніе къ вѣтви юрацкихъ самоѣдовъ, которые также называются „каменными самоѣдами“ (уральскими), и представляетъ помѣсь съ остяками. Часть ихъ обитаетъ на склонахъ Урала, къ югу отъ границы Ямала, и насчитываетъ тоже около двухъ тысячъ душъ.

Самоѣды изъ Архангельской губерніи, къ западу отъ Урала, также изрѣдка появляются на Ямалѣ, но большинство кочующихъ по Ямалу самоѣдовъ—изъ Обдорской волости.

Въ теченіе года они предпринимаютъ два большихъ странствія. Осенью они направляются со своими оленями въ лѣсистыя области возлѣ Надыма и Обдорска, а зиму проводятъ въ лѣсахъ нижняго бассейна Оби.

На зимней Обдорской ярмаркѣ они сбываютъ пушнину, моржовые клыки, оленьи шкуры, оленину и пр. и запасаются необходимымъ провіантомъ, порохомъ, свинцомъ и пр. Провіантъ въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ муки, бѣлаго хлѣба, масла, чая, табаку, который большинство самоѣдовъ жуетъ, и лишь немногіе нюхаютъ или курятъ. Тѣ, что̀ побогаче, покупаютъ также сахаръ и лучшую пшеничную муку, и, конечно, всѣ, сообразно съ средствами, покупаютъ водку, до которой большіе охотники и которою готовы опиться, сто́итъ имъ дорваться до нея. Въ случаѣ необходимости они покупаютъ водку и въ тундрѣ у запасливыхъ людей, платя иногда по оленю (т.-е. 10 руб.) за четверть.

Въ мартѣ и апрѣлѣ они трогаются въ обратный путь на сѣверъ, къ своимъ пастбищамъ на Ямалѣ *). Путь отъ Обдорска до средняго или сѣвернаго Ямала беретъ почти два мѣсяца, да на обратный путь осенью уходитъ столько же.

---

*) Самоѣдамъ приходится перекочевывать лѣтомъ на сѣверъ, гдѣ холоднѣе, или укрываться въ горы, чтобы оленей не замучили комары и овода.

Такимъ образомъ самоѣды четыре мѣсяца въ году проводятъ со своими чумами въ пути, направляясь къ сѣверу или обратно къ югу. Остальные восемь мѣсяцевъ они живутъ относительно спокойно на Ямальской тундрѣ или въ лѣсахъ около Оби.

Съ ноября по мартъ Ямалъ почти совсѣмъ безлюденъ; остаются лишь отдѣльные самоѣды у Малыгинскаго пролива и по берегу Карскаго моря ради охоты на медвѣдей ранней весной. Случается также, что самоѣдъ остается около Обской губы или у одного изъ большихъ озеръ, такъ какъ у него слишкомъ мало оленей, чтобы предпринимать столь длинное путешествіе на югъ; вотъ ему и приходится пробавляться рыбой. Такіе бѣдняки часто остаются тутъ цѣлыми годами.

На Ямалѣ кочуетъ десять различныхъ племенъ, при чемъ каждое изъ нихъ обычно держится опредѣленной части полуострова и склонно соблюдать границы между пастбищами своего и чужого племени. Каждый чумъ въ свою очередь имѣетъ собственныя оленьи пастбища, хотя тутъ разграниченіе проводится не такъ строго. Въ предѣлахъ своихъ границъ самоѣды и проводятъ лѣто довольно спокойно, мѣняя мѣсто стоянки чумовъ только, когда нужно новое пастбище для оленей.

Кромѣ оленеводства самоѣды занимаются рыбной ловлей въ озерахъ и охотой въ лѣсахъ. Логовища песцовъ они считаютъ своей неотъемлемой собственностью и разставляютъ возлѣ нихъ свои ловушки и капканы.

Вообще самоѣдамъ на Ямалѣ хорошо. Эта страна изобилуетъ обширными тучными пастбищами для оленей, пушнымъ звѣремъ, птицей и рыбой. Поэтому тутъ такъ и много самоѣдовъ. Нѣкоторые оленеводы имѣютъ стада до пяти тысячъ головъ; тѣ же, у кого не болѣе двухъ-трехъ сотъ оленей, считаются мало зажиточными. Бѣдняки, у которыхъ оленей совсѣмъ мало, занимаются рыбной ловлей на побережьѣ, въ особенности къ востоку отъ Оби. Эти само-

ѣды напоминаютъ нашихъ норвежскихъ финновъ, хотя много бѣднѣе. Но, чѣмъ глубже въ Ямальскую тундру, тѣмъ богаче самоѣды.

У зажиточнаго самоѣда бываетъ по два, три, даже по четыре чума съ большимъ количествомъ постелей (обычно, впрочемъ, это просто оленьи шкуры), смотря по числу членовъ семьи. Въ большинствѣ случаевъ самоѣды придерживаются моногаміи, но люди побогаче, а также цѣнители женской красоты, которыхъ среди самоѣдовъ не такъ мало, заводятъ себѣ по двѣ, три, а иногда и по четыре жены, при чемъ у каждой свой отдѣльный чумъ.

За жену платится отъ тридцати до ста оленей, не считая шкуръ и прочихъ даровъ. Отецъ невѣсты даетъ со своей стороны домашнюю утварь, одежду, постель, иногда украшенія, а также парадную повозку, которыя считаются личнымъ имуществомъ жены. Если мужу надоѣстъ лѣнивая жена, отказывающаяся работать, онъ можетъ отослать ее назадъ къ отцу, но тогда мужъ не въ правѣ требовать назадъ уплаченную за нее сумму. Отецъ со своей стороны не всегда остается недоволенъ этимъ, такъ какъ получаетъ возможность продать дочь вторично.

Самоѣды довольно развитой народъ и въ умственномъ отношеніи стоятъ не ниже обыкновеннаго русскаго крестьянина. Разумѣется, высшимъ мѣриломъ культуры является для нихъ Обдорскъ, и они не отказываютъ въ должномъ почтеніи культурѣ, создавшей такой „городъ“, хотя, съ гордостью номадовъ, ставятъ достаточно высоко и собственную, а также свою вольную жизнь въ тундрѣ, гдѣ ни русскіе ни зыряне не могутъ тягаться съ ними.

Встрѣченные нами у Ямала самоѣды имѣли въ общемъ здоровый видъ и показались мнѣ крупнѣе и сильнѣе нашихъ горныхъ финновъ, хотя вообще самоѣдовъ нельзя считать высокими, а скорѣе всего расой средняго или даже немного ниже средняго роста. Кай Доннеръ сообщилъ мнѣ, что, согласно произведеннымъ имъ измѣреніямъ среди раз-

личныхъ племенъ самоѣдовъ, обычный ростъ самоѣда колеблется между 160 и 165 сант., между тѣмъ какъ, напримѣръ, угорскіе остяки достигаютъ 170 сант. Cerebral index у самоѣдовъ около 82, такъ что ихъ приходится скорѣе считать мезоцефалами, тогда какъ у остяковъ 89, и слѣдовательно они принадлежатъ къ брахицефаламъ. Не могу сказать также, чтобы у самоѣдовъ былъ ярко выраженный азіатскій или монгольскій типъ съ выдающимися скулами и сильно раскосыми глазами. Бороды же у нихъ по большей части совсѣмъ нѣтъ, и волосы длинные, черные, а цвѣтъ кожи смуглый. Лица, даже на нашъ взглядъ, встрѣчались довольно красивыя. Навѣрно, въ жилахъ самоѣдовъ течетъ немало русской, а можетъ-быть, и какой-нибудь другой южной крови. Житковъ упоминаетъ, что онъ встрѣтилъ на Ямалѣ двухъ мужчинъ изъ племенъ окотеттовъ и ламду, которые были высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія, съ рѣзкими чертами лица и большими, прямыми, даже, пожалуй, немного орлиными носами. И проводникъ Житкова утверждалъ, что такой типъ часто встрѣчается среди самоѣдовъ дальше къ югу. Житковъ говоритъ также, что подобные типы попадаются подчасъ и среди вогуловъ. Они напоминаютъ сѣверныя племена такъ называемой палеазіатской группы, и какъ самоѣды, такъ и вогулы могли заимствовать нѣкоторыя особенности хотя бы отъ енисейскихъ остяковъ.

У старика-рулевого была, какъ сказано, борода съ просѣдью, и, должно-быть, въ его жилахъ текло немало русской крови. На рыбныхъ промыслахъ на Оби, гдѣ русскіе рабочіе живутъ съ самоѣдами бокъ-о-бокъ, случаи такого скрещиванія расъ очень нерѣдки.

Пока мы занимались съ гостями, погода прояснилась, и мы увидѣли на сѣверѣ широкій фарватеръ. Капитанъ какъ-разъ вышелъ наверхъ послѣ сна, и нужно было подумать объ отъѣздѣ. Когда самоѣды поняли, что имъ пора отправляться во-свояси, они принялись клянчить и упра-

шивать насъ продать имъ водки. Востротинъ однако объяснилъ имъ, отечески покачавъ головой, что на это имъ нечего расчитывать. Убѣдившись наконецъ въ тщетности своихъ просьбъ, они, глубоко разочарованные, полѣзли внизъ по трапу и вернулись въ лодку.

Направляясь на всѣхъ парахъ къ сѣверу, мы могли видѣть, какъ они подняли на лодкѣ небольшой парусъ и направились къ мысу, отъ котораго отчалили. Замѣчательно, что какъ-разъ отъ этого самаго мѣста приплыли два самоѣда къ намъ на „Фрамъ“ 9 августа 1893 года, когда мы остановились тутъ на пути къ востоку въ Ледовитый океанъ и къ полюсу. Боже мой, какъ быстро летитъ время! Неужели это въ самомъ дѣлѣ было двадцать лѣтъ тому назадъ!

Немного позже шести часовъ вечера мы двинулись дальше среди совершенно рыхлаго льда, а скоро вошли и въ почти свободное отъ льда море, которое довольно сильно волновалось. Дальше на западъ, т.-е. тамъ, откуда шли волны, море казалось совсѣмъ чистымъ; тотъ ледъ, вдоль края котораго мы шли къ югу, двигался, по всей вѣроятности, довольно узкой полосой.

Мы шли къ сѣверу полнымъ ходомъ всю ночь, встрѣчая лишь тамъ и сямъ отдѣльныя льдины.

Среда, 13 августа. Въ половинѣ пятаго утра мы встрѣтили болѣе густой ледъ, и, такъ какъ одновременно поднялся туманъ, мы должны были сильно убавить ходъ. Попадались большія плоскія ледяныя поля, до полумили въ длину, и намъ то-и-дѣло приходилось поворачивать обратно. Подъ конецъ ледъ впереди сильно сгустился, и въ семь часовъ мы бросили якорь на глубинѣ 10 саж. На якорѣ мы простояли весь день. Вѣтеръ дулъ съ сѣверо-запада, время отъ времени стихая совсѣмъ.

Къ полудню туманъ разсѣялся, и мы увидѣли чистое небо и солнце. Къ сѣверу и сѣверо-западу до самаго горизонта, а также до береговыхъ отмелей тянулся плотною

бѣлою массой ледъ; нигдѣ ни малѣйшаго признака свободнаго прохода. Небо на сѣверѣ было однако темно-синяго цвѣта, такъ что до открытой воды не могло быть особенно далеко. Только вдоль земли, въ томъ же направленіи, небо казалось блѣднѣе; стало-быть, тамъ ледъ былъ плотнѣе, нежели подальше отъ берега. На западѣ, судя по цвѣту неба, открытая вода тоже была недалеко. Полуденная высота дала 71°2′ с. ш., и согласно вычисленіямъ мы находились подъ 66°27′ в. д.

Послѣ обѣда намъ сообщили, что снова видна лодка. Это было нѣкоторою неожиданностью здѣсь, среди льда и на такомъ далекомъ разстояніи отъ берега. Оказалось, что это самоѣдская лодка съ пятью гребцами. По-русски и они не понимали почти ни слова.

Рулевой развалился на кормѣ, словно паша. По всей вѣроятности, это былъ старшина. Онъ необыкновенно походилъ на китайца, какъ и гребецъ, сидѣвшій на носу. Въ серединѣ помѣщался человѣкъ ужаснаго вида — безносый и съ дыркой вмѣсто рта. Онъ напоминалъ прокаженнаго, но скорѣе всего былъ сифилитикъ. У второго человѣка, сидѣвшаго на средней банкѣ, было опухшее, красное лицо, все въ рябинахъ и рубцахъ,—должно-быть, отъ оспы, если только не отъ сифилиса.

Имъ было разрѣшено подняться на палубу „Корректа“, и они такъ же тщательно ощупывали все и глазѣли кругомъ. Бесѣда же у насъ не клеилась, такъ какъ запасъ русскихъ словъ у нихъ быстро изсякъ, и объясняться пришлось жестами.

Когда они снова спустились въ свою лодку, стюартъ подарилъ имъ хлѣба, что ихъ крайне обрадовало; впрочемъ, бутылка виски произвела на нихъ несравненно большее впечатлѣніе. Она немедленно пошла въ круговую, ото рта ко рту, но затѣмъ ею снова овладѣлъ старшина, который не захотѣлъ удовольствоваться одной порціей. Физіономія его такъ и сіяла, когда онъ, поднявъ бутылку по

направленію къ намъ, съ довольнымъ видомъ похлопалъ себя по животу.

Гости въ свою очередь показывали намъ разныя вещи, но все больше малоцѣнныя, и вынули изъ сажалки въ лодкѣ рыбу въ родѣ сига, — насколько я могъ судить, максуна, который водится и въ Енисеѣ; это широкая рыба съ крупной блестящей чешуей и сравнительно маленькой головой; самые крупные экземпляры были, пожалуй, съ футъ длиною. Первый предложенный намъ максунъ оказался плохо посоленнымъ и попахивалъ не слишкомъ пріятно. Другіе были посвѣжѣе; изъ нихъ-то мы и получили нѣсколько штукъ въ подарокъ,—видимо, въ отплату за то, что̀ гости получили отъ насъ. Вечеромъ мы попробовали одну рыбу, но она тоже оказалась несвѣжей. Когда мы спросили, гдѣ рыба поймана, самоѣды ткнули пальцемъ по направленію къ землѣ, но, подразумѣвали ли они при этомъ берегъ моря или отдаленную отъ берега часть Ямала, я такъ и не понялъ. Вѣрнѣе, впрочемъ, что эту рыбу ловятъ въ озерахъ, удаленныхъ отъ побережья.

Потомъ они очистили отъ чешуи нѣсколько сырыхъ рыбъ и принялись ѣсть. Разрѣзавъ рыбу въ длину на двѣ части, они засовывали одинъ конецъ въ ротъ и затѣмъ отрѣзали кусокъ ножомъ у самыхъ губъ, не выпуская изъ рукъ другого конца. Совсѣмъ такъ же ѣдятъ эскимосы; только тѣ отрѣзаютъ засунутые въ ротъ куски мяса или рыбы сверху внизъ, а эти рѣзали снизу вверхъ. И тѣ и другіе дѣйствуютъ ножомъ очень ловко, такъ что ни носъ ни губы не подвергаются опасности быть отрѣзанными. Чтобы проглотить такимъ манеромъ большую сырую рыбу, потребовалось не много времени.

Еще у нихъ въ лодкѣ былъ небольшой тюлень, котораго они подстрѣлили. Охотились они съ ружьями и норвежскимъ китобойнымъ гарпуномъ.

Въ то время какъ они стояли у льдины передъ носомъ „Корректа“, на поверхность воды вынырнулъ тюлень.

Одинъ изъ самоѣдовъ выстрѣлилъ по нему дробью, но тюлень успѣлъ погрузиться, прежде чѣмъ лодка подоспѣла къ нему. Самоѣдъ метнулъ-было въ воду гарпунъ, но промахнулся. Увидавъ, что тюлень раненъ, всѣ самоѣды подняли невообразимый гамъ и возню въ лодкѣ, отчего много проиграли въ моихъ глазахъ, какъ охотники, особенно по сравненію съ эскимосами, которые ведутъ себя на охотѣ очень сдержанно.

На буксирѣ у нихъ была вторая лодка, поменьше, всего футовъ двѣнадцати въ длину; должно-быть, спеціально для охоты на тюленей, къ которымъ надо подбираться поближе. Большая же лодка имѣла въ длину, пожалуй, футовъ двадцать, если не больше.

Пока мы, сидя въ пароходной шлюпкѣ около той же льдины, старались калякать съ ними и осматривали ихъ пожитки, они вдругъ принялись на-перебой кричать что-то другъ другу. Мы оглянулись: нашъ штурманъ ѣхалъ въ шлюпкѣ, управляясь однимъ весломъ, вставленнымъ въ кормовую уключину. Самоѣды показывали на него пальцами, покатывались со смѣху и орали во всю глотку. Это зрѣлище поразило ихъ, кажется, больше всего остального, что̀ они видѣли у насъ. Человѣкъ, двигавшій лодку впередъ, вертя всего однимъ весломъ позади кормы, явился для нихъ чѣмъ-то совершенно новымъ и неизвѣстнымъ, и ликованіе ихъ достигло своего апогея, когда штурманъ наддалъ ходу, такъ что вода у носа лодки запѣнилась.

Они все еще стояли по сосѣдству съ нами, когда намъ крикнули съ судна, что плыветъ еще одна лодка, которая скоро дѣйствительно подошла къ намъ. На кормѣ сидѣлъ пожилой человѣкъ, очевидно—старшина, съ короткой рѣденькой бородой и ребенокъ лѣтъ трехъ-четырехъ,—должно-быть, юный наслѣдникъ, котораго отецъ съ гордостью показалъ намъ и заставилъ его раскланяться съ нами.

Кромѣ того, въ лодкѣ находились еще четыре человѣка. Одинъ изъ нихъ былъ совсѣмъ смуглый и очень

САМОѢДЫ ВЪ ЛОДКАХЪ У ТРАПА „КОРРЕКТА“ (вечеръ 13 АВГ.).
Впереди видна маленькая охотничья лодка.

СТАРШИНА, ОСЧАСТЛИВЛЕННЫЙ БУТЫЛКОЙ ВИСКИ (13 АВГ.).

САМОѢДЫ ВЪ ЛОДКАХЪ (13 АВГ.).
Справа ѣдятъ сырую рыбу.

скуластый, самаго дикаго вида. Скорѣе всего это была женщина.

Новоприбывшіе также знали по-русски не больше двухъ-трехъ словъ, и намъ ничего не удалось разузнать отъ нихъ.

Прежде чѣмъ они успѣли подойти и стать подлѣ насъ, сидѣвшіе въ первой лодкѣ опять закричали на-перебой, торопясь сообщить новоприбывшимъ о томъ, какъ штурманъ гребъ на шлюпкѣ однимъ весломъ. Сообщеніе вновь вызвало всеобщее веселье.

Новоприбывшіе выразили желаніе купить хлѣба и чаю, но у насъ, къ сожалѣнію, не было для продажи ни того ни другого; нѣсколько кусковъ хлѣба они, впрочемъ, получили, да еще орѣховъ и шоколаду для ребенка, который медленно набилъ себѣ полный ротъ, давая этимъ понять, что лакомства пришлись ему по вкусу.

И эта лодка вела на буксирѣ вторую, поменьше, для охоты, а кромѣ того еще совсѣмъ маленькую, игрушечную лодку длиною въ одинъ футъ, которую старшина поднялъ и показалъ намъ, какъ только замѣтилъ, что мы обратили на нее вниманіе. Это, видимо, была игрушка наслѣдника. По всей вѣроятности, и первая изъ прибывшихъ лодокъ и вторая выѣхали за тюленями, какъ вдругъ охотники увидѣли большой черный пароходъ — вотъ и пріѣхали къ намъ въ гости.

Самоѣды лопотали между собою безъ умолку; имъ было о чемъ поразсказать другъ другу, но для насъ языкъ ихъ былъ совершенно непонятенъ. Время шло, а они все стояли на мѣстѣ, не выказывая ни малѣйшаго желанія уѣхать.

Въ половинѣ десятаго багровый дискъ солнца скрылся за льдомъ. Море между льдинами было гладкое, какъ зеркало; стоялъ полный штиль. На югѣ виднѣлась полоса синяго, какъ датскій фарфоръ, тумана. Льду было все такъ же много, но можно было надѣяться, что его пронесетъ помаленьку съ помощью утренняго восточнаго вѣтра.

Мы сошли внизъ поужинать, а самоѣды все не трогались съ мѣста. Когда мы снова вышли наверхъ, ихъ однако уже не было,—уѣхали.

Намъ не оставалось ничего лучшаго, какъ покурить да перекинуться въ карты. Играли мы большей частью въ бостонъ.

III. СКВОЗЬ ЛЕДЪ КЪ СѢВЕРУ ВДОЛЬ ЯМАЛА.

Ледъ и безжизненный фарватеръ.—Жизнь на „Корректѣ“.—Большія поля тонкаго льда.—Ледъ на мели.—Опасный ледяной торосъ.—Туманъ и ледъ.—Сплошной ледъ.—Грязный ледъ въ Ледовитомъ океанѣ.—Моржъ.—Ледъ сгущается.—Вѣтеръ разгоняетъ ледъ.—Открытая береговая вода.—Вышли изъ льдовъ.

Мы простояли на якорѣ всю ночь и весь слѣдующій день. Ледъ двигается удивительно медленно. Мы видимъ подолгу одну и ту же льдину. Сначала ледъ гонитъ приливомъ къ югу вдоль берега, а потомъ отливомъ обратно къ сѣверу. Послѣ обѣда ледъ задвигался чуть-чуть быстрѣе.

Четвергъ, 14 августа. Какой безжизненный фарватеръ! Развѣ одинокій тюлень высунетъ голову и вытаращится на насъ, а то все кругомъ безжизненно и мертво. Изъ птицъ видны только небольшія стаи полярныхъ гусей, да изрѣдка мелькнетъ одинокая чайка, кайръ же совсѣмъ нѣтъ. Такого отсутствія птицъ я что-то и не запомню въ Ледовитомъ океанѣ.

Не приходилось мнѣ еще и стоять на якорѣ между льдинъ. Принято укрѣпляться къ какой-нибудь льдинѣ, но у насъ нѣтъ ледяныхъ якорей, да, оказывается, можно обойтись и безъ нихъ.

Вѣтра нѣтъ; лишь временами потянетъ легонько съ востока или съ сѣверо-востока. Весь день виситъ туманъ, и кругозоръ невеликъ. Льду вокругъ какъ-будто много,

и намъ никуда нельзя двинуться, пока туманъ не разсѣется. Не остается ничего другого, какъ возможно пріятнѣе проводить время въ салонѣ. Лидъ съ Лорисъ-Меликовымъ сражаются въ шахматы. Капитанъ куритъ трубку съ длиннымъ чубукомъ и слѣдитъ за ихъ турниромъ или развлекается чтеніемъ. Мы съ Востротинымъ фотографируемъ и проявляемъ снимки. Иногда въ нашей работѣ принимаютъ участіе и Лидъ съ Лорисъ-Меликовымъ. Они устроили темную камеру изъ ванной и каюты для гостей; я продѣлалъ то же самое съ капитанской каютой, въ которой помѣщаюсь. Время отъ времени въ салонъ заглядываетъ Іогансенъ и разсказываетъ о Сибири, о своихъ плаваніяхъ по Карскому морю, по Ледовитому океану и объ экспедиціи Норденшёльда.

Потомъ является стюартъ накрывать на столъ, и шахматистамъ съ фотографами приходится очистить мѣсто. Слѣдуетъ пріятная трапеза, а за нею нескончаемые разговоры. Послѣ ужина совершается прогулка вокругъ палубы для обозрѣнія того, что̀ творится и на „Корректѣ“ и за бортомъ, а завершается вечеръ карточною партіей.

Вечеромъ ледъ задвигался быстрѣе, и на нашу долю выпало немало толчковъ отъ проходившихъ вдоль борта льдинъ. Въ полночь, когда мы играли въ бостонъ, на носъ „Корректа“ стало наносить громадную льдину, такъ что пришлось стравить якорь, а затѣмъ сняться съ якоря и обойти льдину. Но разъ мы уже сдвинулись съ мѣста, то могли, по мнѣнію капитана, съ такимъ же успѣхомъ пробираться сквозь ледъ къ сѣверу до открытой воды.

Разглядѣть что-нибудь не было возможности, но мы все-таки шли вплоть до пяти часовъ утра, когда снова пришлось стать на якорь, и успѣли пройти впередъ 11 миль. Глубина держится приблизительно на одномъ уровнѣ; здѣсь она достигаетъ 9½ саж.

Пятница, 15 августа. На слѣдующій день передъ обѣдомъ туманъ значительно порѣдѣлъ, и теперь изъ бочки

можно было различить на сѣверѣ большое пространство открытой воды. Показалась и земля. Та же самая плоская равнина съ плоскимъ песчанымъ побережьемъ, надъ которыми возвышались крутые обрывы, какъ и всюду вдоль Ямала.

Курсъ былъ взятъ на сѣверъ, но туманъ снова сгустился, и трудно было различить что-нибудь. Мы шли тихимъ ходомъ по свободному каналу, который былъ виденъ изъ бочки, но три часа спустя очутились во льдахъ и были вынуждены снова остановиться и ждать.

Ледъ былъ рыхлый и тонкій. Виднѣлись ледяныя поля длиною съ милю, но тоже рыхлыя, всѣ въ скважинахъ и промоинахъ. Прямо удивительно, какъ они вообще не расползлись совсѣмъ. Это показывало, насколько вообще слабо двигался ледъ. Первый же сильный вѣтеръ долженъ былъ разбить эти льдины въ мелкіе куски, которые не замедлили бы исчезнуть совсѣмъ. Врядъ ли онѣ приплыли издалека: вѣрнѣе, это былъ ледъ, уцѣлѣвшій съ зимы гдѣ-нибудь тутъ, поблизости.

Къ сѣверу отъ насъ ледъ сгустился, но, судя по синей полосѣ на небѣ, не очень далеко должно было находиться порядочное пространство свободной воды; только бы пробраться туда! Глубина мало мѣнялась; такъ, сейчасъ мы стояли на якорѣ на глубинѣ 9 саж. Днемъ теченіе было мало замѣтно; похоже было, что оно мѣнялось вмѣстѣ съ приливомъ и отливомъ, какъ и раньше; зато около часу ночи, который снова засталъ насъ за игрой въ бостонъ, теченіе понесло ледъ къ югу со скоростью почти одной мили въ часъ.

Суббота, 16 августа. Къ слѣдующему утру ледъ значительно порѣдѣлъ, и мы могли сняться съ якоря и двинуться къ сѣверу. Глубина продолжала держаться на уровнѣ 9 саж., но потомъ немного убавилась, въ особенности, когда намъ пришлось слегка забрать къ берегу.

По направленію къ берегу виднѣлись одинокіе ледяные массивы, сидѣвшіе на мели. Вдругъ мы замѣтили впереди

небольшую глыбу, которая, повидимому, тоже засѣла на мели, такъ какъ около нея образовался порядочный водоворотъ. Лотъ показалъ 6 саж., потомъ 5½, 4½, снова 4½, затѣмъ уже 4, 3¾ и снова 4. Такъ какъ „Корректъ“ сидѣлъ въ водѣ 17 футовъ (т.-е. 3 сажени) *), то подъ килемъ оставалось не много воды, но въ виду того, что дно здѣсь было не скалистое, а песчаное, вдобавокъ хорошо выровненное и сглаженное льдомъ, нечего было опасаться рѣзкаго измѣненія глубины.

Все-таки благоразумнѣе было убавить ходъ и обогнуть глыбу, которая не могла находиться на особенно глубокомъ мѣстѣ, такъ какъ размѣры ея были невелики. Около нея, какъ сказано, образовался довольно сильный водоворотъ. Когда мы миновали глыбу, стало опять поглубже, около 5 саж., и такая глубина держалась довольно ровно.

Показалась открытая вода, и мы могли долгое время итти полнымъ ходомъ, держа курсъ на сѣверъ вдоль земли; часто попадали въ полосу тумана, но временами было довольно ясно.

Около полудня свободный проходъ закрылся, и мы бросили якорь у большого ледяного тороса, сидѣвшаго на мели. Высота его превосходила 20 футовъ, и вершина приходилась почти вровень съ носомъ „Корректа“; бока были довольно прямые, отвѣсные, и намъ удалось взобраться на ледъ по трапу, спущенному съ бака. Глубина моря въ этомъ мѣстѣ, какъ это ни странно, достигала 11¾ саж.

Торосъ прорѣзывался посерединѣ туннелемъ, по которому мы могли пройти въ лодкѣ; какъ оказалось, этотъ туннель дѣлилъ торосъ на двѣ глыбы; одна изъ нихъ, къ которой мы причалили, была сравнительно высока и узка, и можно было опасаться, что она опрокинется, какъ только вода прибудетъ. Такимъ образомъ близкое сосѣдство съ нею заставляло призадуматься: мы могли легко получить

*) Норвежскіе и датскіе аршинъ и сажень меньше соотвѣтствующихъ русскихъ мѣръ.

ударъ потяжеловѣснѣе, чѣмъ это было желательно. Поэтому мы снова отчалили и бросили якорь на нѣкоторомъ разстояніи.

Особенно настаивалъ горячо на томъ, чтобы уйти подальше, старина Іогансенъ, и онъ оказался правъ. Ночью глыба дѣйствительно перевернулась, и старикъ, выйдя наверхъ и увидавъ это, немало гордился своей предусмотрительностью.

Встрѣчаемые въ Ледовитомъ океанѣ ледяные массивы имѣютъ, пожалуй, нѣкоторое сходство съ маленькими ледяными горами, или „эйсбергами“, но ихъ не слѣдуетъ смѣшивать. Ледяныя горы—материковаго происхожденія и образуются изъ ледниковаго льда, сползающаго въ море, гдѣ онъ уже распадается на части. Въ Карскомъ морѣ о такихъ ледяныхъ горахъ не можетъ быть и рѣчи. У береговъ Новой Земли, правда, образовываются небольшія ледяныя горы, но съ ними не стоитъ считаться. Попадаются также отдѣльныя маленькія ледяныя горы или обломки таковыхъ близъ Земли Франца-Іосифа и около Шпицбергена, но и онѣ не долго плаваютъ по морю; большинство ихъ быстро разрушается.

Ледяные массивы въ Карскомъ морѣ, какъ и въ Ледовитомъ океанѣ вообще, создаются путемъ нагроможденія пловучихъ льдинъ подъ напоромъ вѣтра и теченія; такія нагроможденія, называемыя торосами, достигаютъ высоты 20—30 футовъ надъ водою. Если же принять въ расчетъ, что пловучій морской ледъ имѣетъ подводную часть въ девять или десять разъ больше надводной, то будетъ понятно, какія громадныя ледяныя массы скрываются въ морѣ подъ этими торосами. Нагроможденныя другъ на дружку льдины быстро смерзаются въ плотную массу, которая не скоро таетъ. Лѣтомъ, когда ледъ приходитъ въ движеніе и трескается, торосы отдѣляются отъ плоскихъ льдинъ и носятся по морю или остаются на мели, и можетъ пройти цѣлый годъ, пока они наконецъ растаютъ.

Воскресенье, 17 августа. Утромъ былъ снова туманъ. Этотъ вѣчный туманъ является однимъ изъ главныхъ затрудненій во время плаванія среди льдовъ. Онъ мѣшаетъ оріентироваться и пользоваться открывающимся среди льдинъ фарватеромъ: того и гляди врѣжешься въ плотную массу льда, изъ которой и не выберешься.

И ледъ какъ-разъ двигался теперь густыми массами, гонимый южнымъ вѣтромъ, который къ полудню нѣсколько окрѣпъ.

Несмотря на туманъ, мы было-шли нѣкоторое время къ сѣверу, но скоро остановились опять, такъ какъ туманъ не разсѣивался, и ледъ сильно сгустился въ сѣверо-западномъ направленіи. Такимъ образомъ мы рисковали слишкомъ сильно уклониться отъ нашего курса въ противоположную отъ берега сторону. Лучше ужъ было держаться берега, такъ какъ тамъ скорѣе можно было встрѣтить открытую береговую полосу воды, ведущую къ сѣверу; для образованія такой полосы достаточно было, чтобы вѣтеръ нѣсколько измѣнилъ направленіе. Къ несчастью, онъ становился скорѣе юго-западнымъ и грозилъ пригнать ледъ къ берегу, хотя пока-что его все еще несло какъ будто вдоль берега, къ сѣверу.

Да, когда приходится пробираться сквозь льды, главное—терпѣніе и терпѣніе. Надобно ждать и надѣяться на лучшія времена. Вотъ и теперь мы стоимъ въ туманѣ среди льда. Слишкомъ знакомая картина—голая, безотрадная пустыня!..

Около десяти часовъ вечера туманъ слегка разсѣялся, и подальше къ сѣверу показался какъ-будто мелкій талый ледъ. Капитанъ приготовился провести всю ночь на мостикѣ, и мы продвинулись немного впередъ по открывшейся свободной водѣ, но уже черезъ часъ пришлось снова остановиться. Впереди во всѣ стороны простирался такой плотный ледъ, какого мы еще и не встрѣчали. Пришлось стать на якорь въ бухточкѣ у края льда.

Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы могла уцѣлѣть такая широкая полоса льда, не распавшись на части. Теперь, около полуночи, погода прояснилась, и я все-таки конца не вижу этой ледяной равнинѣ ни по направленію къ берегу, который все еще въ туманѣ, ни къ сѣверо-западу, въ морѣ. По всей вѣроятности, тутъ все время стояла тихая погода, не было ни волнъ ни вѣтра.

Глубина достигла 15 саж., и лотъ-линь совершенно не отклонялся въ сторону; значитъ, теченія не было никакого. Вѣтеръ — слабенькій вестъ-нордъ-вестъ. Съ запада доносится шумъ, который можно принять за шумъ прибоя, но, вѣрнѣе, всего это обманъ слуха,—просто плещутся въ полыньяхъ волны о края льдинъ.

Меня все время занимаетъ этотъ нераспавшійся на части ледъ. Я не могу подыскать этому явленію другого объясненія, чѣмъ то, что ледъ частью сидитъ на мели своими глыбами и торосами, которые виднѣются тамъ и сямъ вдали, и кромѣ того, быть-можетъ, это береговой ледъ, оставшійся тутъ съ зимы.

Понедѣльникъ, 18 августа. Мы стоимъ на якорѣ у того же края льда весь день. Наконецъ-то наступила ясная, солнечная погода и задулъ слабый вѣтерокъ съ сѣверо-запада! Изъ бочки видна за сѣвернымъ краемъ громаднаго ледяного поля, т.-е. приблизительно на разстояніи 6 миль, открытая вода, которая уходитъ на нордъ-вестъ-нордъ. А на сѣверо-западѣ, насколько хватаетъ глазъ, тянется ледъ, пожалуй, миль на 10, хотя синее небо на горизонтѣ и указываетъ, что за нимъ все-таки есть открытая вода. На западѣ виднѣется полынья, идущая къ сѣверу и затѣмъ почти на вестъ-нордъ-вестъ,—должно-быть, вдоль края неподвижнаго льда. Въ томъ же направленіи, подальше въ морѣ, виднѣется много такихъ полыній, но въ настоящее время врядъ ли можно пройти по нимъ. А вотъ стоило бы вѣтру хоть слегка подуть съ востока — образовался бы открытый фарватеръ, т.-е. при условіи, что эта сплошная

масса льда не оторвалась бы отъ берега; впрочемъ, въ такомъ случаѣ открылся бы свободный проходъ у берега.

Довольно странно, что мы вообще не видимъ земли, а только сплошной ледъ. Должно-быть, земля порядочно далеко, и, стало-быть, это ледяное поле имѣетъ въ длину самое меньшее 20—25 миль.

Полуденная высота дала 71°29′ с. ш.

Мы совершили прогулку на ледъ, захвативъ съ собою лыжи, но ледъ оказался поразительно неровнымъ. Почти негдѣ было и разбѣжаться хорошенько: повсюду торчали крупные и мелкіе торосы, а мѣстами шли большія полыньи. Утомительная вышла прогулка.

По всей вѣроятности, тутъ осѣли на мели еще прошлою осенью старыя неровныя льдины и торосы, которые затѣмъ смерзлись вмѣстѣ. Почти весь этотъ ледъ очень грязенъ, и всѣ бугры и края его сильно закруглены, такъ что, всего вѣроятнѣе, большая часть его уцѣлѣла еще съ прошлаго лѣта. Въ общемъ онъ уже настолько рыхлъ, что вдоль и поперекъ изрѣзанъ большими трещинами и полыньями. Кажется, первый сильный вѣтеръ долженъ взломать его и разсѣять всѣ обломки.

Нѣкоторые торосы такой высоты, что, пожалуй, подошва ихъ касается дна; вотъ и объясненіе неподвижности этого ледяного поля. Впрочемъ, оно не совсѣмъ неподвижно: по якорной цѣпи видно, что ледъ отодвинулъ судно, стоящее у его края, по крайней мѣрѣ на нѣсколько метровъ назадъ.

Человѣкъ, незнакомый съ полярными льдами, способенъ подивиться тому, что ледъ можетъ быть настолько грязенъ. И мнѣ даже отъ старыхъ полярныхъ мореходовъ приходилось слышать мнѣніе, что такой грязный ледъ попадаетъ въ море изъ рѣкъ или съ суши, гдѣ онъ покрывается тиной или носящейся въ воздухѣ пылью. На самомъ дѣлѣ дѣло обстоитъ иначе.

Всякій ледъ, гдѣ бы онъ ни образовался, даже посреди

„КОРРЕКТЪ“ НА ЯКОРЪ У НЕПОДВИЖНАГО ЛЬДА (16 АВГ.).

ВО ЛЬДАХЪ (18 АВГ.). Снимокъ съ обсерваціонной бочки.

ЛИДЪ У ПОЛЫНЬИ НА ЛЕДЯНОМЪ ПОЛѢ (18 АВГ.).

„КОРРЕКТЪ“ У КРАЯ ЛЕДЯНОГО ПОЛЯ (18 АВГ.). Вострогинъ на торосѣ.

Ледовитаго океана, покрывается съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ подвергается таянію, налетомъ буро-сѣрой пыли или ила. Снѣгъ, гдѣ бы онъ ни выпадалъ, всегда вѣдь содержитъ немного атмосферной пыли, и, по мѣрѣ того, какъ онъ таетъ, пыль эта осаждается. Поэтому старый, талый снѣгъ почти никогда не бываетъ совсѣмъ бѣлаго цвѣта.

Грязный цвѣтъ морского льда, впрочемъ, меньше зависитъ отъ осаждающейся такимъ образомъ пыли, нежели отъ ила и микроорганизмовъ, плавающихъ на поверхности морской воды, когда она замерзаетъ. Микроорганизмы эти вмѣстѣ съ водою обращаются въ ледъ, окрашивая его иногда даже въ коричневый цвѣтъ. Кромѣ того, въ морской водѣ, особенно въ Карскомъ морѣ или еще дальше къ сѣверу отъ Оби и Енисея, содержится громадное количество рѣчного ила, который также замерзаетъ вмѣстѣ со льдомъ. Когда поверхность послѣдняго подъ дѣйствіемъ отвѣсныхъ лучей солнца, что̀ имѣетъ мѣсто лѣтомъ по всему Ледовитому океану, начинаетъ таять слой за слоемъ, то, по мѣрѣ того, какъ вода стекаетъ, илъ и микроорганизмы осаждаются, и, чѣмъ толще слой стаявшаго льда, тѣмъ грязнѣе поверхность уцѣлѣвшаго слоя. Такимъ образомъ легко отличить старый ледъ отъ молодого. Ледъ, продержавшійся одно лѣто или нѣсколько, всегда грязнѣе и темнѣе новаго льда.

Не трудно понять, что въ силу этого наблюдается нѣкоторая разница въ цвѣтѣ льда соотвѣтственно тому, гдѣ онъ образовался. Если, напримѣръ, ледъ образовался къ сѣверу отъ устьевъ Оби, вода которой совсѣмъ коричневая отъ рѣчного ила, то понятно, что сто̀итъ такому льду чуть подтаять, чтобы поверхность его стала совершенно грязнаго цвѣта, въ то время какъ ледъ изъ сравнительно чистой морской воды долженъ подвергнуться таянію въ значительно большей степени, чтобы замѣтно загрязниться.

Нѣкоторые писатели, напримѣръ Норденшёльдъ, вы-

сказываютъ мнѣніе, что льдины загрязняются отъ омывающей ихъ во время вѣтра и волненія воды, содержащей морской или рѣчной илъ; самая вода фильтруется снѣгомъ, и вотъ илъ, дескать, остается на поверхности льда. Это—недоразумѣніе. Конечно, это бываетъ, и даже ежедневно, но не въ этомъ обычная и существенная причина грязнаго цвѣта льда.

Туманъ окончательно разсѣялся, но мы все-таки не различали земли на востокѣ; зато изъ бочки виденъ былъ какой-то мысокъ на зюйдъ-остъ или, по компасу, на зюйдъ-зюйдъ-остъ.

Весь день дулъ слабый бризъ, сперва съ сѣверо-запада, потомъ съ запада и наконецъ снова съ сѣверо-запада. Къ вечеру вѣтеръ посвѣжѣлъ, и небо покрылось тучами. Теченіе по-прежнему шло замѣтнѣе къ югу, но было слабовато.

Вторникъ, 19 августа. Утро наступило тихое и ясное, и сплошная ледяная масса, у края которой мы стояли на якорѣ, вдругъ медленно двинулась къ сѣверу, и отъ нея стали отрываться и уноситься большія льдины.

Съ девяти часовъ утра движеніе льда ускорилось, и мы около полудня уже снялись съ якоря и направились къ западу по сравнительно чистымъ отъ льда полыньямъ, расчитывая обойти съ запада то громадное и, какъ намъ казалось, сплошное ледяное поле, которое тянулось къ сѣверо-западу. Бризъ, дувшій съ юго-юго-запада, немного посвѣжѣлъ, и воздухъ словно сгустился.

Кругомъ было уже не такъ мертво; на небольшой льдинѣ лежалъ крупный старый моржъ-самецъ. Одинъ клыкъ былъ у него отломанъ начисто, отъ второго уцѣлѣлъ только небольшой обломокъ. Подумать только, какую страшную силу нужно было имѣть, чтобы сломать такіе клыки!

На „Корректѣ“ воцарилось оживленіе; у охотниковъ глаза разгорѣлись при видѣ такой громадной туши мяса,

лежавшей на льду. Они стояли съ ружьями наготовѣ, но вѣтеръ дулъ прямо отъ судна, и звѣрь, едва почуявъ насъ, бросился въ воду и исчезъ.

Видѣли мы на льдинахъ еще трехъ-четырехъ крупныхъ тюленей. Потомъ вдругъ Востротинъ, стоявшій на мостикѣ, крикнулъ, что видитъ на льдинѣ, къ западу отъ судна, цѣлое стадо тюленей. При помощи бинокля тюлени превратились однако въ двухъ моржей, около которыхъ плавалъ третій, старавшійся примоститься рядомъ съ первыми. Немного подальше мнѣ удалось различить большія головы еще четырехъ или пяти моржей, нырявшихъ и кувыркавшихся въ морѣ.

Мы всѣ сразу ожили, а Лидъ съ капитаномъ прямо и мысли не допускали оставить такихъ звѣрей въ покоѣ. Спустили шлюпку, такъ какъ Лиду не сидѣлось на мѣстѣ, и кончилось тѣмъ, что я тоже поѣхалъ съ ними; капитанъ не счелъ возможнымъ покинуть судно.

Моржи лежали все такъ же смирно, и мы подобрались къ нимъ на довольно близкое разстояніе. Наконецъ я посовѣтовалъ Лиду влѣпить пулю въ затылокъ одному, чтобы онъ остался на мѣстѣ; но, едва раздался выстрѣлъ, всѣ животныя бултыхнулись въ воду такъ, что только брызги полетѣли. Раненый моржъ скоро вынырнулъ на поверхность и, къ счастью, снова сталъ карабкаться на льдину. Теперь нужно было только выждать, пока онъ весь вылѣзетъ изъ воды. Выждали и дали по звѣрю еще нѣсколько выстрѣловъ; моржъ опрокинулся на бокъ и снова упалъ въ воду. Мы пустили въ дѣло гарпунъ, но не могли проколоть толстой шкуры: гарпунъ оказался слишкомъ тупымъ, самое остріе было сломано. Наконецъ намъ удалось зацѣпить моржа багромъ, прорѣзать въ шкурѣ отверстіе, пропустить сквозь него линь отъ гарпуна и взять добычу на буксиръ.

Не легко однако было пробуксировать моржа до „Корректа“; корма нашей маленькой шлюпки почти погру-

зилась въ воду отъ тяжести, да кромѣ того приходилось грести противъ сильнаго вѣтра и волнъ. Въ концѣ концовъ мы все-таки добрались до судна; моржа вытащили на палубу и затѣмъ его сфотографировали со всѣхъ сторонъ четыре ярыхъ фотографа, рыскавшихъ цѣлыми днями по палубѣ, яко алчущіе добычи львы.

Пошелъ дождь со снѣгомъ, но мы наконецъ обогнули край большого ледяного поля и могли взять опять напрямикъ къ землѣ, на нордъ-нордъ-остъ и нордъ-остъ.

Фарватеръ былъ, повидимому, совсѣмъ чистъ отъ льда, и мы могли почти все время итти полнымъ ходомъ; но послѣ обѣда льда прибыло, и пришлось убавить ходъ, тѣмъ болѣе, что шелъ густой снѣгъ. При этомъ дулъ свѣжій южный вѣтеръ, временами переходившій въ юго-восточный.

Около восьми часовъ снѣгъ заставилъ насъ остановиться, и мы бросили якорь на глубинѣ 16 саж. Вѣтеръ усилился почти до шторма; теченіе направлялось къ сѣверу, и вокругъ скопилось много льда.

Около одиннадцати снялись съ якоря, такъ какъ попали между двухъ большихъ льдинъ, которыя могли стиснуть насъ. Прошли небольшое разстояніе, лавируя между льдинъ. Около полуночи пришлось снова остановиться, такъ какъ рѣшительно ничего не было видно въ густомъ туманѣ.

Среда, 20 августа. Въ часъ ночи туманъ немного разсѣялся, и мы снова двинулись впередъ тихимъ ходомъ. Льду очень много, но въ немъ есть проходы. Въ три часа утра бросаемъ якорь на глубинѣ 12 саж. Снова плохо видно; дуетъ сильный вѣтеръ съ дождемъ.

Около восьми утра задулъ слабый южный вѣтеръ; кругомъ густой туманъ. Мимо насъ по направленію къ сѣверу проносились большія льдины.

Въ полдень мы все еще стоимъ на якорѣ. Теченіе сильно несетъ къ юго-западу. Штиль и густая сѣтка дождя.

Въ четыре часа пополудни задулъ слабый сѣверо-запад-

ный вѣтеръ; въ воздухѣ туманно. Ледъ угрожалъ сломать руль, такъ что поставили двухъ людей отпихивать его баграми, отъ чего, впрочемъ, было мало пользы. Пришлось дать тихій ходъ машинѣ; винтъ забурлилъ воду, и это прекрасно помогло. Ледъ идетъ на всемъ видимомъ горизонтѣ довольно плотною массой; виднѣются небольшіе торосы.

Въ половинѣ пятаго ледъ вокругъ судна немного порѣдѣлъ, такъ что можно было остановить машину.

Въ половинѣ седьмого туманъ немного разсѣялся, и совсѣмъ близко, въ какихъ-нибудь пяти миляхъ, показалась между остъ-нордъ-остомъ и остъ-зюйдъ-остомъ (истиннымъ) земля. Видна изъ бочки земля и на крайнемъ сѣверѣ, на N. N. O. (ист.), но ледъ, повидимому, идетъ сплошною полосою до самаго берега, если не считать маленькихъ полыній тамъ и сямъ. На югѣ и къ западу небо синее, что̀ означаетъ открытое море, но на сѣверѣ и сѣверо-сѣверо-западѣ (ист.) оно сравнительно свѣтлое; стало-быть, тамъ не такъ много открытой воды; но возможно, что тамъ лишь пловучее сало.

Вѣтеръ дуетъ теперь съ сѣвера и сѣверо-востока (ист.), N. N. O. и O. N. O. (ист.), и туманъ разсѣивается. Вѣтеръ береговой, и можно надѣяться, что онъ откроетъ намъ свободный проходъ у берега.

Въ 8 ч. 15 м. вечера пришлось сняться съ якоря, такъ какъ на насъ наносило нѣсколько огромныхъ льдинъ, и мы попали въ скверное положеніе, очутившись между массивныхъ высокихъ торосовъ. Въ девять часовъ снова бросили якорь на глубинѣ 12 саж., оставивъ крупный ледъ подъ вѣтромъ.

Вѣтеръ усиливается и дуетъ теперь съ N. O. (ист.), нѣсколько отъ берега, и я твердо надѣюсь, что ледъ разсѣется и уйдетъ въ море. Пока-что мы все еще окружены имъ со всѣхъ сторонъ, но въ немъ виднѣются просвѣты и большія полыньи.

Полночь. Сѣверо-восточный вѣтеръ приближается къ

шторму. Ледъ уноситъ къ западу. Видно, какъ его ломаетъ и какъ онъ рѣдѣетъ у берега. Пріятное зрѣлище!

Послѣ полуночи дуетъ форменный штормъ съ сѣверо-востока. Ледъ вокругъ насъ все рѣдѣетъ, но къ сѣверу еще держится плотной массой.

Четвергъ, 21 августа. Около восьми часовъ утра вѣтеръ, къ сожалѣнію, подулъ съ сѣверо-сѣверо-востока (ист.) и немного погодя зашелъ съ сѣвера. Онъ уже не относитъ ледъ отъ берега, а скорѣе пригоняетъ его, такъ что мало надежды на то, чтобы намъ открылся проходъ у берега. Но я по опыту знаю, что благодаря вращенію земли ледъ обычно уклоняется немного вправо отъ направленія, по которому дуетъ вѣтеръ, такъ что можно еще надѣяться, что онъ отойдетъ отъ берега.

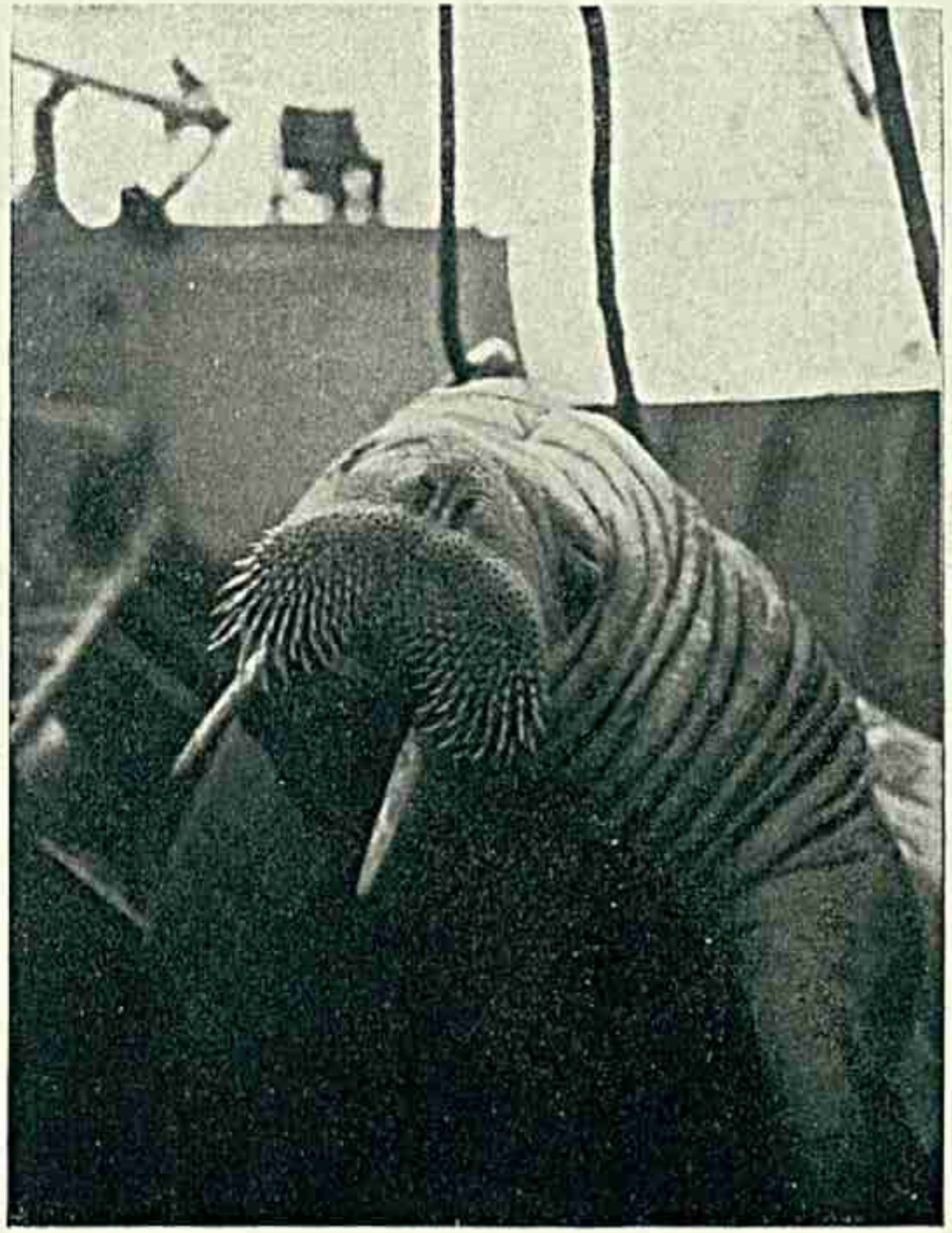
По-прежнему дуетъ свѣжій вѣтеръ; набѣгаютъ небольшіе шквалы со снѣгомъ. Мы все еще стоимъ на якорѣ. Ледъ движется къ югу, но медленно. Въ воздухѣ сравнительно ясно. По направленію къ берегу ледъ, повидимому, все еще держится плотной массой, но земля какъ-будто дальше, чѣмъ вчера. Должно-быть, насъ снесло немножко съ якоря, который, очевидно, просто волочился по дну.

Небо надъ землею, а также на сѣверѣ, вплоть до сѣверо-запада, удивительнаго темно-синяго цвѣта. Похоже на то, что тамъ открытое море. Можетъ-быть, впрочемъ, эта синева означаетъ, что и тамъ земля; по крайней мѣрѣ Іогансенъ съ капитаномъ въ одинъ голосъ утверждаютъ, что ледъ держится плотной массой до самаго берега. Они хорошо видѣли это изъ бочки, я же не успѣлъ побывать тамъ сегодня. Странно, впрочемъ: черная поверхность земли должна была бы, по моему, давать темно-сѣрый отсвѣтъ на небѣ, а не темно-синій; такимъ бываетъ небо именно надъ водою.

На сѣверо-западѣ (N. N. W. ист.) небо свѣтлое, такъ что тамъ льду много. На юго-западѣ (ист.), наоборотъ, большое пространство воды, и небо тамъ темно-синее, такъ что

ДОБЫЧУ ПОДЫМАЮТЪ НА БОРТЪ (19 АВГ.). Снимокъ Лида.

САМКА МОРЖА (19 АВГ.). Снимокъ Лида.

Авторъ. Самуэльсенъ. Лидъ. Лорисъ-Меликовъ.

ТУНДРА НА ОСТРОВѢ ДИКСОНА (24 АВГ.). Снимокъ Востротина.

въ этомъ направленіи, навѣрное, можно найти проходъ. Къ сожалѣнію, намъ нечего тамъ дѣлать. Впрочемъ, лоцманъ хочетъ выйти въ море именно этимъ путемъ. По его мнѣнію, мы встрѣтимъ тамъ открытое море, и оттуда ужъ все Карское море къ сѣверу свободно отъ льда.

Я сильно сомнѣваюсь въ этомъ и, по моему, не умно итти этимъ курсомъ. Мы вѣдь встрѣтили ледъ въ западной части Карскаго моря по выходѣ изъ Карскихъ Воротъ и даже встрѣтили двѣ полосы льда къ западу отъ нихъ. Трудно предположить, чтобы весь этотъ ледъ могло унести юго-западнымъ и сѣверо-западнымъ вѣтрами, которые дули почти все время.

Кромѣ того, будь на западѣ открытое море, мы не могли бы не замѣтить послѣдніе дни нѣкотораго волненія, разъ вѣтеръ дулъ съ юго-запада. А волненія-то какъ-разъ и не было.

Предположимъ даже, что мы выйдемъ въ открытое море, оставивъ къ востоку ледъ, у котораго находимся, и что край этого льда идетъ къ сѣверу, такъ что мы можемъ пройти вдоль него, но кто же можетъ поручиться, что мы сможемъ пройти сквозь ледъ къ востоку, когда очутимся на одной широтѣ съ Бѣлымъ Островомъ? Лоцманъ, правда, полагаетъ, что мы найдемъ тамъ открытое море, но какія у него данныя для такого предположенія? Я поэтому утверждалъ, что благоразумнѣе было бы держаться возможно ближе къ берегу, чтобы воспользоваться полосой открытой воды, которая, если и не существовала въ данный моментъ, какъ я подозрѣвалъ, то не замедлитъ образоваться, какъ только вѣтеръ стихнетъ, или хоть немного потянетъ съ востока, и ледъ отнесетъ въ море.

Собственно говоря, странно было бы, если бы, послѣ того какъ ледъ вчера и ночью двигался въ юго-западномъ и западномъ направленіи, у берега не образовалось открытаго протока.

Наша высота по полуденной высотѣ солнца была

72°15′N, т. е. въ 10—12 миляхъ къ сѣверу отъ счислимаго мѣста. Долгота же, судя по измѣреніямъ глубины, была 68°20′O, а по астрономическимъ наблюденіямъ 68°10′O.

Просидѣвъ весь день въ каютѣ за проявленіемъ фотографій, я около шести часовъ вечера вышелъ пройтись по палубѣ и рѣшилъ также подняться въ обсерваціонную бочку, чтобы немножко поразмяться да кстати обозрѣть горизонтъ, такъ какъ погода была сравнительно ясная.

Не успѣлъ я поднести къ глазамъ бинокль, какъ увидѣлъ на сѣверо-востокѣ (ист.) по направленію къ землѣ, въ какихъ-нибудь шести миляхъ отъ насъ, широкую синюю полосу открытой воды, на которой лишь тамъ и сямъ виднѣлись отдѣльныя льдинки. Тянулась она прямо къ сѣверу вдоль берега. Мнѣ удалось прослѣдить ее въ бинокль на порядочномъ протяженіи; дальше на горизонтѣ она скрывалась за льдомъ. На востокѣ и юго-востокѣ-югѣ (O. S. O. и S. O. ист.) также виднѣлась прибрежная полоса открытой воды.

Ясно было, что этотъ широкій протокъ тянется вдоль всего берега и что къ нему легко пройти сквозь разбитый ледъ, взявъ курсъ на сѣверо-востокъ. Можно было пройти и къ востоку,—пожалуй, даже съ бо̀льшимъ успѣхомъ.

Признаюсь, я спустился по снастямъ, какъ ураганъ, и безъ церемоніи ворвался къ капитану, который только-что, съ полнымъ на то правомъ, прилегъ отдохнуть.

Сразу же развели пары и въ 6 ч. 45 м. вечера снялись съ якоря и двинулись къ сѣверо-востоку. Скоро мы вошли въ прибрежную полосу воды, достигавшую, пожалуй, цѣлой мили въ ширину. Къ сѣверу она нѣсколько сузилась, но потомъ снова стала шире. Мы правили вдоль берега, безпрестанно бросая лотъ, который показывалъ глубину около $5^1/_2$—6 саж.

По-прежнему дулъ свѣжій вѣтеръ съ N. N. W., временами приближавшійся къ шторму. Протокъ все расширялся къ сѣверу; мѣстами попадалось много льда съ лѣваго борта,

но часто казалось, что и на западѣ много открытой воды, и небо темно-синяго цвѣта, хотя въ ту сторону не такъ хорошо было видно изъ-за солнца.

Когда Іогансенъ вышелъ наверхъ послѣ своего послѣобѣденнаго отдыха и услышалъ, что мы снялись съ якоря и собираемся двинуться къ землѣ, онъ довольно рѣзко объявилъ капитану, стоявшему на мостикѣ, что, разъ не спросили его мнѣнія, то онъ снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за такой курсъ. По его мнѣнію, ледъ могъ легко загнать насъ къ берегу.

Но кромѣ лоцмана всѣ на „Корректѣ“ сіяли, какъ только пронеслась вѣсть, что у берега видна открытая вода.

Нужно прибавить, что послѣдніе дни настроеніе на суднѣ упало довольно сильно. Вѣдь, куда ни кинь взглядъ, всюду былъ виденъ только ледъ да ледъ. Казалось, онъ все сильнѣе сгущался вокругъ насъ, и мы встрѣчали его все больше, а никакъ не меньше. Что же удивительнаго, если настроеніе на суднѣ упало, и людей точила мысль, что не все идетъ такъ, какъ можно было расчитывать, и что намъ вообще не удастся выбраться изъ этого льда цѣлыми и невредимыми. Вѣдь только два-три человѣка на „Корректѣ“ видѣли раньше льды. Машинистъ, тотъ совсѣмъ было-упалъ духомъ, да и не онъ одинъ горѣлъ желаніемъ убраться по-добру по-здорову подальше отъ льдовъ.

Предохранительная обшивка пропускаетъ воду, какъ рѣшето,—доски частью разошлись,—да и водонепроницаемая переборка номеръ 2-й также начала протекать, но это никоимъ образомъ нельзя приписывать напору льда. Должно-быть, одинъ изъ болтовъ сдалъ немного отъ тряски. Совсѣмъ безъ тряски и толчковъ не могло обойтись, когда мы пробивали себѣ путь среди льдинъ.

Теперь зато наша команда оживилась и весело принялась за работу. Когда мы, миновавъ послѣднія льдины, вошли въ береговой протокъ, всѣ выстроились вдоль борта,

чтобы посмотрѣть на землю и на чудесную синюю водную поверхность, по которой мимо борта парохода бѣжали волнишки. Глаза у всѣхъ такъ и сіяли; теперь всѣ опять повѣрили, что доберутся до Енисея. А Іогансенъ, сидя въ бочкѣ, сообщаетъ, что видитъ на сѣверѣ, на всемъ видимомъ горизонтѣ, открытую воду.

Виднѣющаяся плоская земля представляетъ въ общемъ мало интересное зрѣлище. Мы уже видѣли южнѣе такіе сѣро-бурые песчаные обрывы съ жалкой растительностью по верхнему краю.

Въ одиннадцать часовъ вечера наконецъ показалась приблизительно въ 3½ миляхъ разстоянія на O ten S (ист.) вѣха, поставленная на сѣверо-западномъ мысѣ Ямала. Лотъ показалъ глубину въ 6 саж. Къ сѣверу виденъ совершенно чистый отъ льда фарватеръ; лишь тамъ и сямъ на мели отдѣльные торосы. Теперь не было сомнѣнія, что мы обойдемъ Бѣлый Островъ съ сѣвера, не встрѣтивъ льда.

Намъ нужно однако соблюдать нѣкоторую осторожность, такъ какъ море въ этомъ мѣстѣ не особенно глубоко. Въ два часа утра, когда мы должны были приблизительно находиться противъ пролива Малыгина и чуть сѣвернѣе 73° с. ш., лотъ сразу и дважды подъ-рядъ показалъ 4 саж., тогда какъ передъ тѣмъ показывалъ 8—10 саж. Пришлось съ часъ держаться подальше отъ берега (8 миль на N. W. ten W. ½ W. по компасу). Здѣсь мы снова получили глубину въ 10 саж. и могли опять забрать больше къ сѣверу (N. N. W. по компасу). Дуетъ свѣжій вѣтеръ, ясно. Глубина держится ровная, около 10 саж. Немного пловучаго льда на сѣверо-западѣ, вокругъ же совсѣмъ чисто.

Мы и рѣшили, что совсѣмъ распрощались съ пловучимъ льдомъ и такимъ образомъ преодолѣли, по мнѣнію Іогансена, второе изъ двухъ затрудненій, предсказанныхъ ему гадалкой въ Тромсё.

IV. ОТКРЫТОЕ МОРЕ; НА ВОСТОКЪ, КЪ ЕНИСЕЮ.

Открытое море къ сѣверу отъ Енисейской губы.—Задержаны льдомъ къ западу отъ острова Сибирякова. — На мели. — Высадка на островѣ Диксона.—Экспедиціи Брусилова и Русанова.—Неудачная охота на оленей.—Береговая низменность.—Къ югу отъ устья Енисея.—Енисей и его теченіе.—Уклоненіе рѣки вправо.—Политическій ссыльный.—Трудный фарватеръ; на мели.—Встрѣча съ пароходомъ и баржами съ юга.—Плохіе виды на продолженіе путешествія.

Подъ утро мы наконецъ очутились къ сѣверу отъ Бѣлаго Острова, и передъ нами лежало открытое, синее море. Дулъ свѣжій бризъ, и волненіе шло съ N. N. W., притомъ такое сильное, что нѣкоторые изъ насъ начали жалѣть о льдѣ и спокойной водѣ среди льдинъ. Бѣлаго Острова мы такъ и не видѣли: онъ мало выдается надъ поверхностью моря, и кромѣ того мы были слишкомъ далеко отъ него.

Пятница, 22 августа. Стоитъ чудный солнечный день; мы находимся въ открытомъ морѣ противъ устьевъ Оби. Такого чудеснаго дня не было съ самаго отъѣзда изъ Христіаніи. Къ сожалѣнію, волненіе усилилось, и насъ порядочно качаетъ, такъ что за обѣдомъ приходится воспользоваться подвѣсной доской въ первый и, по всей вѣроятности, въ послѣдній разъ за все путешествіе до Енисея.

Вода въ морѣ поразительно коричневая и грязная, и

отдѣльныя пловучія льдины, встрѣченныя нами послѣ обѣда, тоже казались подъ водой и тамъ, гдѣ ихъ обдавало волной, совершенно грязно-бурыми.

Температура воздуха въ полдень равнялась + 11°; въ водѣ было + 2°. Глубина колебалась между 7-ью и 12-ью саж.

Въ половинѣ седьмого вечера впереди показалось немного льду, такъ что пришлось убрать лагъ. Глубина рѣзко упала до 5 саж., затѣмъ колебалась между 5-ью и 6-ью саж. Намъ пришлось лишній разъ убѣдиться, что ледъ задерживается на отмеляхъ.

Мы все время бросали лотъ и скоро должны были очутиться къ сѣверу отъ острова Вилькицкаго, лежащаго между устьями Оби и Енисея. Встрѣтили полосу плотнаго льда и должны были въ теченіе полутора часовъ держать курсъ больше къ сѣверу, пока наконецъ опять получили возможность забрать восточнѣе и пойти напрямикъ на сѣверную оконечность песчаной отмели, лежащей къ сѣверу отъ острова Сибирякова.

Въ полночь, пройдя этимъ курсомъ около 22 миль, мы снова встрѣтили болѣе значительную полосу льда, и снова пришлось цѣлый часъ забирать больше къ сѣверу.

Суббота, 23 августа. Около трехъ часовъ утра мы встрѣтили большія массы льда, тянувшагося, повидимому, далеко къ сѣверу; пришлось поэтому взять курсъ къ югу и затѣмъ къ юго-западу въ надеждѣ обойти ледъ съ юга и, оставивъ островъ Сибирякова къ востоку, войти въ устье Енисея. Льду однако становилось все больше, и пришлось лавировать между льдинами къ югу, пока, западнѣе острова Сибирякова, фарватеръ окончательно не закрылся. Далеко къ западу, у земли по ту сторону, можетъ-быть, и была открытая вода, но стало слишкомъ мелко, чтобы итти туда.

Въ седьмомъ часу утра былъ замѣченъ островъ Сибирякова, и такъ какъ на юго-западѣ мѣшалъ ледъ, пришлось взять къ сѣверу вдоль острова, чтобы обойти его съ сѣверной стороны. И вдругъ мы оказались на глубинѣ 4 или

3 саж., попавъ на песчаныя банки, идущія къ сѣверу отъ острова; поэтому вынуждены были снова двинуться къ югу, въ обходъ островка, оказавшагося слѣва отъ мелей. Іогансенъ обозвалъ его въ сердцахъ Чортовымъ островомъ; онъ былъ такой плоскій и такъ мало возвышался надъ моремъ, что мы сначала приняли его за грязный ледъ и только теперь разглядѣли.

Во время нашего завтрака „Корректъ“ вдругъ весь вздрогнулъ отъ толчка. Не похоже было, чтобы мы наткнулись на ледъ. Судно слегка накренилось на бортъ, послѣдовалъ новый толчокъ, и мы почувствовали, что оно остановилось. Мы выскочили наверхъ: льда вокругъ не было, а пароходъ стоялъ. Мы слишкомъ рано взяли курсъ на западъ, обойдя островъ съ юга, и вотъ, несмотря на то, что лотъ только-что показывалъ 7½ саж., сѣли на мель. Очевидно, мы наскочили на мель, которая тянется къ югу отъ островка, такъ какъ тамъ и сямъ виднѣются отдѣльныя льдины, сидящія на днѣ. Отдѣльныя льдины подальше къ западу тоже, очевидно, задѣваютъ за дно, такъ что и тамъ не можетъ быть особенно глубоко.

По льдинамъ, сидѣвшимъ на мели ближе къ островку, можно было, къ счастью, замѣтить, что мы попали сюда во время отлива,—мнѣ по крайней мѣрѣ такъ казалось,— и оставалась надежда, что вода скоро прибудетъ. Впрочемъ, уровень воды во время прилива и отлива врядъ ли измѣняется настолько, чтобы приливъ могъ поднять судно съ мели. Обмѣрили глубину вокругъ судна, и лотъ показалъ 1¾ саж. у носа, который поднялся кверху на нѣсколько футовъ; затѣмъ 17 футовъ у середины корпуса, т.-е. ровно столько, сколько сидѣлъ въ водѣ „Корректъ“, и наконецъ 3¾ саж. подъ кормой. Нѣсколько разъ пробовали мы дать полный ходъ назадъ, но безрезультатно,— пароходъ застрялъ прочно. Винтъ только взрылъ дно, такъ что вся вода кругомъ замутилась отъ ила.

Рѣшено было прикрѣпить къ правому якорю толстый

стальной тросъ, спустить якорь и постараться протащить его по дну назадъ съ помощью большого парового вòрота на кормѣ. Якорь двигался туго и медленно, все судно содрогалось, и, когда якорь перемѣстился саженей на 20, тросъ лопнулъ, не выдержавъ страшнаго напряженія.

Тогда стали перегружать корму, чтобы поднять носъ; затѣмъ дали полный ходъ назадъ, стараясь одновременно подтянуться на якорѣ,—но все было тщетно· мы сидѣли такъ же крѣпко. Спустили и лѣвый якорь и вытравили всю якорную цѣпь, чтобы облегчить носовую часть парохода, — результатъ былъ тотъ же: мы не сдвинулись съ мѣста. Тогда попытались забросить еще противъ лѣваго борта дреггъ, чтобы, подтягиваясь къ нему, повернуть корму влѣво, гдѣ было всего глубже, но дреггъ не цѣплялся за дно.

Наконецъ собрались - было съ помощью лодокъ перегрузить на корму бочки съ цементомъ, какъ вдругъ пароходъ, слегка накренившійся на лѣвый бортъ, немного выпрямился. Очевидно, вода прибывала. Рѣшили еще разъ попытаться подтянуться на правомъ якорѣ, пятясь одновременно полнымъ ходомъ назадъ и подтягиваясь также съ помощью дрегга и остатка стального троса. Я слѣдилъ въ это время за компасомъ. Винтъ вертѣлся, какъ бѣшеный, лебедки грохотали и такъ работали, что все судно содрогалось. И вотъ мнѣ почудился едва замѣтный толчокъ, стрѣлка компаса перемѣстилась на четверть градуса. Вслѣдъ затѣмъ она отклонилась еще почти на полградуса. Потомъ еще, и наконецъ судно стало поворачиваться все скорѣе и скорѣе. Сперва повернулось на цѣлый градусъ, затѣмъ на 2, 3, 5, 10, 15 градусовъ... и вотъ „Корректъ“ сошелъ съ мели, медленно подался назадъ, и все было снова въ порядкѣ!

Мы ликовали. Правда, пришлось порядочно потрудиться, чтобы поднять лѣвый якорь, который оставался со всей цѣпью на днѣ, но наконецъ удалось одолѣть и эту трудность.

Въ одномъ намъ не повезло: когда „Корректъ", пятясь назадъ, сходилъ лѣвымъ бортомъ съ мели, тросъ отъ дрегга попалъ въ винтъ, оборвался, и якорь остался на днѣ. Когда пароходъ послѣ нашего путешествія былъ введенъ въ докъ, оказалось, что гребной валъ былъ нѣсколько разъ обернутъ этимъ тросомъ. Кромѣ того, когда мы пятились назадъ, пароходъ съ такой силой ударился о дреггъ, что одна изъ нижнихъ переборокъ получила большую пробоину.

Теперь мы могли наконецъ двинуться дальше, задержавшись такимъ образомъ на нѣсколько часовъ. Все снова пришло въ прежній порядокъ.

Теперь мы забрали гораздо сильнѣе къ югу отъ Чортова острова и затѣмъ вдоль западнаго берега направились къ сѣверу, но встрѣтили къ востоку ледъ и вынуждены были слѣдовать вдоль его края сперва цѣлыхъ 8 миль къ сѣверо-западу, а потомъ 12 миль N. ten O. 1/2 O. (по компасу). Послѣ этого мы могли уже взять больше къ востоку, почти прямо на востокъ; но и къ югу и къ сѣверу былъ ледъ.

Въ седьмомъ часу вечера я, сидя въ бочкѣ, завидѣлъ впереди землю. Это былъ островъ Диксона. Всюду виднѣлось много льда; къ югу и къ сѣверу фарватеръ былъ какъ-будто совсѣмъ закрытъ, но у берега я различилъ открытую воду и проходъ къ ней; съ нѣкоторымъ трудомъ намъ удалось пройти туда къ восьми часамъ вечера.

Около самаго острова оказалась широкая полоса открытой воды. Съ юга ледъ подходилъ къ самому берегу, и я не былъ увѣренъ, что тамъ найдется свободный проходъ. Впрочемъ, я видѣлъ въ той сторонѣ нѣкоторое количество пловучаго сала, и можно было ожидать встрѣтить и тамъ достаточное пространство открытой воды.

Разъ однако мы находились такъ близко отъ Диксоновой гавани, хорошо было зайти туда освѣдомиться—не получено ли вѣстей со „Святой Анны", судна Брусиловской экспедиціи, которая отправилась въ прошломъ году съ

цѣлью пройти Сѣверо-восточнымъ проливомъ, занимаясь по пути охотой.

Эту экспедицію встрѣтили въ Югорскомъ Шарѣ 15 сентября прошлаго года два судна—„Вассіанъ“ и „Немвродъ“, шедшіе съ грузомъ матеріаловъ для оборудованія станцій безпроволочнаго телеграфа на Вайгачѣ, у Югорскаго Шара, и около Мора-Сале. На другой день, 16 сентября, „Святая Анна“ продолжала свой путь въ Карское море, и съ тѣхъ поръ о ней не было никакихъ извѣстій.

Пріятно было бы также узнать, побывалъ ли здѣсь Русановъ. Онъ долженъ былъ еще въ прошломъ году обойти съ сѣвера Новую Землю на моторной шкунѣ „Геркулесъ“, руководствуясь гибельнымъ, на мой взглядъ, расчетомъ, что этотъ путь къ устью Енисея гораздо легче, чѣмъ южный, такъ какъ тутъ-де проходитъ Гольфстремъ, который очиститъ ему путь отъ льдовъ.

По пути къ Диксоновой гавани насъ захватилъ туманъ. Такимъ образомъ намъ удалось пройти между двухъ островковъ, расположенныхъ къ юго-западу отъ гавани. Здѣсь тоже оказалось порядочно льду. Около полуночи бросили якорь въ южномъ концѣ пролива, между островомъ Диксона и материкомъ, на глубинѣ 7½ саж. Къ этому времени туманъ разсѣялся, и ночь выдалась чудесная. Небо надъ островами и материкомъ къ сѣверу розовѣло отъ солнечныхъ лучей.

Воскресенье, 24 августа. Въ часъ утра мы цѣлой компаніей отправились въ бухту близъ Диксоновой гавани, гдѣ, кажется, въ 1901 году было устроено угольное депо для экспедиціи барона Толя. Углемъ этимъ такъ никто и не воспользовался, и онъ по сей день лежитъ тамъ съ громаднымъ запасомъ спичекъ. Говорили, что Брусиловъ, у котораго было мало угля, собирался зайти сюда, чтобы запастись углемъ.

Когда мы подошли къ сараю, стоявшему на берегу, изъ открытой двери выскочилъ бѣлый песецъ.

Никакихъ признаковъ, что сюда заходила какая-нибудь экспедиція, мы не нашли. Жестяной ящикъ, въ которомъ Лидъ оставилъ въ августѣ прошлаго года письмо, мы отыскали за дверями хижины. Ясно, что его затащила туда лисица. Лидъ и его спутники забили дверь гвоздями. Возможно, что ее распахнуло вѣтромъ, или, хотя это и неправдоподобно, здѣсь побывалъ какой-нибудь охотникъ съ юга

Какъ я уже говорилъ, на „Святой Аннѣ“ было мало угля, и врядъ ли экспедиція могла продолжать путь, не заходя сюда. Такимъ образомъ сама собою напрашивается мысль, что экспедиціи не удалось добраться сюда; но и сидѣть гдѣ-нибудь во льдахъ въ Карскомъ морѣ она не могла, иначе или мы видѣли бы какіе-нибудь слѣды ея, или тѣ два судна, которыя, какъ мы узнали впослѣдствіи, прошли тѣмъ же путемъ нѣсколько дней спустя послѣ насъ; туземцы на Ямалѣ тоже ничего не могли сообщить ни о какомъ суднѣ и не видѣли въ здѣшнихъ краяхъ чужеземцевъ. Итакъ, невольно приходится предположить самое худшее. Всего вѣрнѣе, „Святая Анна“ еще въ сентябрѣ прошлаго года застряла во льдахъ гдѣ-нибудь въ Карскомъ морѣ. Насколько мнѣ удалось разузнать, это было исключенное изъ списковъ англійскаго военнаго флота судно „Ньюпортъ“, пріобрѣтенное затѣмъ сэромъ Аллэномъ Юнгомъ и получившее названіе „Пандора II“. Позднѣе оно перешло въ собственность м-ра Поппама и въ 90-хъ годахъ совершило немало рейсовъ къ Енисею подъ названіемъ „Blencatra“. Въ такомъ солидномъ возрастѣ трудно было ожидать отъ судна особой прочности, и оно врядъ ли долго боролось съ напоромъ льда, прежде чѣмъ пойти ко дну.

Если экипажу удалось спастись и спасти провіантъ, то возможно, что люди добрались въ томъ или иномъ мѣстѣ до берега, до котораго не могло быть особенно далеко. Но тогда они могли также добраться до населенныхъ мѣстъ

еще прошлой зимой или, самое позднее, нынѣшнею весною или лѣтомъ. Разъ мы однако до сихъ поръ ничего не слыхали о нихъ, приходится опасаться, что съ ними стряслась какая-нибудь бѣда. Быть-можетъ, экспедиція, встрѣтивъ открытое море, направилась дальше, не заходя за углемъ въ гавань Диксона, которая къ тому же могла быть заперта льдомъ. Это было неблагоразумно, и въ такомъ случаѣ экспедиція должна была перезимовать, не добравшись до мыса Челюскина, иначе встрѣтилась бы съ двумя ледоколами „Таймыръ“ и „Вайгачъ“, которые въ нынѣшнемъ году подъ командой Вилькицкаго шли вдоль побережья къ западу отъ Берингова пролива. Наконецъ послѣднее предположеніе, что „Святую Анну“ унесло льдомъ на сѣверъ, въ Ледовитый океанъ, и что участники экспедиціи всѐ еще борются за свою жизнь; но и это мало вѣроятно.

За Русанова труднѣе ручаться, чтобы онъ непремѣнно стремился попасть въ Диксонову гавань; но и у восточнаго побережья Карскаго моря онъ врядъ ли побывалъ, такъ какъ тамъ нигдѣ ничего о немъ не слыхали.

Скорѣе онъ направился къ берегу Новой Земли, но только не къ западному, такъ какъ экспедиція Сѣдова не нашла тамъ его слѣдовъ. Значитъ, онъ перезимовалъ гдѣ-нибудь на восточномъ берегу, хотя странно, что мы до сихъ поръ ничего не слыхали о немъ или его спутникахъ.

Поэтому мнѣ жутко становится и за судьбу Русановской экспедиціи. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что судно затерло льдомъ и унесло къ сѣверу. Что̀ случилось въ такомъ случаѣ съ экипажемъ, трудно сказать. На родинѣ Русанова говорили, что онъ могъ пройти черезъ Маточкинъ Шаръ и, слѣдуя вдоль восточнаго берега Новой Земли, попытаться достигнуть острова Уединенія. Однако состояніе льдовъ въ прошломъ 1912 году врядъ ли могло благопріятствовать такому плаванію. Кромѣ того, если бы ему даже удалось добраться до этого острова, то сомни-

тельно, чтобы онъ могъ найти на этомъ островкѣ гавань для своего судна.

Мы отправились на охоту вглубь острова и наткнулись на стадо оленей въ четырнадцать головъ, но стадо расположилось на такомъ плоскомъ и ровномъ мѣстѣ, что никакъ нельзя было подобраться къ нему поближе. Пришлось дожидаться, чтобы животныя сами снялись съ мѣста. Ждать пришлось долго, и за это время успѣлъ спуститься туманъ, скрывшій изъ нашихъ глазъ всю окрестность. Я все-таки попытался подкрасться къ животнымъ, и мнѣ удалось различить сквозь клочья тумана нѣсколько крупныхъ оленей; тутъ однако я былъ замѣченъ, и все стадо моментально скрылось, прежде чѣмъ я успѣлъ выстрѣлить. Я остановился и, сообразивъ, что другіе охотники тоже могли соблазниться и попытаться подкрасться къ стаду съ другой стороны, окликнулъ ихъ, чтобы они ненарокомъ не подстрѣлили въ туманѣ меня вмѣсто оленя. Такіе случаи нерѣдки. Мнѣ вспоминается одинъ ярый норвежскій Немвродъ, которому случилось набрести въ туманѣ въ горахъ моей родины на стадо овецъ и уложить пять изъ нихъ въ полной увѣренности, что это олени. Я ужъ не говорю о другомъ, который вмѣсто утки убилъ корову.

Въ девять часовъ утра мы вернулись на судно. Все еще стоялъ туманъ, и ничего не было видно, такъ что намъ не улыбалось итти къ югу. Къ тому же въ проливѣ не прекращалось сильное теченіе къ сѣверу, которое должно было унести ледъ съ юга и такимъ образомъ въ самомъ непродолжительномъ времени расчистить намъ отъ льда фарватеръ до самаго устья Енисея. Поэтому мы весь день и не снимались съ якоря.

Вечеромъ мы снова совершили прогулку на берегъ, чтобы провѣдать оленей, но часъ спустя долина окуталась туманомъ, а скоро надвинулась ночь, и стало слишкомъ темно. Мы видѣли нѣсколько стай гусей.

Природа этого острова почти однородна съ волнистой

равниной тундры. Преобладаютъ здѣсь глина и песокъ, и эта смѣсь глины съ пескомъ, поросшая негустой травой и мхомъ, представляетъ недурное, хотя и не особенно тучное пастбище для оленей.

Тамъ и сямъ торчатъ, возвышаясь надъ равниной, скалистые утесы. Большинство, повидимому, изъ кристаллическаго сланца, хотя на каменистыхъ склонахъ попадается и глинистый сланецъ. Утесы сильно разрушены вывѣтриваніемъ и морозами, и вокругъ валяются большія отколовшіяся глыбы.

Эти острова, а также бо̀льшая часть ближняго материка съ такою же твердой скалистой подпочвой представляются мнѣ типичною низменною береговою равниной съ предлежащими низменными же островами; первоначально тянувшіяся тутъ горы постепенно вывѣтривались, разрушались, распадались, размывались и уносились въ море дождями, снѣгомъ, морозомъ, солнцемъ и потоками воды, а въ концѣ концовъ волны и приливы сравняли, сгладили эти острова, островки и весь берегъ, превративъ ихъ въ то, что̀ геологи называютъ поверхностью размыва.

Такую же равнину можно наблюдать, плывя вдоль береговъ Норвегіи съ предлежащими шхерами. Эти безчисленные островки лишь чуть-чуть возвышаются надъ моремъ и часто тянутся далеко въ море, переходя въ мели, банки и рифы.

Стояла дивная тихая ночь, когда мы гребли обратно къ судну. Поверхность воды между островами и островками, которые словно выплывали изъ тумана, была какъ зеркальная. Высоко надъ головой вздымалось синее ясное небо, а на сѣверѣ, надъ туманной дымкой, виднѣлся красноватый отблескъ солнца. Какія мягкія и чудныя ночи бываютъ въ сѣверныхъ моряхъ!

Понедѣльникъ, 25 августа. Погода на слѣдующій день была ясная, и около девяти часовъ утра мы снялись съ якоря и двинулись къ югу. Проходя мимо одного изъ не-

большихъ островковъ на южной сторонѣ гавани Диксона, мы увидѣли двухъ оленей, стоявшихъ на самомъ гребнѣ и глядѣвшихъ на насъ. Ихъ было бы нетрудно подстрѣлить на этомъ крохотномъ островкѣ, но теперь намъ было не до того: мы спѣшили къ югу.

Море было совершенно свободно отъ льда. Капитанъ былъ правъ, переждавъ вчерашній день. Условія совершенно измѣнились въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ было, когда мы шли въ гавань Диксона. Теперь на югѣ совсѣмъ не было льду, да и на западѣ онъ виднѣлся только вдали. Къ югу отъ гористаго мыса Ефремова Камня у насъ по обѣимъ сторонамъ оказалось немного льду—къ западу и ближе къ землѣ, но посерединѣ оставался открытый протокъ съ милю шириною. Приблизительно десятью милями южнѣе кончился и этотъ ледъ, и передъ нами разстилалась открытая вода.

Мы слѣдовали вдоль земли, которая тянется къ югу отъ острова Диксона, образуя западный берегъ устья Енисея. Глубина держалась довольно ровная, между 9-ью и 11-ью саж. Земля на всемъ протяженіи плоская, а на крайней береговой полосѣ тамъ и сямъ виднѣются утесы, круто обрывающіеся въ море, возвышаясь надъ его уровнемъ не больше, чѣмъ видѣнная нами дальше къ сѣверу, у острова Диксона, типичная низменная береговая равнина.

Часть этихъ береговыхъ скалъ могла быть раньше островками, шхерами, промежутки между которыми съ теченіемъ времени были заполнены рѣчнымъ гравіемъ, пескомъ и иломъ. Затѣмъ море отступило, вотъ и получилась эта удивительная береговая равнина. Крестовскіе острова и другіе, находящіеся подальше въ морѣ, тоже имѣютъ совершенно плоскую поверхность, безъ малѣйшаго пригорка.

На берегу показался дымъ и избы съ плоскими кровлями, похожія скорѣе на недостроенные дома, которыхъ не успѣли покрыть крышей. Къ югу избъ становилось все

больше и больше. Рыбаки, живущіе здѣсь лѣтомъ, частью русскіе, частью самоѣды и юраки. Подальше въ тундрѣ виднѣлось много капкановъ. Ихъ, конечно, разставляютъ поселенцы, остающіеся здѣсь на зимовку ради охоты на песцовъ. Промыселъ этотъ довольно выгоденъ теперь, когда цѣны на песцовые мѣха поднялись такъ высоко.

Вдоль берега стояли лодки; другія мелькали между островами подальше къ югу. Какъ-то странно было снова очутиться въ населенныхъ мѣстахъ. Мы подняли флагъ.

Западный берегъ рѣки былъ, насколько мы могли различить, очень далеко,—пожалуй, миляхъ въ двадцати. Какія могучія водныя массы впадаютъ здѣсь въ океанъ! Впечатлѣніе получается грандіозное; чувствуешь, что находишься у входа въ одну изъ величайшихъ водныхъ артерій міра.

Просто диву даешься, какой длинный путь—съ самаго юга, съ горъ Монголіи—совершила часть этихъ водъ, прежде чѣмъ попасть въ море. Енисей съ Ангарой и Селенгой считается пятой по длинѣ рѣкой въ свѣтѣ, имѣя протяженіе около 4.888 верстъ.

Вмѣстѣ со своими большими притоками—Ангарой, Средней и Нижней Тунгузкой и ихъ притоками, Енисей орошаетъ площадь приблизительно въ 2.397.000 кв. верстъ и въ этомъ смыслѣ занимаетъ седьмое мѣсто въ свѣтѣ. Ангара вытекаетъ изъ глубочайшаго на всемъ земномъ шарѣ внутренняго моря (озера) Байкала.

Истоки Енисея, Бейкемъ, Хакемъ и др., берутъ свое начало въ горахъ сѣверо-восточной Монголіи, на высотѣ свыше 1.600 метровъ, недалеко отъ истоковъ Селенги и отъ озера Коссогола, откуда течетъ притокъ Селенги. Послѣдняя впадаетъ въ Байкалъ, откуда вытекаетъ въ свою очередь Ангара, впадающая въ Енисей.

По Монгольскому плоскогорію до границъ Сибири Енисей течетъ на высотѣ около 1.000 метровъ; затѣмъ прокладываетъ себѣ путь черезъ Саянскія горы и, низвергаясь въ степь, течетъ у Минусинска на высотѣ 350 ме-

тровъ, а у Красноярска уже только 170 метровъ надъ уровнемъ моря. Далѣе онъ протекаетъ по необъятной равнинѣ Сибири, которую пересѣкаетъ къ сѣверу до самаго моря. У Енисейска онъ течетъ на высотѣ 71 метра надъ уровнемъ моря.

Всѣ главные притоки впадаютъ въ него съ востока, а именно: Канъ, Ангара, Подкаменная Тунгузка и Нижняя Тунгузка, — все могучія рѣки, орошающія огромныя пространства Сибирской равнины. На протяженіи всего нижняго теченія Енисей имѣетъ значительную ширину. Къ сѣверу отъ Енисейска онъ рѣдко гдѣ уже двухъ-трехъ километровъ, а часто даже значительно шире. Около же самаго устья ширина его достигаетъ приблизительно 47 верстъ.

Каждаго, кому доводилось путешествовать вверхъ по Енисею, должна была поразить рѣзкая разница между восточнымъ и западнымъ берегомъ этой рѣки. Восточный представляетъ довольно возвышенную равнину, которая круто обрывается къ рѣкѣ, съ крутымъ крайнимъ берегомъ и глубокой водой подъ берегомъ. На западѣ, наоборотъ, тянется низменная равнина. Склонъ рѣчной долины крутъ, но невысокъ, и голый песчаный крайній берегъ отлого спускается къ водѣ, образуя широкую и длинную отмель, такъ что подойти тамъ къ берегу съ судномъ и даже въ лодкѣ нелегко.

Наиболѣе глубокимъ бываетъ обыкновенно теченіе ближе къ восточному берегу, чаще всего подъ самымъ берегомъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ рѣка дѣлаетъ крутые завороты. Тамъ, гдѣ она круто сворачиваетъ вправо, теченіе устремляется влѣво и роетъ себѣ самое глубокое ложе у лѣваго берега. Но немного пониже самое сильное теченіе и глубокій фарватеръ снова оказываются у праваго, т. е. восточнаго берега.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это, какъ уже сказано выше, происходитъ вслѣдствіе вращенія земного шара, которое заставляетъ уклоняться вправо всю воду сѣвер-

наго полушарія, текущую горизонтально, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе къ сѣверу. Особенно замѣтно это на такихъ широкихъ, какъ Енисей, рѣкахъ, гдѣ скорость теченія струй не можетъ быть одинаковой на всемъ широкомъ пространствѣ между двухъ береговъ. Упомянутое выше уклоненіе рѣки вправо и приводитъ къ тому, что рѣка начинаетъ рыть себѣ наиболѣе глубокое ложе направо по теченію. Правый берегъ все больше размывается, и все русло постоянно стремится отклониться вправо. Представимъ себѣ теперь, что большая рѣка протекаетъ по равнинѣ въ родѣ сѣверной Сибири,—ясно, что русло ея все время будетъ уклоняться вправо, пока не натолкнется на какое-нибудь препятствіе. Такимъ образомъ рѣка, отступая вправо, оставляетъ позади себя на лѣвомъ берегу низменность, бывшую нѣкогда ея русломъ и покрытую рѣчными отложеніями, между тѣмъ какъ справа остается болѣе высокій берегъ, который рѣка еще не успѣла размыть.

Глядя на Енисей, мы можемъ такимъ образомъ предположить, что въ давно минувшія времена русло его проходило гораздо дальше къ западу, и, отходя вправо, рѣка должна была образовать налѣво низменную и плоскую долину. Такъ оно и есть. Въ то же самое время на востокѣ должна была оставаться болѣе высокая прибрежная полоса, до которой рѣка еще не успѣла добраться; съ правой стороны въ Енисей и вливается большинство его притоковъ.

Геологи, быть-можетъ, станутъ ссылаться на сдвигъ земной коры, вслѣдствіе котораго равнина на западномъ берегу нижняго теченія рѣки опустилась, между тѣмъ какъ на восточномъ берегу образовалось то, что̀ геологи называютъ *горстъ*, такъ какъ тамъ уровень поверхности не измѣнился. Возможно, что они отчасти правы, но этимъ вопросъ не исчерпывается. Русло Енисея могло все-таки въ теченіе временъ передвигаться съ запада на востокъ, но отчасти это движеніе было парализовано тѣмъ, что рѣка, вслѣдствіе упомянутаго сдвига земной коры, натыка-

лась на препятствія въ видѣ скалистыхъ возвышенностей, въ которыхъ ей было трудно прокладывать себѣ русло вправо.

Многое подтверждаетъ, что рѣчное русло дѣйствительно передвигалось такимъ образомъ въ теченіе временъ. Восточный (правый) берегъ значительно выше западнаго не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются утесы, свидѣтельствующіе о сдвигѣ земной коры, но и на большомъ протяженіи нижняго теченія, гдѣ оба берега одинаковой формаціи и гдѣ не происходило никакихъ сдвиговъ. Такимъ образомъ, по моему, единственной причиной, обусловливающей различную высоту береговъ, является естественное уклоненіе русла рѣки вправо.

Ночи стали замѣтно темнѣе. Мы находимся теперь почти на 72° с. ш. и значительно подвинулись къ югу отъ острова Диксона, расположеннаго на 73½°.

Въ полночь, когда я уже раздѣлся и собирался улечься спать, судно внезапно задѣло за дно... разъ, другой... Толчки были изрядные, но тѣмъ не менѣе мы сошли съ мели.

Я вышелъ на палубу; повыскочили и другіе пассажиры. Остановили машину, но лотъ показывалъ не меньше 4 саж., такъ что все обстояло благополучно. Должно-быть, мы наткнулись на очень маленькую банку.

Вторникъ, 26 августа. Полчаса спустя бросили якорь на глубинѣ 8 саж., чтобы выждать утра. Фарватеръ въ этомъ мѣстѣ не особенно надежный. Мы находились противъ Сопочной Карги, лежащей на западной сторонѣ рѣки. На берегу горѣли костры, освѣщавшіе нѣсколько избъ,въ которыхъ живутъ лѣтомъ русскіе рыбаки.

Не успѣли мы простоять нѣсколькихъ минутъ, какъ капитанъ сообщилъ, что къ намъ ѣдутъ гости съ берега и придется намъ опять покинуть наши койки. Въ темнотѣ приблизилась лодка съ семью-восемью русскими. Одинъ изъ нихъ былъ чиновникъ, собиравшій статистическія данныя о мѣстномъ рыболовствѣ. Затѣмъ въ числѣ прибы-

вшихъ находились двое политическихъ ссыльныхъ: фабричный изъ Харьковской губерніи и еврей изъ Екатеринослава, владѣвшій тамъ небольшой мельницей. Оба были сосланы послѣ безпорядковъ и попали сюда, въ Сибирь, должнобыть, въ 1906 году. Прибывшіе пригласили насъ въ гости, и трое изъ насъ отправились съ ними на лодкѣ.

На берегу стояли три-четыре низенькія деревянныя избушки, но было такъ темно, что мы съ трудомъ различали ихъ. Передъ избушками горѣлъ костеръ, на которомъ готовилось кушанье. Весь берегъ былъ заваленъ боченками для засола рыбы.

Здѣсь ловится въ громадномъ количествѣ омуль и другая, болѣе мелкая сиговая порода, сельдь. Меньше ловится здѣсь нельмы — болѣе крупной и цѣнной разновидности сига, скорѣе похожей на лососину, хотя мясо у нея бѣлое, какъ у остальныхъ сиговыхъ. Ловятся здѣсь также бѣлухи, которыя заходятъ въ рѣку за омулями. Такъ, ссыльный фабричный совсѣмъ недавно поймалъ неводомъ пять небольшихъ бѣлухъ. Кожа бѣлухи надрѣзывается и снимается длинными, широкими ремнями по всей длинѣ туловища, солится въ бочкахъ и продается самоѣдамъ и юракамъ, которые употребляютъ ее на оленью упряжь и цѣнятъ очень высоко, такъ какъ, помимо прочности, у нея есть еще одно преимущество: она не деревянѣетъ на морозѣ.

И здѣсь пришлось намъ наткнуться на суевѣріе, что это киты гонятъ рыбу изъ моря къ берегамъ и въ рѣку. Поэтому мѣстное населеніе придаетъ огромное значеніе китамъ, и въ случаѣ плохого улова рыбы приписываютъ это отсутствію въ морѣ китовъ и бѣлухъ.

Въ прежнія времена китоловный промыселъ былъ какъбудто больше развитъ въ здѣшнихъ краяхъ, чѣмъ въ настоящее время. Въ своей книгѣ о сѣверной Россіи Сидоровъ говоритъ, что въ 1859 году въ устьѣ Енисея было поймано 25 небольшихъ китовъ, множество дельфиновъ и бѣлухъ, давшихъ до 18 пудовъ сала.

Мы зашли въ самую большую избу. Здѣсь жило восемь мужчинъ и двѣ-три женщины, изъ которыхъ одна приходилась дочерью одному изъ рыбаковъ. Спали всѣ вмѣстѣ на низкихъ нарахъ. Посреди избы стоялъ столъ, на которомъ горѣла стеариновая свѣчка. Когда мы вошли, мужчины сидѣли вокругъ стола, а одна изъ женщинъ высунула голову изъ покрывавшаго низкія нары постельнаго тряпья, чтобы посмотрѣть на пришельцевъ.

Мнѣ захотѣлось сфотографировать эту ночную сцену, и хозяева сейчасъ же согласились зажечь побольше свѣчей. Когда же мы хотѣли заплатить за это, они наотрѣзъ отказались отъ денегъ, считая за честь для себя видѣть насъ у себя въ гостяхъ, да вдобавокъ попасть на фотографію и въ газеты.

Бесѣду съ нами велъ главнымъ образомъ еврей. Онъ еще не былъ совсѣмъ свободнымъ человѣкомъ. Правда, онъ отбылъ тюремное заключеніе, но не имѣлъ права покинуть эту часть Сибири и даже здѣсь никуда не могъ отлучиться безъ разрѣшенія. За что его сослали? Кажется, нашли у него въ домѣ нелегальную литературу. Теперь онъ состоялъ надсмотрщикомъ на рыбныхъ промыслахъ одного красноярскаго купца.

Когда мы выходили изъ избы, подошелъ второй политическій ссыльный и спросилъ, не заглянемъ ли мы и къ нему. У него избушка была совсѣмъ крохотная; въ ней помѣщался онъ одинъ съ женщиной, которая ему прислуживала. Когда мы вошли, она сидѣла, расплывшись лепешкой, на табуреткѣ и поздоровалась съ нами, не вставая.

Была она удивительно безобразна, немолода и, во всякомъ случаѣ, непривлекательна. Должно-быть, наполовину самоѣдка, но говорила на чистомъ русскомъ языкѣ и родомъ была изъ Гольчихи. По толщинѣ можно было бы принять ее за беременную, не будь она такъ стара и безобразна. Скорѣе всего она страдала водянкой. Впрочемъ, впослѣдствіи мнѣ случалось видѣть въ этихъ краяхъ много

невѣроятно жирныхъ женщинъ, какъ среди русскаго, такъ и среди туземнаго населенія.

Крохотная каморка освѣщалась керосиновой лампой; тѣснота была изрядная, и потолокъ такой низкій, что намъ приходилось ходить согнувшись; зато все было чисто и аккуратно прибрано. Стояла кровать съ пологомъ, въ одномъ углу маленькій столъ, надъ которымъ висѣли иконы, въ другомъ печурка съ самоваромъ, и много разныхъ мелочей.

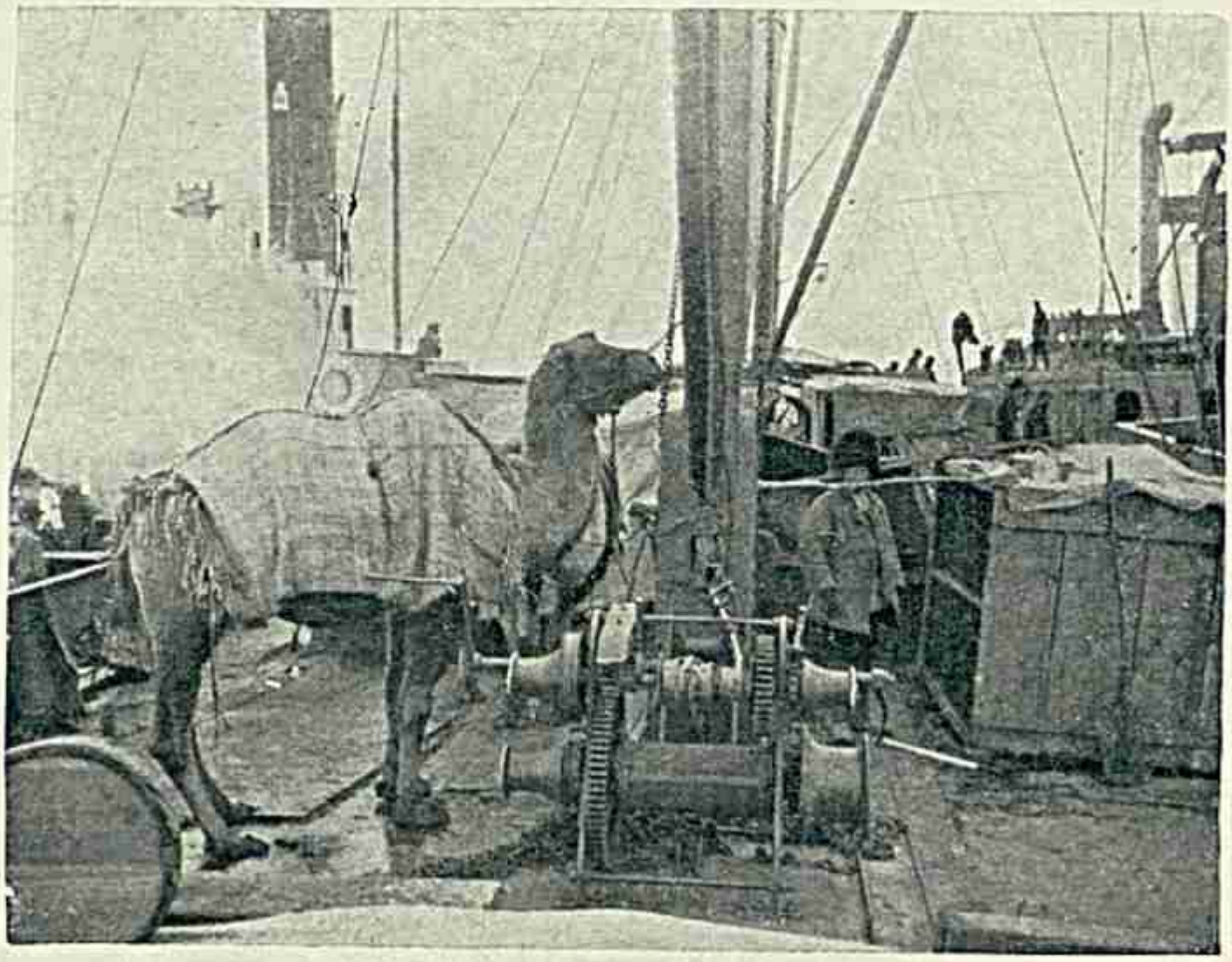
Самъ хозяинъ былъ здоровый парень, ростомъ выше шести футовъ, съ мужественнымъ лицомъ, свѣтлыми усами и синими глазами, которые умѣли смотрѣть и остро и мягко, и дерзко и мечтательно; къ этому надо прибавить хорошо очерченный подбородокъ и энергичный носъ. На видъ ему было тридцать съ небольшимъ. Его крупная фигура какъ-будто заполняла всю комнату, и я глазъ не могъ оторвать отъ него, пока онъ бесѣдовалъ съ Лорисъ-Меликовымъ, сидя на табуреткѣ передъ лампой, ярко освѣщавшей его лицо.

Онъ уже отбылъ ссылку и три года пользовался свободой, но остался тутъ, проводя въ одиночествѣ зиму и лѣто. Ему нужно было скопить денегъ, чтобы вернуться на родину, и онъ промышлялъ съ этой цѣлью лѣтомъ рыбной ловлею, а зимой—охотой на песцовъ и горностаевъ. Песцовъ онъ частью ловилъ капканами и силками, частью травилъ съ помощью стрихнина. За послѣднюю зиму его добычей стали двадцать семь бѣлыхъ песцовъ и нѣсколько штукъ горностаевъ. Добыча эта не такъ плоха, если принять во вниманіе, что шкура бѣлаго песца цѣнится въ 30 рублей.

Когда разговоръ зашелъ о Россіи и его родномъ Харьковѣ, на глазахъ у него выступили слезы. Жена его умерла года черезъ два послѣ того, какъ его отправили въ Сибирь, а дѣтей у нихъ не было. По его словамъ, у него не хватило бы духу поселиться, по возвращеніи на родину, въ той же части города и встрѣтиться тамъ съ роднею

ИЗБА ПОЛИТИЧЕСКАГО ССЫЛЬНАГО У СОПОЧНОЙ КАРГИ (26 АВГ.)

ВЕРБЛЮДЫ НА ПАЛУБѢ БАРЖИ (28 АВГ.).

ВОСТРОТИНЪ ПЕРВЫЙ ВЫСАДИЛСЯ НА БЕРЕГЪ, ГДѢ ЕГО ВСТРѢТИЛИ САМОѢДЫ (28 АВГ.).

жены. Придется поселиться гдѣ-нибудь на другомъ концѣ. Газетъ онъ не видѣлъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ, и такія событія, какъ, напримѣръ, Балканская война, явились для него полнѣйшей новостью.

По гостепріимному сибирскому обычаю, женщина подала намъ чай въ стаканахъ съ цвѣтными узорами и хлѣбъ; пришлось выпить даже не по одному стакану.

Наконецъ мы снова вышли на свѣжій воздухъ. Уже брезжилъ разсвѣтъ, и, послѣ того какъ мы купили нѣсколько пудовъ свѣжей рыбы, насъ повезли обратно на „Корректъ".

Правилъ лодкой великанъ-рабочій, и я невольно опять заглядѣлся на него. Онъ сидѣлъ на кормѣ и орудовалъ рулевымъ весломъ, такой могучій, спокойный и зоркій. Что̀ привязывало его теперь къ жизни и придавало ей цѣнность въ его глазахъ? Быть-можетъ, одиночество, которое онъ полюбилъ тутъ? Или его синіе мечтательные глаза прозрѣвали что-нибудь въ далекомъ будущемъ?

Мы распростились съ нашими спутниками, подняли якорь и двинулись дальше къ югу. Пришлось безпрерывно бросать лотъ; глубина колебалась между 12 и 5½ саж. Въ восемь часовъ утра лотъ показалъ пятисаженную глубину, которая держалась нѣкоторое время, доходя временами до 6½ саж., какъ вдругъ судно сѣло на мель и остановилось. Совершилось это такъ незамѣтно, что я продолжалъ спать и ничего не подозрѣвалъ, пока стюартъ не пришелъ сказать, что уже половина девятаго, и мы стоимъ на мѣстѣ.

Оказалось, мы слишкомъ близко подошли къ западному берегу, опасаясь наткнуться на Яковлеву Косу, идущую по серединѣ рѣки, и „Корректъ" сѣлъ носовой частью на мель. Давая машинѣ то передній, то задній ходъ, мы въ одиннадцать часовъ снялись-таки съ мели и тихимъ ходомъ направились къ восточному берегу, чтобы найти фарватеръ, но всего черезъ четверть часа снова сѣли на мель и только черезъ часъ двинулись дальше.

Мы все еще находились втрое ближе къ западному берегу, чѣмъ къ восточному, но фарватеръ и долженъ былъ находиться ближе къ западному, такъ какъ рѣка дѣлала здѣсь поворотъ вправо. Вотъ когда намъ сильно недоставало моторной лодки, которую хотѣлъ взять Востротинъ! Она могла бы итти впереди парохода и бросать лотъ. Пришлось послать съ этой цѣлью штурмана въ спасательной лодкѣ, и онъ скоро нашелъ глубину въ 10 саж. Очевидно, это и былъ фарватеръ; поэтому „Коррektъ“ тихимъ ходомъ направился туда, т.-е. къ юго-востоку, безпрестанно справляясь съ лотомъ.

Глубина съ 10 саж. дошла до 13-ти, потомъ до 12-ти, и держалась такъ довольно долго, но потомъ снова стало мельче—всего 5 саж. Машину застопорили и дали задній ходъ, но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ пароходъ задѣлъ за дно,—впрочемъ, едва замѣтно, и мы даже не были увѣрены, стоитъ онъ или идетъ. Дали полный ходъ назадъ, но тщетно. Лотъ показалъ $2^1/_4$ саж. у носа, $2^1/_2$ у середины киля и $3^1/_4$ подъ кормой, а „Корректъ“ сидѣлъ въ водѣ $2^3/_4$ саж.

Рѣшено было протащить за корму правый якорь съ помощью стального троса; тащили, пока не отдали 25 саж. якорной цѣпи. Тогда дали полный ходъ назадъ, подтягиваясь одновременно на якорѣ, но пароходъ сидѣлъ по-прежнему въ мягкомъ глинистомъ грунтѣ. Дулъ свѣжій остъ-зюйдъ-остъ, и теченіе сильно несло къ сѣверу, что̀ было особенно непріятно, такъ какъ это обѣщало убыль воды. Было небольшое волненіе, и пароходъ порядочно качало, но все-таки мы не двигались съ мѣста.

Около полуночи вода спала на футъ. Виною этому былъ юго-восточный вѣтеръ, а можетъ-быть, и отливъ.

Ночью шелъ дождь, и это дало надежду, что вода прибудетъ, какъ только вѣтеръ стихнетъ или измѣнитъ направленіе. Теченіе однако по-прежнему шло къ сѣверу со скоростью 4 миль въ часъ. Мы простояли на мели всю ночь.

Среда, 27 августа. Вѣтеръ подулъ съ юго-запада. То-и-дѣло налетаютъ шквалы съ дождемъ, такъ что вода можетъ прибыть. Теперь мы ждемъ только прилива, чтобы повторить попытку сойти съ мели. Въ половинѣ третьяго днемъ вода, казалось, поднялась настолько, что попытка обѣщала увѣнчаться успѣхомъ. И въ самомъ дѣлѣ, подтягиваясь на якорѣ и пятясь полнымъ ходомъ назадъ, мы наконецъ тихо и незамѣтно сошли съ мели. Сейчасъ же бросили на пятисаженной глубинѣ якорь, чтобы пообѣдать.

За обѣдомъ Лорисъ-Меликовъ вдругъ спросилъ:—„Съ какой радости мы стали на якорь?“ Я отвѣтилъ:—„Чтобы пообѣдать. Развѣ это не достаточная причина?“—„Да,—согласился онъ,—это во всякомъ случаѣ интереснѣе, чѣмъ сидѣть на мели“.

Потомъ послали лодку съ обоими штурманами для промѣра глубины, и они нашли фарватеръ на порядочномъ разстоянiи къ востоку. Тогда мы снова двинулись тихимъ ходомъ къ юго-востоку, между тѣмъ какъ штурмана продолжали итти впередъ на шлюпкѣ, бросая лотъ. Оказалось, что мы сѣли на мель, находящуюся къ сѣверу отъ Носовскаго острова и не нанесенную на карту.

Енисей въ этомъ мѣстѣ достигаетъ почти 39 верстъ въ ширину, и оба побережья низменныя, особенно западное. Такъ какъ фарватеръ проходитъ ближе къ восточному берегу, то западный берегъ едва-едва виденъ даже изъ бочки, а въ пасмурную погоду теряется изъ виду и восточный. При такихъ условiяхъ не такъ-то легко держаться узкаго фарватера, идущаго далеко отъ берега и къ тому же ничѣмъ не обозначеннаго.

Къ югу отъ насъ въ широкомъ разливѣ Енисея расположена тѣсная группа большихъ и малыхъ острововъ, совсѣмъ низкихъ и плоскихъ, скорѣе просто песчаныхъ и глинистыхъ отмелей, раздѣленныхъ мелководными и по большей части очень узкими проливами. Все это въ цѣломъ образуетъ родъ низменной плоской дельты, которая про-

должается далеко на сѣверъ большими подводными отмелями. Вся группа острововъ носитъ названіе Бреховскихъ острововъ.

Нашей цѣлью являлся самый сѣверо-восточный островъ Носоновской группы, который собственно раздѣленъ проливомъ на двѣ части. Тамъ мы должны были найти болѣе или менѣе удобную для выгрузки и нагрузки якорную стоянку. Тамъ же предстояло намъ встрѣтить пароходъ съ баржами. Онъ долженъ былъ прибыть съ юга какъ-разъ въ это время, а именно, согласно условію, вчера, 26 августа.

Но земли впереди все еще не было видно, даже изъ бочки, ни прямо къ югу ни къ юго-западу. Должно-быть, островъ этотъ настолько низменный и плоскій, что его нельзя различить на такомъ далекомъ разстояніи.

Безъ четверти въ семь я наконецъ завидѣлъ изъ бочки островъ, едва возвышавшійся надъ горизонтомъ направо. Съ лодки сообщили, что рѣка снова начала мелѣть. Лотъ показывалъ всего 4—5 саж. и даже того меньше. Мы бросили якорь, предоставивъ шлюпкѣ взять немного къ востоку, но тамъ оказалось всего $2^1/_2$ или 2 саж. Тогда ее послали къ западу, но и тамъ было мелко—всего 4 саж.

Я различилъ на юго-востокѣ буруны надъ мелью. Капитанъ поднялся въ бочку и увидалъ то же самое. Все это было крайне странно. Мы должны были находиться приблизительно по серединѣ теченія между восточнымъ берегомъ и островомъ. Выходило разногласіе съ картой. Похоже было, что мы попали въ тупикъ, но гдѣ же тогда фарватеръ?

Въ десять часовъ вечера мы пустили три ракеты и зажгли на обсерваціонной бочкѣ три синихъ огня, сигнализируя такимъ образомъ пароходу и баржамъ, которые, по условію, уже должны были прибыть съ юга къ Носоновскому острову. На „Корректѣ“ однако поговаривали, что если даже пароходъ прибылъ, то врядъ ли на немъ караулятъ

насъ и увидятъ наши сигналы, а если и увидятъ, то подумаютъ, что это просто полыхаетъ гдѣ-нибудь костеръ или сѣверное сіяніе.

Четвергъ, 28 августа. Въ пять часовъ утра мы наконецъ разглядѣли дымокъ парохода и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ мачты трехъ баржъ, стоявшихъ на якорѣ по другую сторону виднѣвшагося впереди низменнаго острова. Немного погодя мы увидѣли, что пароходъ спускается къ намъ, внизъ по рѣкѣ, медленно и осторожно, измѣряя передъ собою глубину длиннымъ шестомъ. Наконецъ онъ сталъ на якорь значительно восточнѣе насъ. Съ него спустили лодку, которая пошла впередъ, бросая лотъ. Должно-быть, фарватеръ не былъ глубокъ. Подойдя ближе, лодка направилась прямо къ намъ и скоро стала у нашего борта.

На палубу „Корректа“ поднялись два господина въ формѣ и одинъ штатскій. Послѣдній оказался довѣреннымъ Лида—Гуннаромъ Христенсеномъ. Это былъ на рѣдкость славный молодой человѣкъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Россіи и Красноярскѣ и прекрасно владѣвшій русскимъ языкомъ. Онъ прибылъ съ юга съ товарами, которые предстояло погрузить на „Корректъ“. Одинъ изъ господъ въ формѣ оказался капитаномъ парохода „Туруханскъ“, а другой—таможеннымъ чиновникомъ, который совершилъ съ двумя солдатами пограничной стражи длинный путь отъ самаго Иркутска спеціально для досмотра нашихъ товаровъ. Оплаченъ ихъ проѣздъ былъ Сибирскимъ Акціонернымъ Обществомъ. Я уже упоминалъ, что и годъ тому назадъ такой же чиновникъ съ солдатами, также за счетъ Общества, совершилъ этотъ рейсъ, но вернулся назадъ ни съ чѣмъ, такъ какъ пароходъ изъ Норвегіи въ тотъ разъ не добрался сюда.

„Туруханскъ“ съ баржами прибылъ вчера около полудня и бросилъ якорь у южной стороны острова, а мы, значитъ, пришли послѣ полудня.

Вотъ такъ аккуратность, если принять во вниманіе, что

они прошли съ юга 2.200 килом., а мы около 3.300 съ запада. Я, впрочемъ, не смѣю утверждать, что нашъ одновременный приходъ явился исключительно дѣломъ тонкихъ расчетовъ.

Вчера вечеромъ на „Туруханскѣ“ замѣтили послѣдній изъ нашихъ сигналовъ—синій огонь, но, разумѣется, приняли его за сѣверное сіяніе или что-нибудь въ этомъ родѣ. Сегодня рано утромъ они собрались двинуться дальше къ югу, къ Гольчихѣ, съ одною изъ баржъ, но только-что успѣли обогнуть мысъ, какъ увидѣли дымъ нашего парохода. Пришлось имъ вернуться обратно, чтобы оставить тамъ баржу и принять на бортъ Христенсена, который остался-было съ остальными баржами.

Капитанъ „Туруханска“ объяснилъ намъ, что мы стояли въ бухтѣ отмели, тянувшейся къ западу отъ острова, и намъ нужно вернуться немного назадъ къ сѣверу, а затѣмъ уже къ востоку, гдѣ шелъ фарватеръ. Самъ онъ вернулся на свой пароходъ, который сейчасъ же пошелъ впередъ, измѣряя глубину, а слѣдомъ за нимъ въ кильватерѣ двинулись и мы, чувствуя себя теперь въ полной безопасности.

Тѣмъ временемъ намъ подали завтракъ, который раздѣлилъ съ нами таможенный чиновникъ. Этотъ тихій и слабый на видъ человѣкъ, недавно перенесшій тяжелую болѣзнь, оказался вообще очень симпатичнымъ, обнаруживавшимъ трогательную привязанность къ животнымъ. За завтракомъ онъ разсказывалъ намъ о своемъ ручномъ оленѣ и другихъ животныхъ, оставшихся у него дома въ Иркутскѣ. Очевидно, животныя были его страстью, и нельзя назвать эту страсть предосудительной.

Наконецъ мы обогнули мысъ южнаго Носоновскаго острова и подошли къ баржамъ, стоявшимъ на якорѣ немного подальше къ югу, у такъ называемаго Носоновскаго песка, гдѣ на берегу виднѣлось нѣсколько построекъ и палатокъ. Здѣсь намъ была устроена торжественная

встрѣча, сопровождавшаяся громкимъ ружейнымъ салютомъ съ баржъ, и намъ пришлось, по мѣрѣ силъ и возможности, отвѣтить выстрѣлами изъ винтовокъ и револьверовъ.

Отмель тянулась такъ далеко, что мы бросили якорь километрахъ въ двухъ отъ берега, да и то подъ килемъ оставалось не больше двухъ-трехъ футовъ, такъ что, когда вода потомъ спала, „Корректъ“ очутился снова на мели,— пятый разъ за все время пути, но не послѣдній, такъ какъ на обратномъ пути онъ ухитрился еще два раза сѣсть на мель въ устьѣ Енисея.

Всѣ окружавшіе острова были низменные; нигдѣ ни кряжа ни холма. На востокѣ, по ту сторону широкой глади рѣки, виднѣлся довольно высокій берегъ материка съ крутыми обрывами, но съ плоскою поверхностью. Дальше тянулась безконечная голая тундра. Островъ, у котораго мы стояли, былъ тоже низменный и плоскій, какъ и вся группа Бреховскихъ острововъ, которая во время сильнаго разлива Енисея весною и въ іюлѣ мѣсяцѣ иногда покрывается водою.

Послѣ того какъ мы стали на якорь, „Туруханскъ“ подвелъ къ каждому борту „Корректа“ по баржѣ, чтобы немедленно приняться за перегрузку.

На одной изъ баржъ привезены были два верблюда изъ Монголіи, два медвѣдя изъ сибирскихъ лѣсовъ (третьяго медвѣдя уцѣлѣвшая парочка отправила на тотъ свѣтъ), одинъ волкъ (второй удавился, а третій сбѣжалъ во время пути) и дикая коза. Всѣ эти звѣри предназначались для продажи въ Европу. Кромѣ нихъ на палубѣ лежала еще на привязи беременная сука-пойнтеръ Христенсена, такъ что образовался настоящій звѣринецъ.

Странно было среди этой суровой и голой сѣверной природы вдругъ увидѣть верблюдовъ, терпѣливо, съ чисто восточной флегмой, ожидавшихъ своей участи на палубѣ большой желѣзной баржи гамбургскаго происхожденія.

Какой контрастъ съ окружающей природой представляли ихъ своеобразные, вѣчно осклабленные рты или жирные горбы и мягкая шерсть, теплаго золотисто-коричневаго оттѣнка, отъ которой какъ-будто вѣяло зноемъ палящаго солнца и сыпучихъ песковъ пустыни Гоби!

Палуба второй баржи была завалена большими бревнами сибирскаго кедра, сосны и ели; трюмъ же былъ наполненъ тюками льна и конопли, кожъ, шерсти и волоса. Кромѣ того, привезено было много оленьихъ и лосиныхъ роговъ, около 30 тоннъ графита и т. п. Чувствовалось, что находишься у преддверья могучей страны, обнимающей пространство отъ самой тундры и тайги на сѣверѣ до пустынь Монголіи на югѣ.

Между прочимъ находился на баржахъ и полицейскій чинъ въ парѣ съ толстымъ жандармомъ, которые прибыли, должно-быть, наблюдать за нами, а въ особенности, пожалуй, слѣдить за тѣмъ, какъ бы кто-нибудь изъ политическихъ ссыльныхъ не сбѣжалъ на „Корректѣ“ въ Европу. Зато, если бы сбѣжала пара-другая уголовныхъ, они, вѣрно, не огорчились бы.

Итакъ, мы стояли на якорѣ въ назначенномъ мѣстѣ, и наше путешествіе на „Корректѣ“ было кончено. Теперь оставалось выгрузить и снова нагрузить товары, а это никогда и нигдѣ не представляетъ особаго интереса.

Трое изъ насъ должны были отправиться дальше вверхъ по Енисею, и, понятное дѣло, мы съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ждали часа отъѣзда. Востротинъ съ Лорисъ-Меликовымъ тоже направлялись черезъ Енисейскъ въ Красноярскъ, откуда имъ предстояло вернуться въ Россію. Но больше всѣхъ торопился, пожалуй, я, такъ какъ мнѣ нужно было попасть въ Красноярскъ до 25 сентября, чтобы застать тамъ Вурцеля и проѣхаться съ нимъ въ Восточную Сибирь и Пріамурье.

Планъ былъ таковъ, что мы продолжимъ путь вверхъ по рѣкѣ на буксирномъ пароходѣ, который поведетъ

баржи, какъ только онѣ кончатъ нагрузку. Къ несчастью, для такой большой работы, какъ перегрузка съ „Корректа“ на баржи и съ баржъ на „Корректъ“, имѣлось всего восемь человѣкъ, и на баржахъ была только ручная лебедка.

По нашимъ прежнимъ расчетамъ, на перегрузку должно было понадобиться больше недѣли времени, но при такомъ недостаткѣ рабочихъ рукъ эта работа могла потребовать нѣсколько недѣль. Затѣмъ самый рейсъ на буксирномъ пароходѣ вверхъ по рѣкѣ до Енисейска могъ взять у насъ не меньше трехъ недѣль, разъ предстояло тащить столько перегруженныхъ баржъ противъ сильнаго теченія. Добраться такимъ способомъ до Красноярска къ 25 сентября не представлялось возможнымъ, и мнѣ было лучше сразу отказаться отъ мысли застать тамъ Е. Д. Вурцеля.

Да и не близкій предстоялъ путь: до Енисейска по рѣкѣ оставалось еще около 1.800 верстъ, да отъ Енисейска до Красноярска считается 330 верстъ берегомъ или 391 верста по водѣ. Въ общемъ выходитъ, считая по прямой линіи, разстояніе какъ отъ Нордкапа до Берлина или отъ Христіаніи до Неаполя.

V. НОСОНОВСКІЙ ПЕСОКЪ. САМОѢДЫ.

Туземныя племена по Енисею. — Самоѣды и ихъ исторія. — Въ гостяхъ у енисейскихъ самоѣдовъ.—Положеніе женщины.—Христіанство и идолопоклонство. — Чистка чума. — Внѣшній видъ. — Пьяный старшина.—Туземная честность. — Монастырское подворье, монахи и монахини. — Рыбные промыслы на Енисеѣ.

Въ предпринятомъ мною путешествіи меня больше всего привлекала возможность поближе познакомиться съ сибирскими инородцами. Первобытные народы всегда сильно интересовали меня, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ были первобытнѣе, а въ этой удивительной странѣ такихъ народовъ очень много, и они вдобавокъ, какъ это ни странно, сравнительно мало изучены.

Плывя вверхъ по рѣкѣ до Енисейска, я надѣялся увидѣть немало племенъ: во-первыхъ, такъ называемыхъ енисейскихъ самоѣдовъ и юраковъ; затѣмъ, между Енисеемъ и Обью, самоѣдовъ-остяковъ и настоящихъ остяковъ, (племя угро-финскаго происхожденія); далѣе по восточному берегу Енисея—долгановъ, потомъ загадочный народецъ—енисейскихъ остяковъ, рѣзко отличающихся отъ остальныхъ и, по всей вѣроятности, являющихся остатками когда-то многочисленнаго и могучаго народа, населявшаго большія пространства Сибири; затѣмъ широко распространенное племя тунгузовъ, и наконецъ разбросанныхъ тамъ и сямъ якутовъ,—не считая русскихъ.

Словомъ, даже на этомъ пространствѣ пути было больше, чѣмъ достаточно, матеріала для лингвиста и антрополога. Послѣ выдающагося финскаго языковѣда Александра Кастрена, побывавшаго здѣсь около середины прошлаго столѣтія, и великаго изслѣдователя Миддендорфа, посѣтившаго Сибирь приблизительно въ то же время, эти народы и ихъ языкъ мало изучались.

Несмотря на свою сравнительную немногочисленность, самоѣды широко, не въ примѣръ прочимъ, распространились по европейско-сибирской тундрѣ и сѣвернымъ лѣсистымъ районамъ, отъ самой Хатангской бухты на восточномъ побережьѣ Таймырскаго полуострова и до самаго Бѣлаго моря на западѣ, т.-е. на протяженіи около 2.700 верстъ. Въ прежнее время они занимали большія пространства и на югѣ, а на сѣверныхъ склонахъ Саянскихъ горъ, по притокамъ Енисея Кану и Манѣ, до сихъ поръ уцѣлѣло маленькое обособленное племя самоѣдовъ, такъ называемыхъ комашинцевъ, которые говорятъ на самоѣдскомъ нарѣчіи.

Откуда взялись эти самоѣды, населившіе такія большія пространства, признаться, мало извѣстно. Существующія относительно этого многочисленныя гипотезы, безъ сомнѣнія, равноцѣнны высказанной однимъ ученымъ монахомъ, вручившимъ Кастрену рукопись, гдѣ онъ доказалъ, какъ дважды два—четыре, что самоѣды происходятъ отъ израильтянъ, такъ какъ имъ извѣстны 10 заповѣдей. Обычно принято считать, что этотъ народъ, раздробленный на племена, первоначально обиталъ въ Алтайскихъ и Саянскихъ горахъ. Китайскіе историки упоминаютъ въ VII вѣкѣ о народѣ *дубо*, жившемъ на нагорьяхъ Алтая и частью на восточномъ берегу озера Коссогола. Они не занимались ни скотоводствомъ ни земледѣліемъ, а были рыбаками и охотниками. Упоминаются и еще два родственныхъ имъ племени. На ногахъ у нихъ были деревянные кони (лыжи), опирались они руками на подпорки (лыжные посохи), и каждый

шагъ ихъ былъ во сто разъ больше шага обыкновеннаго человѣка, а занимались они по ночамъ кражами и разбоемъ.

Д-ръ Вильгельмъ Радловъ, несомнѣнно, правъ, утверждая, что эти племена дубо—тѣ же тубинцы, которые часто фигурируютъ въ исторіи Сибири XVII вѣка и которые вмѣстѣ съ двумя соплеменными народами, маторами и комашинцами, отличались воинственнымъ нравомъ и долго противились русскому владычеству, пока въ половинѣ XVII вѣка не сложили оружіе и не начали платить ясакъ. Эти три племени были, должно-быть, лѣсные самоѣды-охотники, которые необыкновенно хорошо стрѣляли изъ луковъ. Въ настоящее время, за исключеніемъ немногихъ комашинцевъ, племена эти совершенно исчезли и слились съ тюрками и татарами.

Съ Алтая самоѣды, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, переселились на сѣверъ, спасаясь отъ новыхъ завоевателей Алтая, Хіонгъ-ну и другихъ тюркскихъ племенъ. Мидендорфъ полагаетъ даже, что самоѣды бѣжали въ такомъ паническомъ страхѣ, что не рѣшились остановиться ни въ Барабинской степи ни въ дремучихъ лѣсахъ между Енисеемъ и Обью, и, только оставивъ позади себя широкій поясъ лѣсовъ и снова добравшись до степныхъ пространствъ, почувствовали себя, какъ дома, и осѣли въ тундрѣ среди финскихъ племенъ,—главнымъ образомъ среди остяковъ на западѣ и тунгузовъ, населявшихъ болѣе гористыя мѣстности на юго-востокѣ.

Подобныя гипотезы, по моему, рѣшительно не выдерживаютъ критики. Своеобразная культура, обусловливаемая кочевой жизнью въ тундрахъ, создалась не въ одинъ день, не въ годъ и даже не въ два-три столѣтія, но является результатомъ медленнаго развитія, въ которомъ принимали участіе одно за другимъ многія поколѣнія въ продолженіе многихъ вѣковъ, если только не тысячелѣтій. Народъ, бѣжавшій съ Алтая на сѣверъ и совершенно неприспособленный къ жизни въ тундрѣ, неминуемо долженъ былъ

погибнуть голодной смертью, если бы не столкнулся тамъ съ другимъ народомъ, культура котораго создавалась примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, и не усвоилъ бы себѣ его культуру, покоривъ этотъ народъ. Для того, чтобы вести кочевую жизнь въ гундрѣ, имъ нужно было хотя бы научиться приручать оленей и пользоваться ими, какъ домашними животными, а это дается не сразу. Своеобразная культура кочевниковъ потребовала для своего развитія немало вѣковъ.

Кромѣ того, о древнихъ алтайскихъ племенахъ самоѣдовъ упоминалось, что они не занимались скотоводствомъ, а охотились и ловили рыбу,—слѣдовательно, были совершенно чужды культурѣ кочевниковъ, требовавшей оленеводства. Впрочемъ, намъ извѣстны и въ настоящее время такія племена самоѣдовъ, которыя занимаются какъ-разъ охотой и рыбной ловлей и не держатъ оленей. То же самое часто наблюдается среди самоѣдовъ-остяковъ, живущихъ въ лѣсахъ между Обью и Енисеемъ и пользующихся собаками въ качествѣ упряжныхъ животныхъ.

Я склоненъ думать, что какъ упомянутыя, такъ и многія другія теоріи о внезапныхъ и далекихъ переселеніяхъ цѣлыхъ племенъ въ Азіи въ значительной степени обязаны своимъ возникновеніемъ вліянію аналогичныхъ теорій о переселеніяхъ народовъ Европы. Такъ лестно перемѣщать съ востока на западъ, съ юга на сѣверъ цѣлыя племена, словно фигуры на шахматной доскѣ! Да, если бы рѣчь шла о воинственныхъ полчищахъ, которыя бы покоряли и грабили населенныя мѣста,—это еще куда бы ни шло; но упомянутыя теоріи теряютъ всякій смыслъ, когда дѣло идетъ о переселеніи съ юга на сѣверъ, въ дикую тундру, гдѣ пришельцамъ предстояло создать себѣ новую культуру для обезпеченія самаго существованія своего, пусть даже охотничье племя и могло расчитывать пробавляться на новыхъ мѣстахъ рыбной ловлей и охотой по берегамъ такихъ большихъ рѣкъ, какъ Обь или Енисей.

Безспорно, среди ученыхъ существовала тенденція считать колыбелью большинства племенъ Центральную Азію, откуда они будто бы разсѣялись вѣерообразно во всѣ стороны. Мнѣ однако не совсѣмъ понятно, почему собственно колыбелью столькихъ народовъ непремѣнно должна быть Средняя Азія? Намъ вѣдь рѣшительно ничего неизвѣстно о колыбели человѣчества; знаемъ мы только, что и моментъ появленія людей на землѣ и та эпоха, когда они, размножившись, начали разбиваться на отдѣльныя племена, относится къ временамъ, отдѣленнымъ отъ насъ сотнями тысячъ лѣтъ, а такое знаніе нисколько не разрѣшаетъ вопроса о томъ, какъ образовались и распространялись по землѣ нынѣ существующіе народы.

Не слѣдуетъ забывать и того важнаго обстоятельства, что обычное дѣленіе народовъ на племена, какъ-то: угрофинское, самоѣдское, тюрко-татарское, монгольское, тунгузское, манчжурское и т. п., всецѣло основывается на различіи языковъ и имѣетъ мало общаго съ дѣйствительными расовыми отличіями и происхожденіемъ этихъ народовъ. Народъ, попавшій въ зависимое положеніе по отношенію къ другому или просто вступившій въ тѣсное общеніе съ послѣднимъ, легко перенимаетъ его языкъ и культуру, хотя бы и не имѣлъ съ нимъ ничего общаго по своему происхожденію.

Такихъ примѣровъ у насъ много. Наши норвежскіе горные финны говорятъ на языкѣ, родственномъ финскимъ нарѣчіямъ—квенскому и карельскому, между тѣмъ отнюдь не родственны этимъ племенамъ по происхожденію. Другимъ примѣромъ служатъ болгары, народъ финскаго племени, говорившій на финскомъ языкѣ еще въ IX вѣкѣ, но перенявшій во время своихъ странствій по Россіи славянскій языкъ и осѣвшій на устьѣ Дуная уже въ качествѣ ославянившагося племени.

Если на Алтаѣ встрѣчаются небольшія племена или остатки древняго населенія, говорящіе на самоѣдскомъ

языкѣ, и у насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ того, что эти племена когда-то переселились туда, гдѣ мы ихъ находимъ въ настоящее время, то мы, во всякомъ случаѣ, можемъ вывести изъ этого заключеніе, что въ давно-минувшія времена самоѣдскій языкъ былъ распространенъ значительно шире къ югу, чѣмъ въ настоящее время, а также, что на этомъ языкѣ говорили различныя племена, обитавшія на пространствѣ отъ самаго Алтая до сѣверной тундры, главнымъ же образомъ, вѣроятно, вдоль большихъ водныхъ путей Оби и Иртыша съ ихъ притоками, а возможно—и по Енисею съ притоками. Этимъ, впрочемъ, отнюдь не доказывается, что народы, говорящіе на самоѣдскомъ языкѣ, переселялись къ сѣверо-западу и къ сѣверу отъ Алтая; скорѣе же переселеніе ихъ шло въ обратномъ направленіи: изъ большихъ лѣсныхъ и рѣчныхъ районовъ, гдѣ условія благопріятствовали охотѣ и рыбной ловлѣ—на юго-востокъ, къ Алтаю, и въ другомъ направленіи – на сѣверъ, въ тундру *).

Принадлежали ли различныя племена, говорящія на самоѣдскомъ языкѣ, первоначально къ одному племени—уже другой вопросъ, разрѣшить который не такъ-то легко. Есть много указаній на то, что современные самоѣды довольно неоднородная, смѣшанная раса. По Миддендорфу,

*) Кай Доннеръ, прочитавъ вышеизложенное, сообщилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, самоѣды въ тѣ времена, когда говорили на одномъ общемъ языкѣ, обитали значительно западнѣе, нежели можно предположить, судя по ихъ нынѣшнему разселенію. Родина угро-финскихъ племенъ находилась вѣдь къ западу отъ Урала, и это наводитъ на мысль, что и родина самоѣдовъ—въ уральскихъ областяхъ, откуда они уже впослѣдствіи разселились въ разныя страны, при чемъ къ Ледовитому океану попали лишь въ позднѣйшія времена. Объ этомъ говоритъ, между прочимъ, то, что на ихъ собственномъ языкѣ не имѣется слова для обозначенія моря. Исходя изъ этого, приходится допустить, что родина ихъ находилась значительно западнѣе, нежели вообще предполагалось; но мнѣ кажется, что такая большая и богатая рыбой рѣка, какъ Обь, могла обезпечить подобному народу какъ средства къ существованію, такъ и къ размноженію и распространенію.

такъ называемые тавги или авамскіе самоѣды являются низкорослымъ (154 сантим.) финскаго типа племенемъ, среди котораго человѣкъ ростомъ въ 164 сантим. считается чуть не великаномъ. Есть однако и другія племена, какъ, напримѣръ, встрѣченныя нами хотя бы на Ямалѣ, а также здѣсь по Енисею, представители которыхъ достигаютъ значительнаго роста и по внѣшности скорѣе подходятъ къ „монгольскому“ типу.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что въ Сибири трудно вообще ожидать встрѣтить чистую расу, такъ какъ различныя племена жили здѣсь слишкомъ скученно, въ слишкомъ тѣсномъ общеніи между собою. Кромѣ того, среди сибирскихъ племенъ считается неправильнымъ брать себѣ жену или женъ изъ собственнаго племени: женятся обычно на женщинѣ чужого, по возможности даже враждебнаго племени; это, очевидно, пережитокъ тѣхъ временъ, когда женщины считались добычей побѣдителей.

Итакъ, можно было заранѣе ожидать встрѣтить въ Сибири смѣсь племенъ, типовъ и расъ. Такъ оно и есть. Поэтому болѣе, чѣмъ естественно, что, напримѣръ, восточные самоѣды имѣютъ большое сходство съ долганами, якутами и тунгузами, между тѣмъ какъ, по сообщенію Кая Доннера, не только комашинцы на сѣверномъ склонѣ Саянскихъ горъ, но и самоѣды-остяки носятъ замѣтный отпечатокъ татарской примѣси. Различать племена и народы Сибири по одной внѣшности и анатомическому строенію поэтому трудно, хотя у каждаго племени и есть свои довольно характерныя особенности, отличающія, напримѣръ, типичныхъ сѣверо-восточныхъ самоѣдовъ отъ тунгузовъ или енисейскихъ остяковъ.

Въ одномъ можно быть вполнѣ увѣреннымъ, а именно, что кочевническая культура тундры съ ея оленеводствомъ насчитываетъ немало вѣковъ и восходитъ къ давно-минувшимъ временамъ. Изъ свидѣтельства Оттара мы узнаемъ, что оленеводство въ Сѣверной Норвегіи существовало еще

въ IX в., да не только существовало, но уже достигло къ тому времени значительнаго развитія. Было бы однако ошибкою предполагать, что сѣверно-норвежская культура создалась независимо отъ опиравшейся на оленеводство культуры Азіи, разъ на всемъ протяженіи отъ Финмаркена до Восточной Сибири живутъ кочевники-оленеводы Связь между этими культурами несомнѣнна, и зародилось оленеводство скорѣе всего на востокѣ, въ великой Сибирской тундрѣ, въ давно-минувшія времена, среди неизвѣстнаго первобытнаго племени, предшествовавшаго самоѣдамъ. Менѣе вѣроятно, но возможно, что оно возникло среди охотничьяго племени, говорившаго по-самоѣдски и населявшаго сѣверную часть лѣсныхъ районовъ; мало-по-малу это племя начало приручать оленей и держать ихъ въ качествѣ домашнихъ животныхъ; это и положило основаніе всей кочевнической культурѣ тундры *).

Для насъ „самоѣдъ"—родовое названіе всѣхъ племенъ, говорящихъ по-самоѣдски; но ни одно изъ нихъ само не называетъ себя этимъ именемъ. Очевидно, слово это русскаго происхожденія, и по смыслу его выходитъ, что самоѣды поѣдаютъ самихъ себя или себѣ подобныхъ, т.-е. являются людоѣдами. Должно-быть, у русскихъ были свои основанія назвать такимъ именемъ туземцевъ, съ которыми они столкнулись на сѣверо-востокѣ Сибири, и вполнѣ возможно, что туземцы эти были способны во время голодовокъ поѣдать своихъ мертвецовъ; обычай этотъ наблюдается во многихъ другихъ частяхъ свѣта. Впрочемъ,

*) Кай Доннеръ вполнѣ присоединяется къ такой точкѣ зрѣнія. Онъ полагаетъ, что оленеводство должно быть наслѣдіемъ первобытной сѣверной культуры, которую позже переселившійся въ тундру народъ усвоилъ себѣ, быть-можетъ, отъ уже исчезнувшихъ первобытныхъ обитателей великой тундры. Это не исключаетъ возможности гораздо болѣе широкаго распространенія оленеводства въ древнія времена. Поразительно во всякомъ случаѣ, что терминологія оленеводства у различныхъ народовъ имѣетъ мало общаго. Это, пожалуй, указываетъ на то, что олень былъ съ древнѣйшихъ временъ въ ходу у всѣхъ этихъ народовъ.

крайне сомнительно, чтобы именно этотъ обычай далъ самоѣдамъ ихъ имя. Но и попытки объяснить происхожденіе слова „самоѣдъ“ сходствомъ его съ финскимъ словомъ „суоми“ врядъ ли пріемлемы. Вѣрнѣе всего, во всякомъ случаѣ, что произошло это слово отъ того или другого иностраннаго, которое по созвучію превратилось въ „самоѣда“. Это обычный пріемъ народной этимологіи.

Въ настоящее время принято дѣлить самоѣдовъ на пять главныхъ племенъ. Первое—тавги, или, какъ мы можемъ назвать ихъ, таймырскіе самоѣды, живущіе на Таймырскомъ полуостровѣ, къ востоку отъ Енисея и Хатангской бухты. Это кочевники-оленеводы, хотя на ряду съ оленеводствомъ промышляютъ и рыбной ловлей въ рѣкахъ и озерахъ и охотою на дикихъ оленей и пушного звѣря. Второе — енисейскіе самоѣды, разселившіеся по Енисею. Они также держатъ оленей, но въ меньшемъ количествѣ, и живутъ главнымъ образомъ рыбной ловлей въ рѣкѣ и охотой. Третье—юраки, разсѣянные отъ Енисея до самаго Бѣлаго моря. Это собственно кочевники-оленеводы, но также занимаются и охотой и рыболовствомъ. Четвертое—самоѣды-остяки, населяющіе сѣверный районъ къ югу отъ тундры. Болѣе сѣверные остяки-самоѣды держатъ оленей, болѣе южные промышляютъ исключительно охотой и рыбной ловлей, а въ качествѣ домашнихъ животныхъ держатъ собакъ да изрѣдка лошадей. Пятое племя — комашинцы, живутъ по сѣверному склону Саянскихъ горъ, изолированно отъ прочихъ самоѣдскихъ племенъ.

Эти главныя племена говорятъ на разныхъ языкахъ и подраздѣляются на болѣе мелкія, говорящія опять-таки на различныхъ нарѣчіяхъ. Самоѣдскіе языки извѣстны благодаря фундаментальному труду Кастрена, но послѣ него ими мало интересовались, пока районы Оби и Енисея не посѣтилъ недавно Кай Доннеръ, молодой финскій филологъ, изучавшій спеціально остяцко-самоѣдское нарѣчіе. Онъ сообщилъ мнѣ, что эти самоѣды, численностью около

3.000 душъ, говорятъ болѣе, чѣмъ на двадцати различныхъ нарѣчіяхъ. Принимая во вниманіе, что самоѣдскія племена разбросаны на столь огромныхъ пространствахъ и раздѣлились, по свидѣтельству Доннера, самое меньшее двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ,—не приходится удивляться ни такому обилію различныхъ нарѣчій ни бытовымъ отличіямъ самыхъ племенъ.

То обстоятельство, что самоѣдскій языкъ менѣе распространенъ теперь къ югу, нежели въ былое время, объясняется вліяніемъ другихъ культуръ и языковъ, которые вытѣснили болѣе ранніе. Возможно, что народы, говорившіе по-самоѣдски, были оттѣснены къ сѣверу, но возможно также, что они понемногу переняли чужой бытъ и языкъ, такъ какъ нѣкоторыя самоѣдскія племена,—напримѣръ, тубинцы и маторы,—переняли тюркскій или татарскій языки и теперь считаются тюрками и татарами.

Самоѣды принадлежатъ, разумѣется, къ числу тѣхъ малокультурныхъ народовъ, которые сильно страдаютъ и вырождаются отъ соприкосновенія съ европейской цивилизаціей. Правда, среди самоѣдовъ тундры и теперь еще немало людей вполнѣ самостоятельныхъ и даже богачей, имѣющихъ тысячи по двѣ, по три оленей, но общее благополучіе самоѣдовъ требуетъ той культуры, которую они сами создали, съ которою сроднились вѣками; европейская цивилизація не можетъ дать имъ чего-либо цѣннаго; напротивъ, она прививаетъ имъ новыя привычки и потребности, которыя трудно удовлетворить при ихъ образѣ жизни; поэтому многіе самоѣды при болѣе тѣсномъ общеніи съ русскими бѣднѣютъ все больше и больше. Случись вдобавокъ голодный годъ—имъ приходится совсѣмъ плохо. Миддендорфъ описываетъ одинъ голодный годъ, унесшій больше половины племени, которое ошиблось въ своихъ расчетахъ на рыбную ловлю и охоту на дикихъ звѣрей. Оленья чума, падежъ скота легко разоряютъ даже богатыхъ самоѣдовъ, которымъ уже трудно возстановить свое

благосостояніе, тѣмъ болѣе, что немалою помѣхою является соблазнительная водка скупщиковъ. Вырожденіе самоѣдовъ тѣмъ печальнѣе, что только они одни съ ихъ укладомъ жизни могутъ использовать необозримыя пространства тундры, чему никогда не выучатся бѣлыя расы.

Кай Доннеръ дѣлаетъ по поводу этого много интересныхъ замѣчаній. Такъ, напримѣръ, онъ убѣдился, что на крайнемъ сѣверѣ тундры туземцы вымираютъ только въ случаяхъ сильныхъ эпидемій. Иначе обстоитъ дѣло на югѣ. Здѣсь вымираніе идетъ гигантскими шагами; дѣтская смертность достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ 50%, и причина ея, по мнѣнію Доннера, не въ дурныхъ условіяхъ жизни и не въ болѣзняхъ новорожденныхъ, но въ крайней физической слабости родителей, вызываемой рѣзкимъ измѣненіемъ бытовыхъ условій при переходѣ отъ кочевой жизни на просторѣ къ прозябанію въ душныхъ избахъ. Къ этому присоединяются вдобавокъ водка, сифилисъ и т. д. Кромѣ того, русскіе отбираютъ у южныхъ самоѣдовъ лучшіе участки охотничьихъ и рыбныхъ промысловъ, что тоже способствуетъ ухудшенію ихъ положенія; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если самоѣды южныхъ областей быстрыми и вѣрными шагами идутъ къ окончательному вымиранію.

На берегу виднѣлся домикъ и нѣсколько землянокъ, гдѣ, должно-быть, проживали русскіе, ловящіе здѣсь лѣтомъ рыбу. Немного подальше стояло нѣсколько самоѣдскихъ чумовъ. Эти-то чумы съ ихъ обитателями главнымъ образомъ и интересовали насъ.

Послѣ обѣда мы компаніей отправились на берегъ, куда высыпали встрѣчать насъ туземцы. Вслѣдствіе мелководья наша лодка сѣла на мель на значительномъ разстояніи отъ берега, и было мало вѣроятія, что мы доберемся до него иначе, нежели въ бродъ.

Стоявшіе на берегу указывали намъ мѣсто подальше къ востоку, гдѣ стояла на привязи чья-то лодка. Тамъ

было немного глубже, и, перелѣзши черезъ ту лодку, мы сравнительно сухими достигли берега. Вообще лодки здѣсь стоятъ на якорѣ поодаль отъ берега, и до нихъ добираются въ бродъ, часто по поясъ въ водѣ. Впрочемъ, самоѣды не подвергаются опасности вымокнуть: ихъ кожаные штаны наглухо пришиты къ комагамъ.

Первый ступилъ на берегъ Востротинъ, какъ и полагалось народному представителю этой области. Вѣдь насъ ожидали на берегу граждане, избравшіе его въ Государственную Думу. Мы такъ и прозвали его „владыкой самоѣдовъ".

Мѣстные жители оказались самоѣдами съ восточнаго берега Енисея, а не юраками, за которыхъ мы ихъ было-приняли съ виду, такъ какъ они были одѣты въ темные юрацкіе балахоны изъ оленьихъ шкуръ, съ капюшонами и красною каймой. Должно-быть, они раздобыли эти одѣянія отъ юрацкихъ женщинъ, на которыхъ нѣкоторые изъ нихъ были женаты.

Вообще, судя по внѣшнему виду, юраки района западнаго берега Енисея и енисейскіе самоѣды принадлежатъ къ близко-родственнымъ племенамъ. Ихъ нарѣчія, правда, нѣсколько отличны, но происходятъ отъ одного корня.

Когда мы очутились на берегу, насъ, разумѣется, оглядѣли и ощупали со всѣхъ сторонъ, но наибольшее любопытство возбудили въ новыхъ знакомыхъ наши ружья. Самоѣды осторожно брали ихъ въ руки, точно драгоцѣнныя бездѣлушки, и затѣмъ оглядывали и ощупывали со всѣхъ сторонъ.

Жили самоѣды въ пяти чумахъ, стоявшихъ на ровномъ мѣстѣ вдоль крутого, обрывистаго берега. Все это были самоѣды-оленеводы, но олени ихъ находились въ тундрѣ, въ 70 верстахъ по ту сторону Енисея, сами же они пришли сюда на лѣто ловить рыбу. У большинства изъ нихъ было по 200 головъ оленей, и тѣмъ не менѣе они не считались богатыми людьми. Оттого и ловили рыбу, тогда какъ богачи, обладающіе тысячью или двумя тысячами оленей,

никогда не унизятся до рыболовства и круглый годъ живутъ въ тундрѣ со своими стадами.

Хозяинъ перваго чума, въ который мы вошли, съ гордостью ткнулъ пальцемъ на своихъ женщинъ и сообщилъ, что у него двѣ жены. Одна изъ нихъ сидѣла, скрестивъ ноги, и сшивала оленьи шкуры. Возлѣ нея находился малышъ лѣтъ трехъ-четырехъ съ длинными свѣтло-каштановыми кудрями. Немудрено, что глаза наши какъ-то сами собою съ удивленіемъ стали переходить съ ребенка то на мать, то на отца, которые оба были черны, какъ смоль. Мамаша вдобавокъ была пребезобразною карлицей-хромоножкой, и трудно было предположить, чтобы она вообще могла соблазнить кого-нибудь, будь то самоѣдъ или русскій

У второй жены былъ грудной младенецъ. Онъ лежалъ въ люлькѣ, подвѣшенной къ покатой стѣнѣ чума на противоположной сторонѣ, а мать притаилась за шкурой, замѣнявшею дверь, и ее не легко было разглядѣть.

Собственно говоря, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у племени, покупающаго себѣ женъ, часто за большія деньги, и разсматривающаго ихъ какъ собственность мужей, которые могутъ даже отдавать женъ внаймы и вообще извлекать изъ нихъ выгоды, какія заблагоразсудится,—потомство получается смѣшанное. По словамъ Миддендорфа, напримѣръ, казаки, золотоискатели и прочій пришлый людъ брали себѣ на лѣто, а иногда и на зиму туземокъ въ жены за соотвѣтствующую плату. Самоѣдъ, у котораго двѣ жены, всегда готовъ отдать одну изъ нихъ на прокатъ; это выгодно и ему, какъ собственнику, и ей, такъ какъ и она обыкновенно получаетъ нѣкоторую долю изъ выговоренной платы.

Въ прежнія времена обычай гостепріимства у кочевниковъ даже требовалъ отъ хозяина уступки собственной жены или дочерей въ пользованіе гостя. И Миддендорфъ говоритъ, что обычай этотъ еще существовалъ у самоѣдовъ въ его время.

Насколько же вообще жена считалась собственностью мужа, узнаемъ изъ разсказа Кастрена, относящагося къ 1846 году. Одинъ самоѣдъ-кочевникъ былъ арестованъ и отправленъ въ Туруханскъ на судъ за то, что убилъ свою жену и—какъ по крайней мѣрѣ говорилось—съѣлъ ее (?!). Когда судья спросилъ преступника, какъ онъ могъ рѣшиться на такое дѣло, самоѣдъ хладнокровно отвѣтилъ:— „Я купилъ себѣ жену и честно заплатилъ за нее, сколько слѣдовало. Развѣ я не воленъ былъ сдѣлать все, что̀ захочу, съ моимъ имуществомъ?“

Понятно поэтому, что на женщину смотрятъ здѣсь, какъ на батрачку, которая должна услаждать мужа и рожать и воспитывать дѣтей. Понятно также, что она считается нечистой и не смѣетъ касаться священныхъ предметовъ или имѣть какое-либо отношеніе къ сверхъестественному міру. Ни въ коемъ случаѣ не смѣетъ она и пересѣчь путь караванy. Миддендорфъ разсказываетъ, что однажды онъ, производя какое-то наблюденіе, поставилъ свой инструментъ на сани, чтобы удобнѣе было записывать наблюденіе; увидавъ это, проводникъ-самоѣдъ поднялъ ужасный крикъ:— „Бабьи сани! Ты страшно прогнѣваешь боговъ своихъ!“ Миддендорфу пришлось совершить тщательныя очистительныя церемоніи, чтобы успокоить своего суевѣрнаго спутника.

При нѣкоторомъ общеніи съ самоѣдами бросается въ глаза строгое раздѣленіе труда между мужчиной и женщиной. На мужчинѣ лежитъ все, что̀ касается оленеводства, ѣзды на оленяхъ, рыбной ловли и охоты. Сто̀итъ же ему очутиться у себя въ чумѣ, какъ онъ палецъ о палецъ не ударитъ, если не считать кое-какой починки охотничьихъ или рыболовныхъ снастей. Женщины готовятъ добычу впрокъ, ведутъ все домашнее хозяйство, занимаются выдѣлкой шкуръ, шитьемъ и готовятъ пищу. Онѣ же устанавливаютъ чумъ и поддерживаютъ въ немъ порядокъ, а также разбираютъ его и переносятъ на другое мѣсто въ случаѣ нужды. Онѣ же, разумѣется, няньчатъ дѣтей.

Несмотря на такое подчиненное положеніе женщины, обращаются съ нею въ общемъ, повидимому, хорошо, и въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо гнетѣ, а жестокость подавно явленіе крайне рѣдкое. Въ качествѣ хозяйки женщина играетъ большую роль, и мужъ совѣщается съ нею во всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Немалое число женщинъ, вѣроятно, и сами верховодятъ въ домѣ, забравъ мужей подъ башмакъ. Въ пьяномъ видѣ, конечно, случается супругамъ и подраться, но въ общемъ самоѣды добродушный народъ.

Особой плодовитости среди самоѣдовъ не замѣчается, и мнѣ нигдѣ не случалось видѣть у нихъ много дѣтей. Все больше двое-трое; иногда, впрочемъ, и больше, особенно въ полигамическихъ семьяхъ.

Мы обошли также другіе чумы. Передъ однимъ сидѣло много женщинъ съ ребятишками. Всѣ онѣ попрятались въ чумъ, какъ только мы подошли ближе. По всей вѣроятности, это было попросту проявленіе благовоспитанности, такъ какъ онѣ нисколько не заупрямились выйти къ намъ и дать себя сфотографировать, какъ только мы попросили ихъ объ этомъ.

Во многихъ чумахъ были подвѣшены къ внутреннимъ шестамъ маленькія русскія иконы. Самоѣды вѣдь все-таки христіане, хотя бы номинально. Насколько они христіане въ душѣ—дѣло другое; по всей вѣроятности, они для пущей вѣрности отдаютъ дань и язычеству. Надежнѣе вѣдь имѣть на всякій случай лишнюю заручку! Тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ объ оленяхъ. Для европейцевъ христіанскій Богъ, быть-можетъ, вполнѣ хорошъ,—разсуждаютъ самоѣды,—но много ли Онъ понимаетъ въ оленяхъ, разъ Ему не приходилось имѣть съ ними дѣла въ Европѣ? Вотъ-де, ради оленей-то, самоѣдамъ волей-неволей и приходится держаться старыхъ боговъ, которые больше смыслятъ въ оленеводствѣ!

Гдѣ-нибудь въ глубинѣ тундры у самоѣдовъ, безъ со-

ЕНИСЕЙСКІЯ САМОѢДКИ У ВХОДА ВЪ ЧУМЪ (28 АВГ.).

ЕНИСЕЙСК'Е САМОѢДЫ. ЖЕНЩИНЫ, ДѢТИ И СОБАКИ У ВХОДА ВЪ ЧУМЪ (28 АВГ.).

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЧИСТКА ЧУМА: ПЕРЕНЕСЕНІЕ НА ДРУГОЕ МѢСТО (28 АВГ.)

мнѣнія, имѣются жертвенники съ грубыми изображеніями боговъ изъ дерева, которыхъ они мажутъ оленьей кровью и которымъ приносятъ жертвы, справляя свои языческіе обряды. Есть у нихъ, навѣрное, и свои языческіе шаманы, поддерживающіе сношенія съ сверхъестественными силами природы и могущіе обращаться къ этимъ силамъ за помощью въ случаѣ особой нужды.

Большинство мужчинъ отличалось хорошимъ, крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и ростомъ не ниже ямальскихъ самоѣдовъ, нѣсколько напоминая послѣднихъ чертами лица. По большей части у нихъ совсѣмъ не было растительности на лицѣ, или же рѣдкіе волосы на верхней губѣ. Только у немногихъ подбородокъ и щеки были покрыты волосами. Женщины всѣ были ниже мужчинъ ростомъ и болѣе ясно выраженнаго азіатскаго типа.

Несмотря на то, что былъ одинъ изъ многочисленныхъ православныхъ праздниковъ, и женщины не работали, всего двѣ - три изъ нихъ были одѣты по-праздничному: одна въ красную кофту, а другая въ темно-синюю съ красной оборкой. Остальныя были въ довольно неприглядныхъ потрепанныхъ одѣяніяхъ изъ оленьихъ шкуръ. Впрочемъ, эти рыбаки-самоѣды народъ отнюдь не зажиточный и въ общемъ сходны съ нашими финнами-поморами.

Они сообщили намъ, что ихъ „князь“, жившій въ крайнемъ чумѣ, пошелъ къ лѣсному купцу на западъ отъ становища по берегу, и намъ слѣдовало направиться туда же, если намъ желательно повидать его.

У каждаго, даже маленькаго, самоѣдскаго племени или рода имѣется свой князекъ или старшина, ихъ глава и судья, на обязанности котораго лежитъ также сборъ и уплата подати (ясака) русскому правительству.

Не успѣли мы принять рѣшеніе,—итти намъ или не итти разыскивать „князя“,—какъ одна изъ женщинъ принялась снимать съ шестовъ чума потрепанныя оленьи шкуры, а затѣмъ убрала и самый остовъ, чтобы водру-

зить свое жилище чуть-чуть подальше. Когда земляной полъ чума черезчуръ загрязнится отъ всевозможныхъ отбросовъ и слѣдовало бы произвести генеральную чистку чума, его попросту переносятъ на другое мѣсто. Мѣсто, использованное для постановки чума хоть разъ, считается уже нечистымъ, и имъ никогда болѣе не пользуются. Поэтому такъ часто и встрѣчаются слѣды покинутыхъ становищъ.

Затѣмъ мы отправились къ купцу, въ домѣ котораго, очевидно, помѣщался кабакъ. Еще издалека услыхали мы громкіе крики, а затѣмъ наткнулись на парочку, валявшуюся на берегу.

Оказалось, что это самъ „князь“ съ пріятелемъ. Оба были пьянешеньки. Впрочемъ, самъ „князь“ все-таки пытался подняться и сѣсть, ревя, какъ быкъ, что-то въ родѣ пѣсни; другой лежалъ, уткнувшись носомъ въ песокъ, и подвывалъ по-звѣриному.

Завидѣвъ насъ, „князь“ привсталъ сначала на четвереньки, затѣмъ осторожно выпрямился,—совсѣмъ какъ ребенокъ, начинающій ходить,—и заковылялъ къ намъ навстрѣчу, во все горло требуя водки и перемежая дикіе выкрики бормотаніемъ по-русски:—„Скажи ты мнѣ, что̀ правильно, что̀ неправильно, что̀ правильно, что̀ неправильно!“ Очевидно, онъ былъ совсѣмъ невмѣняемъ. Нелегко было отвязаться отъ его пьяныхъ приставаній, но вскорѣ его свѣтлость заблагоразсудилъ снова растянуться на берегу, а мы двинулись дальше.

Въ этихъ милыхъ и гостепріимныхъ дѣтяхъ природы особенно поражаетъ то, что они, вообще владѣющіе собою въ высшей степени, почти никогда не выходящіе изъ себя и стоически переносящіе страданія, совершенно не переносятъ водки,—какъ и прочіе первобытные народы,—чѣмъ, къ сожалѣнію, многіе пользуются. Это однако не мѣшаетъ самоѣдамъ оставаться честными. Мнѣ невольно вспоминается разсказъ Миддендорфа о его путешествіи къ сѣверу

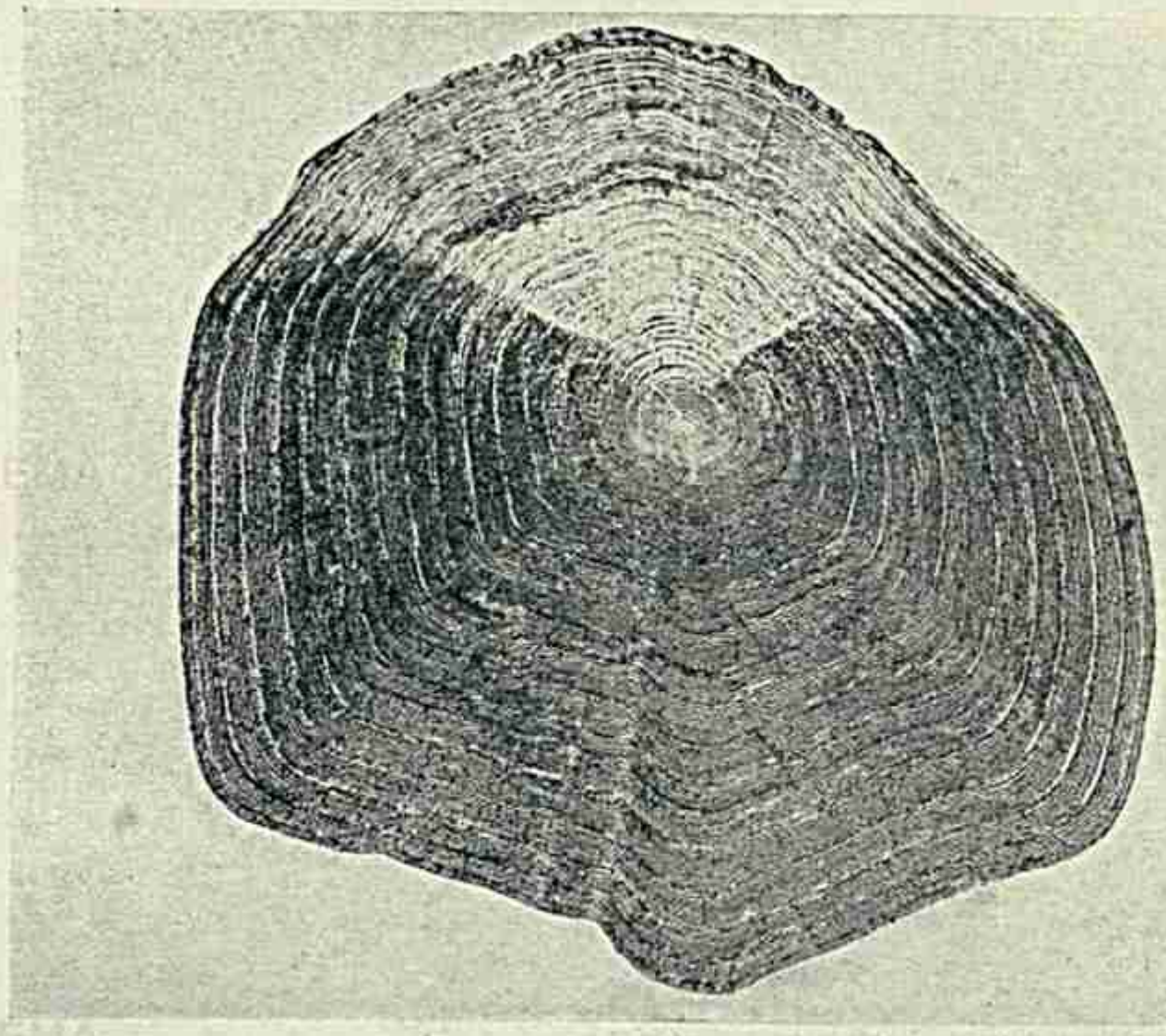
ПЬЯНЫЙ СТАРШИНА.

УМИЛЕННЫЙ ПОДЧИНЕННЫЙ.

ПОСЛУШНИКИ И МОНАХИНИ ВЪ МОНАСТЫРСКОМЪ ПОДВОРЬѢ (28 АВГ.).

ЧЕШУЯ ЕНИСЕЙСКОЙ НЕЛЬМЫ (STENODUS NELMA), ПОЙМАННОЙ У ХОЛМОГОРОВА, ВОЗРАСТЪ 18 ЗИМЪ (20 СЕНТ.).

по Таймырской тундрѣ, когда самоѣды, несмотря на свое звѣриное, не знающее удержа пристрастіе къ водкѣ, никогда не трогали его запасовъ спиртного, такъ что онъ спокойно могъ оставлять и боченокъ и бутылки съ водкой открыто и безъ присмотра въ любомъ мѣстѣ тундры. А однажды онъ нашелъ въ тундрѣ потерпѣвшую крушеніе лодку, которая пролежала тамъ, вѣрно, лѣтъ сто и въ которой тѣмъ не менѣе уцѣлѣли всѣ гвозди, такъ какъ лодка принадлежала Бѣлому Царю. Между тѣмъ желѣзные гвозди для сѣверныхъ самоѣдовъ дороже золота!

Какая разница съ европейцами! Представителямъ нашей расы вообще легче было бы удержаться отъ пьянства, зато трудно показалось бы не тронуть оставленной безъ присмотра водки, а тѣмъ болѣе не воспользоваться желѣзными гвоздями, если бы въ нихъ была нужда. Впрочемъ, послѣ знакомства съ европейской цивилизаціей, съ ея водкой и черезчуръ явной недобросовѣстностью торговцевъ и чиновниковъ, утрачиваетъ свою былую честность и добрые нравы даже такой народъ, какъ самоѣды.

Мы подошли къ двумъ-тремъ землянкамъ, населеннымъ русскими, ловившими здѣсь лѣтомъ рыбу, а также скупавшими запасы ея у мѣстнаго населенія.

Далеко къ западу виднѣлось низкое деревянное строеніе—„монастырское подворье“, какъ намъ сообщили. Тамъ проживало пять-шесть монаховъ, или вѣрнѣе послушниковъ, готовившихся къ принятію монашества. Вмѣстѣ съ ними жили и двѣ монахини. Всѣ они ловили здѣсь рыбу для монастыря, отъ котораго были присланы сюда на лѣто.

Они радушно встрѣтили насъ и оказались благообразными, опрятными людьми. У одного изъ нихъ была длинная каштановая борода, и, на мой взглядъ, онъ очень походилъ на типичнаго норвежскаго крестьянина; такихъ типовъ встрѣчается въ этой части Сибири вообще очень много. Другой, который, очевидно, былъ тутъ за старшаго, носилъ длинные волосы до плечъ, длинную бороду и

всѣмъ своимъ типомъ—молитвеннымъ выраженіемъ синихъ глазъ, тонкимъ правильнымъ носомъ и красивымъ разрѣзомъ рта — напоминалъ общераспространенныя изображенія Христа. Такое сходство вообще является завѣтною мечтой каждаго священника и монаха въ Сибири и въ Россіи; всѣ они носятъ длинные волосы, по большей части вьющіеся, и раздвоенную бороду. Этотъ послушникъ, которому было лѣтъ 25, довелъ упомянутое сходство до крайнихъ предѣловъ и, навѣрно, благодаря ему игралъ большую роль.

Еще встрѣтили мы среди послушниковъ необыкновенно пухлаго юношу, настоящаго „херувима“, съ золотыми кудрями, свѣтло-голубыми глазами, свѣтлыми бровями, круглыми щеками и пунцовымъ ротикомъ. Выраженіе лица было не особенно интеллигентное, и въ общемъ онъ казался какимъ-то безполымъ существомъ. Да и одѣяніе на немъ было подъ стать его ангелоподобному облику: длинный свѣтлый полотняный балахонъ, перепоясанный у таліи; не хватало только крыльевъ. Говорилъ онъ мало, заикаясь; больше все таращилъ глаза и скорѣе всего производилъ впечатлѣніе слабоумнаго или „блаженнаго“, которому поэтому нетрудно попасть въ царство небесное.

Старшая изъ монахинь была маленькая горбунья съ умнымъ и добрымъ лицомъ, въ очкахъ. Младшая напоминала добродушную норвежскую крестьянку, тоже не первой молодости.

Въ монастырѣ была всего одна горница, въ которой они и жили всѣ вмѣстѣ. Спали на нарахъ, вдоль одной изъ стѣнъ. Монахини занимали мѣста у самой стѣны, отдѣленныя отъ другихъ занавѣской.

Видно было, что они опытные рыболовы и умѣютъ заготовлять рыбу впрокъ. Большую часть наловленной и скупленной рыбы они чистили, мыли и солили въ бочкахъ, небольшую часть вялили. Готовая вяленая рыба была развѣшена подъ потолкомъ по всей комнатѣ. Славная закуска для

монаховъ! Послѣ рюмки водки кусочекъ такой жирной вяленой рыбы весьма невреденъ даже обитателямъ монастыря.

Мы купили у нихъ вяленаго омуля, совершенно прозрачнаго, такъ и капавшаго жиромъ и напоминавшаго вкусомъ не то копченую камбалу, не то лососину. Купили мы также свѣжей красной икры, которая имѣла большой успѣхъ у насъ за завтракомъ. Эта икра большею частью омулевая, но добывается и изъ другихъ сиговыхъ породъ, которыя здѣсь ловятся; немалая часть такой икры также солится впрокъ.

РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ НА ЕНИСЕѢ.

Въ нижнемъ бассейнѣ Енисея, а также въ другихъ большихъ рѣкахъ Сибири каждое лѣто ловится много крупной цѣнной рыбы. Уловъ ея сильно увеличился за послѣдніе годы съ развитіемъ болѣе регулярнаго пароходнаго сообщенія вверхъ и внизъ по рѣкѣ. Въ изобиліи ловится здѣсь осетръ и нѣкоторыя породы семговыхъ, главнымъ же образомъ—различныя разновидности сига, какъ-то: нельма и омуль, максунъ, сельдь, чиръ, сигъ и многія другія.

Осетръ и другіе важнѣйшіе сорта, какъ нельма, омуль, максунъ и сельдь, каждое лѣто поды маются изъ Ледовитаго океана вверхъ по Енисею, гдѣ мечутъ икру, а осенью снова спускаются внизъ по рѣкѣ. Много осетровъ такъ и остается въ глубокихъ омутахъ рѣки, во всякомъ случаѣ часть зимы, но и они совершаютъ передвиженія. Много рыбы зимуетъ въ устьѣ Енисея и въ Енисейской бухтѣ. У Звѣрева и Гольчихи—въ устьѣ Енисея, на 71°73′ с. ш., и у Пустой—вверхъ по рѣкѣ, на 71°11′ с. ш., ловятъ осетровъ, омулей и максуновъ даже зимою подо льдомъ. Вся масса рыбы не можетъ однако помѣститься въ этой бухтѣ, и большая часть ея вынуждена осенью уходить въ Ледовитый океанъ и разсѣиваться вдоль его побережья, хотя обычно принято думать, что въ этихъ мѣстахъ рыба вовсе не водится. Рыба Енисейской бухты,—напримѣръ, омуль, остающійся въ бухтѣ всю зиму,—замѣтно

отличается отъ рыбы той же породы, которая входитъ въ рѣку около 23 іюля. Морской омуль гораздо жирнѣе, свѣтлѣе и больше отливаетъ серебромъ.

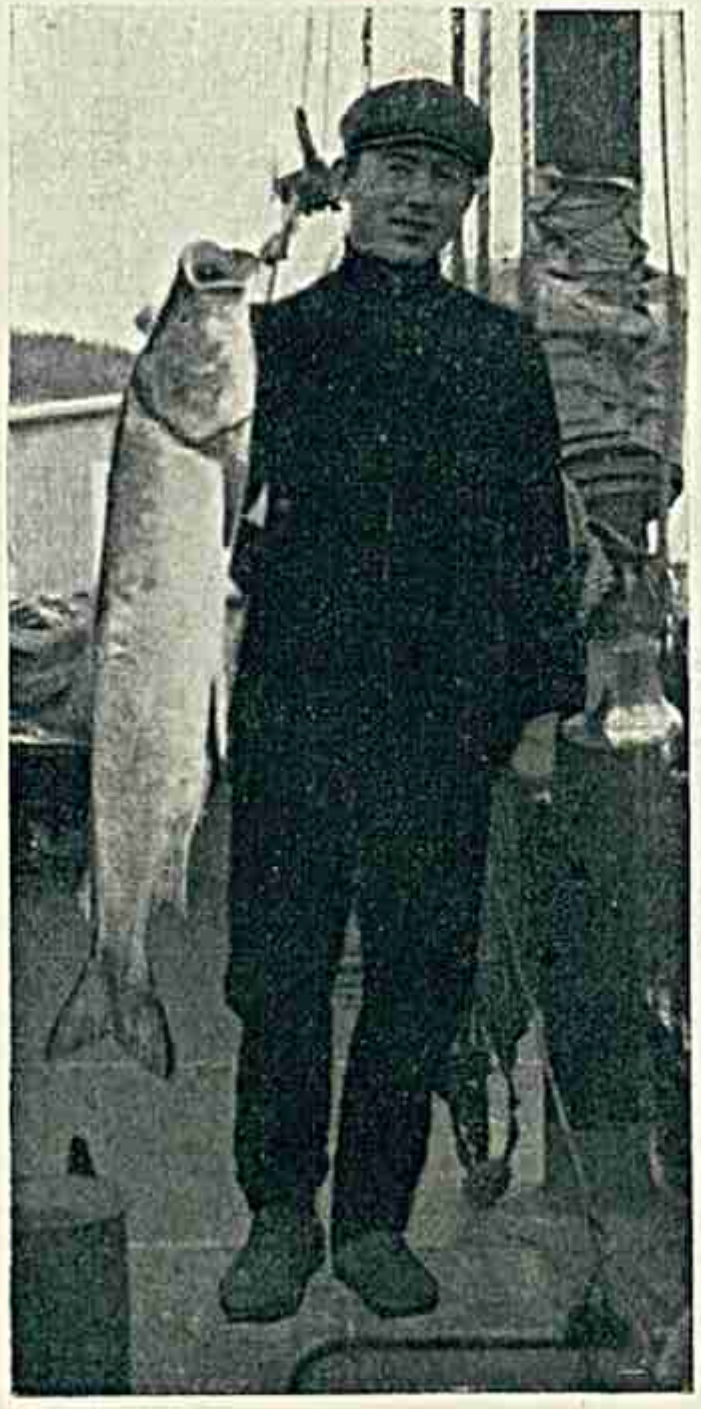
Рыба въ Енисеѣ достигаетъ крупныхъ размѣровъ; осетръ, напримѣръ, доходитъ до 90—100 килограммовъ вѣсу (около 6 пудовъ), хотя обычно бываетъ гораздо мельче. Мнѣ во время своего путешествія приходилось видѣть осетровъ большею частью килограммовъ на двадцать-тридцать. Самая же крупная нельма, которую я видѣлъ, имѣла въ длину 1,08 метра (около 1½ арш.).

Остальныя рыбы — стерлядь, чиръ и пр.—остаются, повидимому, въ рѣкѣ круглый годъ и ловятся въ устьѣ только въ видѣ исключенія.

Осетръ и нельма поднимаются вверхъ по Енисею, какъ только вскроется весною ледъ, т.-е. въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Вскорѣ затѣмъ отправляются въ путь и максунъ и сельдь. Около 25—26 іюня ихъ поджидаютъ у Гольчихи, а затѣмъ числа 23 іюля тамъ идетъ и омуль. Во время нашего пребыванія у Носоновскихъ острововъ ловился главнымъ образомъ омуль. Такъ какъ въ водахъ Енисея крупная рыба находитъ себѣ достаточно пищи, то не сбавляетъ жира и послѣ того, какъ вымечетъ икру и снова повернетъ въ море.

Во время поѣздки по Енисею я имѣлъ возможность познакомиться съ различными породами рыбъ, ихъ размѣрами, а также собрать коллекцію ихъ чешуи. Какъ извѣстно, чешуя вырастаетъ съ каждымъ годомъ, и возникающія при этомъ по числу лѣтъ кольца бываютъ шире или уже, смотря по тому—быстро растетъ данная рыба или медленно; такимъ образомъ по чешуѣ можно установить возрастъ рыбы и условія ея роста въ различныхъ возрастахъ.

Собранная мною коллекція чешуи свидѣтельствуетъ, что енисейская рыба растетъ сравнительно медленно, зато достигаетъ солиднаго возраста. Этимъ какъ бы подтверждается мнѣніе д-ра Кнута Даля, что рыба сѣверныхъ

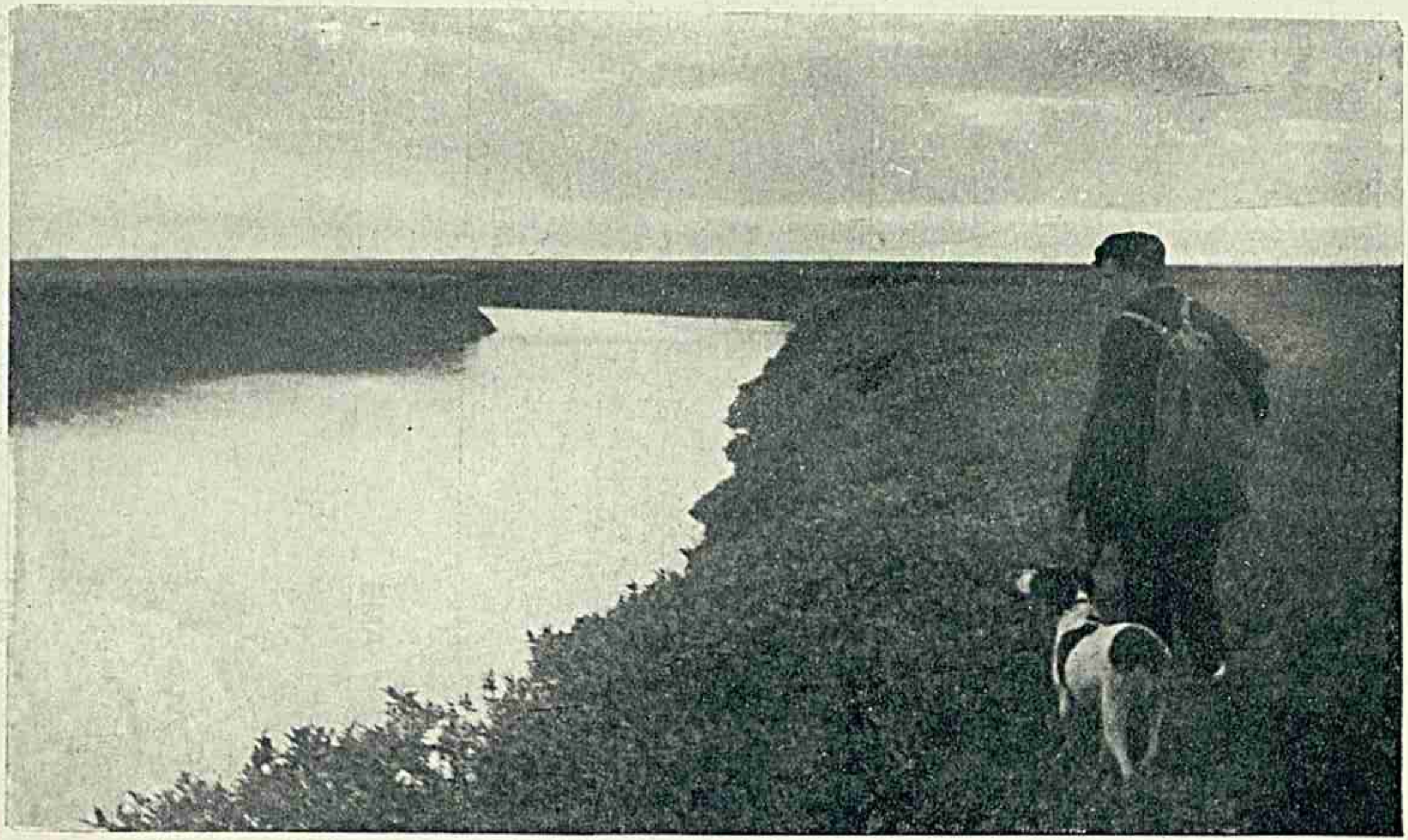
ПОВАРЪ АЛЕКСѢЙ СЪ ПЕЛЬМОЙ (длиной 1,08 метр.), ПОЙМАННОЙ У ХОЛМОГОРОВА (20 СЕНТ.).

ПАРНИШКА СЪ МАКСУНОМЪ (COREGONUS MUKSUN), ПОЙМАННЫМЪ У ЛЕВИНСКАГО ПЕСКА (5 СЕНТ.).

ПОВАРЪ АЛЕКСѢЙ СО СТЕРЛЯДЬЮ (ACCIPENSER BAERII) (14 СЕНТ.).

ПО БОЛОТИСТОЙ ТУНДРѢ КЪ НОСОНОВСКОМУ ОСТРОВУ (29 АВГ.).

морей растетъ не такъ быстро, но зато живетъ дольше, чѣмъ рыба болѣе южныхъ. Нельмѣ длиною въ 1,08 метр. оказалось восемнадцать зимъ; другой, длиною въ 63 сант. — девять зимъ *). Максуну въ 66 сант. длины я насчиталъ шестнадцать зимъ; болѣе мелкіе экземпляры были соотвѣтственно моложе. Омуль въ 38 сант. жилъ десять зимъ. У сига, который не выходитъ въ море, годовыя кольца были развиты въ меньшей степени, и рыба длиною всего въ 37,5 сант. оказалась семнадцати зимъ отъ роду. Сельдь попадалась здѣсь болѣе молодая: при длинѣ въ 25 сант. ей было шесть зимъ; болѣе мелкая оказывалась соотвѣтственно моложе.

Отъ рѣчной рыбы нельзя ожидать быстраго роста, такъ какъ быстро текущая вода вообще не можетъ изобиловать пищей; въ мутномъ Енисеѣ ея, впрочемъ, сравнительно много, отчего енисейская рыба, несмотря на медленный ростъ, очень жирна. Солидный возрастъ рыбы доказываетъ, что рыбопромышленники на Енисеѣ не переходятъ границъ дозволеннаго; въ противномъ случаѣ средній возрастъ рыбы, идущей вверхъ по рѣкѣ огромными массами, не могъ бы не понизиться. Такимъ образомъ здѣшнимъ рыбнымъ промысламъ представляется еще возможность дальнѣйшаго развитія.

Ловятъ рыбу преимущественно неводами, которые заводятся съ мелководныхъ песчаныхъ отмелей и вытаскиваются затѣмъ на берегъ. У берега, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ мелко, что рыбакамъ приходится итти по водѣ въ бродъ, чтобы вытащить неводъ и выбрать рыбу изъ мотни. Въ хорошіе дни каждый уловъ даетъ массу рыбы. Количество неводовъ въ обращеніи очень велико: въ 1907 году въ нижнемъ теченіи Енисея работало 200 неводовъ, принадлежавшихъ русскимъ, и 550, принадлежавшихъ туземцамъ. Въ 1908 году на однихъ Брехов-

*) Согласно даннымъ д-ра Исаченко, икру эта рыба начинаетъ метать лишь по достиженіи 50 сант. длины, т.-е. приблизительно послѣ 8-й зимы.

скихъ островахъ и ниже ихъ по теченію рѣки насчитывалось около 150 неводовъ у русскихъ, тогда какъ у туземцевъ число ихъ сократилось до 250. Такое сокращеніе было вызвано главнымъ образомъ ужасною эпидеміей оспы. Считая по пяти человѣкъ на неводъ, рыбнымъ промысломъ занималось, стало-быть, въ нижнемъ теченіи Енисея въ 1908 году около 2.000 человѣкъ. Относительно дальнѣйшаго развитія промысловъ у меня, къ сожалѣнію, свѣдѣній не имѣется.

По неводамъ уловъ распредѣляется крайне неравномѣрно, но за годъ на каждый неводъ приходится въ среднемъ около 250 пудовъ рыбы; удачное лѣто даетъ по 400 пудовъ на каждый неводъ. Общее количество добываемой рыбы сильно возрастаетъ съ годами. Въ 1846—50 г.г ежегодная цифра улова выражалась 3.152 пудами; въ 60-хъ годахъ появились первые пароходы, и вывозъ рыбы достигъ 14.000 пудовъ въ годъ; въ концѣ 80-хъ годовъ онъ дошелъ до 32.000, и въ 1902 — 06 г.г.—до 84.000 пудовъ. Съ появленіемъ лучшаго и болѣе регулярнаго пароходнаго сообщенія по Енисею добыча рыбы значительно повысилась: въ 1907 году общая цифра улова достигла 188.000 пудовъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній у меня нѣтъ.

Промышляютъ рыбной ловлей частью русскія ватаги, частью мѣстные самоѣды и юраки. Послѣдніе продаютъ свой уловъ русскимъ скупщикамъ и получаютъ уплату по большей части не деньгами, а товарами, которые отпускаются имъ также въ кредитъ; такимъ образомъ они входятъ въ долги и попадаютъ въ полную зависимость отъ купцовъ. Имъ приходится брать товаръ по цѣнѣ, какую назначитъ кредиторъ, сплошь и рядомъ переплачивать, да и рыбу продавать по цѣнѣ, назначенной скупщикомъ. Легко понять, на чьей сторонѣ оказывается выгода и почему многіе туземцы по гробъ жизни не выходятъ изъ долговъ, а послѣ смерти кого-нибудь изъ нихъ долгъ купцу пере-

водится на семейство должника и его потомство. Условія печальныя и намъ знакомыя: въ такихъ же тискахъ находились въ старину наши норвежскіе рыболовы

Чтобы выяснить дѣйствительное соотношеніе цѣнъ, сравнимъ цѣны на товары въ Енисейскѣ и на рыбныхъ промыслахъ:

Товары.	Цѣны въ Енисейскѣ.	Цѣны на промыслахъ.
Пудъ ржаной муки	75 коп.	1 р. 50 к.
Цыбикъ кирпичнаго чая	80 коп.	1 р. 40 к.—1 р. 60 к.
Пудъ сахара . . .	1 р. 30 к.—1 р. 50 к.	2 р. 20 к.—2 р. 50 к.

Цѣны на рыбу растутъ въ обратномъ порядкѣ:

Сортъ рыбы.	Цѣны на промыслахъ.	Цѣны въ Енисейскѣ.
Осетръ за пудъ	3 р. 20 к.—3 р. 80 к.	4 р. 75 к.—6 р.
Нельма . . .	1 р. 80 к.	3 р. 35 к.—4 р.
Омуль . . .	1 р. 40 к.	3 р. 30 к.—5 р.
и т. д.		

Итакъ, купцы на Енисеѣ зашибаютъ хорошіе проценты, если за пудъ ржаной муки, купленной въ Енисейскѣ за 75 коп., могутъ вывезти съ промысловъ пудъ соленаго омуля и выручить за него въ Енисейскѣ отъ 3 р. 30 коп. до 5 руб. Часть этой суммы уходитъ, конечно, на фрахты, соль, бочки и т. п., но и за вычетомъ всѣхъ накладныхъ расходовъ остается достаточный барышъ *).

*) Данныя почерпнуты изъ интересной книги д-ра Исаченко о рыбныхъ промыслахъ на Енисеѣ.

VI. ВЪ ОЖИДАНІИ ПРОДОЛЖЕНІЯ ПУТИ.

Неудачная охота на болотахъ.—Печальная зимовка и весеннее половодье.—Разочарованные коммерсанты.—Замерзшій мамонтъ.—Посѣщеніе Лебяжьяго острова.—Фата-моргана.—Енисейскіе самоѣды и юраки.—Юрацкій „князь“ и двѣ его жены.—Подати юраковъ.—Долганы и тунгузы.—Упряжныя собаки.—„Омуль идетъ!“—Прибытіе русскихъ пароходовъ.

Пятница, 29 августа. На другой день послѣ прибытія я предпринялъ длинную прогулку вглубь низменнаго, болотистаго острова въ надеждѣ поохотиться на куропатокъ и гусей, для чего забралъ съ собою понтера Христенсена, который однако оказался никуда негоднымъ. Меня сопровождалъ также англичанинъ-поваренокъ Кэмбэль—чтобы было кому нести дичь, которой мнѣ такъ и не удалось настрѣлять.

Весь Носоновскій островъ представляетъ сплошь низменную и ровную песчано-илистую банку, которая возвышается надъ рѣкой всего на нѣсколько метровъ. Эта болотистая поверхность малопроходима, и я все время проваливался то по лодыжки, то по колѣна. Только на берегу и вдоль рукава рѣки, прорѣзавшаго островъ, было сухо и сколько-нибудь проходимо, такъ какъ вода отсюда стекаетъ по крутому берегу въ рѣку.

Тамъ и сямъ въ глубинѣ виднѣлись поросли ивняка ниже человѣческаго роста; мѣстами росла ольха, а въ про-

межуткахъ тянулись большія пространства травы и болотъ. Нѣкоторое время еще можно было прыгать съ кочки на кочку, но скоро пошла настоящая трясина, въ которой легко было увязнуть по горло.

Дичи совсѣмъ не было видно. Попадавшіеся кулики были слишкомъ мелки, чтобы стоило ихъ стрѣлять; пролетѣло нѣсколько гусей, но большинство изъ нихъ сѣло въ глубинѣ долины, у поросшаго камышомъ ручья съ большими заводями. Тамъ и сямъ попадались перья куропатокъ, и собака напала на слѣдъ этихъ птицъ, но скоро потеряла его.

Въ одной изъ заросшихъ камышомъ заводей загоготала стая гусей. Я попытался подобраться къ нимъ, увязая въ трясинѣ, но стая взлетѣла на большомъ разстояніи, и мнѣ удалось подстрѣлить только одного гуся, да и тотъ упалъ въ заводь. Добраться до него можно было только вплавь, но это мнѣ не улыбалось. Въ камышахъ было много гусей разныхъ породъ, большихъ и маленькихъ, но я уже отказался отъ охоты на нихъ и рѣшилъ пройти къ порослямъ ивняка, но и тамъ оказалась вода.

Кругомъ было голо и мертво до безнадежности; вдобавокъ — нигдѣ ни одного сухого мѣстечка. А весною, когда большая часть долины заливается водою, бываетъ и того хуже. Мнѣ невольно вспомнились Нумелинъ и его спутники, которые попали на эти острова лѣтъ 37 тому назадъ (зимою 1876—77 г.г.). Ихъ маленькое суденышко „Сѣверное Сіяніе“ было остановлено льдами и вынуждено зазимовать какъ-разъ около этихъ острововъ. Капитанъ съ остальной командой вернулся въ Енисейскъ, а штурманъ Нумелинъ остался на суднѣ съ четырьмя ссыльно-каторжными. Зиму они провели на берегу въ плохонькомъ дощатомъ шалашѣ. Настали холода, а они были лишены всего необходимаго, и въ результатѣ трое ссыльныхъ умерло въ теченіе зимы отъ цынги, а четвертый утонулъ, пытаясь перейти по льду къ Толстому Носу. Нумелинъ остался одинъ, пока къ нему не присоединились два новыхъ то-

варища съ Толстаго Носа и изъ Гольчихи; въ серединѣ мая прибыло на помощь еще трое съ юга. Первымъ дѣломъ надо было выкопать судно изъ-подъ снѣга, который покрылъ рѣчной ледъ трехсаженною толщею. Наконецъ судно откопали, но его снова занесло во время бурана. Въ серединѣ іюня произошла катастрофа: ледъ вскрылся, и рѣка выступила изъ береговъ. Вода подымалась все выше и выше; начался сильный ледоходъ, который все сметалъ на своемъ пути. Судно унесло и раздробило льдомъ. Рѣка подступила къ избѣ, и шестеро людей съ двумя собаками должны были забраться на крышу, куда имъ удалось спасти немного ѣды и топлива.

Весь островъ покрылся водою; ближайшія избы и землянки были унесены волнами и льдомъ, угрожавшимъ и послѣдней уцѣлѣвшей избѣ, на крышѣ которой люди нашли убѣжище. Съ крыши видны были только бушующія волны и льдины, которыя стремительно проносились мимо; лишь тамъ и сямъ виднѣлись одинокія ивы, склонившіяся подъ натискомъ водъ и льдинъ.

А вода въ рѣкѣ все прибывала и наконецъ поднялась на пять метровъ. Нумелину съ товарищами приходилось день и ночь работать шестами, отталкивая льдины отъ крыши, которая возвышалась надъ водой всего на четверть метра. Самая изба тряслась и ходила ходуномъ, когда ледъ охватывалъ ее плотнымъ кольцомъ, грозившимъ снести ее совсѣмъ; тогда осталось бы только спасаться въ лодочкѣ, привязанной къ крышѣ

Ужасный разливъ засталъ врасплохъ и птицъ. На громадномъ пространствѣ не было ни клочка сухого мѣста, гдѣ бы онѣ могли передохнуть, и куропатки въ изнеможеніи опускались на крышу прямо среди людей. Одна сѣла даже на голову одному изъ нихъ, другія усѣлись на собакъ.

Наконецъ 23 іюня, послѣ того какъ они просидѣли на крышѣ цѣлую недѣлю, вода начала спадать, и къ 25-му убыла настолько, что можно было переселиться съ крыши

подъ крышу. Скоро прибылъ съ юга капитанъ Шваненбергъ. Ему удалось случайно пріобрѣсти другое маленькое суденышко, длиною въ 56 футовъ, тоже построенное на Енисеѣ. Суденышко окрестили многообѣщающимъ именемъ „Утренняя Заря“, и эта крошечная посудинка въ самомъ дѣлѣ счастливо миновала Карское море и достигла береговъ Норвегіи.

Я иду дальше по этому болоту; авось все-таки удастся съ Божьей помощью спугнуть какую-нибудь птаху! Дрянная собачонка то-и-дѣло натыкается на слѣды въ ивовой поросли. Бѣдный англійскій поваренокъ мокрою вороною еле шлепаетъ по болоту. Наконецъ на большомъ разстояніи взлетѣла птица,—должно-быть, куропатка, спугнутая собакой. Я выстрѣлилъ, и птица упала, но несчастная собака слишкомъ устала, чтобы отважиться искать добычу среди высокихъ кочекъ въ трясинѣ. Пришлось мнѣ махнуть рукой и на эту добычу.

Мы изрядно проголодались, и у насъ были съ собою припасы, но намъ негдѣ было присѣсть; ѣсть же стоя, съ мокрыми ногами, въ такую вѣтреную сырую погоду, намъ вовсе не улыбалось. И вотъ, пробродивъ цѣлый день и тоже порядкомъ утомившись, мы отправились въ обратный путь напрямикъ, но сразу же наткнулись на широкое открытое болото. Отправились вдоль него, надѣясь обойти его кругомъ, но ему конца не было, оно уходило все дальше и дальше. Пришлось намъ повернуть вспять, чтобы обойти болото съ другой стороны. Тутъ начались безконечныя трясины, въ которыя мы то-и-дѣло проваливались, часто выше колѣнъ. Все время моросившій дождь вдобавокъ усилился.

Когда мы наконецъ, промокшіе до костей, подходили обратно къ подворью, вблизи взлетѣла стая великолѣпныхъ куропатокъ. Бѣлыя крылья рѣзко выдѣлялись въ сѣрой сѣткѣ дождя, и собака карьеромъ бросилась въ догонку. Стая однако спустилась, повидимому, слишкомъ да-

леко на болотѣ, и собака, сбившись со слѣда, опять поплелась по пятамъ за мною.

Лодки нашей у берега уже не оказалось. Какъ мы потомъ узнали, ее взяли на пароходъ. Пришлось итти въ одинъ изъ чумовъ и тамъ жестами и гримасами объяснять самоѣдамъ, что имъ надо переправить насъ въ лодкѣ на судно. И какъ только они уразумѣли, чего мы отъ нихъ хотимъ, такъ сейчасъ же съ удовольствіемъ исполнили нашу просьбу.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней дулъ сильный вѣтеръ, который развелъ въ широкихъ проливахъ между островами порядочную волну. Такая погода мѣшала намъ отправиться куда-нибудь подальше въ нашихъ неповоротливыхъ лодкахъ, и мы проводили большую часть времени на „Корректѣ“; днемъ проявляли фотографіи, вечеромъ играли въ карты, а Лорисъ-Меликовъ съ Лидомъ не вставали изъ-за шахматной доски по цѣлымъ днямъ, если только Лиду не надо было наблюдать за перегрузкой товаровъ. Лишь Христенсену и проводнику животныхъ приходилось время отъ времени съѣзжать на берегъ, чтобы накосить травы для верблюдовъ. Этого добра было достаточно на зеленомъ низменномъ берегу на западѣ.

На суднѣ у насъ было немало наивныхъ людей, которые задались цѣлью завести съ туземцами выгодную мѣновую торговлю, при чемъ особенно уповали на пріобрѣтеніе цѣнныхъ мѣховъ. Съ этой цѣлью они еще на родинѣ запаслись мѣновыми товарами; такъ, нашъ милѣйшій датчанинъ-стюартъ накупилъ на цѣлыя 24 кроны стеклянныхъ бусъ, ожерелій и другихъ украшеній, передъ которыми, по его мнѣнію, не могли устоять эти дикари. Каково же однако было всеобщее разочарованіе, когда выяснилось, что если у самоѣдовъ и были какіе-нибудь мѣха, то всѣ давно запроданы сибирскимъ купцамъ! Да и вообще не слѣдовало расчитывать, что эти туземцы настолько наивны, чтобы соблазниться какими-то стекляшками. Они прекрасно раз-

бираются въ деньгахъ и знаютъ имъ цѣну не хуже нашего брата-европейца; вдобавокъ цѣны на мѣха здѣсь стоятъ немного ниже цѣнъ на нашихъ рынкахъ. Бѣдняга-стюартъ, ухлопавшій свой капиталъ на такую невыгодную спекуляцію, былъ безутѣшенъ: ему вѣдь только и оставалось теперь побросать свои побрякушки въ море.

Приглашая насъ принять участіе въ путешествіи „Корректа", Лидъ рисовалъ намъ, между прочимъ, заманчивую перспективу угоститься бифштексомъ изъ мяса мамонта, найденнаго въ замороженномъ состояніи въ прошломъ году возлѣ Гольчихи, въ тундрѣ. Любопытно, конечно, было бы отвѣдать бифштекса изъ мяса столь рѣдкаго животнаго, пролежавшаго къ тому же въ замороженномъ состояніи много тысячъ лѣтъ, но съ другой стороны невольно приходили въ голову мысли о трупномъ ядѣ и прочихъ прелестяхъ, пожалуй, таившихся въ этой дохлой тушѣ.

Поэтому меня не очень разочаровало выраженное Лидомъ сожалѣніе по поводу того, что онъ лишенъ возможности исполнить свое обѣщаніе насчетъ бифштекса, такъ какъ мамонта откопали гольчихинскія собаки и питались имъ всю зиму, весною же прибыла экспедиція, снаряженная русскимъ правительствомъ, и забрала остатки.

Къ числу самыхъ поразительныхъ и загадочныхъ явленій, съ которыми приходится сталкиваться въ такой замѣчательной странѣ, какъ Сибирь, необходимо отнести и этихъ огромныхъ вымершихъ животныхъ, главнымъ образомъ мамонтовъ, иногда же волосатыхъ носороговъ, которые по какой-то странной причинѣ покоятся въ вѣчно-мерзломъ грунтѣ тундры почти цѣлыми и невредимыми, съ костями, мясомъ, кожей и волосами.

Какъ попали сюда эти животныя? Какъ застигла ихъ смерть? Какимъ образомъ могли они такъ быстро замерзнуть, что ихъ чудовищныя туши не успѣли подвергнуться разложенію? Надъ разрѣшеніемъ этой загадки многіе ученые бьются вотъ уже скоро полтора вѣка, т.-е. съ 1771 года,

когда въ Сибири былъ найденъ первый хорошо сохранившійся волосатый носорогъ. Мнѣ однако не случалось слышать ни одного сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія этого явленія.

Ясно, что эти туши должны были замерзнуть въ сравнительно короткій срокъ послѣ смерти животнаго; скорѣе всего, смерть наступила зимою, или же какая-нибудь другая причина предохранила трупы отъ дѣйствія лѣтняго тепла, такъ что они совершенно не оттаяли. Въ противномъ случаѣ мягкія части, въ родѣ мяса и кожи, должны были разложиться, а не сохраниться до нашего времени, да еще въ такой степени, чтобы собаки могли ихъ ѣсть. Баронъ Толь разсказывалъ мнѣ, что во время его экспедиціи на Ляховскіе острова, недалеко отъ Ново-Сибирскихъ острововъ, собаки откопали въ песчаномъ косогорѣ кости промерзлыхъ вымершихъ животныхъ и съѣли заключавшійся въ нихъ мозгъ

Въ прежнія времена это объяснялось очень просто. Тогда на помощь призывались потопы или другія стихійныя явленія, которыя-де были причиной внезапной смерти этихъ животныхъ, а затѣмъ-де ихъ заморозилъ разомъ наступившій ледниковый періодъ—вотъ они и сохранились до нашихъ дней. Теперь принято осторожнѣе относиться къ явленіямъ природы. По нашему представленію, явленія эти и въ давно-минувшія времена происходили тѣмъ же порядкомъ, какъ теперь. Въ общихъ чертахъ одни и тѣ же процессы наблюдались всегда.

Если бы можно было сослаться на ледники, при переходѣ черезъ которые эти мастодонты проваливались-де въ трещины и замерзали въ нихъ, и если бы вдобавокъ эти ледники сохранились до нашихъ дней, то объясненіе было бы налицо. На самомъ дѣлѣ мы видимъ совсѣмъ иное. Если здѣсь и были когда-нибудь ледники, чему я лично не вѣрю, то какими же случайностями можно объяснить, что въ Сибири сохранилось такъ много животныхъ въ

разныхъ мѣстахъ? Вдобавокъ ихъ находятъ въ мерзлой почвѣ тундры, подъ слоемъ песку или ила, а не во льду, какъ это ясно доказывалъ баронъ Толь.

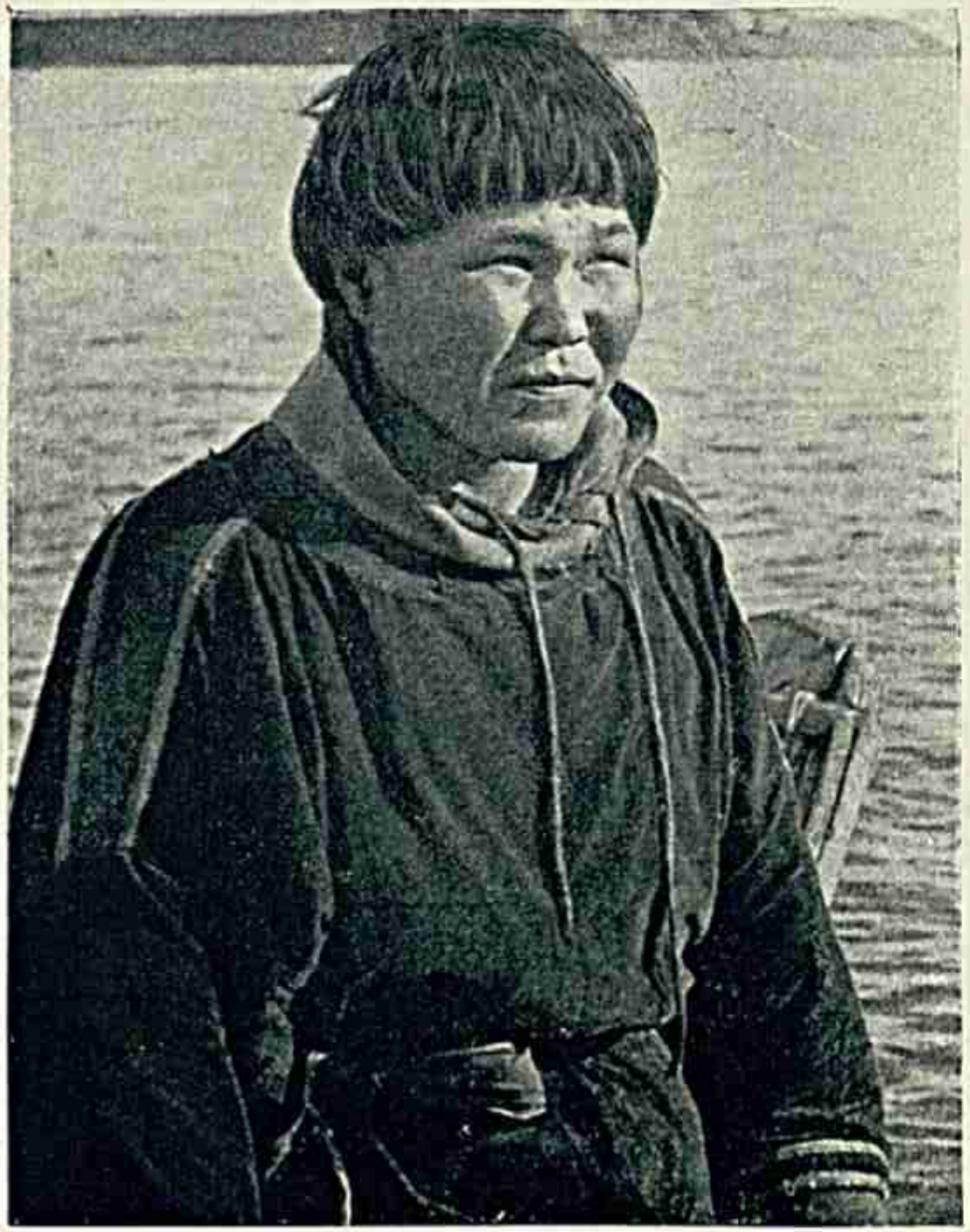
Скорѣе ужъ можно предположить, что животныя утонули зимою, при переходѣ черезъ рѣку по тонкому льду, и замерзли въ немъ. Могло также случиться, что они нашли свою смерть зимою же на берегу какой-нибудь рѣки, и ихъ унесло потомъ къ сѣверу, ближе къ полярнымъ странамъ, весеннимъ половодьемъ и ледоходомъ, какъ полагаетъ Миддендорфъ. Разливомъ рѣки ихъ могло занести и въ тундру, гдѣ ихъ покрыло слоемъ ила и песку, предохранившимъ ихъ отъ таянія. Впрочемъ, и такое объясненіе не вполнѣ правдоподобно. Нѣкоторые ученые (Шренкъ и Нерингъ) пытались найти объясненіе въ томъ, что животныя погибли во время зимнихъ бурь въ сибирской тундрѣ, замерзли и были занесены снѣгомъ. Далѣе, чтобы обойти возраженія, связанныя съ весеннимъ и лѣтнимъ таяніемъ снѣговъ, допускалось предположеніе, что эти снѣжные покровы превратились въ ледники, сохранившіеся до нашихъ дней и только занесенные сверху землей, пескомъ и иломъ. Предположеніе это, вообще мало правдоподобное, встрѣчаетъ еще то возраженіе, что трупы мамонтовъ, какъ уже упоминалось, находятъ обыкновенно не во льду.

Другіе ученые (Брандтъ, напримѣръ) полагаютъ, что громадныя неуклюжія животныя могли завязнуть въ болотахъ, гдѣ и околѣли, какъ нерѣдко случается въ наше время съ лосями въ Норвегіи. Если однако болота и могли засосать такихъ большихъ животныхъ, то чѣмъ объяснить замороженіе труповъ? Итакъ, всякое подобное объясненіе не выдерживаетъ критики. Я лично допускаю вотъ какое объясненіе: животныя умерли естественной смертью, неподалеку отъ большой рѣки, осенью или зимою. Отъ теплоты ихъ тѣла слой почвы подъ ними оттаялъ и подъ тяжестью ихъ осѣлъ, такъ что туши успѣли уйти въ землю довольно

глубоко, прежде чѣмъ ихъ сковало морозомъ вмѣстѣ съ окружающей почвой. Во время разлива рѣки лѣтомъ ихъ залило водою, низкая температура которой не допустила ихъ оттаять, а затѣмъ ихъ занесло слоемъ ила и песку, принесенными половодьемъ, и такимъ образомъ они были ограждены отъ таянія впередъ. Слѣдующей зимою замерзъ и этотъ слой, а новое половодье еще увеличило количество илу и песку. Насколько мнѣ кажется, такого же взгляда держался и мой погибшій другъ, баронъ Толь

Вторникъ, 2 сентября. Во вторникъ, 2 сентября, наступила наконецъ хорошая погода, и мы отправились большой компаніей въ самоѣдской лодкѣ съ гребцами-туземцами къ западу, въ гости къ жителямъ Лебяжьяго острова. Просто удивительно, какъ тутъ повсюду мелко вдоль низменныхъ береговъ! Пристать къ берегу ближе, чѣмъ въ нѣсколькихъ стахъ метрахъ, нѣтъ никакой возможности. Мы миновали первый проливъ, западнѣе Носовскаго острова, который словно морская бухта шелъ между двухъ низменныхъ острововъ. Земли на сѣверѣ не было видно, такъ что заливъ тянулся, пожалуй, до самаго моря.

Какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ все время появлялись миражи; низменные берега, по мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ нихъ, какъ будто поднимались на воздухъ, а подъ ними сверкала водная гладь. Явленіе это наблюдалось ежедневно. Мнѣ лично никогда не приходилось видѣть ничего подобнаго такъ часто. Происходитъ это явленіе отъ того, что вода въ рѣкѣ, текущей съ юга, много теплѣе воздуха и нагрѣваетъ соприкасающійся съ водною поверхностью тонкій воздушный слой; на границѣ этого слоя и происходитъ почти полное отраженіе свѣтовыхъ лучей, падающихъ почти горизонтально отъ чуть подымающагося надъ водою дальняго берега и отъ слоя воздуха надъ нимъ; такимъ образомъ мы видимъ, какъ въ зеркалѣ, вторую землю, лежащую ниже дѣйствительной, которую также видимъ

ЕНИСЕЙСКІЙ САМОѢДЪ (2 СЕНТ.).

ЕНИСЕЙСКІЙ САМОѢДЪ, СНЯТЫЙ ВО ВРЕМЯ РАЗГОВОРА (2 СЕНТ.).

ЮРАКЪ (2 СЕНТ.).

ЕНИСЕЙСКАЯ САМОѢДКА, СТАРУХА (2 СЕНТ.).

благодаря лучамъ, идущимъ непосредственно въ нашъ глазъ черезъ холодные воздушные слои.

Наблюдаемое явленіе вполнѣ сходно съ фата-морганой въ пустынѣ и не основывается на рефлексіи, какъ полагаютъ нѣкоторые

Выдающаяся южная оконечность узкаго островка, расположеннаго къ западу отъ пролива, менѣе низменна, и на ней жилъ купецъ. Тутъ же виднѣлось нѣсколько землянокъ, два-три чума и двѣ-три избы.

Этотъ островокъ отдѣляется отъ острова побольше узкимъ проливчикомъ; на второмъ островѣ, лежащемъ еще западнѣе, было четыре чума, и въ нихъ жило нѣсколько самоѣдовъ съ западнаго берега Енисея, но главнымъ образомъ юраки. Въ землянкѣ по сосѣдству жилъ русскій, скупавшій у туземцевъ рыбу.

Когда мы сошли на берегъ, одна лодка какъ-разъ отправлялась съ неводомъ на рыбную ловлю. Среди рыбаковъ были два брата-юрака, рѣзкаго семитическаго типа; остальные были самоѣды. Эти двое братьевъ владѣли сообща семьюдесятью двумя оленями, которые паслись въ тундрѣ на восточномъ берегу; сами они ловили здѣсь рыбу. У одного изъ самоѣдовъ, бѣдно одѣтаго, было всего десять оленей. Когда я сказалъ, что на это не проживешь, самоѣдъ вполнѣ со мной согласился.

Заглянувъ въ чумы и къ самоѣдамъ и къ юракамъ, мы не нашли особой разницы въ ихъ житьѣ-бытьѣ.

Зашли и къ старшинѣ юраковъ, имѣвшему двухъ женъ. Это былъ крѣпкій старикъ, нѣсколько напоминавшій обличьемъ горнаго норвежскаго финна, но подусники по обѣ стороны рта, при отсутствіи усовъ надъ верхней губой, придавали ему нѣкоторое сходство съ китайцемъ. Старшая изъ женъ была дряхлая старуха съ слезящимися глазами и сморщеннымъ, какъ печеное яблоко, лицомъ. Она тоже напоминала чѣмъ-то нашихъ горныхъ финокъ. Самъ старшина объявилъ намъ, указывая на нее пальцемъ, что она

уже никуда не годится, а потому онъ обзавелся женой помоложе. Послѣдняя годилась ему въ дочери и была довольно благообразна; жилось ей, повидимому, хорошо, и она гордилась своимъ положеніемъ, хотя врядъ ли положеніе жены стараго мужа особенно завидно. Но таковы ужъ женщины!

Приписанъ онъ былъ къ Обдорску, и въ прежнее время ему приходилось ѣздить туда каждую зиму уплачивать подати (ясакъ), собранныя имъ съ населенія; теперь же ему было разрѣшено платить ихъ въ Дудинкѣ.

Звали его Ябтунгъ Аліо, и его племя (орда) называлось потому Ябтунгской ордою. Каждый взрослый юракъ обложенъ подушною податью въ 10 р. съ полтиной, независимо отъ степени зажиточности; вдобавокъ подушная взимается, если можно такъ выразиться, съ живыхъ и съ мертвыхъ. Черезъ извѣстный промежутокъ времени производится перепись населенія и опредѣляется число податныхъ душъ, соотвѣтственно которому старшина и обязанъ вносить въ казну опредѣленную сумму вплоть до новой переписи, даже если кто-нибудь изъ податныхъ умретъ за это время.

Въ данномъ племени податью были обложены 32 души. Въ 1902 году девятнадцать изъ нихъ уплатили 250 р. 40 к.; остальные уклонились отъ уплаты. Въ 1910 году старшина собралъ уже всего 88 рублей. Оказать же какое-либо воздѣйствіе на уклоняющихся отъ уплаты ему не такъ-то легко: слишкомъ обширны пространства, гдѣ они кочуютъ, чтобы угоняться за ними, будь даже въ распоряженіи старшины люди и досугъ для этого.

Старшина жаловался на высокіе размѣры подати, взамѣнъ которой мѣстное населеніе рѣшительно ничего не получаетъ отъ казны. Да и что̀, собственно говоря, могутъ получить эти кочевники? Они лишены образованія, школъ, духовенства, учителей, дорогъ и какихъ-либо средствъ сообщенія, если не считать пароходства внизъ и вверхъ по рѣкѣ. Но оно только открываетъ сюда доступъ куп-

Молодая жена. Ябтунгъ-Ало. Старая жена.

ЯБТУНГЪ-АЛО СЪ ДВУМЯ ЖЕНАМИ И РЕБЕНКОМЪ (12 СЕНТ.).

САМОѢДСКІЙ ЧУМЪ ВЪ ТУНДРѢ (2 СЕНТ.).

цамъ, зашибающимъ здѣсь хорошіе барыши и способствующимъ общему обѣднѣнію края путемъ скупки у мѣстнаго населенія мѣховъ и развитію въ послѣднемъ чуждыхъ ему прежде жизненныхъ потребностей, безъ которыхъ оно прекрасно умѣло обходиться. Стòитъ ли говорить, что эти же купцы снабжаютъ населеніе водкой?

Самое большее, чтò сдѣлало для здѣшнихъ инородцевъ правительство, кромѣ взиманія ясака, было лишеніе мѣстнаго населенія нѣкоторыхъ правъ на рыбную ловлю, принадлежавшихъ ему съ незапамятныхъ временъ. Сначала русскіе добились права ловить рыбу вмѣстѣ съ инородцами; затѣмъ нѣкоторые участки рыбной ловли, принадлежавшіе послѣднимъ, были прямо проданы съ аукціона русскимъ, которые было и вообразили себя единственными хозяевами этихъ промысловъ. Скоро имъ пришлось однако убѣдиться въ необходимости дѣлиться участками съ мѣстнымъ населеніемъ, которое сохранило за собою также исключительное право на нѣкоторые старые рыбные промыслы

Можно, конечно, считать за особое преимущество возможность время отъ времени крестить своихъ дѣтей, предоставляемую населенію правительствомъ, но, на мой взглядъ, такое благодѣяніе не слишкомъ велико; чтò же касается пастырскаго благословенія вѣнчающимся парамъ, то, повидимому, это здѣсь настолько рѣдкое явленіе, что мѣстное населеніе выучилось обходиться своими средствами.

Ябтунгъ Аліо находилъ особенно несправедливымъ, что его племя обложено столь высокимъ ясакомъ,—10 рублей съ полтиной,—между тѣмъ какъ самоѣды западнаго берега Енисея платятъ всего три съ полтиной. Нельзя не согласиться, что это въ самомъ дѣлѣ несправедливо; причина однако въ томъ, что енисейскіе самоѣды вообще считаются бѣднѣе юраковъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и эти послѣдніе были особенно состоятельными людьми.

На долю этихъ инородцевъ выпала вообще только

первая порція цивилизаціи — подати и расходы; дальше этого заботы о нихъ пока не пошли. Когда-нибудь придутъ и выгоды, но тогда всѣ нынѣшніе плательщики давно уже будутъ покоиться въ сырой землѣ

Нашъ другъ-старшина вытащилъ изъ сундука свои документы и грамоты, въ которыхъ были перечислены всѣ его права и обязанности, главнымъ образомъ—послѣднія. Онъ показалъ всѣ бумаги Востротину и Лорисъ-Меликову, чтобы тѣ объяснили ему, что̀ въ нихъ содержится; самъ онъ, разумѣется, ровно ничего не понималъ въ нихъ. Объясненіе дало ему поводъ еще разъ пожаловаться на несправедливость казны, требующей съ нихъ такую высокую подать, что прямо хоть помирай.

Казалось бы, званіе старшины должно было считаться среди населенія почетнымъ; на самомъ же дѣлѣ оно является скорѣе всего лишней обузой, отъ которой всякій съ радостью отдѣлался бы, если бъ только посмѣлъ. Во всякомъ случаѣ нашъ другъ-старшина съ радостью отказался бы отъ этой чести. Собственно говоря, старшина избирается племенемъ, но, насколько мнѣ удалось узнать, процедура эта совершается въ большинствѣ случаевъ слѣдующимъ образомъ: русскій полицейскій чинъ является въ становище, намѣчаетъ человѣка, лучше другихъ говорящаго по-русски, и велитъ остальнымъ выбрать его, что̀ они и дѣлаютъ. Вознагражденія за свой трудъ старшина не получаетъ; зато на его долю выпадаетъ масса хлопотъ по сбору податей и, въ довершеніе всего, длинное путешествіе—теперь только въ Дудинку, а раньше безконечный путь до самаго Обдорска. Два мѣсяца уходило на то, чтобы добраться туда, да два мѣсяца на обратный путь, и все это, по словамъ старшины, только для минутнаго дѣла—для врученія такой-то суммы податей.

Здѣсь, въ окрестностяхъ, у инородцевъ не имѣлось шамановъ,—во всякомъ случаѣ, по ихъ словамъ—и трудно было допытаться, существуютъ ли шаманы гдѣ-нибудь въ

ЮРАКИ И ЕНИСЕЙСКИЕ САМОѢДЫ (2 СЕНТ.).

ЕНИСЕЙСКІЕ САМОѢДЫ. МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА ВЪ ЧУМѢ (2 СЕНТ.).

другомъ мѣстѣ. Нельзя было также узнать, гдѣ находятся идолы; собесѣдники наши только посмѣивались въ отвѣтъ на наши разспросы. Какъ-никакъ, они числились христіанами и не разставались съ маленькими иконами, висѣвшими на шестахъ чумовъ въ качествѣ добавочныхъ домашнихъ боговъ. Большинство самоѣдовъ крещеные,—во всякомъ случаѣ тѣ, которые побывали въ Дудинкѣ или Обдорскѣ.

Островъ былъ совершенно плоскій, поросшій ивнякомъ, травой и мхомъ; тамъ и сямъ было мокровато, хотя въ общемъ было посуше, чѣмъ на Носоновскомъ островѣ, гдѣ я побывалъ на-дняхъ.

На торжищѣ по другую сторону острова было много русскихъ, мужчинъ и женщинъ, и, судя по многочисленнымъ бочкамъ, усѣявшимъ берегъ, здѣсь кипѣла оживленная работа.

Въ двухъ землянкахъ жило также нѣсколько долгановъ,—аристократовъ тундры, по словамъ Востротина. Эти послѣдніе гораздо щеголеватѣе самоѣдовъ и юраковъ, любятъ всякія украшенія и красиво вышитыя одежды. Мы убѣдились въ этомъ, наблюдая здоровую и упитанную молодицу, которая все время хохотала безъ всякаго повода. Ея нарядная кофта была покрыта самыми затѣйливыми вышивками.

Долганы съ виду близки къ якутамъ. Это кочевники-оленеводы, живущіе въ тундрѣ и являющіеся, какъ полагаютъ, выходцами изъ восточной области, съ бассейна Лены. Дѣти долгановъ, миловидныя и симпатичныя, здоровыя и упитанныя, производили однако впечатлѣніе довольно смѣшанной расы. Мужчинъ намъ не удалось увидать: они были на рыбной ловлѣ.

Познакомились мы и съ одной тунгузкой, женою русскаго; ея дочери тоже были миловидны. Такимъ образомъ компанія была довольно разношерстная, но видъ у всѣхъ былъ довольный, оживленный и веселый.

Тутъ же видѣли мы длинноногихъ и сильныхъ упряж-

ныхъ собакъ, бывшихъ на привязи и принадлежавшихъ, повидимому, кому-нибудь изъ рыбаковъ. Послѣдніе пользуются собаками для ѣзды на саняхъ по рѣкѣ зимою, а иной разъ и лѣтомъ, когда собаки тащатъ лодку вдоль берега бечевой. Здѣшнія собаки крупнѣе и сильнѣе собакъ самоѣдовъ-оленеводовъ, которые пользуются собаками не для ѣзды, а только для охраны стадъ.

Когда мы были уже на пути къ „Корректу", Христенсенъ замѣтилъ вдругъ, что на салингѣ поднятъ флагъ. Что случилось? Вскорѣ однако одинъ изъ нашихъ гребцовъ-самоѣдовъ крикнулъ что-то и указалъ пальцемъ на югъ, гдѣ мы различили мачты какого-то судна.

Скоро мы были на „Корректѣ"; вновь прибывшее судно подошло ближе, и мы могли различить въ бинокль, что это былъ небольшой двухмачтовикъ,—по всей вѣроятности, моторное судно. Сразу догадались, что это казенное судно „Омуль", которое занимается развѣдками относительно мѣстонахожденія рыбы въ Енисеѣ. Но съ какою цѣлью прибыло оно сюда сейчасъ? Курсъ оно держало прямо на „Корректъ". Быть-можетъ, инженеръ Вурцель, собиравшійся принять участіе въ нашемъ переходѣ изъ Норвегіи, заказалъ это суденышко къ прибытію „Корректа" въ устье Енисея и забылъ отмѣнить свое распоряженіе, послѣ того какъ самъ отказался принять участіе въ нашемъ путешествіи?

Судно миновало „Корректъ", отсалютовало намъ флагомъ и, обойдя насъ, стало на якорѣ между нашимъ пароходомъ и берегомъ. Къ борту „Корректа" подошла лодка съ капитаномъ. Это былъ кругленькій человѣчекъ въ круглой оленьей шапочкѣ, напоминавшій всѣмъ своимъ видомъ тюленёнка. Оказалось, что судно въ самомъ дѣлѣ совершило долгій путь отъ Красноярска по распоряженію Вурцеля, чтобы принять на бортъ кого-то съ „Корректа", а кого именно—капитану не было сказано. Словомъ, судно было къ нашимъ услугамъ.

Итакъ, мы могли немедленно двинуться къ югу. Для насъ это было полною неожиданностью; мы думали, что намъ придется просидѣть тутъ по крайней мѣрѣ еще съ недѣлю, пока не кончится перегрузка, и тогда только двинуться съ буксиромъ и баржами вверхъ по рѣкѣ. Но въ такомъ случаѣ намъ нечего было и думать добраться до Енисейска раньше конца сентября. Я уже говорилъ, что давнымъ-давно потерялъ всякую надежду захватить инженера Вурцеля въ Красноярскѣ, теперь же снова явилась маленькая надежда, и на „Корректѣ“ закипѣла работа, чтобы снарядить насъ въ путь.

Помѣщеніе на „Омулѣ“ было не слишкомъ велико — всего-на-всего маленькій салонъ съ двумя диванчиками да рядомъ спальная каюта съ тремя койками. Бо̀льшаго, впрочемъ, и не требовалось для троихъ пассажировъ, если не считать капитана „Омуля“ и механика, которые помѣщались здѣсь раньше. Салонъ же былъ настолько малъ, что, когда кто-нибудь спускался съ палубы и желалъ пройти въ спальную каюту, сидѣвшіе въ салонѣ на диванчикахъ принуждены бывали встать, чтобы пропустить вновь пришедшаго, а столъ приходилось складывать, и то между нимъ и дверью едва-едва протискивалось круглое брюшко капитана.

Намъ предстояло самимъ заботиться о продовольствіи, и это нѣсколько осложнялось тѣмъ обстоятельствомъ, что на „Омулѣ“ не было камбуза; обходились примусомъ; зато къ нашимъ услугамъ былъ расторопный поваръ Алексѣй. Въ пищѣ у насъ, впрочемъ, не могло быть недостатка, такъ какъ капитанъ Самуэльсенъ любезно распорядился снабдить насъ такимъ количествомъ всякой провизіи, что намъ хватило до самаго Енисейска съ избыткомъ. Кромѣ того, мы сами купили свѣжей рыбы и красной икры, а ночью на „Корректѣ“ напекли намъ свѣжаго хлѣба; такимъ образомъ мы были обезпечены и въ этомъ отношеніи на всю первую часть пути.

Рѣшено было отплыть на слѣдующее утро, и мы ревностно принялись за сборы, написавъ на-спѣхъ нѣсколько писемъ, которыя должны были отправиться въ Норвегію съ „Корректомъ".

Среда, 3 сентября. Рано поутру прибылъ большой пароходъ „Орелъ", буксировавшій на сѣверъ, въ Гольчиху, баржи. Это былъ большой шикарный колесный пароходъ, принадлежавшій раньше торговой компаніи, въ которой участвовалъ Востротинъ. Послѣдній самъ купилъ пароходъ въ Глазго, откуда онъ совершалъ пассажирскіе рейсы по Клидену. Тогда пароходъ назывался „Гленморъ" и развивалъ скорость 14 узловъ въ часъ; теперь скорость его поуменьшилась. Топливомъ служили главнымъ образомъ дрова.

Капитанъ „Орла" сдѣлалъ намъ визитъ. Онъ былъ финнъ по происхожденію и на видъ бравый морякъ. Съ нимъ явились два молодыхъ студента въ формѣ, похожей на военную, и одинъ изъ нихъ оказался племянникомъ Востротина. Въ скоромъ времени явился еще третій студентъ, тоже племянникъ Востротина. Онъ готовился къ адвокатской карьерѣ, въ лѣтнее же время исполнялъ обязанности помощника капитана парохода и завѣдывалъ коммерческою частью предпріятія.

Онъ сообщилъ, что у нихъ на суднѣ только-что изловили двухъ воровъ, которые раздобыли себѣ деньги на билетъ, обыгрывая пассажировъ въ карты, а затѣмъ у нѣкоторыхъ стали пропадать деньги прямо изъ кармановъ. Молодчиковъ отдали подъ надзоръ жандарма и полицейскаго и засадили подъ замокъ въ трюмѣ одной изъ баржъ. Это было для нихъ совсѣмъ некстати, такъ какъ главную жатву предстояло имъ собрать на обратномъ пути вверхъ по рѣкѣ, когда люди ѣдутъ домой съ рыбныхъ промысловъ, побрякивая денежками въ карманѣ, и сплошь да рядомъ бываютъ подъ хмелькомъ.

Утромъ же, передъ нашимъ отъѣздомъ, прибылъ еще

одинъ пароходъ—„Енисейскъ“, на которомъ слѣдовалъ значительный нарядъ жандармовъ подъ командой офицера и полицейскій чиновникъ изъ Туруханска. Кромѣ того, на „Орлѣ“ пріѣхалъ, повидимому, агентъ сыскной полиціи. Чего добраго, вся эта компанія пожаловала сюда только потому, что „Корректу“ вздумалось посѣтить эти края.

Итого при насъ состояли теперь: одинъ таможенный чиновникъ, два солдата пограничной стражи, жандармскій офицеръ, два полицейскихъ и, должно-быть, агентъ сыскной полиціи,—всего восемь или девять человѣкъ. Прибавивъ къ этому числу капитана „Туруханска“ и капитановъ всѣхъ баржъ, получимъ двѣнадцать-тринадцать человѣкъ, тогда какъ перегрузкой было занято всего восемь человѣкъ рабочихъ, и нельзя было не подивиться такому странному распредѣленію профессій. Впрочемъ, на „Енисейскѣ“ прибыло, по всей вѣроятности, еще восемь рабочихъ, такъ что работа должна была двинуться быстрѣе.

Оказалось, что этому самому „Енисейску“ предстояло тащить вверхъ по рѣкѣ наши баржи кромѣ своей собственной баржи съ углемъ. Такимъ образомъ на обратномъ пути ему пришлось бы буксировать цѣлыя четыре баржи, и для насъ поѣздка могла оказаться черезчуръ длительной.

VII. ВВЕРХЪ ПО ЕНИСЕЮ.

Рѣчной фарватеръ.—Самое опасное мѣсто.—Моторъ капризничаетъ.—Пименова могила и связанныя съ нею повѣрія.—Караульное. — Становище юраковъ.—Казанское. — Карликъ. — Луковая протока.—Рѣчной берегъ и разрушительная работа воды. — Первыя деревья. — Осетровая уха. — Ананьино и пароходъ „Лена“. — Сходство сибирскихъ крестьянскихъ типовъ съ норвежскими. – Въ поискахъ экспедиціи. — Пароходы и баржи на Енисеѣ и ледоходъ.—Рыбные промыслы, осенній ловъ и сѣти въ рѣкѣ.—Енисейскіе остяки и цивилизованный самоѣдъ.

Итакъ, мы простились съ нашими любезными хозяевами, капитаномъ Самуэльсеномъ и директоромъ Лидомъ, со стюартомъ, штурманами, со всей командой и наконецъ съ самимъ „Корректомъ“, на которомъ провели нѣсколько пріятныхъ недѣль. Распрощались мы и съ Христенсеномъ, съ которымъ намъ такъ и не удалось, къ сожалѣнію, совершить плаваніе вверхъ по Енисею, такъ какъ ему нужно было сопровождать груженыя баржи. Распрощались и съ русскими чиновниками, съ капитаномъ „Туруханска“, съ любезнымъ таможеннымъ чиновникомъ и со всѣми остальными. Затѣмъ мы вступили на бортъ нашего новаго корабля, отчалили и подъ дождемъ и при противномъ вѣтрѣ направились къ югу по широкому проливу между островами.

Фарватеромъ служило главное русло рѣки. „Омуль“ врядъ ли сидѣлъ глубже 7 футовъ, тѣмъ не менѣе мы не замедлили бы засѣсть на какой-нибудь песчаной банкѣ,

ДОЛГАНКА. У ВХОДА ВЪ ЧУМЪ ДѢВОЧКА СМѢШАННОЙ КРОВИ (мать—тунгузка, отецъ—русскій).

„ОМУЛЬ" ОТЧАЛИВАЕТЪ ОТЪ „КОРРЕКТА" (3 СЕНТ.). Снимокъ Лида.

ВОСТОЧНЫЙ (ПРАВЫЙ) БЕРЕГЪ ЕНИСЕЯ, изборожденный потоками дождевой воды и ручьями (4 СЕНТ.).

если бы уклонились отъ судоходнаго теченія, которое не отличалось шириною. Какъ-разъ по этому же теченію движется вверхъ по рѣкѣ осетръ, поэтому мы частенько говорили, что намъ нужно придерживаться осетровыхъ слѣдовъ.

Какъ я уже упоминалъ выше, судоходное теченіе идетъ большею частью ближе къ восточному берегу рѣки. Болѣе подробной карты рѣки, съ указаніями глубинъ по всей ширинѣ русла, не имѣется. Адмиралъ Вилькицкій, правда, далъ интересную, крупнаго масштаба, карту Енисея отъ Енисейска до Гольчихи, но этой карты, на которую нанесено все русло, все-таки недостаточно для человѣка, незнакомаго съ условіями плаванія по Енисею. Для насъ это плаваніе, впрочемъ, не представляло особой трудности, такъ какъ съ нами былъ прекрасный лоцманъ, знакомый съ рѣчными мелями и ручавшійся, что даже въ пьяномъ видѣ сумѣетъ доставить насъ цѣлыми и невредимыми въ Енисейскъ.

Наше несчастье заключалось однако въ томъ, что онъ былъ на суднѣ единственнымъ лоцманомъ, и такъ какъ не могъ стоять у штурвала круглыя сутки, то намъ и приходилось каждый вечеръ бросать якорь. Впрочемъ, зная, какъ мы спѣшимъ, онъ удѣлялъ сну немного времени: чуть начинало свѣтать, т.-е. около пяти-шести часовъ утра, онъ снова возвращался на свой постъ и не сходилъ съ него уже до самаго вечера.

Когда мы приближались къ концу пролива между островами и вышли на широкій фарватеръ, поднялась изрядная килевая волна, и маленькій „Омуль“ начало такъ покачивать, словно мы были въ открытомъ морѣ. Востротинъ сообщилъ намъ, что капитаны енисейскихъ пароходовъ особенно боятся этого мѣста рѣки. Волненіе здѣсь достигаетъ такой силы, что можетъ грозить бѣдою баржамъ.

Когда мы немножко поразобрались и размѣстили свои вещи, жить на „Омулѣ“ стало сносно, а сначала казалось

тѣсновато, и насъ мало радовала перспектива провести три недѣли плаванія до Енисейска въ помѣщеніи, гдѣ едва можно было повернуться.

Къ вечеру перваго дня механикъ нашъ что-то слишкомъ повеселѣлъ. Въ общемъ это былъ тихій и добрый парень, но... водки на суднѣ было больше, чѣмъ достаточно.

Вскорѣ отказался работать гребной валъ, и никто не могъ понять—почему. На другой день говорили, что нагнетательный насосъ подавалъ съ нефтью воду; мы однако пришли къ заключенію, что виною была не столько вода въ моторѣ, сколько водка въ механикѣ. Такъ ли, нѣтъ ли, но намъ пришлось бросить якорь между могилой Пимена и селеніемъ Толстый Носъ.

Стояла чудная ночь. Когда я вышелъ на палубу около полуночи, на сѣверѣ, за темными словно дымъ тучами, горѣла надъ водной поверхностью багряная заря. Прямо надъ головою сверкала Венера, а еще выше играло яркое сѣверное сіяніе. Зрѣлище было поразительно красивое. Наверху темно-синій небесный куполъ въ звѣздахъ, внизу водная поверхность, отражавшая небо, а сбоку низкій рѣчной берегъ и безпредѣльная тундра.

О Пименовой могилѣ, расположенной на берегу, немного къ сѣверу отъ нашей стоянки, разсказываютъ диковинныя вещи. Пименъ этотъ былъ ссыльный. Сослали его сюда на жительство во времена Екатерины; онъ однако предпочиталъ быть повѣшеннымъ и все просилъ стражу повѣсить его, а та долго отказывалась, прося повременить. Наконецъ Пименъ вырылъ себѣ могилу, сдѣлалъ всѣ приготовленія и настойчиво потребовалъ казни. Стража опять стала просить его повременить, такъ какъ съ юга шло судно, и слѣдовало бы дождаться его прибытія. Пименъ однако рѣшительно не хотѣлъ жить, и его повѣсили. Когда судно пришло, оказалось, что оно привезло царское помилованіе.

Съ тѣхъ поръ эта могила считается святымъ мѣстомъ.

Инородцы увѣрены, что на ней горитъ неугасимый огонь, который отъ вѣтра колышется и разгорается еще сильнѣй. Проѣзжающіе около этого мѣста должны непремѣнно помолиться о благополучномъ пути, въ противномъ случаѣ имъ придется такъ или иначе задержаться. Какой-то шкиперъ съ женой, живущій въ настоящее время въ Енисейскѣ, проѣхалъ однажды мимо, не помолившись; разразилась непогода, судно было унесено обратно и простояло вблизи могилы восемнадцать дней. Тутъ шкиперъ наконецъ догадался помолиться, и послѣ того судно благополучно двинулось впередъ.

Мы тоже не вспомнили о молитвѣ, проѣзжая мимо могилы,—вотъ, пожалуй, и причина порчи мотора! Что̀-то будетъ завтра? Просто бѣда съ этими капризными моторами. Мнѣ уже рисовалась картина стоянки изъ-за порчи мотора вплоть до того времени, когда насъ догонитъ и заберетъ съ собою буксиръ съ баржами. Перспектива не изъ важныхъ!

Четвергъ, 4 сентября. На слѣдующее утро моторъ однако пошелъ въ ходъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и такимъ образомъ было установлено, что вчера виною была все-таки водка, а не что̀ другое.

Двинулись дальше къ югу и въ половинѣ девятаго пришли въ Караульное, гдѣ имѣется большой, вполнѣ благоустроенный домъ. Мы стали на якорь и съѣхали на берегъ.

Около 1879 года баронъ Кнопъ основалъ здѣсь складъ для товаровъ, идущихъ по Карскому морю. Въ тѣ времена на этотъ торговый путь возлагались особыя надежды, которымъ не суждено было оправдаться. Въ настоящее время мѣсто это является на Енисеѣ важнымъ пунктомъ торговли рыбой и принадлежитъ богатому купцу изъ Красноярска, котораго здѣсь величаютъ туруханскимъ княземъ. Его служащіе живутъ здѣсь и лѣто и зиму.

Насъ ожидалъ любезный пріемъ. Мы были приглашены

въ большую свѣтлую гостиную съ четырьмя-пятью окнами и старыми, драными обоями.

Старый управляющій оказался большимъ политиканомъ и несказанно обрадовался случаю поболтать съ Востротинымъ на тему о томъ, какъ надо управлять Россіей вообще и Сибирью въ частности.

Встрѣтили мы здѣсь и еще одного русскаго, помоложе. Этотъ рослый, бравый парень съ каштановыми волосами и бородкой, сильно напоминавшій святого, служилъ машинистомъ на маленькомъ паровомъ баркасѣ того же купца.

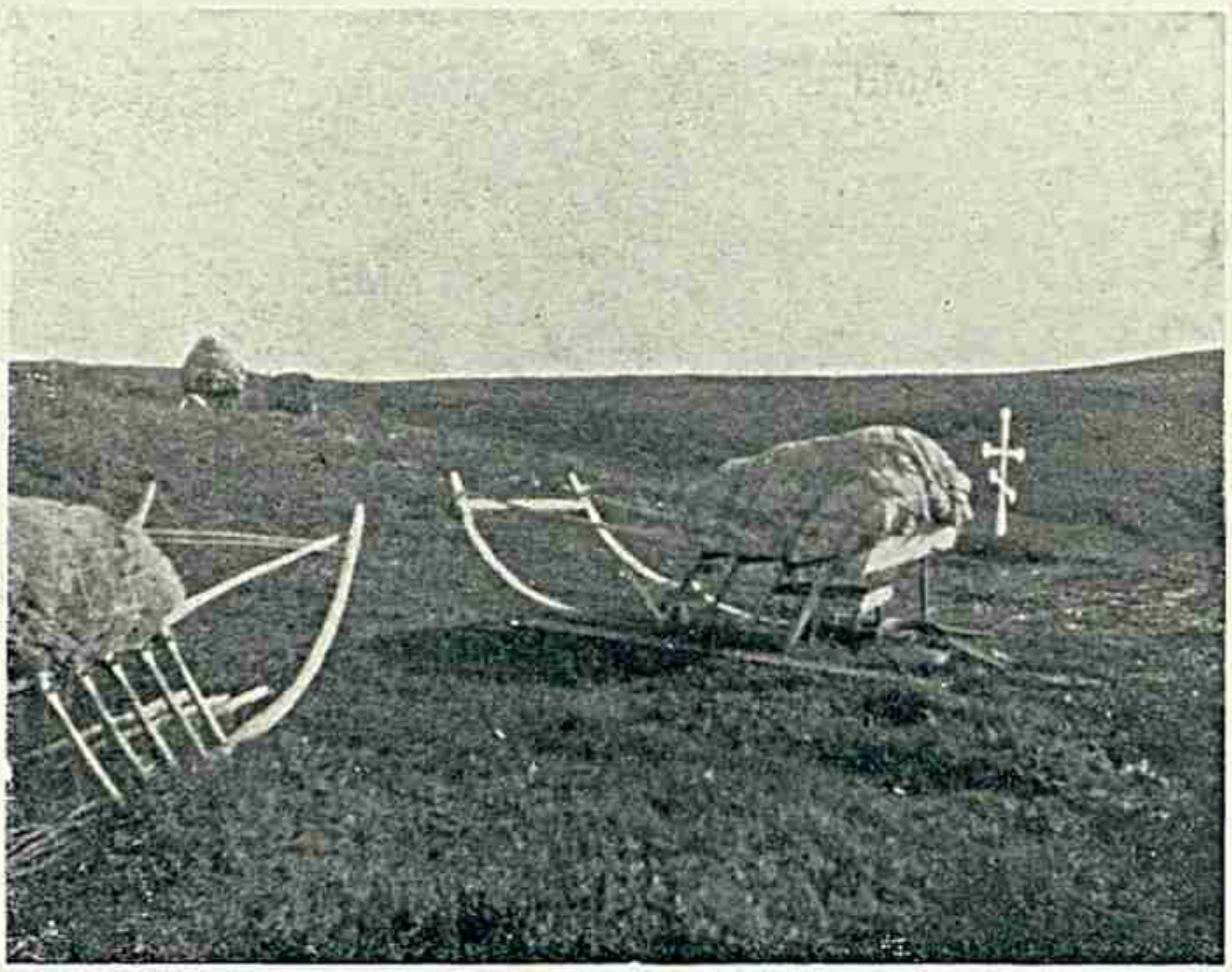
На дворѣ передъ домомъ мы замѣтили корову, по всей вѣроятности, единственную представительницу своей породы на крайнемъ сѣверѣ Сибири. Мы находились вѣдь на 70°5′ с. ш. Корова была такая славная, что я не могъ не сфотографировать ее вкупѣ съ молодицей, которая ходила за ней. Вокругъ росла сочная трава, и вообще пастбище было хоть куда. Немудрено, что и корова была довольно упитанная. На берегу, немного пониже, трава была скошена и сметана въ кучи; стоговъ я не замѣтилъ, хотя ничто не мѣшало такой уборкѣ сѣна.

На плоскомъ берегу южнѣе дома стоялъ одинокій юрацкій чумъ. Тутъ же лежала обычно тяжелая туземная рыбачья лодка и маленькій легкій каякъ, выдолбленный изъ ствола дерева. Мнѣ еще не приходилось видѣть здѣсь такихъ, и я могъ только предположить, что имъ пользовались для охоты на водяныхъ птицъ. Впослѣдствіи я видѣлъ совершенно такіе же каяки у енисейскихъ остяковъ и думаю, что этотъ каякъ попалъ сюда отъ нихъ, такъ какъ на обычныя издѣлія самоѣдовъ онъ мало походилъ.

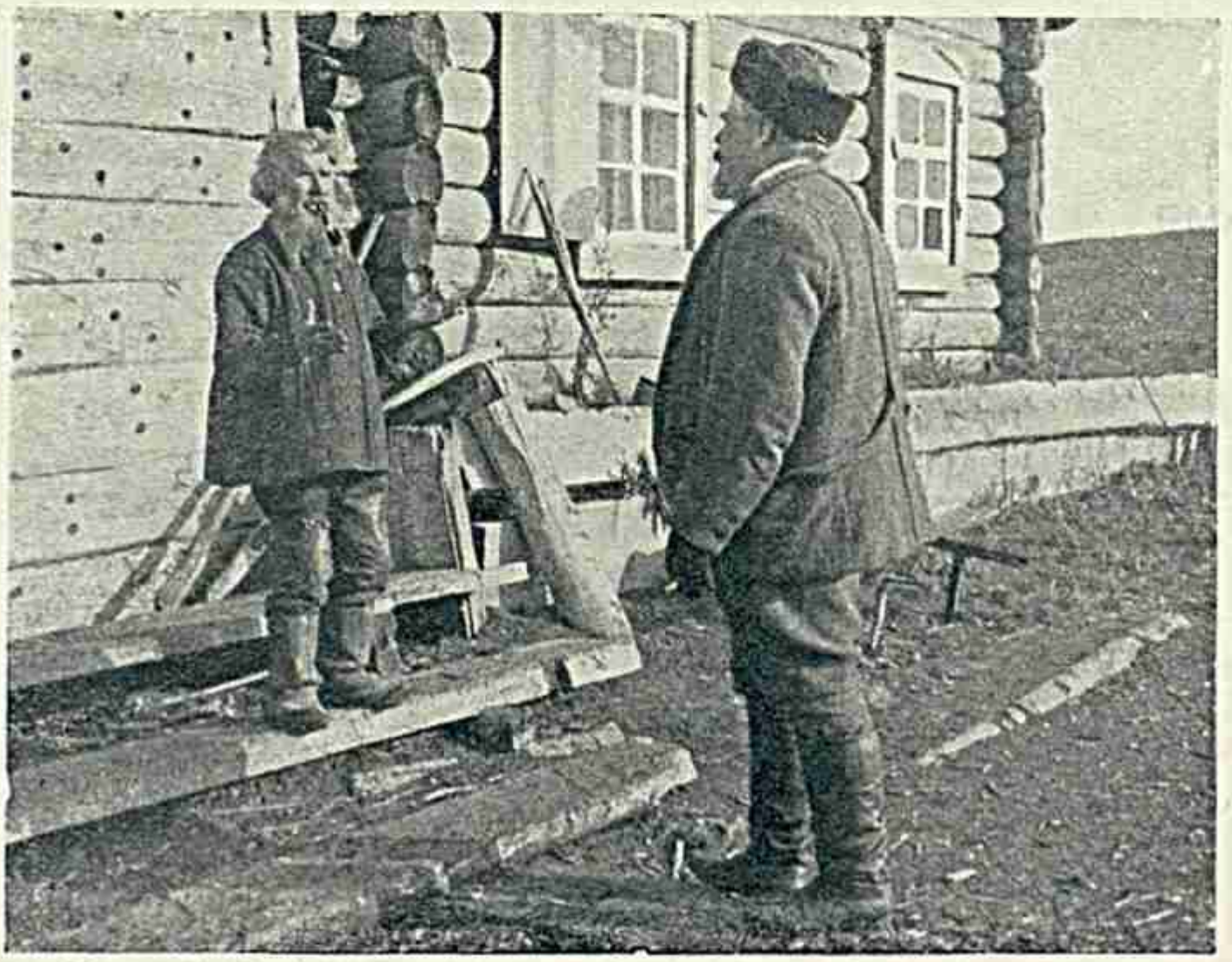
На горѣ за дворомъ мы нашли нѣсколько брошенныхъ юрацкихъ саней; владѣльцы ихъ находились на рыбной ловлѣ. Сани эти со всѣмъ лишнимъ грузомъ, который нежелательно таскать съ собою на промыслы, юраки просто-на-просто покидаютъ въ тундрѣ до своего возвращенія туда. Никому — во всякомъ случаѣ ни одному мѣстному

КАРАУЛЬНОЕ. САМАЯ СѢВЕРНАЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦА КОРОВЬЕЙ ПОРОДЫ (4 СЕНТ.).

ЮРАЦКІЯ САНИ, ОСТАВЛЕННЫЯ ВЪ ТУНДРѢ БЛИЗЪ КАРАУЛЬНАГО (4 СЕНТ.).

КАЗАНСКОЕ. КАРЛИКЪ И ВОСТРОТИНЪ (4 СЕНТ.).

жителю—и въ голову не приходитъ тронуть покинутый скарбъ.

Нашелъ я также позади домовъ сани различнои величины и фасоновъ, между прочимъ и особенной формы сани, приспособленныя для ѣзды на собакахъ. По словамъ старика, такими именно санями чаще всего пользуются въ здѣшнихъ мѣстахъ русскіе. Вокругъ бродило много упряжныхъ собакъ, крупныхъ, сильныхъ и здоровыхъ на видъ; онѣ были значительно крупнѣе и выше остяцкихъ собакъ, которыми мы пользовались во время путешествія на „Фрамѣ“ въ 1893 году.

Проводить насъ до берега пошли оба русскихъ—и старикъ управляющій и молодой машинистъ. Когда мы сѣли въ лодку, машинистъ подошелъ къ самой водѣ, отвѣсилъ намъ низкій поклонъ, нѣсколько разъ перекрестился и обратился съ длинной рѣчью къ Востротину, прося его, какъ члена Думы, позаботиться объ улучшеніи просвѣщенія своего народа.

Въ теченіе дня мы еще разъ сдѣлали остановку нѣсколько южнѣе, у становища юраковъ, состоявшаго изъ трехъ-четырехъ чумовъ. Здѣсь жилъ и одинъ русскій, который вырылъ себѣ въ песчаной горѣ землянку въ родѣ норы. Онъ занимался скупкой рыбы у туземцевъ.

Мы купили только-что пойманнаго осетра; другой свѣжей рыбы достать было нельзя. Осмотрѣли снасть, которою ловятъ осетровъ; лини съ крючками, на которые наживляется маленькая сушоная рыбка,—насколько мнѣ удалось разсмотрѣть, маленькая минога, приблизительно въ 6 вершковъ длиною. Осмотрѣли и мелкую сѣть, которою ловятъ въ озерахъ чира, пелядку (рыбу, похожую на форель, съ краснымъ мясомъ) и кунжу.

Послѣ полудня мы снова остановились, на этотъ разъ противъ Казанскаго, гдѣ по другую сторону рѣки, на возвышеніи восточнаго берега, стояли двѣ-три русскія избы. Наша команда еще на томъ пути заказала здѣсь хлѣбъ.

Когда мы поднялись съ рѣки на гору и добрались до домовъ, изъ однѣхъ дверей вышелъ вдругъ растеряннаго вида человѣчекъ съ длинной курчавой каштановой бородой и страннымъ выраженіемъ лица. Человѣчекъ былъ настоящій карликъ и улыбался, словно выходецъ съ того свѣта. Потѣха была смотрѣть на него, когда онъ стоялъ на крыльцѣ и разговаривалъ съ высокимъ здоровякомъ Востротинымъ.

Насъ пригласили въ домъ—красивое, свѣтлое и уютное помѣщеніе съ выбѣленными стѣнами, на которыхъ красовались портреты-олеографіи Петра Великаго, иконы и фотографіи русскаго духовенства на ряду съ олеографіями, изображавшими невѣроятно декольтированныхъ парижскихъ дамъ, пышныя груди которыхъ внушали опасеніе за прочность ихъ воздушнаго полуприкрытія.

Насъ встрѣтила благообразная женщина лѣтъ сорока съ небольшимъ; карлику же, который приходился ей мужемъ, было всего подъ пятьдесятъ. У нихъ было много дѣтей, начиная съ двадцатидвухлѣтняго женатаго сына и кончая малюткой, не умѣвшимъ ходить, а въ недалекомъ будущемъ предвидѣлось и новое прибавленіе къ семейству.

Мужъ былъ мѣстный уроженецъ и ни разу не побывалъ даже въ Туруханскѣ; жена его тоже родилась по сосѣдству, приблизительно въ шестидесяти километрахъ отъ Казанскаго.

На сосѣднемъ дворѣ жилъ другой русскій, постарше, но у него въ домѣ былъ тифъ. Кто-то ужъ умеръ, и бо́льшая часть семьи хворала. У самого хозяина тоже былъ сильный жаръ, и онъ совсѣмъ охрипъ, тѣмъ не менѣе онъ вышелъ поздороваться съ нами и завязалъ оживленную бесѣду съ Востротинымъ о своихъ дѣлахъ и о податяхъ, которыя находилъ черезчуръ высокими.

Оказалось, что хлѣбъ былъ заказанъ нашей командой какъ-разъ въ его домѣ, и, когда его намъ доставили, намъ показалось опаснымъ ѣсть хлѣбъ изъ тифознаго дома,

такъ что матросы покидали весь запасъ въ воду, даже не притронувшись къ нему.

Въ семи-восьми километрахъ отъ Казанскаго, на восточномъ берегу, возлѣ Луковой протоки, на 69°48′ с. ш. находится прекрасная гавань, лежащая между песчаной отмелью и группой острововъ. Гавань эта хорошо защищена и имѣетъ рѣдкое преимущество, заключающееся въ равной глубинѣ до самаго берега. Единственнымъ недостаткомъ является нѣсколько мелкій входъ въ гавань, который однако можно было бы углубить, а затѣмъ прочищать послѣ весенняго ледохода. Тогда гавань годилась бы для большихъ судовъ, и здѣсь можно было бы разгружать суда, прибывающія съ запада черезъ Карское море, и нагружать баржи, выходящія имъ навстрѣчу съ верховьевъ Енисея.

Теперь мы уже подошли къ южному концу широкаго енисейскаго устья, испещреннаго островами и отмелями. Вскорѣ русло свернуло къ востоку и сузилось.

Берега Енисея, какъ и всѣхъ подобныхъ рѣкъ, получили свою своеобразную структуру подъ вліяніемъ ежегодныхъ измѣненій уровня воды. Во время большихъ весеннихъ разливовъ вода въ рѣкѣ поднимается на 5—10 метровъ; при этомъ ближе къ устью, гдѣ рѣка достигаетъ громадной ширины, уровень воды, разумѣется, не такъ высокъ, какъ вверхъ по теченію, гдѣ русло значительно уже. Тамъ рѣка, ускоряющая свой стремительный бѣгъ во время половодья, покрываетъ оба берега и смываетъ цѣлые пласты песку и глины.

Чтобы яснѣе представить себѣ, насколько усиливается размывъ береговъ съ ускореніемъ теченія, необходимо помнить, что сила теченія увеличивается пропорціонально скорости въ шестой степени. Такимъ образомъ, если стремительность теченія во время половодья увеличивается вдвое, то грузоподъемная сила его возрастаетъ въ шестьдесятъ четыре раза. Немудрено, значитъ, что разлившаяся рѣка съ

такой легкостью расширяетъ свое русло до невѣроятныхъ размѣровъ, унося съ собою огромныя количества песку.

Рѣка, подрывающая и разрушающая свои берега, образуетъ крутые обрывы, возвышающіеся надъ берегомъ рѣзкою прямою линіей, которая и обозначаетъ наивысшій уровень воды во время разлива. За чертою разлива берегъ покрытъ травою и мхомъ, а по мѣрѣ удаленія къ югу—кустарникомъ и мелкими деревцами. Подъ рѣзко обозначенной линіей, оставленной половодьемъ, берегъ по большей части покрытъ пескомъ и гравіемъ, мѣстами же большими камнями и спускается полого къ самой водѣ, гдѣ рѣка сплошь и рядомъ образуетъ песчаный пляжъ. Однако, какъ я уже говорилъ, между восточнымъ и западнымъ берегомъ рѣки значительная разница. Восточный большею частью много выше и круче западнаго, что̀ происходитъ, какъ уже было упомянуто, вслѣдствіе вращенія земного шара; явленіе это особенно сильно бросается въ глаза здѣсь, гдѣ мы сейчасъ проѣзжаемъ.

Высокій рѣчной берегъ, особенно восточный, сильно размытъ и изрытъ дождевой водой, ручьями и рѣчками, которые образовали въ немъ русла и маленькія долины. Вся эта картина служитъ поучительнымъ миніатюрнымъ примѣромъ того, какъ вообще происходитъ разрушеніе водою земной поверхности. Тамъ и сямъ рѣка настолько подмыла во время весенняго половодья берегъ, что произошли крупные обвалы, и вода унесла все начисто.

Подъ вечеръ, когда мы подвигались дальше вдоль восточнаго берега, случилось нѣчто необычайное. Мы увидали вынырнувшія изъ-за края холма первыя деревца, росшія въ маленькой долинѣ. Это были небольшія лиственницы. Ихъ было немного, и онѣ были разбросаны по всей долинѣ, напоминая скорѣе кусты. Но скоро деревья стали встрѣчаться чаще, и начался лѣсъ, первый увидѣнный нами въ этихъ краяхъ, приблизительно на 69°43′ с. ш., т.-е. почти на широтѣ Тромсё.

Около девяти часовъ вечера мы стали на якорь около Хетынскаго острова, напротивъ Крестоваго.

Насъ ожидалъ ужинъ, въ меню котораго въ первый разъ вошла осетрина: нашъ несравненный Алексѣй угостилъ насъ національнымъ блюдомъ, солянкой—густымъ супомъ, въ которомъ плавали куски жирной осетрины, приправленные маслинами, капорцами, солеными огурцами, томатами и прочими снадобьями. Осетрину ѣдятъ прямо съ супомъ. Рыба оказалась превосходною, и все кушанье удивительно вкуснымъ. Характерно, что національнымъ русскимъ блюдомъ является именно супъ, безъ котораго для русскаго немыслимъ никакой обѣдъ.

Пятница, 5 сентября. На другой день передъ обѣдомъ завидѣли впереди пароходъ. Это была „Лена“, стоявшая съ баржею на якорѣ у Ананьина, гдѣ съ баржи выгружались всевозможные товары. Мы тоже остановились здѣсь, чтобы взять съ этой баржи нефти для нашего мотора.

Погрузка жидкаго топлива всегда отнимаетъ много времени, поэтому мы съ Востротинымъ отправились на берегъ. На высокомъ берегу вытянулись въ рядъ четыре или пять домовъ. Мѣстечко это принадлежитъ одному богатому купцу, который ведетъ большую торговлю съ инородцами. Объ этомъ можно было также судить по множеству самыхъ разнообразныхъ саней, сваленныхъ внизу, подъ косогоромъ.

Мнѣ попались на глаза большія сани-кибитка, которыя защищаются отъ вѣтра и мороза брезентовымъ или даже кожанымъ верхомъ съ пологомъ. Внутри кибитки прилажена была вдобавокъ печка. Во время путешествій по тундрѣ въ эту кибитку впрягалось восемь оленей. Видѣлъ я также нѣсколько саней съ дугообразнымъ верхомъ, служившихъ для перевозки товаровъ, и массу всякихъ другихъ саней, предназначенныхъ для транспортировки грузовъ въ тундру инородцамъ. Заразъ обыкновенно отправлялось по трое и больше такихъ большихъ саней.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ владѣлецъ мѣстечка продалъ его въ другія руки и самъ уѣхалъ, но въ прошломъ году перекупилъ его обратно. На житье сюда однако больше не возвращался.

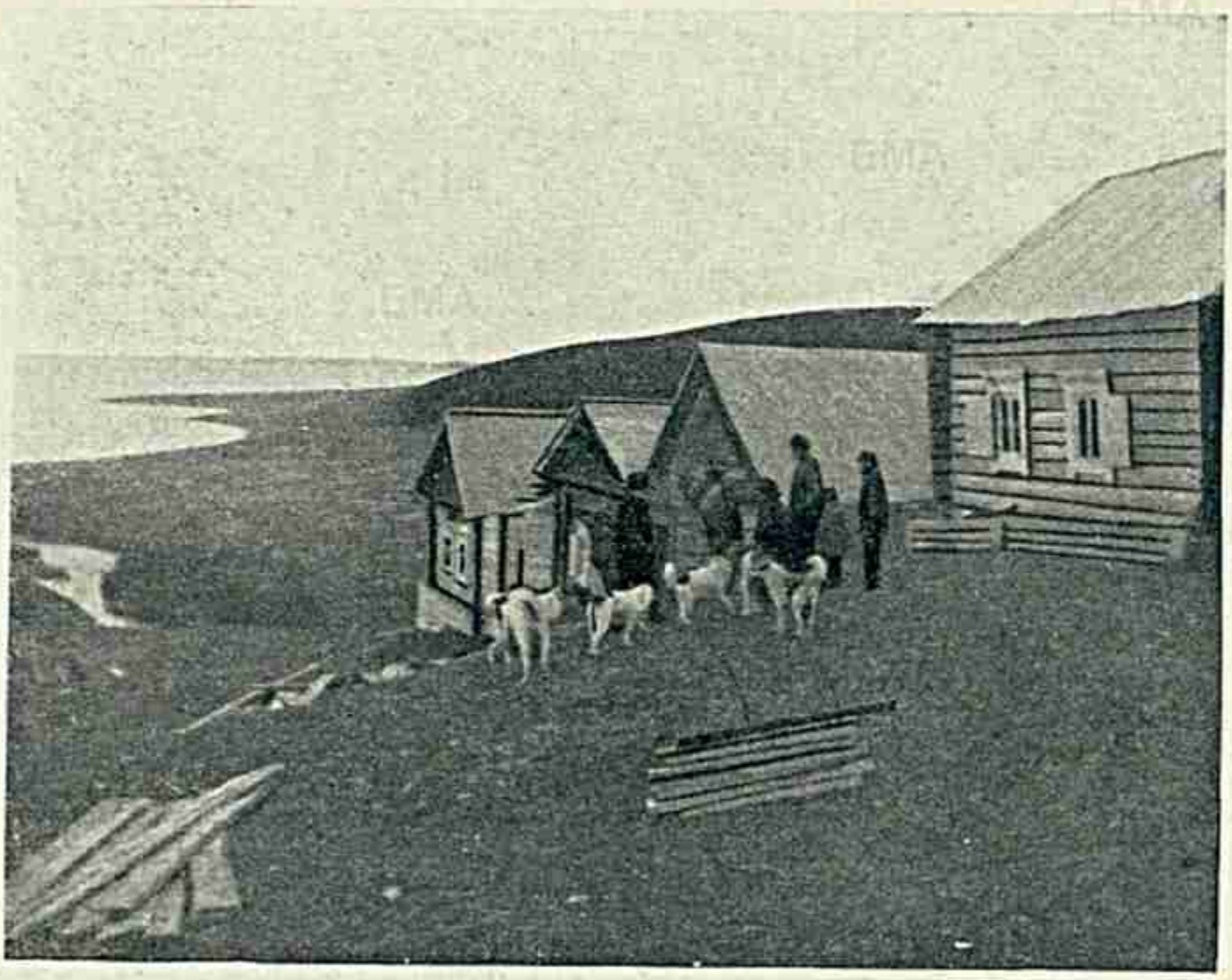
Нѣсколько лѣтъ тому назадъ по этимъ мѣстамъ прошла къ верховьямъ Енисея разбойничья шайка изъ ссыльныхъ, убивавшая, грабившая и разорявшая все на своемъ пути. Купецъ находился въ то время въ торговыхъ разъѣздахъ по тундрѣ. Прослышавъ отъ инородцевъ о шайкѣ грабителей, которые были уже близко, купецъ побросалъ все свое имущество и спрятался у знакомыхъ инородцевъ. Такимъ образомъ ему удалось спастись; разбойники, найдя его добро, и думать забыли о дальнѣйшемъ преслѣдованіи. Купецъ однако набрался такого страху, что не отважился съ той поры жить здѣсь, на сѣверѣ, на такомъ уединенномъ трактѣ.

Въ общемъ эти купцы являются настоящими царьками здѣсь, на сѣверѣ. Они забрали въ свои руки всю власть, и воля ихъ подчасъ является закономъ для инородцевъ. Здѣшній купецъ слылъ, впрочемъ, добрымъ человѣкомъ; зато братъ его, проживавшій южнѣе, въ большомъ домѣ близъ Дудинки, имѣлъ славу настоящаго кулака.

Онъ всячески прижималъ инородцевъ, а подчасъ и давалъ волю рукамъ. Съ должниковъ своихъ, которыхъ самъ же ввелъ въ долги, дралъ, что̀ называется, три шкуры, а высосавъ ихъ, являлся къ нимъ въ становище, забиралъ послѣднее ихъ имущество и безжалостно бросалъ въ тундрѣ безъ ничего, обрекая на голодную смерть. Наконецъ онъ настолько зарвался, что въ дѣло вмѣшались власти, и кулака безъ долгихъ разговоровъ выслали въ Ленскій округъ. Тамъ онъ снова завелъ торговлю, но въ одинъ прекрасный день, во время поѣздки на лодкѣ по Ленѣ, былъ убитъ и брошенъ въ рѣку однимъ изъ своихъ спутниковъ, который, очевидно, пронюхалъ, что съ нимъ были денежки.

АНАНЬИНО. РУССКИЕ ТИПЫ (5 СЕНТ.). Направо—бѣлокурый юноша, упомянутый на стр. 145.

АНАНЬИНО (5 СЕНТ.).

ЛЕВИНСКІЙ ПЕСОКЪ. ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ ЕНИСЕЙСКІЙ САМОѢДЪ И ЕНИСЕЙСКІЙ ОСТЯКЪ (9 СЕНТ.).

И здѣсь, въ Ананьинѣ, какъ въ Караульномъ, я видѣлъ много крѣпкихъ упряжныхъ собакъ. Въ теченіе всей долгой зимы единственнымъ средствомъ сообщенія служитъ здѣсь санный путь на собакахъ или оленяхъ. На оленяхъ ѣзда быстрѣе, хотя и добрая запряжка такихъ собакъ везетъ не медленно. Считается, что можно проѣхать 9 верстъ безостановочно, не кормя собакъ.

Инородцы любятъ своихъ собакъ и хорошо обращаются съ ними. Въ каждой крестьянскоїї избѣ имѣется большая каменная русская печь съ широкимъ плоскимъ верхомъ, который является излюбленнымъ мѣстомъ для спанья въ зимнее время. Обыкновенно тамъ и спитъ сама хозяйка съ дѣтьми, но, по возвращеніи хозяина изъ долгой поѣздки по морозу, всѣ обитатели избы уступаютъ свои теплыя мѣста на печи усталымъ упряжнымъ собакамъ.

Мнѣ показали упряжь для собакъ, наиболѣе распространенную по Енисею: ременный гужъ проходитъ посерединѣ спинного хомута. Извѣстенъ здѣсь и другой способъ упряжки, излюбленный обскими остяками: хомутъ охватываетъ все туловище собаки, а гужъ проходитъ подъ брюхомъ и пропускается между заднихъ ногъ. Въ корнѣ запряжки бѣгутъ четыре собаки, изъ которыхъ одна впряжена нѣсколько впереди другихъ, — это вожакъ или передовая собака; остальныя припрягаются съ боковъ, поочередно то съ одной, то съ другой стороны саней. Такимъ образомъ запряжка состоитъ обычно изъ шести-восьми собакъ.

Интересно было наблюдать разнообразіе типовъ русскаго населенія. Многіе поражали своимъ сходствомъ со скандинавами. Одного бѣлокураго парня, лѣтъ восемнадцати, всякій сразу принялъ бы за норвежскаго крестьянина. Вообще среди русскихъ попадалось много блондиновъ съ голубыми глазами, а также русыхъ съ вьющимися волосами. Встрѣчались очень рослые и здоровые парни. Какъ-то невольно приходило въ голову, что скандинавы нѣкогда побывали и здѣсь.

Мы заглянули къ одной красивой молодой четѣ. И кухня и комнаты, которыя они занимали, были свѣтлыя, чистыя, съ выбѣленными стѣнами. Въ стѣнѣ между кухней и комнатой помѣщалась, по обыкновенію, русская печь, а въ комнатѣ имѣлась кромѣ того маленькая желѣзная печка, которую приходится топить безпрерывно въ жестокіе зимніе морозы, когда температура падаетъ до 40—50° ниже нуля.

На „Ленѣ“ ѣхалъ русскій ученый, который долженъ былъ принять участіе въ Брусиловской экспедиціи въ качествѣ географа. Онъ говорилъ, что полагаетъ найти экспедицію гдѣ-нибудь здѣсь, на сѣверѣ.—„Но гдѣ именно?“—спросилъ я. Оказалось, что у него не было опредѣленныхъ свѣдѣній, но онъ расчитывалъ, что Брусиловъ направится за углемъ въ Диксонову гавань, — тамъ они и встрѣтятся. Имѣлось ли у него однако въ виду судно, на которомъ онъ могъ бы добраться до Диксоновой гавани? Отвѣтъ былъ отрицательный. А была ли у него по крайней мѣрѣ увѣренность, что Брусиловъ достигъ Диксоновой гавани? Тоже нѣтъ. Такъ мнѣ и не удалось уяснить себѣ, какимъ образомъ этотъ ученый разыщетъ Брусиловскую экспедицію въ Ледовитомъ океанѣ, имѣя столь мало данныхъ. Задача его представлялась не менѣе безнадежною, чѣмъ поиски иголки въ стогѣ сѣна. Я на своемъ вѣку навидался полярныхъ экспедицій, снаряженныхъ самымъ легкомысленнымъ образомъ, но на этотъ разъ и я сталъ втупикъ. Если вся экспедиція была столь же хорошо подготовлена къ своимъ задачамъ, какъ этотъ членъ ея, то возможные плачевные результаты ея не должны никого удивить. Вдобавокъ ученый географъ высказалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы участники экспедиціи были еще живы и здоровы: во-первыхъ, начальникъ ея и команда совершенно неопытны въ плаваніи среди льдовъ, а во-вторыхъ, экспедиція плохо снаряжена Я и не могъ не выразить удивленія его мужественному рѣшенію принять участіе въ

подобной экспедиціи. Оказалось однако, что онъ уже подумывалъ о томъ, чтобы отправиться на „Корректѣ“ въ Вардё, а оттуда къ себѣ въ Юрьевъ.

Ученому географу, впрочемъ, предстояло, повидимому, преодолѣть и нѣкоторыя другія трудности, кромѣ розысковъ экспедиціи, въ которой онъ долженъ былъ принять участіе. Прощаясь, онъ отозвалъ Востротина въ сторону и попросилъ взаймы нѣсколько сотъ рублей, такъ какъ, по его словамъ, онъ предпочелъ бы перезимовать здѣсь, гдѣ такъ много матеріала для научныхъ изслѣдованій. Къ несчастью, онъ упустилъ изъ виду запастись для этого деньгами въ Красноярскѣ. Увы, и у насъ съ Востротинымъ не оказалось при себѣ нужной ему суммы.

Итакъ, бѣднягѣ предстояло, пожалуй, проработать всю зиму въ Красноярскѣ, чтобы накопить денегъ на обратный путь на родину. Онъ, впрочемъ, надѣялся еще перехватить взаймы у Лида подъ мѣха полярныхъ лисицъ и медвѣдей, которые привезетъ съ собою Брусиловская экспедиція,—та самая, на возвращеніе которой, по его мнѣнію, не имѣлось никакой надежды.

Въ числѣ пассажировъ „Лены“ находился также помощникъ туруханскаго полицеймейстера въ форменной одеждѣ. Это былъ уже не то шестой, не то седьмой полицейскій чинъ, встрѣченный нами по дорогѣ. Онъ однако ѣхалъ для собственнаго удовольствія,—посмотрѣть новыя мѣста, какъ самъ сказалъ.

Еще ѣхалъ на „Ленѣ“ помощникъ начальника казенной енисейской флотиліи, состоящей изъ пароходовъ и баржъ. Онъ завѣдывалъ всѣмъ транзитомъ грузовъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ.

Странно, что люди однородной профессіи часто походятъ другъ на друга. Этотъ плотный толстякъ съ симпатичнымъ и мужественнымъ лицомъ, обрамленнымъ большими баками, былъ до такой степени схожъ съ бывшимъ начальникомъ порта въ Христіаніи, Бассе, также крайне

симпатичнымъ служакою, что легко можно было смѣшать ихъ. Въ довершеніе сходства новый нашъ знакомый былъ столь же энергичнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, всюду вносившимъ оживленіе и проявлявшимъ кипучую дѣятельность.

Мы все еще продолжали пополнять наши запасы, на что требуется много времени, а съ баржи выгружали товары въ большую лодку, на которой затѣмъ возили ихъ на берегъ, что̀ беретъ еще больше времени. На каждую остановку уходитъ поэтому по нѣскольку дней; но что̀ подѣлаешь, если выгружать товаръ съ баржи прямо на берегъ нѣтъ возможности изъ-за мелководья.

Географъ, разыскивавшій свою экспедицію, ужасно возмущался такою тратою времени и рѣшилъ добиться измѣненія порядковъ, написавъ о томъ, кому слѣдуетъ. Глупо въ самомъ дѣлѣ возиться съ какими-то лодками вмѣсто того, чтобы подвести баржу прямо къ берегу! Онъ только не упомянулъ объ одномъ—какъ быть съ мелководьемъ?

Выгружались всевозможные товары; главнымъ образомъ мѣшки съ мукой, затѣмъ желѣзныя печи, кровати и проч. Количество товаровъ, сплавляемыхъ внизъ по рѣкѣ на трехъ казенныхъ пароходахъ и девяти баржахъ, колеблется, но въ иные годы достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ. Этотъ годъ, напримѣръ, былъ очень удаченъ въ смыслѣ охоты на лисицъ; у населенія завелись деньги для покупки товаровъ, почему и спросъ на нихъ очень увеличился, и движеніе грузовъ внизъ по рѣкѣ сильно возросло. Если въ этомъ году будетъ хорошъ и уловъ рыбы, то пароходамъ и баржамъ обезпечены большіе грузы и на обратномъ пути. Въ годы же плохой добычи пушнины и неважнаго улова рыбы движеніе грузовъ сразу сокращается.

Въ настоящее время по Енисею ходятъ три казенныхъ парохода и девять баржъ, купленныхъ во время войны 1905 года и доставленныхъ сюда для развитія судоходнаго сообщенія внизъ и вверхъ по рѣкѣ, которое должно было дѣйство-

вать одновременно съ предполагавшимся усиленнымъ судоходствомъ по Карскому морю къ устью Енисея. Расчеты эти однако не оправдались. Ради поощренія грузоотправителей объявили-было порто-франко для заграничныхъ товаровъ, идущихъ въ Енисейскъ, но уже на слѣдующій годъ таможенныя льготы были отмѣнены и сохранены только для нѣкоторыхъ товаровъ, такъ что подвозъ морскимъ путемъ прекратился самъ собою и на этотъ разъ.

Казеннымъ пароходамъ пришлось поэтому перевозить лишь мѣстные товары и рыбу внизъ и вверхъ по рѣкѣ, что̀ оказалось для казны крайне убыточнымъ, и она не прочь была ликвидировать все предпріятіе. Сначала пароходовъ было даже цѣлыхъ шесть, но два изъ нихъ были разбиты льдомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ какъ имъ было отведено неудачное мѣсто для стоянки въ устьѣ Ангары. Одинъ изъ этихъ пароходовъ, колесный, несло весеннимъ ледоходомъ внизъ по рѣкѣ съ версту, пока не исковеркало и не разбило, послѣ чего онъ наконецъ затонулъ. Второй пароходъ пронесло льдомъ 500 верстъ къ сѣверу, прежде чѣмъ онъ былъ разбитъ и пошелъ ко дну. Одновременно унесло нѣсколько баржъ, которымъ грозила та же участь, но ихъ удалось вытащить на берегъ и спасти. Третій пароходъ былъ проданъ и переведенъ на Обь, гдѣ и ходитъ въ настоящее время. Два парохода были куплены въ Англіи, остальные—въ Германіи; баржи были рейнскаго типа.

Погрузка нефти кончилась-таки, и мы могли двинуться дальше. Мало-по-малу деревьевъ въ маленькихъ долинахъ становилось все больше, и самыя деревья постепенно дѣлались все выше, но все-таки назвать ихъ лѣсомъ было еще рано.

Послѣ обѣда мы пошли пройтись по низменному западному берегу рѣки возлѣ Левинскаго песка, гдѣ капитанъ и команда собирались купить рыбы, чтобы посолить ее на зиму. Жили здѣсь главнымъ образомъ русскіе, ютившіеся

въ землянкахъ по краю косогора надъ широкой низменной полосой песчанаго берега. Они какъ-разъ ловили неводомъ рыбу на нѣсколькихъ лодкахъ.

Одинъ изъ рыбаковъ остается на берегу съ длиннымъ концомъ линя, привязаннаго къ неводу; другіе плывутъ съ неводомъ на лодкѣ, насколько хватаетъ линь; затѣмъ начинаютъ выбрасывать неводъ, продолжая подвигаться вдоль берега внизъ по теченію. Когда весь неводъ окажется въ водѣ, гребутъ обратно къ берегу, чтобы соединить оба конца линя, и тогда остается только вытащить неводъ какъ можно скорѣе на берегъ. Когда мотня приблизится къ берегу, одинъ изъ рыбаковъ обыкновенно входитъ въ воду, чтобы слѣдить за ходомъ невода и не дать рыбѣ уйти. На нашихъ глазахъ было поймано такимъ образомъ небольшое количество рыбы, большей частью максуновъ; уловъ нельзя было назвать удачнымъ.

Рыбаки вообще не могли похвалиться въ этомъ году уловомъ. Нѣсколько дней тому назадъ пошла-было сельдь что̀, по ихъ мнѣнію, являлось хорошимъ признакомъ, тѣмъ болѣе, что вверхъ по рѣкѣ прошли три бѣлухи. Потомъ рыба снова исчезла. Такимъ образомъ мы и здѣсь встрѣтились съ суевѣріемъ, что киты и бѣлухи гонятъ рыбу къ берегу и вверхъ по рѣкѣ, а могутъ угнать и обратно.

Эти бѣлухи находились, по мнѣнію рыбаковъ, еще въ верховьяхъ рѣки; по крайней мѣрѣ никто не видалъ, чтобы онѣ вышли обратно въ море. Во всякомъ случаѣ интересно отмѣтить, что бѣлухи заходятъ такъ далеко вверхъ по рѣкѣ. Говорятъ, что и тюлени забираются въ такую же даль.

Здѣсь же довелось намъ увидѣть на рѣдкость крупную и сильную упряжную собаку. Размѣрами она почти не уступала небольшому сенъ-бернару. Намъ сказали, что такія крупныя собаки здѣсь не въ диковинку. Онѣ способны везти очень большой грузъ, но не такъ выносливы, какъ болѣе мелкія и крѣпкія собаки.

Кромѣ того, здѣсь я въ первый разъ встрѣтилъ енисейскаго остяка. Голова у него была повязана платкомъ, какъ у женщины, что̀ у нихъ въ обычаѣ. Онъ былъ очень смуглъ, съ нависшими клочковатыми бровями, черными усами и длинными черными волосами, придававшими ему большое сходство съ цыганомъ и рѣзко отличавшими его отъ инородцевъ, видѣнныхъ мною раньше. Намъ сказали, что тутъ жили еще два-три остяка и якутъ, но всѣ они какъ-разъ отправились на рыбную ловлю. Это были батраки, работавшіе на русскихъ рыбопромышленниковъ.

Видѣли мы еще самоѣда въ старой измятой войлочной шляпѣ, который удивительно походилъ на японца. Родители его были бѣдняки и отдали его русскимъ, среди которыхъ онъ и выросъ въ торговомъ мѣстечкѣ, гдѣ-то значительно южнѣе по рѣкѣ. Тамъ онъ посѣщалъ школу, научился читать и писать и почти совсѣмъ забылъ, по его словамъ, самоѣдскій языкъ. Видъ у него былъ очень смышленый. Занимался онъ скупкой рыбы для купца изъ того самаго торговаго мѣстечка, гдѣ самъ выросъ.

Среди русскихъ рыбаковъ встрѣчалось много сѣдовласыхъ и бородатыхъ стариковъ, которые удивительно походили на нашихъ типичныхъ норвежскихъ рыбаковъ.

Былъ тутъ и одинъ русскій паренекъ съ такой милой улыбкой и такими ослѣпительно-бѣлыми зубами, что я оторваться отъ него не могъ. Вообще у меня осталось впечатлѣніе, что у многихъ русскихъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, на рѣдкость крѣпкіе, бѣлые зубы.

VIII. ОТЪ ДУДИНКИ ДО КУРЕЙКИ.

Дудинка.—Политическіе ссыльные.—Кавказецъ.—Сыщикъ и его удивительные разсказы. — Рѣденькій лѣсокъ. — Залежи угля. — Уклонъ рѣки вправо. — Громадные камни, вынесенные рѣчнымъ ледоходомъ.—Лѣсъ, тайга и тундра. — Стоги сѣна.—По-прежнему плоскій лѣсистый берегъ.—Первая скала.—Сушково.—Моръ на зайцевъ и бѣлокъ.—Недостатокъ врачебной помощи и эпидеміи.—Лѣсные пожары.—Рѣдкій лѣсъ и мерзлая почва.—Прочность и пригодность сибирскихъ древесныхъ породъ.—Откуда берется въ Ледовитомъ океанѣ выкидной лѣсъ?—Енисейскіе остяки и ихъ происхожденіе. — Курейка.—Въ лѣсу.—Графитъ.—Внѣ міра.—Туманъ.—

Первые отроги, поросшіе лѣсомъ.

Наконецъ рыбный торгъ окончился, и команда забрала на бортъ парохода боченки съ селедками. Мы могли двинуться дальше и скоро очутились у с. Дудинскаго или Дудинки — сѣверной Москвы, важнѣйшаго пункта всего округа. Отсюда направляется все сообщеніе и торговля на востокъ, въ тундру, до самой Хатанги и Анабары.

Дудинка расположена на высокомъ восточномъ берегу рѣки; дома, какъ всегда, лѣпятся по верху рѣчного косогора. Я однако едва повѣрилъ своимъ глазамъ, увидѣвъ среди домовъ одинъ такой высоты и длины по фасаду, какого никакъ нельзя было ожидать въ здѣшнихъ краяхъ. Длиннымъ рядомъ оконъ и крылецъ онъ скорѣе всего напоминалъ сказочный дворецъ Вереншёльда *), раскину-

*) Норвежскій художникъ и портретистъ.

Прим. перев.

вшійся вширь и ввысь до самаго неба, на возвышеніи, въ лучахъ заходящаго солнца. Домъ принадлежалъ первому купцу въ округѣ, и въ настоящее время его какъ-разъ перестраивали, а самъ владѣлецъ былъ боленъ и находился въ отъѣздѣ. О немъ говорили, какъ о самомъ обходительномъ и почтенномъ купцѣ въ этихъ краяхъ, славившемся своимъ добрымъ отношеніемъ къ инородцамъ.

Тутъ же виднѣлась прелестная маленькая церковка съ колокольней, на которой было не меньше семи колоколовъ. Была тутъ и французская лавка, гдѣ мы пріобрѣли себѣ кофейникъ, стаканы, тарелки и разную мелочь для нашего обихода.

Въ лавкѣ въ большомъ домѣ достали свѣжаго хлѣба и чайнаго печенія, а также папиросъ, которыя всѣ русскіе курятъ и здѣсь, на сѣверѣ. Я былъ немало пораженъ, взявъ въ руки пачку папиросъ въ темной коричневой оберткѣ: на ней была вытиснена бѣлымъ прелестная женская головка и крупная надпись: „Нора“.

Надо же было, чтобы моей первой покупкой въ Сибири явились именно эти папиросы и чтобы онѣ напомнили мнѣ объ Ибсенѣ! Долженъ признаться, мое національное самолюбіе было немало польщено. Стало-быть, Ибсенъ и женскій вопросъ пользовались здѣсь такой популярностью, что коммерсанты нашли выгоднымъ пустить въ продажу папиросы съ именемъ Ибсеновской героини. Мнѣ сразу-то не пришло въ голову—много ли грамотнаго народу въ этой области! Папиросы стоили очень дешево, зато табакъ и оказался неважнымъ.

Хотѣлось намъ достать оленины, но ея нельзя было купить. Сюда пріѣзжало нѣсколько юраковъ съ оленями, но какъ-разъ за нѣсколько часовъ до нашего пріѣзда всѣ тронулись на востокъ, въ тундру.

Въ Дудинкѣ, какъ намъ сообщили, проживало двое молодыхъ политическихъ ссыльныхъ. Лорисъ-Меликовъ, пока мы занимались покупками, отправился провѣдать ихъ.

Когда онъ подходилъ къ домику, въ которомъ жили ссыльные, оттуда доносились звуки гитары и пѣніе, при чемъ голосъ былъ необыкновенно знакомаго Меликову тембра. Видимо, ссыльные коротали время въ компаніи, вспоминая родину. Лорисъ-Меликова они встрѣтили очень радушно, и оказалось, что среди нихъ были два его земляка съ Кавказа, вдобавокъ изъ того же самаго мѣста, откуда былъ родомъ онъ самъ, такъ что знали его родню. Свѣтъ въ самомъ дѣлѣ не такъ ужъ великъ! Немного погодя къ компаніи присоединился и я, и тоже встрѣтилъ радушный пріемъ.

Одинъ изъ ссыльныхъ былъ армянинъ 24 лѣтъ; онъ жилъ тутъ съ 1912 года. На родинѣ онъ принадлежалъ къ политической партіи дашнакцутюновъ, стремившихся создать на Кавказѣ независимое армянское царство. Его приговорили къ ссылкѣ въ Сибирь на пять лѣтъ, изъ которыхъ онъ уже отбылъ три года.

Другой былъ грузинъ, немного постарше. Онъ только-что пріѣхалъ сюда и жилъ въ деревнѣ нѣсколько къ югу по рѣкѣ, а къ своему земляку заглянулъ только въ гости. Сосланъ онъ былъ на три года, а за что—и самъ не зналъ. Арестовали его въ Ростовѣ-на-Дону, гдѣ онъ зашелъ навѣстить больного товарища. Какой-то полицейскій или сыщикъ объявилъ, что видѣлъ его въ Ростовѣ въ 1899 году во время безпорядковъ. Грузинъ призналъ, что былъ тамъ въ указанное время, но не принималъ участія ни въ какихъ революціонныхъ выступленіяхъ. Туруханскій приставъ однако сообщилъ намъ позже, что онъ обвинялся въ соучастіи въ какой-то экспропріаціи,—должно-быть, политическаго характера. Грузинъ былъ удивительно бравый субъектъ, смуглый, черноволосый, съ коротенькой черной бородкой и съ карими меланхоличными глазами, подернутыми маслянистой влагой, но способными и вспыхнуть огнемъ. Говорятъ, что вообще грузины вспыльчивый народъ и, не долго думая, хватаются за кинжалы. Нашъ новый

знакомый былъ благороднаго происхожденія и хорошо зналъ двоюродныхъ братьевъ Лорисъ-Меликова.

Жилось здѣсь ссыльнымъ спокойно, но они жаловались на удручавшую ихъ праздность. Имъ рѣшительно не за что было взяться, работы для нихъ здѣсь не находилось никакой; оставалось одно чтеніе да еще охота, но тутъ они натыкались на непреодолимое препятствіе: ссыльнымъ не разрѣшается держать при себѣ оружіе. Послѣднимъ рессурсомъ была рыбная ловля—при случаѣ. Такъ вотъ какъ приходилось имъ коротать день за днемъ, лѣто и зиму, до истеченія срока ссылки, когда имъ будетъ разрѣшено вновь вернуться къ жизни и людямъ.

Политическимъ ссыльнымъ полагается казенный паекъ 15 рублей въ мѣсяцъ, чтобы они не умерли съ голоду. Въ томъ случаѣ однако, если они имѣютъ возможность зарабатывать что-либо на сторонѣ, ихъ лишаютъ этой ежемѣсячной поддержки. Между тѣмъ въ здѣшнихъ краяхъ, гдѣ все сравнительно дорого, на сумму 15 рублей въ мѣсяцъ, въ сущности, нельзя ни жить ни умереть. Когда ссыльные прибываютъ на мѣсто, назначенное имъ для житья, мѣстные крестьяне, разумѣется, не могутъ дать имъ умереть съ голоду и волей-неволей берутъ ихъ къ себѣ на хлѣба и даютъ имъ помѣщеніе за сумму, которую тѣ въ состояніи платить, т. - е. въ большинствѣ случаевъ за 15 рублей; такимъ образомъ содержаніе ссыльныхъ ложится тяжелымъ бременемъ на мѣстныхъ жителей. Эти двое ссыльныхъ нуждались, впрочемъ, не въ такой мѣрѣ: оба, повидимому, были сравнительно состоятельными людьми.

Отецъ армянина совершилъ въ прошломъ году длинное путешествіе съ Кавказа, чтобы повидаться съ сыномъ, но добрался до Енисейска слишкомъ поздно: послѣдній пароходъ, совершающій рейсы къ сѣверу по Енисею, только-что ушелъ. Ждать—не пойдетъ ли случайно другой пароходъ, пріѣзжій не могъ, такъ какъ долженъ былъ вернуться на Кавказъ къ сбору винограда, и вотъ бѣд-

ный отецъ съ горемъ отправился въ далекій обратный путь, такъ и не повидавъ сына. Еще горше, пожалуй, было сыну, лишившемуся свиданія съ отцомъ и вѣстей изъ дому.

Когда мы въ сумеркахъ собрались вернуться на пароходъ, къ намъ подошелъ на берегу какой-то человѣкъ. Оказалось, что онъ участвовалъ въ экспедиціи барона Толя, а также въ позднѣйшей экспедиціи на островъ Беннета, гдѣ искали погибшихъ. Звали его Никифоръ Алексѣевичъ Бѣгичевъ; здѣсь онъ дожидался зимы, чтобы отправиться на Хатангу и Анабару. Жилъ онъ охотничьимъ промысломъ и много разъ пробирался на востокъ, къ устьямъ названныхъ двухъ рѣкъ. Тамъ ему посчастливилось открыть новый островъ на 74° с. ш. и 118° в. д. По его словамъ, новый островъ расположенъ въ 3′ къ югу отъ острова Преображенскаго, который посѣтилъ въ свое время Норденшёльдъ. Площадь новооткрытаго острова равнялась почти 10.000 кв. верстъ, при чемъ на протяженіи 2.000 кв. верстъ тянулись, по мнѣнію Бѣгичева, залежи угля. Для меня осталось все-таки загадкой — гдѣ собственно находится этотъ островъ. На указанной широтѣ и долготѣ его во всякомъ случаѣ быть не можетъ, такъ какъ тамъ открытое море, по которому мы прошли съ „Фрамомъ“ 15 сентября 1893 года. Указанная долгота, должно-быть, взята по старымъ русскимъ картамъ и невѣрна. Кромѣ того, островъ Преображенскій, по вычисленіямъ Норденшёльда, лежитъ приблизительно на 74°45′ с. ш. (и 113° в. д.). Такимъ образомъ, если новый островъ расположенъ на 3′ южнѣе, то, очевидно, рѣчь идетъ о полуостровѣ, сѣверовосточная оконечность котораго названа на картѣ Норденшёльда мысомъ Преображенскимъ; на этомъ мысѣ находится такъ называемая „Высокая гора“, а къ югу— широкій заливъ Нордвикъ. Бѣгичевъ открылъ, слѣдовательно, только проливъ, прорѣзывающій полуостровъ отъ

этого залива до Хатангской бухты, что̀ не удивительно, такъ какъ это побережье никогда не было подробно нанесено на карту. Удивительно же то, что онъ нашелъ тамъ мѣсто для острова площадью въ 10.000 кв. верстъ. Такимъ образомъ длина острова равнялась почти градусу! Да и 2.000 кв. верстъ угольныхъ залежей—тоже не бездѣлица; этотъ масштабъ соотвѣтствовалъ бы квадрату въ 45 верстъ въ длину и въ ширину. Остается предположить, что въ цифровыя данныя Бѣгичева вкралось нѣсколько лишнихъ нулей.

Онъ оставилъ на островѣ въ прошломъ году двухъ людей, и у него, по его словамъ, имѣлась бумага за ихъ собственноручной подписью, свидѣтельствовавшая о томъ, что они остались тамъ по доброй волѣ. Вернувшись на островъ нынѣшнею весною, онъ однако нашелъ ихъ обоихъ мертвыми.

Добрался онъ туда съ запада на оленяхъ. За одинъ мѣсяцъ добычей его стали восемнадцать бѣлыхъ медвѣдей; кромѣ того, онъ видѣлъ на берегу моржей. Я спросилъ его, часто ли онъ пользовался ядомъ и капканами для ловли медвѣдей и лисицъ, но оказалось, что онъ билъ ихъ исключительно изъ ружья, и увѣрялъ, что настрѣлялъ за прошлую зиму пушнины на 10.000 рублей. Мнѣ и эта цифра показалась фантастическою.

Онъ былъ рослый и крѣпкій молодецъ съ виду,—по крайней мѣрѣ въ сумеркахъ, когда разсказывалъ обо всѣхъ этихъ чудесахъ. Гладко-выбритое, выразительное лицо его слегка напоминало Амундсена *), когда тотъ сбрилъ себѣ бороду.

На берегу лежала четыреугольная баржа, сколоченная изъ толстыхъ досокъ. Такія были въ ходу въ старину, да и по сейчасъ еще служатъ для сплавки зерна, муки и про-

*) Норвежскій полярный путешественникъ, участникъ экспедиціи Нансена на „Фрамѣ“, а затѣмъ руководитель антарктической экспедиціи. *Примѣч. перев.*

чихъ товаровъ внизъ по Енисею отъ Минусинска. Съ виду эта баржа была настоящій Ноевъ ковчегъ. Назадъ, вверхъ по рѣкѣ, такія баржи никогда не возвращаются, а продаются на сломъ; ихъ разбираютъ и пользуются досками для построекъ тамъ, гдѣ поблизости нѣтъ лѣсовъ. Въ Енисейскѣ изъ такихъ барочныхъ досокъ настилаются также тротуары.

Передъ Дудинкой возвышается холмъ, покрытый рѣдкимъ низкорослымъ лѣскомъ. Съ этого холма открывается обширный видъ на тундру. Это была первая возвышенность, встрѣченная нами вверхъ по Енисею. Къ сожалѣнію, у насъ не было времени дойти до нея.

Лѣсъ былъ неважный, рѣдкій, изъ тощихъ лиственницъ высотой не больше 10 футовъ, но зато довольно старый: этимъ низкорослымъ деревьямъ было лѣтъ по сту, по полтораста.

Въ 90 километрахъ отъ этого мѣста Енисея находятся богатыя залежи угля; увѣряютъ, что здѣшній уголь ничуть не уступаетъ по качеству лучшему кардифскому. Залежи эти извѣстны уже много лѣтъ; до сихъ поръ однако еще не приступлено къ ихъ правильной разработкѣ. Въ 1905 году здѣсь было добыто 500 тоннъ угля, который былъ доставленъ на оленяхъ черезъ тундру въ Дудинку и использованъ для большой правительственной экспедиціи. Говорятъ, что качество угля было превосходное.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти залежи угля имѣютъ большое будущее. Постройка казенной дороги, протяженіемъ въ 90 километровъ, черезъ тундру къ Дудинкѣ не можетъ представить затрудненій, несмотря на мерзлую почву тундры. А тогда окажется возможнымъ вывозить на Енисей любое количество угля, что̀ будетъ имѣть огромное значеніе для пароходства по этой великой рѣкѣ.

Мы однако спѣшили двинуться дальше и бросили якорь уже въ 10 верстахъ оттуда, около острова Ка-

бацкаго. Ночью изрядно качало, и якорная цѣпь безпрестанно гремѣла. Дулъ рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ, вздымавшій отвратительныя волны противъ теченія. Удивительная вещь, что и здѣсь, на Енисеѣ, пришлось намъ опасаться за цѣлость якоря и только съ трудомъ удалось найти хорошо защищенную гавань.

Суббота, 6 сентября. Утромъ мы двинулись дальше по извивамъ рѣки, между по-прежнему однообразными, плоскими берегами. Видъ этихъ береговъ таковъ: у самой воды песчаная отмель, часто усыпанная галькой; затѣмъ вздымается крутой, но невысокій косогоръ изъ мелкаго и крупнаго песку съ прямымъ обрывомъ наверху, за которымъ начинается плоская равнина, поросшая травою, мхомъ и лѣсомъ. Рѣка каждую весну подымается вплоть до самаго обрыва, т.-е. выше 10 метровъ надъ обычнымъ уровнемъ.

Рѣзко бросается въ глаза, насколько восточный берегъ рѣки на всемъ протяженіи выше и круче западнаго. Въ данномъ случаѣ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ мягкими породами береговъ, явленія этого нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, кромѣ вращенія земли, — какъ я уже упоминалъ выше.

Первый подмѣтилъ эту удивительную особенность русскихъ рѣкъ извѣстный натуралистъ Бэръ. Онъ же объяснилъ это вліяніемъ вращенія земного шара, но, разумѣется, встрѣтилъ много возраженій. Особенно памятно мнѣ возраженіе нѣмецкаго океанографа Цеприца, который путемъ математическихъ выкладокъ пытался доказать, что вращеніе земного шара отражается на текущей рѣчной водѣ только тѣмъ, что вода въ рѣкѣ принимаетъ нѣсколько наклонное положеніе. Такимъ образомъ уровень рѣки у праваго берега будетъ нѣсколько выше, чѣмъ у лѣваго. Слѣдуетъ однако замѣтить, что это не имѣетъ никакого значенія, и разрушительная работа воды должна быть, по мнѣнію Цеприца, одинаковою у обоихъ береговъ.

Насколько мнѣ помнится, онъ утверждалъ именно это и такимъ образомъ допустилъ большую ошибку, принимая за фактъ, что рѣчная вода течетъ съ одинаковою скоростью на всѣхъ глубинахъ и на всей ширинѣ рѣки. Будь это такъ, утвержденіе Цеприца было бы правильно. На самомъ дѣлѣ никогда такъ не бываетъ, особенно на широкихъ рѣкахъ. Представимъ себѣ на минутку, что рѣка протекаетъ черезъ озеро, и намъ станетъ очевидно, что теченіе не можетъ обладать одинаковой силой на всемъ протяженіи озера въ ширину. Наоборотъ, въ силу вращенія земного шара, теченіе обнаружитъ стремленіе уклониться къ правому берегу озера, особенно въ болѣе сѣверныхъ широтахъ. То же самое должно происходить въ широкой рѣкѣ. Вода течетъ не съ одинаковою скоростью на всей ширинѣ рѣки; поэтому струи, текущія быстрѣе, обнаружатъ стремленіе уклониться въ сторону праваго берега рѣки, а слѣдовательно, у этого берега теченіе будетъ сильнѣе. Вспомнивъ, что грузоподъемная и разрушительная сила воды возрастаетъ въ шестой степени въ сравненіи съ быстротой теченія, легко понять, что рѣчное русло достигаетъ наибольшей глубины именно около праваго берега, который благодаря этому и подвергается разрушенію больше лѣваго.

Если рѣка глубока, но сравнительно не широка, явленіе это не такъ замѣтно, такъ какъ нѣтъ большой разницы въ скорости теченія на всей ширинѣ; зато не удивительно, что на такой широкой и мелистой рѣкѣ, какъ Енисей, разница эта особенно велика, какъ и различіе между правымъ и лѣвымъ берегомъ, рѣзко бросающееся въ глаза всюду, гдѣ разрушеніе берега совершается легче въ силу рыхлости прибрежныхъ породъ.

Твердыхъ горныхъ породъ нигдѣ не видно; всюду только песокъ да глина. Во многихъ мѣстахъ большіе обвалы, обнаруживающіе горизонтальные наносные пласты упомянутыхъ матеріаловъ. Бо̀льшая часть ихъ отложилась

въ то время, когда — не особенно давно, съ точки зрѣнія геологовъ—вся эта низменная страна была дномъ морскимъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные останки морскихъ животныхъ, встрѣчающіеся въ этихъ отложеніяхъ. Затѣмъ море отступило (или дно поднялось), и равнины, находившіяся подъ водою, выступили на поверхность. Въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ эти равнины и по сейчасъ покрыты древними рѣчными отложеніями.

Временами глина въ обвалахъ темнаго цвѣта, какъ-будто содержитъ уголь или смѣшана съ торфомъ; впрочемъ, это мало вѣроятно.

На всемъ протяженіи берега видны мелкіе и крупные камни, временами даже очень крупные, въ полроста человѣка или выше. На верху прибрежнаго косогора, т.-е. выше уровня половодья, такіе камни очень рѣдки. Чаще всего они лежатъ на отмеляхъ, у самой воды. Мнѣ не случалось видѣть такихъ камней въ наслоеніяхъ береговыхъ обрывовъ, поэтому нельзя предположить, чтобы камни были вымыты изъ нихъ. Скорѣе всего эти камни попали сюда въ позднѣйшія времена. Бросалось въ глаза, что ихъ было больше вдоль восточнаго, т.-е. праваго берега.

Нѣкоторые изъ нихъ угловаты и похожи на обломки скалъ, занесенные сюда во время ледниковаго періода; другіе же болѣе округлены и отшлифованы водой, хотя и не въ такой степени, какъ валуны; послѣднихъ здѣсь попадается мало. Я не могу подыскать этому явленію иного объясненія, кромѣ того, что камни принесены сюда рѣчнымъ льдомъ, во всякомъ случаѣ—болѣе крупные изъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ однако попадаются столь большіе камни, что трудно понять, какъ могло ихъ притащить сюда даже льдомъ. Нѣкоторыя глыбы достигаютъ вѣдь почти человѣческаго роста. Впрочемъ, ледъ обладаетъ колоссальною грузоподъемною силой, особенно весной, когда громоздится могучими массами и стремительно уносится теченіемъ. Въ это время онъ способенъ протащить на нѣко-

торое разстояніе по дну и по берегу огромныя глыбы. И если даже онѣ въ одинъ пріемъ продвигаются на небольшія разстоянія, то въ теченіе многихъ лѣтъ перемѣщаются на значительныя. Болѣе же мелкіе камни, вмерзшіе въ ледъ, уносятся вмѣстѣ съ оторвавшимися льдинами сразу очень далеко.

Откуда принесло эти камни, не берусь сказать, такъ какъ мнѣ не пришлось изслѣдовать ихъ геологическую природу, а также распредѣленіе здѣсь различныхъ породъ. Во всякомъ случаѣ можно сказать съ увѣренностью, что ихъ принесло издалека: здѣсь по рѣкѣ на большомъ протяженіи не встрѣчается никакихъ горныхъ породъ *).

Даже мѣстные инородцы находятъ эти каменныя глыбы необыкновенными и не могутъ взять въ толкъ, какъ онѣ сюда попали. Миддендорфъ упоминаетъ, что пониже Дудинки, недалеко отъ Енисея, лежитъ громадная каменная глыба, которой самоѣды приносятъ жертвы, ибо, по ихъ словамъ, „такой громадины не могъ донести туда никто, кромѣ Самого Творца“. Въ Норвегіи же народное повѣрье гласитъ, что такія громадныя каменныя глыбы брошены великанами, или троллями.

День выдался чудесный, солнечный; небо синее, и лежать на солнцепекѣ на палубѣ пріятно и тепло, почти жарко.

Мало-по-малу, по мѣрѣ того какъ мы подвигаемся къ югу, поросли деревьевъ встрѣчаются все чаще, и наконецъ показывается настоящій лѣсъ. Деревья немного тощи и низкорослы, но все-таки это уже лѣсъ, главнымъ образомъ лиственничный, но попадаются и ели и березы, которыя успѣли уже пожелтѣть. Осень наступаетъ здѣсь рано.

Лѣсъ, въ который мы медленно углубляемся, не имѣетъ

---

*) Дальше къ сѣверу, на побережьи Сибири, мнѣ довелось видѣть въ 1893 году большія каменныя глыбы, которыя, по моему мнѣнію, принесло туда ледниками во время одного изъ ледниковыхъ періодовъ; насколько однако подобное явленіе распространено къ югу, я до сихъ поръ не имѣю представленія.

себѣ равнаго по величинѣ во всемъ мірѣ. Онъ тянется безпрерывно отъ этихъ мѣстъ до земледѣльческой полосы и степей на югѣ, значительно южнѣе самой южной части Байкала, т.-е. на протяженіи болѣе 1.800 верстъ по прямой линіи съ сѣвера на югъ. Съ запада же на востокъ онъ тянется отъ Уральскаго хребта до Тихаго океана и Камчатки; значитъ, на протяженіи почти 5½ тысячъ верстъ. Сплошной лѣсной коверъ, прерываемый только широкими пространствами медленно текущихъ рѣкъ. Это — сибирская *тайга*.

Что̀ за безконечныя, однообразныя, слегка волнистыя равнины съ плоскими низменными долинами рѣкъ и ручьевъ! Вначалѣ онѣ почти совсѣмъ лишены растительности, — только мохъ да немного травы на дальнемъ сѣверѣ, въ восточной тундрѣ. Потомъ идутъ жиденькія ивовыя поросли, затѣмъ смѣсь ивы съ ольхой да изрѣдка березнякъ, и наконецъ уже начинается лѣсъ, рѣдкій и тощій. Чѣмъ дальше по равнинѣ, тѣмъ онъ становится гуще и крупнѣе, но кругомъ все тотъ же однообразный ландшафтъ. Въ немъ однако есть что-то привлекательное. Мысли убѣгаютъ въ этотъ ровный широкій просторъ; такъ и тянетъ вслѣдъ за кочевниками, пріобщиться къ ихъ свободной, независимой жизни на этихъ безконечныхъ равнинахъ.

И у тундры и у тайги своя поэзія, своя меланхолія, свои свѣтлыя мечты, отмѣченныя крупными простыми штрихами въ вѣчномъ круговоротѣ жизни: яркая зелень лѣсовъ и травы, синь озеръ и рѣчныхъ заводей лѣтомъ, багрянецъ и золото осени, безконечный бѣлоснѣжный саванъ зимы, озаренный днемъ сверкающимъ солнцемъ, а долгою зимнею ночью—тихимъ свѣтомъ луны, трескучіе морозы и свирѣпые бураны, и наконецъ новое пробужденіе природы весною, журчащіе подъ снѣгомъ ручьи, прилетъ птицъ безконечными вереницами, тысячъ и милліоновъ гусей, утокъ и куликовъ!..

Къ сѣверу отъ Потаповскаго, въ лѣсу на высокой горѣ, показался дымъ. Здѣсь жилъ уголовный ссыльно-поселе-

нецъ. Онъ провелъ тутъ уже много лѣтъ, женился на долганкѣ и прижилъ съ ней нѣсколько человѣкъ дѣтей. Отъ дома къ рѣкѣ сбѣжалъ въ два-три прыжка человѣкъ въ красной курткѣ и долго стоялъ на берегу и махалъ намъ; должно-быть, звалъ насъ на берегъ. Пожалуй, у него было что̀ передать намъ, или же онъ самъ хотѣлъ присоединиться къ намъ, но у насъ, къ сожалѣнію, не было времени для остановки.

На низменномъ зеленомъ берегу на западѣ показались стаи большихъ бѣлыхъ птицъ. Еще одну стаю я увидѣлъ подальше къ сѣверу. Вскорѣ всѣ стаи снялись и потянулись длинной вереницей, вытянувъ длинныя шеи. Это были лебеди, направлявшіеся къ югу.

Тамъ и сямъ по обоимъ берегамъ рѣки стали показываться низкіе зеленые увалы, съ которыхъ было скошено сѣно, сложенное тутъ же въ большіе стоги. Такъ оно, должно-быть, и лежитъ подъ открытымъ небомъ, пока не понадобится. Собственно говоря, это очень странно. У людей подъ рукой огромные лѣса, гдѣ можно рубить, сколько душѣ угодно: деревья ничего не сто̀ятъ, такъ какъ лѣсъ совсѣмъ не эксплуатируется; работы у здѣшняго населенія зимою вообще нѣтъ, и, казалось бы, чего проще—нарубить деревьевъ да поставить сараи вмѣсто того, чтобы возиться съ навивкой сѣна въ стоги и давать ему прѣть отъ дождей осенью и стоять подъ снѣгомъ зимою. Невольно вспомнишь, какъ у насъ, въ Норвегіи, возятъ лѣсъ далеко въ горы, чтобы строить тамъ сѣновалы на горныхъ лугахъ. Но въ старину и у насъ не знавали ничего лучше стоговъ,—такъ, лѣтъ сто тому назадъ, а то и побольше. Пожалуй, и сибирскому крестьянину понадобится еще такой же срокъ, чтобы шагнуть къ сѣноваламъ; впрочемъ, сначала ему предстоитъ еще понастроить хлѣвовъ.

Необходимо кстати замѣтить, что сѣно здѣсь не имѣетъ такой цѣны, какъ у насъ, въ Норвегіи. Здѣсь вѣдь трава не сѣянная, и луговыхъ покосовъ сколько угодно, такъ что

не велика бѣда, если сѣно и сопрѣетъ. Въ Енисейскѣ цѣна на сѣно колеблется между 8-ю и 12-ю копейками за пудъ, а въ среднемъ держится на 10 копейкахъ. Во время дороговизны и въ голодные годы она доходитъ до 20 копеекъ. Въ Красноярскѣ цѣны уже гораздо выше. Обычная цѣна тамъ 20—30 копеекъ пудъ, въ плохіе же годы поднимается до 50—60 копеекъ.

Вечеромъ вѣтеръ подулъ прямо въ лобъ, и пошелъ дождь, такъ что пришлось уйти съ палубы, гдѣ мы обыкновенно проводили цѣлые дни, наблюдая берега, между которыми скользилъ нашъ пароходъ. Признаться, не слишкомъ весело сидѣть подолгу на одномъ мѣстѣ, но на нашемъ суденышкѣ не разгуляешься: слишкомъ тѣсно. Съ меня, впрочемъ, достаточно было коротенькой прогулки взадъ и впередъ по палубѣ. Зато мы вообще такъ успѣшно подвигаемся впередъ, что не имѣемъ основаній жаловаться.

Въ девять часовъ вечера, въ густыхъ сумеркахъ, бросили якорь противъ села Султановскаго. На картѣ оно названо „Половиннымъ“, что̀, по всей вѣроятности, означаетъ полпути между двумя пристанями.

Изъ темноты доносится до моего слуха шумъ лѣса. Какъ онъ знакомъ мнѣ! Я какъ-будто въ родномъ норвежскомъ лѣсу. И здѣсь слышится тотъ же могучій шумъ, разносящійся по безконечнымъ равнинамъ...

Воскресенье, 7 сентября. Все дальше и дальше подвигаемся къ югу. По берегамъ начинаютъ попадаться коровы и лошади; впечатлѣніе такое, словно вернулся на родину.

Лѣсъ все тотъ же: лиственница и ель съ примѣсью пожелтѣвшаго лиственнаго лѣса, главнымъ образомъ березъ, хотя встрѣчаются и осины, а кое-гдѣ и пурпурно-красныя рябины. Мѣстность вокругъ все такая же ровная, ни малѣйшаго холма не виднѣется за косогоромъ береговъ, которые по мѣрѣ удаленія отъ сѣвера стали ниже. Восточный берегъ сейчасъ не выше 20 метровъ надъ уровнемъ

воды, западный и того ниже. Лѣсъ не высокъ и не густъ, зато тянется вглубь безъ конца.

Горизонтъ все тотъ же — синее небо да синяя водная даль,—совсѣмъ какъ на морѣ. Мы плывемъ день за днемъ, и пейзажъ все тотъ же: плоскіе берега, безконечная лѣсистая равнина, сливающаяся съ горизонтомъ. А чуть только прибрежные косогоры отходятъ подальше отъ насъ, — безразлично, впереди или позади,—они сразу словно повисаютъ въ воздухѣ, и чудится, что подъ ними сверкаетъ вода, въ которой отражается ихъ изображеніе, при чемъ полоса этой воды все увеличивается, по мѣрѣ того какъ мы удаляемся. Происходитъ это, какъ я уже пояснялъ, въ силу того, что вода гораздо теплѣе воздуха. Въ половинѣ седьмого вечера температура воды равнялась 9,9° Ц., между тѣмъ какъ въ воздухѣ, на высотѣ двухъ метровъ надъ поверхностью—8,2° Ц.

На правомъ берегу рѣки, противъ села Игарскаго (на 67°27′ с. ш.), мы впервые увидѣли нѣсколько низкихъ скалистыхъ кряжей, едва возвышавшихся надъ песчанымъ берегомъ. Въ бинокль было похоже, что это довольно рыхлый шиферъ, косыми слоями падающій къ югу и востоку.

Немного южнѣе, около мыса Кармакула, тоже высились горные отроги. Названіе „Кармакулъ“, повидимому, всегда бываетъ связано съ каменистымъ или гористымъ характеромъ мѣстности, какъ, напримѣръ, на Новой Землѣ. Названіе это не русское и, быть-можетъ, перешло къ русскимъ отъ поморовъ или самоѣдовъ.

Ничто не указывало на повышеніе уровня окружающей мѣстности. Горные кряжи были покрыты такими же горизонтальными слоями песку и глины, и на такомъ же уровнѣ во многихъ мѣстахъ на берегу возвышались громадныя груды камней, которыя отчасти являются остатками горныхъ кряжей, вывѣтрившихся и распавшихся на части.

Вечеръ выдался чудесный, и ночью было довольно тепло.

Стали на якорь въ половинѣ девятаго противъ Сушкова (67°6′ с. ш.). Мы сошли на берегъ впотьмахъ и навѣдались къ обитателямъ единственнаго дома, стоявшаго на берегу. Это оказалась одна изъ почтовыхъ станцій, расположенныхъ по рѣкѣ. Мы застали дома только женщинъ да двухъ подростковъ, если не считать ребятишекъ. Мужской элементъ находился на рыбной ловлѣ.

Жили они всѣ вмѣстѣ въ двухъ большихъ, но низкихъ комнатахъ, гдѣ взрослый человѣкъ не могъ стоять выпрямившись. Кромѣ того, имѣлась одна чистая горенка, въ которой, о чемъ намъ было сообщено не безъ гордости, останавливался священникъ во время своего ежегоднаго объѣзда.

Хозяйка была изъ Туруханска и дальше нигдѣ не бывала. Она не умѣла ни читать ни писать; впрочемъ, по мнѣнію Вострotина, то же можно было сказать и про ея мужа, какъ это ни странно для почтаря. Въ здѣшнихъ краяхъ рѣдко удается встрѣтить грамотнаго человѣка; слава Богу, если кто умѣетъ выводить каракули, чтобы свести счетъ улову рыбы. Хозяинъ, 27-ми лѣтъ отъ роду, былъ мѣстнымъ уроженцемъ; здѣсь же когда-то жили и отецъ его и дѣдъ.

Жила тутъ еще одна дѣвушка съ Ангары, пріѣхавшая сюда вмѣстѣ съ отцомъ и старшимъ братомъ, которые лѣтомъ ловили здѣсь рыбу, а зимою били пушного звѣря; мать съ остальною мелюзгою осталась на Ангарѣ.

Провозъ почты оплачивается казною, и при здѣшней станціи содержалось двадцать ѣздовыхъ оленей. Лѣтомъ они паслись гдѣ-то въ лѣсу подъ присмотромъ работника-остяка. Кромѣ того, хозяева держали пару коровъ и лошадь.

Вообще главный доходъ давала рыбная ловля лѣтомъ и пушной промыселъ зимою.

Въ лѣсу водилось много разной дичи: глухари, тетерева, попадались и рябчики и зайцы (прошлой зимой ихъ

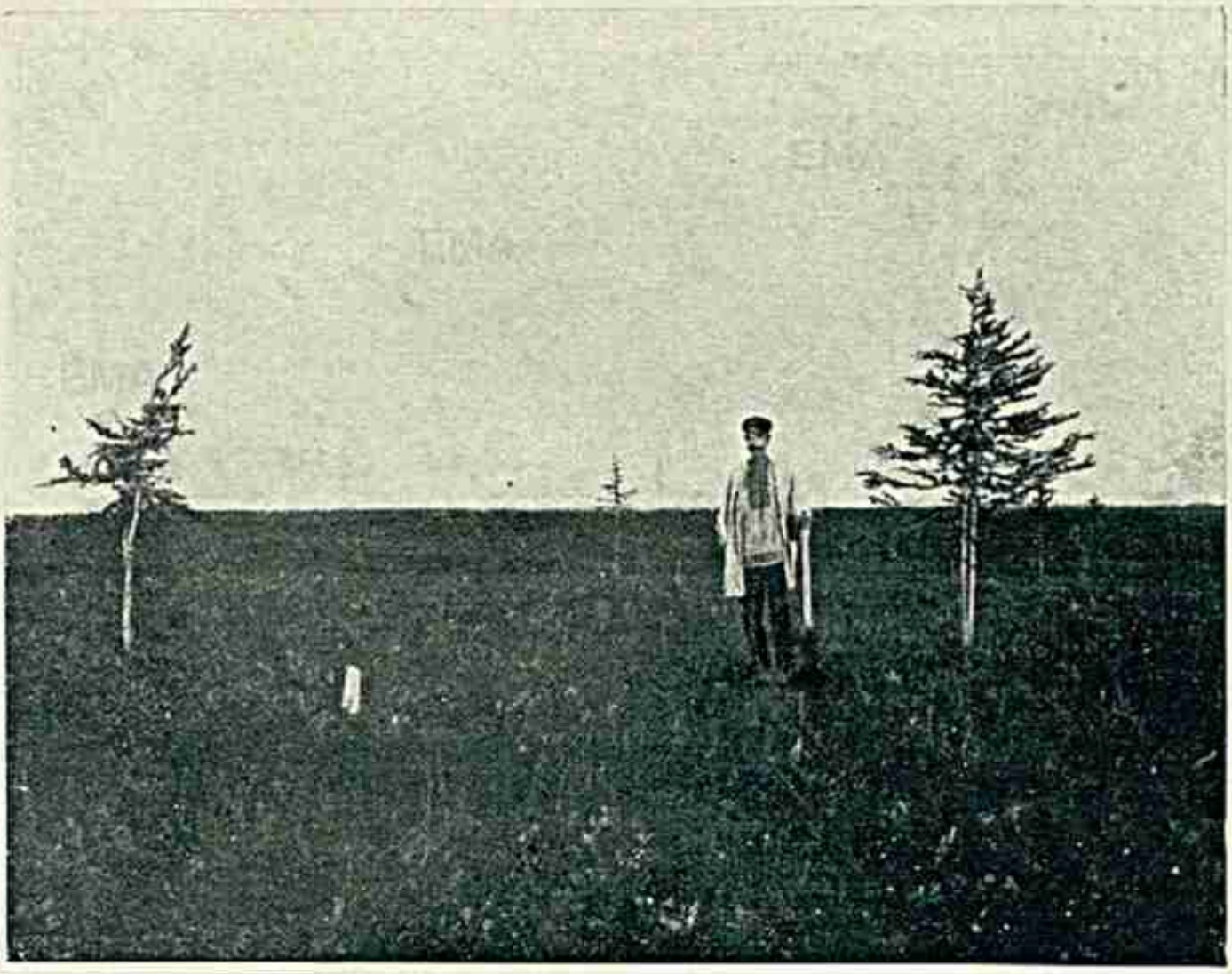
однако не было) *), дикіе олени и подчасъ лоси, не считая лисицъ, красныхъ и бѣлыхъ, а также изряднаго количества медвѣдей. Нѣсколько дней тому назадъ неподалеку отсюда видѣли трехъ или четырехъ медвѣдей. Волковъ же было тутъ мало.

Когда мы собрались уходить, дѣвушка съ Ангары попросила у насъ лѣкарства; она уже давно чувствовала себя плохо. Лорисъ-Меликовъ снабдилъ ее антипириномъ и прочими снадобьями. Съ врачами здѣсь дѣло обстоитъ плохо. Гдѣ-то по сосѣдству долженъ жить фельдшеръ; что же касается доктора, то на весь Туруханскій округъ (1½ милліона квадратныхъ верстъ) полагается лишь одинъ. Ясно, что врачебная помощь почти отсутствуетъ. Доктора хватаетъ ровно на то, чтобы привить нѣкоторой части инородческаго населенія оспу.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ оспа здѣсь такъ свирѣпствовала, что мѣстные врачи были совершенно безсильны бороться съ нею. По ходатайству сибирскихъ депутатовъ Государственной Думы, Красный Крестъ снарядилъ изъ Красноярска врачебную экспедицію, но весна была уже въ полномъ разгарѣ, снѣгъ начиналъ таять, и экспедиція едва выбралась изъ Туруханска, а дальше въ тундру не въ силахъ была проникнуть изъ-за наступившей распутицы. Все-таки она проникла достаточно далеко, чтобы убѣдиться, что обитатели большинства чумовъ, которые они посѣтили, лежали въ нихъ мертвыми, а рядомъ съ чумами валялись околѣвшіе съ голоду олени, которымъ не удалось сорваться съ привязи и убѣжать. Лишь въ нѣкоторыхъ чумахъ нашлись живые люди, но въ самомъ плачевномъ состояніи, безъ огня, полумертвые отъ голода и холода, покрытые язвами, которыя даже не зарубцовались. Сколько такихъ трагедій таитъ въ себѣ безконечная тундра!

---

*) Какъ и бѣлокъ. Охота на послѣднихъ вообще сильно сократилась въ послѣдніе два года. Причиною, должно-быть, моръ на нихъ, какъ и на лемминговъ.

ЛИСТВЕННИЦЫ (LARIX SIBIRICA) БЛИЗЪ ДУДИНКИ. САМЫЙ СѢВЕРНЫЙ ЛѢСЪ.
Снимокъ Востротина.

ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГЪ ЕНИСЕЯ, ПОРОСШІЙ ЛИСТВЕННИЦЕЙ И СОСНОЙ, КЪ СѢВЕРУ ОТЪ КУРЕЙКИ (8 СЕНТ.). Линія половодья ясно видна.

ВЪ ЛѢСУ БЛИЗЪ КУРЕЙКИ. ЕЛЬ, СОСНА И СИБИРСКІЙ КЕДРЪ (PINUS CEMBRA) (8 СЕНТ.).

Теперь мы уже разстались съ самоѣдами и юраками и очутились въ области енисейскихъ остяковъ и тунгузовъ. Здѣсь проживали двое такихъ остяковъ. Когда мы высаживались на берегъ, одинъ изъ нихъ сидѣлъ у очага въ шалашѣ изъ бересты, стоявшемъ близъ воды. Внѣшность его не особенно напоминала азіата.

Когда мы опять вернулись на берегъ, содержатель почтовой станціи какъ-разъ подъѣхалъ въ лодкѣ съ остальными рыбаками. Они поймали всего нѣсколько крупныхъ щукъ, страшно тощихъ и жадныхъ съ виду, съ громадными головами и челюстями. Одна изъ щукъ была, право, величиной съ самого парнишку, который вытащилъ ее на берегъ. На этой же лодкѣ вернулся второй остякъ; намъ очень хотѣлось поглядѣть и на него, и мы освѣтили ему лицо спичкой. И въ его жилахъ, повидимому, была значительная примѣсь русской крови. Вообще эти енисейскіе остяки представляютъ пеструю смѣсь различныхъ расъ.

Понедѣльникъ, 8 сентября. Снова двигаемся къ югу. Ландшафтъ все тотъ же, дивное солнце и вѣтрено, такъ что мы можемъ пользоваться парусами. Замѣчательно, что здѣсь по обѣ стороны рѣки идетъ большею частью лиственный лѣсъ. Высокія лиственницы и сибирскіе кедры, которые тоже стали встрѣчаться, возвышаются тамъ и сямъ, словно великаны, надъ лиственнымъ лѣсомъ, состоящимъ главнымъ образомъ изъ пожелтѣвшихъ березъ съ примѣсью ивы и ольхи и кое-гдѣ подкрашеннымъ яркою рябиною. Хвойный лѣсъ съ годами все больше и больше истребляется пожарами. Всякаго рода бездѣльники, а также рыбаки, сходятъ на берегъ развести костеръ и сварить кашу или вскипятить воды для чаю, а потомъ бросаютъ костеръ, не давъ себѣ труда потушить его. Огонь сплошь и рядомъ переходитъ на ближайшіе кусты, а потомъ и на лѣсъ, и тогда пожаръ безпрепятственно охватываетъ громадныя пространства. И никому рѣшительно нѣтъ до этого дѣла. Лѣсъ здѣсь не имѣетъ никакой цѣны.

Такъ оно ведется съ незапамятныхъ временъ. Сперва внизъ и вверхъ по рѣкѣ сновали туземные охотники и рыбаки, въ позднѣйшія времена къ нимъ присоединились русскіе. Поэтому трудно найти вдоль береговъ такой громадной рѣки, какъ Енисей, гдѣ-либо нетронутый вѣковой лѣсъ. Почти всюду встрѣчается молоднякъ. Въ области, по которой мы сейчасъ ѣдемъ, трудно даже найти сплошной крупный хвойный лѣсъ. Въ немъ значительная примѣсь лиственныхъ деревьевъ, которыя почти всегда выростаютъ послѣ лѣсныхъ пожаровъ раньше хвойныхъ.

Кромѣ того, лѣсъ удивительно рѣдкій. Между стволами деревьевъ большіе просвѣты, и деревья не особенно высоки даже на лучшихъ участкахъ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что лѣсъ этотъ растетъ исключительно на промерзлой почвѣ. Лишь самый верхній слой ея оттаиваетъ лѣтомъ, подпочва же вѣчно остается мерзлою и часто содержитъ толщу льда, которая никогда не подвергается таянію. Корни деревьевъ поэтому не могутъ расти въ глубину, а должны развиваться въ горизонтальномъ направленіи у самой поверхности. Даже сосна не можетъ пустить свой главный корень вглубь, гдѣ онъ немедленно натолкнулся бы на мерзлую почву или ледъ. Поэтому вполнѣ понятно, что корни деревьевъ требуютъ себѣ бо̀льшаго простора вширь здѣсь, нежели тамъ, гдѣ они могутъ уходить вглубь, вотъ почему и пространство между стволами должно оставаться больше, и молоднякъ не можетъ расти густо, наталкиваясь на корни старыхъ деревьевъ.

Я сижу и размышляю надъ загадочными особенностями этого лѣса. Мы находимся уже подъ 67° с. ш., и климатическія условія здѣсь гораздо менѣе благопріятны, чѣмъ гдѣ бы то ни было, даже въ болѣе сѣверныхъ областяхъ Норвегіи. Средняя годовая температура здѣсь ниже —10° Ц., въ то время какъ даже въ Финмаркенѣ она выше 0° Ц. Правда, лѣто здѣсь очень теплое. Средняя температура

въ іюлѣ доходитъ, пожалуй, до +12 или +13° Ц., но даже и такая высокая температура не многимъ выше, чѣмъ бываетъ у насъ, въ Нордландѣ и Западномъ Финмаркенѣ.

Почему же при такомъ климатѣ и мерзлой подпочвѣ лѣсъ растетъ здѣсь такъ хорошо? Допустимъ даже, что верхній слой почвы достаточно тученъ, что тутъ идетъ толща чернозема. Можно ли однимъ этимъ объяснить необыкновенно быстрое облѣсеніе выгорѣвшихъ до тла лѣсныхъ участковъ? Достаточно вспомнить многія мѣстности въ нашихъ горахъ, гдѣ климатическія условія ничуть не хуже здѣшнихъ и гдѣ, тѣмъ не менѣе, несмотря на вполнѣ пригодную почву, лишь съ невѣроятнымъ трудомъ удается вырастить новый лѣсъ, послѣ того какъ старый вырубленъ.

Я не могу подыскать иного объясненія, кромѣ того, что въ данномъ случаѣ играетъ роль самая порода деревьевъ. Здѣшніе лѣса состоятъ изъ сибирской лиственницы и сибирской ели, а также кедра, которые, должно-быть, менѣе прихотливы и болѣе живучи, чѣмъ наши древесныя породы. Мнѣ кажется мало вѣроятнымъ, чтобы наша ель или наша сосна могли привиться въ здѣшнихъ краяхъ.

Но если дѣло въ этомъ, то, по-моему, стоило бы попытаться пересадить такія деревья на нашу почву, особенно въ тѣ мѣстности, гдѣ климатическія условія особенно неблагопріятны для нашихъ собственныхъ древесныхъ породъ,—напримѣръ, въ горныя области, гдѣ лѣса въ наше время уже начинаютъ исчезать. Я почти увѣренъ, что сибирская лиственница отлично пошла бы тамъ, гдѣ наши ели чахнутъ, а она вдобавокъ обладаетъ двоякимъ преимуществомъ передъ елью: растетъ при сколько-нибудь сносныхъ условіяхъ необычайно быстро и на рѣдкость хорошо противостоитъ гніенію, походя въ этомъ отношеніи на можжевельникъ. Зато лиственничный лѣсъ очень трудно сплавлять, такъ какъ онъ легко тонетъ въ водѣ.

Весьма возможно, что на лиственницу оказываетъ извѣстное вліяніе и количество атмосферныхъ осадковъ въ тече-

ніе года. Зима въ этихъ краяхъ бываетъ необычайно холодная, но снѣгу выпадаетъ мало, при чемъ онъ сухой, такъ что не отягощаетъ лѣса. У насъ, въ Норвегіи, наоборотъ, выпадаетъ много мокраго снѣга, который своей тяжестью ломаетъ вѣтви и молодыя деревца. Впрочемъ, я не вижу особыхъ основаній полагать, чтобы сибирская лиственница могла пострадать отъ снѣга больше, чѣмъ наша норвежская ель. Правда, у лиственницы бываютъ большія вѣтви у самой вершины, но зато она теряетъ зимою свои иглы.

Сибирская ель тоже, повидимому, обладаетъ бо̀льшей стойкостью, чѣмъ наша норвежская, разъ она умудряется расти при здѣшнихъ неблагопріятныхъ условіяхъ *). А сибирскій кедръ (pinus cembra) представляетъ особенную цѣнность для выработки различной мебели и моделей, такъ какъ кедровое дерево не коробится, въ противоположность большинству другихъ,—напримѣръ, даже соснѣ и ели. Кромѣ того, въ кедровыхъ шишкахъ заключаются съѣдобные орѣхи, служащіе для многихъ сибиряковъ источникомъ дохода. Изъ этихъ орѣховъ вырабатывается особый сортъ масла. Эта древесная порода даже на здѣшней мерзлой почвѣ достигаетъ крупныхъ размѣровъ и очень оживляетъ лѣсной пейзажъ своими мохнатыми игольчатыми вѣтвями.

Тутъ будетъ умѣстно пояснить, какимъ образомъ сибирскій лѣсъ попадаетъ въ громадномъ количествѣ въ море. Дѣло въ томъ, что множество деревьевъ растетъ у самаго края берегового обрыва. Во время половодья вода покрываетъ берегъ, который рушится, обнажая корни; деревья теряютъ опору и свѣшиваются надъ обрывомъ, а

---

*) Норвежскій главный лѣсничій Сакслундъ сообщилъ мнѣ по моемъ возвращеніи, что ему особенно желательно произвести опыты съ сибирской елью, такъ какъ, по его мнѣнію, послѣдняя является значительно болѣе выгодною для эксплуатаціи древесною породой, нежели сибирская лиственница.

въ ближайшую весну половодье уже подхватываетъ ихъ и уноситъ въ море, гдѣ ихъ гонитъ въ разныя стороны вмѣстѣ со льдомъ. Въ концѣ концовъ волны выбрасываютъ ихъ гдѣ-нибудь на берегъ Ледовитаго океана, иной разъ уносятъ даже къ самой Гренландіи, на поживу тамошнимъ эскимосамъ, которые такъ нуждаются въ строительномъ матеріалѣ для лодокъ и вообще для своего житейскаго обихода.

Вдоль берега виднѣлось много берестяныхъ чумовъ енисейскихъ остяковъ; особенно много попадалось ихъ на низменномъ западномъ берегу, гдѣ мнѣ посчастливилось насчитать чуть ли не одиннадцать такихъ жилищъ, выстроившихся въ рядъ надъ рѣкою. Остяки ловятъ здѣсь рыбу. Этотъ загадочный народецъ мнѣ особенно хотѣлось изучить, но у насъ не было времени останавливаться здѣсь. Меня, впрочемъ, утѣшили тѣмъ, что мы еще вдоволь наглядимся на остяковъ подальше къ югу.

Народецъ этотъ совершенно непохожъ на остальныхъ сибирскихъ инородцевъ. Ихъ своеобразный языкъ, повидимому, совершенно чуждъ остальнымъ существующимъ въ настоящее время въ этой странѣ свѣта нарѣчіямъ и, должно-быть, совершенно иного происхожденія. Мнѣ кажется, что онъ не принадлежитъ къ группѣ агглютинирующихъ алтайскихъ языковъ, въ родѣ самоѣдскаго, угрофинскаго, тюрко-татарскаго и др., а скорѣе является въ первоначальномъ своемъ видѣ односложнымъ языкомъ, болѣе сходнымъ съ китайскимъ. Енисейскіе остяки и ихъ языкъ не изучались однако послѣ Кастрена вплоть до послѣдняго времени, когда среди нихъ провелъ нѣкоторое время русскій ученый Анучинъ. Кромѣ Анучина прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ среди остяковъ финскій языковѣдъ Кай Доннеръ.

Первоначальное происхожденіе этого народа установить нелегко, но во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью сказать, что въ прежнія времена онъ былъ распро-

страненъ гораздо дальше къ югу, чѣмъ въ наше время, и вполнѣ возможно, что нынѣшніе остяки являются послѣднимъ остаткомъ племени, широко распространеннаго въ предѣлахъ Азіи. Норвежскій ученый д-ръ Андреасъ М. Ганзенъ выступилъ съ гипотезой, что енисейскіе остяки принадлежатъ къ тому же племени, что̀ и короткоголовый первобытный народъ, населявшій Скандинавію до пришествія германцевъ, а еще раньше, быть-можетъ, заселявшій бо̀льшую часть Европы. Д-ръ Ганзенъ заходитъ въ своихъ выводахъ даже такъ далеко, что приписываетъ этому народу родство съ хеттитами, пелазгами и другими первобытными народами, жившими на югѣ Европы и по берегамъ Средиземнаго моря.

Если гипотезы норвежскаго ученаго вѣрны, енисейскіе остяки должны возбуждать особый интересъ. Впрочемъ, если даже гипотезы покоятся на шаткомъ основаніи, народъ этотъ самъ по себѣ въ высшей степени интересенъ и заслуживаетъ болѣе детальнаго изученія, нежели какого удостоивался до сихъ поръ. А главное—енисейскіе остяки очень быстро вымираютъ, и общая численность ихъ въ наше время всего около 700—900 человѣкъ; въ лучшемъ случаѣ не наберется все-таки тысячи.

Въ своей интересной книгѣ „Изъ Сибири“, которая была у меня подъ рукою во время путешествія, д-ръ Радловъ пишетъ, что енисейско-остяцкіе народы, или, какъ онъ ихъ называетъ, енисейцы, въ прежнее время имѣли большое распространеніе къ югу и населяли, повидимому, Алтай и сѣверные склоны Алтая и Саянскихъ горъ. Онъ находитъ, напримѣръ, что названія трехъ четвертей рѣкъ въ области истоковъ рѣки Томь енисейско-остяцкаго происхожденія, что̀ можно объяснить только тѣмъ, что здѣсь проживалъ народъ, говорившій на этомъ языкѣ или на родственномъ ему нарѣчіи.

По мнѣнію Радлова, именно объ этомъ народѣ китайскіе историки упоминаютъ, что онъ поселился въ этой

странѣ въ VII вѣкѣ, и называютъ его Била или Гелочи. Радловъ думаетъ даже, что киргизы, которыхъ китайцы вплоть до IX вѣка называли Хакасъ *), также первоначально составляли родственное енисейскимъ остякамъ племя съ родственнымъ языкомъ и что всѣ эти народы описываются китайцами первоначально, какъ голубоглазые и бѣлокурые.

Киргизы только въ позднѣйшее время усвоили тюрко-татарскій языкъ и въ настоящее время считаются татарскимъ племенемъ. Путемъ браковъ съ сосѣдними племенами эти народы могли съ теченіемъ времени стать болѣе или менѣе смуглыми и черноволосыми.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ финскій языковѣдъ Г. І. Рамстедъ, на основаніи произведенныхъ Кастреномъ записей енисейско-остяцкаго языка, нашелъ, повидимому, серьезныя основанія считать этотъ языкъ вѣтвью индокитайскаго корня, наиболѣе сходною съ тибетскимъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что эти народы имѣли широкое распространеніе къ югу, и теперь намъ будетъ болѣе понятно, почему китайскіе историки упоминаютъ о нихъ первоначально, какъ о бѣлокурыхъ и непохожихъ на тюрковъ.

Очень интересны эти загадочные первобытные народы! Какъ интересно было бы прослѣдить ихъ странствія и разселеніе въ этой необъятной странѣ! Къ сожалѣнію, у насъ слишкомъ мало данныхъ для этого.

Но вотъ появляется нашъ милый улыбающійся Алексѣй и докладываетъ, что обѣдъ поданъ, а эта вѣсть всегда является для насъ столь же пріятной, какъ звонокъ къ трапезѣ на гигантскомъ океанскомъ пароходѣ. Сегодня будетъ жареная осетрина, которую Алексѣй мастерски готовитъ.

Около пяти часовъ пополудни бросили якорь въ устьѣ рѣки Курейки, гдѣ „Омулю“ вновь предстояло пополнить запасы нефти.

---

*) Китайцы называли ихъ также Канъ-куенъ или Кіенъ-куенъ, или Ки-ко, позднѣе же (въ XIII вѣкѣ)—Ки-ли-ки-ссе (т.-е. киргизы).

Когда мы сошли на берегъ, то прежде всего увидѣли ручного дикаго гуся, который совершенно спокойно стоялъ на одной ногѣ и таращился на насъ, потомъ заковылялъ въ гору по направленію къ дому. Гуся этого еще птенцомъ принесли хозяевамъ жившіе здѣсь инородцы. Теперь онъ выросъ и предпринималъ продолжительные полеты на противоположный западный берегъ Енисея, но всегда возвращался обратно. Онъ былъ до такой степени ручнымъ, что, когда хозяйка, неся его въ домъ, принялась ласкать и гладить его, онъ ничуть этимъ не смутился, но былъ, повидимому, доволенъ.

Востротинъ пошелъ къ дому, чтобы поговорить съ хозяевами, а мы съ Лорисъ-Меликовымъ отправились въ лѣсъ.

До чего странно было снова очутиться въ лѣсу! Итти было чудесно по крѣпкой и сухой почвѣ; куда ни взглянешь—всюду вересклъ, черника и голубица; ягодъ, впрочемъ, не было. Намъ сказали, что всѣ онѣ померзли весною. Мѣстность была совершенно плоская; нигдѣ ни единаго холмика, съ котораго можно было бы окинуть взоромъ лѣсъ. Въ общемъ онъ мало отличался отъ нашихъ норвежскихъ лѣсовъ, и легко можно было забыть, какъ далеко мы забрались на сѣверъ — чуть не къ самому полярному кругу, или немного южнѣе широты Бодё. Мы вѣдь находимся теперь подъ 66°30′ с. ш.

Здѣсь преобладала береза, изрѣдка попадались крупныя хвойныя деревья, зато молоднякъ пробивался всюду между березами. Ели болѣе или менѣе похожи на наши, только на молоденькихъ вѣтвяхъ кора болѣе гладкая. Попадались и лиственницы и наконецъ ярко-зеленые сибирскіе кедры, больше всего похожіе на сосну, съ длинными, какъ у карликовой сосны, иглами. Въ сущности это и есть разновидность сосны (Pinus cembra). Инородцы высоко цѣнятъ кедръ, такъ какъ заключающіяся въ его шишкахъ сѣмена, такъ называемые кедровые орѣшки, очень вкусны, и по-

СТАРАЯ МОГИЛА НА РѢЧНОМЪ ОБРЫВѢ БЛИЗЪ КУРЕЙКИ (8 СЕНТ.).

ГОРОДЪ БЛИЗЪ СВЯТО-ТРОИЦКАГО МОНАСТЫРЯ (10 СЕНТ.).

МОНАСТЫРСКАЯ ЦЕРКОВЬ (10 СЕНТ.).

дальше къ югу ихъ собираютъ массами каждую осень. Лазить за ними по деревьямъ однако кажется сибирякамъ слишкомъ скучнымъ, и они нерѣдко попросту срубаютъ деревья, а потомъ уже собираютъ съ нихъ шишки, самыя же деревья бросаютъ. Лѣсъ, какъ я говорилъ, не имѣетъ здѣсь никакой цѣны!

Эти самые орѣшки ввозятся изъ Россіи въ наши финмаркенскіе города, гдѣ ихъ такъ и называютъ русскими орѣхами.

Изрѣдка попадались въ лѣсу отдѣльныя деревья ростомъ съ добрую норвежскую строевую ель. По всей вѣроятности, это были остатки крупнаго лѣса,—должно-быть, уничтоженнаго пожаромъ. Большею же частью лѣсъ былъ мелкій, перемежающійся болотистыми мѣстами. Среди березняка встрѣчалось изрѣдка также что-то въ родѣ ольхи.

На обратномъ пути къ дому намъ попались кусты шиповника съ красными плодами. Мѣстами росла пышная высокая трава и всевозможные злаки. Морошки здѣсь тоже изобиліе, но ягодъ въ этомъ году совсѣмъ не уродилось. Почва въ лѣсу была на большихъ пространствахъ усѣяна бѣлыми сухими волосками крупныхъ „лисьихъ хвостовъ“ (equisetum), росшихъ здѣсь во множествѣ.

Возвращаясь обратно по лѣсу, мы неожиданно очутились на обрывѣ надъ рѣкой. Весь крутой косогоръ густо заросъ сочнымъ молоднякомъ, и березки свѣшивали свою пожелтѣвшую листву далеко внизъ по косогору.

Тропинка, извивавшаяся вдоль обрыва по направленію къ дому, привела насъ неожиданно къ двумъ деревяннымъ крестамъ, стоявшимъ подъ березами на краю обрыва. Это были давно заброшенныя могилы, пріютившіяся здѣсь въ лѣсномъ уединеніи. Для нихъ было когда-то выбрано чудесное открытое мѣсто, но было это давно; съ тѣхъ поръ могилы почти совсѣмъ заросли березнякомъ.

На одной изъ нихъ виднѣлись остатки старыхъ саней, говорившихъ о томъ, что здѣсь былъ похороненъ кто-

нибудь изъ инородцевъ, скорѣе всего енисейскій остякъ. Сани кладутся на могилу, чтобы покойникъ могъ доѣхать на нихъ на тотъ свѣтъ.

По пути къ дому мы натолкнулись еще на двѣ могилы, которыя еще гуще заросли березнякомъ, чѣмъ первыя.

Люди живутъ здѣсь только лѣтомъ, скупая рыбу для засола, и возвращаются на зиму въ Енисейскъ. Хозяинъ сообщилъ намъ, что въ двухъ-трехъ верстахъ отсюда вверхъ по Курейкѣ появилось въ послѣднее время множество дикихъ гусей и утокъ; они собираются тамъ передъ отлетомъ на югъ. Впрочемъ, здѣшнимъ жителямъ было не до охоты: всѣ они были заняты рыбной ловлей. По ихъ словамъ, и въ лѣсу было теперь много дичи — глухарей, тетеревовъ и рябчиковъ.

Въ 100 километрахъ вверхъ по рѣкѣ Курейкѣ находится мѣсто, откуда былъ доставленъ на баржахъ грузъ графита для „Корректа“. Сюда было привезено пароходомъ въ два пріема около 30 тоннъ, и судно это стояло теперь у берега. Графиту было много, но залежи его не разрабатывались, и добыча нынѣшняго года была взята только на пробу.

О томъ, какъ плохо налажены здѣсь сношенія съ внѣшнимъ міромъ, можно судить по разсказу Востротина о его пріѣздѣ сюда тринадцать лѣтъ тому назадъ. Онъ поднимался въ то лѣто вверхъ по Енисею отъ устья и повстрѣчалъ гдѣ-то на низовьяхъ рѣки стражника, который ѣхалъ оповѣщать рыбаковъ, подлежавшихъ призыву въ войска, что они немедленно должны ѣхать въ Енисейскъ, а оттуда въ Красноярскъ, такъ какъ объявлена мобилизація. Востротину не удалось добиться толкомъ, чѣмъ была вызвана эта мобилизація. Стражникъ не зналъ этого и даже не имѣлъ понятія о томъ, съ кѣмъ Россія воюетъ. Когда Востротинъ наконецъ добрался до Курейки, то узналъ тутъ, что „царь воюетъ съ семью другими царями“ и что война идетъ успѣшно для „нашего царя“. Какіе это были

семь царей — никто не могъ ему сказать; знали только, что тутъ и англичанка съ француженкой и еще кто-то. И уже только въ Енисейскѣ объяснили Востротину, что въ Китаѣ вспыхнуло боксерское возстаніе, повлекшее за собою вооруженное вмѣшательство великихъ державъ и походъ союзныхъ войскъ на Пекинъ. Въ подавленіи возстанія участвовали и англичане и французы, а если прибавить къ нимъ еще нѣмцевъ, американцевъ, итальянцевъ, японцевъ и китайцевъ, то и получится „семь царей".

Да, Востротинъ не могъ похвалиться своей страной въ смыслѣ ея освѣдомленности о томъ, что̀ творится на бѣломъ свѣтѣ, и участія ея въ общей культурной жизни. Для сравненія онъ привелъ случай, бывшій съ нимъ въ 1899 году въ Норвегіи. Онъ тогда побывалъ на Мурманскомъ берегу, въ Александровскѣ, гдѣ поджидалъ адмирала Макарова съ „Ермакомъ", который однако такъ туда и не пріѣхалъ. На обратномъ пути въ Россію, черезъ Гаммерфестъ, ему случилось во время загородной прогулки зайти въ маленькую избушку напиться. Хозяинъ, крестьянинъ или рыбакъ, угостилъ его чудеснымъ молокомъ и, разговорившись съ гостемъ насчетъ того, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, разсказалъ о пересмотрѣ дѣла Дрейфуса со всѣми подробностями. Востротина и не могла не поразить разница между этимъ рыбакомъ на окраинѣ Норвегіи, постоянно читавшимъ газеты, знавшимъ подробности процесса Дрейфуса, и зажиточнымъ торговымъ людомъ въ Сибири. Земляки Востротина не имѣли понятія даже о томъ, съ кѣмъ воюетъ ихъ страна, несмотря на то, что сами призывались подъ знамена.

Здѣсь, въ Сибири, впрочемъ, главная бѣда не въ недостаткѣ газетъ, а въ томъ, что ихъ можетъ читать лишь весьма незначительная часть населенія: подавляющее большинство вѣдь неграмотно.

Вторникъ, 9 сентября. На другое утро, не успѣли мы пройти небольшое разстояніе отъ устья Курейки, какъ

сгустился такой туманъ, что пришлось снова бросить якорь. Не видно было даже берега, хотя мы стали къ нему совсѣмъ близко. Такой густой туманъ объясняется тѣмъ, что испаренія болѣе теплой воды рѣки сгущаются въ болѣе холодномъ воздухѣ. Черезъ нѣсколько часовъ, когда солнце поднялось повыше, туманъ этотъ разсѣялся, и мы могли двинуться дальше. Около полудня снова установилась дивная солнечная погода, и мы различили на сѣверѣ поросшій лѣсомъ отрогъ. Отрогъ былъ не особенно высокъ, но все-таки это былъ настоящій горный гребень, возвышавшійся надъ равниной,—первый, увидѣнный нами за все время нашего путешествія вверхъ по Енисею, если не считать небольшого холма около Дудинки.

IX. ТРОИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ И ДАЛЬНѢЙШІЙ ПУТЬ КЪ ЮГУ.

Троицкій монастырь и Туруханскъ.—Приставъ.—Охрана казенныхъ денегъ.—Разбои и грабежи.—Монастырская церковь.—Легенда о святомъ.—Путешествующій священникъ.—Чай у пристава.—Школа.—Городъ.—Политическій ссыльный.—Преступники въ ямѣ.—Чумы енисейскихъ остяковъ.—Каяки.—Міроѣдиха и скалистый грунтъ.—Политическіе ссыльные въ дорогѣ.—Села и деревни.—Лѣсъ становится гуще.—Нашъ лоцманъ.—Бѣдствующіе енисейскіе остяки.

Среда, 10 сентября. Мы надѣялись добраться до Свято-Троицкаго монастыря въ тотъ же вечеръ, но пришлось бросить якорь и заночевать нѣсколько сѣвернѣе. Слишкомъ темно было продолжать путь. На другое утро, около половины десятаго, мы достигли монастыря. Еще издалека видны были изъ-за лѣса высокія бѣлыя церкви съ куполами, расположенныя на вершинѣ прибрежнаго косогора, а рядомъ зеленая крыша большого дома. На болѣе близкомъ разстояніи разглядѣли мы и рядъ деревянныхъ строеній пониже. Это было селеніе.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мѣстечко это было сдѣлано административнымъ центромъ Туруханскаго края, и такимъ образомъ здѣсь образовалось нѣчто въ родѣ столицы. Прежде ею считался Туруханскъ, но его мѣстонахожденіе крайне неудачно—на обмелѣвшемъ притокѣ Енисея, въ восьми верстахъ отъ этой рѣки и, слѣдовательно, внѣ

транзитнаго пути вверхъ и внизъ по Енисею. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вдобавокъ, казенныя зданія въ Туруханскѣ были сожжены разбойничьей шайкой,—вотъ и рѣшили перенести административный центръ въ болѣе подходящее мѣсто. Выборъ палъ на селеніе близъ извѣстнаго стараго монастыря, при впаденіи въ Енисей большого притока—Нижней Тунгузки.

Насколько я понялъ, не всѣ мѣстные жители одобряли этотъ планъ, такъ какъ вся земля вокругъ монастыря съ давнихъ поръ закрѣплена за монастыремъ, въ томъ числѣ и острова на рѣкѣ, представляющіе прекрасныя пастбища и покосы. За право пользованія ими или косьбы тамъ жителямъ приходится платить монастырю и вообще быть отъ него въ зависимости. Многіе поэтому предпочли бы другое село, поюжнѣе, носящее привлекательное названіе „Міроѣдихи“ и расположенное на твердомъ скалистомъ грунтѣ. Тамъ, говорятъ, возможно было бы устроить и хорошую, хотя небольшую гавань на Енисеѣ.

Вообще диковинна исторія Туруханска. Основанъ онъ былъ послѣ сожженія юраками остатковъ города Мангазеи въ 1662 году и съ теченіемъ времени сталъ главнѣйшимъ городомъ края, съ населеніемъ свыше 600 жителей и съ довольно важнымъ торговымъ рынкомъ. Послѣ же 1822 года, когда Туруханскъ былъ сдѣланъ заштатнымъ городомъ, онъ сталъ приходить въ упадокъ, постепенно превратился въ настоящую деревню и наконецъ былъ вдобавокъ разграбленъ и наполовину сожженъ, какъ уже упоминалось выше. Теперь административный центръ перемѣщенъ сюда, и въ окрестностяхъ монастыря строится новый городъ. Надолго ли?

Вообще произошелъ поворотъ къ худшему для всей сѣверной части этого края. Въ 1727 году по нижнему теченію Енисея проживало, говорятъ, 1500 русскихъ, а, судя по старинной и, видимо, очень подробной русской картѣ устьевъ Енисея, относящейся къ 1745 году, вся эта мѣст-

ность была заселена очень густо, особенно восточный берегъ Енисея, къ сѣверу отъ Дудинки, включая островъ Диксона, и къ востоку до устья Пясины.

По даннымъ Сидорова, въ 1824 году къ сѣверу отъ Туруханска должно было находиться 46 русскихъ поселковъ, а въ 1863 году, къ которому относится его обслѣдованіе, ихъ оставалось лишь 27. Теперь ихъ еще меньше. Около 1830 года, пишетъ Сидоровъ, между Енисейскомъ и Туруханскомъ ходило 25 лодокъ и вело торговлю 30 купцовъ. Вели они также оживленныя торговыя сношенія съ инородцами тундры между Енисеемъ и Анабарой. А въ 1863 году ходило уже только двѣ лодки побольше да двѣ поменьше между Енисейскомъ и Туруханскомъ, торговля же съ тундрой совсѣмъ прекратилась.

Въ наше время, конечно, движеніе и торговля опять увеличились, но все же не могутъ сравниться съ прежними. Главною причиною является значительное сокращеніе добычи цѣнной пушнины влѣдствіе практиковавшагося раньше слишкомъ усерднаго истребленія пушного звѣря.

Какъ только якорь былъ брошенъ, мы сошли на берегъ. Тутъ я впервые увидалъ сибирскихъ воронъ; онѣ не отличались отъ нашихъ ни полетомъ ни карканьемъ, но были совсѣмъ черныя. Вороны служатъ, пожалуй, признакомъ извѣстной культуры края: къ сѣверу по Енисею насъ встрѣчали только чайки да дикіе гуси и утки.

Прежде всего мы направили наши стопы къ церкви, поблизости отъ которой должна была находиться почтовая контора, гдѣ могли ожидать насъ письма. Миновавъ церковь, мы подошли къ длинному деревянному строенію, принадлежавшему, какъ намъ послѣ объяснили, монастырю, но занятому казенными учрежденіями. Тамъ помѣщалась почта, тамъ проживало и высшее мѣстное начальство—самъ приставъ, который играетъ роль губернатора для всего Туруханскаго края, простирающагося къ сѣверу до самаго Ледовитаго океана.

Писемъ не оказалось. Никакихъ болѣе свѣжихъ новостей, нежели привезенныя нами самими изъ Норвегіи, намъ также не могли сообщить. Лишь много позже узналъ я, что такъ какъ письма были адресованы намъ въ Туруханскъ, то ихъ и отправили въ старый городъ, куда мы не заѣзжали и гдѣ они, стало-быть, и застряли, а мы здѣсь остались безъ вѣстей, къ великому нашему огорченію.

Разочарованные отправились мы съ визитомъ къ приставу, квартира котораго находилась по другую сторону коридора. Приставъ, г. Кибировъ, скромный, чрезвычайно милый и добродушный господинъ, принялъ насъ очень радушно. Въ немъ не было и тѣни грубости или жестокости, которыя можно было бы ожидать встрѣтить въ столь могущественной персонѣ въ этомъ краю преступниковъ и ссыльныхъ. Родомъ онъ былъ съ Кавказа,—Лорисъ-Меликовъ и здѣсь встрѣтилъ земляка!—и принадлежалъ къ осетинамъ, самому дикому изъ горныхъ кавказскихъ племенъ, которыя вообще не прочь поразбойничать. Сей представитель племени однако меньше всего походилъ на дикаря и разбойника. Осетины—татарскаго корня и религію исповѣдуютъ магометанскую; но нашъ новый знакомый и его жена, тоже осетинка, были христіане и люди вполнѣ цивилизованные.

Мы явились совсѣмъ неожиданно; приставъ немедленно вышелъ и вернулся къ намъ въ полной формѣ, при шашкѣ, да такъ ужъ и щеголялъ въ нихъ вплоть до самаго нашего отъѣзда.

Наиболѣе достопримѣчательнымъ изъ всего видѣннаго мною здѣсь была комната рядомъ съ конторой пристава, лишенная какой бы то ни было обстановки, кромѣ желѣзнаго шкапа съ казенными деньгами, возлѣ котораго стоялъ часовой съ ружьемъ. Страшнаго въ этомъ стражѣ, впрочемъ, ничего не было; это былъ слабосильный и простодушный солдатикъ, хотя и потомокъ первыхъ завоевателей края, казаковъ, которыхъ вообще уцѣлѣло очень немного.

Такой часовой стоитъ у денежнаго шкапа неотлучно, а введена такая охрана послѣ разбойничьихъ подвиговъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Въ этой же комнатѣ стояло вдоль одной изъ стѣнъ нѣсколько ящиковъ съ водкой, конфискованной у безпатентныхъ торговцевъ. Надо полагать, впрочемъ, что это лишь незначительная часть того, что̀ слѣдовало бы конфисковать. Какъ извѣстно, продажа спирта и водки составляетъ правительственную монополію, и въ Туруханскомъ краѣ продажа эта совершенно воспрещена—ради пользы инородцевъ. Только русскимъ купцамъ разрѣшается запасаться нѣкоторымъ количествомъ водки для собственнаго употребленія, но продавать ее туземцамъ они не имѣютъ права. Поэтому, если у какого-нибудь купца находятъ водку въ излишнемъ количествѣ противъ того, сколько можетъ, по расчетамъ, понадобиться ему лично, то излишекъ конфискуется. Тѣмъ не менѣе водки и среди туземцевъ расходится немало, въ чемъ мы сами не разъ имѣли случай убѣдиться.

Въ этомъ городкѣ десять казаковъ и двадцать политическихъ и уголовныхъ ссыльныхъ. Во всемъ же Туруханскомъ краѣ девяносто политическихъ ссыльныхъ, при чемъ въ теченіе одного послѣдняго года сюда прислано тридцать пять политическихъ и уголовныхъ ссыльныхъ, отбывшихъ часть своего срока въ другихъ мѣстахъ. Десятокъ казаковъ, конечно, не можетъ считаться силой, способною держать въ страхѣ и повиновеніи такое число поднадзорныхъ, но, насколько я могъ заключить, всѣ они, какъ и сами казаки, народъ мирный и безобидный. Лишь нѣкоторые изъ бывшихъ ссыльно-каторжныхъ имѣли зловѣщія физіономіи, и многіе изъ здѣшнихъ жителей, вѣроятно, не особенно радовались подобному приросту населенія. Зато всѣ здѣсь, видимо, довольны политическими ссыльными, часто весьма хорошими и дѣльными людьми.

Не всегда однако жизнь течетъ здѣсь мирно. Объ

этомъ свидѣтельствуютъ подвиги разбойничьей шайки, о которой я не разъ упоминалъ. Лѣтъ пять-шесть тому назадъ нѣсколько политическихъ ссыльныхъ организовали гдѣ-то на югѣ, между Туруханскомъ и Вороговымъ, вооруженную шайку съ цѣлью бѣжать изъ Сибири, раздобывъ себѣ средства грабежомъ. Набралось ихъ человѣкъ двадцать, которые различными путями добыли себѣ оружіе и, наслышавшись, должно-быть, объ американской системѣ „руки вверхъ“, стали врываться въ дома и грабить, что̀ вздумается; если же хозяева оказывали сопротивленіе, ихъ убивали. Такимъ образомъ шайка двигалась по Енисею изъ селенія въ селеніе и грабила. Дѣло было въ началѣ зимы, такъ что ѣхали они на саняхъ, запряженныхъ лошадьми и оленями, которыхъ легко добывали себѣ безплатно. Забирали они у жителей преимущественно съѣстные припасы и деньги. Здѣсь, въ селеніи около Троицкаго монастыря, они убили одного купца и присвоили себѣ крупныя деньги. Достигнувъ Туруханска, они завладѣли казенными зданіями, застрѣлили помощника пристава и нѣсколькихъ купцовъ, захватили казенныя деньги на сумму 30.000 рублей и подожгли зданіе. Затѣмъ такимъ же порядкомъ отправились дальше внизъ по рѣкѣ въ Дудинку, оттуда на оленяхъ черезъ тундру на Хатангу и Анабару, намѣреваясь пробраться въ восточномъ направленіи, черезъ Сибирь, въ Америку.

Тѣмъ временемъ слухъ о разбойничьемъ походѣ дошелъ до генералъ-губернатора въ Иркутскѣ, и онъ, объявивъ весь край на военномъ положеніи, выслалъ изъ Красноярска къ сѣверу большой отрядъ солдатъ. Изъ Дудинки часть солдатъ погналась за разбойниками по тундрѣ тоже на оленяхъ и настигла шайку еще раньше, чѣмъ она добралась до устья Хатанги. Домъ, въ которомъ разбойники засѣли, былъ окруженъ, и произошло форменное сраженіе, окончившееся тѣмъ, что половина бѣглецовъ полегла на мѣстѣ. Остальныхъ забрали, привезли въ Дудинку и отправили на пароходѣ на югъ. По пути нѣкоторые изъ аре-

стованныхъ пытались бѣжать, но были застрѣлены, а пятерыхъ изъ двадцати доставили въ Красноярскъ, гдѣ и повѣсили, насколько мнѣ извѣстно. 30.000 рублей казенныхъ денегъ и прочія суммы были, конечно, отобраны у грабителей, и часть ихъ, вѣроятно, была возвращена по принадлежности.

Ни въ какія такія воинственныя приключенія однако не вѣрилось, глядя на эту мирную контору и этого милаго пристава, такъ радушно пригласившаго насъ на чашку чаю.

Пока шли приготовленія къ чаю, мы отправились посмотрѣть монастырскую церковь. Въ дверяхъ насъ встрѣтилъ священникъ, или вѣрнѣе настоятель монастыря, самой святой наружности, съ красивыми голубыми глазами, правильнымъ носомъ и красиво-очерченнымъ ртомъ. Настоящій типъ Христа, съ раздвоенной бородой и длинными волнистыми волосами, распущенными по плечамъ; только цвѣтъ волосъ и бороды былъ черный. Онъ повелъ насъ по всей церкви.

Церковь была большая, свѣтлая, съ красивымъ верхнимъ свѣтомъ. Здѣсь находилась гробница святого Василія Мангазейскаго. Жилъ онъ въ XVII столѣтіи, родомъ былъ изъ Ярославской губерніи, юношей прибылъ въ Мангазею, на рѣкѣ Тазѣ, прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ, тамъ же умеръ и былъ погребенъ. Вскорѣ послѣ взятія и сожженія города юраками въ 1662 году, одинъ изъ монаховъ монастыря въ Енисейскѣ, Тихонъ, увидалъ во снѣ, что ему повелѣно пойти въ Мангазею и взять оттуда кости святого человѣка. Онъ повиновался, прибылъ на мѣсто, вырылъ останки и привезъ на оленяхъ сюда, гдѣ затѣмъ и выстроился монастырь.

Объ этомъ же Василіи Мангазейскомъ сложилась такая легенда. Во времена процвѣтанія Мангазеи онъ служилъ приказчикомъ у одного изъ богатѣйшихъ мѣстныхъ купцовъ. Человѣкъ онъ былъ набожный, честный и вѣрный,

и купецъ довѣрилъ ему надзоръ за всѣмъ своимъ имуществомъ. Однажды, когда Василій былъ у ранней обѣдни, въ лавкѣ случилась большая покража: воры забрались туда и вывезли множество добра. Купецъ заподозрилъ Василія въ соучастіи и отдалъ его въ руки воеводы, чтобы добиться отъ него признанія. Юношу подвергли пыткѣ, но онъ такъ и не оговорилъ себя, и разгнѣванный купецъ сгоряча такъ сильно ударилъ Василія по головѣ, что тотъ отдалъ Богу душу. Его объявили закоренѣлымъ преступникомъ и тѣло его выбросили въ поле на съѣденіе псамъ.

Лѣтъ черезъ пятьдесятъ слишкомъ, — повѣствуетъ легенда,—случилось вотъ какое чудо въ Троицкомъ монастырѣ: основателю его Тихону былъ во время молитвы гласъ съ небеси, повелѣвавшій ему отправиться въ покинутую Мангазею, взять останки невинно замученнаго Василія и принести ихъ, какъ святыню, сюда. Всегда послушный велѣніямъ Божіимъ, Тихонъ немедленно пустился пѣшкомъ въ далекій незнакомый путь по пустыннымъ областямъ. Добравшись до Мангазеи, онъ увидалъ въ полѣ, среди суровой зимы, зеленый цвѣтущій холмъ; на холмѣ же покоился, словно только-что уснувшій сладкимъ сномъ, юноша. Старецъ преклонилъ передъ нимъ колѣни и помолился, затѣмъ взялъ усопшаго на руки и отправился съ нимъ въ обратный путь. И всюду на пути старца съ его драгоцѣнной ношей зеленѣла трава и распускались цвѣты, тогда какъ кругомъ стояла стужа и лежалъ глубокій снѣгъ. Безъ пищи и безъ отдыха прошелъ старецъ больше тысячи верстъ, не чувствуя ни голода ни усталости, при чемъ весь обратный путь занялъ лишь нѣсколько дней, что̀ уже явно свидѣтельствовало о святости Василія. Такимъ образомъ всѣ стали почитать его за святого, хотя онъ и не былъ канонизированъ.

Кромѣ гробницы Василія, видѣли мы здѣсь ужасныя желѣзныя вериги непомѣрной тяжести, которыя всю свою жизнь носилъ Тихонъ, основатель монастыря, тоже высоко-

ЧАСОВОЙ У КАЗЕННАГО ДЕНЕЖНАГО ШКАФА.

ЗАВТРАКЪ У ПРИСТАВА И ЕГО ЖЕНЫ (10 СЕНТ.).

НА УЛИЦѢ БЛИЗЪ СВЯТО-ТРОИЦКАГО МОНАСТЫРЯ (10 СЕНТ.).
Слѣва—проѣзжій священникъ; въ серединѣ—Лорисъ-Меликовъ.
Справа—игуменъ монастыря и начальникъ почтово-телеграфной станціи.

почитаемый за святость жизни. Драгоцѣнною реликвіей монастыря являлось кромѣ того большое Евангеліе въ серебряномъ переплетѣ съ рельефными изображеніями святыхъ и орнаментами на лицевой сторонѣ, подарокъ императрицы Анны Іоанновны († 1740 г.).

Въ настоящее время въ монастырѣ было три или четыре монаха и шесть или семь послушниковъ. Монастырю принадлежитъ бо̀льшая часть окрестныхъ земель и рѣчные острова противъ береговой полосы, что̀, какъ я уже упоминалъ, не особенно выгодно для тѣхъ, кто вздумаетъ поселиться здѣсь.

Въ монастырѣ находился проѣздомъ священникъ-миссіонеръ, просвѣщавшій якутовъ и тунгузовъ на большомъ Ессейскомъ озерѣ, находящемся далеко въ тундрѣ по направленію къ Ленѣ. Онъ проводилъ тамъ каждую зиму, но часто уѣзжалъ на лѣто, и въ нынѣшнемъ году гостилъ въ монастырѣ. Онъ не понималъ языка инородцевъ и вынужденъ былъ объясняться съ ними черезъ толмача. Несмотря на длинные волосы, рясу и головной уборъ, свидѣтельствовавшіе о его санѣ, онъ казался въ такой же мѣрѣ земнымъ человѣкомъ, въ какой настоятель монастыря человѣкомъ не отъ міра сего. Миссіонеръ былъ вдобавокъ большимъ политиканомъ и, къ великому удовольствію Востротина, либераломъ, такъ что имъ было о чемъ поговорить между собою.

Послѣ осмотра церкви мы вернулись къ приставу пить чай вмѣстѣ съ духовными особами и завѣдующимъ телеграфною станціей, которая скоро должна была быть готова. Въ настоящее время вели линію къ сѣверу отъ Енисейска, и телеграфное сообщеніе уже дѣйствовало до самаго села Ворогова, почти въ четырехъ дняхъ ѣзды отъ Енисейска. Къ зимѣ должны включить и Троицкое, а затѣмъ вести линію до самой Дудинки. Тогда и эти области будутъ присоединены къ мощной телеграфной сѣти.

Чашка чаю, которою хотѣли насъ угостить приставъ и его симпатичная жена, оказалась солиднымъ завтракомъ

изъ многихъ холодныхъ блюдъ, разнаго печенья и вина. Не легко было отдать честь такому завтраку, послѣ того какъ мы только-что позавтракали на „Омулѣ“. И трудность моего положенія, конечно, не уменьшалась отъ того, что я не понималъ ни одной русской фразы, а хозяева ни слова ни на какомъ другомъ языкѣ.

За столомъ было много разговоровъ,—главнымъ образомъ, кажется, объ условіяхъ сибирской жизни; больше всѣхъ ораторствовалъ миссіонеръ, не отставалъ и Востротинъ, и, должно-быть, разговоры были очень интересные,—только не для меня, такъ какъ велись по-русски. Все мое участіе въ общей компаніи ограничилось тѣмъ, что я снялъ съ нея фотографію.

Время однако шло, а намъ нельзя было слишкомъ засиживаться, если мы хотѣли пользоваться дневнымъ свѣтомъ, чтобы двинуться дальше. Поблагодаривъ за гостепріимство, мы простились съ любезною хозяйкой и вышли въ сопровожденіи пристава и двухъ духовныхъ лицъ, намѣреваясь посмотрѣть городъ и сдѣлать кое-какія покупки, прежде чѣмъ вернуться на пароходъ.

Кромѣ того, предстояло еще посѣтить новую монастырскую школу. Это было солидное и съ виду теплое строеніе, съ свѣтлыми и просторными комнатами. Школа предполагалась съ интернатомъ для мальчиковъ и дѣвочекъ, но пока еще пустовала, и единственнымъ ея обитателемъ являлся гостившій здѣсь миссіонеръ. Вакансія учителя была также свободна. Послѣднее время тутъ учительствовалъ одинъ политическій ссыльный, которому разрѣшили преподавать мѣсяца два - три. Въ настоящее время замѣстить его было некому. Востротинъ разсказалъ намъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Туруханскомъ округѣ существовало шесть школъ—на пространствѣ одного милліона квадратныхъ верстъ, т. - е. на площади, въ нѣсколько разъ превосходящей размѣрами всю Норвегію Теперь же осталось всего двѣ школы.

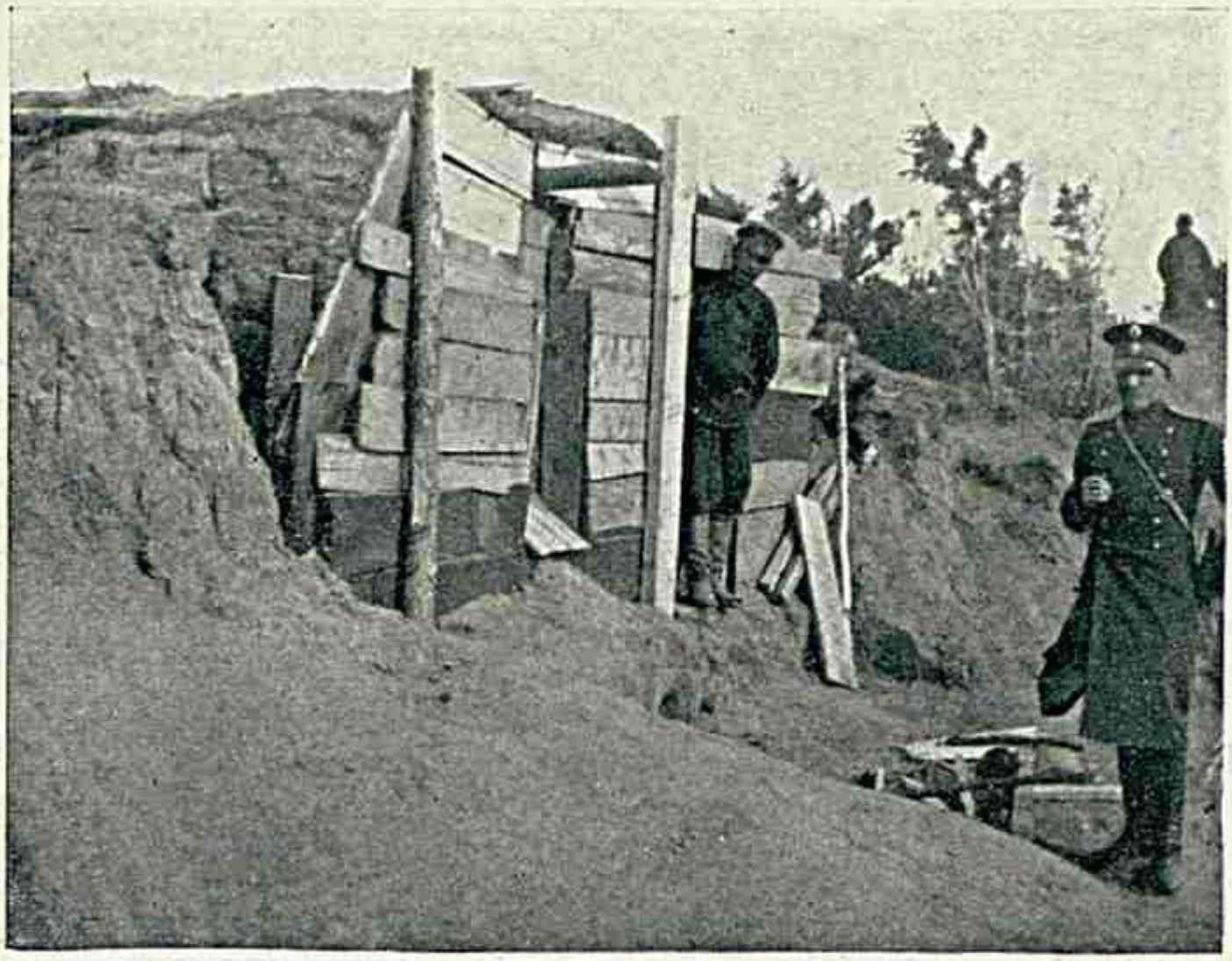
Мы прошлись по городу. Въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ онъ оставался прежнею деревнею, которая когда-то раскинула свои широкія улицы и низенькіе уютные крестьянскіе домики по сосѣдству съ монастыремъ. Зато вся сѣверная часть города строилась заново на мѣстѣ вырубленнаго лѣса. Уже начата была постройка правительственныхъ зданій, госпиталя, школы и дома для докторовъ, но все какъ-разъ выгорѣло до тла за нѣсколько недѣль до нашего пріѣзда. Кромѣ того, здѣсь выстроили большое зернохранилище, которое могло бы вмѣстить до 300.000 пудовъ зерна, запасаемаго для населенія на всякій случай. Пока-что зерна въ немъ было не больше трехъ тысячъ пудовъ.

Всѣ эти строенія возводились на казенный счетъ, но постройку принялъ на себя частный подрядчикъ. Помощникомъ архитектора служилъ у него политическій ссыльный, осужденный на пожизненную ссылку въ Сибирь и кромѣ того лишенный всѣхъ правъ состоянія. Впрочемъ, черезъ десять лѣтъ они могли быть возвращены ему вновь, и онъ могъ снова начать строить свою жизнь. Видъ у него былъ очень интеллигентный и симпатичный. Онъ проводилъ насъ порядочный конецъ дороги и оставилъ въ насъ самое пріятное впечатлѣніе. Лорисъ-Меликовъ все поражался тѣмъ, какъ хорошо обходятся здѣсь съ политическими ссыльными. Съ этимъ ссыльнымъ, напримѣръ, всѣ говорили и обращались совершенно какъ съ любымъ прочимъ гражданиномъ; даже сопровождавшій насъ приставъ держался того же тона. Данный случай мнѣ лично, впрочемъ, ничуть не показался страннымъ; вообще же я видѣлъ слишкомъ мало такихъ ссыльныхъ, чтобы составить себѣ опредѣленное мнѣніе о томъ, каково имъ живется здѣсь, въ Сибири.

Въ берестяныхъ чумахъ у берега ютилось нѣсколько енисейскихъ остяковъ, и я поспѣшилъ туда, такъ какъ они особенно меня интересовали. Спускаясь къ рѣкѣ вдоль

обрыва, мы прошли мимо трехъ-четырехъ избушекъ, вѣрнѣе полуземлянокъ, вырытыхъ въ песчаномъ откосѣ берега. Землянки эти служили временнымъ помѣщеніемъ для бывшихъ уголовныхъ каторжниковъ, помилованныхъ въ этомъ году и высланныхъ въ здѣшнія мѣста, гдѣ они должны были приписаться къ крестьянскому обществу. Имъ не разрѣшалось только покидать предѣлы Туруханскаго уѣзда. Они побывали въ „тяжелыхъ каторжныхъ работахъ“ и, по всей вѣроятности, были серьезными преступниками. Одинъ изъ нихъ оказался дома. Приставъ вошелъ къ нему и попросилъ его показаться, чтобы я могъ сфотографировать его у входа въ землянку. Внутри землянки было довольно темно, и я успѣлъ разглядѣть въ открытую дверь только кое-какія столярныя принадлежности; повидимому, хозяинъ занимался столярничаньемъ. Наружный видъ не говорилъ въ его пользу; это плутоватое и черное отъ грязи существо казалось способнымъ на что угодно. Для мѣстныхъ жителей притокъ подобныхъ поселенцевъ врядъ ли желателенъ, особенно если онъ повторяется часто, а намъ говорили, что такихъ присылаютъ сюда сплошь да рядомъ.

Въ остяцкихъ чумахъ подъ горою не оказалось ни одного мужчины. Всѣ выѣхали на ловъ сельдей. Остались только женщины и дѣти, высыпавшіе наружу поболтать съ нами. Всѣ были очень легко одѣты, въ какихъ-то лохмотьяхъ, которыя развѣвались отъ вѣтра, обнажая голыя ноги почти до колѣнъ. Позябли порядкомъ, пока я фотографировалъ ихъ. Въ чумахъ своихъ онѣ сидѣли, поджавъ ноги по-турецки, и жарили рыбу на палочкахъ, воткнутыхъ наискось въ песокъ рядомъ съ горячими угольями. На берегу валялся дощатый челнокъ съ дырой посерединѣ. Размѣрами онъ былъ не больше гренландскаго каяка. Намъ сказали, что это тунгузскій челнокъ, который пригнало сюда по рѣкѣ; остяцкіе же челны не сколачиваются изъ досокъ, но выдалбливаются изъ цѣльнаго ствола. У берега

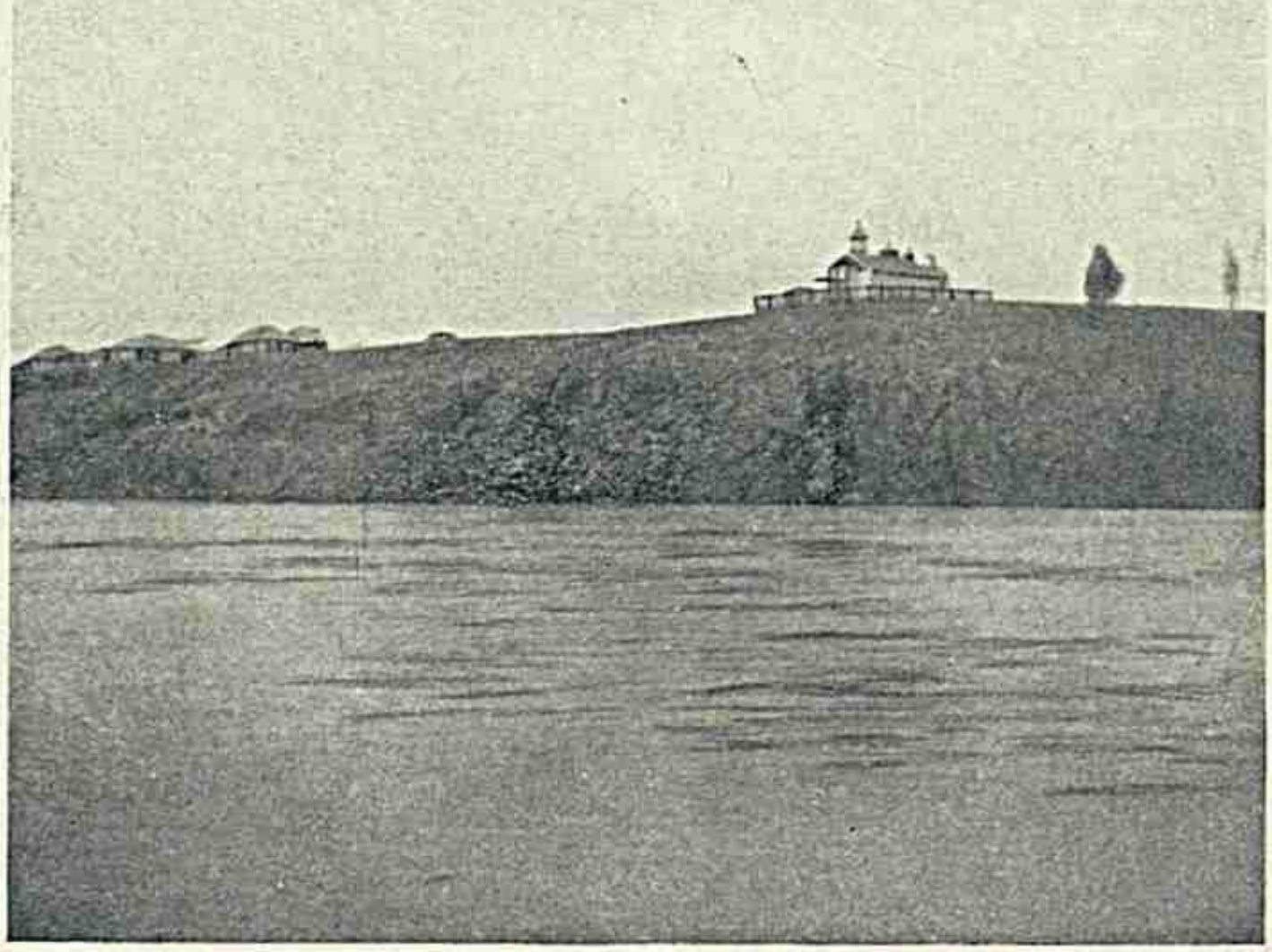
ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЕЦЪ ВЪ ДВЕРЯХЪ СВОЕЙ ЗЕМЛЯНКИ (10 СЕНТ.).
Справа—приставъ.

БЕРЕСТЯНЫЕ ЧУМЫ ЕНИСЕЙСКИХЪ ОСТЯКОВЪ. НА ПРАВОМЪ ЗАДНЕМЪ ПЛАНѢ—ЗЕМЛЯНКИ ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВЪ (10 СЕПТ.).

ПЛОСКІЙ ПЕСЧАНЫЙ ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГЪ ЕНИСЕЯ СЪ БЕРЕСТЯНЫМИ ЧУМАМИ ЕНИСЕЙСКИХЪ ОСТЯКОВЪ (10 СЕНТ.).

МИРОѢДИХА (10 СЕПТ.) Скалистый берегъ рѣки.

лежалъ одинъ такой челнокъ, и я видѣлъ совершенно похожіе у юраковъ дальше къ сѣверу.

Но теперь пора было спѣшить на „Омуль“, чтобы, не мѣшкая, продолжать путь: необходимо вѣдь было добраться до Красноярска возможно скорѣе.—Сначала нужно было однако разыскать Востротина. Ему, съ его политическими интересами, понятно, было о чемъ потолковать съ народомъ, интересы котораго онъ обязанъ былъ отстаивать въ Думѣ. Насилу мы его нашли послѣ долгихъ рысканій по городу,—нашли, если не въ храмѣ, то въ глубокомысленной бесѣдѣ со священникомъ и мѣстными книжниками.

Послѣ долгихъ проволочекъ и четырехкратныхъ прощаній, когда я уже успѣлъ сфотографировать всѣхъ, произошелъ самый что̀ ни на есть послѣдній обмѣнъ привѣтственными напутствіями, и я, къ радости своей, убѣдился, что Востротинъ вырвался-таки отъ своихъ собесѣдниковъ и направляется къ лодкѣ. У лодки однако состоялось еще одно теплое сердечное прощаніе, послѣ чего мы направились къ пароходу, подняли якорь и вышли на середину рѣки, а приставъ, съ двумя духовными лицами по бокамъ, медленно направился вверхъ по залитой солнцемъ горѣ къ монастырской церкви, опять къ своей неожиданно нарушенной мирной жизни.—Долго еще маячила на фонѣ синяго неба надъ лѣсомъ церковь съ ея куполомъ и блестящимъ шпилемъ.

Вдругъ ни съ того ни съ сего закапризничалъ моторъ, и намъ пришлось пристать на нѣсколько минутъ у противоположнаго берега рѣки. Тутъ, на низменномъ песчаномъ берегу, тоже ютилось нѣсколько берестяныхъ чумовъ. Я уже обрадовался, что найду въ нихъ остяковъ, но оказалось, что тутъ жили русскіе. Въ одномъ изъ чумовъ я засталъ хозяевъ. Они прибыли сюда съ юга для ловли рыбы, но уловъ выпалъ на ихъ долю плохой — всего десять пудовъ. Общее мнѣніе было, что за послѣднее время рыбы въ рѣкѣ вообще значительно поубавилось: слишкомъ

усердно ловятъ ее въ устьѣ. Остальные чумы принадлежали рыбакамъ изъ города по сосѣдству съ монастыремъ. Никого изъ нихъ мы не застали. Востротинъ купилъ нѣсколько дикихъ утокъ въ видѣ желаннаго дополненія къ нашему меню. Утки эти были убиты на одной изъ рѣчекъ, впадающихъ въ Енисей; въ это время тамъ какъ-разъ было множество этой птицы.

Мѣстность къ югу сохраняла прежній характеръ: все тѣ же прибрежные косогоры, за которыми тянулось ровное лѣсистое пространство. Преобладали лиственныя породы; лишь тамъ и сямъ высились одинокія хвойныя деревья. Мѣстами, впрочемъ, хвойный лѣсъ шелъ гуще, самыя деревья становились крупнѣе, и строевыхъ экземпляровъ попадалось больше, чѣмъ на сѣверѣ.

Возлѣ села Міроѣдихи (на 65°36′ с. ш.) восточный берегъ рѣки на порядочномъ протяженіи къ сѣверу и по меньшей мѣрѣ на четыре мили къ югу образовалъ сплошную скалу свинцоваго цвѣта, повидимому, известняковую, насколько можно было разсмотрѣть мимоходомъ. Высота же берега была и здѣсь такая же, какъ вездѣ къ сѣверу и къ югу по рѣкѣ, хотя тамъ берега были песчаные или глинистые. И вглубь отъ берега, независимо отъ его природы, тянулась все такая же однообразная равнина, безъ единаго холма или возвышенности.

Около Троицкаго монастыря я, правда, видѣлъ въ синѣющей дали, вверхъ по Тунгузкѣ, невысокій лѣсистый хребетъ, и вполнѣ вѣроятно, что этотъ скалистый берегъ у Міроѣдихи имѣетъ какую-нибудь связь съ тѣмъ хребтомъ, а также съ гористой мѣстностью по Тунгузкѣ, невдалекѣ отъ ея впаденія въ Енисей, гдѣ уже начинаются пороги. Чѣмъ же однако можно объяснить эту совершенно плоскую равнину около самой рѣки, одинаково плоскую и одинаково возвышающуюся надъ уровнемъ воды, какова бы ни была самая почва—твердая, скалистая или рыхлая, песчаная? Не встрѣчаемся ли мы здѣсь съ древнею по-

верхностью размыва, созданной моремъ? Самые верхніе слои, впрочемъ, являются отчасти рѣчными отложеніями. Возможно, что прѣсная вода была здѣсь задержана, и рыхлыя горныя породы вывѣтрились до уровня этой прѣсной воды, въ то время какъ свободныя пространства между возвышенностями заполнялись рѣчными осадками. Такой періодъ, впрочемъ, не могъ длиться особенно долго.—Съ другой стороны, судя по тому, какъ сильно вывѣтриваются здѣсь горныя породы, можно, пожалуй, предположить, что горный хребетъ изъ мягкой породы, возвышавшійся надъ равниной, съ теченіемъ времени сравнялся съ ея уровнемъ, хотя подобное полное исчезновеніе и мало вѣроятно. Вѣтеръ еще могъ совершить это разрушеніе, какъ бываетъ въ пустынѣ, гдѣ онъ сравниваетъ всѣ песчаные холмы съ землей и заполняетъ углубленія, но развѣ здѣсь такія условія, какъ въ пустынѣ? Трудно вообще сказать что-нибудь положительное, не произведя изслѣдованій на берегу. Я даже не увѣренъ въ томъ, что такія же твердыя горныя породы находятся на низменномъ западномъ берегу рѣки. Кажется, нѣтъ.

Теченіе въ этомъ мѣстѣ рѣки было такое сильное, что мы очень медленно подвигались впередъ съ нашимъ моторомъ; настолько медленно, что двѣ лодки, шедшія за нами на веслахъ, почти не отставали отъ насъ; у нихъ было то преимущество, что онѣ могли пользоваться обратнымъ теченіемъ въ заливчикахъ.

Мы встрѣтили переполненную мужчинами лодку, плывшую внизъ по теченію. Одинъ изъ нихъ удобно развалился на днѣ лодки, вытянувъ ноги, и, очевидно, читалъ вслухъ газету товарищамъ, сидѣвшимъ позади. На веслахъ сидѣлъ всего одинъ, да другой на рулѣ. Когда они поравнялись съ нами, человѣкъ на веслахъ пересталъ грести, и всѣ остальные уставились на насъ. Читавшій вслухъ приподнялъ голову, обернулся на минуту въ нашу сторону и затѣмъ снова улегся, чтобы продолжать чтеніе. Что̀ это было

за увлекательное чтеніе, намъ такъ и не удалось узнать. По предположенію моихъ спутниковъ, это были политическіе ссыльные, направлявшіеся въ ближайшую деревню. Откуда они взяли, что это ссыльные и притомъ политическіе, я не знаю. Можетъ-быть, ихъ навело на эту мысль то обстоятельство, что одинъ изъ нихъ былъ во всякомъ случаѣ грамотный, а другіе слѣдили за его чтеніемъ съ напряженнымъ интересомъ.

Въ девять часовъ совершенно стемнѣло, и мы бросили якорь на ночную стоянку. Дулъ рѣзкій вѣтеръ, снасти натягивались и трепались. На опушкѣ лѣса, на гребнѣ косогора, просвѣчивалъ между деревьями огонь костра. Пожалуй, это расположились передъ своей палаткой рабочіе, проводившіе телеграфную линію.

Меня какъ-то безотчетно потянуло на этотъ огонекъ въ лѣсу. Я сидѣлъ на палубѣ и смотрѣлъ на него; вѣтеръ крѣпчалъ и обдавалъ брызгами бортъ нашего утлаго суденышка; на могучей рѣкѣ, убѣгающей извивами къ сѣверу, среди безконечной лѣсной равнины, расходились волны, становясь все сильнѣе и сильнѣе. Однообразная замкнутая жизнь на такомъ тѣсномъ суднѣ способна навѣять скуку. Немудрено, что меня такъ сильно потянуло посмотрѣть на лица, устремленныя въ пламя этого костра, поразузнать, какъ имъ тамъ живется, захотѣлось самому полежать у костра, прислушиваясь къ шуму лѣса и глядя, какъ огненные языки, лижущіе громадныя полѣнья, отбрасываютъ пляшущія тѣни на стволы деревьевъ, какъ дневной свѣтъ исчезаетъ, и только на далекомъ западѣ, за лѣсомъ, остается алая узенькая полоска, какъ ночь кроетъ все густымъ покровомъ. Ахъ, этотъ лѣсъ! Здѣсь онъ еще больше, безпредѣльнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было,—здѣсь безконечная тайга. Право, люди не созданы для городской жизни!

Четвергъ, 11 сентября. На слѣдующій день рано утромъ двинулись дальше, но вѣтеръ дулъ прямо въ лобъ, такъ

что мы медленно подвигались впередъ противъ теченія и вѣтра. Берега все такіе же, только лѣсъ становится крупнѣе, чаще встрѣчаются сосны и строевыя деревья. Попадаются пространства, гдѣ хвойный лѣсъ выгорѣлъ, и остался только лиственный. Тамъ и сямъ по берегамъ виднѣются большіе и малые штабели дровъ, сложенныхъ у лѣсной опушки, на краю рѣчного обрыва. Должно-быть, дрова эти предназначены для пароходовъ, которые въ случаѣ недостатка топлива подходятъ къ берегу и пополняютъ свои запасы.

Передъ полуднемъ мнѣ бросается въ глаза невысокій отрогъ, тянущійся далеко на юго-востокѣ. Если же не считать этого отрога, равнина вокругъ все такая же плоская. Время отъ времени стали попадаться деревни, пасущіяся на берегу лошади. Чувствуется, что мы подвигаемся все больше къ югу, гдѣ мѣста становятся все населеннѣе.

Деревни появились какъ-то вдругъ, невзначай, а затѣмъ пошли все чаще. Сначала встрѣчались лишь отдѣльныя избы или кучки избъ по берегамъ, гдѣ проживалъ какой-нибудь одинокій купецъ или помѣщалась почтовая станція. Далѣе количество избъ въ мѣстечкахъ все увеличивалось, но между самыми селеніями еще были большіе промежутки. Затѣмъ дома начали вытягиваться въ улицы, и наконецъ пошли настоящія деревни, при чемъ промежутки между ними также сократились. Деревни эти довольно похожи другъ на дружку. Всюду тѣ же приземистыя, четыреугольныя, крѣпкія деревянныя избы, выстроенныя въ рядъ вдоль берегового обрыва надъ рѣкой. Вездѣ подъ обрывомъ, на низменной прибрежной полосѣ, развѣшаны для просушки сѣти и стоятъ вытащенныя изъ воды лодки. Самое большое различіе между деревнями — это присутствіе или отсутствіе церкви. Деревня, въ которой имѣется своя церковь, пользуется, понятно, бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ бѣдная деревушка, въ которой церкви нѣтъ.

Трудно сказать, чѣмъ собственно живетъ мѣстное на-

селеніе. Главнымъ образомъ, должно-быть, рыбной ловлей въ рѣкѣ, затѣмъ торговлей съ инородцами, особенно скупкой пушнины; кромѣ того, скотоводствомъ и мѣстами оленеводствомъ. Земледѣлія здѣсь пока еще нѣтъ совсѣмъ.

Вечеръ выдался чудесный. Несмотря на противный вѣтеръ, можно оставаться на палубѣ безъ верхняго платья, не опасаясь продрогнуть. Но мы все еще находимся на 64°40′ с. ш., т.-е. сѣвернѣе Намсоса. Повидимому, въ Сибири не такъ холодно, какъ говорятъ. Зима здѣсь, правда, суровая, зато лѣтомъ иногда бываетъ невыносимо жарко. Больше всего досаждаютъ тогда комары,—ихъ здѣсь цѣлыя тучи,—и, кромѣ нихъ, нѣчто еще похуже—мелкая мошкара. Востротинъ говоритъ, что коровы лѣтомъ худѣютъ и нагуливаютъ себѣ жиръ зимою на сѣнѣ, а не на подножномъ корму лѣтомъ, когда ихъ кусаютъ комары, мухи и овода.

Но что̀ это!? На юго-востокѣ, надъ краемъ лѣса, внезапно загорается желтое зарево... Неужели лѣсной пожаръ!? Нѣтъ,—просто надъ берегомъ восходитъ яркій, почти полный мѣсяцъ, и вершины деревьевъ рѣзко вырисовываются на фонѣ свѣтлаго неба. Мѣсяцъ подымается выше и посылаетъ намъ колеблющуюся на водной поверхности золотую полосу свѣта, плыветъ надъ чернымъ гребнемъ лѣса, и подъ магическимъ дѣйствіемъ луннаго свѣта вся мѣстность превращается въ дивный спальный чертогъ ночи, полный тишины и безмолвія. Небо чисто, только на юго-западѣ темная гряда облаковъ. На сѣверо-западномъ горизонтѣ догораетъ багряный отблескъ дневного свѣта; выше онъ принимаетъ желтовато-зеленый оттѣнокъ и наконецъ сливается съ бездонной синевой небеснаго свода, откуда слабо мерцаютъ сотни звѣздъ. На югѣ, подъ луннымъ дискомъ, небо свѣтло-фіолетоваго цвѣта.

Подъ равномѣрный стукъ машины мы подвигаемся все дальше къ югу, а подъ нами безостановочно скользятъ къ далекому сѣверу могучія, никогда не знающія отдыха вод-

ныя массы. Во всѣ стороны разстилается темно-синій муаръ, гладкіе спокойные омуты рябятъ отъ вѣтра, пѣнистый слѣдъ парохода уходитъ въ ночную тьму. А по обѣ стороны рѣки темнѣютъ береговые обрывы, чернѣетъ безконечный лѣсъ.

Въ девять часовъ бросили якорь у высокаго восточнаго берега. Около полуночи мѣсяцъ скрылся, и на небѣ зажглись тысячи необычайно яркихъ звѣздъ. Должно-быть, здѣсь играетъ немалую роль необычайная сухость атмосферы, свойственная центральной части материка; ближе къ морю никогда не бываетъ такого темно-синяго неба, такихъ яркихъ звѣздъ и такого ощущенія безпредѣльности. Здѣсь, подъ прикрытіемъ берега, вода совсѣмъ черная. Какая тишина! Только отъ противоположнаго берега рѣки доносится слабый плескъ волнъ да тихій шопотъ изъ глубины лѣса.

Рано утромъ снова трогаемся дальше къ югу. Лѣсъ сталъ погуще, чѣмъ былъ на сѣверѣ, но и тутъ бросается въ глаза, что на восточномъ берегу обрывъ надъ рѣкою и выше и круче, и поросъ болѣе крупнымъ лѣсомъ, преимущественно хвойнымъ,—только по самому краю берегового обрыва тянутся лиственныя деревья; западный берегъ рѣки ниже, рѣка около него изобилуетъ отмелями, и растетъ на немъ почти исключительно лиственный лѣсъ. Судоходное русло идетъ почти все время вдоль восточнаго берега. Только изрѣдка, особенно когда рѣка поворачиваетъ вправо, оказывается глубже у западнаго берега, и тогда онъ въ большинствѣ случаевъ въ свою очередь круче восточнаго.

Погода стоитъ дивная, солнечная. Я невольно поражаюсь, глядя на нашего лоцмана: онъ стоитъ на рулѣ и правитъ безъ отдыха съ утра до вечера. Даже ѣду ему приносятъ въ рулевую рубку. У него добродушный и симпатичный видъ; когда я выхожу по утрамъ на палубу, онъ очень привѣтливо здоровается, и все лицо его расплы-

вается въ улыбку, а въ маленькихъ глазахъ загорается лукавый блескъ. Повидимому, это умный и дѣльный человѣкъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось подсѣсть къ нему и поболтать съ нимъ, послушать о его жизни, но тутъ-то и сказывается незнаніе языка. Можно прійти въ отчаяніе, когда путешествуешь по странѣ, языка которой не понимаешь и гдѣ тебя самого не понимаютъ.

Зато Лорисъ-Меликовъ и Востротинъ ведутъ длинные разговоры съ нашимъ лоцманомъ, который оказался татариномъ изъ Енисейска и вдобавокъ магометаниномъ, зналъ по-арабски и самъ разбирался въ своемъ Коранѣ. Онъ много путешествовалъ по этой части Сибири. Отецъ его былъ здѣшній рыбакъ, имѣвшій свою лодку, чтобы разъѣзжать вверхъ и внизъ по рѣкѣ за рыбой, и сынъ его съ малыхъ лѣтъ изучилъ здѣшній фарватеръ. Кромѣ того, ему случалось добираться съ купцами до самой Хатанги и Анабары. Доводилось бывать и въ Обдорскѣ. Изъ инородцевъ были ему больше всего знакомы тунгузы, и онъ многое могъ сообщить объ ихъ нравахъ и обычаяхъ. Кромѣ тунгузскаго зналъ онъ и другія инородческія нарѣчія.

Однажды зимою, сопровождая одного купца черезъ тундру на дальній сѣверъ, онъ, поднимая какую-то тяжесть, вывихнулъ себѣ правую руку. Никто изъ спутниковъ не могъ вправить ему вывихнутый суставъ, и врача нельзя было достать поблизости. Онъ вернулся въ Дудинку въ совершенно безпомощномъ состояніи, и вывихнутой руки такъ и не удалось вправить. Сначала она висѣла плетью, и онъ не могъ даже поднять ее. Съ теченіемъ времени къ нему вернулась однако способность шевелить ею до локтя. Съ лоцманскимъ дѣломъ, требовавшимъ отъ него главнымъ образомъ управленія рулемъ, онъ справлялся при помощи лѣвой руки. Но какія мученія долженъ былъ перенести бѣдняга, пока не прошли боли въ плечевомъ суставѣ. Объ этомъ можетъ судить тотъ, у

ЕНИСЕЙСКІЕ ОСТЯКИ. ДѢТИ НА БЕРЕГУ (Зыранскій песокъ, 12 СЕНТ.).

ЕНИСЕЙСКІЕ ОСТЯКИ. ЖЕНЩИНЫ ПЕРЕДЪ ЧУМОМЪ (Зырянскій песокъ, 12 СЕНТ.).

кого самого была когда-нибудь вывихнута рука. Теперь, по его словамъ, рука въ плечѣ больше не болѣла, но зато въ ней развился ревматизмъ.

Около пяти часовъ пополудни мы подошли къ низменной песчаной банкѣ посреди рѣки, носившей названіе Зырянскаго песка. Тамъ виднѣлось нѣсколько чумовъ енисейскихъ остяковъ. Намъ нужно было заняться чисткою мотора, и мы рѣшили остановиться тутъ до слѣдующаго утра. Когда мы вышли на берегъ и подошли къ чумамъ, то нашли въ нихъ только женщинъ и дѣтей, не считая какого-то полу-калѣки, хромого и скрюченнаго, съ перевязанной головой и однимъ глазомъ. Остальные мужчины были на рыбной ловлѣ. Всѣ взрослые понимали по-русски; у двухъ пожилыхъ на видъ женщинъ были грудныя дѣти. Одинъ ребенокъ лежалъ въ люлькѣ, напоминавшей скорѣе подвѣшенный футляръ отъ скрипки. Такой фасонъ люльки вообще распространенъ среди енисейскихъ остяковъ.

Одна изъ женщинъ, помоложе, показалась мнѣ смуглои, хотя трудно сказать, въ чемъ было дѣло—въ цвѣтѣ кожи или въ недостаткѣ чистоплотности. Лицо у нея было широкое и скуластое, выраженіе открытое, симпатичное. На ней была надѣта длинная зеленая кофта или кафтанъ, и на ребятишкахъ ея была одежда того же цвѣта. Кажется, всѣ одѣянія были сшиты изъ одного куска матеріи. Завидѣвъ насъ, она быстро направилась къ своему чуму, который стоялъ подальше, и, сколько мы ни окликали ее, не остановилась,—не то изъ боязни, не то неизвѣстно почему. Пришлось догонять ее, и Лорисъ-Меликовъ далъ ей ожерелье изъ зеленыхъ стеклянныхъ бусъ. Лидъ накупилъ порядочное количество такихъ украшеній и снабдилъ насъ ими, чтобы мы могли съ ихъ помощью легче заводить знакомства съ инородцами. Женщина остановилась и, держа ожерелье въ рукахъ, спросила, что̀ ей съ нимъ дѣлать? Лорисъ-Меликовъ объяснилъ ей, что его носятъ на шеѣ. Воспользовалась ли она этимъ украшеніемъ, мы такъ и не узнали; во

всякомъ случаѣ она стала общительнѣе, и намъ удалось снять нѣсколько фотографій съ нея и съ другихъ женщинъ и ребятишекъ, а также съ калѣки.

Еще одна, четвертая по счету, женщина показалась въ это время съ младенцемъ изъ своего чума, стоявшаго отдѣльно отъ другихъ. Мы хотѣли-было снять и ее вмѣстѣ со всѣми, но она кинулась со своимъ младенцемъ въ чумъ и долго не показывалась, какъ мы ее ни звали. Наконецъ она все-таки появилась, но уже въ рваномъ русскомъ платьѣ и въ платкѣ на головѣ. Теперь она готова была сняться, но для насъ-то была гораздо интереснѣе въ прежнемъ видѣ. Тѣмъ временемъ вернулся домой одинъ изъ остяковъ, пожилой, съ повязанной платкомъ головой, по распространенному среди нихъ обычаю. Лицо у него было длиннѣе и ýже, чѣмъ у калѣки, но тоже изможденное. Послѣднимъ пришелъ другой пожилой остякъ, могучаго сложенія и съ добродушнымъ энергичнымъ лицомъ, въ которомъ было больше расовыхъ отличій. Съ нимъ пришла еще одна женщина. Изъ словъ его выяснилось, что онъ слѣпъ. Такимъ образомъ всѣ мужчины въ мѣстечкѣ оказались какими-то калѣками.

Видѣнные нами здѣсь остяки были двухъ разныхъ типовъ: широколицаго и скуластаго монгольскаго (этотъ типъ былъ особенно ярко выраженъ у молодой смуглой женщины и отчасти у калѣки и у слѣпого) и съ болѣе удлиненнымъ оваломъ лица, приближающимся къ арійскому типу. Такія лица часто встрѣчаются у насъ, въ Норвегіи. Къ этому типу можно было причислить одного изъ мужчинъ и двухъ женщинъ постарше. Я не могу сказать навѣрное, былъ ли послѣдній типъ кореннымъ или же произошелъ отъ скрещенія инородческаго племени съ русскимъ. Если послѣднее предположеніе вѣрно, то относительно перваго смуглаго типа можно предположить, что онъ произошелъ отъ скрещенія съ другими инородческими племенами. Во всякомъ случаѣ у всѣхъ этихъ остяковъ

были черные волосы, и я не нашелъ у нихъ и признаковъ косого, монгольскаго разрѣза глазъ.

На берегу лежалъ челнокъ, выдолбленный изъ ствола дерева; такъ какъ дерево было не достаточно большихъ размѣровъ, то каждый бортъ былъ надставленъ доскою, прибитой деревянными гвоздями. Калѣка съ перевязанной головой вызвался спустить челнокъ на воду и показать намъ, какъ съ нимъ управляются.

Съ такихъ-то утлыхъ челновъ и пошло кораблестроительное искусство людей. Сначала они переправлялись черезъ рѣки на стволахъ деревьевъ или на плотахъ изъ бревенъ. Затѣмъ научились выжигать огнемъ средину ствола, чтобы сдѣлать его легче, подвижнѣе и чтобы онъ выдерживалъ на водѣ бо̀льшій грузъ. Такія лодки изъ выдолбленныхъ стволовъ употреблялись въ прежнія времена и въ Европѣ, напримѣръ, въ сѣверо-западной Германіи, во времена Римской имперіи и даже позднѣе. Потомъ выдолбленные стволы показались малы, и къ бортамъ стали прибивать доски, чтобы воспрепятствовать водѣ заливать лодку. Доски эти прибивались деревянными гвоздями, какъ въ данномъ случаѣ, или же пришивались съ помощью гибкаго лозняка или древесныхъ корней. Убѣдившись, что эти надставленныя доски оказываютъ большую помощь,— особенно если ихъ плотно пригнать къ бортамъ,— стали такимъ же манеромъ надставлять нѣсколько досокъ, и вотъ лодка изъ досокъ была изобрѣтена, а послѣ нея уже нетрудно было дойти и до постройки большихъ кораблей.

Наконецъ подъѣхала лодка съ тремя мужчинами помоложе и притомъ здоровыми на видъ. Одинъ изъ нихъ, впрочемъ, сильно походилъ на бабу, и я даже не принялъ его сначала за мужчину. Да и другой имѣлъ бабью наружность. Всѣ они вернулись съ рыбной ловли и охоты и принесли три глухаря и громадную щуку. Мы хотѣли-было купить у одного изъ нихъ глухаря, но ему самому нужна была эта добыча. Тогда мы купили у другого. Купили

также нѣсколько осетровъ, пойманныхъ всего часъ тому назадъ, и свѣжей осетровой икры, а кромѣ того шкуру россомахи (за 10 рублей).

Съ рыбой здѣсь въ общемъ дѣла плохи, какъ и всюду въ этой части Енисея. Сельдь все еще не показывалась. Похоже на то, что здѣшніе обитатели терпятъ нужду: одѣты всѣ были очень бѣдно. Они сообщили намъ, что разводятъ оленей; очевидно, это было у нихъ новшествомъ, такъ какъ до послѣдняго времени енисейскіе остяки не промышляли скотоводствомъ. Въ общемъ я вынесъ впечатлѣніе, что эти бѣдные охотники и рыбаки ведутъ крайне необезпеченное существованіе. Въ случаѣ неудачной охоты или рыбной ловли, что̀ бываетъ довольно часто, имъ не на что расчитывать, кромѣ остатковъ сушоной рыбы съ лѣта да запаса мучицы, взятой у купца въ долгъ, но этого хватаетъ не надолго, и тогда остаются только олени. Иначе—голодъ, а зачастую и голодная смерть.

У здѣшнихъ остяковъ было двадцать оленей. Пока они ловили здѣсь рыбу, олени паслись на свободѣ въ лѣсу, довольно далеко отсюда; осенью же оленей пригоняли обратно. Намъ сказали, что присмотра за ними никакого не требуется, такъ какъ ихъ всегда легко найти. Дикихъ оленей, которые могли бы увлечь домашнихъ съ собою, здѣсь не водилось, и волки показывались рѣдко.

Лѣтомъ, пока ловилась рыба, нашимъ остякамъ жилось всего сытнѣе, хотя иной разъ, какъ сейчасъ, напримѣръ, и тутъ случались незадачи. Кромѣ того, имъ приходится сушить часть рыбы про запасъ. Лѣто однако длится недолго, а зимою благополучіе ихъ зависитъ исключительно отъ количества дичи въ лѣсу. Удастся убить лося—можно долгое время жить припѣваючи; но чаще всего добыча ограничивается куропатками, лѣсной птицей и прочей мелкой дичью, хотя время отъ времени попадаются и медвѣди. Въ голодныя же времена остяки не брезгаютъ даже волчиной и лисьимъ мясомъ. Выдаются однако и такіе

дни, когда незадачливые охотники, проплутавъ нѣсколько дней по лѣсу, съ пустыми руками возвращаются домой, гдѣ нѣтъ ни крохи съѣстного и гдѣ ихъ возвращенія ожидаютъ многочисленные голодные рты. Запасаться съѣстнымъ у купца въ сосѣдней деревнѣ удается только послѣ удачной охоты на пушного звѣря, когда въ карманѣ бренчатъ денежки. Но охота эта идетъ вообще на убыль, и за послѣдніе годы доходы отъ нея сильно упали. Прошлою зимой бѣлки почти-что совсѣмъ не было. А если еще обманетъ надежда на рыбу, не много удастся имъ купить на зиму муки и прочихъ припасовъ. Въ довершеніе всего они лишены возможности имѣть хорошіе сѣти и невода, такъ что на хорошій уловъ имъ трудно расчитывать. Осетровъ имъ приходится ловить на крючки, а этотъ способъ ненадеженъ и плохо окупается. Сейчасъ здѣшніе остяки, повидимому, столько же времени удѣляли рыбной ловлѣ, сколько охотѣ на лѣсную птицу.

Лорисъ-Меликову удалось записать нѣсколько словъ ихъ своеобразнаго языка. Какъ я уже говорилъ, языкъ этотъ рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ инородческихъ нарѣчій Сибири. Когда мы отправились на „Омуль“, остяки проводили насъ на своихъ лодкахъ, чтобы получить деньги за товаръ, а также, чтобы поглазѣть на нашъ пароходъ и всякую всячину у насъ.

X. ОТЪ ВЕРХНЕ-ИМБАЦКАГО ДО СУМАРОКОВА.

Лодочная тяга на собакахъ. — Верхне-Имбацкое. — Церковь. — Лунный свѣтъ.—Въ гостяхъ у священника.—Ловля глухарей сѣтями.—„Мирная“ при лунномъ свѣтѣ.—Холмы.—Лѣсъ все гуще и крупнѣе; сосны.—Сумароково. — Пьяная компанія. — Радушный купецъ. — Енисейскіе остяки, ихъ бытъ и судьба.—Въ гостяхъ у остяковъ.—Шаманъ.—Старая религія.—Политическій ссыльный-кавказецъ.

На слѣдующій день рано утромъ двинулись дальше по той же рѣкѣ, среди знакомыхъ береговъ, все также при солнечной погодѣ. Лѣсъ замѣтно погустѣлъ, и хвойныя деревья встрѣчаются часто даже на западномъ берегу рѣки.

Проѣзжая мимо одной деревни, мы въ первый разъ увидѣли лодку, которую тянули по берегу бечевою собаки. Въ лодкѣ сидѣло трое; одинъ изъ нихъ правилъ рулевымъ весломъ, держа отъ берега, между тѣмъ какъ пара собакъ трусила у самой воды, таща лодку на длинной бечевѣ. Подвигалась лодка довольно быстро и долго почти не отставала отъ насъ; собаки бѣжали бойко и съ видимымъ удовольствіемъ, погоняемыя только окриками. Такой способъ передвиженія весьма распространенъ здѣсь, и благодаря ему можно плыть вверхъ по рѣкѣ очень быстро. Главнымъ образомъ пользуются имъ для перевозки почты между станціями вверхъ по рѣкѣ. На обратномъ пути собакъ берутъ обыкновенно въ лодку, во всякомъ случаѣ тамъ, гдѣ теченіе достаточно сильно. Собаки

НА ЕНИСЕѢ. КАПИТАНЪ И СТАРШІЙ МАШИНИСТЪ НА ПАЛУБѢ „ОМУЛЯ“ (13 СЕНТ.).

ЦЕРКОВЬ ВЪ ВЕРХНЕ-ИМБАЦКОМЪ, ПРИ ЛУНѢ (13 СЕНТ.).

могутъ съ успѣхомъ тянуть лодку вверхъ по рѣкѣ верстъ 90, безъ кормежки. Теченіе, какъ это ни кажется съ перваго взгляда страннымъ, не особенно затрудняетъ движеніе, такъ какъ близъ берега можно пользоваться обратными теченіями.

Подъ вечеръ, около восьми часовъ, бросили якорь около Имбацкаго (63°9′ с. ш.); здѣсь, когда „Омуль“ спускался къ сѣверу, видѣли много енисейскихъ остяковъ, и мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ ними. Я боялся, что болѣе мы ужъ не встрѣтимъ ихъ тутъ, на югѣ.

Какъ только мы бросили якорь, отъ берега подоспѣли лодки, и изъ нихъ послышался стереотипный вопросъ:— „Гдѣ сельдь?“—на что мы не могли дать утѣшительнаго отвѣта. Затѣмъ, къ моему сожалѣнію, оказалось, что остяки уѣхали дней пять тому назадъ, и здѣсь въ двухъ-трехъ чумахъ остались только женщины. Мы видѣли въ темнотѣ бѣлые силуэты этихъ чумовъ по другую сторону крошечной рѣчонки, впадающей въ Енисей. Дѣлать было нечего; оставалось надѣяться, что мы все-таки встрѣтимъ остяковъ выше по рѣкѣ. Верстахъ въ трехъ внизъ по теченію, откуда мы пріѣхали, должны были находиться шесть лодокъ съ нѣсколькими семьями остяковъ въ каждой, но не возвращаться же намъ было назадъ: приходилось дорожить временемъ, если мы хотѣли добраться въ назначенный срокъ до Енисейска, а затѣмъ до Красноярска.

Взошелъ мѣсяцъ, и мы рѣшили пройтись по берегу къ церкви, бѣлыя стѣны, купола и шпиль которой фантастично вырисовывались на высокомъ береговомъ обрывѣ, на фонѣ залитаго луннымъ свѣтомъ неба. Получалась картина изъ 1001 ночи, какимъ-то чудомъ перенесенная сюда, на берегъ Енисея, въ безграничныя печальныя лѣсныя равнины. Мы зашли въ церковь, и какой-то парнишка провелъ насъ въ верхній этажъ. Я ожидалъ попасть прямо на хоры, откуда доносилось очень громкое пѣніе, но оказалось, что мы очутились въ самой церкви, очень кра-

сивой, съ высокимъ алтаремъ, вѣрнѣе иконостасомъ, увѣшаннымъ множествомъ иконъ. Пѣніе дѣйствительно неслось отсюда и чуть не оглушило насъ, когда мы вошли. Хоръ, состоявшій изъ нѣсколькихъ мужчинъ и подростковъ, собрался тутъ на спѣвку къ завтрашнему дню, и, насколько я могъ судить, всѣ старались перекричать другъ друга.

Священникъ въ длинной синей рясѣ привѣтливо и по-пастырски серьезно вышелъ намъ навстрѣчу. Онъ былъ удивительно красивъ: гладкій высокій лобъ, правильный профиль и спокойный ласковый взоръ; живая модель для изображенія Христа въ „Тайной Вечери“ Леонардо. Онъ сообщилъ, что это лѣтняя церковь; зимняя, болѣе теплая, помѣщалась внизу, въ первомъ этажѣ. Онъ былъ очень предупредителенъ къ намъ и зашелъ на клиросъ, гдѣ скрывался голосистый хоръ, чтобы попросить пѣвчихъ повременить немножко, пока мы тутъ. Съ его стороны было сущимъ благодѣяніемъ доставить нашимъ ушамъ желанный отдыхъ. По его словамъ, скоро долженъ былъ начаться обрядъ крещенія, на которомъ онъ и пригласилъ насъ присутствовать; это могло занять не болѣе получаса времени. На мой взглядъ, время для крестинъ младенца было выбрано не особенно подходящее: шелъ уже девятый часъ вечера. Очевидно, въ этихъ краяхъ крестятъ, когда придется. Мы полюбовались крохотнымъ существомъ, которое принесла очень благообразная крестная мать, и такъ какъ до начала церемоніи оставалось нѣкоторое время, я вышелъ взглянуть на мѣстность при лунномъ свѣтѣ. Вечеръ выдался на диво чудесный. Изъ низенькихъ избъ, пріютившихся подальше вдоль края обрыва надъ рѣкою, свѣтились привѣтливые огоньки, и съ залитой луннымъ свѣтомъ улицы передъ домами доносился говоръ. Когда я отошелъ на небольшое разстояніе, съ крыльца ближайшаго дома, стоявшаго въ тѣни, полился вдругъ пріятный и сильный мужской голосъ. Красивая русская пѣсня дивно звучала въ ночной тишинѣ. Потомъ

пѣсня оборвалась, дверь въ сѣни захлопнулась, и голосъ замеръ въ избѣ. Я увѣренъ, что это былъ политическій ссыльный. Лорисъ-Меликовъ тоже вышелъ изъ церкви, и мы прошлись съ нимъ по дорогѣ. Намъ повстрѣчалась молоденькая парочка. Я успѣлъ замѣтить, что, пропустивъ насъ, дѣвушка протянула руку своему кавалеру, и нѣжныя ласкающія нотки въ ея голосѣ выдали намъ, что флиртъ въ ходу и на этихъ берегахъ. Лорисъ-Меликовъ сказалъ, что, судя по акценту, это была еврейка. Пожалуй, это были политическіе ссыльные, услаждавшіе свое житье-бытье здѣсь, чѣмъ и какъ могли. Встрѣтилась еще одна парочка, и Лорисъ-Меликовъ остановился поболтать съ ними. Это оказались молодожены изъ Томска; у мужа были тутъ торговыя дѣла, и онъ захватилъ съ собою супругу, да вотъ оба и застряли тутъ изъ-за того, что плохо снарядились въ путь. Жена была большой руки кокетка и рада случаю поболтать. Она разговаривала очень непринужденно и весело, зато супругъ все больше хмурился и съ видимымъ нетерпѣніемъ ждалъ конца бесѣды.

Когда мы вернулись въ церковь, младенца успѣли уже окрестить, такъ что мы прозѣвали церемонію. Вмѣсто этого священникъ свелъ насъ внизъ и показалъ зимнюю церковь, такую же богатую, какъ и лѣтняя. Писалъ иконы, въ томъ числѣ и образъ Богоматери съ Младенцемъ, главнымъ образомъ одинъ политическій ссыльный изъ Красноярска. Въ манерѣ письма сказывалась умѣлая рука, хотя вкусъ у художника былъ не особенно оригинальный.

Потомъ мы вмѣстѣ со священникомъ прошлись по деревенской улицѣ, на которой было устроено нѣчто въ родѣ тротуара изъ досокъ; посреди же улицы было настоящее мѣсиво изъ навоза и грязи, изрытое коровьими копытами; перебраться черезъ улицу поэтому было нелегко, несмотря на то, что погода стояла сухая. Мы нашли лавочку и прикупили въ ней кое-какую кухонную утварь, которой все еще не хватало нашему повару.

Мнѣ очень хотѣлось снять улицу при лунномъ свѣтѣ, но для этого приходилось сдѣлать выдержку въ десять минутъ. Я расположился съ аппаратомъ передъ деревяннымъ домомъ будущей телеграфной станціи, который казна наняла за 240 рублей въ годъ, и, пока я наставлялъ аппаратъ, подошелъ какой-то человѣкъ, жившій въ ближайшемъ домѣ. Узнавъ, чѣмъ я занятъ, онъ сейчасъ же вызвалъ свою тетку, жившую наискосокъ отъ станціи, и велѣлъ ей зажечь у себя въ окнѣ свѣчку, чтобы мнѣ было виднѣе; жену свою онъ отрядилъ съ такимъ же порученіемъ въ домъ напротивъ. Оттуда появилась женщина въ ночномъ бѣльѣ и принялась свѣтить свѣчкой съ крыльца. На подмогу собрались со всѣхъ концовъ другія бабы, воображавшія, что съ ихъ помощью фотографія выйдетъ лучше. Я оставилъ объективъ открытымъ и пошелъ дальше; когда же, десять минутъ спустя, вернулся закрыть затворъ, оказалось, что и тетка вышла изъ дому, а рядомъ съ нею выстроились въ рядъ еще три бабы со свѣчами въ рукахъ, и всѣ хихикали въ полной увѣренности, что и онѣ выйдутъ на снимкѣ. Для того они и расположились такъ картинно, взявшись за руки, хотя стояли очень несмирно.

Мы зашли въ домъ къ священнику. Раньше онъ священствовалъ на Хатангѣ и Анабарѣ. Потомъ перебрался сюда въ деревню, гдѣ раньше священникомъ былъ его отецъ. Онъ много поразсказалъ намъ о мѣстномъ населеніи и его бытѣ. Совсѣмъ недавно здѣсь находилось нѣсколько семей енисейскихъ остяковъ, дѣлавшихъ закупки на зиму. Сейчасъ, къ сожалѣнію, они уже разъѣхались по своимъ становищамъ. Священникъ сообщилъ намъ также, что здѣсь побывалъ русскій путешественникъ Анучинъ, изучавшій инородцевъ, а прошлой зимой жилъ молодой финскій языковѣдъ Доннеръ, изучавшій енисейскихъ остяковъ, ихъ бытъ и языкъ. Меня это сообщеніе крайне заинтересовало. Насколько мнѣ было извѣстно, Доннеръ, котораго я зналъ лично, ѣздилъ со спеціальной цѣлью из-

ученія языка самоѣдовъ, живущихъ на Оби, такъ что меня порадовала вѣсть, что онъ побывалъ и въ этихъ дальнихъ краяхъ и остановилъ свое вниманіе на остякахъ. Здѣсь его спеціальныя познанія, безъ сомнѣнія, позволили ему достигнуть большихъ результатовъ.

Получивъ въ подарокъ отъ батюшки и радушной матушки хлѣба, мы наконецъ при свѣтѣ яркой луны отправились на „Омуль".

Воскресенье, 14 сентября. Берега все тѣ же, только лѣсъ становится все гуще и крупнѣе. Погода по-прежнему ясная, солнечная. Я уже говорилъ о своихъ опасеніяхъ, что мнѣ такъ и не удастся увидѣть здѣсь, на югѣ, енисейскихъ остяковъ. Поэтому, когда мы проѣзжали утромъ мимо нѣсколькихъ чумовъ изъ бересты, рѣшено было сдѣлать остановку и сойти на берегъ въ чаяніи найти въ чумахъ туземцевъ. Чумы однако оказались пустыми, и мы нигдѣ не нашли ни одного живого существа, кромѣ осетра, плававшаго въ маленькой сажалкѣ, вырытой въ пескѣ у самой рѣки.

Около полудня мы прошли около лодки съ людьми и собаками, которые переправлялись на противоположный восточный берегъ рѣки. Не успѣла лодка подойти къ берегу, какъ собакъ запрягли, и лодка пошла на длинной бечевкѣ слѣдомъ за нами вдоль берега. Двигалась она такъ быстро, что мы много часовъ подъ рядъ не теряли ея изъ виду. Въ одномъ мѣстѣ на берегу паслось большое стадо коровъ. Вообще, чѣмъ дальше мы подвигались къ югу, тѣмъ берега становились оживленнѣе. Все чаще виднѣлись на нихъ лошади, иногда цѣлые табуны, головъ въ тридцать. Одинъ разъ показалось стадо оленей, по меньшей мѣрѣ въ три десятка головъ, которые долго бѣжали впереди парохода вдоль берега, пока наконецъ не скрылись въ лѣсу на западномъ берегу.

Время отъ времени мое вниманіе привлекали низенькіе плетни, поставленные на берегу и поднимавшіеся по

песчаному косогору до верхняго края обрыва, гдѣ начинался лѣсъ. Въ плетнѣ этомъ всегда имѣлось одно-два отверстія. Я долго ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, что̀ бы это могло быть, пока не догадался, что такія загородки устраиваются для ловли птицъ, главнымъ образомъ глухарей и тетеревовъ, которые водятся по берегамъ рѣки. Въ отверстіяхъ такой загородки устанавливаются западни.

Вечеромъ мы бросили якорь противъ деревни Мирной. Мы съ Лорисъ-Меликовымъ рѣшили поразмять ноги и съѣхали на берегъ побродить при свѣтѣ луны. Вся деревня была объята сномъ, нигдѣ въ окнахъ не виднѣлось свѣта; зато не дремали псы. Они подняли невѣроятный гамъ, когда мы вздумали пройтись вдоль обрыва, мимо вереницы приземистыхъ, уютныхъ избъ и залитыхъ луннымъ свѣтомъ крылечекъ и оконъ. Впрочемъ, дьявольскій лай и вой на всѣ лады, повидимому, нисколько не мѣшали жителямъ деревни крѣпко спать. Несмотря на это, мы сочли за лучшее направить наши стопы въ другое мѣсто и пошли къ сѣверу, въ лѣсъ, гдѣ бѣлѣли стволы березъ.

Въ глубину лѣса вела длинная просѣка. Вдоль нея тянулись штабели березовыхъ дровъ. Къ немалому моему удивленію, большинство деревьевъ были срублены только на половинной высотѣ ствола. Сперва я рѣшилъ, что ихъ рубили на уровнѣ сугробовъ снѣга, но оказалось, что на нѣкоторыхъ срубленныхъ вѣтвяхъ были листья,—значитъ, рубка происходила лѣтомъ. Ясное дѣло, дровосѣкамъ просто лѣнь нагибаться, разъ къ услугамъ ихъ весь лѣсъ.

По просѣкѣ шли телеграфные столбы и провода, которые должны были установить связь между этими пустынными лѣсными районами и цивилизованнымъ міромъ. Въ настоящее время сообщеніе было прервано. Весною линія работала до самаго Верхне-Имбацкаго, но во время половодья мачтой одного парохода оборвало проволоку, соединяющую два берега возлѣ пороговъ, немного дальше

вверхъ по рѣкѣ. Для тонкой телеграфной проволоки здѣсь была прорублена въ лѣсу цѣлая улица, при чемъ и здѣсь березы были срублены точно такъ же высоко отъ корня. Рядъ освѣщенныхъ луною столбовъ уходилъ къ сѣверу.

Нашъ машинистъ всю ночь безъ устали возился съ моторомъ, который снова началъ капризничать. Гуляя по берегу, мы слышали, какъ онъ стучалъ молоткомъ по стали; удары далеко разносились въ ночной тишинѣ. На другомъ берегу рѣки кричала сова, и время отъ времени раздавался другой крикъ,—должно-быть, кайры.

Понедѣльникъ, 15 сентября. По мѣрѣ движенія на югъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки начали показываться невысокіе лѣсистые гребни. Судя по обваламъ на склонахъ, можно было предположить, что гребни эти одной природы съ рыхлымъ песчанымъ и глинистымъ береговымъ обрывомъ. Впрочемъ, если покопаться въ нихъ поглубже, то, по всей вѣроятности, мы наткнулись бы на болѣе твердыя породы; верхняя толща рыхлыхъ породъ образовалась, вѣрно, путемъ сильнаго вывѣтриванія, которое наблюдается здѣсь повсюду. Мнѣ лично кажется, что вершины всѣхъ этихъ гребней почти одинаково ровныя, плоскія, такъ что скорѣе всего можно предположить, что это остатки сплошной равнины, изборожденной и размытой рѣками и ручьями. Трудно однако сказать что-либо положительное, когда лишенъ за недостаткомъ времени возможности сдѣлать изслѣдованія на берегу.

Самый лѣсъ, какъ уже упоминалось, становился все гуще, и хвойныя деревья все крупнѣе. Замелькали между елями, кедрами, лиственницами и красноватые стволы сосенъ. Прямо поражаешься разнообразію здѣшняго лѣса. Ему полагалась бы быть хвойнымъ, но всюду золотится увядающая листва березъ и осинъ, краснѣетъ рябина. Преобладаютъ въ общемъ все-таки ель и береза. Но вдругъ забираетъ силу лиственница, хотя часъ тому назадъ ея было совсѣмъ мало. Кедровъ не такъ много, чтобы они

гдѣ-нибудь образовали сплошную полосу лѣса. Они чаще бываютъ разбросаны между другими деревьями.

Изъ лиственныхъ деревьевъ кромѣ березы видно больше всего осины и ольхи, но встрѣчаются также поросли ивы разныхъ видовъ. Начали желтѣть и лиственницы, но больше всего золотятъ лѣсъ все-таки березы. Ихъ масса и въ глубинѣ лѣса, такъ что онъ отливаетъ золотомъ по всей линіи лѣсистыхъ отроговъ. По берегамъ, особенно на низменныхъ островкахъ, тамъ и сямъ между ивнякомъ, луговины, на которыхъ видны стоги сѣна. Я все не перестаю удивляться этому способу хранить сѣно: подъ бокомъ громадный лѣсъ, не имѣющій къ тому же сбыта и, стало-быть, никакой цѣны, а жители не строятъ сараевъ.

Подъ вечеръ по серединѣ рѣки показался чудесный островокъ, густо поросшій хвойнымъ лѣсомъ, который выступалъ надъ сверкающею поверхностью рѣки на подобіе короны. Солнце какъ-разъ садилось за темнымъ лѣсомъ на западѣ и освѣщало вершины деревьевъ и далекіе лѣсистые, испещренные золотыми пятнами отроги на востокѣ. Въ этомъ мѣстѣ хорошо ловится нельма, поэтому и самый островъ называется Нельмовымъ. Хорошо ловится здѣсь также осетръ.

Около семи часовъ вечера мы добрались до Сумарокова, гдѣ должны были запастись нефтью. На берегу царило большое оживленіе. Множество народу съ громкими криками сновало во всѣ стороны; вдоль низкаго песчанаго берега стояло больше тридцати остяцкихъ лодокъ, а подальше виднѣлся цѣлый лѣсъ мачтъ. Зрѣлище это очень меня обрадовало: вотъ когда я вволю могъ насмотрѣться на этотъ народецъ! Тамъ и сямъ на берегу виднѣлись берестяные чумы, въ которыхъ свѣтились огоньки; нѣсколько костровъ было разложено у самой рѣки. Высоко надъ этой пестрой картиной темнѣли на фонѣ вечерняго неба силуэты деревенскихъ избъ и церкви, стоявшихъ на гребнѣ рѣчного обрыва. Крикъ и шумъ все усиливались по мѣрѣ

гого, какъ мы приближались. Нетрудно было понять, что и здѣсь не было недостатка въ водкѣ: и русскіе и инородцы казались одинаково пьяными.

Когда мы сошли на берегъ, насъ сейчасъ же окружила толпа полупьяныхъ и пьяныхъ горластыхъ остяковъ, впрочемъ, довольно мирно и благодушно настроенныхъ. По косогору тамъ и сямъ развалились пьяные, мычавшіе и храпѣвшіе, словно звѣри при послѣднемъ издыханіи. Между развѣшенными сѣтями и лодками, вытащенными на берегъ, расположились преимущественно болѣе пожилыя бабы. Нѣкоторыя почти безъ чувствъ привалились къ бортамъ лодокъ; другимъ удавалось осторожно подняться на ноги и шатающейся походкой пройти нѣсколько шаговъ, но затѣмъ онѣ вновь валились и уже не вставали больше. Никого изъ другихъ это, повидимому, ничуть не удивляло. Я самъ видѣлъ, какъ молодыя дѣвушки преспокойно болтали съ пьяными старухами, словно съ тѣми ничего особеннаго не приключилось, или случилось нѣчто весьма обыкновенное.

Стòитъ инородцу немножко охмѣлѣть, и онъ продастъ чтò угодно, лишь бы достать еще водки. Въ этомъ случаѣ онъ походитъ на морфиниста и готовъ за бутылку водки перепродать товаръ, который только-что купилъ у купца въ кредитъ. Этой слабостью пользуются здѣсь, какъ и всюду на землѣ, многочисленные безсовѣстные аферисты, выманивающіе въ обмѣнъ на проклятое зелье все, чтò у инородцевъ найдется цѣннаго,—главнымъ образомъ, конечно, пушнину, добычу зимняго лова.

Зрѣлище было въ общемъ очень печальное, и мы поспѣшили уйти въ деревню, чтобы заглянуть къ купцу, знакомому Востротина, приславшему намъ приглашеніе. Дома были такіе же уютные, приземистые, какъ и во всѣхъ другихъ деревняхъ. Въ низенькой теплой горницѣ, съ обычными маленькими оконцами, насъ встрѣтилъ хозяинъ, осанистый и благодушный мужчина лѣтъ тридцати восьми.

Онъ очень сердечно привѣтствовалъ насъ, но долго пенялъ Востротину по поводу внезапности нашего пріѣзда. Ему и въ голову не приходило, чтобы мы могли прибыть иначе, какъ на одномъ изъ большихъ пароходовъ. Знай онъ, что мы возьмемъ да пріѣдемъ на такомъ крошечномъ суденышкѣ, онъ бы ужъ постарался не напиться до нашего пріѣзда. Въ жизни своей не приходилось мнѣ встрѣчать столь вѣжливаго во хмѣлю человѣка. Впрочемъ, глядя на него, трудно было даже замѣтить, что онъ пьянъ: поступь у него была твердая и ритмичная, какъ у солдата, и къ тому же онъ, какъ упомянуто, былъ необычайно вѣжливъ и любезенъ.

Мы познакомились съ его женой, и намъ пришлось отвѣдать въ слѣдующей горницѣ свѣже-вынутой икры, которая оказалась превосходной. По русскому гостепріимному обычаю угостили насъ также чаемъ, потомъ ужиномъ—ржанымъ пирогомъ съ рыбой (мѣстное національное блюдо), снова икрой, солеными огурцами и наконецъ вторично чаемъ съ вареньемъ изъ лѣсной земляники.

Хозяинъ сообщилъ намъ, что сегодня у нихъ особенный день, такъ какъ завтра предстоятъ торжественныя полугодовыя поминки по его отцѣ.—„Человѣкъ я, сами видите, богатый,—говорилъ онъ:—вотъ и пригласилъ на завтра всю деревню. Могутъ прійти всѣ, кому вздумается, а кто не придетъ, тотъ меня очень разобидитъ“. Къ торжеству дѣлались обширныя приготовленія по части съѣстного и питій, и намъ пришлось отвѣдать праздничнаго стола. Сегодня у нихъ было, видно, нѣчто въ родѣ генеральной репетиціи торжества. Пока мы сидѣли за столомъ, къ хозяину зашли два деревенскихъ старика. Онъ попросилъ у насъ извиненія и вышелъ съ ними въ другую комнату, такъ какъ имъ нужно поговорить о важномъ дѣлѣ. Вскорѣ онъ вернулся: дѣловая бесѣда не клеилась, по его словамъ, такъ какъ посѣтители слишкомъ злоупотребили вод-

кой; пришлось отложить дѣло до утра, когда у стариковъ голова прояснится.

Онъ много разсказывалъ намъ о енисейскихъ остякахъ. По его мнѣнію, это былъ несчастный, нищенскій и вымирающій народъ. Всѣ они были въ невылазномъ долгу у купцовъ,—каждый рублей на 500, а то и больше,—и въ нынѣшнемъ году не много могли погасить изъ долга послѣднихъ лѣтъ, такъ какъ охота на бѣлокъ была неудачна, да и рыбной ловлей нельзя было похвалиться. Главнымъ зломъ, по его словамъ, являлась водка. Если ввозъ ея не будетъ запрещенъ, инородцы постепенно вымрутъ совсѣмъ, и ничѣмъ другимъ дѣлу не помочь. Правда, существовалъ запретъ торговать водкой, но что̀ толку въ запретѣ, разъ водки все равно сколько угодно?

Остяки только-что прибыли сюда на своихъ лодкахъ, чтобы сдѣлать закупки на зиму; главнымъ образомъ запасаются они мукою, которую имъ отпускаютъ въ долгъ до весны съ обязательствомъ продать всю добытую за зиму пушнину купцу-кредитору. По отзыву нашего хозяина, инородцы вообще очень честны и, по мѣрѣ возможности, уплачиваютъ долги, но надо сказать, что самимъ остякамъ очень плохо извѣстно, сколько они собственно задолжали.— „Признаюсь вамъ откровенно, что я недостаточно плутоватъ для купца. Спрашиваю какого-нибудь остяка: знаетъ ли онъ, сколько за нимъ долгу, и онъ способенъ сказать, что долженъ, пожалуй, рублей пятьсотъ. Приходится объяснить ему, что долгу на немъ всего двѣсти цѣлковыхъ“,— разсказывалъ нашъ собесѣдникъ.

На вопросъ, что̀, по его мнѣнію, нужно предпринять для спасенія остяковъ отъ вымиранія, онъ сказалъ, что единственнымъ средствомъ было бы со стороны правительства взять всю торговлю въ свои руки и такимъ образомъ отстранить купцовъ. Видно было, что говорилъ онъ это вполнѣ искренно, но, когда вслѣдъ затѣмъ на минутку вышелъ въ другую комнату, жена его поспѣшила

за нимъ, и, вернувшись назадъ, онъ сообщилъ намъ, что она выругала его за то, что онъ болтаетъ такія вещи при постороннихъ.—„А я только сказалъ чистую правду“,—заключилъ онъ.

Онъ увѣрялъ насъ, что въ остякахъ нѣтъ русской крови, такъ какъ русскіе почти никогда не вступаютъ съ ними въ браки, а остяцкія женщины не идутъ на внѣбрачныя связи съ русскими; это было извѣстно ему по личному опыту съ дней молодости. Онъ былъ не изъ тѣхъ парней, къ которымъ льнули дѣвки, и предложилъ одной остяцкой дѣвушкѣ вступить съ нимъ въ связь. Но она не пожелала, боясь, что у нея будетъ стъ него ребенокъ. Жена его сидѣла тутъ же за столомъ и слышала признаніе мужа, но, повидимому, оно ничуть ее не заинтересовало,—да и то сказать, давненько все это было.

Тѣмъ временемъ стало уже поздно, и намъ пора было собираться домой. Мы сердечно поблагодарили нашего общительнаго и радушнаго хозяина и его жену, а онъ со своей стороны снова принялся увѣрять Востротина на прощанье, что ужасно жалѣетъ о томъ прискорбномъ состояніи, въ какомъ его застали почтенные гости. Знай онъ только заранѣ, онъ бы ужъ постарался остаться трезвымъ! Это были его послѣднія слова, и Востротинъ тщетно пытался увѣрить его, что онъ велъ себя превосходно.

Когда мы спустились на берегъ къ лодкѣ, все кругомъ было тихо, и въ деревнѣ и на лодкахъ; какъ русскіе, такъ и остяки просыпали свой хмѣль.

Въ судьбѣ народовъ, въ родѣ енисейскихъ остяковъ, есть что-то невыразимо трагичное. Въ прежнія времена этотъ народъ господствовалъ на большихъ пространствахъ южной части страны, по сѣверному, а возможно, и по южному склону Алтайскихъ горъ. Теперь отъ этого многочисленнаго народа осталось только маленькое обнищавшее, быстро вымирающее племя, разселенное по Енисею и нѣкоторымъ его притокамъ, гдѣ оно находитъ себѣ скудное

пропитаніе невѣрнымъ охотничьимъ промысломъ: добыча пушнины вѣдь все падаетъ съ каждымъ годомъ. Такъ, напримѣръ, соболь, служившій однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода, почти совершенно перевелся, и русское правительство даже запретило на время всякую охоту на него. Остяки горько жаловались на это, что̀ вполнѣ понятно, такъ какъ запрещеніе лишало ихъ хлѣба насущнаго. Правда, соболь попадался рѣдко, но все-таки за зиму удавалось поймать парочку-другую, и одна шкурка этого звѣрька уплачивала долги охотника за продолжительное время. Теперь имъ не изъ чего стало и платить. Такова судьба вымирающаго народа.

Въ своемъ интересномъ трудѣ о сѣверной окраинѣ Сибири Сидоровъ проводитъ мнѣніе, что упадокъ благосостоянія инородческихъ племенъ въ Сибири и голодовки среди нихъ начались съ 1805 года, когда въ Сибири были введены запасные хлѣбные магазины, и туземцы научились цѣнить хлѣбъ. До этого времени они ѣли только мясо и рыбу и, по мнѣнію Сидорова, не терпѣли никакой нужды. Весьма возможно, что онъ правъ. Потребности ихъ возросли, а доходы не увеличились. Въ остальномъ же правъ, должно-быть, купецъ, съ которымъ мы бесѣдовали, полагавшій, что огромную роль въ упадкѣ благосостоянія инородцевъ играетъ водка. Послѣднюю приходится поставить на ряду съ губительными болѣзнями, которыя—включая сифилисъ—занесли сюда пришельцы изъ Европы.

Правительство, должно-быть, руководилось лучшими намѣреніями, запрещая продажу водки инородцамъ во всемъ Туруханскомъ уѣздѣ. Но что̀ толку въ этомъ запрещеніи, если его можно обойти? Подобное запрещеніе можетъ даже привести къ обратному результату, такъ какъ, благодаря ему, водка становится непомѣрно дорогимъ продуктомъ, и это соблазняетъ многихъ къ тайной торговлѣ, сулящей огромные барыши. Въ сосѣднемъ уѣздѣ, южнѣе,

продажа водки не воспрещена, и самая водка стоитъ тамъ поэтому дешевле, но трудно доказать, что инородцы отъ этого страдаютъ сильнѣе: тамъ ею не такъ дорожатъ, и покупка ея не сопряжена съ такими жертвами, какъ на сѣверѣ.

Искоренить потребленіе водки не такъ-то легко, если только не будутъ приняты особо суровыя мѣры. Одинъ купецъ, съ которымъ намъ довелось говорить по этому поводу, откровенно признался, что самъ отпускалъ инородцамъ водку, когда тѣ пріѣзжали торговать въ деревню.— „Если я имъ не дамъ,—оправдывался онъ,—то дастъ другой купецъ, и мнѣ будетъ отъ этого большой убытокъ, такъ какъ мой конкурентъ заполучитъ всѣхъ моихъ кліентовъ и захватитъ всѣ добытые ими за зиму мѣха". Такимъ образомъ онъ рисковалъ потерять за ними старые долги: почти всѣ инородцы были вѣдь у него въ долгу.—„Нѣтъ, ужъ лучше подогрѣвать ихъ водкой! Да и не такъ-то много они получаютъ ея!" По разсказамъ купца, инородцы сразу по прибытіи въ торговый пунктъ норовятъ выпить водочки по случаю пріѣзда, а потомъ прикладываются къ бутылкамъ по окончаніи торга, и за эти два пріема успѣваютъ обыкновенно болѣе или менѣе опьянѣть, во всякомъ случаѣ большинство изъ нихъ. Водка вѣдь единственная ихъ отрада, и нѣкоторые инородцы—и мужчины и женщины—упиваются ею почти до безчувствія. Купецъ не разъ предлагалъ имъ вмѣсто водки масла, но, какъ ни охочи они до масла, которое даже покупаютъ про запасъ на зиму, водка имъ все-таки милѣе, такъ что ничего съ ними тутъ не подѣлаешь.

Самыя отношенія между сибирскими инородцами и мѣстными купцами, у которыхъ первые находятся въ неоплатномъ долгу, весьма напоминаютъ порядки у насъ, въ сѣверной Норвегіи, въ старину, когда всѣ мѣстные рыбаки были въ долгу у скупщиковъ. Собственно говоря, рыбакамъ и охотникамъ удобно, что въ случаѣ нужды у нихъ

есть купецъ, къ которому они могутъ прибѣгнуть и получить то, что̀ имъ нужно, въ кредитъ. Съ другой стороны однако нетрудно понять, что такіе должники попадаютъ въ полную зависимость отъ купца, и для послѣдняго крайне соблазнительно пользоваться этимъ къ собственной выгодѣ. Онъ получаетъ мѣха и рыбу по цѣнѣ, которую по большей части самъ же назначаетъ, и расплачивается за покупки своими товарами, цѣны на которые тоже назначаетъ самъ. Нужно быть очень честнымъ человѣкомъ, чтобы не пользоваться въ обоихъ случаяхъ возможностью нажить побольше. И, конечно, очень часто бываетъ, что рыбакъ или охотникъ выручаетъ за свою добычу значительно меньше, чѣмъ слѣдовало бы. Если же на сторонѣ купца появляется такая союзница, какъ водка,—отношенія между двумя сторонами становятся ужъ совсѣмъ неравными.

Здѣсь, въ Сумароковѣ, собралась сейчасъ бо̀льшая часть всѣхъ енисейскихъ остяковъ даннаго уѣзда. Въ лодкахъ ихъ, пожалуй, было сотни двѣ. Мнѣ говорили, что все племя насчитываетъ приблизительно 700 душъ, но Доннеръ писалъ мнѣ, что ихъ до 900, и, пожалуй, эта цифра вѣрнѣе. Живутъ они вдоль Енисея и его сѣверныхъ притоковъ, начиная отсюда и кончая мѣстностью къ сѣверу отъ Туруханска. Впрочемъ, племя это очень быстро вымираетъ.

Какъ уже упоминалось, оно занимало въ не столь давнія времена обширныя пространства Азіи и дѣлилось на многочисленныя племена. Отъ одного изъ этихъ племенъ, коттовъ, Кастренъ нашелъ въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія всего пять человѣкъ, жившихъ по Агулу, притоку Кана, впадающаго въ Енисей *). Другія родственныя племена къ тому времени уже совершенно исчезли или окончательно слились съ тюрками и татарами. По мнѣнію

*) Послѣдній коттъ, говорившій на языкѣ своего племени, умеръ всего шесть лѣтъ тому назадъ, какъ сообщаетъ Кай Доннеръ, который узналъ объ этомъ во время своего путешествія по Канскому округу.

Кастрена, въ его время едва ли оставалось съ тысячу енисейскихъ остяковъ, плательщиковъ повинностей, но женщинъ и дѣтей было въ нѣсколько разъ больше. Впрочемъ, трудно сказать, насколько точенъ подсчетъ Кастрена. По даннымъ Сидорова, въ Туруханскомъ уѣздѣ остяковъ насчитывалось въ 1862 году 888 мужчинъ и 716 женщинъ, но трудно разобрать, входили ли въ эту цифру исключительно енисейскіе остяки или также обыкновенные остяки. Въ настоящее время енисейскихъ остяковъ осталось всего-на-всего около 900 душъ.

По возвращеніи на „Омуль“ мы долго не могли рѣшить, что̀ намъ предпринять на слѣдующее утро. Лоцманъ настаивалъ сняться съ якоря въ четыре часа утра, чтобы засвѣтло пройти Осиновскіе пороги; намъ же хотѣлось пожертвовать часа три, чтобы понаблюдать остяковъ въ трезвомъ состояніи, такъ какъ намъ врядъ ли представился бы новый случай для такого наблюденія. Выборъ былъ тѣмъ труднѣе, что намъ необходимо было добраться до Красноярска во-время и что пороговъ нельзя было проходить въ темнотѣ. Мы все-таки склонялись къ тому, чтобы обождать, и сама природа облегчила намъ нашъ трудный выборъ.

Вторникъ, 16 сентября. Въ пять часовъ утра, когда мы собирались встать и сойти на берегъ, чтобы посмотрѣть, не находится ли кто изъ инородцевъ уже на ногахъ, оказался такой густой туманъ, что не видно было даже ближайшаго берега; поэтому не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы сразу отправиться въ дальнѣйшій путь.

Мы снова улеглись и сошли на берегъ только около семи часовъ утра, услыхавъ, что на берегу пробуждается жизнь. Возлѣ многихъ лодокъ были разложены костры, на которыхъ каждая семья варила себѣ чай и ѣду. Начали показываться люди, которые усаживались группами вокругъ котелковъ съ чаемъ и принимались за ѣду. Сначала это были главнымъ образомъ женщины; затѣмъ начали мало-

ЕНИСЕЙСКІЕ ОСТЯКИ. СЛѢВА И СПРАВА СТОЯТЪ РУССКІЕ (Сумароково, 16 СЕНТ.).

БЕРЕСТЯНЫЙ ОСТЯЦКІЙ ЧУМЪ НА ПЛОСКОМЪ ЗАПАДНОМЪ БЕРЕГУ ЕНИСЕЯ. ПЕРЕДЪ НИМЪ ЖИЛАЯ ЛОДКА (14 СЕНТ.).

ЕНИСЕЙСКІЕ ОСТЯКИ (Сумароково, 16 СЕНТ.).

по-малу выползать изъ лодокъ мужчины, которые также присаживались къ кострамъ и чайнымъ котелкамъ. Теперь они были трезвы.

Остяцкія лодки были крытыя; подъ берестяною крышею на каждой лодкѣ получалось нѣчто въ родѣ каюты—уютное мѣстечко для спанья всей семьи, не хуже, чѣмъ въ шалашѣ, только съ болѣе низкой крышей. Такимъ образомъ лодки эти служатъ отличнымъ помѣщеніемъ во время переѣздовъ, и въ маленькихъ каюткахъ живется, должно-быть, не худо. Самыя лодки совершенно плоскодонныя, а носовая часть весьма оригинальной формы—сильно выступаетъ впередъ. Когда лодки причаливаютъ къ береговой отмели, съ этого длиннаго носового выступа перекидываются на сушу сходни, и такимъ образомъ можно высадиться съ лодки на берегъ, почти не промочивъ ногъ.

Первый же видѣнный мною енисейскій остякъ произвелъ на меня впечатлѣніе татарина; это впечатлѣніе не покидало меня и теперь. Я нашелъ много лицъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, которыя можно было счесть татарскими, хотя въ общемъ въ нихъ было меньше европеизма,—если можно такъ выразиться. Замѣчалась также значительная примѣсь русской крови. У нѣкоторыхъ, особенно у мужчинъ, волосы были совсѣмъ русые, у двухъ-трехъ мужчинъ даже бѣлокурые; у другихъ же—русыя бородки. Впрочемъ, трудно установить—зависитъ ли бѣлокурый оттѣнокъ отъ примѣси русской крови, или былъ искони свойственъ этому племени. Если допустить послѣднее, то приходится предположить, что обиліе черноволосыхъ среди остяковъ обусловлено смѣшеніемъ ихъ съ другими инородческими племенами,—должно-быть, съ тунгузами, хотя съ этимъ можно поспорить. Во всякомъ случаѣ черноволосыхъ было тутъ огромное большинство. Бороды у многихъ были значительно больше и гуще, чѣмъ можно было бы ожидать встрѣтить у азіатскаго народа; но вообще бородатыхъ мужчинъ было не такъ много. У женщинъ

азіатскій типъ значительно болѣе рѣзко выраженъ; многія являлись брахицефалками, но раскосыхъ глазъ у нихъ не замѣчалось.

И здѣсь мнѣ удалось подмѣтить нѣсколько типовъ, особенно среди мужчинъ. У однихъ лица короткія и широкія, съ сравнительно плоскимъ и широкимъ книзу носомъ; у другихъ удлиненныя, съ рѣзко очерченнымъ, болѣе выступающимъ и узкимъ носомъ, словомъ—болѣе европейскаго типа. Въ отдѣльныхъ случаяхъ приподнятая форма бровей придаетъ глазамъ нѣсколько раскосый видъ. Какой изъ этихъ двухъ типовъ долженъ считаться первоначальнымъ и натуральнымъ для енисейскихъ остяковъ, рѣшить трудно. Первый изъ нихъ — болѣе короткія и широкія лица — имѣетъ больше сходства съ окружающими инородцами, съ одной стороны тунгузами, съ другой—остяками, и съ сѣверными самоѣдами: Второй, болѣе отличающійся отъ сосѣднихъ типовъ, наводитъ на мысль о примѣси европейской крови, хотя и не непремѣнно русской; особенно большого сходства съ русскими типами я не наблюдалъ, да и бороды у остяковъ куда скуднѣе. Большинство представителей того и другого типа были темноволосые, почти черные, но, какъ упомянуто, было много и русыхъ оттѣнковъ. Брахицефалы отличались вообще наиболѣе темными волосами. Цвѣтъ лица, вѣрнѣе кожи, былъ у всѣхъ свѣтлый, а не такой желтый или даже коричневатый, какъ, напримѣръ, у тунгузовъ.

У одного изъ костровъ сидѣла женщина и варила кашу изъ очень темной ржаной муки; въ мукѣ попадались комки, которые она растирала своей крохотной миловидной ручкой и бросала въ кашу обратно въ котелокъ. Мука напоминала скорѣе отруби. По словамъ женщины, каша предназначалась собакамъ и въ общемъ почти не отличалась отъ той, какою кормятъ собакъ у насъ, въ Норвегіи. Рядомъ съ очагомъ сидѣлъ мужчина, который что-то ѣлъ. Лицо у него было длинное, съ бородою, подернутою просѣдью, и

СѢДОБОРОДЫЙ ЕНИСЕЙСКІЙ ОСТЯКЪ (16 СЕНТ.).

ЕНИСЕЙСКАЯ ОСТЯЧКА (16 СЕНТ.).

ЕНИСЕЙСКІЕ ОСТЯКИ. МУЖЧИНЫ И ДѢТИ (16 СЕНТ.).

ЕНИСЕЙСКІЕ ОСТЯКИ. МУЖЧИНЫ И ДѢТИ (16 СЕНТ.).

мнѣ показалось, что въ немъ была значительная доля русской крови. Въ сущности у многихъ изъ нихъ были бороды съ просѣдью, что̀ вообще рѣдко встрѣчается у инородцевъ. Востротинъ спросилъ его, сколько за нимъ долгу купцу, и тотъ, сунувъ себѣ въ ротъ нѣсколько маленькихъ рыбокъ, которыя онъ запивалъ чаемъ, отвѣтилъ, что долженъ 500 рублей. Прошлою зимой онъ поймалъ всего четыре бѣлки, а рыбы за лѣто наловилъ всего-на-всего три пуда. Кромѣ того, зимой онъ добылъ нѣсколько лосиныхъ шкуръ. Такимъ образомъ расплачиваться съ долгами было почти не изъ чего. Другіе остяки отвѣчали на наши разспросы, что имъ удалось наловить пуда четыре рыбы, нѣкоторымъ пять, а инымъ до десяти. Только одинъ остякъ наловилъ сотню пудовъ на притокахъ Енисея, при чемъ рыба была все мелкая.

Несмотря на видимую бѣдность и возможную нужду въ будущемъ, всѣ остяки были удивительно веселы и довольны на видъ. Теперь они готовились двинуться въ путь въ родные лѣса, на зимовье. Здѣсь имъ больше нечего было дѣлать: они получили и нужные припасы и выпивку. Скоро они принялись нагружать лодки. По всему берегу закипѣла работа; поверхъ берестяныхъ крышъ укладывался разный домашній скарбъ, и женщинамъ было много дѣла. Пока мы разговаривали съ остякомъ, сидѣвшимъ, скрестивъ ноги, возлѣ очага, мы все время слышали тягучее и монотонное пѣніе мужского голоса, доносившееся изъ лодки, стоявшей совсѣмъ рядомъ. Востротинъ заглянулъ во внутрь лодки и спросилъ, не пьянъ ли еще ея обитатель. Тотъ отвѣтилъ, что онъ вовсе не пьянъ, а просто поетъ, потому что у него такая привычка. Онъ сейчасъ же выкарабкался изъ лодки и присѣлъ къ очагу, чтобы закурить трубку. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ совершенно трезвъ. Скоро къ намъ присоединилось еще нѣсколько остяковъ изъ другихъ лодокъ и изъ стоявшаго поблизости чума. Собралась цѣлая компанія изъ десяти или

одиннадцати мужчинъ и нѣсколькихъ женщинъ, а также ребятъ изъ лодки, у которой мы стояли. Среди нихъ попадались характерные типы; большинство мужчинъ были черноволосы и, за исключеніемъ двухъ-трехъ, безбородые; впрочемъ, это была главнымъ образомъ молодежь, тогда какъ бородатые были постарше. Бросалось въ глаза, что шлялись безъ дѣла, курили, зубоскалили и болтали только мужчины, тогда какъ женщины работали — сперва готовили пищу, а затѣмъ снаряжали лодки въ путь. У насъ, въ Европѣ, конечно, проводитъ время въ болтовнѣ дамскій полъ.

Мы пошли дальше къ югу, на другой конецъ берега, гдѣ было много лодокъ, а на пескѣ, вокругъ чайныхъ котелковъ, сидѣли вперемежку остяки и русскіе. Послѣдніе возились съ дѣтьми, готовясь выйти на рыбную ловлю. Оживленіе и суета были изрядныя. Въ лодкахъ находились главнымъ образомъ женщины, усердно готовившіяся къ отплытію. Туманъ началъ разсѣиваться, и сквозь него проглянуло яркое солнце. — Въ одномъ шалашѣ сидѣла за ѣдой группа женщинъ и мужчинъ, а въ висячей люлькѣ лежалъ совершенно голый ребенокъ.

Здѣсь намъ сообщили, что тутъ находится самый настоящій шаманъ. Когда мы выразили желаніе посмотрѣть на него, его сейчасъ же вызвали изъ одной лодки. Онъ былъ совершенно слѣпъ, такъ что его велъ подъ руку молодой парень. Слѣпецъ подтвердилъ намъ, что онъ дѣйствительно шаманъ, но ему нужно время, чтобы приготовиться шаманить, и кромѣ того для этого требовался особый чумъ. Погода однако уже достаточно прояснилась, и намъ некогда было тратить время, о чемъ мы и заявили. Тогда выяснилось, что шаманъ успѣетъ надѣть неполное облаченіе. Помощникъ его сбѣгалъ за одѣяніемъ. Священные предметы хранились въ маленькомъ четыреугольномъ деревянномъ ящикѣ, совсѣмъ новомъ съ виду; съ внутренней стороны на немъ былъ вырѣзанъ деревянный крестъ.

Войдя вмѣстѣ со своимъ ящикомъ въ чумъ, шаманъ усѣлся по-турецки и поставилъ ящикъ передъ собой. Втиснулись въ чумъ и мы съ цѣлой компаніей молодыхъ остяковъ, и тоже усѣлись прямо на землю.

Ящикъ былъ торжественно открытъ, и въ немъ оказалась мѣдная корона съ крестомъ наверху, немного похожая на королевскую корону среднихъ вѣковъ. Востротинъ и Лорисъ-Меликовъ объяснили мнѣ послѣ, что это былъ русскій брачный вѣнецъ. Тутъ же оказался и нагрудникъ съ крестами и орнаментами, походившій на священническое облаченіе; очевидно, это было жалкое подражаніе. Шаманъ надѣлъ на себя вѣнецъ и нагрудникъ. Теперь должно было начаться представленіе, но слѣпецъ вдругъ замолкъ, а потомъ заявилъ, что сперва долженъ получить съ насъ плату—по рублю съ человѣка, иначе онъ никакъ не могъ начать колдовать. Три рубля были уплачены. Онъ ощупалъ ихъ и позвенѣлъ ими, словно хотѣлъ убѣдиться, что деньги настоящія. Не странно ли, что духовенство всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ, и языческое и христіанское, знало цѣну деньгамъ!

Наконецъ онъ вдругъ затянулъ дрожащимъ голосомъ монотонный напѣвъ съ переливами, безпрестанно дѣлая крестное знаменіе и поклоны въ подражаніе православнымъ священникамъ. Потомъ поднялъ голову къ небесамъ, простеръ кверху руки и возвысилъ голосъ, словно призывая Всевышняго. Потомъ снова склонилъ голову къ землѣ и тихо забормоталъ, заклиная, очевидно, злыхъ духовъ. Въ общемъ это былъ большой комедіантъ, подражавшій изо всѣхъ силъ священникамъ.

Но вотъ голосъ его возвысился. Онъ снялъ вѣнецъ, надѣлъ его на своего помощника, а самъ усѣлся на свой деревянный ящичекъ. Пѣніе становилось все громче, жестикуляція неудержимѣе. Время отъ времени слѣдовали припѣвы, или нѣчто въ этомъ родѣ, которые всѣ присутствовавшіе должны были подхватывать. А быть-можетъ, какъ

въ церкви, всѣ вмѣстѣ произносили отдѣльныя фразы. Скоро голосъ его поднялся еще выше, и ему самому пришлось подняться,—онъ выпрямился во весь ростъ. Теперь онъ, должно-быть, мнилъ себя близко къ небесному Богу, и въ голосѣ его послышались дикія ноты. Вдругъ за чумомъ залаяла собака. Шаманъ рѣзко остановился и смолкъ. Потомъ сѣлъ, пробурчавъ что-то о томъ, что ему помѣшала собака, а „это животное нечистое, потому что ѣстъ экскременты". Пришлось ему начинать сначала, и вотъ представленіе повторилось во всѣхъ подробностяхъ—снова тотъ же монотонный напѣвъ, то же повышеніе голоса. Потомъ голосъ снова сталъ болѣе пронзительнымъ, началъ дрожать и переливаться.

Наконецъ онъ перешелъ къ прорицаніямъ; сказалъ, что въ чумѣ находится иностранецъ, потомъ человѣкъ близкій къ царю (должно-быть, Востротинъ, какъ членъ Думы) и наконецъ третій—хитрецъ, котораго надо остерегаться (вѣрно, онъ мѣтилъ на Лорисъ-Меликова, какъ дипломата!). Кромѣ того, онъ предсказалъ, что скоро начнется великая всеобщая война, но больше у насъ уже не было времени его слушать. Надо было ѣхать.

Когда шаманъ надѣваетъ на себя полное облаченіе, вокругъ него разставляются фигуры медвѣдей и другихъ лѣсныхъ обитателей. Если представленіе продолжается достаточно долго, шаманъ въ самомъ дѣлѣ впадаетъ въ полный экстазъ, который заражаетъ и зрителей, находящихся въ чумѣ, такъ что всѣ въ концѣ концовъ становятся невмѣняемыми.

Кастренъ говоритъ, что хотя остяки и христіане, но все же признаютъ трехъ могущественныхъ боговъ. Во-первыхъ, бога неба, котораго они называютъ Эсъ, богиню подземнаго царства, по имени Имля, и наконецъ бога земли, медвѣдя. Про медвѣдя они воображаютъ, что это не простой звѣрь, что обличье звѣря только маска, скрывающая человѣка божественной силы и знанія. То же пред-

ЕНИСЕЙСКІЙ ОСТЯКЪ (16 СЕНТ.).

ЕНИСЕЙСКІЙ ОСТЯКЪ. МАЛЬЧИКЪ (16 СЕНТ.).

ЕНИСЕЙСКІЙ ОСТЯКЪ. ШАМАНЪ (Сумароково, 16 СЕПТ.).

ЖИЛЫЯ ЛОДКИ ЕНИСЕЙСКИХЪ ОСТЯКОВЪ (Сумароково, 16 СЕНТ.).

ставленіе о медвѣдѣ держится, по словамъ Кастрена, среди тунгузовъ, самоѣдовъ и всѣхъ финскихъ племенъ, а я могу прибавить отъ себя, что оно не чуждо и нашему народу: въ норвежскихъ сказкахъ медвѣди сплошь и рядомъ оказываются принцами въ звѣриной шкурѣ, а норвежское простонародье вполнѣ увѣрено, что если силою медвѣдь поспоритъ съ десяткомъ людей, то умомъ—съ цѣлою дюжиною. Енисейскіе остяки возводятъ медвѣдя въ стражи всего подземнаго міра духовъ, власть надъ которыми онъ дѣлитъ съ Имлей. Впрочемъ, оба они, повидимому, подчинены богу неба.

Шаманы, разумѣется, находятся въ особенно тѣсномъ общеніи съ этими надземными и подземными силами, которыя одарили ихъ свойствомъ исцѣлять болѣзни, заклинать злыхъ духовъ и предвѣщать будущее; въ этомъ отношеніи они очень похожи на нашихъ норвежскихъ гадалокъ, которыя также являются пережиткомъ язычества.

Тѣмъ временемъ туманъ окончательно разсѣялся, и времени терять не приходилось. Намъ нужно было вернуться на „Омуль“ и возможно скорѣе сняться съ якоря. Многіе остяки также приготовились къ отплытію. Зрѣлище было очень живописное. Они отталкивались отъ берега шестами; утренній туманъ клубился отъ берега въ южномъ направленіи, а сзади нихъ на сверкавшую воду и на туманъ свѣтило яркое солнце. Повсюду кипѣла жизнь и суматоха. Многіе остяки стояли на крышахъ своихъ лодокъ, и имъ подавали съ берега скарбъ, который они сбрасывали въ лодки.

Лорисъ-Меликовъ и здѣсь встрѣтилъ земляковъ, а именно двухъ политическихъ ссыльныхъ изъ армянъ. Одинъ изъ нихъ, кузнецъ, былъ приблизительно того же типа, что̀ и нашъ дипломатъ. Кузнецъ этотъ разсказалъ ему, что приставъ въ Туруханскѣ былъ большой пройдоха, особенно по отношенію къ армянамъ. Онъ сообщилъ также, что имъ выдаютъ по 15 рублей въ мѣсяцъ на пропитаніе,

если даже они сами немного подрабатываютъ. Тутъ, въ деревнѣ, они, впрочемъ, ничего не дѣлали, такъ какъ жители были такіе бѣдняки, у которыхъ грѣшно было перебивать работу. Всего въ Сумароковѣ проживало шесть ссыльныхъ кавказцевъ. Одинъ болтливый купецъ, съ которымъ мы встрѣтились днемъ позже въ Вороговѣ, считалъ политическихъ ссыльныхъ сущимъ наказаніемъ для страны. И нисколько не удивлялся тому, что они не хотятъ работать. По его словамъ, сумароковскіе ссыльные обыграли его сына на 700 рублей въ карты. Правда ли это—конечно, вопросъ. Впрочемъ, если сынокъ похожъ на отца, то, мнѣ кажется, по дѣломъ ему было.

XI. ИЗЪ СУМАРОКОВА ВЪ ЕНИСЕЙСКЪ.

Горные отроги вдоль рѣки. — Золотоносная страна. — Монастырскій островъ.—Осиновскіе пороги.—Зимняя ловля осетровъ на порогахъ.—Зимнія работы на днѣ рѣчномъ.—Ворогово и первая телеграфная станція.—Навозъ не цѣнится въ Сибири.—Телеграфировать можно только русскими буквами.—Тунгузъ.—Купцы—симпатичный и несимпатичный.—Лѣсной романтизмъ.—Хлѣбопашество и скотоводство.—Все то же различіе береговъ западнаго и восточнаго.—Общинное и хуторское хозяйство.—Удобреніе земли и сѣвооборотъ.—Лѣсъ пилятъ ручнымъ способомъ.—Назимовская телеграфная станція. — Погоня за хлѣбомъ.—На мели.—Холмогорская осетрина.—Протухшая рыба.—Прибытіе въ Енисейскъ.

Въ десять часовъ утра мы снялись съ якоря и направились дальше къ югу отъ оживленной ярмарки; лодки остяковъ одна за другой тоже отчаливали отъ берега. Скоро и вся флотилія отправится во-свояси, предоставивъ селу справлять полугодовыя поминки. Если самыя поминки будутъ похожи на вечернюю репетицію, то время пройдетъ весело. Намъ же предстояло постараться поскорѣе добраться до пороговъ. День уже былъ на исходѣ, но моторъ работалъ усердно, погода стояла тихая, солнечная, и мы быстро подвигались впередъ.

Покрытые лѣсами горные отроги, которые прежде виднѣлись въ глубинѣ страны, восточнѣе Енисея, теперь подступили къ самой рѣкѣ; южнѣе Сумарокова они переходятъ на западный берегъ и идутъ вдоль рѣки къ югу,

образуя крутой подъемъ. Восточный берегъ здѣсь много ниже и ровнѣе западнаго, но и по нему, нѣсколько отступя вглубь страны, тянется лѣсистый отрогъ; лишь значительно южнѣе послѣдній подступаетъ къ самому берегу,—тамъ, гдѣ рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ. Въ этомъ мѣстѣ противоположный западный берегъ снова становится низкимъ, такъ какъ Сумароковскій отрогъ продолжается въ южномъ направленіи вглубь страны и, вѣроятно, доходитъ вплоть до горъ у южныхъ пороговъ.

Поскольку я могъ судить издали, отроги эти состоятъ отчасти изъ рыхлаго матеріала. Во многихъ мѣстахъ замѣтны слѣды обваловъ и виднѣлись глубокія русла и размывы съ осыпавшимися песчаными краями. Всюду песокъ да глина. Но, по всей вѣроятности, это были верхніе наносные слои; глубже мы неизбѣжно наткнулись бы на твердый скалистый грунтъ.

Путь нашъ лежалъ мимо Подкаменной Тунгузки, гдѣ начинаются золотоносныя мѣста. Вдоль этой рѣки, по направленію къ восточнымъ хребтамъ, въ глубинѣ страны и на юго-востокъ отъ Енисея, находятся богатѣйшія золотыя розсыпи этой части Сибири. По разсказамъ Востротина, у котораго тоже есть золотые пріиски, первое золото было найдено близъ Ангары въ 1838 году, а въ сороковыхъ годахъ—и дальше къ сѣверу. Существуетъ преданіе, будто первыя золотыя крупинки были найдены туземцами въ зобу у глухаря. Скоро появилось много пришельцевъ, которые занялись промывкою золотоноснаго песку вдоль рѣкъ. Сначала они пріѣзжали съ Урала, а потомъ стали наѣзжать и изъ Петербурга и изъ другихъ мѣстъ Россіи. На одномъ участкѣ было добыто 20.000 пудовъ, на другомъ 10.000 пудовъ,—всего 38.000 пудовъ, при чемъ около половины этого количества было добыто на небольшомъ пространствѣ по берегамъ двухъ рѣчекъ, текущихъ къ сѣверу и къ югу отъ водораздѣла между рѣкой Питъ и Подкаменной Тунгузкой.

ОТПЛЫТІЕ ЛОДОКЪ ЕНИСЕЙСКИХЪ ОСТЯКОВЪ (Сумароково, 16 СЕНТ.).

У МОНАСТЫРСКАГО, БЛИЗЪ ПОРОГОВЪ (16 СЕНТ.).

ТЕЛЕГРАФНАЯ СТАНЦІЯ ВЪ ВОРОГОВѢ (16 СЕНТ.).

Открытіе мѣстонахожденія золота имѣло для края и свои неудобства. Съ наплывомъ золотоискателей увеличился сбытъ мѣстныхъ продуктовъ; кромѣ того, многіе коренные жители сами стали владѣльцами пріисковъ и разбогатѣли, что́ очень отразилось и на внѣшнемъ видѣ селеній, находящихся къ югу, вдоль Енисея, гдѣ добывалось золото. Зато цѣны на рабочія руки и на продукты выросли къ невыгодѣ селеній, находящихся къ сѣверу отъ золотоносныхъ областей, въ Туруханскомъ краѣ. Тамошніе жители, вовсе не получая или получая очень мало выгодъ отъ пріисковъ, стали терпѣть нужду вслѣдствіе вздорожанія ввозимыхъ въ край предметовъ первой необходимости. Изъ предметовъ же мѣстнаго сбыта мало что поднялось въ цѣнѣ; самое большое, если жителямъ удавалось продать свою рыбу по болѣе высокой расцѣнкѣ. Вышло такимъ образомъ, что вздорожаніе жизни, вызванное добычей золота въ южной части края, много способствовало упадку сѣверной части Туруханскаго края.

Дѣло было уже подъ вечеръ, когда мы стали приближаться къ порогамъ. Вверхъ по рѣкѣ попадались красивые острова, одѣтые лѣсомъ. Берега ихъ походили на хорошо содержащійся паркъ, въ которомъ лиственныя деревья—большею частью береза—росли вперемежку съ хвойными; почва подъ деревьями была такъ чиста, что глазъ невольно искалъ вдоль рѣки дорожекъ, посыпанныхъ пескомъ. Затѣмъ на западномъ берегу появились скалы, а на восточномъ откосы глинистаго сланца съ бѣлыми прожилками. Отвѣсныя, гладкія съ боковъ, а наверху поросшія лѣсомъ скалы напоминали прибрежныя скалы Норвегіи. Посреди рѣки, вверхъ по теченію, лежалъ высокій скалистый Монастырскій островъ.

Горные хребты по обѣимъ сторонамъ рѣки, повидимому, представляютъ твердыя породы. Они приблизительно одинаковой высоты и лежатъ, очевидно, почти на одномъ уровнѣ съ болѣе сѣверными хребтами, сложенными изъ

рыхлыхъ породъ. Хребты на восточномъ берегу совершенно плоскіе и, повидимому, показываютъ первоначальный уровень почвы, въ которой рѣка прорыла свое русло.

Теченіе становилось все сильнѣе по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ порогамъ, огибая Монастырскій островъ, находящійся по серединѣ рѣки. Но вотъ ущелье раздвинулось, и прямо намъ навстрѣчу ринулась сверкающая мощная масса воды. Величественное зрѣлище! Вода пѣнилась на порогахъ лишь возлѣ мысовъ, а посерединѣ быстрота теченія выравнивала водную поверхность, на которой лишь кое-гдѣ виднѣлись водовороты и быстрины. Пароходъ дрожалъ подъ напоромъ теченія, пробираясь впередъ подъ выступающимъ лѣсистымъ берегомъ.

По мѣрѣ возможности мы старались пользоваться обратнымъ теченіемъ, но, миновавъ Монастырскій островъ, вынуждены были пересѣчь пороги, чтобы добраться до островка, лежавшаго по другую сторону. Мощнымъ потокомъ насъ несло наискось. Начинало уже смеркаться. Надъ нами ползли тяжелыя грозныя тучи, казалось, задѣвавшія темныя вершины лѣса, а подъ нами неудержимо неслась буйная масса воды. И душа невольно проникалась чувствомъ полной зависимости отъ могучихъ силъ природы.

По другую сторону островка намъ удалось попасть въ болѣе спокойное обратное теченіе, но скоро мы снова очутились по серединѣ потока, пока наконецъ не достигли противоположнаго берега.

Становилось все темнѣе; западную часть небосклона затянули синія тучи, лишь изрѣдка пропуская проблески солнечнаго заката. Темная водная масса стремительно неслась мимо насъ. Мрачной мощью вѣяло отъ этой картины. Выше по теченію ущелье вновь суживалось, и рѣка съ еще большей стремительностью пробивала себѣ путь. Мы съ трудомъ подвигались вдоль берега; миновавъ же это мѣсто, вновь попали въ болѣе спокойное теченіе и прошли еще нѣкоторое разстояніе, прежде чѣмъ стали на якорь у

песчанаго островка. Поодаль на берегу пылалъ костеръ; вѣрно, тамъ устроились на ночлегъ рыбаки.

Проходя послѣдніе пороги передъ этимъ островкомъ, мы видѣли на берегу много избушекъ. Въ нихъ живутъ по зимамъ рыбаки, занимающіеся ловлей осетровъ подо льдомъ, въ ямахъ между порогами, достигающихъ глубины свыше 60 метровъ. Въ такихъ ямахъ и устраиваются осетры на зимовку.

Среда, 17 сентября. На слѣдующее утро мы рано отправились дальше по порогамъ. Фарватеръ былъ отмѣченъ красными и бѣлыми вѣхами и крупными бакенами, такъ какъ тутъ много мелей и подводныхъ камней.

Востротинъ разсказывалъ, какъ здѣсь пользуются зимними морозами для расчистки дна рѣки отъ камней и песчаныхъ банокъ. Въ толщѣ рѣчного льда выдалбливаютъ широкія углубленія, стараясь однако не пробить льда насквозь. Къ слѣдующему дню подъ оставленною тонкою ледяною корою намерзаетъ новый пластъ льда; тогда въ новой толщѣ выдалбливается новое углубленіе, и такъ далѣе; удаляя день за днемъ пласты извѣстной толщины, заставляютъ воду замерзать все на большей и большей глубинѣ и добираются до самаго дна. Такимъ путемъ образуется нѣчто въ родѣ шахты съ ледяными стѣнками, гдѣ можно работать съ удобствомъ, оставаясь сухимъ, поднимать камни и вычерпывать песокъ, гдѣ нужно. Повидимому, это весьма практичный способъ использованія суровой природы.

Востротинъ говорилъ, что подобный же способъ примѣняется и золотоискателями для обнаруженія золота въ руслахъ рѣкъ и на болотистыхъ берегахъ. Черезъ ледяныя шахты они добираются до самаго дна рѣки и изслѣдуютъ рѣчной песокъ. На болотистыхъ берегахъ они поступаютъ чаще всего такимъ образомъ: зимой, когда все замерзнетъ, разводятъ костеръ на поверхности земли и заставляютъ оттаять верхніе слои почвы, которые затѣмъ удаляютъ,

снова разводятъ огонь и продѣлываютъ ту же операцію, повторяя ее до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ желаемой глубины. Сдѣлавъ нѣсколько ямъ нужной глубины одну возлѣ другой, можно легко получить поперечный разрѣзъ рѣчной долины и узнать, не залегаютъ ли тамъ золотоносные песчаные пласты.

Утро, съ дождемъ и холоднымъ вѣтромъ, напоминало осеннее, но попозже погода прояснилась, и показалось солнце. Въ этотъ день намъ предстояло добраться до перваго пункта, откуда поддерживались сношенія съ внѣшнимъ міромъ, а именно до Ворогова, гдѣ находилась телеграфная станція. Тамъ, быть-можетъ, насъ ожидали телеграммы? Когда мы миновали пороги, берега опять пошли болѣе низменные, состоявшіе изъ рыхлыхъ слоевъ, большею частью изъ песку, и мѣстность снова стала болѣе плоской.

Послѣ полудня мы обогнали лодку, наполненную рыболовными сѣтями. Въ лодкѣ сидѣло нѣсколько женщинъ и одинъ мужчина на рулѣ, а по берегу шелъ другой, съ собакой, таща лодку на бечевѣ противъ теченія. Лодка выѣзжала на рыбную ловлю и теперь возвращалась домой. Нѣсколько дальше на берегу курился синій дымокъ надъ рядомъ шалашей, ютившихся въ прибрежномъ лознякѣ; тамъ же лежали вытащенныя на берегъ лодки и сушились сѣти. Все вмѣстѣ напоминало индѣйскій лагерь изъ романовъ Фенимора Купера, и недоставало только, чтобы за шалашами или вигвамами мы узрѣли Оленьяго Охотника съ копьемъ и компанію воинственныхъ индѣйскихъ вождей съ орлиными перьями въ черныхъ волосахъ. Вмѣсто нихъ мы увидали лишь мирныхъ русскихъ, лѣниво отдыхавшихъ на солнышкѣ, пока лодка, влекомая мужикомъ и собакой, приближалась къ нимъ.

Далеко впереди я уже различалъ бѣлыя стѣны и купола Вороговской церкви, возвышавшейся надъ равниной и лѣсомъ. Въ бинокль разглядѣлъ я также крыши домовъ въ деревнѣ. Теперь пора было приготовить телеграммы, кото-

рыя мы собирались посылать: временемъ для долгой стоянки мы не располагали—нужно было ѣхать дальше, чтобы поспѣть въ Енисейскъ къ 21-му.

Наконецъ около четырехъ часовъ дня мы бросили якорь и съѣхали на берегъ. Дорога съ берега въ село, какъ и всѣ сибирскія дороги, шла прямо по горѣ изъ коровьяго навоза, который годъ за годомъ выбрасывается изъ села на берегъ; да и въ самомъ селѣ улицы почти сплошь завалены навозомъ, въ которомъ можно увязнуть довольно глубоко, если сойдешь съ пѣшеходныхъ мостковъ, проложенныхъ вдоль улицъ. Особенно плохо бываетъ послѣ дождя, когда навозъ превращается въ жижу, какъ, напримѣръ, сегодня. Сибирскій крестьянинъ еще не дорось до того, чтобы удобрять свою землю. Онъ воображаетъ, что навозъ портитъ землю. И строить хлѣва, гдѣ можно копить навозъ, онъ тоже еще не научился; коровы большею частью свободно разгуливаютъ по улицамъ.

Едва мы поднялись въ гору, какъ Востротинъ, разумѣется, встрѣтилъ знакомаго, который восторженно привѣтствовалъ его. У этого знакомаго было мужественное лицо, обрамленное русой бородой, совсѣмъ какъ у норвежскаго крестьянина. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ политическій единомышленникъ Востротина, поддерживавшій послѣдняго на выборахъ. Онъ пошелъ впередъ, указывая намъ дорогу и сгоняя съ мостковъ коровъ, и привелъ насъ въ маленькую телеграфную станцію, гдѣ помѣщались также почтовая контора и сберегательная касса.

Насъ принялъ телеграфистъ въ формѣ. Телеграммъ для насъ однако не оказалось, и пришлось утѣшиться старинной поговоркой, что „отсутствіе вѣстей — добрыя вѣсти“, ибо дурныя всегда приходятъ достаточно быстро. Хуже было то, что не приняли нашихъ телеграммъ, написанныхъ латинскими буквами: здѣсь умѣли передавать только русскій алфавитъ. Такимъ образомъ оказалось невозможнымъ послать телеграмму въ Норвегію или въ другую какую

нибудь страну, кромѣ Россіи. Но инженеру Вурцелю я все же съ помощью моихъ друзей могъ послать телеграмму по-русски съ извѣщеніемъ, что я надѣюсь добраться до Красноярска не позднѣе 25 сентября. А Востротинъ телеграфировалъ въ Енисейскъ своему брату, прося его отправить оттуда, на одномъ изъ западно-европейскихъ языковъ, телеграмму моимъ дѣтямъ съ извѣщеніемъ, что я еще живъ и прошу ихъ немедленно телеграфировать въ Енисейскъ.

Станція обслуживалась четырьмя чиновниками, и всѣ они были въ формѣ, въ родѣ военной, какъ и полагается въ этой „мундирной“ странѣ. Но дѣломъ они, какъ видно, не были обременены: за послѣднія двѣ недѣли пришла всего одна телеграмма, и четырехъ человѣкъ для такой работы было болѣе, нежели достаточно. Словомъ, эта станція, пожалуй, перещеголяла въ смыслѣ ничегонедѣланія норвежскую телеграфную станцію на Шпицбергенѣ, гдѣ норвежское государство имѣетъ больше дохода отъ продажи щенковъ упряжныхъ собакъ, чѣмъ отъ депешъ. Востротинъ и Лорисъ-Меликовъ тоже послали нѣсколько телеграммъ, такъ что четверымъ чиновникамъ представился случай сразу поработать больше, чѣмъ за многіе мѣсяцы.

Когда мы покончили съ этимъ дѣломъ, Востротинъ отправился къ своему пріятелю-купцу, чтобы закупить чего-нибудь съѣстного. Онъ всегда очень хлопоталъ о нашемъ столѣ, считая своей обязанностью заботиться о гостяхъ своей страны, и, надо отдать ему справедливость, былъ замѣчательно гостепріимнымъ хозяиномъ. Въ лавкѣ мы встрѣтили пьянаго тунгуза, отличавшагося отъ остальныхъ мѣстныхъ жителей болѣе желтымъ цвѣтомъ кожи и татуировкой на лицѣ. Отъ угловъ глазъ шли вдоль щекъ до самаго подбородка два полумѣсяца. Это, повидимому, обычный рисунокъ татуировки у тунгузовъ; у Миддендорфа можно найти много подобныхъ примѣровъ. Я выразилъ удивленіе, что мы за все путешествіе встрѣчаемъ перваго тунгуза, хотя ихъ немало въ этомъ краю, и мнѣ объяснили,

что тунгузы народъ сравнительно состоятельный, держатъ много оленей, которыхъ надо пасти, вотъ и ютятся больше въ лѣсахъ, а не занимаются рыбной ловлей въ рѣкахъ, какъ болѣе бѣдные енисейскіе остяки. У послѣднихъ нѣтъ ничего кромѣ собакъ, женъ и дѣтей да кое-какого домашняго скарба, который они таскаютъ за собой съ мѣста на мѣсто.

Намъ было пора возвращаться на пароходъ. На берегу тѣмъ временемъ какой-то торговецъ присталъ къ Лорисъ-Меликову съ разспросами — почему мы обратились не къ нему, а къ другому лавочнику, у котораго-де ровно ничего нѣтъ, а если и есть, такъ краденое у него же. Онъ-де первое лицо здѣсь, въ селѣ, къ нему намъ и слѣдовало обратиться. Это былъ тотъ самый человѣкъ, который жаловался на ссыльныхъ въ Сумароковѣ, будто бы обыгравшихъ его сына въ карты. Востротинъ потомъ разсказывалъ, что торговецъ этотъ, недавно поселившійся здѣсь, отличается большимъ консерватизмомъ, тогда какъ другой—либералъ. Послѣдній, прежде чѣмъ мы снялись съ якоря, привезъ намъ на лодкѣ сушоной рыбы въ подарокъ.

Въ ожиданіи команды, которая тоже была отпущена на берегъ, мы сидѣли на палубѣ и наблюдали за тѣмъ, что происходило на берегу; тамъ мало-по-малу собралось порядочно народу—мужиковъ, бабъ и ребятишекъ, явившихся поглазѣть на насъ и на пароходъ, появленіе котораго было, вѣрно, немалымъ событіемъ въ ихъ однообразной жизни. У большинства были пріятныя, открытыя лица; немало встрѣчалось свѣтло-русыхъ, такъ что легко было вообразить себя на пристани какой-нибудь деревушки въ норвежскомъ фьордѣ.

Скоро на берегу появился и младшій телеграфистъ въ формѣ, которому теперь-то и понадобилось прогуляться, когда на станціи появилась работа—наши телеграммы. Но стоило ли торопиться съ отправкой какихъ-то телеграммъ? Въ этой странѣ вообще не любятъ торопиться! Кромѣ

того, трое остальныхъ свободно могли справиться и безъ него. Онъ присоединился къ группѣ дѣвушекъ и принялся балагурить съ ними. Затѣмъ къ нимъ подошелъ еще одинъ молодчикъ съ сумой, набитой провизіей, и съ котелкомъ. Началась оживленная бесѣда, затѣмъ всѣ спустились къ одной изъ лодокъ, уложили припасы и отчалили. Очевидно, отправлялись на пикникъ на весь вечеръ, а быть-можетъ и на ночь. Усаживаясь въ лодку, они громко смѣялись и вообще были такъ милы въ своемъ юношескомъ веселѣ, что невольно хотѣлось пожелать имъ хорошенько провести время. Вотъ они усѣлись и отплыли съ телеграфистомъ на рулѣ, а станція и наши телеграммы остались на попеченіи троихъ остальныхъ.

Наконецъ вернулась наша команда, мы снялись съ якоря и около половины шестого отправились дальше. Шли долго, пользуясь луннымъ свѣщеніемъ и хорошей погодой, чтобы пройти какъ можно большій конецъ пути, и лишь въ десять часовъ вечера вновь стали на якорь.

Ночь выдалась тихая и удивительно красивая. Кругомъ безграничное синее пространство и блестящая, какъ зеркало, вода, отражающая прибрежныя березы. На востокѣ, на крутомъ склонѣ, безконечный темный лѣсъ, окутанный зыбкою лунною дымкой. Душа упивается тишиною этого огромнаго лѣсного міра, озаряемаго мягкимъ луннымъ свѣтомъ. И страннымъ кажется, что эти необозримыя лѣсныя пространства съ ихъ рѣками и туземцами никогда такъ не плѣняли дѣтской фантазіи, какъ дѣвственные лѣса Америки съ ея краснокожими. Названія рѣкъ—Енисей, Лена, Ангара, Тунгузка, Байкалъ, и племенъ—остяки, тунгузы, якуты, никогда не звучали такъ соблазнительно въ ушахъ мальчугановъ, какъ Гудзонъ, Делаваръ, большія озера, могикане, делавары или сіу. Не потому ли, что лѣса Сибири еще не нашли своего Купера? Самая жизнь здѣсь вѣдь не менѣе фантастична.

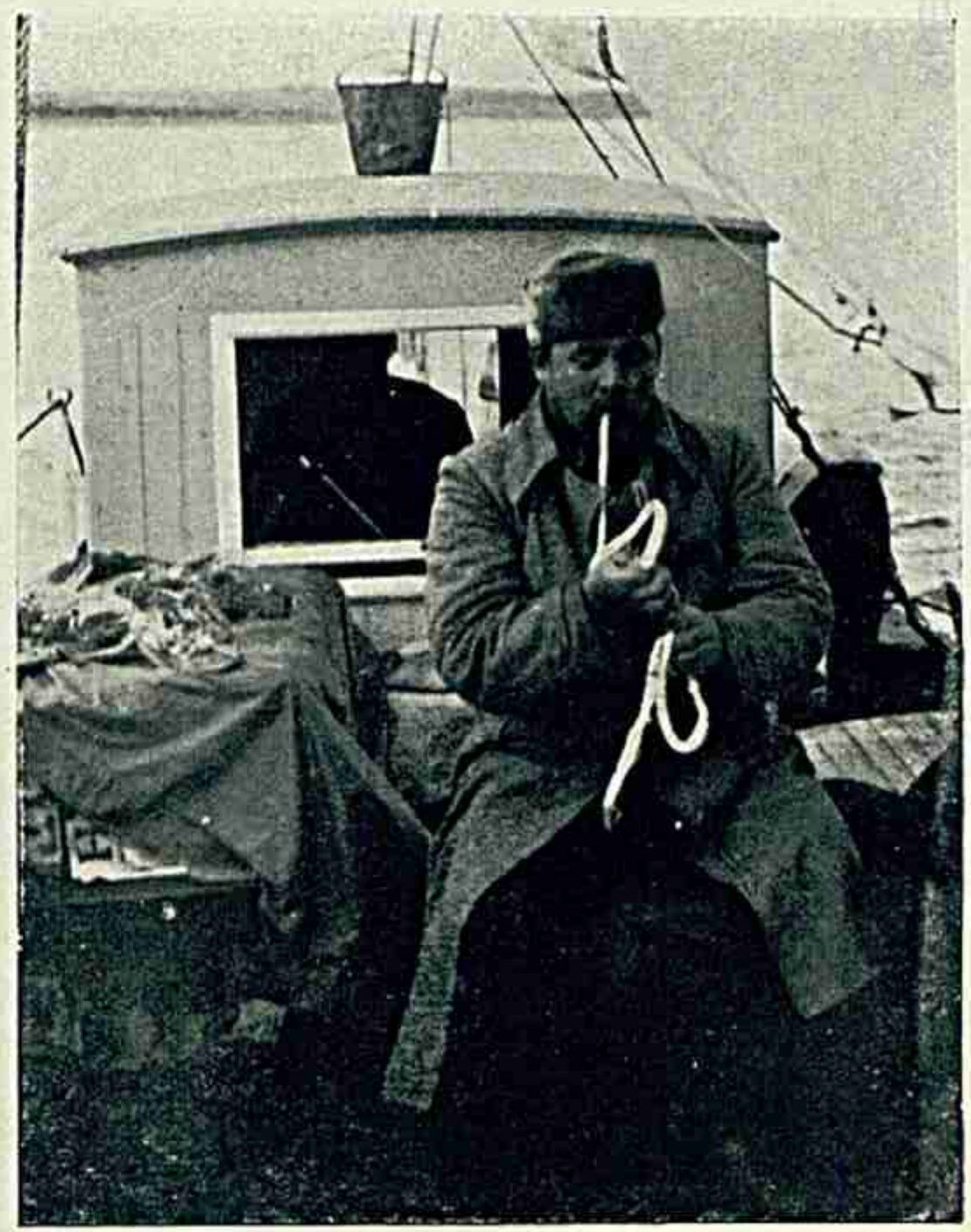
Но, какъ исчезли по американскимъ рѣкамъ огромные

ВОРОГОВО. НАВОЗНАЯ ГОРА, ПО КОТОРОЙ ПОДЫМАЮТСЯ СЪ БЕРЕГА ВЪ СЕЛЕНІЕ (17 СЕНТ.).

ВОРОГОВО. ПЬЯНЫЙ ТУНГУЗЪ (17 СЕНТ.).

КАПИТАНЪ „ОМУЛЯ“ КУШАЕТЪ ВЯЗИГУ (20 СЕНТ.).

лѣса съ ихъ краснокожими обитателями, уступивъ мѣсто воздѣланнымъ полямъ, лишеннымъ дикой красоты, и довольно прозаическимъ фермерамъ, такъ же исчезнутъ и сибирскіе лѣса съ ихъ коренными обитателями. Лѣтъ черезъ сто, даже черезъ пятьдесятъ, лѣсовъ навѣрное уже не будетъ, какъ не будетъ и шалашей бродячихъ охотниковъ за пушнымъ звѣремъ. Вся мѣстность превратится въ тривіальную плоскость съ воздѣланными полями, такую же скучную, какъ сѣверно-нѣмецкая равнина, но зато способную прокормить милліоны жителей. Мѣсяцъ по-прежнему будетъ сіять надъ тихо струящеюся гладью Енисея, не будетъ только этой величавой тишины. Да и теперь въ нее уже ворвался посторонній звукъ. Далеко на востокѣ идетъ работа на пріискахъ, гдѣ добываютъ металлъ, могучій пособникъ добра и зла, обогатившій здѣсь многихъ и обездоливший еще больше народу.

Сегодня ночью на палубѣ холодно. Паруса замерзли и первый разъ за все путешествіе подернулись инеемъ. Это осень приближается. Надъ рѣкой, на югѣ, поднимается дымка тумана. Можно опасаться, что онъ сгустится къ завтрашнему утру.

Четвергъ, 18 сентября. Тумана не было, но зато пошелъ дождь. Въ шесть часовъ утра мы тронулись дальше; мѣстность почти такая же плоская и лѣсистая, какъ къ сѣверу отъ Сумарокова, лишь кое-гдѣ перемежающаяся холмами. По берегу все чаще и чаще встрѣчаются скошенные луга со стогами сѣна.

Мы понемногу подвигаемся къ югу, въ земледѣльческія мѣстности, но мнѣ сдается, что и много сѣвернѣе—прекрасныя условія, если не для хлѣбопашества, то для скотоводства. Почва—черноземъ, и, если снять лѣсъ да распахать землю, получились бы отличныя поля. Кромѣ травъ на дальнемъ сѣверѣ хорошо идутъ корнеплоды, да и хлѣбопашество могло бы вестись здѣсь, какъ ведется у насъ въ горныхъ долинахъ; надо только расчистить почву, но въ

этомъ-то, повидимому, и кроется затрудненіе. Лѣсъ цѣны здѣсь не имѣетъ, или же цѣнится такъ низко, что вырубать его на бревна невыгодно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, лѣсъ является врагомъ, котораго необходимо побѣдить, чтобы отвоевать мѣсто для пастбищъ и полей. Вырубка и корчеваніе пней представляютъ однако столь трудную работу, которая врядъ ли принесетъ выгоду тому, кто ее предприметъ, хотя она и можетъ пойти на пользу потомкамъ. Во многихъ мѣстахъ климатъ вѣдь слишкомъ суровъ, чтобы у сѣятелей была надежда собрать урожай съ первыхъ же посѣвовъ.

Лѣсъ принадлежитъ казнѣ и безъ особыхъ затрудненій отдается на срубъ или подъ распашку. Но странно было бы ожидать, чтобы новоселы стремились на сѣверъ, когда—по крайней мѣрѣ не такъ давно—можно было получить сколько угодно земли въ болѣе южной степной мѣстности, гдѣ климатъ мягче и гдѣ стоитъ только пройтись плугомъ, чтобы получить богатый урожай. Но придетъ чередъ и для этихъ мѣстъ, при чемъ особенно должны развиться здѣсь скотоводство и молочное хозяйство. Богатѣйшая страна, имѣющая богатѣйшія перспективы!

Лѣтняя погода вдругъ сразу смѣнилась осеннею, съ дождемъ и холоднымъ вѣтромъ. Высокія березы уже потеряли листву и простирали къ небу голыя вѣтви. А вѣдь минула только половина сентября. Осень здѣсь, пожалуй, наступаетъ мѣсяцемъ раньше, чѣмъ у насъ дома; мы находимся на 60° с. ш., т.-е. на широтѣ Христіаніи.

Когда мы сидѣли вечеромъ на якорѣ въ Ярцевѣ, намъ привезли чудесной брусники и дикихъ черешенъ, которыя всѣ ѣдятъ здѣсь, въ Сибири. Много здѣсь и лѣсныхъ ягодъ: морошки,—которой мы, впрочемъ, не видали,—малины, черники и земляники. Дикая смородина, черная и красная, также, говорятъ, встрѣчается далеко на сѣверѣ, даже сѣвернѣе Курейки, но самъ я ея не видалъ.

Пятница, 19 сентября. Мы торопимся все больше и

больше. Сегодня мы тронулись въ путь въ половинѣ пятаго утра. Нельзя терять времени, если хотимъ добраться до Енисейска къ воскресенью.

Начиная съ 60° с. ш. къ югу, по восточному берегу рѣки, идетъ одѣтый лѣсомъ горный отрогъ, западный же берегъ совсѣмъ низкій и состоитъ изъ рыхлыхъ породъ. На низкомъ берегу расположены деревни. Странно, что здѣсь мы опять встрѣчаемся съ этой разницей между правымъ и лѣвымъ берегомъ рѣки. Объясняется это вращеніемъ земного шара, но кромѣ того здѣсь сказывается и различіе геологическаго строенія береговъ. На правомъ (восточномъ) начинается горная страна съ подъемомъ къ востоку, западный же берегъ низкій, плоскій, песчаный. По-моему, рѣка перемѣщалась вправо на востокъ по низменности, пока не наткнулась на скалы и не потекла вдоль нихъ, а встрѣтивъ пороги, принуждена была пробиваться между камнями и свернуть вправо, образовавъ предварительно расширеніе со множествомъ острововъ.

Южнѣе, въ окрестностяхъ Сергѣева, мѣстность снова плоская, какъ было дальше къ сѣверу, и нигдѣ не видно острововъ.

Теперь мы добрались наконецъ до земледѣльческой полосы, которая тянется отсюда на тысячи верстъ, вплоть до Монголіи. И всюду здѣсь живутъ деревнями, или „міромъ“, т.-е. небольшими общинами, и владѣютъ землей сообща, при чемъ поля, которыя воздѣлываетъ каждый въ отдѣльности, вновь распредѣляются между членами общины черезъ нѣкоторые промежутки времени, что̀, разумѣется, не обходится безъ сваръ и ссоръ. На мой взглядъ, такая система сильно тормозитъ совершенствованіе земледѣлія; очевидно, если человѣкъ является собственникомъ земли и знаетъ, что она будетъ принадлежать ему всю жизнь, а затѣмъ перейдетъ къ его дѣтямъ, онъ гораздо охотнѣе будетъ удобрять ее и воздѣлывать, чѣмъ если земля принадлежитъ общинѣ, и каждый получаетъ свой надѣлъ,

вѣрнѣе, нѣсколько небольшихъ надѣловъ, лишь на время, хотя бы и на довольно долгій срокъ.

Къ такому же выводу пришло и русское правительство. У всѣхъ открылись глаза на недостатки общиннаго или „мірского“ хозяйства. Цѣлый рядъ законовъ послѣднихъ лѣтъ далъ крестьянамъ право требовать въ полную собственность надѣлы, которые обрабатывались издавна его семьей, а также право обмѣнивать ихъ на отруба. Больше всѣхъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ покойный министръ Столыпинъ, поддерживаемый наиболѣе развитыми крестьянами. Въ Европейской Россіи ежегодно огромное количество надѣловъ обмѣнивается теперь на отруба. Что Столыпинъ намѣревался устроить подобное же и въ Сибири, видно изъ его доклада послѣ путешествія туда въ 1910 году. Общинное владѣніе землей держится просто по старинѣ; его, какъ и „деревню“, здѣшній крестьянинъ принесъ съ собою изъ Европейской Россіи, гдѣ этотъ укладъ жизни строился въ теченіе многихъ сотенъ лѣтъ. Совмѣстное хозяйство имѣло, а можетъ-быть, и еще имѣетъ свои преимущества: многія работы легче производить сообща, да и жить въ деревнѣ веселѣе, чѣмъ на хуторахъ. Во всякомъ случаѣ не въ натурѣ русскаго крестьянина жить въ одиночку, какъ живетъ большинство норвежскихъ крестьянъ. А въ Сибири ко всему прочему прибавляется еще одно обстоятельство: въ этихъ краяхъ много бродячаго люда, не всегда благонамѣреннаго, а потому жить въ одиночку страшновато—рискуешь быть ограбленнымъ.

Но нетрудно замѣтить, что за послѣдніе годы и въ Сибири произошли въ этомъ отношеніи перемѣны. Въ 1911 году были выдѣлены на отруба 255 семей, а въ 1912 году—3.354 семьи, т.-е. въ тринадцать разъ больше; движеніе приняло такіе размѣры, что въ 1912 году были заняты всѣ земельные участки, предназначенные для хуторовъ, и къ январю 1913 года остались свободными лишь тѣ, что̀ были нарѣзаны для этой цѣли въ концѣ 1912 года.

Намъ говорили также, что и старые поселенцы получили теперь право вымѣнивать свои мірскіе надѣлы на хутора. Такая мѣна производится уже во многихъ мѣстахъ. Въ Енисейскомъ и Канскомъ уѣздахъ было такимъ образомъ вымѣнено въ теченіе 1912 года 12.760 десятинъ.

Принимая во вниманіе сохранившееся до сихъ поръ общинное или мірское хозяйство, нечего особенно удивляться примитивности сибирскаго земледѣлія. Взять хоть бы эти кучи навоза, выброшеннаго, какъ ни къ чему ненужный хламъ, и образующаго за деревнями со стороны рѣки настоящіе валы и укрѣпленія—словно въ огражденіе сибирскаго сельскаго хозяйства отъ всякой культуры и прогресса, которые могутъ быть занесены пароходами.

Но и это пренебреженіе къ естественному удобренію почвы имѣетъ свои причины. Здѣсь такъ много мѣста и такъ мало народу, что земли хватаетъ съ избыткомъ, и ее можно надолго оставлять подъ паромъ, а тогда она уже не требуетъ удобренія. Крестьяне распахиваютъ цѣлины, сѣютъ хлѣбъ и первые годы снимаютъ хорошій урожай. А когда съ теченіемъ времени земля начинаетъ родить хуже, они попросту бросаютъ эту полосу и распахиваютъ новую, поступая съ ней точно такъ же. Это хозяйство хищническое, но, какъ уже сказано, земли здѣсь вдоволь, и чего же ради сибирякамъ хозяйничать иначе, разъ имъ такъ удобнѣе и дешевле?

Знаменательно, что въ справочной книжкѣ для переселенцевъ, изданной правительствомъ, говорится, что въ складахъ земледѣльческихъ орудій, устроенныхъ въ различныхъ мѣстахъ Сибири для обслуживанія новоселовъ, можно кромѣ хлѣбныхъ и огородныхъ сѣмянъ получать также сѣмена кормовыхъ травъ. При этомъ старательно подчеркивается, какъ важно сѣять травы вездѣ, а въ степномъ краю въ особенности: тамъ нѣтъ возможности унавоживать поля, такъ какъ навозъ идетъ на топливо, а потому приходится примѣнять правильный сѣвооборотъ,

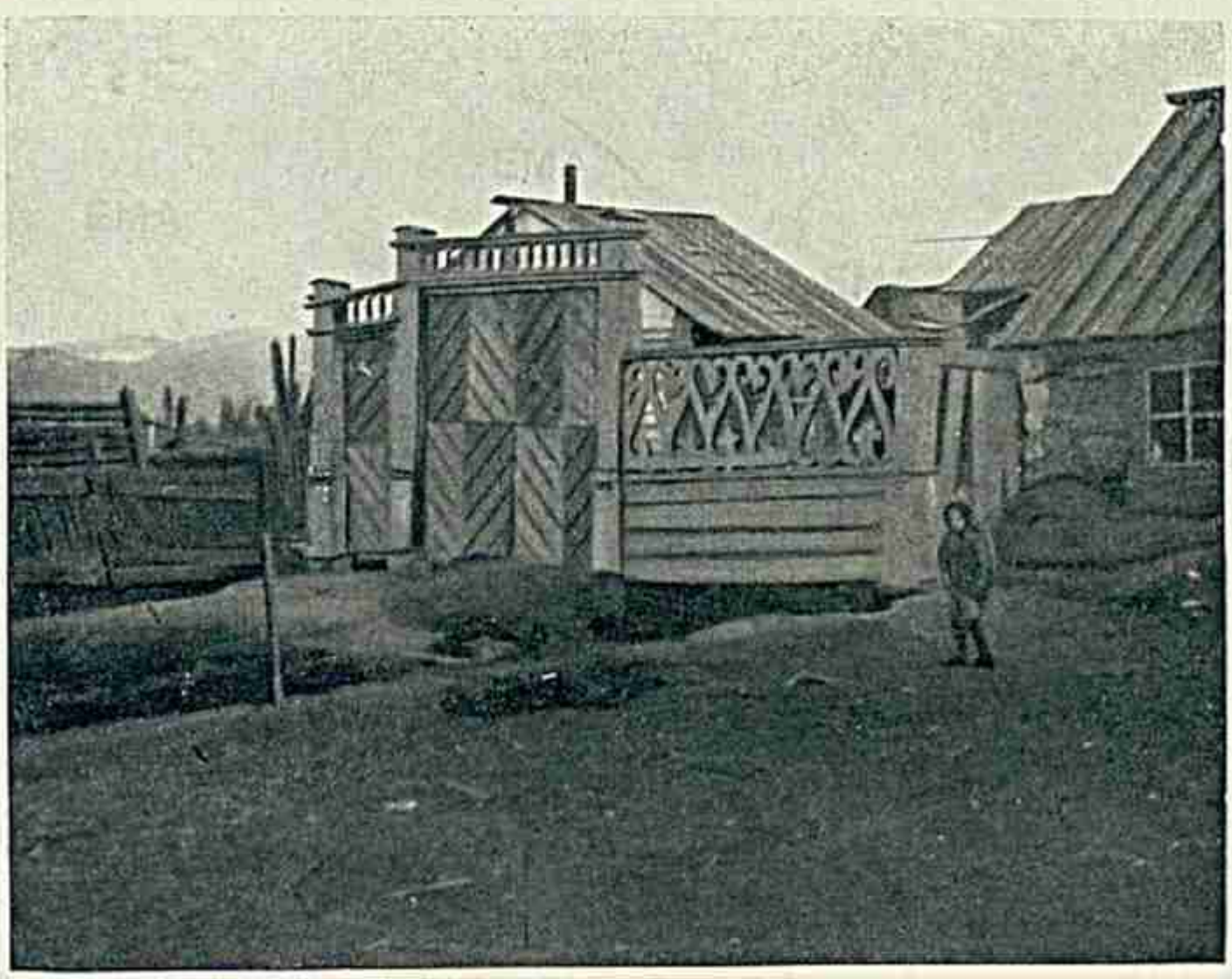
чередуя хлѣба травами, чтобы не истощать почву. И ни слова о томъ, какъ обстоитъ дѣло съ удобреніемъ въ остальныхъ частяхъ Сибири!

Какъ уже упомянуто, здѣсь не строятъ сараевъ для сѣна, но, что̀ еще хуже, не строятъ и хлѣвовъ для скота. Ночуютъ коровы просто въ загонѣ, т.-е. въ огороженномъ мѣстѣ съ навѣсомъ. На зиму боковые просвѣты забиваются досками, въ защиту отъ вѣтра и снѣжныхъ метелей. Но температура внутри загона почти та же, что̀ и снаружи, и стойлъ для коровъ не полагается. Какъ вспомнишь, что температура зимой падаетъ здѣсь до 40 и даже до 50°, такъ отказываешься одобрить такой уходъ за скотомъ. Подумать только — сколько лишняго корму приходится съѣдать коровамъ для поддержанія животнаго тепла, и какъ мало должны онѣ при такихъ условіяхъ давать молока! Я спрашивалъ, какъ же хозяева распредѣляютъ кормъ, если у коровъ нѣтъ отдѣльныхъ стойлъ? Но мнѣ отвѣтили, что это пустяки: бросятъ въ загонъ охапку сѣна, и пусть каждая корова жуетъ себѣ, сколько хочетъ. По приблизительному расчету, на лошадь полагается около 1/2 пуда сѣна въ день лѣтомъ и больше пуда зимой; на корову, вѣрно, столько же, во всякомъ случаѣ не меньше.

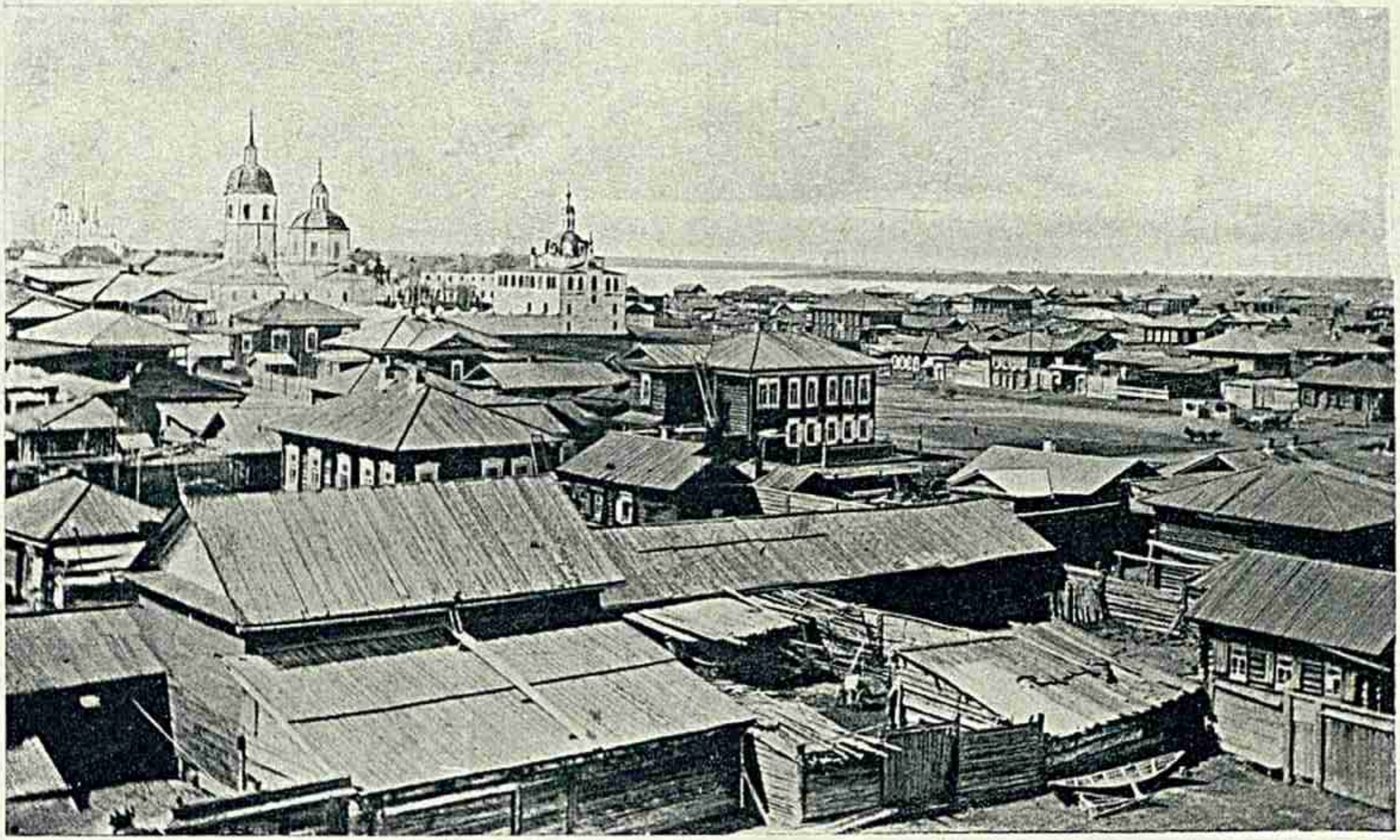
Не лишнее отмѣтить также, что бревна и тесъ пилятъ здѣсь ручными пилами. Даже въ Енисейскѣ, насчитывающемъ 12.000 жителей и не менѣе тысячи деревянныхъ домовъ, нѣтъ ни одной лѣсопильни; все пилится ручнымъ способомъ. Сколько однако требуется ежегодно въ такомъ деревянномъ городѣ однѣхъ досокъ, и какъ, стало-быть, непроизводительно затрачивается здѣсь рабочая сила! Въ Красноярскѣ, насчитывающемъ до 80.000 жителей и тоже почти сплошь состоящемъ изъ деревянныхъ построекъ, имѣется двѣ-три лѣсопильни, но и тамъ ручная пилка въ большомъ ходу. Я поэтому думалъ, что тамъ очень дешевы рабочія руки; но нѣтъ, наоборотъ—поденная плата доходитъ до нѣсколькихъ рублей. Въ этой дороговизнѣ

ЕНИСЕЙ. ВИДЪ КЪ ЮГУ (19 СЕНТ.).
Бросается въ глаза различіе береговъ—высокаго восточнаго и низкаго западнаго.

ВОРОТА СИБИРСКАГО ДОМА (Танхой, 19 ОКТ.).

ЕНИСЕЙСКЪ.

виноваты золотые пріиски. Да, подумать только — чего можно натворить въ этой странѣ съ помощью простого локомобиля, отапливаемаго дровами или опилками и приводящаго въ движеніе простую круглую пилу!

Тѣмъ не менѣе надо признаться, что прилагается много усилій для развитія края, и за послѣдніе годы оно сильно шагнуло впередъ.

Около половины десятаго вечера мы стали на якорь возлѣ Назимова, гдѣ была телеграфная станція. Мы сошли на берегъ справиться насчетъ телеграммъ. Послѣ довольно продолжительныхъ блужданій при лунномъ свѣтѣ по длинной главной улицѣ селенія мы наконецъ отыскали домъ, принадлежавшій раньше богатому золотопромышленнику, съ садомъ и большими тесовыми воротами на четырехугольныхъ столбахъ, украшенныхъ рѣзьбой и львиными головами. Мы долго стучали, прежде чѣмъ намъ отворили. На имя Востротина все-таки была одна телеграмма,—первая, которую мы вообще получили за все время пути. Но послать телеграмму я не могъ и отсюда: здѣсь тоже не принимали телеграммъ, написанныхъ латинскимъ шрифтомъ. Другими словами, вообще немыслимо телеграфировать отсюда за предѣлы Россійской имперіи; конечно, пріятно имѣть свой языкъ и свой собственный алфавитъ, котораго другіе не знаютъ, но, право, это крайне неудобно для непонимающаго, когда онъ волею судебъ становится частью этого маленькаго обособленнаго мірка.

Еще намъ требовалось добыть хлѣба, такъ какъ весь запасъ его у насъ вышелъ. Отправились опять на поиски. Но все селеніе спало, однѣ собаки бодрствовали и при нашемъ приближеніи подымали неистовый лай, который скоро разлился по всему селенію. У перваго лавочника мы еле-еле достучались. Отворивъ намъ ворота, заспанный работникъ отправился будить хозяина. Хлѣба однако намъ не дали: хозяйка была больна и давно уже не пекла хлѣба. Пришлось шагать черезъ все село къ другому ла-

вочнику подъ неистовый лай псовъ. При свѣтѣ луны отыскали грандіозныя ворота: у хозяина, вѣрно, тоже были золотые пріиски. Опять пришлось стучать и долго ждать; наконецъ достучались хозяина, но хлѣба, къ сожалѣнію, и тутъ не достали. Жена была въ отъѣздѣ, насколько я понялъ. Попытались въ третьемъ мѣстѣ, но и тамъ потерпѣли неудачу; пришлось вернуться ни съ чѣмъ; но команда во что бы то ни стало рѣшила добиться хлѣба, въ свою очередь отправилась на берегъ на поиски и тоже вернулась съ пустыми руками.

На опушкѣ лѣса, къ югу отъ селенія, мы услыхали звуки гармоники и женскій смѣхъ. Тамъ, повидимому, веселилась молодежь. У берега слышались голоса парней, плескавшихся въ водѣ при лунномъ свѣтѣ позднею ночью, когда другіе кругомъ спали.

Суббота, 20 сентября. Сегодня утромъ я проснулся часовъ въ шесть отъ сильнаго крена въ мою сторону, свалившаго вдобавокъ одну изъ бутылокъ Лорисъ-Меликова, которая полетѣла на полъ вмѣстѣ съ картой. Что случилось? Волненія здѣсь быть не могло, а между тѣмъ мы продолжали лежать на боку. Повидимому, мы стояли на мѣстѣ. Я окончательно проснулся, — вѣрно, сѣли на мель? Такъ и есть. Прислушиваясь, я различилъ, что машина работаетъ во всю „заднимъ ходомъ“. Кромѣ того, я узрѣлъ нашего дороднаго капитана, протискивавшаго свое круглое брюшко между столомъ и дверью, чтобы выбраться на палубу.

Перегрузивъ на корму нѣсколько бочекъ съ закупленной для команды полусгнившей рыбой и отталкиваясь съ носа длинными шестами, намъ довольно скоро удалось сняться съ мели. По словамъ капитана, за четыре года его плаванія по этому пути, они впервые сѣли тутъ на мель. Но, конечно, его заслуги въ данномъ случаѣ были ни при чемъ: онъ до сихъ поръ не зналъ толкомъ фарватера и дна этой рѣки, даромъ что плавалъ по ней четыре года. Все

произошло изъ-за того, что лоцману понадобилось закурить папироску: онъ повернулся спиной къ вѣтру, чтобы чиркнуть спичку, а судно тѣмъ временемъ взяло да и налетѣло на мель.

Не надолго остановились у Холмогорова, чтобы закупить для команды хлѣба, котораго мы не достали въ Назимовѣ. Здѣсь купили мы также икры и осетрины. Потомъ подъѣхала лодка съ арбузами изъ Минусинска. По всему замѣтно, что мы приближаемся къ болѣе плодороднымъ южнымъ областямъ.

Мы смотрѣли, какъ вылавливали для насъ осетровъ изъ пловучихъ рыбныхъ садковъ, гдѣ рыба живетъ иногда подолгу. Садки эти—большіе деревянные ящики съ прутянымъ, рѣшетчатымъ дномъ, похожіе на наши норвежскіе; ихъ спускаютъ на рѣку, укрѣпляя на мѣстѣ якорями. Рыбу изъ нихъ рыбакъ вылавливалъ острогой, одну за другою, осматривалъ и, если оставался недоволенъ, пускалъ обратно, не обращая вниманія на большія раны отъ остроги. Такъ продолжалось, пока онъ не подобралъ осетровъ желаемой величины. Тогда ихъ связали головами и хвостами, свѣсили, а затѣмъ доставили на судно и сложили на палубѣ, гдѣ они уснули еще черезъ день. Терпѣливыя созданія, вотъ съ ними и обращаются, какъ съ мертвыми! Особенной „живостью“ они дѣйствительно не отличаются, даже когда плаваютъ на свободѣ въ рѣкѣ; зато „живучи“ до чрезвычайности. Востротинъ разсказывалъ, что осетровъ часто пересылаютъ изъ Енисейска въ Минусинскъ въ подарокъ друзьямъ. Въ такихъ случаяхъ рыбѣ запихиваютъ подъ жабры сырой мохъ или осмоленной пакли, и тогда осетръ можетъ прожить съ недѣлю. Этимъ осетры похожи на акулъ Ледовитаго океана, которыя въ состояніи жить на льду въ теченіе многихъ дней даже со вспоротымъ брюхомъ.

Удивительно, сколько даетъ осетръ! Во-первыхъ—икру, во-вторыхъ—мясо, которое считается весьма лакомымъ блюдомъ и въ свѣжемъ, и въ соленомъ, и въ вяленомъ видѣ

(рыба эта вообще очень жирная и въ вяленомъ видѣ жирнѣе самой жирной копченой лососины), а въ третьихъ, вязигу—спинную струну, которую можно ѣсть и въ сыромъ видѣ и сушоную, разрѣзанную на мелкіе кусочки, напоминающіе крупу. Въ такомъ видѣ ее кладутъ въ пироги съ рыбой, такъ называемую кулебяку—національное блюдо, которымъ насъ потчевали въ Сумароковѣ. Крупа эта становится удивительно вкусной послѣ варки, когда она разбухаетъ и становится похожею на крупное саго.

На борту началась новая возня съ заготовкой новаго запаса рыбы. Каждую потрошили, чистили, мыли, затѣмъ часть солили; остальное предполагалось съѣсть въ свѣжемъ видѣ. Кромѣ того, у команды нашлось еще одно довольно непріятное дѣло. Вся сельдь, купленная у Левинскаго песка, къ сѣверу отъ Дудинки, протухла, и ее надо было выбросить. Пріобрѣлъ ее собственно капитанъ, но не сумѣлъ засолить и, когда сельдь начала портиться, перепродалъ ее командѣ. Матросы очень охотно купили весь запасъ и посолили покрѣпче; тѣмъ не менѣе рыба протухла. Пришлось перемывать и перебирать всю, но большую часть все-таки оставалось только выбросить за бортъ. Какъ извѣстно, русскіе не любятъ круто солить рыбу, и соленая рыба у нихъ всегда съ запашкомъ и, безъ сомнѣнія, вредна для употребленія. Я увѣренъ, что цынга, такъ часто встрѣчающаяся среди нихъ на сѣверѣ, происходитъ именно отъ употребленія въ пищу несвѣжей, плохо просоленной рыбы.

Осенняя погода снова смѣнилась солнцемъ и теплomъ. Я могу сидѣть на палубѣ и писать, любуясь уплывающими берегами, одѣтыми въ золото. Право, это совсѣмъ не похоже на ледяную Сибирь, о которой я столько читалъ. Теперь вѣдь уже половина сентября!

Мы шли до поздняго вечера, чтобы прійти въ Енисейскъ на другой день возможно раньше. Небо покрылось облаками, но луна свѣтитъ сквозь нихъ, и мы можемъ различать рѣчную поверхность и находить дорогу среди

черныхъ тѣней, отбрасываемыхъ подступившимъ къ водѣ съ обѣихъ сторонъ лѣсомъ. Нашъ славный лоцманъ такъ же спѣшитъ впередъ, какъ и мы. Въ половинѣ одиннадцатаго мы принуждены бросить якорь; зато намъ осталось всего 60 верстъ до Енисейска, и если даже теченіе пойдетъ очень быстрое, мы можемъ быть увѣрены, что завтра днемъ доберемся до мѣста.

Воскресенье, 21 сентября. На разсвѣтѣ мы снова двинулись впередъ противъ теченія. Берега были плоскіе, но подальше съ восточной стороны рѣки виднѣлась покрытая лѣсомъ гряда. Наконецъ-то намъ предстояло очутиться въ большомъ городѣ! Около часу дня мы начали различать колокольни, а по мѣрѣ приближенія—надъ рѣкой стали выростать зеленые и золотые купола и бѣлыя стѣны церквей. Я не знаю, сколько именно церквей въ городѣ, но я насчиталъ ихъ не меньше 12—13. Въ общемъ городъ почти сплошь состоитъ изъ низенькихъ деревянныхъ домовъ; большіе каменные дома составляютъ исключенія.

Въ бинокль мы разглядѣли на берегу и на пристани большое скопленіе народу. Что̀ это означало? Воскресное гулянье? Но слишкомъ ужъ густа была толпа. Не насъ ли поджидали? Но почемъ они знали о нашемъ пріѣздѣ? Тутъ у меня явилось подозрѣніе насчетъ Востротина: не онъ ли телеграфировалъ сюда заранѣе? Что-то ужъ слишкомъ усердно орудовалъ онъ биноклемъ!

Малютка „Омуль“ прилежно и неустанно боролся съ теченіемъ, которое здѣсь достигаетъ большой силы, и въ половинѣ третьяго мы наконецъ подошли къ баржѣ, стоявшей у мелководнаго берега на причалѣ и служившей пристанью.

Въ числѣ встрѣтившихъ насъ на пристани находился самъ городской голова съ цѣпью на шеѣ, исправникъ въ полной формѣ, директоръ гимназіи, тоже въ формѣ, и другіе почтенные обитатели города.

Были произнесены привѣтственныя рѣчи по-русски и

по-нѣмецки, потомъ начались взаимныя представленія, и все это было въ первую минуту такъ странно и неожиданно для насъ, пріѣхавшихъ съ сѣвера. А въ концѣ концовъ и намъ самимъ стало казаться, что мы и впрямь совершили чрезвычайно большое и важное путешествіе!

Потомъ насъ посадили въ экипажъ и повезли въ великолѣпный большой каменный домъ, настоящій дворецъ, принадлежащій невѣсткѣ Востротина, Анастасіи Алексѣевнѣ Китмановой, которая приняла насъ съ чисто сибирскимъ радушіемъ. Какой контрастъ представляли эти огромныя залы съ нашей маленькой каютой на „Омулѣ"!

XII. ОТЪ ЕНИСЕЙСКА ДО КРАСНОЯРСКА И ДАЛЬШЕ.

Письма и телеграммы. — Сибирское гостепріимство. — Енисейскъ. — Населеніе. — Мужская гимназія. — Ссыльный - грузинъ. — Завтракъ отъ города. — Музей. —Женская гимназія. — Продолжительный завтракъ. — Сухимъ путемъ до Красноярска. — Бѣшеная ѣзда на тройкѣ. — Широкія дороги. — Ненадежныя мѣста; воры. — Прибытіе въ Красноярскъ. — Радушный пріемъ. — Городъ и окрестности. — Легкомысленная переправа. — Никакихъ морозовъ. — Спортъ и сокольство. — Музей. — Засѣданіе въ Географическомъ Обществѣ и большой обѣдъ. — Прощаніе и путешествіе по желѣзной дорогѣ на востокъ. — Канскъ. — Совѣщанія о судоходствѣ по Енисею. — Перестройка желѣзной дороги. — Экспрессъ.

Первый визитъ нашъ, разумѣется, былъ на телеграфъ и на почту, находившіеся въ одномъ мѣстѣ. Было воскресенье, и присутствія не полагалось, но начальникъ самъ открылъ контору и очень любезно принялъ насъ. Телеграммъ для насъ, къ сожалѣнію, не оказалось; зато здѣсь принимали телеграммы, написанныя латинскимъ шрифтомъ, и я могъ телеграфировать домой. Кромѣ того, меня ожидали здѣсь письма, но получить ихъ я не могъ, такъ какъ они были подъ замкомъ, а ключи чиновникъ унесъ домой, на другой конецъ города.

Начальникъ, понимая, что мнѣ очень хочется поскорѣе получить письма, однако послалъ за ключомъ, а насъ пригласилъ къ себѣ и познакомилъ со своей женой; поджи-

дая посланнаго, мы любовались съ балкона второго этажа видомъ гавани, въ лучахъ заходящаго солнца, и окрестностями.

Прошло полчаса, часъ, а ключа все не приносили. Начальникъ послалъ второго разсыльнаго, уже на велосипедѣ. Для меня было полнѣйшей загадкой—какимъ образомъ можно пробираться на велосипедѣ по этимъ топкимъ улицамъ съ глубокими колеями, но разсыльный поѣхалъ, не задумываясь. Тѣмъ временемъ мы узнали, что въ Красноярскѣ меня ждетъ телеграмма отъ инженера Вурцеля. Я попросилъ передать ее сюда. Ждать, такъ ужъ ждать заодно.

Наконецъ ключъ принесли, и я получилъ свои письма. Дома все обстояло благополучно. Пропало въ пути не болѣе двухъ писемъ, которыя, я зналъ, были посланы. Затѣмъ защелкалъ аппаратъ, и пришла телеграмма Вурцеля. Онъ запаздывалъ въ Красноярскъ на четыре дня, т.-е. могъ пріѣхать туда лишь 29 сентября, и просилъ меня подождать его тамъ, чтобы затѣмъ вмѣстѣ отправиться на экспрессѣ во Владивостокъ, оттуда же—на Амуръ. Я ничего не имѣлъ противъ такого предложенія. Въ моемъ распоряженіи оставалось четыре лишнихъ дня. Намъ, значитъ, не къ чему было такъ торопиться сюда; но разъ мы прибыли, то и отлично.

Съ какимъ удовольствіемъ мы провели день и вечеръ у нашей гостепріимной хозяйки, въ кругу ея прелестныхъ дочерей и симпатичныхъ друзей! Какое блаженство было свободно ходить и двигаться, выпрямившись во весь ростъ, въ высокихъ, просторныхъ комнатахъ! Въ этомъ радушномъ домѣ былъ, повидимому, всегда накрытъ столъ для друзей и знакомыхъ; гости приходили, когда кому хотѣлось, присаживались къ столу, пили чай или закусывали, чѣмъ нравилось, и уходили, а имъ на смѣну являлись новые.

Енисейскъ расположенъ въ степи, на лѣвомъ берегу

Енисея, и окруженъ небольшимъ лѣсомъ, но главнымъ образомъ лугами. Это старый городъ, но производитъ впечатлѣніе недавно отстроеннаго; большинство строеній деревянныя, низенькія; улицы прямыя и широкія; мѣстность плоская. Если исключить красивыя церкви и нѣсколько другихъ крупныхъ зданій, то Енисейскъ ничѣмъ не отличается отъ большихъ селъ, встрѣчавшихся намъ по Енисею. Тѣ же приземистые, ящикообразные деревянные дома, то въ два этажа, то въ одинъ; тѣ же низкія четырехскатныя тесовыя крыши, тѣ же просторные дворы, обнесенные заборами съ большими воротами, и тѣ же широкія немощеныя улицы. Мѣста здѣсь много, земля ни почемъ,— почему же не раскинуться пошире и не проложить широкихъ улицъ, по которымъ удобнѣе ѣздить? Мостовыя стоятъ дорого, потому ихъ и нѣтъ. Ѣздятъ здѣсь просто по землѣ, какъ раньше ѣздили по полю, пока не было еще города; лишь кое-гдѣ посыпали улицы щебнемъ да пескомъ. Поэтому въ Енисейскѣ такая же невылазная грязь и глубокія колеи, какъ въ деревняхъ, только навозу поменьше. По бокамъ улицъ проложены деревянные мостки для пѣшеходовъ. Въ мокрую погоду ходить по улицамъ очень рискованно: того и гляди тебя обдастъ грязью изъ-подъ колесъ. Поэтому здѣсь вообще предпочитаютъ ѣздить.

Городъ насчитываетъ свыше 12.000 жителей и съ давнихъ поръ является торговымъ центромъ для сѣверныхъ областей; много способствовала развитію его благосостоянія близость къ золотымъ пріискамъ. Желѣзная дорога сюда не доходитъ, и сообщеніе поддерживается по рѣкѣ— къ югу до Красноярска, къ сѣверу до Минусинска и дальше. Навигація здѣсь довольно оживленная, много пароходовъ, не считая баржъ и плотовъ. Но теперь уже серьезно поговариваютъ о проведеніи желѣзной дороги отъ Томска или Ачинска.

Торговля издавна ведется главнымъ образомъ мѣхами,

которые русскіе вымѣниваютъ у туземцевъ на муку, сахаръ, табакъ и т. п. Теперь развилась также значительная торговля рыбой, которую ловятъ и солятъ и туземцы и русскіе по всей рѣкѣ, вплоть до самаго устья. Къ торговлѣ за послѣднее столѣтіе прибавилась еще добыча золота на пріискахъ, дающихъ немалые доходы.

Не чужда эта мѣстность и земледѣлію, хотя послѣднее развито здѣсь еще слабо; дальше къ югу оно больше въ ходу. Между тѣмъ и здѣсь не плохія условія для хлѣбопашества, а въ особенности для скотоводства и молочнаго хозяйства. У нашей гостепріимной хозяйки было имѣніе недалеко отъ Енисейска, и она угощала насъ за столомъ собственными продуктами—масломъ, сливками и медомъ.

Жители такого города, какъ Енисейскъ, большею частью русскіе пріѣзжіе или переселенцы, или ссыльные и потомки ссыльныхъ, добровольно оставшихся въ Сибири послѣ отбытія наказанія. Вліяніе высылаемаго въ Сибирь преступнаго элемента на мѣстное населеніе, повидимому, сильно преувеличивается. Правда, одинъ иностранецъ, съ которымъ я встрѣтился въ Сибири, настойчиво увѣрялъ меня, что я самъ не знаю, въ какую ужасную, варварскую страну попалъ; говорилъ, что на себѣ испыталъ всю тяжесть здѣшней проклятой жизни съ двадцатилѣтняго или тридцатилѣтняго (не помню точно) возраста; здѣсь-де живешь, какъ въ пустынѣ; нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка, съ которымъ можно отвести душу, подѣлиться духовными интересами,—всѣ наперечетъ разбойники. Онъ крѣпко жалъ мнѣ руку и горячо благодарилъ за то, что я порядочный человѣкъ, способный понять его. Я, конечно, выразилъ ему свое сочувствіе по поводу его одиночества, но не преминулъ возразить, что мои личныя впечатлѣнія не совпадаютъ съ его, такъ какъ мнѣ посчастливилось встрѣтить тутъ много очень симпатичныхъ людей. „О,—возразилъ онъ:—вы ихъ не знаете: всѣ они преступники, увѣряю васъ!“

Конечно, умноженіе преступнаго элемента мало желательно съ точки зрѣнія современныхъ евгеническихъ воззрѣній; но не надо забывать, что большинство ссыльныхъ были все-таки политическими преступниками или сектантами, иначе говоря—людьми, пострадавшими за свои убѣжденія, и часто лучшими элементами русскаго народа, вполнѣ желательными въ качествѣ продолжателей рода. Поэтому мѣстное населеніе, хоть и является нѣсколько смѣшаннымъ, зато весьма даровитымъ. Въ томъ, что способности ихъ не получили должнаго приложенія для развитія края, виноваты чисто внѣшнія обстоятельства—то полуграмотное состояніе, въ которое еще погружена вся эта страна. Но настанетъ время—она проснется, проявятся скрытыя силы, и мы услышимъ новое слово и отъ Сибири; у нея есть свое будущее, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Понедѣльникъ, 22 сентября. Городъ устроилъ въ честь насъ торжественный пріемъ съ весьма разнообразною программой. Въ десять часовъ утра мы были приглашены осмотрѣть мѣстную мужскую гимназію. Мы заходили во всѣ классы и здоровались съ мальчиками, здоровыми, веселыми и бодрыми на видъ. Потомъ всѣ собрались въ рекреаціонномъ залѣ. Сюда же привели и дѣвочекъ-гимназистокъ, и я разсказалъ имъ о путешествіи къ сѣверному полюсу на „Фрамѣ“ въ 1895—1896 г.г. и показалъ по большой картѣ, какъ мы шли вдоль сѣвернаго берега ихъ великой Сибири, а потомъ носились во льдахъ. Я говорилъ по-англійски; дѣти не понимали ни слова, но Востротинъ переводилъ имъ мой разсказъ, и они, повидимому, были заинтересованы и рады нашему посѣщенію, которое длилось часа три. Всѣхъ учениковъ распустили на этотъ день; когда мы уѣхали, они гурьбой высыпали на улицу и побѣжали домой. Вотъ кому нашъ пріѣздъ навѣрно доставилъ истинное удовольствіе!

Я зашелъ къ парикмахеру постричься. Хозяинъ ока-

зался грузиномъ съ Кавказа, такъ что бывшій со мною Лорисъ-Меликовъ опять встрѣтилъ земляка. Это былъ политическій ссыльный, принявшійся за парикмахерское ремесло и хорошо зарабатывавшій на немъ.

Въ половинѣ третьяго городъ давалъ въ нашу честь большой завтракъ въ помѣщеніи клуба, и всѣ почетныя лица города и наиболѣе вліятельные купцы были въ сборѣ. Насъ принимали чрезвычайно сердечно, съ большимъ восторгомъ относясь къ идеѣ сѣвернаго морского сообщенія черезъ Ледовитый океанъ, испробованнаго „Корректомъ". При этомъ на нашу, а въ особенности на мою долю выпали незаслуженныя похвалы: мы вѣдь были приглашены участвовать въ этой поѣздкѣ простыми гостями, а выходило, что мы какъ-будто положили начало новой эрѣ въ исторіи Сибири. Все это и еще многое другое трактовалось въ цѣломъ рядѣ рѣчей на чистомъ русскомъ языкѣ, совершенно для меня недоступномъ. Кое-что мнѣ, впрочемъ, переводили. Директоръ гимназіи произнесъ вдобавокъ рѣчь на эсперанто, котораго я, впрочемъ, тоже не понималъ и съ котораго не нашлось даже переводчика. Такимъ образомъ никто ничего не понялъ. Я въ свою очередь отвѣчалъ на всѣ рѣчи на англійскомъ языкѣ, котораго не понималъ никто изъ нашихъ хозяевъ. Но Востротинъ переводилъ имъ мои слова по-русски, и, судя по тому пріему, котораго они удостоились, я заподозрилъ, что переводъ былъ много лучше оригинала.

Послѣ завтрака мы посѣтили городской музей, гдѣ хранятся цѣнныя этнографическія коллекціи, собранныя въ Енисейской губерніи. Меня особенно заинтересовала коллекція одежды, орудій и утвари енисейскихъ остяковъ; но тамъ были также коллекціи, рисующія бытъ тунгузовъ, самоѣдовъ и т. д.

Изъ Енисейска мы должны были ѣхать въ Красноярскъ сухимъ путемъ, что̀ было скорѣе, нежели пароходомъ вверхъ по Енисею. Бо̀льшую же часть багажа мы отправили парохо-

домъ, чтобы освободиться отъ лишней поклажи. Я бы охотно уѣхалъ утромъ на слѣдующій день, чтобы имѣть въ распоряженіи цѣлый день и хорошенько осмотрѣть мѣстность къ югу; но мнѣ объяснили, что это совершенно немыслимо. Разъ я посѣтилъ мужскую гимназію, необходимо побывать и въ женской. А послѣ того учителя устраивали въ нашу честь завтракъ, отъ котораго никакъ нельзя было отказаться. Завтракъ, впрочемъ, не особенно пугалъ насъ: все равно вѣдь надо было поѣсть передъ отъѣздомъ; къ тому же намъ пообѣщали, что не задержатъ насъ долѣе половины второго. Пришлось согласиться.

Вторникъ, 23 сентября. Итакъ, въ десять часовъ утра мы посѣтили женскую гимназію, роскошное зданіе съ массой ученицъ. Наша хозяйка, г-жа Китманова, состояла попечительницей этого учебнаго заведенія. Барышни приняли насъ очень сердечно, а дочь г-жи Китмановой произнесла рѣчь по-нѣмецки и поднесла намъ большой букетъ цвѣтовъ. Потомъ мы заходили въ классы поздороваться съ ученицами, и намъ объяснили, чему обучаются здѣсь молодыя дѣвушки: родному языку, французскому, нѣмецкому, англійскому, исторіи,—главнымъ образомъ русской,—географіи, природовѣдѣнію, математикѣ и т. д. Хорошее образованіе! Гимназія была въ изобиліи снабжена всѣми учебными пособіями, и классы были просторные, свѣтлые.

Затѣмъ я опять зашелъ въ музей, чтобы еще разъ взглянуть на этнографическія коллекціи. Послѣ того меня попросили заглянуть въ народную школу для мальчиковъ, содержащуюся на казенныя средства, и въ начальную школу для дѣвочекъ, открытую на частныя средства; государство, вѣроятно, находитъ, что на его обязанности лежитъ только образованіе мальчиковъ. Наконецъ отправились завтракать въ гимназію. Какъ сказано, завтракъ былъ назначенъ въ двѣнадцать часовъ, но сѣли мы за столъ лишь

въ часъ, а встали въ четыре. Здѣсь не торопятся; въ Сибири времени у всѣхъ и всегда вдоволь, какъ всего прочаго, и здѣшніе жители могутъ считать себя счастливыми, что не знаютъ нервной спѣшки, которою страдаетъ вся Европа. Зато было много воодушевленія и сердечной теплоты, изливавшейся на насъ на всѣ лады, на разныхъ языкахъ. Между прочимъ я подмѣтилъ здѣсь практичный пріемъ, котораго раньше не наблюдалъ: когда промежутокъ между блюдами казался гостямъ черезчуръ продолжительнымъ, они вставали изъ-за стола и отправлялись въ коридоръ или въ сосѣднія комнаты выкурить папироску, послѣ чего возвращались обратно; поступали такъ и почтенные священники въ длинныхъ одѣяніяхъ и дамы.

Но конецъ бываетъ даже безконечному сибирскому завтраку, и настало время намъ проститься съ любезными хозяевами. Предстояло еще сдѣлать кое-какія необходимыя покупки въ городѣ, заѣхать на „Омуль“ попрощаться съ капитаномъ, лоцманомъ и командой и наконецъ уложиться въ путь. Тѣмъ временемъ у г-жи Китмановой съ трехъ часовъ дня, т.-е. цѣлыхъ четыре часа, насъ ожидали гимназистки VII-го класса съ букетомъ, который собирались передать мнѣ на прощаніе, а я и не подозрѣвалъ объ этомъ, пока не вернулся домой укладываться.

Наконецъ въ половинѣ восьмого вечера все было уложено и размѣщено въ экипажахъ, и мы полѣзли сами въ эти странные тарантасы съ кожанымъ верхомъ и фартукомъ и съ настоящими постелями на днѣ. Когда я кое-какъ устроился на этомъ ложѣ изъ сѣна и подушекъ, полу-сидя, полу-лежа, и началъ смутно догадываться, что тутъ можно устроиться довольно сносно, во всякомъ случаѣ тепло, заботливая рука г-жи Китмановой сунула мнѣ за спину еще большую мягкую подушку. И, словно по волшебству, я въ то же мгновеніе почувствовалъ, что болѣе удобнаго положенія мнѣ не найти. Затѣмъ мы покатили подъ проливнымъ дождемъ въ Красноярскъ, провожаемые

пожеланіями счастливаго пути со стороны г-жи Китмановой, ея дочерей и всѣхъ домочадцевъ.

Дороги размыло дождями, колеса глубоко уходили въ мягкую землю и проваливались въ ямы и рытвины; особенно плохо было, пока мы не выѣхали изъ города и когда проѣзжали черезъ селенія. Тарантасъ былъ безрессорный и чрезвычайно тряскій. Трясло и швыряло насъ такъ, что я невольно опасался за цѣлость своихъ рукъ, ногъ и особенно зубовъ, которые старался поэтому покрѣпче стискивать. Но все обходилось благополучно; въ тарантасѣ было тепло и уютно, и если насъ не растрясло въ дребезги, то этимъ мы немало обязаны подушкамъ г-жи Китмановой. Благодаря имъ оказывалось даже возможнымъ вздремнуть временами. Скоро дождь пересталъ, и мы еще быстрѣе стали подвигаться впередъ.

Чтобы избѣжать неудобствъ отъ перегрузки вещей изъ тарантаса въ тарантасъ при перемѣнѣ лошадей, Востротинъ взялъ свой собственный тарантасъ; мы съ Лорисъ-Меликовымъ тоже получили одинъ на весь путь и ѣхали вдвоемъ всю дорогу, мѣняя только лошадей и ямщиковъ. Тарантасъ, или четырехколесная повозка—наиболѣе употребительный въ Сибири типъ дорожнаго экипажа, такъ какъ спеціально приспособленъ для долгихъ переѣздовъ, когда приходится ѣхать и день и ночь и спать въ дорогѣ, если не хочешь тратить черезчуръ много времени. Элегантностью тарантасы не отличаются, но зато удобны и прочны, тогда какъ нашъ европейскій экипажъ при такихъ условіяхъ давно разлетѣлся бы въ дребезги. Стальныхъ рессоръ у тарантаса нѣтъ, да ихъ бы и не надолго хватило; кузовъ покоится прямо на длинныхъ зыбучихъ дрогахъ. Дроги эти, какъ и колеса и оси, должны быть очень прочными, солидными. Спереди у тарантаса козлы, на которыхъ сидитъ ямщикъ и безъ устали покрикиваетъ на лошадей; къ задку кузова прикрѣпленъ кожаный или парусиновый подъемный верхъ, къ которому въ дождь пристеги-

вается спереди еще фартукъ, другимъ концомъ прикрѣпленный къ козламъ и закрывающій такимъ образомъ всю часть повозки, гдѣ помѣщаются сѣдоки. Настоящаго сидѣнія въ тарантасѣ не полагается, а ѣдущіе въ немъ устраиваются на днѣ его, какъ сумѣютъ. Въ каждомъ тарантасѣ умѣщается двое сѣдоковъ. Дно устилается сѣномъ или соломой, подушками и даже матрацами или тому подобнымъ, чтобы смягчать толчки и устроить сносное ложе. Сверху ложе покрывается коврами, шерстяными одѣялами или шубами—чѣмъ кто можетъ, и, если бы не ужасная тряска на ухабахъ, тарантасъ могъ бы считаться идеальнымъ экипажемъ для большихъ разстояній. Привычные путешественники умудряются даже спать въ нихъ. Я невольно вспомнилъ, какъ часто я качался въ полуснѣ въ норвежской таратайкѣ, не въ состояніи принять удобнаго положенія. Въ тарантасѣ можно было бы спать все время, если бы не толчки.

Въ тарантасъ чаще всего впрягаютъ, по здѣшнимъ обычаямъ, тройку, но для такихъ „важныхъ особъ“, какъ мы, подавали иногда и четверку. Лошади запрягаются въ рядъ, при чемъ средняя идетъ въ оглобляхъ, соединенныхъ дугой, столь характерной принадлежностью русской запряжки. Дугу привязываютъ къ концамъ оглобель, повидимому, только для того, чтобы держать ихъ на разстояніи отъ лошади; но дуга велика и тяжела и часто очень искусной работы, съ красивой рѣзьбой или расписная, и съ бубенцами или колокольчиками. Другія лошади припрягаются по бокамъ коренника и должны скакать галопомъ, въ то время какъ коренникъ бѣжитъ рысью. Пристяжнымъ приходится держаться на разстояніи, чтобы не толкать коренника, а потому онѣ во время ѣзды сильно отворачиваютъ головы въ стороны, что придаетъ имъ очень забавный видъ.

Мы ѣхали безъ остановки день и ночь до самаго Красноярска, останавливаясь только на тѣхъ тринадцати стан-

ціяхъ, гдѣ мѣняли лошадей. На это однако уходило иной разъ невѣроятно много времени, хотя лошади всюду были наготовѣ: насъ вѣдь ждали, и лошади были для насъ заказаны. Другимъ путешественникамъ приходится куда хуже. На этихъ сибирскихъ почтовыхъ станціяхъ—какъ оно ни странно—не существуетъ установленной казенной таксы; поэтому за экипажъ и за лошадей запрашиваютъ, сколько вздумается. Совершенно такъ же, какъ извозчики въ городахъ. Сначала надо торговаться и условиться въ цѣнѣ, при чемъ на станціяхъ часто нарочно обманываютъ путешественниковъ, утверждая, что свободныхъ лошадей не имѣется,—конечно, чтобы сорвать за проѣздъ подороже.

Мы-то, впрочемъ, такихъ неудобствъ не терпѣли. Енисейскій исправникъ оказалъ мнѣ, какъ иностранцу, большую любезность,ославъ приказъ всѣмъ содержателямъ почтовыхъ станцій оказывать намъ всяческое содѣйствіе и отнюдь не задерживать. Если же гдѣ-нибудь все-таки возникали затрудненія изъ-за того, что почта-де только-что уѣхала или оставшіяся лошади никуда не годны, или заняты и т. п., то достаточно бывало одного словечка со стороны Востротина, чтобы дѣло сразу улаживалось.

Тѣмъ не менѣе на каждой станціи приходилось основательно вооружаться терпѣніемъ, чтобы пережидать всѣ приготовленія къ отъѣзду. Во-первыхъ, надо было снять и старательно смазать колеса, въ необходимости чего я успѣлъ убѣдиться во время нашей безумной ѣзды; потомъ взнуздать, вывести и запрячь лошадей; далѣе ямщику снарядиться по всѣмъ правиламъ и выпить на дорожку чайку. И все это продѣлывалось не торопясь,—времени въ Сибири, видно, не занимать стать!

Наконецъ ямщикъ садился на козлы, мы влѣзали въ тарантасъ, усаживались на подушкахъ и ѣхали дальше.

Совершенно непостижимо все-таки, какъ тарантасы, хоть и прочно сколоченные, выдерживаютъ здѣшнюю ѣзду. И большое счастье, что у нихъ нѣтъ стальныхъ рессоръ,

потому что, если бы рессоры и выдержали, не выдержали бы мы сами—насъ выбросило бы въ канаву на первомъ же ухабѣ! Но, какова бы ни была дорога, ровная или ухабистая, ѣздятъ здѣсь только во всю лошадиную прыть. Ямщикъ безъ устали погоняетъ коней крикомъ, а ты сидишь и подпрыгиваешь такъ, что, кажется, у тебя всю душу вытрясетъ, прежде чѣмъ ты доѣдешь до мѣста.

Вспоминая, что намъ предстоитъ проѣхать такимъ образомъ 330 верстъ, я и начиналъ сомнѣваться, что доѣду цѣлымъ и невредимымъ.

Но, странное дѣло, оказывается, можно привыкнуть ко всему. Я постепенно научился принимать сносное положеніе и подъ конецъ перваго перегона такъ хорошо устроился, что очень неохотно покинулъ свое ложе около полуночи, чтобы напиться чаю на станціи, гдѣ мы мѣняли лошадей. Зато, когда сойдешь на землю, съ наслажденіемъ потягиваешься и расправляешь всѣ члены, убѣждаясь, что они цѣлы и невредимы.

На станціи насъ приняли очень радушно; оказалось, что здѣшняя хозяйка служила раньше въ домѣ у Востротина; вотъ она и старалась изо всѣхъ силъ угодить намъ. Насъ ввели въ большую, свѣтлую, уютную комнату; на столѣ кипѣлъ самоваръ, мигомъ появились стаканы съ чаемъ — чудеснымъ русскимъ чаемъ, который показался тѣмъ вкуснѣе съ дороги, ночью. Потомъ былъ накрытъ столъ для ужина и уставленъ всевозможными яствами.

Какъ это ни странно, въ Сибири люди одинаково привѣтливы и ночью и днемъ. Когда бы ихъ ни разбудили, они одинаково радушно встрѣчали насъ и приглашали войти, и лошадей можно было получить во всякое время дня и ночи. Повидимому, здѣсь вообще не въ диковинку, что люди ѣдутъ день и ночь. Невольно вспоминалось, какъ трудно въ Норвегіи достать лошадей ночью. Какъ часто встрѣчалъ я кислыя мины, когда спѣшилъ куда-нибудь и долженъ былъ нанимать себѣ лошадей ночью;

между тѣмъ въ Норвегіи ночная ѣзда далеко не представляетъ тѣхъ затрудненій и опасностей, какія могутъ встрѣтиться на здѣшнихъ сибирскихъ дорогахъ, гдѣ бродитъ столько ненадежнаго люда.

Добрая, славная хозяйка наша, угощая насъ и безъ устали суетясь вокругъ, занимала насъ вдобавокъ бесѣдой: то разсказывала Востротину о своихъ и мужниныхъ дѣлахъ, о домашнемъ житьѣ-бытьѣ, о лошадяхъ и ямщикахъ, то сама подробно разспрашивала, какъ поживаетъ онъ и его семья. Я, разумѣется, могъ понять лишь то, что̀ мнѣ переводили. Но доброе, открытое выраженіе ея лица и весь дышавшій стариною, уютный укладъ ея домашней жизни были мнѣ понятны и безъ перевода. Вся обстановка такъ живо напоминала мнѣ добрую родную старину, когда слуги считали себя членами семьи и дѣлили всѣ ея радости и горести, часто въ теченіе всей своей жизни и даже въ разлукѣ. Не лучше ли такія отношенія, чѣмъ тѣ, которыя стремятся установить теперь, во что бы то ни стало желая превратить людей въ безучастныя машины и подѣлить на двѣ категоріи—угнетенныхъ и угнетателей, которые однако тоже въ концѣ концовъ угнетаемы кѣмъ или чѣмъ-нибудь.

Затѣмъ мы простились и снова поѣхали въ темень по ухабистой дорогѣ, стараясь по возможности спать или хоть дремать.

Среда, 24 сентября. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ остановокъ, надъ холмистой равниной забрезжилъ разсвѣтъ. Мѣстность была уже не такая плоская, какъ на сѣверѣ, и лѣсовъ стало меньше. Лѣсъ виднѣлся большею частью вдали, а насъ окружали луга. Когда разсвѣло, можно было лучше разсмотрѣть мѣстность. Она становилась все холмистѣе и выше къ югу, но большею частью носила степной характеръ, кое-гдѣ встрѣчались пашни; зато намъ ни разу не пришлось ѣхать лѣсомъ. Время отъ времени попадались селенія, удаленныя другъ отъ друга на большія разстоянія.

До полей и пастбищъ тоже было очень далеко отъ деревень. На пастбищахъ виднѣлись стада, иногда въ нѣсколько сотъ головъ, принадлежащія мѣстнымъ жителямъ.

Такъ подвигались мы по этой необозримой равнинѣ впередъ, минуя станцію за станціей, мѣняя лошадей и ямщиковъ, при чемъ послѣдніе всѣ были болѣе или менѣе на одинъ ладъ. Своеобразный народъ—сибирскіе ямщики. Все ихъ самолюбіе заключается въ томъ, чтобы ѣхать какъ можно быстрѣе и тѣмъ показать, что они знаютъ свое дѣло. Поэтому они ни минуты не оставляютъ лошадей въ покоѣ: то погоняютъ и хлещутъ ихъ кнутомъ, то подбодряютъ протяжнымъ заунывнымъ воемъ, то веселымъ отрывистымъ покрикиваніемъ и причмокиваніемъ. Кромѣ того, пускаются съ лошадьми въ длинные разговоры, бесѣдуютъ съ ними, словно съ самыми близкими родными, не жалѣя ласковыхъ и бранныхъ эпитетовъ, какъ приличныхъ, такъ и неприличныхъ. „Доченька“, „братецъ“, „березанька“, „подружка“, „миляга“—уговариваютъ они лошадей, а потомъ вдругъ возьмутъ да выругаются и объявятъ имъ, что мать ихъ была такая, сякая и разъэтакая.

А худыя быстрыя лошадки стараются изо всѣхъ силъ и бѣгутъ во всю прыть по тяжелымъ размякшимъ дорогамъ, въ которыхъ вязнутъ колеса, и грязь брызгами и комками летитъ изъ-подъ копытъ, нещадно обдавая насъ. Кореннику вообще полагается итти рысью, а пристяжнымъ вскачь, но подгоняемыя криками лошади всѣ несутся галопомъ, и мы мчимся впередъ по невылазной грязи, высоко подпрыгивая на ухабахъ.

По ширинѣ дорогъ можно судить, какъ много здѣсь лишней земли. Здѣшнія дороги вдвое шире, чѣмъ у насъ, въ Норвегіи. Да это и неудивительно при дешевизнѣ здѣшней прокладки, заключающейся въ томъ, что дорогу слегка посыпаютъ щебнемъ,—вотъ и все. По сторонамъ дороги тянутся поля, по которымъ ходятъ и даже ѣздятъ,

СТАДО МОНГОЛЬСКАГО СКОТА. ПАСТУХЪ, ВЕРХОМЪ, КРУТИТЪ ПАПИРОСКУ (20 СЕНТ.).

НАША ТРОЙКА НА ДОРОГѢ (25 СЕНТ.), БЛИЗЪ МѢСТА, ГДѢ ПРОИЗОШЛО ОГРАБЛЕНІЕ ПОЧТЫ.

ДВОРЪ ПОЧТОВОЙ СТАНЦІИ.

СОБОРЪ ВЪ КРАСНОЯРСКѢ

когда самыя дороги становятся совершенно непроѣздными. Кромѣ того, отдѣлена широкая тропа для телеграфной линіи, вдоль которой вырубаются всѣ деревья и кусты и по которой тоже можно ѣхать въ случаѣ нужды. Если сложить все это вмѣстѣ, получится широчайшее пространство, которое, если и не является настоящей дорогою, то во всякомъ случаѣ служитъ для проѣзда.

Подъ вечеръ мы встрѣтили большое стадо рогатаго скота въ нѣсколько сотъ головъ. Скотъ былъ купленъ въ Минусинскомъ уѣздѣ енисейскимъ купцомъ, и теперь его гнали на сѣверъ,—насколько я понялъ, прямо по лугамъ, и коровы паслись, гдѣ имъ вздумается, не спрашивая на то позволенія. И ни одна душа не думала протестовать противъ этого. Въ этой обширной странѣ мѣста хватаетъ на всѣхъ, и однимъ стадомъ больше или меньше—не составляетъ разницы.

Стадо гнали конные пастухи. Одинъ изъ нихъ былъ особенно живописенъ въ ту минуту, когда, сидя верхомъ на конѣ и окруженный коровами, свертывалъ себѣ папироску, а коровы жевали траву. Скотъ былъ довольно крупный и сильный,—повидимому, монгольскаго происхожденія. Изъ Монголіи и посейчасъ вывозится его немало. Порядочно скота вывозятъ также изъ Китая, но китайскія крупныя мясистыя коровы даютъ мало молока и преимущественно идутъ на убой.

Четвергъ, 25 сентября. На горизонтѣ, за холмистою равниной на югѣ, уже синѣютъ горы; можно даже различить отдѣльные кряжи и вершины. Это сѣверная часть Саянскихъ горъ близъ Красноярска, или вѣрнѣе Гремячинскій хребетъ.

На многихъ станціяхъ насъ съ почетомъ встрѣчали деревенскіе старосты, выбираемые самими крестьянами. На предпослѣдней станціи передъ Красноярскомъ насъ встрѣтили, кромѣ старосты, исправникъ, начальникъ телеграфнаго отдѣленія и еще двое-трое представителей крестьянъ. Начальникъ телеграфной станціи передалъ намъ

просьбу красноярскаго городѣкого головы — постараться пріѣхать въ городъ днемъ. Было еще утро, но нечего было расчитывать попасть въ Красноярскъ раньше вечера. Чтобы пріѣхать туда днемъ, намъ пришлось бы переждать до слѣдующаго утра на послѣдней станціи. Но времени у насъ оставалось въ обрѣзъ, и мнѣ еще предстояло уладить въ Красноярскѣ кое-какія дѣла, прежде чѣмъ ѣхать дальше, а кромѣ того, меня ждали тамъ письма, такъ что, какъ ни жаль было огорчать красноярцевъ, мѣшкать намъ, согласно ихъ желанію, оказывалось рѣшительно не по карману. Но мы рѣшили употребить всѣ усилія, чтобы пріѣхать вечеромъ возможно раньше.

Итакъ, надо было торопиться, и мы понеслись во весь духъ, мимо пашенъ и луговъ, черезъ села и деревни, не убавляя ходу. Насъ трясло и подкидывало еще хуже; особенно тяжко приходилось въ деревняхъ; въ одномъ селѣ дорога оказалась до того невозможной, что пришлось объѣхать ее кругомъ.

Послѣднюю, тринадцатую, станцію мы покинули въ половинѣ пятаго дня; до Красноярска оставалось еще 35 верстъ, и надо было приналечь, чтобы не пріѣхать черезчуръ поздно. Ямщикъ безъ устали хлесталъ лошадей кнутомъ и подгонялъ то протяжнымъ жалобнымъ воемъ подыхающей собаки, то отрывистыми веселыми окликами.

Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Енисейска одинъ осторожный чиновникъ да и многіе другіе предостерегали насъ, чтобы мы не ѣхали послѣдняго перегона передъ Красноярскомъ въ сумеркахъ: тамъ-де не безопасно; въ силу амнистіи по поводу Романовскаго юбилея было освобождено до срока много уголовныхъ преступниковъ, которые теперь и начали „шалить“ по ночамъ. Еще совсѣмъ недавно произошло нападеніе на почту; лошадь и почтальонъ были убиты, а денежная почта похищена. Разбойниковъ, разумѣется, не поймали. Здѣсь это рѣдко удается. Мы проѣхали мѣсто нападенія еще до наступленія темноты.

Дѣйствительно мѣсто было вполнѣ подходящее для грабежа—пустынное, холмистое. Говорятъ, тамъ водруженъ деревянный крестъ, какъ это принято въ Сибири на мѣстахъ, гдѣ произошло убійство, чтобы проѣзжіе могли помолиться за души убитыхъ. Мы однако креста не видали.

Насъ эти разсказы не запугали, и мы больше смѣялись надъ возможностью нападенія. На пріѣзжихъ, да еще иностранцевъ, въ Сибири нападаютъ рѣдко, предполагая, вѣроятно, что они хорошо вооружены. Мы-то этого предположенія не оправдывали: у меня лично не было при себѣ ничего кромѣ перочиннаго ножа. Ружья я отправилъ пароходомъ. И въ сущности намъ не слѣдовало бы смѣяться: когда мы пріѣхали въ Красноярскъ, всѣ веревки, которыми былъ перевязанъ нашъ багажъ, помѣщавшійся позади кузова тарантаса, оказались перерѣзанными, и концы ихъ волочились по землѣ. Къ счастью, предусмотрительная г-жа Китманова позаботилась вдобавокъ увязать наши вещи въ мѣшки, которые и предохранили ихъ отъ выпаденія. Мы съ Лорисъ-Меликовымъ, правда, замѣтили въ дорогѣ, что какія-то веревки волочатся по землѣ и захлестываютъ колеса, и даже поговорили между собой по этому поводу, но тѣмъ дѣло и ограничилось. Услыхали мы шуршаніе веревокъ вскорѣ послѣ того, какъ миновали опасное мѣсто, а тогда было уже довольно темно. Воры, очевидно, вскочили на тарантасъ сзади и перерѣзали веревки, но были вспугнуты встрѣчными проѣзжими и соскочили. Во время ѣзды, за шумомъ и тряской, нѣтъ никакой возможности разслышать, что̀ творится сзади.

Скоро начался дождь. Навстрѣчу намъ попадались полицейскіе казаки, высланные впередъ, чтобы узнать, гдѣ мы и скоро ли можно ожидать насъ. Изъ этого мы поняли, что и въ Красноярскѣ готовили намъ встрѣчу.

Наконецъ около половины восьмого вечера мы прибыли подъ моросящимъ дождемъ. Городъ, освѣщенный электричествомъ, представлялъ эффектное зрѣлище съ вершины

холма, на который мы въѣхали; вдобавокъ въ степи, у въѣзда въ городъ, пылали костры и факелы. Когда мы подъѣхали поближе, то различили при свѣтѣ костровъ темную массу народа и арку, украшенную русскими и норвежскими флагами; темныя фигуры двигались взадъ и впередъ и махали факелами.

Экипажъ, можно сказать, врѣзался въ толпу и застрялъ въ ней подъ крики „ура“. Пришлось намъ выйти и выслушать привѣтствія городского головы, предсѣдателя Географическаго Общества, представителя губернатора, который самъ былъ въ отъѣздѣ, и т. д. и т. д. Рѣчи покрывались восторженными „ура“, дождь продолжалъ моросить, а факелы и костры ярко пылать. Картина получалась фантастическая. Всѣ эти люди стояли себѣ подъ дождемъ и ждали насъ съ трехъ часовъ дня. Досадно,—но вина была не наша.

Затѣмъ Востротина и меня усадили въ экипажъ, запряженный парой красивыхъ вороныхъ лошадей, а Лорисъ-Меликова въ другой, и повезли подъ гору въ городъ, по освѣщеннымъ электричествомъ улицамъ, къ роскошному дому купца Петра Ивановича Гадалова, гдѣ насъ сердечно приняли самъ хозяинъ съ женой, дочерью и сыномъ.

Итакъ, мы достигли Красноярска,—цѣли, къ которой такъ долго стремились,—какъ-разъ въ срокъ, 25 сентября, и могли похвалить себя за аккуратность, принимая во вниманіе, сколько тысячъ верстъ намъ пришлось проѣхать отъ Христіаніи, да еще столь разнообразными способами. У меня даже оставалось въ распоряженіи цѣлыхъ три дня до отъѣзда на востокъ съ инженеромъ Вурцелемъ. Но гостепріимные горожане рѣшили хорошенько использовать эти дни. Такое „событіе“, какъ нашъ пріѣздъ, надо было отпраздновать; а кромѣ того меня просили прочесть докладъ о нашемъ путешествіи, что̀ я и пообѣщалъ. Но прежде всего надо было хорошенько смыть съ себя грязь и дорожную пыль, переодѣться и откушать вмѣстѣ съ моими спутниками за праздничнo накрытымъ столомъ въ

домѣ нашихъ милыхъ хозяевъ, которые не знали, чѣмъ намъ и угодить. Въ такія минуты мнѣ всегда кажется, что ничто не можетъ сравниться съ наслажденіемъ путешественника, добравшагося, послѣ долгихъ мытарствъ въ морозъ и метель или въ туманъ и дождь, до шалаша или теплаго костра, или, какъ мы теперь, послѣ долгой тряски по проселочнымъ дорогамъ—до такого дворца.

Пятница, 26 сентября. На другой день я первымъ долгомъ привелъ въ порядокъ свои снимки, нужные для доклада. Бо́льшую часть негативовъ я проявилъ еще на борту „Корректа“ и „Омуля“, гдѣ темной комнатой намъ съ Востротинымъ служила ванна. Одинъ изъ хранителей музея въ Красноярскѣ взялся сдѣлать діапозитивы съ выбранныхъ мною снимковъ и отлично справился со своей задачей. Затѣмъ надо было побывать въ магазинѣ и пріобрѣсти новый запасъ катушекъ съ пленками и пластинокъ для моего фотографическаго аппарата. Затѣмъ отправиться въ банкъ за деньгами и заняться приведеніемъ въ порядокъ гардероба, нѣсколько пострадавшаго за время путешествія.

Востротинъ прокатилъ меня по городу и показалъ всѣ достопримѣчательности, въ томъ числѣ соборъ Рождества Христова, высокія колокольни и золотые купола котораго видны были со всѣхъ концовъ города. Красноярскіе владѣльцы золотыхъ пріисковъ начали строить соборъ въ 1843 году, но въ 1849 своды храма рухнули. Тогда золотопромышленникъ Щеголевъ взялъ на себя постройку и украшеніе храма, и это обошлось ему около полумилліона рублей. Вообще, если какой-нибудь богатый сибирякъ желаетъ принести на алтарь отечества жертву отъ избытка своего, то строитъ церковь. Затѣмъ мы посѣтили городской паркъ, который слыветъ лучшимъ во всей Сибири. Время было осеннее, и цвѣты уже завяли, но, судя по деревьямъ, хвойнымъ и лиственнымъ, можно было представить себѣ, что лѣтомъ паркъ является чудеснымъ мѣстомъ для прогулокъ. Улицы въ городѣ широкія и прямыя; на главныхъ

улицахъ каменные дома, но большая часть построекъ изъ дерева. Красноярскъ красиво расположенъ на лѣвомъ берегу Енисея, въ долинѣ, окруженной горами. Съ западной стороны находятся возвышенности, черезъ которыя мы перевалили наканунѣ вечеромъ. Ближайшая къ городу крутая гора состоитъ изъ краснаго песчаника съ прослойкой краснаго мергеля, чему городъ и обязанъ своимъ названіемъ. На восточномъ берегу Енисея мѣстность еще выше и болѣе пересѣченная; возвышенности здѣсь отчасти вулканическаго происхожденія и поросли рѣдкимъ лѣсомъ.

Нѣсколько выше Красноярска Енисей пробивается сквозь скалистое ущелье и суживается иногда до 300—400 метровъ въ ширину, зато быстрота теченія достигаетъ 7—9 верстъ въ часъ. Дальше рѣка опять разливается и достигаетъ версты слишкомъ въ ширину, а вблизи города раздѣляется на два рукава и обтекаетъ низменные красивые острова, поросшіе березовымъ лѣсомъ.

Здѣсь, какъ и вездѣ, наблюдается большая разница въ уровнѣ воды во время весенняго разлива и лѣтомъ. Разница эта достигаетъ 10 метровъ, и ею-то и обусловливается своеобразное строеніе береговъ—голые песчаные откосы, полого спускающіеся къ водѣ.

Послѣ полудня мой гостепріимный хозяинъ предоставилъ въ мое распоряженіе верховую лошадь, такъ какъ слышалъ, что мнѣ хотѣлось ознакомиться съ окрестностями. Вмѣстѣ съ сыномъ хозяйки я и совершилъ чудесную прогулку въ горы на западъ отъ Красноярска. Мѣстность была холмистая, пустынная. Горы большею частью сложены изъ рыхлаго краснаго песчаника, но, повидимому, это лишь верхніе слои, какъ и всюду, образованные процессомъ вывѣтриванія въ теченіе долгихъ временъ. Такъ какъ здѣсь, видимо, не было ледниковаго періода,—по крайней мѣрѣ въ позднѣйшія геологическія эпохи,—то всѣ эти продукты вывѣтриванія остались на мѣстѣ. Мѣстность прорѣзана размытыми водой долинами; тамъ и сямъ

КРАСНОЯРСКЪ.

Гос.
Публичная

ВИДЪ НА КРАСНОЯРСКЪ СЪ ГОРЫ КЪ ЗАПАДУ ОТЪ ГОРОДА (26 СЕНТ.).
Г. Гадаловъ верхомъ.

изъ песчаника пробились ключи и образовали глубокія узкія ущелья.

Нѣкогда, быть-можетъ, пространства эти были покрыты лѣсомъ, хотя я и не нашелъ никакихъ слѣдовъ этого. Должно-быть, онъ выгорѣлъ въ незапамятныя времена, и вся мѣстность превратилась въ луговую равнину, почти нигдѣ не воздѣлываемую, за исключеніемъ рѣчныхъ долинъ, да и тамъ мало.

Суббота, 27 сентября. Мой несравненный хозяинъ угадалъ, что мнѣ очень хотѣлось познакомиться также съ горами другого, восточнаго берега Енисея, и на другое утро снова предоставилъ намъ верховыхъ лошадей. На этотъ разъ я отправился въ сопровожденіи молодого г. Гадалова и хранителя музея.

Нѣсколько выше Красноярска черезъ Енисей перекинутъ желѣзнодорожный мостъ, почти въ 900 метровъ длиною; другого моста черезъ рѣку нѣтъ, и для переправы пользуются паромами. Даже самый главный паромъ устроенъ весьма примитивно и въ движеніе приводится силою самого теченія. Къ одному изъ концовъ длиннаго каната прикрѣпленъ якорь и спущенъ на дно рѣки выше мѣста переправы; самый канатъ покоится на лодкахъ или на баркахъ; другой конецъ его прикрѣпленъ къ парому, снабженному большимъ рулемъ. Если съ помощью руля паромъ поставить наискось теченія, то его понесетъ на другой берегъ, къ пристани. Тамъ люди и лошади сходятъ, паромъ снова нагружается, руль переставляется, и паромъ снова переносится теченіемъ обратно. Такимъ образомъ переправа совершается цѣлый день, и вся работа перевозчиковъ заключается въ томъ, чтобы переставлять руль.

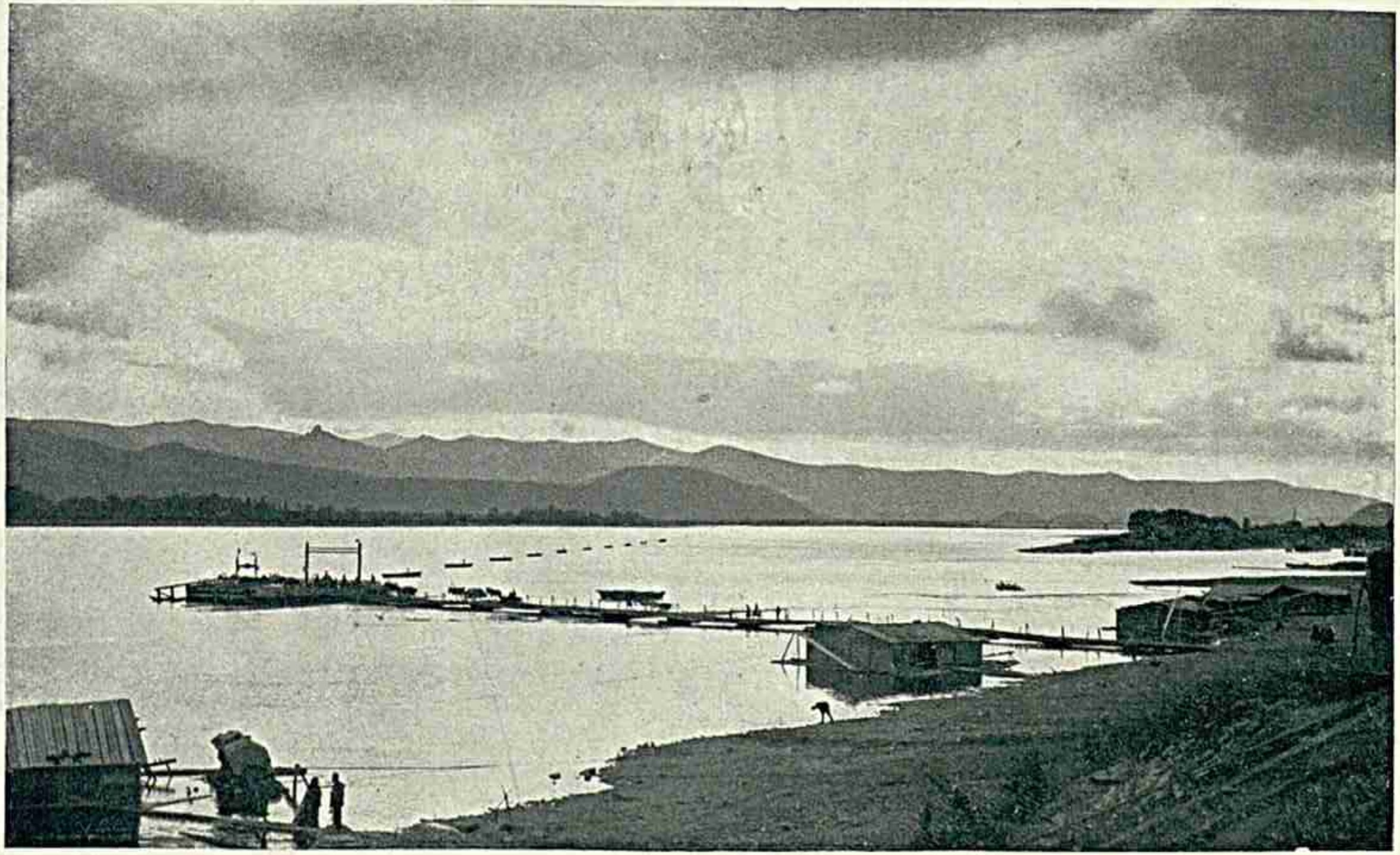
Пришлось подождать тутъ и намъ. Сегодня оказался большой праздникъ (14 сентября стараго стиля), а вчера былъ базарный день, и народу у переправы собралось множество. Интересно было посмотрѣть на народъ, такой веселый, радостный и довольный съ виду. Всѣ они собра-

лись домой въ деревни, телѣги были пусты, а женщины и дѣвушки въ лучшихъ своихъ нарядахъ. Паромъ присталъ къ берегу, нагруженный людьми, лошадьми и телѣгами, и едва всѣ они выбрались, какъ на него хлынула новая масса возовъ, лошадей и людей. Скоро мы отчалили и очень быстро очутились на противоположномъ берегу. Но оказалось, что мы попали еще только на островъ, и по другую сторону его насъ ожидалъ другой паромъ.

Наконецъ мы переѣхали второй рукавъ рѣки и очутились на твердой почвѣ, сѣли верхомъ на лошадей и быстрою рысью отправились къ югу вдоль рѣки, сначала степью, а потомъ долиной между горъ, пока не доѣхали до гранитнаго кряжа, который меня особенно интересовалъ.

Для того, кто привыкъ къ нашимъ круглымъ, отполированнымъ льдами скандинавскимъ скаламъ, странно видѣть здѣшнія горныя формы.

По долинамъ ясно видно, что онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ водѣ, а не ледникамъ, какъ у насъ. А зубчатые вывѣтрѣлые горные гребни изъ гранита, возвышающіеся надъ окружающими горами, ясно указываютъ на то, что мѣстность съ незапамятныхъ временъ подвергалась сильнѣйшему вывѣтриванію и разрушенію подъ вліяніемъ атмосферныхъ осадковъ, вслѣдствіе чего уцѣлѣли лишь болѣе твердыя породы, образовавшія нѣчто въ родѣ развалинъ, тогда какъ болѣе рыхлыя были смыты дождями, унесены водами и вѣтромъ. Я часто видѣлъ впослѣдствіи и въ Сибири и въ Пріамурьѣ подобные острые, разорванные и зубчатые гребни изъ гранита или изъ другой твердой породы, которые высоко вздымались надъ окружающей мѣстностью. Они указываютъ, что здѣсь не могло быть ледниковаго періода съ его глетчерами,—иначе они были бы стерты съ лица земли. Почва вокругъ была усѣяна толстымъ слоемъ гравія и песку, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ тому же процессу вывѣтриванія. У подошвы этихъ крутыхъ утесовъ не было даже каменистыхъ розсыпей, какія непре-

ПАРОМЪ НА ЕНИСЕѢ, У КРАСНОЯРСКА.
По серединѣ рѣки тянется рядъ барокъ, поддерживающихъ канатъ.

Гос. Публичная Б-ка

ПАРОМЪ ПРИСТАЕТЪ КЪ ВОСТОЧНОМУ БЕРЕГУ (27 СЕНТ.).

мѣнно встрѣтились бы у насъ, въ Норвегіи. Даже грунтъ здѣсь подвергается вывѣтриванію и большею частью покрытъ гравіемъ, черноземомъ и растительностью. Лѣсная почва часто одѣта порослью, но самый лѣсъ рѣдковатъ, деревья некрупныя и по большей части лиственныхъ породъ.

Днемъ красноярское спортивное общество и школы устроили въ честь насъ состязаніе въ футболъ на городскомъ плацу. Въ послѣдніе годы въ Россіи наблюдается сильное увлеченіе такъ называемымъ сокольствомъ, получившимъ свое начало въ Чехіи, гдѣ оно въ 1912 году отпраздновало свой пятидесятилѣтній юбилей. Увлеченіе это встрѣтило поддержку правительства, и сокольскія общества стали организовываться по всей Россіи, а также здѣсь, въ Сибири. Русскіе конькобѣжцы, которые были самыми опасными нашими соперниками въ состязаніи на первенство міра, тоже принадлежатъ къ „соколамъ“. На спортивномъ плацу мы были очень тепло приняты красноярской молодежью въ красивыхъ свѣтлыхъ костюмахъ, и большое удовольствіе было смотрѣть на ихъ оживленную и умѣлую игру. Распрощавшись съ этими милыми юношами и съ ихъ предупредительными руководителями, мы отправились въ городской музей, гдѣ намъ была устроена парадная встрѣча служащими и дирекціей музея. Въ музеѣ собраны цѣнныя коллекціи различнаго рода—естественно-научныя, археологическія, этнографическія и т. п. Для меня наиболѣе интересными являлись именно послѣднія, особенно коллекціи, касающіяся енисейскихъ остяковъ, тунгузовъ, самоѣдовъ и другихъ. Много новаго объ историческомъ прошломъ и настоящемъ Сибири узналъ я также изъ устныхъ объясненій свѣдущихъ хозяевъ музея.

Воскресенье, 28 сентября. На другой день состоялось засѣданіе въ Географическомъ Обществѣ. Я разсказывалъ о нашемъ путешествіи и показывалъ діапозитивы, а также развивалъ планъ возможнаго судоходства черезъ Карское море къ устью Енисея. Востротинъ былъ такъ любезенъ

снова взять на себя обязанность переводчика. Сердечное участіе и глубокій интересъ, обнаруженные многолюднымъ собраніемъ, дали мнѣ понять, какое важное значеніе придаютъ сибиряки возможности морского сообщенія ихъ страны съ Европой. Да это и неудивительно: несмотря на желѣзную дорогу, здѣшніе промышленники чувствуютъ себя словно взаперти со своими продуктами, и надежда на сбытъ ихъ морскимъ путемъ открываетъ имъ блестящія перспективы. Огромныя сибирскія рѣки прямо какъ бы созданы для цѣлей такого сообщенія; транспортъ внизъ по теченію необычайно удобенъ, и всѣ эти рѣки указываютъ на сѣверъ, на Ледовитый океанъ, какъ на выходъ изъ создавшагося положенія. Вѣроятно, въ связи съ этимъ городъ и принималъ насъ такъ радушно, хотя мы были только приглашенными гостями въ этомъ морскомъ плаваніи и не подозрѣвали за собой никакихъ особыхъ заслугъ.

Вечеромъ городской голова и Географическое Общество дали намъ обѣдъ; было произнесено много сердечныхъ рѣчей, проявлено много воодушевленія; пришли даже привѣтственныя телеграммы изъ Иркутска и изъ другихъ областей Сибири.

Понедѣльникъ, 29 сентября. На другое утро, въ пять часовъ, мои любезные хозяева проводили меня на вокзалъ желѣзной дороги. Тамъ встрѣтилъ насъ, чего мы ужъ никакъ не ожидали, радушный и сердечный хозяинъ вчерашняго обѣда, городской голова, а также предсѣдатель Географическаго Общества и многіе другіе, пожелавшіе еще разъ проститься со мной. Лорисъ-Меликовъ и Востротинъ въ свою очередь рѣшили проводить меня до Иркутска, но на этотъ поѣздъ уже не оказалось билетовъ—всѣ мѣста были заняты еще въ Россіи. Въ 5 ч. 35 м. подошелъ экспрессъ, весь запорошенный снѣгомъ, напоминая намъ, что мы находимся въ Сибири. Тутъ мы наконецъ встрѣтились съ инженеромъ Вурцелемъ, который очень сердечно принялъ меня въ своемъ купэ-салонѣ.

Въ его любезномъ обществѣ мнѣ и предстояло теперь начать новое путешествіе на востокъ, по совершенно невѣдомой мнѣ доселѣ странѣ. Въ его большомъ вагонѣ мѣста оказалось вдоволь, и онъ тотчасъ же пригласилъ Востротина и Лорисъ-Меликова ѣхать вмѣстѣ съ нами.

Затѣмъ мы распрощались съ милѣйшими жителями Красноярска, поѣздъ тронулся, и мы помчались на востокъ по нескончаемому рельсовому пути. За длиннымъ мостомъ черезъ Енисей дорога довольно долго шла степью, большею частью вполнѣ пригодной для землепашества и, казалось, даже не требовавшей удобренія; кое-гдѣ встрѣчались и воздѣланныя поля. То обстоятельство, что въ Сибири даже вдоль линіи желѣзной дороги такъ много лежащихъ втуне земельныхъ участковъ, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что сибиряки не удобряютъ земли, а, использовавъ ее, оставляютъ подъ паромъ иногда лѣтъ двадцать.

Первою большою станціей былъ городъ Канскъ, расположенный на Канѣ, притокѣ Енисея, и насчитывающій 10.000 жителей. Городской голова Канска, встрѣтившій насъ еще въ Красноярскѣ, снова привѣтствовалъ насъ на станціи во главѣ депутаціи отъ города; въ теченіе немногихъ минутъ остановки вновь было произнесено нѣсколько привѣтственныхъ и отвѣтныхъ рѣчей. Всюду обнаруживался живѣйшій интересъ къ установленію морского пути черезъ Карское море. Нужда въ немъ съ году на годъ становится все болѣе ощутительной.

А затѣмъ мы снова помчались на востокъ по слегка волнистой мѣстности, съ нескончаемыми плодородными пространствами земли, но здѣсь попадалось также много лѣса. Вагонъ Вурцеля былъ послѣднимъ въ поѣздѣ, при чемъ салонъ помѣщался въ концѣ вагона, и окна были какъ сбоку, такъ и въ задней стѣнѣ, и намъ открывался свободный видъ на всю желѣзнодорожную линію и во всѣ стороны.

Въ салонѣ у насъ происходили долгія бесѣды на тему—

какимъ образомъ обезпечить правильное судоходство между Норвегіей и Енисеемъ. Мы обсуждали и устройство станцій безпроволочнаго телеграфа, и рекогносцировки моторныхъ лодокъ и аэроплановъ для наблюденія за состояніемъ льдовъ въ Карскомъ морѣ, и т. д. и т. д. Устройство подходящей гавани въ сѣверной части Енисея, а также транспортъ вверхъ и внизъ по Енисею обсуждались при ближайшемъ участіи Востротина, очень свѣдущаго въ этой области. Мало-по-малу подъ умѣлымъ руководствомъ Вурцеля была набросана цѣлая программа. Мнѣ приходилось только удивляться быстротѣ, съ которою онъ умѣлъ оріентироваться въ совершенно новыхъ комбинаціяхъ, мигомъ учитывая всѣ ихъ выгоды и невыгоды.

Затѣмъ собесѣдованія эти прекратились, такъ какъ Вурцелю, въ качествѣ главноуправляющаго всѣхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ Россійской имперіи, надо было ревизовать линію. Дѣло въ томъ, что желѣзнодорожный путь на большомъ протяженіи перестраивался изъ одноколейнаго въ двухколейный. Война съ Японіей показала, что одной колеи слишкомъ мало, особенно въ военное время. Покинувъ „Корректъ“ и „Омуль“ и вступивъ на сушу, мы были твердо увѣрены, что больше намъ не понадобятся услуги лоцмана; однако намъ не разъ приходилось останавливаться и брать въ поѣздъ проводника, т.-е. своего рода лоцмана, который указывалъ, когда требовалось замедлить ходъ поѣзда; укрѣпленіе желѣзнодорожнаго полотна представляло здѣсь большія трудности— рыхлая почва мѣстами осѣдала и оползала.

Итакъ, послѣ многократныхъ пересадокъ за время нашего длиннаго путешествія и перемѣнъ путей сообщенія (сперва ѣхали по норвежской желѣзной дорогѣ, затѣмъ плыли на норвежскомъ пароходѣ, далѣе на „Корректѣ“ и на „Омулѣ“, потомъ мчались въ тарантасѣ по проселочнымъ дорогамъ), мы всѣ трое очутились въ экспрессѣ, направлявшемся изъ Петрограда во Владивостокъ и въ

Пекинъ и къ Тихому океану. Всѣмъ давно извѣстно, что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такихъ удобныхъ желѣзныхъ дорогъ, какъ въ Россіи, а дальне-сибирскій экспрессъ особенно славится своимъ комфортомъ и роскошью. Но я не стану даже пытаться описывать его по той простой причинѣ, что самый поѣздъ видѣлъ очень мало, только во время перехода въ вагонъ-ресторанъ. Я вѣдь имѣлъ счастье ѣхать все время съ инженеромъ Вурцелемъ, въ его собственномъ вагонѣ, гдѣ къ нашимъ услугамъ были всѣ удобства, и остальныхъ пассажировъ я видѣлъ только въ вагонѣ-ресторанѣ. Но, безъ сомнѣнія, путешествовать въ такомъ поѣздѣ очень удобно и пріятно. Рельсовая колея въ Россіи, какъ извѣстно, шире, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ. Поэтому и самые вагоны шире, больше и, стало-быть, помѣстительнѣе, и ходъ у нихъ спокойнѣе. Послѣднее обстоятельство имѣетъ особенное значеніе для пассажировъ, которые не выпускаютъ пера изъ рукъ; въ этомъ смыслѣ по Сибири ѣхать удобно.

Въ чудесномъ вагонѣ инженера Вурцеля мы нашли чисто домашній уютъ, и я съ удовольствіемъ вспоминаю время, проведенное мною въ обществѣ этого пріятнаго и интереснаго собесѣдника и въ созерцаніи скользившей мимо оконъ нашего вагона необъятной равнины. Въ этомъ неустанномъ стремленіи на востокъ, душа словно расширялась, стремясь впитать въ себя впечатлѣнія какъ бы отъ новой части свѣта. Но въ умѣ невольно возникали опасенія, что немыслимо переварить всю эту массу впечатлѣній, привести ихъ въ должный порядокъ. Постоянно открывались все новые и новые горизонты, и лишь одно впечатлѣніе повторялось все болѣе и болѣе настойчиво: еще много мѣста на землѣ, и его хватитъ надолго! Здѣсь лежатъ безконечныя пространства, таящія блестящія возможности, и только ждутъ приложенія творческихъ силъ человѣка. И такихъ мѣстъ попадалось все больше и больше по мѣрѣ нашего приближенія къ Дальнему Востоку.

XIII. КОЛОНИЗАЦІЯ И РАЗВИТІЕ СИБИРИ.

Народонаселеніе Сибири.—Постоянный ростъ территоріи Россіи.—Прежній взглядъ на Сибирь.—Эмиграція въ Америку.—Улучшенія позднѣйшаго времени.—Переселеніе въ Сибирь.—Внутренняя политика Сибири.—Богатства Сибири.—Помощь переселенцамъ.—Размѣры земельныхъ надѣловъ.—Экономическое положеніе переселенцевъ.—Пренебреженіе земледѣліемъ.—Двоякое значеніе переселенческаго движенія.

Многимъ можетъ показаться страннымъ, что такая земледѣльческая страна, какъ Россія, свыше трехсотъ лѣтъ владѣя неисчерпаемыми естественными богатствами и нескончаемыми пространствами плодородной земли въ Сибири, не использовала этой послѣдней такъ, какъ слѣдовало бы. Если исключить позднѣйшія пріобрѣтенія въ Центральной Азіи, то Сибирь и восточно-азіатскія владѣнія Россіи насчитываютъ не больше 11 милліоновъ жителей. Другими словами, народонаселеніе необъятной Сибири не превышаетъ даже въ 1½ раза достаточно рѣдкаго народонаселенія Скандинавскаго полуострова, хотя Сибирь, несмотря на огромныя разстоянія, представляетъ, особенно на югѣ, гораздо лучшія условія для жизни, чѣмъ бо̀льшая часть Скандинавіи.

Одинъ русскій писатель, описывающій Сибирь съ ея огромными возможностями и природными богатствами, говоритъ, что печальная исторія этой страны какъ нельзя лучше подтверждаетъ мнѣніе иностранныхъ изслѣдовате-

лей о Россіи, что русскіе умѣютъ завоевывать новыя земли, но не умѣютъ ихъ заселять. По общему мнѣнію, русскіе не способны къ продолжительной, упорной и сознательной колонизаторской работѣ. Основательность этого послѣдняго утвержденія довольно сомнительна, зато надо сознаться, что Россія доказала необычайную способность расширяться. Ростъ ея территоріи со временъ основанія Московскаго государства въ 1500 году до нашихъ дней не имѣетъ себѣ равнаго въ міровой исторіи, за исключеніемъ Британской имперіи. За все это время русское государство въ среднемъ увеличивалось приблизительно на 128 квадратныхъ верстъ въ день, или на 46.800 квадратныхъ верстъ въ годъ, что въ семь лѣтъ составляло пространство, равное по величинѣ королевству Норвегіи. И такъ продолжалось безъ перерыва, пока Россія не достигла своей теперешней величины — около двадцати милліоновъ квадратныхъ верстъ. Но приростъ населенія въ завоеванныхъ областяхъ шелъ очень медленно до самаго послѣдняго времени. За триста лѣтъ владѣнія Сибирью, кончая 1896 годомъ прошлаго столѣтія, изъ Россіи выселилось туда не больше трехъ милліоновъ людей. Если для сравненія упомянуть, что маленькая Норвегія за 25 лѣтъ (1886 — 1910) выслала въ Америку 366.670 колонистовъ, то вышеприведенное число русскихъ переселенцевъ покажется ничтожнымъ для огромной Россіи.

Причины столь медленной колонизаціи огромныхъ и богатыхъ азіатскихъ владѣній Россіи надо искать въ недостаточномъ сознаніи необходимости скорѣйшаго развитія и заселенія этихъ областей; наоборотъ, на нихъ смотрѣли, какъ на опасныхъ конкурентовъ, и старались только выжать изъ нихъ все, что̀ можно. Къ этому надо прибавить еще много другихъ факторовъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ является, безъ сомнѣнія, взглядъ на Сибирь, какъ на колонію для преступниковъ, куда и ссылались всѣ нежелательные и безпокойные элементы, отъ которыхъ желали изба-

виться въ Россіи. Это въ свою очередь создало Сибири дурную славу; ея стали бояться, и сравнительно мало кто стремился туда по доброй волѣ. Большимъ препятствіемъ служили также огромныя разстоянія, пока еще не было желѣзной дороги. Переселенцы терпѣли страшныя лишенія во время долгаго пути по труднымъ сибирскимъ дорогамъ, а изъ Петрограда почти невозможно было ожидать сколько-нибудь дѣйствительно энергичнаго содѣйствія развитію страны. Сильно затрудняло колонизацію также крѣпостное право, отмѣненное лишь въ царствованіе Александра II.

Замѣчательно, что, владѣя огромными неиспользованными угодьями въ Сибири, Россія ежегодно посылала массу переселенцевъ въ Америку. За десять лѣтъ 1891—1900 въ одни Соединенные Штаты эмигрировало полмилліона русскихъ, а въ теченіе послѣдующихъ семи лѣтъ 1900—1906 только черезъ нѣмецкія гавани выѣхало 485.850 русскихъ.

Но въ послѣднее время, въ особенности послѣ войны съ Японіей 1904—1905 г.г., въ Россіи кореннымъ образомъ измѣнился взглядъ на Сибирь и ея развитіе; открылись глаза на то, что̀ было упущено въ этомъ смыслѣ, и на огромное значеніе этого развитія для будущаго всей страны. Большимъ шагомъ впередъ было уже рѣшеніе правительства впредь не ссылать въ Сибирь преступниковъ; послѣ же японской войны правительство стало прилагать всѣ усилія для содѣйствія колонизаціи своихъ азіатскихъ владѣній. Суммы, потраченныя правительствомъ съ этой цѣлью въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, даютъ наглядное представленіе о томъ, насколько работа подвинулась впередъ. До 1896 года на переселенческое дѣло расходовалось ежегодно до милліона рублей, за срокъ 1896—1905 г.г. цифра эта поднялась до 2.900.000 рублей, въ 1906—до 5 милліоновъ, въ 1907—до 13½ милліоновъ, въ 1908—до 19 милліоновъ, а въ 1909—до 22½ милліоновъ рублей. Словомъ, съ каждымъ годомъ сумма увеличива-

лась, пока не достигла 30 милліоновъ, ассигнованныхъ на эту статью въ минувшемъ 1914 году, т.-е. съ 1905 года сумма расходовъ на переселенческое дѣло возрасла больше, чѣмъ въ десять разъ.

Подобнымъ же образомъ возросло и количество переселенцевъ изъ Россіи въ Сибирь. За триста лѣтъ, до 1896 года, переселилось всего около трехъ милліоновъ человѣкъ, за десятилѣтіе съ 1896 года по 1905 годъ переселилось 1.370.000, а за время съ 1905 года по 1913 годъ, т.-е. за то время, когда колонизаціей азіатскихъ владѣній занялось Министерство Земледѣлія, въ Сибирь переселилось три милліона людей. Можно смѣло присоединиться къ словамъ офиціальнаго сообщенія, что „подобный притокъ свѣжихъ силъ уже имѣлъ, а въ будущемъ будетъ имѣть еще большее значеніе для развитія Сибири". Народонаселеніе губерній Томской и Енисейской удвоилось за десятилѣтіе съ 1902 года по 1912 годъ. Новые города выростаютъ съ чисто американской быстротой. Площадь воздѣлываемой земли мѣстами увеличилась въ два - три раза, а вывозъ мѣстныхъ продуктовъ такъ возросъ, что существующихъ путей сообщенія оказалось слишкомъ мало. Для уясненія перемѣнъ и колебаній переселенческаго движенія приведемъ слѣдующія цифры. За время съ 1896 года по 1904 годъ число переселенцевъ колеблется между 100.000 и 200.000 человѣкъ. Послѣ японской войны переселенческое движеніе, поощряемое правительствомъ, сильно возросло. Въ 1906 году, несмотря на то, что страна еще не оправилась послѣ потрясенія, число переселенцевъ достигло 216.000. Затѣмъ оно стало быстро возрастать: въ 1907 году оно достигло уже 577.000 человѣкъ, въ 1908 году—759.000, въ 1909 году—707.500. Въ слѣдующемъ 1910 году число переселенцевъ убавилось до 353.000 человѣкъ, а въ 1911 году—до 226.000; въ 1912 году оно вновь нѣсколько поднялось — до 259.600, и въ 1913 году до 327.000 человѣкъ. Уменьшеніе числа переселенцевъ, начиная съ 1909 года,

объяснялось, по словамъ официальнаго отчета, тѣмъ, что огромный наплывъ переселенцевъ за промежутокъ 1907—1909 г.г. обусловленъ былъ временной пріостановкой переселенія во время войны и революціи, а затѣмъ движеніе должно было вновь войти въ болѣе нормальныя рамки. Къ этому присоединяется еще то, что позднѣйшіе годы были въ Сибири неурожайными и, наоборотъ, урожайными въ Россіи; развитіе земледѣлія и дѣятельность крестьянскихъ банковъ (для содѣйствія крестьянамъ въ покупкѣ и продажѣ земли) настолько подняли благосостояніе тѣхъ мѣстностей въ Россіи, которыя давали наибольшее число переселенцевъ, что обстоятельства вообще измѣнились. За пятилѣтіе 1909—1913 г.г. въ этихъ мѣстностяхъ перешло съ помощью крестьянскихъ банковъ въ собственность крестьянъ 27.000 квадратныхъ верстъ земли, а подобныя обстоятельства, конечно, способны удержать дома тѣхъ, кто раньше собирался ѣхать за землею въ Сибирь. Но главной причиной уменьшенія притока переселенцевъ является, конечно, значительное уменьшеніе площади свободной и плодородной земли въ самой Сибири. Области, прилегающія къ полотну желѣзной дороги, уже заняты, и съ каждымъ годомъ переселенцамъ приходится забираться все дальше вглубь страны, въ тайгу и въ пустынныя киргизскія степи. Принадлежавшія Кабинету Его Величества земли на Алтаѣ уже были подѣлены между поселенцами. Раньше имѣлись еще земельные участки, отобранные отъ первыхъ поселенцевъ, которые захватили себѣ черезчуръ много; съ теченіемъ времени поубавилось и такихъ участковъ, и на первыхъ порахъ переселенцамъ стало приходиться круто. Большая переселенческая волна 1908 года не могла поэтому удержаться на прежней высотѣ тѣмъ болѣе, что, какъ уже сказано, была отчасти вызвана перерывомъ въ переселенческомъ движеніи во время войны и революціи. Первое пониженіе переселенческой волны относилось къ 1910 году; слѣдующій 1911 годъ по числу пере-

селенцевъ (226.000) немногимъ превзошелъ 1898 — 1900 г.г., когда ежегодное число переселенцевъ колебалось между 203.000 и 223.000; но за послѣдніе два года цифры опять послѣдовательно возрастаютъ.

Не трудно понять, что много помѣшала правильному развитію Сибири также удаленность ея отъ правительственныхъ центровъ. По русской системѣ всѣ административныя нити сосредоточиваются въ Петроградѣ, и огромныя разстоянія до различныхъ областей Сибири дѣлали совершенно невозможнымъ правильный надзоръ и удовлетвореніе всѣхъ нуждъ населенія, въ особенности въ тѣ времена, когда пути сообщенія ограничивались рѣками да проселочными дорогами. Почта шла туда и обратно по мѣсяцамъ, да и теперь идетъ не слишкомъ быстро. Съ большими трудностями сопряжено и регулированіе переселенческаго движенія въ такой огромной странѣ, особенно когда наблюдать приходится изъ Петрограда, весьма удаленнаго отъ мѣстъ, гдѣ происходитъ водвореніе переселенцевъ.

Казалось бы, мѣстное самоуправленіе могло наилучшимъ образомъ справиться съ задачей развитія края. Но въ Сибири лишь города пользуются самоуправленіемъ, села же и деревни подчинены непосредственно правительству въ лицѣ его чиновниковъ.

Въ сибирской политической жизни надо поэтому считаться съ двумя направленіями. Приверженцы одного, за которое пока стоитъ большинство сибиряковъ, настаиваютъ на необходимости введенія общественнаго самоуправленія также въ сельскихъ мѣстностяхъ, иначе говоря, сибирскаго „земства“, которое бы вѣдало нужды сельскихъ общинъ и имѣло право обложенія налогами и расходованія средствъ на постройку дорогъ, школъ и т. п., вмѣсто предоставленія всѣхъ этихъ дѣлъ правительству. Приверженцы этого взгляда находятъ, что такой порядокъ наиболѣе легокъ и удобенъ.

Приверженцы другого направленія возражаютъ, что въ Сибири нѣтъ дворянства и крупныхъ помѣщиковъ, что это крестьянская страна, и большинство сельскихъ жителей совершенно неспособно и не подготовлено къ такому самоуправленію: лишь меньшинство изъ нихъ грамотно. Въ Россіи-де условія другія: тамъ управленіе въ рукахъ высшаго класса. Но противники приводятъ въ примѣръ Вятскую губернію, гдѣ подобное самоуправленіе безъ руководительства высшихъ классовъ уже дало наилучшіе результаты. Населеніе Вятской губерніи исключительно крестьянское, между тѣмъ, по общему мнѣнію, это одна изъ лучшихъ губерній въ Россіи въ смыслѣ порядка и общаго развитія. Приводятъ въ примѣръ и Пермскую губернію.

Есть въ Сибири и еще значительная партія, мечтающая о гомрулѣ; эта партія находитъ, что для такой обширной страны, какъ Россія, недостаточно центральнаго правительства и одной общей Думы, которой приходится вѣдать всѣ дѣла, и большія и малыя, и которая поэтому не можетъ достаточно вникать въ мѣстные интересы отдѣльныхъ областей. Для Сибири нужна, по мнѣнію этой партіи, особая Дума и особые органы мѣстнаго самоуправленія, обслуживающіе исключительно Сибирь. Русская правительственная партія возражаетъ на это то же, что англійскіе уніонисты возражаютъ противъ гомруля для Ирландіи — что такая самостоятельность можетъ привести Сибирь къ сепаратизму, что интересы ея могутъ пойти въ разрѣзъ съ интересами остальной Россіи, а это можетъ угрожать единству и цѣльности Россійской имперіи.

На это съ другой стороны возражаютъ, что предположеніе, будто интересы Сибири когда-либо могутъ столкнуться съ интересами остальной имперіи, совершенно не выдерживаетъ критики, и надо помнить, что теперешнее населеніе Сибири, за исключеніемъ горсточки инородцевъ, не является народомъ покореннымъ, какъ ирландцы, а

выходцами изъ Россіи, которые никогда не забудутъ, что они русскіе, и всегда будутъ противопоставлять себя азіатскимъ народностямъ востока и юга. Наоборотъ, гораздо вѣрнѣе предположеніе, что болѣе непосредственно заинтересованные въ дѣлахъ и знающіе мѣстныя условія сибиряки скорѣе всего сумѣютъ поднять благосостояніе Сибири и сильнѣе укрѣпить значеніе Россіи на Дальнемъ Востокѣ.

Нѣтъ, конечно, надежды, чтобы подобная политическая программа получила осуществленіе въ ближайшемъ будущемъ. Но, хотя мнѣнія относительно средствъ достиженія и расходятся, всѣ партіи того мнѣнія, что надо всячески содѣйствовать русской колонизаціи Азіи. Что мнѣніе это также раздѣляется и правящими кругами, явствуетъ изъ отчета Управленія по землеустройству за пятилѣтіе 1909 — 1913 г.г., гдѣ между прочимъ упоминается, что, хотя для колонизаціи и сдѣлано уже много, но все же еще недостаточно, и что необходимо энергично развивать начатую въ колоніяхъ культурную работу: подготовлять участки, предназначенные къ заселенію, строить дороги, рыть колодцы, возводить больницы, упорядочить почтовыя сообщенія, заботиться о просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, церквахъ и школахъ; необходимо также научить старыхъ переселенцевъ улучшеннымъ способамъ земледѣлія. Просвѣщенные крестьяне нужны въ Сибири не меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Далѣе говорится, что на будущее время надо сосредоточить колонизацію вдоль границъ Азіатской Россіи, оказывая здѣсь переселенцамъ усиленную поддержку. Необходимо также возможно скорѣе разработать сибирскую желѣзнодорожную сѣть, въ особенности главную южную вѣтвь черезъ киргизскія степи. Постройка желѣзныхъ дорогъ дастъ возможность расширить колонизацію и укрѣпить старыя колоніи и т. д.

Сибирь, какъ уже сказано, богатая страна, и стоитъ потрудиться надъ ея развитіемъ. Особенно изобилуетъ она

минеральными богатствами. Первое мѣсто принадлежитъ золоту, котораго находятъ все больше и больше, главнымъ образомъ въ средней и восточной Сибири. Въ Енисейской губерніи золото найдено во многихъ мѣстахъ, также въ средней части и въ восточной. Въ Иркутской губерніи нѣкоторыя мѣстонахожденія золота считаются богатѣйшими въ Сибири; много разрабатывается золота и въ Забайкальѣ. Въ Пріамурьѣ золото найдено вдоль рѣкъ, и есть данныя утверждать, что эта мѣстность является богатѣйшею по количеству золотыхъ рудъ. Найдено также золото въ Уссурійскомъ краѣ и даже возлѣ Анадыря, къ сѣверу отъ Камчатки. Золото добывается въ Сибири большею частью самыми примитивными способами, часто съ помощью ручной промывки, и, примѣняя болѣе раціональные способы, можно было бы еще значительно увеличить добычу. По даннымъ за 1908 годъ, промывкой золота въ Сибири было занято 45.000 человѣкъ, заработная плата которыхъ колеблется между 13-ю и 17-ю милліонами рублей, а ежегодная добыча золота въ Сибири, не считая Урала, достигала 2.000 пудовъ.

Кромѣ того, Сибирь богата другими металлами. Желѣзной руды тамъ много, но разработка ея поставлена неважно. Есть тамъ и мѣдь, и серебро, и свинецъ, и вдобавокъ драгоцѣнные камни, минеральные источники и прочія природныя богатства, но всѣ они еще мало использованы. Во многихъ мѣстахъ найдены также залежи угля, при чемъ залежи одной восточной прибрежной полосы и Сахалина могли бы снабжать углемъ всѣ тихоокеанскія суда. Но каменноугольная промышленность въ Сибири еще въ зародышѣ и имѣетъ большое будущее. На Сахалинѣ открыта вдобавокъ нефть, которой, говорятъ, хватило бы на обиходъ всей Сибири и даже на вывозъ въ Австралію. О лѣсныхъ богатствахъ Сибири уже не разъ упоминалось выше. Они представляютъ огромную цѣнность, и только затруднительность вывоза мѣстами въ

конецъ обезцѣниваетъ сибирскій лѣсъ. Есть однако мѣстности, главнымъ образомъ въ Восточной Сибири, близъ тихоокеанскаго побережья, гдѣ уже сейчасъ можно было бы выгодно эксплоатировать мѣстныя угодья. Упоминалъ я и о рыбномъ богатствѣ сибирскихъ рѣкъ; но и эта отрасль промышленности еще недостаточно использована.

И все же главные источники благосостоянія Сибири заключаются не въ нѣдрахъ, а въ необъятныхъ пространствахъ пригодной для земледѣлія и мѣстами очень плодородной земли, которая или вовсе еще не использована, или использована плохо. Очень справедливо замѣчаніе, что настоящимъ сибирскимъ золотомъ является черноземъ; однимъ изъ главнѣйшихъ затрудненій для развитія земледѣлія было до послѣдняго времени отсутствіе путей сообщенія. До прокладки великаго сибирскаго пути всѣ грузы приходилось везти по проселочнымъ дорогамъ и водой по рѣкамъ; ввозъ такихъ тяжелыхъ предметовъ, какъ сельско-хозяйственныя орудія, былъ поэтому крайне затрудненъ, какъ и вывозъ продуктовъ земледѣльческаго труда. Да и постройка желѣзной дороги не устранила всѣхъ затрудненій. Даже самые низкіе тарифы являются при столь огромныхъ разстояніяхъ слишкомъ дорогими для хлѣбныхъ грузовъ. Поэтому-то, какъ уже сказано, жители Енисейской и Иркутской губерній и придаютъ большое значеніе открытію морского транзита по Енисею и Карскому морю, видя въ этомъ залогъ будущаго процвѣтанія этой части Сибири.

Сами сибиряки очень живо интересуются развитіемъ своей страны и прекрасно оцѣниваютъ всѣ возможности этого. Но нельзя отрицать, что, благодаря господствовавшему въ теченіе вѣковъ дурному представленію о Сибири, страна эта была до извѣстной степени запущена, и развитіе ея задержано. Но, какъ мало нужно, чтобы вызвать въ этомъ отношеніи полный переворотъ, и каковы вообще способности сибирскаго крестьянина, ясно видно

на примѣрѣ Западной Сибири. Тамъ горсть энергичныхъ и дѣльныхъ датчанъ въ короткое время произвела настоящій переворотъ, введя тамъ датскую систему молочнаго хозяйства; за 15 лѣтъ экспортъ сибирскаго масла достигъ настолько внушительныхъ размѣровъ, что занялъ видное мѣсто на міровомъ рынкѣ. Чтобы дать представленіе о немъ, приведемъ кое-какія цифры: въ 1898 году въ Сибири производилось 149.000 пудовъ масла, въ 1906—2.970.000 пудовъ, а въ 1909—8.600.000 пудовъ. Ежедневно отправляется цѣлый поѣздъ, везущій въ холодильникахъ масло изъ Ново-Николаевска съ рѣки Оби на берега Балтійскаго моря. Оттуда масло на пароходахъ пересылается въ Англію и въ Парижъ. Огромныя мѣстности, прежде находившіяся въ упадкѣ, теперь поднялись и стали процвѣтать благодаря этому новому промыслу. И другія части Сибири могутъ такимъ же образомъ проснуться къ новой жизни при умѣлой администраціи и подъ руководствомъ знающихъ людей.

Какъ подумаешь однако, какую чудовищную работу задаетъ Петрограду ежегодное переселеніе въ Сибирь сотенъ тысячъ крестьянъ изъ Россіи и надѣленіе ихъ удобною землею, то перестанешь удивляться недочетамъ дѣла, которое вдобавокъ съ каждымъ годомъ улучшается. Изслѣдованіе земельныхъ участковъ, ихъ обмѣръ и нарѣзка для переселенцевъ требуетъ цѣлой арміи землемѣровъ, которыхъ не всегда можно найти; въ прежнее время поэтому переселенцамъ нерѣдко приходилось ждать подолгу, а „ходокамъ“, явившимся выбирать землю, возвращаться во-свояси ни съ чѣмъ, понапрасну потративъ деньги. Кромѣ того, въ новыхъ поселкахъ приходилось прокладывать дороги и устраивать склады зерна и сѣмянъ, чтобы не оставить переселенцевъ безъ помощи на первое время. Необходимо было позаботиться и о врачебной помощи, такъ какъ больныхъ оказывалось немало послѣ утомительнаго пути, совершаемаго далеко не въ гигіеническихъ условіяхъ.

Во многихъ мѣстахъ приходилось, кромѣ того, заранѣе рыть колодцы и т. д.

Понятно, что при такихъ огромныхъ пространствахъ оказывалось невозможнымъ, при всемъ добромъ желаніи со стороны переселенческаго управленія, во-время удовлетворять всѣмъ нуждамъ переселенцевъ. Въ результатѣ нерѣдко, особенно въ прежніе годы, переселенцы впадали въ нужду, съ которою не могли справиться, и, потерявъ все, что имѣли, вынуждены бывали вернуться назадъ на родину. Не завидна участь такого вернувшагося переселенца. Оставляя родину, онъ продалъ все свое имущество, а деньги истратилъ на дорогу и на первое обзаведеніе, такъ что вернуться приходится прямо нищимъ, и съ пустыми руками начинать все сызнова тамъ, гдѣ ему и безъ того уже приходилось круто. Среднимъ числомъ 10% переселенцевъ ежегодно возвращалось обратно. Но и въ этомъ отношеніи въ послѣднее время наблюдается улучшеніе, — насколько можно судить по офиціальнымъ отчетамъ. Въ 1911 году общее число вернувшихся на родину переселенцевъ достигало 68.000, въ 1912—32.700, а въ 1913 — 23.000, — очевидное пониженіе, и это относится ко всѣмъ мѣстностямъ, исключая губерній Енисейской и Иркутской въ 1912 году. Въ названныхъ губерніяхъ былъ въ этомъ году полный неурожай, вызванный сильными весенними морозами и дождями и повергшій въ нужду массы переселенцевъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній съ отводомъ земельныхъ участковъ правительство еще въ 1887 году предложило желающимъ переселиться въ Сибирь присылать на мѣста своихъ выборныхъ, такъ называемыхъ „ходоковъ“, для осмотра и выбора земельныхъ участковъ. Лучшимъ временемъ для этого является весна, начиная съ апрѣля мѣсяца и по іюнь; однако многіе предусмотрительные люди ѣдутъ еще зимою, чтобы приглядѣться къ жизни поселенцевъ, но, изъ боязни запоздать съ выборомъ и остаться

безъ земли, нѣкоторые часто выбираютъ себѣ участки еще до того, какъ стаялъ снѣгъ, и на результаты такого предварительнаго выбора полагаться трудно.

Переселенцы могутъ занять у правительства деньги, если ихъ участокъ невыгодно расположенъ: вдали отъ желѣзной дороги, или, напримѣръ, въ тайгѣ, гдѣ много работы по корчеванію пней, или въ степяхъ, гдѣ надо рыть колодцы, или на Дальнемъ Востокѣ. Условіемъ выдачи ссуды является предварительный выборъ земельнаго участка ходокомъ. Это является мѣрой предосторожности, во избѣжаніе легкомысленнаго и необдуманнаго переселенія. На Дальнемъ Востокѣ, въ Пріамурьѣ, въ Уссурійскомъ краѣ и на Сахалинѣ такія ссуды равняются 400 рублей на семью. Въ Забайкальѣ колеблются между 250—400 рублями, въ зависимости отъ мѣстоположенія участка. Въ остальной Сибири ссуды не превышаютъ 250 рублей. Деньги даются на льготныхъ условіяхъ: первыя пять лѣтъ вовсе не требуется платежа, а затѣмъ уплата разсрочивается на десять лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ, особенно неблагопріятныхъ мѣстностяхъ вторая половина долга прощается совсѣмъ. Переселенцы, не посылавшіе ходоковъ, не имѣютъ права на ссуду и получаютъ землю послѣдними, послѣ того какъ остальные отберутъ себѣ участки.

Переселенцамъ предоставляютъ еще и другія льготы. Такъ, они освобождаются отъ платежа поземельныхъ налоговъ первые пять лѣтъ послѣ переселенія. Слѣдующіе пять лѣтъ они платятъ половину, и только черезъ десять лѣтъ обязаны выплачивать всѣ налоги наравнѣ со старыми поселенцами. Но участвовать въ расходахъ общины, разъ они являются ея членами, и платить прочіе государственные налоги переселенцы обязаны сразу послѣ переселенія. Переселенцы въ возрастѣ старше 18 лѣтъ пользуются тремя годами отсрочки по отбыванію воинской повинности, а въ Приморской области и въ Туркестанѣ переселенцамъ въ возрастѣ старше 15 лѣтъ даютъ шесть лѣтъ отсрочки.

Такимъ образомъ для облегченія переселенцевъ дѣлается много.

Порядочно сдѣлано также въ смыслѣ улучшенія земледѣлія; много трудовъ положено на распространеніе среди переселенцевъ современныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій, склады которыхъ правительство основало въ различныхъ пунктахъ. Въ 1909 году въ Сибири такихъ складовъ было 64, а въ 1913—число ихъ достигло 300. Въ 1898 году въ Сибирь было ввезено сельско-хозяйственныхъ орудій на сумму 211.900 руб., въ 1900 — на 718.200 руб., въ 1906—уже на 2.600.000 руб., въ 1909 — на 4.600.000 руб. и въ 1913 — на 8.400.000 руб., — повышеніе громадное для такого незначительнаго промежутка времени. Бо̀льшая часть этого ввоза приходится, конечно, на долю Западной Сибири, стоящей гораздо выше по своему сельскому хозяйству; но и на долю Пріамурья и Уссурійскаго края приходится порядочно.

Чтобы дать представленіе о размѣрахъ переселенческаго дѣла, можно упомянуть, что, по официальнымъ отчетамъ, за послѣднее пятилѣтіе (1909 — 1913) переселенцамъ отведено 18.000.000 десятинъ нови, а разселено 350.000 семей, насчитывающихъ въ совокупности до двухъ милліоновъ душъ. Это составляетъ приблизительно 36.000 квадратныхъ верстъ въ годъ. Къ этому надо еще прибавить ту землю, которая за то же пятилѣтіе была вновь распахана старыми общинами, или „мірами“, и которая составляетъ 6.000.000 десятинъ. Такимъ образомъ немало дѣвственной земли поступаетъ ежегодно въ пользованіе человѣчества, и за эти пять лѣтъ такіе земельные участки дали пріютъ населенію, почти равному по численности населенію Норвегіи. За это же время было проложено около $9^1/_2$ тысячъ верстъ проѣзжихъ дорогъ, и т. д. и т. д.

Въ прежнія времена земли раздавались переселенцамъ очень щедро, но, когда выяснилось, что бо̀льшая часть надѣловъ даже не распахивалась, землю стали раздавать

экономнѣе, а лишнюю отбирать. По закону 1881 года у деревень отбирался излишекъ земли, превышавшій 15 десятинъ на душу, и обращался на нужды переселенцевъ. Теперь величина переселенческаго надѣла колеблется между 8—15 десятинами на душу.

Хуторскіе надѣлы колеблются въ предѣлахъ 25 — 50 десятинъ на семью, независимо отъ количества душъ.

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, экономическое положеніе переселенцевъ въ Сибири значительно лучше, чѣмъ положеніе крестьянъ въ Европейской Россіи. Величина пахотной земли у нихъ въ шесть разъ больше, чѣмъ на родинѣ. Въ Сибири на каждый новый хуторъ приходится около 38,3 десятинъ земли, тогда какъ въ Россіи среднимъ числомъ 4,5 десятины. Далѣе въ Россіи на каждый дворъ приходится въ среднемъ 2,4 десятины пашни и 0,6 десятины луговъ; въ Сибири же 5,4 десятины пашни и 6,1 десятины луговъ. Такимъ образомъ средній уровень благосостоянія крестьянъ въ Сибири значительно выше.

Передъ выѣздомъ изъ Россіи имущественное состояніе переселенца (стоимость самого имущества плюсъ свободныя деньги) опредѣляется въ среднемъ 239 рублями; въ Сибири соотвѣтствующее имущество можно оцѣнить въ 466 рублей. Такимъ образомъ по пріѣздѣ въ Сибирь переселенецъ не только покрываетъ всѣ свои расходы по переѣзду, но еще удваиваетъ привезенный съ собою капиталъ. Въ дѣйствительности приростъ еще больше, такъ какъ переселенецъ привозитъ на свою новую родину въ среднемъ 161 рубль, а черезъ одиннадцать лѣтъ капиталъ этотъ превращается въ 466 рублей. Съ каждымъ годомъ положеніе переселенцевъ все улучшается, площадь воздѣлываемой земли и сѣнокосныхъ луговъ все увеличивается, и одновременно умножается количество скота, хозяйственныхъ построекъ, орудій, и общее благосостояніе растетъ. Отсюда выводъ, что, поборовъ трудности первыхъ лѣтъ, поселенцы устраиваются въ Сибири недурно. Но нечего

и говорить, что условія ихъ жизни еще выиграли бы, если бы удалось увеличить вывозъ продуктовъ изъ средней Сибири.

Въ Западной Сибири процвѣтаетъ главнымъ образомъ молочное хозяйство и маслодѣліе, въ средней же—хлѣбопашество. Въ Енисейской губерніи воздѣлывается пшеница, рожь, овесъ, ячмень, чечевица, конопля, гречиха и картофель, не считая кормовыхъ травъ. Ржи и пшеницы засѣвается на десятину до 14 пудовъ, овса 17 — 20 пудовъ, чечевицы 5 — 5½ пудовъ. Средній урожай ржи и пшеницы 70 — 80 пудовъ съ десятины, овса—до 100 пудовъ. На вновь вспаханной землѣ урожай бываетъ даже выше. Наиболѣе урожайными являются сухіе годы; при обильныхъ дождяхъ всходы, особенно на новинахъ, становятся очень чувствительными и часто страдаютъ отъ осеннихъ заморозковъ.

Для сравненія прилагается слѣдующая таблица въ гектолитрахъ *) для средняго урожая въ Сибири, въ Европейской Россіи и въ Норвегіи за 1906 — 1909 г.г., составленная, при любезномъ содѣйствіи Центральнаго Норвежскаго Статистическаго Бюро, по официальнымъ даннымъ:

	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.
Сибирь	9,0 гкл.	9,5 гкл.	16,6 гкл.
Россія	7,0 „	9,1 „	14,6 „
Норвегія	22,4 „	24,9 „	35,6 „
Нордландъ . .	—	15,6 „	25,8 „

Согласно приведеннымъ цифрамъ оказывается, что урожай Енисейской губерніи гораздо выше урожаевъ остальной Сибири, которая въ свою очередь превосходитъ въ этомъ отношеніи Россію, но значительно уступаетъ Норвегіи и даже самому сѣверному ея округу, съ наименѣе благопріятными климатическими условіями. Судя по этимъ цифрамъ, въ

*) Считается въ среднемъ, что пшеницы въ гектолитрѣ 77 килогр., ржи 72 килогр. и овса 48 килогр.

Енисейской губерніи земля родитъ самъ-пятъ, самъ-шостъ, какъ рожь, такъ и пшеницу и овесъ. Въ Норвегіи средній урожай за 1906—1910 г.г. для пшеницы самъ-7,9, для ржи—самъ-11,7, а для овса—самъ-8,3. Въ Нордландѣ для ржи—самъ-4,7, для овса—самъ-6,3. То, что въ Норвегіи каждый гектаръ даетъ больше, нежели въ Россіи или въ Сибири, никакъ нельзя приписать качествамъ земли, потому что земля-то въ послѣднихъ странахъ, безъ сомнѣнія, гораздо лучше; объясненія надо искать въ томъ, что мы довольно хорошо удобряемъ свою землю, въ Россіи удобряютъ мало, а въ Сибири обходятся вовсе безъ удобренія, какъ мы видѣли. Если, несмотря на это, въ Сибири земля все же родитъ больше, чѣмъ въ Россіи, то это объясняется изобиліемъ дѣвственныхъ, еще не истощенныхъ земель *).

---

*) Небезынтересны слѣдующія официальныя данныя, касающіяся восточныхъ губерній Сибири:

Въ Пріамурьѣ хлѣба сѣются только весной: озими не выдерживаютъ снѣжной и суровой зимы. Сѣютъ главнымъ образомъ овесъ, пшеницу и рожь, ячмень и гречиху. Урожай бываетъ различный, на новинахъ онъ хорошъ; въ среднемъ яровая рожь даетъ 100 пудовъ съ десятины, пшеница—отъ 110 до 120 пудовъ, овесъ—до 150 пудовъ. На старыхъ поляхъ урожай уменьшается на одну четвертую долю; яровая рожь даетъ въ среднемъ 75 пудовъ съ десятины, пшеница—80 пудовъ, а овесъ—100 пудовъ. Картофель даетъ вообще хорошій урожай—до 1.000 пудовъ съ десятины.

Въ Уссурійскомъ краѣ сѣются пшеница, яровая рожь, гречиха, просо, горохъ, бобы, кукуруза, овесъ, ячмень, конопля, ленъ и др. Озимую рожь сѣютъ рѣдко, потому что снѣгу бываетъ мало, и всходы могутъ померзнуть. На десятину высѣваютъ приблизительно по 9 пудовъ пшеницы, по 8 пудовъ яровой ржи, по 11—12 пудовъ овса, по 9 пудовъ ячменя и т. д. Хорошимъ урожаемъ считается 100—120 пудовъ пшеницы съ десятины, 80—90 пудовъ озимой ржи, 120—140 пудовъ овса и т. д., а картофеля—1.000—1.200 пуд. Среднимъ урожаемъ является: 50—60 пуд. пшеницы, 50 пудовъ озимой ржи, 65—75 пудовъ овса и 500—700 пудовъ картофеля съ десятины.

Можно еще упомянуть, что въ Томской губерніи, которая считается самой плодородной въ Сибири, сѣется главнымъ образомъ яровая пшеница. Сѣютъ ее отъ 6 до 8 пудовъ на десятину, а снимаютъ 70—80 пудовъ и въ исключительные годы даже до 150 пудовъ съ десятины.

Въ силу вышеописаннаго колоссальнаго наплыва переселенцевъ въ Сибирь, понятно, что бо̀льшая часть наиболѣе удобной земли уже занята; но если бы кому-нибудь вздумалось задать вопросъ, сколькимъ еще хватитъ мѣста въ этой странѣ, отвѣтить было бы трудно. Какъ подумаешь о безконечныхъ еще неиспользованныхъ пространствахъ, въ сравненіи съ которыми воздѣланныя поля являются ничтожными величинами, то становится ясно, что пока еще количество свободной земли можно считать неисчерпаемымъ. Правда, переселенцамъ приходится теперь по большей части уходить отъ почти не требующихъ обработки цѣлинъ вглубь тайги, гдѣ распашка земли дается куда тяжелѣе, но зато лѣсная почва еще плодороднѣе и послѣ корчеванія тоже можетъ хорошо вознаградить за трудъ. Невозможно опредѣлить, сколько именно милліоновъ жителей могла бы вмѣстить и прокормить воздѣланная Сибирь, но съ увѣренностью можно сказать, что много.

Въ послѣдніе годы наблюдается увеличеніе числа переселенцевъ въ восточныхъ областяхъ, въ губерніяхъ Енисейской и Иркутской, а также въ Туркестанѣ. Одновременно уменьшилось число новыхъ переселеній въ Западную Сибирь и въ степныя области, гдѣ населеніе достигло уже достаточной плотности и гдѣ лучшая земля уже занята. Но при болѣе интенсивномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ эти мѣстности, безъ сомнѣнія, могли бы прокормить гораздо большее количество населенія.

Какъ уже сказано, русскій народъ выполняетъ великую задачу, заселяя и культивируя эти огромныя земельныя пространства на пользу человѣчества. Но колонизація новыхъ земель имѣетъ двоякое значеніе для будущности народа. Съ одной стороны увеличеніе внѣшняго могущества, вслѣдствіе расширенія границъ, и увеличеніе благосостоянія. Съ другой стороны эмиграція вызываетъ ослабленіе ядра страны, высасывая лучшіе ея соки. Въ маленькой странѣ, какъ Норвегія, гдѣ въ теченіе многихъ лѣтъ наблюдалось

слишкомъ усиленное выселеніе, пагубныя послѣдствія уменьшенія количества рабочихъ рукъ и не замедлятъ сказаться. Для такого большого народа, какъ русскій, опасность меньше, и, можетъ статься, здѣсь обстоятельства сложатся иначе. Однако исторія учитъ насъ еще со временъ римлянъ и грековъ, что большія колоніи не всюду служатъ на благо народу. Усиленіе могущества и увеличеніе благосостоянія страны, пожалуй, слишкомъ большое увеличеніе, не въ состояніи долго уравновѣшивать обратное явленіе: болѣе благопріятныя условія жизни въ колоніяхъ отвлекаютъ туда лучшія силы страны, тогда какъ болѣе слабыя остаются дома, благодаря чему нравственный и физическій уровень расы понемногу падаетъ все ниже. Это явилось причиной упадка и окончательной гибели Римской имперіи; да и такіе народы, какъ испанцы и португальцы, сильно пострадали отъ развитія своихъ заокеанскихъ колоній. Англійскія колоніи тоже основательно высасываютъ лучшія силы страны, и это врядъ ли приноситъ ей однѣ выгоды. Въ Россіи данныя соображенія не могутъ играть такой роли. Во-первыхъ, народонаселеніе здѣсь гораздо многочисленнѣе; а затѣмъ здѣсь эмигрируютъ далеко не лучшія силы страны. Къ этому надо еще прибавить, что бо̀льшая часть Сибири представляетъ въ сущности естественное продолженіе Россіи, и ее надо разсматривать не какъ колонію, а какъ часть той же родины, которая можетъ дать въ своихъ необозримыхъ степяхъ пріютъ многимъ милліонамъ славянъ.

XIV. ОТЪ ИРКУТСКА ДО ВЛАДИВОСТОКА.

Иркутскъ.—Байкалъ. — Желѣзная дорога къ югу отъ Байкала.—Горы.—Отсутствіе слѣдовъ ледниковаго періода. — Природа и фауна Байкала.—Забайкалье, природа и климатъ. — Петровскіе рудники и политическіе ссыльные.—Перевалъ черезъ Яблоновый хребетъ, водораздѣлъ Ледовитаго и Тихаго океановъ. — Чита. — Е. Д. Вурцель за работой. — Въ Небесной имперіи. — Хулунбуирское плоскогорье. — Большой Хинганъ.—Китайцы. — Баримъ. — Вдоль сѣверной границы Гоби. — Русское гостепріимство. — Черезъ Восточно-манчжурскій хребетъ. — Китайскія селенія. — Лѣсные пожары. — Незаконное воздѣлываніе опіума. — Разбойничьи банды хунхузовъ. — Поѣздъ съ обратными переселенцами.

Сутки спустя, въ десять часовъ утра, мы прибыли въ Иркутскъ. На вокзалѣ насъ снова встрѣтили съ почетомъ предсѣдатели—биржевого комитета, коммерческаго клуба, Географическаго Общества, представитель генералъ-губернатора и многія другія лица. Тотъ же живѣйшій интересъ къ возможному морскому пути по Ледовитому океану до устья Енисея, тѣ же надежды на лучшее будущее Сибири въ связи съ открытіемъ этого пути. Онъ и для Иркутска представляетъ большое значеніе, какъ для всей области, включая Байкалъ. Товары можно везти по рѣкамъ, впадающимъ въ это озеро, какъ, напримѣръ, Селенга, затѣмъ по озеру и внизъ по Ангарѣ вплоть до устья Енисея. Правда, на Ангарѣ есть пороги, но они не такъ велики и достаточно проходимы для баржъ и плотовъ, а въ будущемъ можно было бы устроить въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ шлюзы.

Къ сожалѣнію, у насъ не было времени остановиться и осмотрѣть городъ, расположенный по ту сторону рѣки. Мы лишь издали полюбовались его церквами, дворцомъ генералъ-губернатора и другими большими зданіями *), а сами поднялись выше по Ангарѣ, переправились черезъ рѣку и двинулись вглубь страны. Въ отличіе отъ Енисея и другихъ видѣнныхъ нами до сихъ поръ рѣкъ, въ Ангарѣ текла необычайно прозрачная вода: дно было видно на большой глубинѣ. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что Ангара беретъ начало изъ горныхъ ключей и вытекаетъ изъ большого горнаго озера, самаго глубокаго внутренняго моря въ мірѣ.

Наконецъ мы добрались и до этого священнаго моря, къ которому стремились съ такимъ нетерпѣніемъ. Монголы зовутъ его „Бай-кулъ"—Богатое озеро **), или „Далай-Норъ"—Святое море. О красотѣ этого озера я много слыхалъ, но густой туманъ мѣшалъ мнѣ убѣдиться въ этомъ собственными глазами. Близъ первой остановки у станціи „Байкалъ" находилась гавань, гдѣ стоялъ большой ледоколъ-паромъ „Байкалъ", перевозившій раньше черезъ озеро поѣзда къ продолженію рельсоваго пути; ледоколъ можетъ пробивать ледъ до 1,2 метра толщиною и является однимъ изъ величайшихъ ледоколовъ въ мірѣ; носомъ и кормою онъ напоминаетъ „Фрамъ". Толстаго зимняго льда онъ однако не въ силахъ пробить. Для ремонта этого ледокола и другихъ судовъ, плавающихъ по Байкалу, былъ построенъ большой пловучій докъ, который мы тоже видѣли въ гавани. Переправа черезъ озеро чрезвычайно тормозила перевозку на востокъ войскъ и провіанта во время японской войны, хотя зимою рельсовый путь прокладывался прямо по льду. Прежній министръ путей сообщенія князь Хилковъ самъ руководилъ работами. Желѣзнодорожные вагоны

*) Въ Иркутскѣ около 130.000 жителей.

**) По другимъ источникамъ, монголы и буряты называютъ озеро „Байгалъ", что̀ означаетъ „мѣстопребываніе огня".

перевозились поштучно лошадьми, а локомотивы разбирались и перевозились по частямъ, такъ какъ были слишкомъ тяжелы для перевозки по льду.

Съ тѣхъ поръ успѣли проложить рельсовый путь, огибающій озеро съ юга; работы были сопряжены съ колоссальными трудностями: приходилось пробивать путь въ отвѣсныхъ скалахъ. Отъ станціи „Байкалъ“ на западномъ берегу до станціи „Мысовой“ на восточномъ—разстояніе въ 200 верстъ приблизительно. На протяженіи перваго перегона до станціи „Култукъ“ въ юго-западномъ углу озера берегъ особенно крутъ: изъ 73 верстъ пути 6 верстъ приходится на туннели. По другую сторону озера берегъ очень болотистый, и тамъ пришлось построить массу мостовъ—189 малыхъ и 35 большихъ. Затраты на эту линію были сдѣланы огромныя. Каждая верста обошлась около 244.130 рублей *). Но дорога была одноколейная, а война показала необходимость двухколейной, и вотъ понадобилась перестройка пути, которая скоро будетъ окончена.

По этому-то пути мы ѣхали теперь вдоль южнаго берега Байкала. Постепенно туманъ порѣдѣлъ настолько, что можно было различить ближайшія скалы. Онѣ здѣсь невысоки, но очень отвѣсно спускаются къ озеру, и дорога постоянно идетъ туннелями. За день туманъ еще больше порѣдѣлъ, и мы увидѣли скалы южнѣе побережья. Онѣ выше и перемежаются долинами. Свѣже-выпавшій снѣгъ лежалъ на горахъ, отъ подошвы до вершины одѣтыхъ снѣгомъ; сугробовъ нигдѣ не было видно.

Скалы не отличаются особенною высотою, обычно не выше 1.800 метровъ надъ уровнемъ моря, или 1.500 надъ уровнемъ Байкала. Хамаръ-дабанъ на юго-западномъ бе-

---

*) Для сравненія можно привести самую дорогую дорогу въ Норвегіи, Офотскую, проходящую среди скалъ съ крутыми подъемами и обошедшуюся по 250.888 кр. (130.460 р.) километръ, а также Бергенскую дорогу, имѣющую много туннелей и обошедшуюся въ 135.461 кр. (70.439 р.) за километръ.

регу, ближе къ Селенгѣ, достигаетъ 2.260 метровъ надъ уровнемъ озера, что̀ составляетъ 300 метровъ разницы съ его глубиной. Обычно надводная высота скалъ рѣдко превосходитъ подводную.

Скалы широкія и мягко очерченныя, безъ зубцовъ, свойственныхъ альпійскимъ горамъ. Вдоль южнаго берега часто попадаются долины съ темнымъ суровымъ сосновымъ лѣсомъ, похожія на наши норвежскія лѣсныя лощины между скалами. Здѣсь красиво, но, говорятъ, холодно; зато на другомъ берегу печетъ солнце. Здѣсь же мѣстами почва насквозь промерзаетъ, и лѣсъ растетъ надъ замерзшими слоями. Озеро замерзаетъ окончательно въ срединѣ декабря или къ началу января, и ледъ держится въ теченіе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ. Три мѣсяца по озеру ѣздятъ на саняхъ.

Но даже и здѣсь, въ этой холодной мѣстности, нѣтъ никакихъ признаковъ ледниковаго періода. На скалахъ по юго-западному берегу часто встрѣчаются камни, зубцы и отдѣльныя вершины. Они свидѣтельствуютъ о сильныхъ разрушеніяхъ, вызванныхъ морозами и рѣзкими колебаніями температуры. Во всякомъ случаѣ эти скалы не носятъ слѣдовъ ледниковаго періода, сколько-нибудь близкаго въ геологическомъ смыслѣ къ нашей эпохѣ. Но и безъ ледниковаго періода климатъ въ этихъ мѣстахъ былъ и остался очень суровымъ. Даже теперь средняя годовая температура у Байкала держится ниже 0° Ц., почти на —1° Ц. Инженеръ Вурцель говорилъ, что на южномъ берегу Байкала постройка желѣзной дороги затруднялась еще тѣмъ, что почва мѣстами насквозь промерзла и не оттаиваетъ даже лѣтомъ.

Здѣсь мы воочію убѣдились, съ какими трудностями сопряжена перешивка одноколейнаго пути на двухколейный. Приходится расширять всѣ туннели и самое полотно дороги, ставить новые устои изъ желѣзобетона, строить вторые мосты рядомъ съ первыми, а въ мѣстахъ слишкомъ крутыхъ поворотовъ приходится пробивать и новые туннели.

Передъ нами все время разстилалось могучее озеро въ рамкѣ скалъ. Площадь его равняется 30.034 квадратныхъ верстъ. По величинѣ оно занимаетъ третье мѣсто среди прѣсноводныхъ озеръ Стараго Свѣта (Викторія-Ньянца и Танганайка еще больше), а по глубинѣ—первое мѣсто въ мірѣ. Глубина его равняется 1.522 метрамъ. Оно даже глубже нашего Согне-фьорда, глубина котораго 1.260 метровъ, а такъ какъ уровень Байкала на 462 метра выше уровня моря, то, значитъ, его дно на 1.060 метровъ ниже уровня моря. Замѣчательно озеро и по своей продолговатой искривленной формѣ, напоминающей полумѣсяцъ. Оно тянется приблизительно въ томъ же направленіи, отчасти повторяя даже всѣ изгибы, что̀ и горные хребты дальше къ востоку, какъ-то: Яблоновый, Большой Хинганъ, Восточно-манчжурскіе хребты, Сихотэ-Алинь, и даже японская горная цѣпь вдоль Японскихъ острововъ и Сахалина. Повидимому, Байкалъ образовался вслѣдствіе западенія земной коры. Западеніе совершалось постепенно въ связи со сдвигами при землетрясеніяхъ; окрестности озера и до сихъ поръ еще не совсѣмъ успокоились, и тамъ время отъ времени происходятъ небольшія смѣщенія. Процессъ западенія начался въ очень дальнія эпохи, но продолжался до позднѣйшаго времени. Окрестныя скалы состоятъ частью изъ продуктовъ изверженій различныхъ періодовъ, селенита, порфира, и т. д., а мѣстами базальта, отчасти кристаллическихъ сланцевъ и гнейсовъ, а кромѣ того, изъ отложеній силурійскихъ, девонскихъ, юрскихъ и третичныхъ.

Въ мѣстѣ впаденія въ озеро рѣки Селенги со дна озера поднимается поперечная подводная гряда, вѣроятно, образовавшаяся изъ ила, нанесеннаго рѣкой. Кромѣ того, Селенга образуетъ при впаденіи большую дельту. Подводною грядою озеро дѣлится на двѣ неравныя части: на бо̀льшую и болѣе глубокую сѣверо-восточную и на меньшую юго-западную, достигающую глубины 1.447 метровъ, тогда какъ глубина воды на мѣстѣ прохожденія подводной

гряды всего 532 метра. Русло или долина рѣки Ангары, вытекающей изъ Байкала, образуетъ какъ бы естественное продолженіе впадины озера, и происхожденіе ея можно объяснить слѣдующимъ образомъ: вода, заполнявшая озеро въ этомъ наиболѣе низкомъ мѣстѣ, начала переливаться черезъ край и понемногу прорывала себѣ все болѣе глубокое русло. Когда смотришь на истокъ Ангары съ противоположнаго берега озера, то мѣсто это больше всего напоминаетъ засѣку въ горномъ хребтѣ.

Фауна озера крайне своеобразна. На островахъ водится масса чаекъ, цапель и даже баклановъ, а также особый видъ тюленей (Phoca baicalensis), происходящихъ, повидимому, отъ обыкновенныхъ сѣверныхъ тюленей (Phoca hispida), которые изъ Ледовитаго океана поднялись по Енисею и Ангарѣ въ озеро и съ теченіемъ времени настолько измѣнились, что образовали новый видъ. Буряты называютъ ихъ „нерпой“ и много бьютъ ихъ, особенно весной на льду, подкрадываясь къ животнымъ подъ прикрытіемъ паруса, поставленнаго на полозья. Интересно отмѣтить, что способъ этотъ весьма схожъ со способомъ ловли тюленей самоѣдами въ гренландскихъ фьордахъ. Въ Байкалѣ и впадающихъ въ него рѣкахъ водится много рыбы; между прочимъ—разновидность осетра, живущая въ озерѣ, попадающаяся и въ рѣкахъ, главнымъ образомъ въ Селенгѣ. Ловятся также разныя рыбы изъ породы лососей; наиболѣе распространенныя изъ нихъ омуль и харіусъ. Такое обиліе рыбы можетъ показаться страннымъ, если принять во вниманіе, что озеро славится своей необычайно прозрачной водой, а это обстоятельство далеко не способствуетъ процвѣтанію планктона. Особенно характерный для Байкала видъ—голомянка (Comephorus baicalensis), глубоководная рыбка 27 см. длиною, водящаяся только въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ озера, не менѣе 600 метровъ. Разнообразные обитатели озера были изслѣдованы русскою экспедиціей, результаты трудовъ которой были описаны норвежскимъ профессоромъ

Сарсомъ. Въ отличіе отъ другихъ озерныхъ ракообразныхъ, водящіяся въ Байкалѣ также обнаруживаютъ большое разнообразіе видовъ, характерныхъ именно для Байкала и частью нигдѣ больше не встрѣчаемыхъ; особенно много здѣсь разныхъ амфиподовъ. Всѣ эти формы развились, повидимому, въ самомъ озерѣ, что̀ между прочимъ подтверждаетъ древность его происхожденія, такъ какъ развитіе множества характерныхъ видовъ ракообразныхъ и даже рыбъ и ластоногихъ требуетъ очень продолжительнаго времени.

Берега озера, большею частью очень отвѣсно спускающіеся къ водѣ, мало заселены. Болѣе значительныя селенія находятся только на устьяхъ Селенги. Затѣмъ небольшое число хижинъ ютится на противоположномъ берегу, на островѣ Ольхонѣ, и еще меньше въ юго-западномъ углу, возлѣ Култука. Около озера есть много мѣстъ, съ которыми у туземцевъ связаны различныя суевѣрныя представленія и которыя считаются святыми. Отсюда, вѣрно, и названіе озера Святымъ моремъ.

Мы весь день безостановочно мчались вдоль берега, огибая озеро съ южной стороны; проносились черезъ тунели и просвѣты, огибали мысы и оставляли за собой долины. Проѣзжали мы и мимо горѣлаго лѣса, производившаго безотрадное впечатлѣніе своими черными оголенными стволами. Но кому здѣсь до этого дѣло? Лѣсъ все еще не имѣетъ здѣсь никакой цѣны. Большею частью онъ состоитъ изъ обыкновенной сосны и пихты, но попадается и ель, и сибирскій кедръ, и береза, а вдоль рѣкъ—душистый тополь, мелкій ольшаникъ и др. Изъ ягодныхъ кустовъ встрѣчаются малина и дикая смородина. Вообще въ этихъ мѣстахъ богатая и разнообразная флора.

Подъ вечеръ мы прибыли на станцію Мысовую, на южномъ берегу озера, какъ-разъ напротивъ станціи Байкалъ; здѣсь послѣ долгаго и пріятнаго совмѣстнаго путешествія мнѣ пришлось разстаться съ двумя спутниками,

Востротинымъ и Лорисъ-Меликовымъ; они собирались переправиться обратно черезъ озеро на паромѣ, а затѣмъ по желѣзной дорогѣ вернуться черезъ Иркутскъ въ Красноярскъ. Они еще спускались къ пристани, когда нашъ вагонъ тронулся и понесъ насъ дальше на востокъ. Нѣкоторое время дорога шла по-прежнему по озеру, но у большой дельты Селенги свернула въ сторону и пошла берегомъ рѣки.

Итакъ, мы добрались до Забайкалья, славящагося своей красотой, своими живописными скалами и долинами, огромными рѣками и лѣсами. На западѣ Забайкалье граничитъ съ озеромъ, на востокѣ—съ Пріамурьемъ и Манчжуріей, а на югѣ—съ Монголіей. Страна эта богата золотомъ и другими металлами, минералами и другими драгоцѣнными камнями, но всѣ эти богатства мало использованы. Есть тамъ, повидимому, и цѣнные минеральные источники. Забайкалье долго служило мѣстомъ ссылки, и много ссыльныхъ влачило свои дни въ здѣшнихъ рудникахъ. Рѣдкое населеніе состоитъ изъ туземныхъ племенъ, родственныхъ бурятамъ и тунгузамъ. Въ силу печальной славы Забайкалья, какъ мѣста ссылки, очень трудно было привлечь туда русскихъ переселенцевъ. На площади въ 551.940 квадратныхъ верстъ насчитывалось въ 1911 году всего около 869.000 поселенцевъ, изъ нихъ 591.000 русскихъ. Большой процентъ населенія падаетъ на китайцевъ, которыхъ особенно много среди рабочихъ на золотыхъ пріискахъ.

На большей части пространства Забайкалья почва промерзла насквозь. Другою отличительной чертой является свойство многихъ рѣкъ и озеръ промерзать до дна. Средняя годовая температура колеблется между 1° и ÷ 4° Ц.; зима холодная: средняя температура въ январѣ ÷ 20° — 28° Ц.; зато лѣто очень теплое: средняя іюльская температура отъ 15° до 20° Ц., и, несмотря на промерзшую почву, условія вполнѣ благопріятны для земледѣлія и скотоводства. Правда, осадковъ здѣсь немного (всего 200—300 мм.), но большая

часть приходится какъ-разъ на лѣтніе мѣсяцы. Почва мѣстами очень плодородная, особенно на такъ называемыхъ черноземныхъ лѣсныхъ равнинахъ (т.-е. лѣсъ, перемежающійся лугами).

Скоро совсѣмъ стемнѣло, и не стало видно окрестностей. У города Верхнеудинска, откуда идетъ караванный путь въ Монголію и въ Китай, желѣзнодорожное полотно сворачиваетъ по рѣкѣ Удѣ, притоку Селенги; затѣмъ начинается подъемъ на склоны Яблоноваго или Станового хребта.

Среда, 1 октября. Ночью проѣхали Петровскіе желѣзные рудники, принадлежащіе Кабинету Его Величества. Сюда были въ свое время сосланы на каторжныя работы многіе участники бунта 14 декабря 1825 года, при вступленіи на престолъ императора Николая I-го, или такъ называемые „декабристы". Сначала ихъ сослали въ Читу, потомъ сюда. Въ видѣ особой царской милости разрѣшено было женамъ ссыльныхъ послѣдовать за мужьями. Въ числѣ этихъ женщинъ были княгини Трубецкая и Волконская и много другихъ высокопоставленныхъ дамъ, которыя много лѣтъ прожили здѣсь въ частныхъ домахъ, пока мужья ихъ содержались въ тюрьмѣ и работали въ рудникахъ.

Отъ Петровска дорога идетъ вдоль рѣки Хилокъ, притока Селенги, по направленію къ высочайшимъ вершинамъ Яблоноваго хребта. Лѣсъ тутъ почти исключительно еловый, что указываетъ на скудную почву. Деревья не высоки и растутъ негусто. Такъ какъ почва въ глубинѣ промерзлая, то корни растутъ не вглубь, а горизонтально поверхности земли. Отъ этого деревья некрѣпко сидятъ и плохо сопротивляются вѣтру, который вырываетъ ихъ часто цѣлыми полосами, и они лежатъ, простирая кверху корни почти одинаковой величины съ самими деревьями. Земля суха, осадковъ выпадаетъ мало; подъ тонкимъ верхнимъ слоемъ чернозема идетъ песокъ, а подъ нимъ промерзшіе

слои. Все это создаетъ условія, мало благопріятныя для земледѣлія, зато кругомъ и не видно признаковъ жилья; даже инородцы здѣсь не уживаются. Ландшафтъ довольно однообразный—низкія скалы съ волнистыми однообразными очертаніями, одѣтыя рѣдкимъ низкорослымъ лѣсомъ.

Между станціями Сохондо и Яблоновой дорога идетъ на высотѣ 1.090 метровъ надъ уровнемъ моря, или 600 метровъ надъ уровнемъ Байкала; это высшій пунктъ на Сибирской и Забайкальской дорогѣ. Здѣсь находится водораздѣлъ, по одну сторону котораго текутъ рѣки Хилокъ, Селенга, озеро Байкалъ, Ангара и Енисей, а по другую — Ингода и Амуръ. Прямо на сѣверъ отъ насъ, въ полѣ нашего зрѣнія, находятся Витимскіе ключи, питающіе Лену. Итакъ, это водораздѣлъ между Енисеемъ и Леной съ одной стороны и Амуромъ съ другой, иначе говоря— между Ледовитымъ и Тихимъ океанами.

По ту сторону водораздѣла дорога вновь идетъ подъ гору. Низкія гряды всюду поросли рѣдкимъ лѣсомъ. Ниже встрѣчаются луга, но пашенъ еще не видно. Еще дальше, къ востоку отъ станціи Яблоновой, тамъ и сямъ начали попадаться и хлѣбныя поля; мѣстность слегка волнистая. Наконецъ добрались до города Читы, окруженнаго степью, поросшей разбросанными кое-гдѣ клочками распаханной земли. Это самый главный городъ, столица Забайкалья. Въ началѣ прошлаго столѣтія здѣсь находилась казачья станица съ населеніемъ въ нѣсколько сотенъ душъ; расти и развиваться это жалкое мѣстечко начало лишь съ тѣхъ поръ, какъ въ 1825 году сюда сослали декабристовъ, которымъ пришлось строить себѣ здѣсь тюрьмы, въ то время какъ ихъ жены строили себѣ дома для жилья на „Дамской“ улицѣ, сохранившей это названіе и понынѣ. Согласно переписи конца 90-хъ годовъ, городъ насчитывалъ около 11.500 жителей, но въ послѣдніе годы, особенно по окончаніи японской войны, Чита сильно разрослась, и теперь ея населеніе достигаетъ, говорятъ, 70—80 тысячъ.

Городъ красиво расположенъ въ степи, у впаденія рѣчонки Читы въ рѣку Ингоду. Послѣдняя вмѣстѣ съ Онономъ образуетъ рѣку Шилку, которая, сливаясь съ Аргунью, образуетъ Амуръ. Въ половодье маленькіе пароходы могутъ подниматься отъ Амура до самой Читы, а плоты можно сплавлять внизъ по этимъ рѣкамъ и по Амуру вплоть до самаго Тихаго океана.

Дальше мы ѣхали нѣкоторое время вдоль берега Ингоды. И здѣсь я вновь отмѣтилъ то обстоятельство, что правый берегъ выше лѣваго, и его склоны круче. И здѣсь мѣстами встрѣчались обработанныя поля, но значительно рѣже, чѣмъ можно было бы ожидать.

У станціи Карымской, въ 90 верстахъ отъ Читы, желѣзнодорожный путь развѣтвляется: одна вѣтвь идетъ вдоль рѣки на востокъ, къ строящейся Амурской дорогѣ и къ Срѣтенску на Шилкѣ (откуда начинается пароходное сообщеніе внизъ по Амуру), а другая вѣтвь, по которой мы свернули, пересѣкаетъ по желѣзному мосту Ингоду и направляется къ югу, въ Манчжурію, образуя Восточно-Китайскій путь. По другую сторону Ингоды опять начинается подъемъ на водораздѣлъ между этой рѣкой и Агой, притокомъ Онона. Подъемъ здѣсь около 16 метровъ на 1.000, т.-е. вдвое больше обычнаго на сибирскихъ дорогахъ. Поэтому поѣзду нашему понадобился въ помощь второй локомотивъ, и мы потихоньку поползли въ гору. Всюду растетъ ель, мѣстами вытѣсняемая березой, и всюду слѣды лѣсныхъ пожаровъ—торчатъ черные обгорѣлые пни, окруженные молодымъ березнякомъ. Весной и раннимъ лѣтомъ здѣсь очень сухо, и огонь распространяется очень легко, затягиваясь иногда на недѣли. Но это не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ и здѣсь лѣсъ цѣнится лишь постольку, поскольку годится на топливо для паровозовъ, на что идутъ главнымъ образомъ березовыя дрова.

Во все время путешествія Е. Д. Вурцель безъ устали занимался дѣлами. На станціяхъ въ купэ къ нему явля-

лись подчиненные ему инженеры и сопровождали насъ нѣкоторое время, докладывая ему о дѣлахъ на своихъ участкахъ, а Е. Д. Вурцель диктовалъ предписанія и дѣловыя телеграммы. Отъ Читы съ нами ѣхали два инженера, завѣдывавшіе постройкой западной вѣтви Амурской дороги, и кромѣ того секретарь съ пишущей машиной. Обсуждались уже законченныя работы и планы будущихъ, разбирался бюджетъ и составлялись новые проекты. Я, разумѣется, ни слова не понималъ изъ русской бесѣды, улавливая лишь цифры, при чемъ ни разу не слышалъ меньшихъ суммъ, нежели столько-то и столько-то милліоновъ, которые еще понадобятся. Какъ у насъ на родинѣ округляютъ суммы до тысячъ, такъ здѣсь ихъ округляютъ до милліоновъ. Секретарь тоже не сидѣлъ безъ дѣла: машинка его стучала безостановочно день и ночь. Потомъ запечатывались конверты и отсылались почтой въ Петроградъ.

Когда Е. Д. Вурцель не былъ занятъ своими вычисленіями и проектами, онъ сидѣлъ у окна, изучая полотно желѣзной дороги, подъемы, повороты и устои. Ни одинъ недочетъ, хотя бы самый мельчайшій, не ускользалъ отъ его опытнаго глаза. И лишь когда мы наконецъ очутились на линіи Восточно-Китайской дороги, онъ нѣсколько освободился. Эта дорога ему не подвѣдомственна. Вообще же нѣтъ другого человѣка въ мірѣ, который бы управлялъ хотя приблизительно такою огромною желѣзнодорожною сѣтью. Однажды въ разговорѣ онъ упомянулъ о томъ, сколько тысячъ верстъ въ ней заключается, но я хорошенько не запомнилъ и боюсь исказить цифру; нѣтъ однако сомнѣнія, что она огромна, разъ ему подвѣдомственны всѣ желѣзныя дороги, какія только строятся по всей Россійской имперіи.

МАНЧЖУРІЯ.

Четвергъ, 2 октября. Итакъ, мы очутились въ Китаѣ, Небесной имперіи (границу переѣхали ночью), но небес-

наго, по правдѣ сказать, что-то было мало замѣтно. Когда я сегодня рано утромъ открылъ окно, впечатлѣніе получилось престранное: вокругъ бурая волнистая степь съ низкими оголенными холмами. Не будь травы, подумалъ бы, что это пустыня Гоби. Нигдѣ ни признака человѣческихъ поселеній, ни дерева, ни кустика, одна побурѣвшая, высохшая трава на всемъ горизонтѣ. Потомъ подъѣхали къ рѣкѣ, извивающейся по степи; это рѣка Хайларъ. Вдоль воды жиденькіе кусты, тамъ и сямъ одинокія березки. Но по-прежнему—ни жилья ни людей. Пустынная страна! Ни слѣда дѣлъ рукъ человѣческихъ, кромѣ этого желѣзнодорожнаго пути, протянувшагося по бурой степи. Рѣка течетъ въ обратную сторону отъ насъ, стремясь въ Аргунь и въ Амуръ.

Мы находимся на Хулунбуирскомъ нагорьѣ, на высотѣ приблизительно 610 метровъ надъ уровнемъ моря. Нагорье это—продолженіе Монгольскаго плоскогорія съ его обширными степями на югѣ и западѣ и тянется далеко къ сѣверу, до Забайкалья. Находимся ли мы сейчасъ въ Монголіи или въ Манчжуріи, рѣшить мудрено, такъ какъ мѣстность скорѣе всего отвѣчаетъ представленіямъ, сложившимся у насъ о Монголіи, но въ политическомъ отношеніи это уже граница Манчжуріи. Я было-думалъ, что здѣсь должно быть черезчуръ сухо, — разъ эти хребты безлѣсны, и отсюда уже недалека сама пустыня Гоби, продолженіемъ которой скорѣе всего и являются эти степи. Но въ рѣкѣ было достаточно воды, а кромѣ того, дальше въ степи виднѣлись болота и большія стоячія озера. Чѣмъ это объяснить? Бываетъ ли здѣсь черезчуръ сухо лишь въ нѣкоторыя времена года? Недалеко къ югу почва богата солонцами, и вода въ озерахъ горько-соленая.

Наконецъ мы миновали нѣсколько низенькихъ людскихъ жилищъ, но это были только будки желѣзнодорожныхъ сторожей, выстроенныя изъ камня, такъ какъ дерева здѣсь нѣтъ. Тамъ и сямъ на окружающихъ склонахъ тор-

чали изъ бурой, высохшей степной травы голыя скалы; большей частью онѣ однако покрыты глубокимъ рыхлымъ слоемъ—продуктомъ вывѣтриванія. Въ этомъ климатѣ, съ рѣзкими колебаніями температуры и съ холодною зимой, процессъ вывѣтриванія совершается очень быстро, но, благодаря скудости атмосферныхъ осадковъ и плоскости страны, уносится прочь лишь весьма незначительное количество продуктовъ распада.

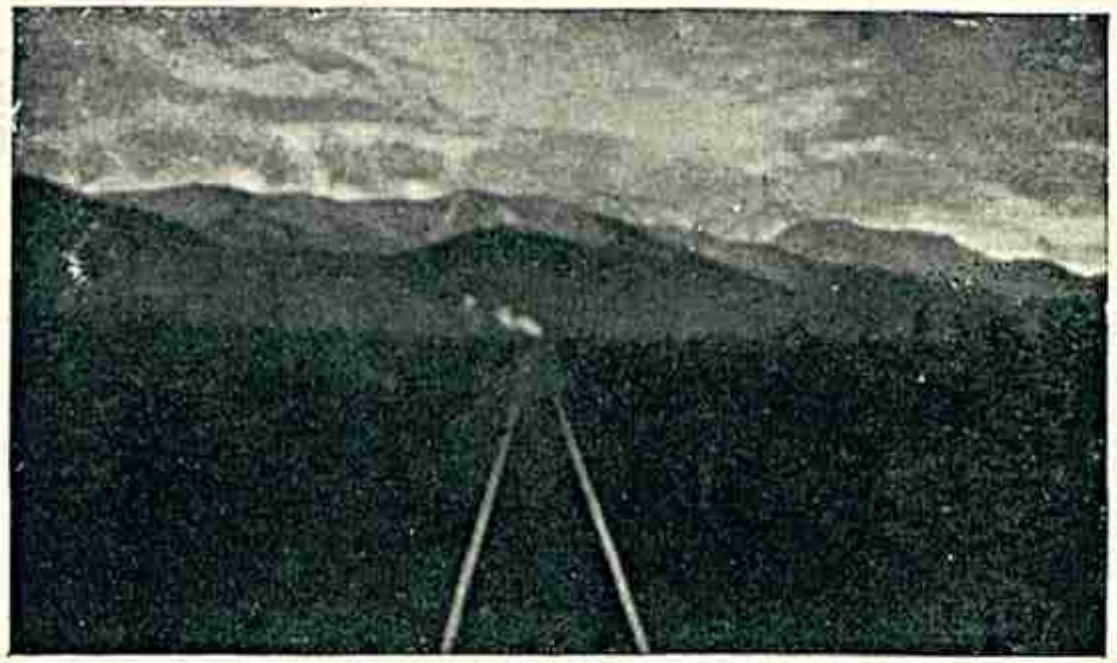
Подальше на востокѣ, тамъ и сямъ на высотахъ, виднѣлся березовый лѣсокъ, очень жиденькій и молодой. На нѣкоторыхъ станціяхъ зато высились огромные штабели березовыхъ дровъ. Топливомъ для паровозовъ служатъ преимущественно дрова; правда, въ здѣшнихъ мѣстахъ открыты небольшія залежи каменнаго угля, но плохого качества.

Снова тянется безконечная голая степь. Мы медленно поднимаемся, слѣдуя вдоль западнаго склона горной цѣпи Большого Хингана. Обширные, но невысокіе и плоскіе скалистые массивы этой горной цѣпи отходятъ отъ Монгольскаго и Хулунбуирскаго плоскогорій на западѣ, гдѣ высота ихъ равняется приблизительно 600 метровъ, и примыкаютъ къ болѣе низкой равнинѣ на востокѣ, составляющей часть Восточной Гоби; тамъ, около Цицикара, высота ихъ равняется приблизительно 150 метрамъ. Скалъ выше 1.100—1.200 метровъ въ этой цѣпи, насколько извѣстно, вообще нѣтъ, какъ нѣтъ и ни одной снѣжной вершины. Склоны всюду длинные, пологіе, пересѣченные низкими волнистыми грядами, при чемъ даже гребни послѣднихъ имѣютъ волнистыя линіи и невысоко подымаются надъ плоскимъ дномъ долинъ.

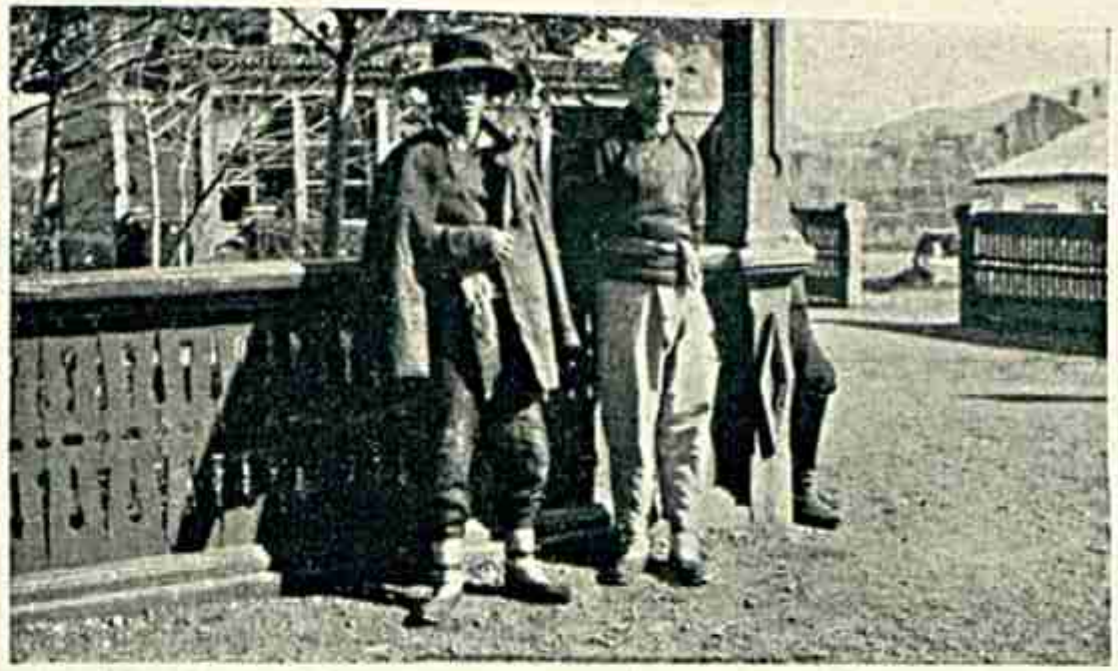
Тамъ и сямъ между скалами видны отдѣльные стоги сѣна,—все-таки признаки нѣкоторой обитаемости страны. Земля во многихъ мѣстахъ кажется черной и тучной; должно быть, тутъ идетъ пластъ настоящаго чернозема, достигающій вдобавокъ значительной толщины,—часто

Е. Д. ВУРЦЕЛЬ И АВТОРЪ (30 СЕНТ.). Снимокъ Востротина.

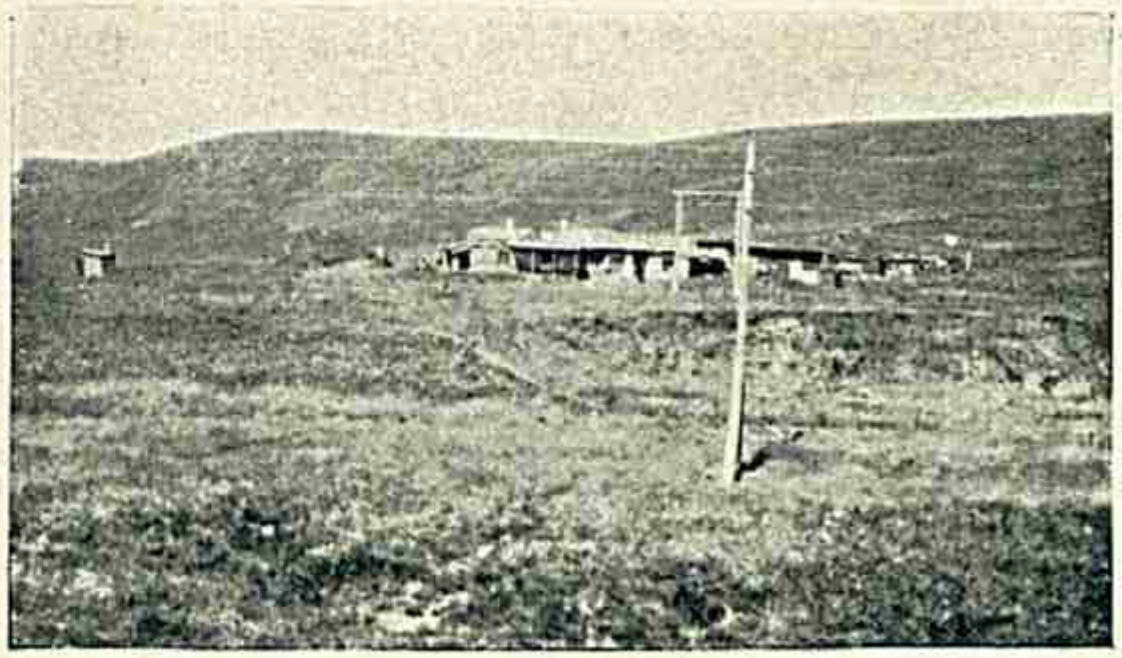
СКАЛИСТАЯ МѢСТНОСТЬ НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ БАЙКАЛА (30 СЕНТ.).

КИТАЙЦЫ НА НАШЕЙ ПЕРВОЙ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОЙ ОСТАНОВКѢ ВЪ МАНЧЖУРІИ (2 ОКТ.).

МАНЧЖУРІЯ. БЛИЗЪ РѢКИ ХАЙЛАРЪ (2 ОКТ.). ОГОЛЕННЫЕ ГРЕБНИ ГОРЪ. РѢДКІЙ БЕРЕЗНЯКЪ ВДОЛЬ РУЧЬЕВЪ.

МАНЧЖУРІЯ. ДОМЪ БЛИЗЪ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОЙ СТАНЦІИ (2 ОКТ.).
Справа видны хижины китайскихъ рабочихъ.

въ нѣсколько футовъ, какъ видно по разрѣзамъ вдоль желѣзнодорожнаго полотна. Видимо, человѣку стоитъ только разокъ пройтись плугомъ, чтобы земля дала богатый урожай, но людей-то нѣтъ. Климатъ же тутъ, въ сѣверной Монголіи, вообще суровый. Средняя годовая температура — 2°Ц., а зимою падаетъ до —50° Ц. Средняя температура въ январѣ приблизительно —26°Ц. Лѣто зато жаркое: средняя температура въ іюлѣ свыше 20°Ц., а это главное при земледѣліи. Затѣмъ еще то преимущество, что осадки, если ихъ вообще и маловато, приходятся преимущественно на лѣтнюю пору, благодаря господствующимъ южнымъ и юго-западнымъ вѣтрамъ. Чаще всего дождливая пора начинается въ іюлѣ. Напротивъ, зимою мало снѣгу, такъ какъ внутри страны дуютъ главнымъ образомъ сѣверные и сѣверо-западные вѣтры. Когда-нибудь, безъ сомнѣнія, и придетъ пора, что эти огромныя степныя пространства будутъ обработаны и заселены людьми, а пока отрадно созерцать такіе нетронутые запасы земли. Все-таки, значитъ, еще есть и на нашей маленькой планетѣ мѣсто для людей!

На здѣшнихъ станціяхъ увидѣлъ я первыхъ китайцевъ. Всѣ были съ косами, представительные, высокіе, стройные, сильные, съ здоровымъ и довольнымъ выраженіемъ лицъ. Невольно чувствуешь, что стоишь лицомъ къ лицу съ расой, имѣющей будущее. Въ общемъ однако разнообразіе типовъ удивительное: у нѣкоторыхъ здѣшнихъ китайцевъ длинныя, узкія лица, но у большинства широкія и круглыя. Должно-быть, довольно смѣшанная раса.

О томъ, что здѣсь, въ этой степи, на голыхъ хребтахъ дѣйствительно слишкомъ сухо и что это, несмотря на видѣнную мной рѣку и озера, и есть причина скудости лѣсной растительности, явствуетъ изъ того, что отдѣльныя тощія березки растутъ лишь тамъ и сямъ въ долинахъ и по склонамъ, вдоль ручьевъ. Не будь здѣсь такъ сухо, эти деревья могли бы расти и въ другихъ мѣстахъ.

Мы медленно поднимаемся все выше, къ гребню Большого Хингана. Здѣсь березы растутъ гуще, но тоже невелики; лишь изрѣдка видны деревья потолще, и по-прежнему на большихъ разстояніяхъ — отъ метра до двухъ — одно отъ другого. Совсѣмъ нѣтъ также мелкой лѣсной поросли; между деревьями растетъ только трава. Другихъ породъ, кромѣ березы, не видно. Лишь во рву около желѣзнодорожнаго полотна я замѣтилъ одну-единственную низенькую лиственницу, не больше метра высоты. Затѣмъ поѣздъ понесся по туннелю длиною въ три километра, проложенному въ гребнѣ Большого Хингана. Вынырнувъ по другую сторону его, съ изумленіемъ видишь рѣзкую перемѣну въ окружающей природѣ. Крутой горный склонъ изобилуетъ долинами, и березовый лѣсъ смѣшался съ карликовыми дубами, густыя заросли которыхъ одѣваютъ всю эту сторону горъ. Кое-гдѣ кромѣ того видны отдѣльные экземпляры настоящихъ дубовъ повыше; это—каменный дубъ. Дальше внизу я видѣлъ въ рѣденькомъ березнякѣ много крупныхъ, но черныхъ обожженныхъ пней, — должно-быть, хвойныхъ деревьевъ. Вѣроятно, прежде здѣсь росли большіе хвойные лѣса, которые теперь выжжены.

Затрудненіе, которое представлялъ слишкомъ крутой спускъ съ Большого Хингана, обойдено при помощи искуснаго инженернаго сооруженія—большой петли, которую желѣзнодорожное полотно дѣлаетъ въ долинѣ; затѣмъ оно возвращается обратно и проходитъ подъ верхнимъ своимъ участкомъ. Когда мы двинулись дальше, вокругъ разстилалась та же бурая пустынная степь, какая тянулась и по западную сторону Большого Хингана. Впрочемъ, уже около слѣдующей станціи Бухэду мы увидѣли нѣсколько обработанныхъ зеленѣющихъ полей, но, конечно, они принадлежали китайцамъ, которые вообще хорошіе земледѣльцы. Здѣсь же находилась типичная китайская деревня—тѣсно прижавшіеся одинъ къ другому домики, обнесенные высокой изгородью, назначеніе которой, вѣроятно, потѣснѣе

сбить въ кучу жителей и всю накапливаемую ими грязь. Неподалеку расположилась русская деревня, совсѣмъ иного характера: она, напротивъ, какъ-будто норовила побольше разбросаться, расползтись по равнинѣ. И отчего же нѣтъ? Мѣста тутъ не занимать стать! Живутъ здѣсь русскіе солдаты и офицеры; это—русскій военный постъ, которыхъ много по линіи; цѣль ихъ— охрана желѣзнодорожнаго пути и обезпеченіе сообщенія съ русскимъ Дальнимъ Востокомъ.

Дальше потянулась та же голая степь съ рѣдкимъ низкимъ лѣсомъ по хребтамъ горъ, по большей части березовымъ и дубовымъ, и безконечныя пространства безъ людскихъ поселеній; лишь тамъ и сямъ виднѣется по нѣскольку головъ коровъ, лошадей, а иногда вдобавокъ и овецъ. Горы и здѣсь низки, волнисты и однообразны, какъ весь ландшафтъ. Удивительно мало видно твердыхъ скалъ, хотя горные склоны часто довольно круты. Всюду рыхлый матеріалъ, часто содержащій большіе грузные камни. Получается большое сходство съ поддонными морены, но это результаты сильнаго вывѣтриванія скалъ, благодаря которому часть ихъ превратилась въ мелкій щебень и песокъ, а другая осталась лежать въ видѣ крупныхъ каменныхъ глыбъ. Проѣзжая по самой горѣ, которую желѣзная дорога въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорѣзываетъ, видишь, что она вся вывѣтрѣла сверху, и большіе камни торчатъ изъ щебня. Тутъ нѣтъ строгихъ границъ между твердыми скалами и продуктами распада. Щебень чаще всего прикрытъ толстымъ слоемъ чернозема.

Около станціи Баримъ, второй нашей остановки на восточной сторонѣ Большого Хингана, надъ хребтомъ и долиной выступали высокіе гребни и глыбы гранита, а по склонамъ валялось множество крупныхъ выпавшихъ камней. Эти зубчатые гребни—остатки болѣе твердыхъ скалъ—стоятъ, какъ древнія руины, и являются, какъ уже упомянуто, показателемъ быстроты и силы процесса вывѣтриванія окружающихъ болѣе рыхлыхъ породъ. Они свидѣ-

тельствуютъ, что и здѣсь не было ледниковаго періода въ теченіе позднѣйшихъ геологическихъ періодовъ.

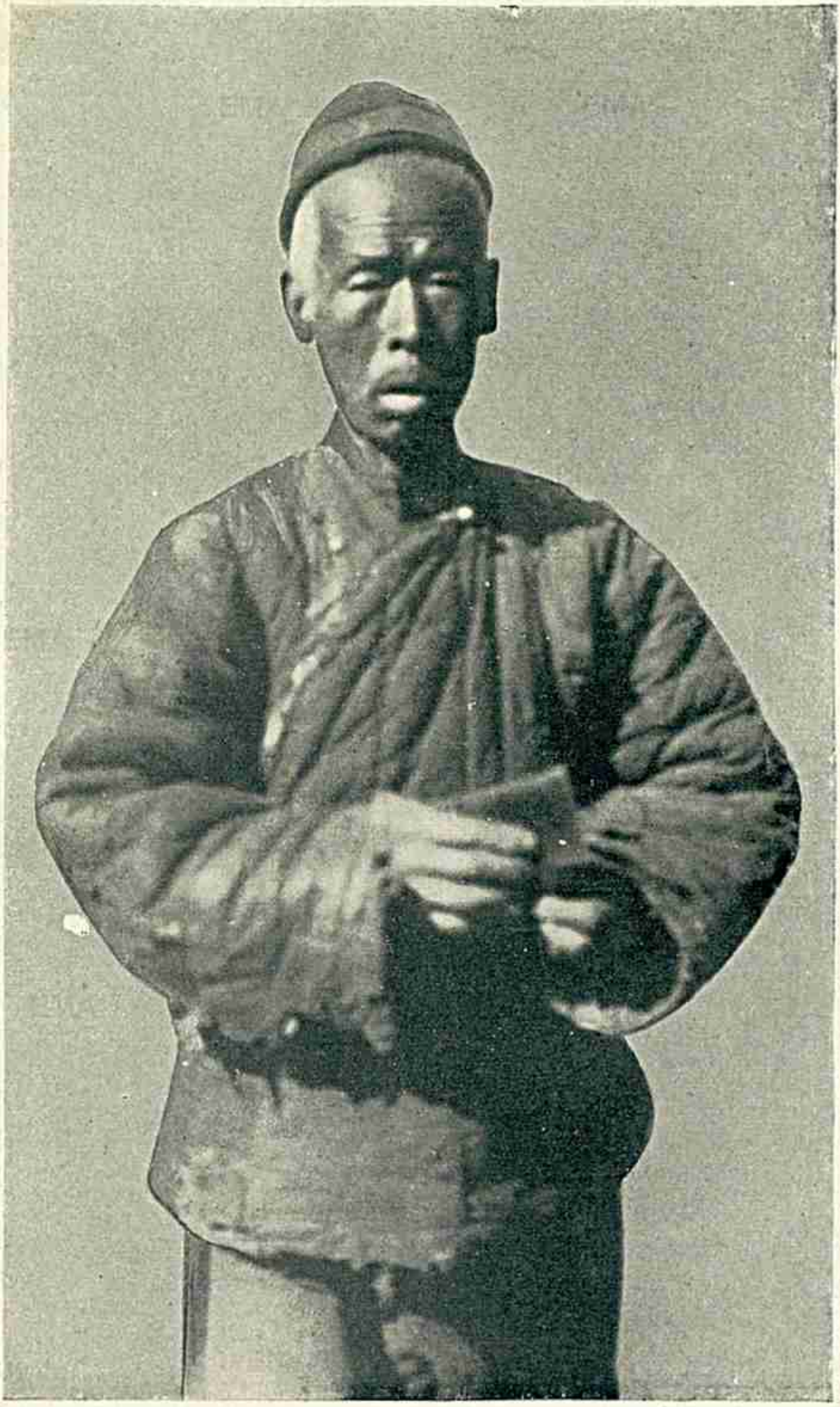
У Барима тоже русскій военный постъ съ длинными низкими казармами для солдатъ и офицеровъ.

Цѣлый день мы ѣхали все по той же пустынной бурой степи, бѣдной древесной растительностью, мимо голыхъ бурыхъ высотъ. По-прежнему мало признаковъ обитаемости края, если не считать отдѣльныхъ жилищъ вдоль желѣзнодорожнаго полотна, построенныхъ спеціально для служащихъ дороги. Какое чудовищное пространство занимаетъ эта степь, раскинувшаяся на сотни верстъ во всѣ стороны— и за Большой Хинганъ и далеко къ западу, въ Монголію!

По мѣрѣ того, какъ Хинганскія горы все больше и больше уходятъ на западъ, гдѣ пылаетъ закатъ, холмы вокругъ насъ все понижаются, и скоро мы ѣдемъ по совсѣмъ плоской равнинѣ, которая тянется далеко на востокъ, за Харбинъ. Мы приближаемся къ сѣверной границѣ Восточной Гоби и ѣдемъ вдоль границы Монголіи.

Предполагалось, что Е. Д. Вурцель поѣдетъ до самаго Хабаровска и тамъ остановится на нѣсколько дней, чтобы повидаться съ генералъ-губернаторомъ, а затѣмъ уже отправится дальше по Пріамурью. Мнѣ онъ предложилъ тѣмъ временемъ проѣхать во Владивостокъ и осмотрѣть его, чего мнѣ очень хотѣлось. Но такъ какъ я не понималъ по-русски, то онъ по телеграфу запросилъ Управленіе Восточно-Китайской дороги въ Харбинѣ — не найдется ли тамъ человѣка, владѣющаго англійскимъ языкомъ или нѣмецкимъ и согласнаго сопровождать меня во Владивостокъ.

Пятница, 3 октября. Въ два часа утра прибыли мы наконецъ въ Харбинъ. Генералъ N, начальникъ Восточно-Китайской желѣзной дороги, пріѣзжалъ наканунѣ вечеромъ на станцію, думая встрѣтить насъ, но такъ какъ неизвѣстно было, когда прибудетъ поѣздъ, то онъ поручилъ до-

КИТАЕЦЪ НА СТАНЦІИ МАЦЯОХЭ (3 ОКТ.).

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦІЯ БУХЕДУ ВЪ МАНЧЖУРІИ (2 ОКТ.).

БЛИЗЪ СТАНЦІИ ЧЖАЛАНЬТУНЬ, КЪ ВОСТОКУ ОТЪ БОЛЬШОГО ХИНГАНА (2 ОКТ.).
Типичныя формы размыва скалъ.

ГРАНИТНЫЕ УТЕСЫ БЛИЗЪ СТАНЦІИ БАРИМЪ, КЪ ВОСТОКУ ОТЪ БОЛЬШОГО ХИНГАНА (2 ОКТ.).

ДОЛИНА У ЗАПАДНАГО СКЛОНА КЕНТЭЙ-АЛЬПІЯ (3 ОКТ.).

ждаться насъ и привѣтствовать отъ его имени барону Гаральду фонъ-Гюйнингенъ-Гюне. Баронъ былъ родомъ изъ Эстляндіи, нѣмецкій языкъ оказался его роднымъ языкомъ, и онъ заявилъ, что командированъ сопровождать меня во Владивостокъ и пробыть тамъ со мной, сколько окажется желательнымъ.

Всего два дня тому назадъ баронъ вернулся изъ продолжительнаго путешествія по Европѣ, но, когда генералъ спросилъ его по телефону — желаетъ ли онъ отправиться со мной, баронъ сразу согласился. Вотъ оно, русское гостепріимство! Лучшаго и болѣе занимательнаго спутника я не могъ и желать.

Что-то случилось съ осью нашего вагона, и его, по предложенію оберъ-кондуктора, рѣшено было оставить здѣсь для починки, а Е. Д. Вурцель собирался занять для насъ два обыкновенныхъ купэ въ поѣздѣ, но изъ Управленія тотчасъ послѣдовалъ приказъ прицѣпить совсѣмъ новый вагонъ въ полное наше распоряженіе. Да, могу сказать—отмѣнно принимаютъ гостей въ этой странѣ!

Затѣмъ мы узнали, что генералъ-губернаторъ выѣхалъ изъ Хабаровска во Владивостокъ, и Е. Д. Вурцель рѣшилъ ѣхать туда же; такимъ образомъ мы всѣ трое поѣхали дальше въ нашемъ новомъ вагонѣ.

Проснувшись утромъ и выглянувъ въ окно, я увидалъ, что мы находимся въ горной долинѣ съ обломками вывѣтрѣлыхъ скалъ по бокамъ и множествомъ крупныхъ камней, разсѣянныхъ по склонамъ и на днѣ долины, такъ что рѣка текла между камней и по каменистымъ розсыпямъ. Мы находились на послѣднемъ восточномъ склонѣ горной цѣпи Ся-бо-шань. Къ сожалѣнію, мы уже оставили позади самыя горы, которыя мнѣ хотѣлось видѣть,—тамъ росли крупные лѣса и вообще было очень красиво, по словамъ барона. А я еще не видалъ въ этихъ краяхъ большихъ лѣсовъ и никакихъ красотъ,—только пустынныя и однообразныя мѣста. Лѣсъ одѣваетъ большія простран-

ства западныхъ склоновъ Ся-бо-шаня и кромѣ лиственницы изобилуетъ кедрами, какъ разсказывалъ мнѣ баронъ.

Изъ этихъ лѣсовъ и вывозится по желѣзной дорогѣ во Владивостокъ много кедровыхъ бревенъ, которыя затѣмъ отправляются моремъ. Въ лѣсахъ много лѣсопиленъ. Принадлежатъ онѣ крупной владивостокской фирмѣ Скидальскаго, который вывозитъ за границу кедроваго дерева болѣе, чѣмъ на милліонъ рублей въ годъ. На одной изъ станцій мы увидѣли множество вагоновъ, нагруженныхъ кедровыми досками. Кедръ, какъ упоминалось, весьма цѣнное дерево; тѣмъ не менѣе удивительно, какъ можетъ окупаться провозъ его на такомъ разстояніи и по желѣзной дорогѣ и моремъ. Вѣдь по одной желѣзной дорогѣ приходится везти не менѣе 375 верстъ.

Скоро мы спустились къ равнинѣ у Мутана, притока Сунгари. И тутъ мѣстами та же бурая степная трава, волнистая мѣстность и голые съ рѣдкой порослью холмы; больше всего растетъ здѣсь карликовыхъ дубовъ, и очень мало деревьевъ покрупнѣе, похожихъ на каменные дубы. Но по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся впередъ, увеличивается число обработанныхъ земельныхъ участковъ. Тамъ и сямъ вспаханныя поля, просяныя и бобовыя, или огороды съ капустой и овощами. Попадаются и стоги сѣна. Живутъ здѣсь китайцы; они умѣлые и усердные земледѣльцы.

Вотъ и видно, какое значеніе имѣетъ для культуры края такая желѣзная дорога! До проложенія ея вся эта степная область была почти-что безлюдна и невоздѣлана. Послѣ постройки желѣзной дороги, и особенно за послѣдніе годы, начиная съ 1906 года, здѣсь поселилось много китайцевъ, которые распахали большіе участки и культивируютъ по преимуществу богатые масломъ бобы-соя, а также просо. Разовьются, повидимому, и сахарныя плантаціи. Широкія пространства земли по обѣ стороны самаго пути русскіе пріобрѣли у китайскаго правительства для

надобностей дороги, такъ что китайцамъ приходится селиться за предѣлами полосы отчужденія, гдѣ они и работаютъ усердно и мало-по-малу, конечно, обработаютъ всю остальную землю, сильно поощряемые къ тому своимъ правительствомъ. Между воздѣланною уже областью вдоль желѣзнодорожнаго полотна и воздѣланною частью южной Манчжуріи лежатъ пока огромныя пространства дѣвственной и почти незаселенной степи. То же самое наблюдается къ сѣверу, вплоть до рѣкъ Сунгари и Амура.

Часто проѣзжаемъ мимо лѣсныхъ пожарищъ—дымятся огромныя пространства лѣса. Изъ этого не трудно заключить, почему здѣсь такъ мало лѣсовъ: ихъ постоянно жгутъ. Трава въ долинахъ выжигается или осенью или ранней весной, чтобы засохшая трава не мѣшала вырасти свѣжей. А если такимъ путемъ поджигаются и лѣса по горнымъ склонамъ—до этого никому нѣтъ дѣла, и лѣсъ горитъ себѣ недѣлями; никто не думаетъ, да и не умѣетъ остановить пожаръ. Мы проѣзжаемъ широкую, ровную долину Мутана между Ся-бо-шанемъ съ запада и Кентэй-алиньскимъ хребтомъ съ востока. На западѣ, за нами, еще видны скалы и вершины; нѣкоторыя кажутся очень высокими; на самомъ же дѣлѣ выше 2.440 метровъ нѣтъ ни одной вершины въ Манчжуріи (вулканъ Пектошань на границѣ Кореи).

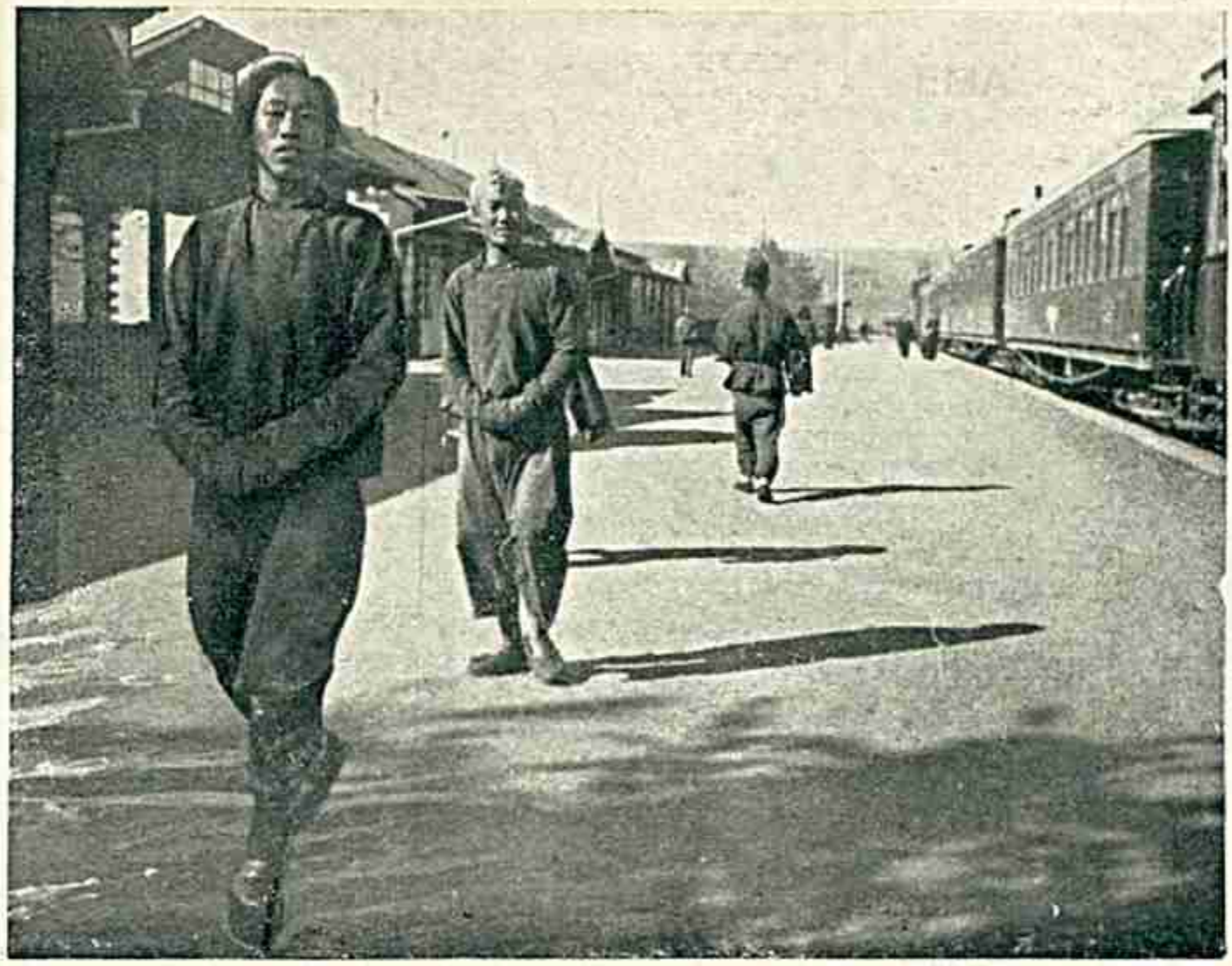
Далѣе путь идетъ сильно въ гору (15:1.000), и мы зигзагами поднимаемся на вершину Кентэй-алиньскаго хребта; затѣмъ снова спускаемся по другую его сторону. Кое-гдѣ на вершинѣ виднѣется еловый лѣсъ да немного лиственницъ близъ самаго полотна. Лѣсъ молодой и рѣдкій, большею частью выжженный. Вдоль полотна вообще не можетъ остаться много лѣсу: во-первыхъ, искры отъ паровоза, которыя, благодаря топкѣ дровами, сыплются прямо дождемъ, легко поджигаютъ сухую траву кругомъ, съ которой огонь перебирается на деревья; а во-вторыхъ, дорогѣ нужны бревна для построекъ и дрова для отопле-

нія паровозовъ и жилищъ служащихъ; вотъ лѣса мало-помалу и сводятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ желѣзной дороги на нѣтъ.

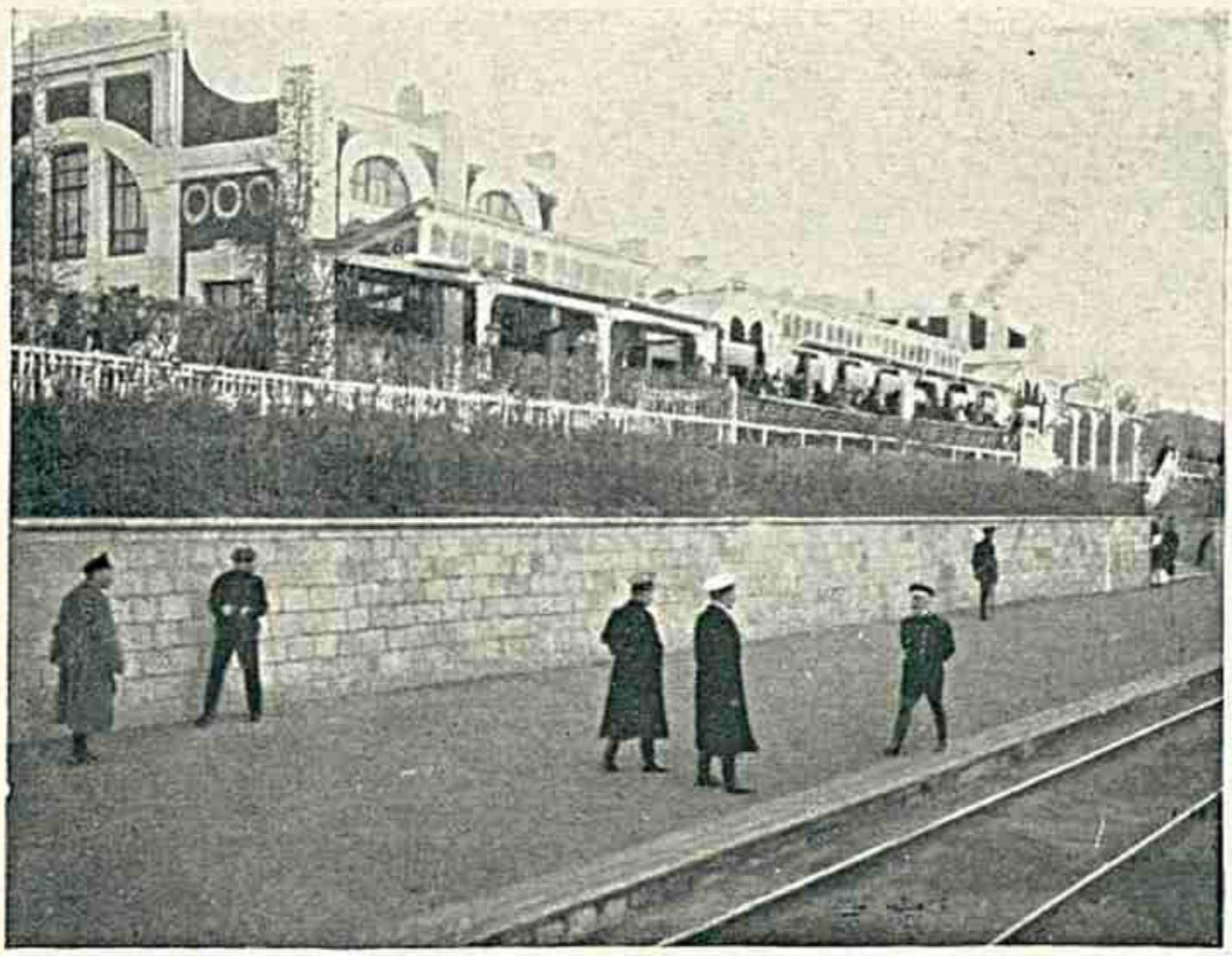
Послѣ спуска къ новой рѣкѣ Мутани, притоку Уссури, начался новый подъемъ, большими зигзагами, на хребетъ горной цѣпи Ляу-ю-линъ и къ границѣ между Манчжуріей и русскими владѣніями—Уссурійскимъ краемъ.

Баронъ фонъ-Гюйнингенъ-Гюне, много лѣтъ причастный къ Манчжурской дорогѣ и завѣдывавшій поставкой лѣса и дровъ для нея, достаточно поѣздилъ по этой области по дѣламъ службы и разсказывалъ о ней много интереснаго. Прежде земледѣліе здѣсь ограничивалось воздѣлываніемъ опіума, запрещеннымъ въ Китаѣ. Имъ занимались тайкомъ въ лѣсныхъ дебряхъ. Охотникъ, забравшійся поглубже въ лѣса по горнымъ склонамъ, вдругъ натыкался въ глухихъ долинахъ на цѣлыя поля, засѣянныя ядовитымъ краснымъ макомъ, изъ котораго добывается опіумъ. Къ такимъ полямъ вели изъ лѣса лишь узенькія тропочки. Тутъ китайцы воздѣлывали ядовитое растеніе втихомолку отъ властей, тутъ же добывали и самый сокъ, который затѣмъ проносили въ своихъ пустотѣлыхъ бамбуковыхъ палкахъ въ города, преимущественно въ Харбинъ, гдѣ продавали, надувая и китайскую полицію и таможенныхъ.

Въ большихъ горныхъ лѣсахъ баронъ часто встрѣчался съ разбойничьими шайками ужасныхъ хунхузовъ, но они всегда оказывались очень добродушными, сговорчивыми. По большей части эти шайки состоятъ изъ людей, такъ или иначе не поладившихъ съ обществомъ, и баронъ полагаетъ, что многіе изъ нихъ занимались сначала незаконной добычей золота, т.-е. искали и находили въ этихъ глухихъ мѣстахъ вдоль рѣкъ золотой песокъ и тайно промывали его, не платя ничего правительству. Забираясь мало-по-малу все глубже, они наконецъ за недостаткомъ пищи переходили къ грабежамъ и принимали въ свою компанію разныхъ другихъ бродягъ и преступ-

КИТАЙЦЫ НА СТАНЦІИ МАЦЯОХЭ (3 ОКТ.).

СТАНЦІЯ ПОГРАНИЧНАЯ (3 ОКТ.).

ЧАСТЬ ВЛАДИВОСТОКА.

никовъ, которыхъ по тѣмъ или инымъ причинамъ манила эта вольная жизнь.

Въ настоящее время они организовали цѣлую систему поборовъ съ населенія. Въ точности зная, сколько человѣкъ въ ихъ округѣ зарабатываетъ и, стало-быть, сколько можно изъ каждаго выжать, не разоряя его,—хунхузы такою данью его и облагаютъ. И жители платятъ за то, чтобы хунхузы оставили ихъ съ миромъ работать. Правительство не взимаетъ никакихъ налоговъ,—вотъ хунхузы и рѣшили принять эту выгодную функцію на себя. А насколько чувствительны ихъ налоги, видно изъ того, что фирма Скидальскаго во Владивостокѣ, занимающаяся экспортомъ кедроваго лѣса и владѣющая здѣсь восемью паровыми лѣсопильнями, должна въ будущемъ году уплатить хунхузамъ, по словамъ барона, цѣлыхъ 20.000 рублей. Если же не заплатитъ, ея надсмотрщикамъ перерѣжутъ глотки, какъ уже случилось однажды, когда дань не была уплачена во-время. Всѣ проѣзжіе купцы тоже обязаны платить дань, чтобы сберечь свои шкуры. Кто не платитъ, того берутъ въ плѣнъ и предоставляютъ на выборъ—дать за себя выкупъ или быть повѣшеннымъ. Кто же платитъ, тотъ свободенъ отъ нападенія. Самый простой и практическій способъ дѣйствій; организація, напоминающая существовавшія въ Европѣ въ средніе вѣка.

Живутъ хунхузы въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, въ лѣсныхъ дебряхъ, высоко въ горахъ, и добраться до нихъ туда не легко по чащѣ, почти непроходимой лѣтомъ. Сами они знаютъ потайныя тропы, которыя ими же проложены въ этой путаницѣ болотъ и зарослей, деревьевъ и ползучихъ растеній, переплетающихся съ деревьями и между собой. Между прочимъ въ этихъ чащахъ встрѣчается ползучее растеніе съ плодами въ родѣ дикихъ фигъ, вполнѣ съѣдобными.

Хунхузы соединяются въ шайки весною и ведутъ свои дѣла все лѣто, но не смѣютъ оставаться въ своихъ ла-

геряхъ до снѣга, такъ какъ тогда было бы слишкомъ легко выслѣдить ихъ. Поэтому они расходятся заранѣе, раздѣливъ между собой лѣтній заработокъ. Забравъ свою часть, каждый уходитъ, куда хочетъ—въ Чифу, въ Пекинъ или куда вздумается, и проводитъ тамъ зиму въ качествѣ мирнаго работника или рантье, чтобы вновь вспорхнуть по веснѣ, подобно птицамъ перелетнымъ, и собраться въ своихъ заповѣдныхъ лѣсахъ. Годъ послѣ войны Россіи съ Японіей былъ особенно прибыленъ для нихъ: въ разоренныя войною провинціи требовался большой подвозъ всякихъ товаровъ; купцы разъѣзжали усиленно, и выручка хунхузовъ достигла къ веснѣ такой суммы, что при дѣлежѣ имъ пришлось по 400 рублей на брата.

Баронъ попалъ однажды въ лагерь шайки, состоявшей изъ 900 человѣкъ. Такой лагерь бываетъ хорошо укрѣпленъ, и каждый изъ членовъ шайки вооруженъ ружьемъ или браунингомъ. Барона пригласили въ этотъ лагерь сами хунхузы для дипломатическихъ переговоровъ по поводу охраны желѣзнодорожной линіи, которую они предлагали взять на себя. Содержаніе потребнаго числа солдатъ должно обходиться русскому правительству черезчуръ дорого; такъ не лучше ли поручить охрану хунхузамъ за умѣренное ежегодное вознагражденіе? Обойдется это куда дешевле, а справятся съ дѣломъ они, конечно, не хуже солдатъ. Предложеніе однако не было принято; правительство, разумѣется, предпочитаетъ держать тамъ свои войска, нужныя между прочимъ и для охраны дороги отъ самихъ хунхузовъ.

Можетъ показаться страннымъ, что такой разбой продолжается въ наше время годъ за годомъ; но китайское правительство не принимаетъ серьезныхъ мѣръ къ прекращенію его, видимо, мало интересуясь дѣломъ. А русскимъ нелегко дѣйствовать въ чужой странѣ противъ подданныхъ другого государства. Да черезчуръ и затруднительно всякое преслѣдованіе въ этихъ пустынныхъ, необитаемыхъ и бездорожныхъ лѣсныхъ областяхъ: требуетъ слишкомъ

большихъ усилій и расходовъ. Единственное средство, по мнѣнію барона, было бы—зимою, когда дѣвственные лѣса не представляютъ уже такой чащи и становятся значительно проходимѣе, разыскать лѣтніе разбойничьи притоны, тайники и лазы и разорить и жилища и склады провіанта. Въ здѣшнихъ горахъ живутъ по зимамъ китайцы, выдающіе себя за охотниковъ на пушного звѣря, но въ сущности это сообщники хунхузовъ. Они искусные огородники и садовники и снабжаютъ хунхузовъ лѣтомъ овощами, зеленью, плодами и пр., ловятъ и вялятъ для разбойниковъ рыбу, а зимою бьютъ и запасаютъ для нихъ дичь. Являясь весною въ насиженные лѣсные притоны, разбойники находятъ свои склады биткомъ набитыми. А вотъ, если бы все это разорить, имъ, пожалуй, не просуществовать бы лѣтомъ,—говоритъ баронъ.

Иначе справиться съ хунхузами трудно, если даже напасть на ихъ слѣды. Если, напримѣръ, верховой отрядъ солдатъ приблизится къ лѣсу, гдѣ прячутся хунхузы, послѣдніе, укрывшись за кустами, начнутъ палить въ преслѣдователей еще издалека изъ своихъ отличныхъ ружей; когда же солдаты все-таки проникнутъ въ лѣсъ, разбойники успѣютъ припрятать оружіе и выйти солдатамъ навстрѣчу уже въ качествѣ мирныхъ китайскихъ прохожихъ. Какъ-разъ недавно поймали нѣсколько такихъ близъ Харбина.

На одной изъ станцій (Селинъ-хэ) мы встрѣтили безконечной длины поѣзда съ высокими товарными вагонами; это ѣхали обратно въ Россію переселенцы. Говорятъ, что регулярно возвращается въ среднемъ около 10%, а въ иные годы и больше. Въ эти высокіе товарные вагоны, безо всякихъ удобствъ, набиваются зачастую массы народа, которыя уже устраиваются тамъ, какъ могутъ, съ женами и дѣтьми. Везутъ ихъ не быстро; такіе поѣзда пускаютъ лишь, когда путь не занятъ другими, болѣе скорыми поѣздами, и переселенцы проводятъ въ дорогѣ по мѣсяцу

или по два. Печальное зрѣлище представляетъ такой поѣздъ разбитыхъ надеждъ: люди эти продали все, что̀ имѣли въ родныхъ деревняхъ, отправились на Дальній Востокъ, преисполненные большихъ упованій на лучшую жизнь въ новыхъ мѣстахъ, а тамъ ихъ встрѣтили разочарованіе и неудачи, а можетъ-быть, и лютая нужда, которая и заставила ихъ повернуть назадъ, нищими пробираться въ родные края.

Вотъ мы и опять у границъ Россіи. Станція Пограничная—большая и нарядная, съ террасами, словно увеселительное заведеніе. Сначала мы еще проѣхали конецъ по высотамъ пограничнаго кряжа Ляо-ю-лина, но скоро переправились черезъ границу. Небесная имперія осталась позади, и мы стали медленно спускаться къ равнинѣ при рѣкѣ Суй-фунъ, впадающей въ Амурскій заливъ, часть залива Петра Великаго. Мѣста вокругъ пошли съ виду болѣе плодородныя, но наступилъ мракъ, и мало-что можно было разглядѣть, кромѣ огней въ нѣхъ мѣстахъ, гдѣ жгли траву. Попозже вечеромъ мы проѣхали мимо горящаго стога сѣна, подожженнаго во время упомянутой операціи. По правиламъ траву около стоговъ выжигаютъ кругами, чтобы образовалось защитное кольцо или даже два, но тутъ, видно, промахнулись. Пламя высоко металось къ небу и представляло во мракѣ фантастическое зрѣлище; мы такимъ образомъ могли себѣ вообразить эффектъ ночныхъ пожаровъ, охватывающихъ цѣлые кряжи съ лѣсомъ и длящихся здѣсь иногда по недѣлямъ.

Около полуночи, съ опозданіемъ на три часа, мы прибыли наконецъ во Владивостокъ.

XV. УССУРІЙСКІЙ КРАЙ, ВЛАДИВОСТОКЪ И ХАБАРОВСКЪ.

Приморская область, площадь, населеніе.—Природа, климатъ.—Туземцы.—Исторія.—Владивостокъ.—Уссурійскій край.—Земледѣліе.—Хабаровскъ.—Мостъ черезъ Амуръ.—Трудности сооруженія.—Областная выставка.—Цѣнные олени.—Музей, туземныя сани.—Гольды.

Мы прибыли въ важнѣйшую часть русскаго Востока. Это Приморская область, пограничная земля, обращенная къ Японскому морю. Начинаясь отъ границъ Кореи на югѣ, на широтѣ 42¼°, она оканчивается на сѣверѣ, на широтѣ 56°, берегомъ Охотскаго моря; восточною границей ея тоже служитъ море, а западною—внутреннее озеро Ханка и рѣка Уссури, впадающая въ Амуръ около Хабаровска; дальше граница уклоняется къ сѣверо-западу и сѣверу. Площадь Приморской области равняется приблизительно 522.000 квадратныхъ верстъ, а населеніе достигало въ 1911 году 523.840 человѣкъ, изъ которыхъ 360.437 русскихъ. Болѣе половины всего населенія приходится на хорошую, наиболѣе плодородную часть—Южно-Уссурійскій край, площадью приблизительно въ 130.000 квадратныхъ верстъ; уже въ 1908 году число жителей этой части доходило до 244.000, не считая гарнизоновъ во Владивостокѣ и Хабаровскѣ, а также корейцевъ и китайцевъ, приходящихъ сюда на заработки лѣтомъ.

Характеръ страны въ существенной степени опредѣляется цѣпью Сихотэ-Алинь, прорѣзывающей всю страну въ сѣверо-восточномъ направленіи — отъ берега залива Петра Великаго (на югѣ) до Охотскаго моря къ сѣверу отъ устья Амура (на сѣверѣ). Это очень древняя извилистая горная цѣпь, высота которой уменьшилась въ теченіе временъ благодаря вывѣтриванію. Средняя высота ея колеблется теперь между 900—1.200 метровъ; высочайшая изъ вершинъ Голая достигаетъ 1.500—1.600 метровъ. Самая цѣпь имѣетъ отчасти крутые склоны къ востоку, т.-е. въ сторону моря, тогда какъ западные спускаются болѣе отлого къ рѣкамъ Уссури и Амуру, которыя на значительныхъ протяженіяхъ текутъ по обширнымъ равнинамъ. Горы мѣстами приближаются къ границѣ вѣчныхъ снѣговъ и всюду покрыты дѣвственнымъ лѣсомъ, безконечною тайгою; но большія пространства въ серединѣ тайги выжжены туземцами и китайцами, между прочимъ для того, чтобы легче было охотиться на оленей и лосей, рога которыхъ очень цѣнятся въ Китаѣ въ качествѣ медикамента.

Въ общемъ область эта является слегка волнистымъ нагорьемъ. По нижнему теченію Уссури и вдоль Амура тянутся болѣе обширныя и низкія равнины; послѣднія часто переходятъ въ болотистыя пространства и настоящія стоячія болота, заливаются полой водой, а потому не особенно пригодны для обработки. Самая почва въ этой области по большей части плодородная, но климатъ неблагопріятный, если принять во вниманіе географическое расположеніе. Владивостокъ вѣдь лежитъ на широтѣ 43°6′ с. ш., т.-е. почти на широтѣ Ниццы и Флоренціи, а средняя годовая температура его равняется всего +4,6° Ц. Лѣтомъ она подымается до +30° Ц. и выше, а зимою падаетъ до —25° Ц. Средняя годовая температура такимъ образомъ ниже, чѣмъ въ Христіаніи. Въ городѣ Николаевскѣ, на устьѣ Амура, расположенномъ на 53° с. ш., т.-е. немного сѣвернѣе Берлина

и чуть южнѣе Манчестера, средняя годовая температура приблизительно —2° Ц.; зимою падаетъ иногда до —46° Ц., а лѣтомъ превышаетъ +30° Ц.

Сѣверная часть области мало пригодна для земледѣлія, но по нижнему теченію Амура и вблизи его устья есть хорошіе луга, дающіе много сѣна. Южная часть Приморской области, несмотря на сравнительно холодный климатъ, представляетъ хорошія условія для земледѣлія: почва отчасти плодородная; атмосферные осадки не обильны, но такъ какъ и здѣсь они выпадаютъ преимущественно лѣтомъ, то въ смыслѣ влажности условія удовлетворительныя. Во Владивостокѣ количество осадковъ 372 мм., въ Хабаровскѣ 604 мм., а между Сихотэ-Алинемъ и Уссури должно выпадать лѣтомъ много дождей. Напротивъ, по всей области выпадаетъ мало снѣгу по причинѣ господствующихъ зимою сѣверо-западныхъ вѣтровъ.

Первоначальными обитателями области являлись различныя племена тунгузовъ, какъ-то: орочоны, гольды и др. Держались они частью у рѣкъ, гдѣ ловили рыбу лѣтомъ, частью кочевали по лѣсамъ, охотясь за соболями. Гольды въ Уссурійской долинѣ немного занимались и земледѣліемъ. На сѣверѣ, близь устья Амура, живетъ еще замѣчательный народецъ гиляки, тоже природные рыбаки, но, повидимому, не родственные тунгузскимъ племенамъ. Нѣкоторые изслѣдователи, какъ, напримѣръ, д-ръ Штернбергъ и капитанъ Арсеньевъ, выдвинули въ послѣднее время гипотезу, что этотъ народецъ, подобно эскимосамъ, алеутамъ и другимъ, пришелъ съ сѣверо-востока, изъ Америки, и въ родствѣ съ американскими туземцами.

И здѣсь наблюдается та же удивительная смѣсь племенъ совершенно различнаго происхожденія. Неподалеку, на островѣ Сахалинѣ, живетъ еще одинъ замѣчательный народъ—айны, отличающійся отъ всѣхъ другихъ азіатскихъ туземцевъ между прочимъ богатою волосяною растительностью: у нихъ густыя бороды и длинные усы.

Полагали, что это, можетъ-быть, остатокъ племенъ, родственныхъ папуасамъ и австралійскимъ неграмъ и распространившихся къ сѣверу вдоль восточнаго побережья Азіи.

О ранней исторіи Уссурійскаго края намъ извѣстно немного, и главнымъ образомъ по китайскимъ источникамъ. Около 300 лѣтъ до Рождества Христова жило по берегу на востокъ отъ Сихотэ-Алиня племя Дамалу, а на западѣ, по верхнему теченію Уссури и къ западу отъ Сунгари, другое племя—Илау. Послѣднее упоминается также, какъ племя, достовѣрно проживавшее въ сѣверной Манчжуріи въ правленіе второй Ханской династіи въ Китаѣ (съ 25-го по 200-й годъ по Р. Х.) и бывшее, повидимому, тунгузскаго корня. Они находились въ періодѣ культуры каменнаго вѣка, занимались охотою, при чемъ оружіемъ служили имъ лукъ и стрѣлы, ютились, говорятъ, въ горныхъ пещерахъ и лѣсахъ и дошли до употребленія лодокъ. Каменный вѣкъ смѣнился у нихъ прямо желѣзнымъ, безъ бронзоваго промежутка. Илау промышляли охотой на медвѣдей, лосей, оленей и, говорятъ, были свирѣпыми воинами, отъ которыхъ доставалось сосѣдямъ. Но впослѣдствіи и они занялись скотоводствомъ и отчасти земледѣліемъ.

Затѣмъ, въ серединѣ VII столѣтія, въ Сѣверной Манчжуріи водворилось господство племени Бохи, или, пожалуй, вѣрнѣе—Бохай. Это было тунгузское племя, которое понемногу подчинило себѣ всю Сѣверную Манчжурію, покорило племя Илау и подчинило себѣ также и Южно-Уссурійскій край. Возникло обширное и могучее царство, достигшее своего расцвѣта, должно-быть, въ IX в., когда оно имѣло не менѣе пяти главныхъ городовъ. Въ эту же эпоху, повидимому, выросли цвѣтущіе города въ Южно-Уссурійскомъ краѣ; предполагаютъ, что и самый городъ Никольскъ первоначально возникъ тогда же. Масса руинъ городовъ, остатки дорогъ и прежнихъ сооруженій, находимые въ Южно-Уссурійскомъ краѣ и около Нингуты (въ

Манчжуріи, близъ границы), по большей части тоже являются слѣдами былой цивилизаціи въ эпоху господства племени Бохай. Но затѣмъ его господство было свергнуто племенемъ Кидани или династіей Ляо (916—1125), и началась эпоха упадка. Тогда господство въ этой области перешло къ народу Чурчени, и династія Ляо смѣнилась въ 1125 году династіей Цинъ или Джинъ (1125—1137). „Цинъ“ значитъ „золотая“.

Въ 1237 году эта династія была свергнута монголами, и для Уссурійскаго края началась тревожная, полная переворотовъ эпоха, о которой мало извѣстно; длилась она, повидимому, до тѣхъ поръ, пока южная часть не была въ конецъ разорена во время возникновенія царства въ Нингутѣ въ началѣ XVII в. и связанныхъ съ этимъ войнъ. Населеніе было отчасти плѣнено, отчасти перебито, а остальные разбѣжались, и Уссурійскій край совсѣмъ запустѣлъ. Старые цвѣтущіе города были разрушены, и понемногу самыя мѣста, гдѣ они находились, заросли лѣсомъ. Въ такомъ положеніи оставалась страна въ теченіе 146 лѣтъ, пока ею не овладѣли въ 1861 году русскіе. Тогда туда начали стекаться китайцы, отчасти осѣдлые, отчасти кочевые, такъ называемые манзы, о которыхъ пойдетъ рѣчь впереди.

Капитанъ Арсеньевъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ преданій о временахъ владычества Хуанъ-юня. Эти преданія напоминаютъ, что когда-то страна жила дѣятельной и богатой жизнью, обладала хорошими путями сообщенія, вела войны. И вдругъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, все исчезло, и страна умерла на многія сотни лѣтъ. Когда русскіе переселенцы, занявшіе мѣста древнихъ укрѣпленныхъ городовъ, распахиваютъ новь или роютъ ямы для фундамента, то часто находятъ ножи, стрѣлы, металлическія головныя украшенія, обломки мечей, а иногда и большіе кувшины и блюда. Не зная цѣны имъ, нашедшій, поглядѣвъ, чаще всего швыряетъ находку въ сторону, чтобы не мѣшала, или отдаетъ въ игрушки дѣтямъ. Сло-

вомъ, новая волна европейской культуры скоро уничтожитъ послѣдніе слѣды давно умершей древней.

Важнѣйшимъ городомъ на русскомъ Дальнемъ Востокѣ безспорно является гордо именующійся „Влади-востокомъ". Послѣ паденія Портъ-Артура онъ—база русской силы и вліянія на Тихомъ океанѣ и, можетъ-быть, въ недалекомъ будущемъ станетъ фокусомъ важныхъ міровыхъ событій. Первоначально стоянка русскаго тихоокеанскаго флота находилась въ Петропавловскѣ, на полуостровѣ Камчаткѣ, гдѣ гавань бо̀льшую часть года скована льдомъ. Послѣ 1860 года ее перенесли въ Николаевскъ на устьѣ Амура, въ 1872 году—во Владивостокъ, и, послѣ немногихъ лѣтъ пребыванія флота въ Портъ-Артурѣ, она снова перенесена во Владивостокъ. Послѣдній расположенъ на рѣдкость красиво—на полуостровѣ, имѣющемъ склонъ къ хорошо защищенной бухтѣ Золотого Рога, части залива Петра Великаго. Это огромная гавань, которая хоть и затягивается льдомъ на нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ,—съ конца декабря до конца марта,—но въ которой поддерживается ледоколами открытый фарватеръ, во всякомъ случаѣ для большихъ судовъ, свыше 800 тоннъ. Въ 1910 году въ городѣ насчитывалось, не считая гарнизона, 89.600 человѣкъ, изъ которыхъ 23.000 женщинъ. По національности же общее число жителей распредѣлялось такъ: около 53.000 русскихъ, 29.000 китайцевъ, 3.200 корейцевъ и 2.300 японцевъ. Отличная гавань дѣлаетъ изъ Владивостока и важный торговый пунктъ, но постройкою южной вѣтви Восточно-Китайской дороги до Квантуна и основаніемъ приморскаго города Дальняго Россія сама создала Владивостоку опаснаго конкурента, во всякомъ случаѣ для торговли въ Манчжуріи. Послѣ войны положеніе вновь улучшилось для всей внутренней торговли. Большое значеніе для города, какъ и для всего Уссурійскаго края, имѣла, какъ сказано, постройка желѣзной дороги до Хабаровска и Амура, законченная въ 1896—97 г.г.

Суббота, 4 октября. Вмѣстѣ съ барономъ Гюне мы съ ранняго утра отправились осматривать городъ. Глава крупной лѣсоторговой фирмы г. Скидальскій чрезвычайно любезно прислалъ намъ для ѣзды по городу своихъ чудесныхъ лошадей и коляску. Видѣли мы между прочимъ китайскіе базары, гдѣ городскія хозяйки запасаются зеленью и овощами. Все огородничество здѣсь въ рукахъ китайцевъ, несмотря на гоненіе, воздвигнутое на нихъ губернаторомъ. Вообще они очень способные и трудолюбивые земледѣльцы и ремесленники. Видѣли мы также японскіе базары и сдѣлали кое-какія покупки. Но ввозятся черезъ русскую границу преимущественно дешевыя издѣлія и разная молочь, такъ какъ на цѣнные товары установлена слишкомъ высокая пошлина. Зато ихъ обиліе въ Харбинѣ, гдѣ пошлины никакой. Уличная жизнь во Владивостокѣ пестрая, такъ и кишитъ представителями разныхъ восточныхъ народовъ. Кромѣ китайцевъ и японцевъ бросаются въ глаза корейцы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ. Часть ихъ русскіе подданные и живутъ въ собственномъ кварталѣ на западной сторонѣ полуострова, но у насъ не было времени осмотрѣть его.

Нынѣшній генералъ-губернаторъ Гондатти стремится выжить желтыхъ изъ всего подвѣдомственнаго ему края, особенно китайцевъ, усматривая въ ихъ наплывѣ политическую опасность для будущаго. Попадающихся на улицахъ китайцевъ, у которыхъ бумаги оказываются не въ порядкѣ, полиція часто забираетъ цѣлыми толпами, сажаетъ на первый попавшійся пароходъ и отправляетъ обратно въ Китай. Говорятъ, имъ даже не разрѣшаютъ сходить къ себѣ на квартиру за пожитками. Всѣ эти мѣры оказываются однако невыгодными для русскихъ обитателей края. На другой день послѣ такой облавы и высылки, хозяйки, явившись на рынокъ за покупками, къ огорченію своему убѣждаются, что цѣны на зелень и овощи поднялись на нѣсколько копеекъ. Огородники-китайцы, пожимая плечами, жалуются, что лишились работниковъ, а потому,

конечно, не могутъ продавать продуктовъ по прежнимъ цѣнамъ. Это, разумѣется, вздоръ, но таковъ ихъ способъ мести, и нельзя вѣдь ожидать, чтобы они обнаруживали довольство такой политикой.

Съ японцами полиція при всемъ своемъ желаніи не можетъ расправляться подобнымъ же образомъ. Согласно договору, заключенному послѣ войны, японцы имѣютъ права привилегированныхъ націй, т.-е. могутъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто и селиться, гдѣ хотятъ, хотя сами русскіе и склонны видѣть въ каждомъ японцѣ шпіона.

Мы прокатились по холмамъ, откуда полюбовались чудеснымъ видомъ на городъ, гавань и всѣ полуострова и острова поблизости. На всѣхъ возведены крѣпости и форты. Много укрѣпленій видѣли мы и за холмами на сушѣ. Все въ цѣломъ производитъ впечатлѣніе неприступности, но... далеко-далеко за всѣми этими фортами, на юго-восточномъ горизонтѣ, синѣетъ полоска; это—Тихій океанъ, который я увидѣлъ тутъ въ первый разъ.

Когда-то всѣ эти холмы были покрыты могучимъ дѣвственнымъ лѣсомъ, главнымъ образомъ дубовымъ, остатки котораго видны еще по ту сторону Золотого Рога. Холмы же всѣ облысѣли; отчасти лѣсъ сведенъ зря, хищнически, отчасти вырубленъ изъ стратегическихъ цѣлей. Тѣмъ не менѣе ландшафтъ очень красивъ.

Спустившись съ холмовъ, мы посѣтили городской музей, гдѣ между прочимъ находится цѣнная этнографическая коллекція изъ предметовъ обихода гольдовъ, гиляковъ, орочонъ, камчадаловъ, чукчей и другихъ племенъ и народовъ. Здѣсь представился мнѣ также случай прослѣдить различіе типовъ лыжъ и собачьихъ саней, употребляемыхъ въ восточной Азіи. Удивительно однако, какъ велико сходство ихъ формъ по всей Сибири. Одною изъ причинъ является, пожалуй, широкое распространеніе тунгузовъ: различныя тунгузскія племена разбросаны вѣдь по всему пространству отъ самаго Енисея до Тихаго океана.

На пароходѣ, любезно предоставленномъ въ наше распоряженіе, мы прокатились по Золотому Рогу по направленію ко входу въ заливъ. На всѣхъ островахъ, на всѣхъ мысахъ, куда ни обернись, только и видишь укрѣпленія, форты и пушки, что̀ на обыкновеннаго путешественника, съ душою невоинственною, производитъ тревожно-тягостное впечатлѣніе дисгармоніи съ окружающей мирной и прекрасною природой. По берегу во многихъ мѣстахъ растутъ пышные дубовые лѣса, еще не сбросившіе съ себя листьевъ, хотя послѣдніе уже пожелтѣли. Но вотъ впереди и проливъ, видно открытое море, Тихій океанъ, т.-е. въ сущности лишь одинъ изъ его заливовъ — Японское море. Далеко на горизонтѣ, посреди пролива, скалистый островъ, и на немъ крѣпость; на всѣхъ высокихъ мысахъ, выступающихъ далеко въ море по обѣимъ сторонамъ, тоже грозныя укрѣпленія.

Затѣмъ мы повернули обратно. Видъ на городъ съ моря очень красивъ, и врядъ ли Владивостокъ особенно уступаетъ въ этомъ отношеніи какому-либо городу. Расположенный на террасахъ, онъ очень напоминаетъ Неаполь. Правда, тутъ нѣтъ на заднемъ планѣ Везувія, зато прекрасная гавань и красивые острова.

Въ четыре часа поѣздъ отходилъ въ Хабаровскъ, и мнѣ пришлось распроститься съ моимъ любезнымъ и занимательнымъ провожатымъ, барономъ фонъ-Гюйнингенъ-Гюне. Инженеръ Вурцель все время былъ занятъ дѣлами, и ему предстояло еще о многомъ побесѣдовать съ генералъ-губернаторомъ, который ѣхалъ до Никольска съ тѣмъ же поѣздомъ, въ особомъ вагонѣ.

Воскресенье, 5 октября. Южная часть Уссурійскаго края, которую мы проѣхали сначала, очень плодородна, и, какъ уже упомянуто, эта часть заселена всего гуще. Больше всего воздѣланныхъ земельныхъ участковъ близъ Никольска и по направленію къ озеру Ханка.

Сѣвернѣе, къ Хабаровску, желѣзная дорога идетъ по

области, безъ сомнѣнія, имѣющей большую будущность и ожидающей только лучшей обработки. Это обширная удобная для земледѣлія равнина между двумя горными цѣпями. На всемъ протяженіи пути, на восточномъ горизонтѣ, виднѣлся вдали Сихотэ-Алинь, отроги котораго отлого спускаются къ равнинамъ р. Уссури и ея мощныхъ притоковъ. На западъ же отъ насъ, не такъ далеко по другую сторону Уссури, шла горная цѣпь Хехцыръ, которая тянется къ сѣверу вдоль рѣки до самаго Амура и достигаетъ въ южной своей части высоты 600—1.000 метровъ. Уссури вьется по равнинѣ на западъ отъ насъ и встрѣчаетъ притокъ Бикинъ. Ландшафтъ очень красивъ, съ одѣтыми лѣсомъ гребнями; лѣсъ отчасти хвойный — на южныхъ высотахъ Хехцыра, отчасти лиственный—березовый, дубовый и осиновый—на ближнихъ гребняхъ. Растительность тутъ пышная; попадается и пробковый дубъ и другія цѣнныя древесныя породы; растетъ въ лѣсахъ и дикій виноградъ, но плоды слишкомъ мелкіе и кислые. Нельзя сказать, чтобы земля здѣсь совсѣмъ не обрабатывалась. Тамъ и сямъ видны воздѣланные участки, но разбросаны они рѣдко, тогда какъ можно было бы ожидать совсѣмъ другого. Причиною того, что большая часть земли лежитъ втуне, является, должнобыть, примитивный способъ обработки. Остаются огромныя невоздѣланныя пространства, главнымъ образомъ поросшія травою да рѣдкимъ лиственнымъ лѣсомъ. Бо̀льшая часть земли принадлежитъ казакамъ, живущимъ въ деревняхъ, а они, насколько я понялъ, неважные земледѣльцы. Охотнѣе всего они сдаютъ землю въ аренду трудолюбивымъ китайцамъ, а сами предпочитаютъ проводить время въ кабакахъ.

Часто видѣли мы въ поляхъ отдѣльныя глиняныя мазанки, жилища корейцевъ, которые строятъ свои хижины посреди обрабатываемыхъ ими полей. Корейцы непритязательные и усердные землепашцы, занимаются также огородничествомъ; поэтому они богатѣютъ, а казаки, прово-

дящіе время въ праздности, все болѣе и болѣе бѣднѣютъ. Каждая деревня или поселокъ изъ нѣсколькихъ разбросанныхъ домиковъ отдѣляется отъ другой большими пространствами, заросшими травой. Трава же здѣсь жесткая, сухая, не имѣющая никакой цѣны. Вотъ почему ее выжигаютъ, какъ уже упоминалось, осенью или весной. Сейчасъ, въ какую сторону ни обернись, всюду и курятся дымки — гдѣ горитъ трава, гдѣ лѣсъ. Воздухъ пропитанъ гарью, и гребни горныхъ склоновъ окутаны густой сѣрой мглой. Солнце багровое въ центрѣ, а края заволокло дымомъ, поднимающимся высоко къ небу. Въ быстро надвигающихся красныхъ сумеркахъ, на фонѣ дымно-багроваго неба, пожаръ пріобрѣтаетъ характеръ фантастическаго зрѣлища.

Поѣздъ нашъ стоитъ на станціяхъ подолгу. Онъ больше всего похожъ на мѣстный или на дачный поѣздъ и движется съ медленностью, непривычной для обитателей тѣхъ странъ, гдѣ вся жизнь идетъ болѣе быстрымъ ходомъ. Дорога эта является вѣткой Восточно-Китайской, подчинена тому же Управленію и даже не имѣетъ связи съ остальною желѣзнодорожною сѣтью русской имперіи. Но, какъ только Амурская дорога будетъ закончена, и связь установится,—многое пойдетъ по-другому.

Въ десять часовъ вечера прибыли наконецъ въ Хабаровскъ и, несмотря на поздній часъ и мракъ, были радушно встрѣчены на вокзалѣ городскимъ головою, предсѣдателемъ отдѣла Географическаго Общества, путешественникомъ по Восточной Сибири капитаномъ Арсеньевымъ, его сочленами и другими лицами. Мы съ Е. Д. Вурцелемъ наняли-было извозчика въ городъ, который очень далеко отъ вокзала, но управляющій здѣшнимъ отдѣленіемъ крупной нѣмецкой торговой фирмы „Кунстъ и Альберсъ“ и его жена, увидавъ это, сейчасъ вышли изъ своего элегантнаго экипажа и заставили насъ сѣсть въ него, а сами поѣхали на извозчикѣ. Поистинѣ гостепріимная страна! Мы поѣхали прямо въ ресторанъ, чтобы поѣсть чего-ни-

будь. Публика состояла по большей части изъ офицеровъ и инженеровъ съ дамами. Хабаровскъ, какъ и Владивостокъ, важный военный постъ, и въ общественной жизни здѣсь поэтому всегда играло значительную роль офицерство, а теперь, съ постройкой желѣзной дороги, выдвинулись, разумѣется, и инженеры. Ресторанъ былъ съ музыкой, и съ хорошей: выступали нѣмецкій піанистъ съ итальянскимъ віолончелистомъ. Сыграно было нѣсколько русскихъ пѣсенъ, затѣмъ русско-цыганская, столь же заунывная, какъ эти безконечныя грустныя равнины; потомъ вдругъ послышались знакомые звуки — пѣсня Сольвейгъ, и высоко-высоко надъ этой плоской страной забрезжили въ голубоватой дымкѣ скалы Норвегіи!.. Поразительно и здѣсь, на Дальнемъ Востокѣ, вдругъ встрѣтиться съ Григомъ и Ибсеномъ въ исполненіи нѣмца и итальянца. Поистинѣ малъ шаръ земной!

Понедѣльникъ, 6 октября. Ночь провели на принадлежащемъ Амурской желѣзной дорогѣ пароходѣ, гдѣ было очень просторно и удобно. Пароходъ носитъ имя Вурцеля. Рано утромъ мы отвалили и поплыли внизъ по Амуру, оставивъ позади Хабаровскъ, озаренный утреннимъ солнцемъ.

Городъ красиво расположенъ на нѣсколькихъ горныхъ кряжахъ, при сліяніи двухъ большихъ рѣкъ—Амура и Уссури; величины городъ средней; въ 1908 году въ немъ было 34.452 человѣка жителей, не считая гарнизона; изъ этого числа было русскихъ 15.482 мужского пола и 9.431 женскаго. Въ 1910 году насчитывалось уже 51.500 человѣкъ жителей. Какъ и всюду на востокѣ, женщины здѣсь въ меньшинствѣ.

Плывя мимо городского парка и поставленнаго на высокомъ мысу памятника графу Муравьеву-Амурскому, основателю города, я обратилъ вниманіе, что и на этой широкой могучей рѣкѣ правый берегъ высокій, а лѣвый—плоскій и низкій. Тянувшіеся тамъ острова и отмели входятъ

въ дельту, образованную сліяніемъ большихъ рѣкъ — Уссури съ одной стороны и Тунгузки съ другой.

Мы намѣревались осмотрѣть строящійся большой мостъ черезъ Амуръ, пониже Хабаровска. Мостъ этотъ, насколько мнѣ извѣстно, явится вторымъ по длинѣ мостомъ въ мірѣ, уступая лишь мосту близъ Эдинбурга. Длина его будетъ равняться 2.417 метрамъ, и покоиться онъ будетъ на девятнадцати устояхъ. Пять изъ нихъ строятся пока изъ дерева, а четырнадцать сразу изъ желѣзобетона. На островахъ, гдѣ сооружаются нѣкоторые изъ этихъ. устоевь, выросъ въ одинъ годъ цѣлый рабочій городокъ изъ уютныхъ деревянныхъ домиковъ. Прежде тамъ была болотистая необитаемая пустыня, и черезъ годъ-два, когда мостъ выстроится, городокъ снова исчезнетъ.

Работы на этой болотистой топкой почвѣ представляютъ большія трудности; всѣ устои должны закладываться уже на скалистомъ основномъ грунтѣ, а дорыться до него не легко: онъ залегаетъ на большой глубинѣ. Вести работы приходится лѣтомъ и зимою, чтобы не затянуть сооруженія. Да лѣтомъ чуть ли не всего хуже, такъ какъ къ несносной жарѣ прибавляются мученія отъ комаровъ и больно кусающихся мухъ. Зимою, правда, холодно, но холодъ имѣетъ свои преимущества при работахъ на такой болотистой почвѣ. На морозѣ илъ и мокрая глина подмерзаютъ, и работать легче. Состояніе здоровья многочисленныхъ рабочихъ относительно не дурно, но врачъ сообщалъ, что было много случаевъ цынги, и — замѣчательно — больше всего среди пришлыхъ рабочихъ, а не среди корейцевъ, живущихъ тутъ постоянно въ деревенькѣ, по другую сторону, за Хабаровскомъ.

Мы проѣхали обратно на ту сторону посмотрѣть работы по сооруженію туннеля, который пройдетъ сквозь хребетъ на южной сторонѣ рѣки, гдѣ будетъ расположена и станція, въ семи верстахъ отъ города. Съ вершины надъ туннелемъ мы видѣли клубы дыма надъ равнинами по сѣ-

верную сторону Амура. Казалось, что вся область объята пожаромъ. Жгли, собственно, траву, но похоже было, что подожгли кое-гдѣ и лѣсъ. И пожаръ, видно, все усиливался: густой дымъ заволокъ весь горизонтъ, стлался надъ Хабаровскомъ, и солнце стало темно-бураго цвѣта, несмотря на полдень.

Вернувшись въ городъ, я побывалъ на большой областной выставкѣ, продолжавшейся все лѣто и теперь бывшей наканунѣ закрытія. Здѣсь были собраны различные продукты производства этой молодой культурной области, и впечатлѣніе получалось благопріятное, говорившее о богатствахъ страны и о томъ, что она имѣетъ всѣ шансы для дальнѣйшаго развитія. Экспонированы были между прочимъ и образцы минеральныхъ богатствъ края, въ томъ числѣ золотой песокъ и способы промыванія его. Затѣмъ продукты земледѣлія всѣхъ сортовъ, земледѣльческія машины и орудія, указывавшія, повидимому, что земледѣліе здѣсь идетъ впередъ быстрыми шагами и развито, пожалуй, больше, чѣмъ во многихъ другихъ частяхъ Сибири. Много видѣлъ я также образцовъ различныхъ отраслей кустарнаго труда, какихъ даже не ожидалъ встрѣтить въ этихъ мѣстахъ; экспонентами являлись и кустарныя школы и частные работники. Исторія и этнографія страны были представлены наглядно; словомъ, здѣсь было чему поучиться подъ руководствомъ знающаго чичероне, какимъ явился знатокъ этихъ краевъ и бывалый путешественникъ, капитанъ В. Арсеньевъ. Берестяной тунгузскій челнокъ красивой формы свидѣтельствовалъ объ эстетическомъ вкусѣ этого древняго и широко распространеннаго народа, вкусѣ, сказывающемся даже въ постройкѣ лодокъ, въ отличіе отъ другихъ сибирскихъ туземцевъ, напримѣръ, енисейскихъ остяковъ. О томъ же свидѣтельствовали разныя другія ихъ издѣлія и орудія, напримѣръ, лыжи; во всякомъ случаѣ видна старая культура, достигшая значительнаго развитія.

Не меньшій интересъ для обозрѣвателя представлялъ небольшой зоологическій садъ, примыкавшій къ выставкѣ. Между прочимъ я видѣлъ тамъ драгоцѣннаго оленя (Cervus Debovskii, Swinhoe), называющагося по-китайски хоало, а по-корейски сасифъ и водящагося только въ окрестностяхъ Владивостока; рога этого оленя идутъ у китайцевъ на изготовленіе жизненнаго эликсира, и за нихъ платятъ огромныя деньги. Подобный же олень, называемый маралъ, водится въ южной Сибири, и тамъ его держатъ въ неволѣ ради роговъ, которые, какъ упомянуто, продаются китайцамъ за большія деньги по вѣсу — до 16 р. и дороже за фунтъ; самый олень стоитъ около 500 рублей. Рога оленя, бывшаго на областной выставкѣ, оцѣнивались, какъ меня увѣряли, еще дороже.

Посѣтилъ я и городской музей, гдѣ капитанъ Арсеньевъ указалъ мнѣ много интересныхъ предметовъ, рисующихъ бытъ различныхъ здѣшнихъ туземцевъ, которыхъ капитанъ основательно изучилъ во время своихъ поѣздокъ. Я видѣлъ длинныя, обтянутыя оленьими шкурами лыжи, которыя въ ходу у орочонъ и очень похожи на самоѣдскія; при рыхломъ снѣгѣ употребляются и болѣе короткія, широкія лыжи, обыкновеннаго тунгузскаго типа. Всѣ лыжи обтянуты шкурами, содранными съ ногъ оленя или лося. Видѣлъ я и сани различныхъ фасоновъ—и собачьи, и оленьи, и орочонскія, и гольдскія, и камчадальскія и пр. Къ большому своему изумленію, я нашелъ, что въ нѣкоторыхъ деталяхъ многія изъ саней, употребляемыхъ въ самыхъ восточныхъ областяхъ (но не въ западныхъ), имѣли замѣчательное сходство съ санями-лыжами, придуманными мною для гренландской экспедиціи въ 1888 г. и принятыми затѣмъ для всѣхъ полярныхъ экспедицій. Къ такимъ деталямъ относилось, напримѣръ, что полозья загибались кверху не только спереди, но и сзади, и привязывались къ продольнымъ ремнямъ саней, что̀ придавало санямъ бо̀льшую прочность. Насколько помню, я не былъ раньше зна-

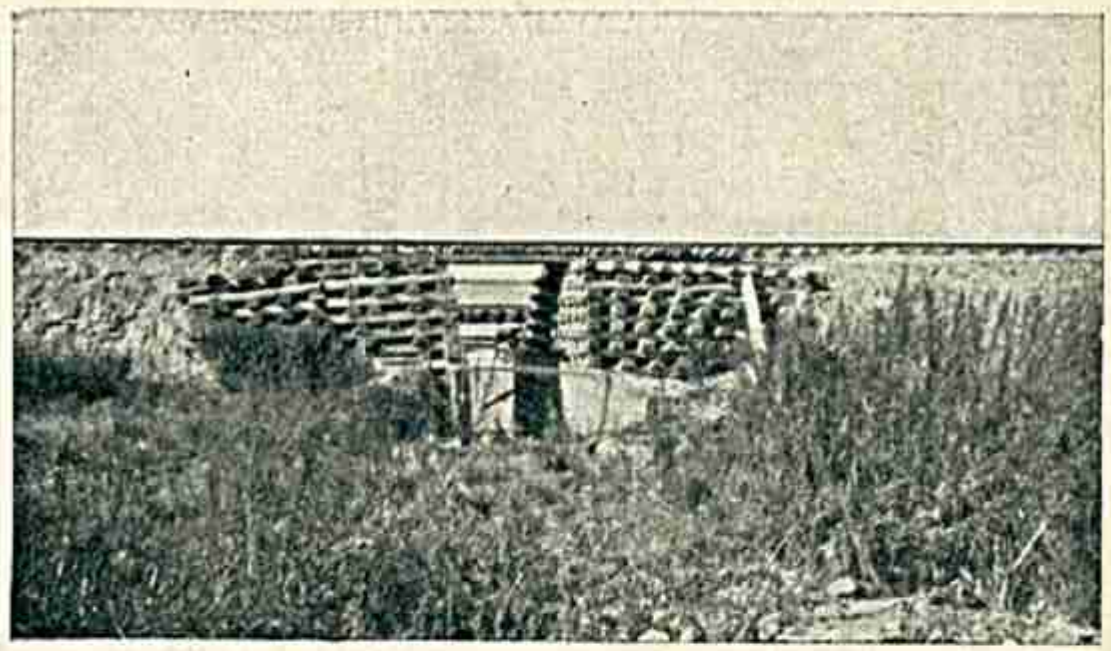
комъ съ подобными образцами туземныхъ саней, но нѣкоторыя вещи какъ-то сами собой приходятъ въ голову.

Въ городской гавани, на берегу Амура, я имѣлъ случай бѣгло ознакомиться съ представителями аборигеновъ области, гольдовъ. Они стояли тутъ со своими длинными деревянными лодками, на которыхъ приплыли съ Уссури. Лица у нихъ совсѣмъ тунгузскія, но одѣты чисто по-русски. Вдобавокъ одинъ изъ нихъ до того упился русскою водкой, что повалился передъ нами въ растяжку и сталъ цѣловать землю у нашихъ ногъ; дальнѣйшее знакомство съ такими экземплярами, разумѣется, сулило мало интереса и удовольствія.

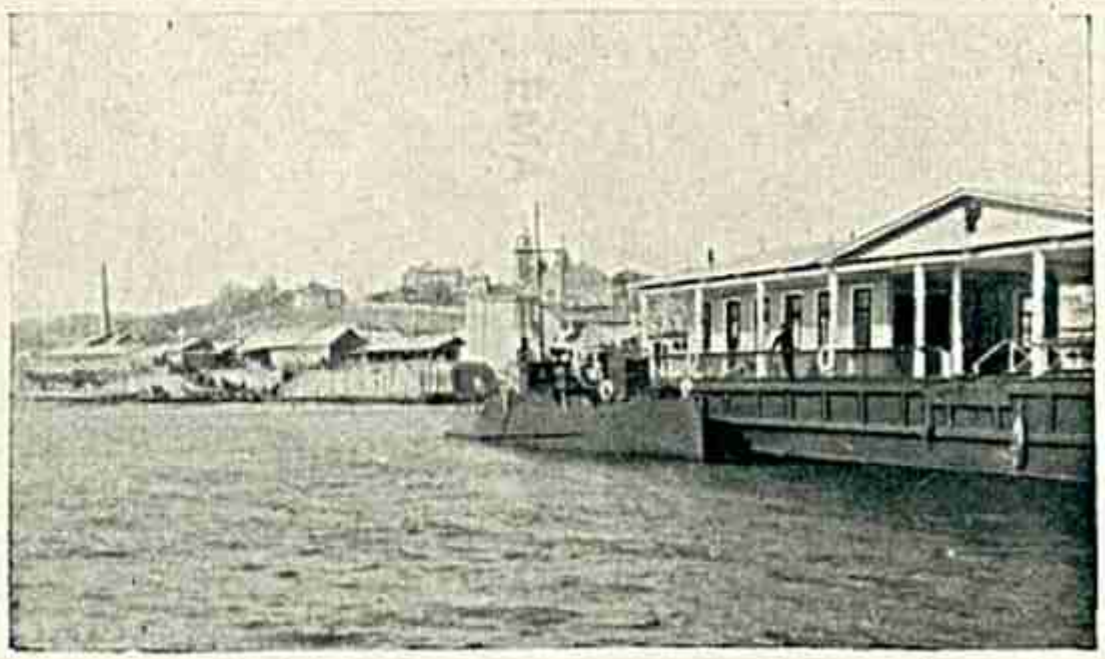
Въ шесть часовъ вечера намъ былъ данъ большой обѣдъ городскимъ головою, членами Географическаго Общества и другими лицами. И здѣсь пожелали, чтобы я сказалъ рѣчь. Я и доложилъ опять о нашемъ плаваніи къ Енисею и о возможности установить въ будущемъ правильные рейсы изъ Европы въ устье Енисея. Докладъ мой былъ прослушанъ съ искреннимъ сочувствіемъ и большимъ интересомъ, которыя обусловливались широкимъ интересомъ къ общей культурѣ Сибири, такъ какъ то, о чемъ я говорилъ, не имѣло прямого значенія для здѣшняго края.

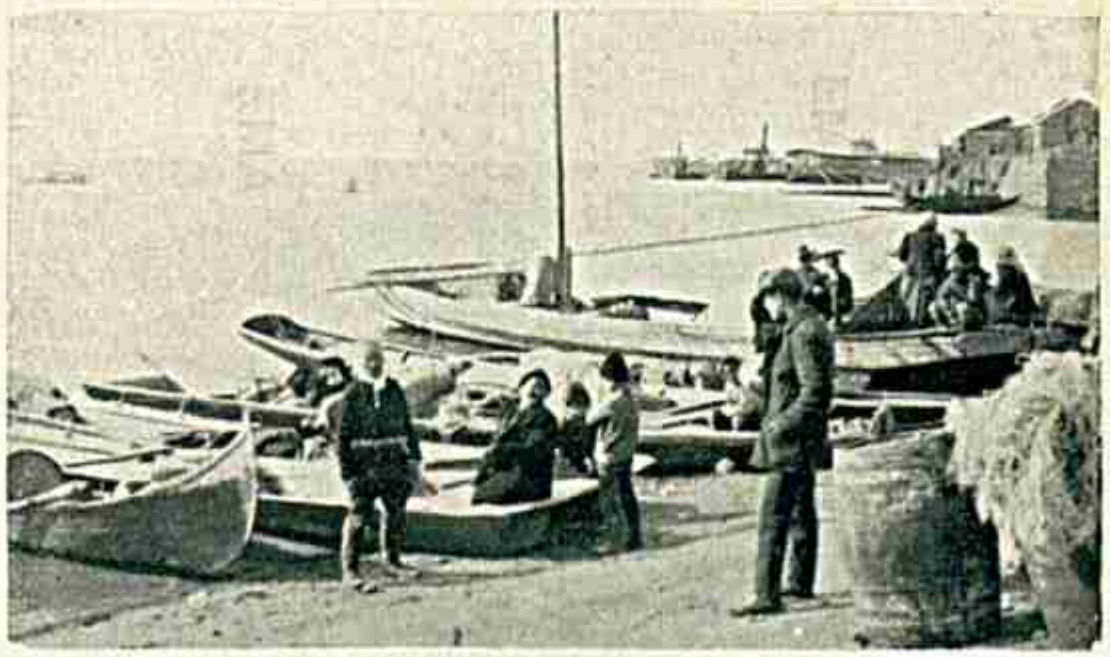
АМУРЪ, БЛИЗЪ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАГО МОСТА.
ВИДЪ СЪ ЮГА (6 ОКТ.).

ВРЕМЕННЫЙ МОСТЪ (6 ОКТ.).

ПЛОВУЧАЯ ПРИСТАНЬ ВЪ ХАБАРОВСКѢ.
МИНОНОСКА (6 ОКТ.)

ЛОДКИ ГИЛЯКОВЪ ВЪ ХАБАРОВСКОЙ ГАВАНИ (6 ОКТ.).

КИТАЙСКІЕ ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ И КУПЦЫ НА СТАНЦІИ МОГОЧА ВЪ ЗАБАЙКАЛЬѢ (17 ОКТ.).

XVI. РОССІЯ НА ВОСТОКѢ. — ЖЕЛТЫЙ ВОПРОСЪ.

Великая задача Россіи на Дальнемъ Востокѣ.—Перемѣны послѣднихъ лѣтъ.—Серьезность положенія.—Русское владычество на азіатскомъ Востокѣ.—Медленность сообщенія съ востокомъ.—Колонизація.—Переселеніе и народныя массы.—Затрудненія.—Приливъ желтыхъ: корейцевъ, китайцевъ (манзъ), японцевъ.—Желтая опасность.—Безъ желтыхъ не обойтись.—Враждебное настроеніе китайцевъ.—Серьезная угроза въ будущемъ.

Проѣзжая совсѣмъ еще не воздѣланныя или, во всякомъ случаѣ, воздѣланныя лишь кое-гдѣ, огромныя пространства восточныхъ русскихъ провинцій, прилегающихъ къ Тихому океану, нельзя не проникнуться сознаніемъ громадности предстоящей здѣсь Россіи задачи—культивированія этихъ областей для укрѣпленія своего положенія на востокѣ и созданія такимъ образомъ буфера для себя и европейской культуры противъ наступленія желтой расы. Разрѣшеніе этой задачи представляетъ огромное значеніе для всей Европы. Насколько же важна самая задача, кажется, никто и не представлялъ себѣ хорошенько до 1904 года. Общее мнѣніе было, что господству Россіи на востокѣ не грозитъ ниоткуда опасности, и она можетъ распоряжаться тамъ, какъ хочетъ. Вся Манчжурія была наполовину русскою, и Корея была подчинена русскому вліянію.

Но вотъ наступила война, принесшая Россіи неожиданное и очень непріятное открытіе, что она слишкомъ

низко оцѣнила мощь своей восточно-заморской сосѣдки. Японія развилась въ великую державу, въ не только равную по силѣ противницу, но, по своимъ сознательнымъ и наступательнымъ цѣлямъ, въ грозную и ожесточенную соперницу, болѣе опасную, чѣмъ когда-либо имѣлась у Россіи. Уже одно это совершенно измѣнило положеніе. Произошли и другія событія, которыя внимательному наблюдателю могутъ показаться по своимъ послѣдствіямъ еще важнѣе для будущаго—послѣдніе перевороты въ Китаѣ. Обновленіе государственнаго строя этого древняго огромнаго государства и преобразованіе войска и флота по образцу европейскихъ сулятъ міровой политикѣ возможности, чреватыя неисчислимыми послѣдствіями. Китай вышелъ изъ своей былой инертности, сталъ болѣе активной державой, которая въ будущемъ навѣрно поведетъ болѣе сознательную и цѣлесообразную политику. Если это будетъ такъ и если Китай для поддержанія такой политики серьезно усвоитъ себѣ европейскую военную организацію, подражая примѣру Японіи и, быть-можетъ, въ согласіи съ нею, то ни одной европейской державѣ, даже самой Россіи не справиться съ Небесной имперіей и ея сотнями милліоновъ способныхъ и энергичныхъ жителей.

Итакъ, въ восточной Азіи произошли крупныя перемѣны съ тѣхъ поръ, какъ Россіи, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, удалось завоевать себѣ все Пріамурье и Уссурійскій край до границъ Кореи, не вынимая меча изъ ноженъ, одними дипломатическими переговорами. Стоило нѣсколькимъ морякамъ водрузить русскій флагъ на устьѣ Амура—и русскій царь Николай I могъ присоединить весь этотъ край къ своимъ владѣніямъ на томъ основаніи, что, „гдѣ русскій флагъ однажды поднятъ, тамъ онъ не будетъ спущенъ никогда“. И новой стоянкѣ флота и базѣ русской силы на Дальнемъ Востокѣ былъ отданъ при ея возникновеніи приказъ „овладѣть востокомъ“ (Владивостокъ). Но послѣ 1905 года политика Россіи на Тихомъ океанѣ изъ насту-

пательной превратилась въ оборонительную. Россіи пришлось отступить изъ южной Манчжуріи и, вмѣсто того, чтобы неустанно расширяться, приложить всѣ свои силы къ укрѣпленію своей внутренней мощи.

Отношеніе къ этому крупному вопросу русскихъ государственныхъ людей было внушительно засвидѣтельствовано рѣчью, произнесенною министромъ иностранныхъ дѣлъ Извольскимъ въ Думѣ 11 марта 1908 года. Министръ высказалъ, что Россія не лишилась по Портъ-Артурскому миру какихъ-либо исконныхъ своихъ владѣній, бывшихъ ея историческимъ наслѣдіемъ, но уступила Японіи только ея давнишнюю собственность—южный Сахалинъ, или новыя пріобрѣтенія, не отвѣчавшія дѣйствительнымъ потребностямъ и задачамъ Россіи—южную Манчжурію и полуостровъ Квантунъ. Отъ такихъ уступокъ не пострадала ни геройская слава русскаго солдата ни единство Россіи. Далѣе было заявлено, что, напротивъ, нынѣшнія границы Россіи въ Азіи должны оставаться неприкосновенными, какъ историческое наслѣдіе, и всякая угрожающая имъ опасность будетъ разсматриваться, какъ угроза для всей имперіи, а поэтому первый долгъ государства направить всѣ усилія къ охранѣ и внутреннему развитію своихъ давнишнихъ восточно-азіатскихъ владѣній.

Не трудно понять, почему общее мнѣніе въ Россіи требуетъ, чтобы занятое ею положеніе на Дальнемъ Востокѣ поддерживалось во что бы то ни стало. Если бы Россія была побѣждена въ борьбѣ съ желтой расой,—рано или поздно помѣряться силами имъ все-таки придется!—и лишилась части своихъ владѣній на Дальнемъ Востокѣ, быть-можетъ, вплоть до Байкала,—престижу Россіи, какъ міровой державы, былъ бы нанесенъ тягчайшій ударъ, и всякую возможность этого необходимо предотвратить любою цѣной. Можно еще прибавить, что ее необходимо предотвратить не только въ интересахъ самой Россіи, но и всей Европы. Подобное пораженіе могло бы имѣть роковыя послѣдствія

для всего европейскаго культурнаго міра. Поэтому такъ и велика задача Россіи на азіатскомъ Востокѣ, и, пожалуй, важнѣйшей задачи у нея нѣтъ на всей остальной ея границѣ, какъ ни длинна послѣдняя. Но разрѣшеніе задачи представляетъ большія трудности даже для такого мощнаго государства и въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ потребуетъ напряженія лучшихъ силъ націи.

Прежде чѣмъ углубляться въ этотъ вопросъ, не мѣшаетъ однако бросить бѣглый взглядъ назадъ, на исторію русскаго владычества въ этой части Азіи. Завоеваніе Сибири, какъ началось чисто случайно, — благодаря тому, что разбойничій атаманъ Ермакъ, объявленный при Иванѣ Грозномъ внѣ закона и бѣжавшій на Уралъ, вздумалъ покорить русскому царю царство и тѣмъ купилъ себѣ помилованіе, — такъ и продолжалось болѣе или менѣе случайно, съ помощью разныхъ искателей приключеній. Въ этихъ восточныхъ странахъ случай играетъ роль, какъ и вездѣ. Послѣ утвержденія въ 1640 году новаго воеводства въ Якутскѣ на Ленѣ, какъ базы для дальнѣйшихъ открытій и завоеваній къ востоку, оттуда отправился въ 1643 году къ Становому хребту, придерживаясь теченія Алдана, притока Лены, казачій атаманъ Василій Поярковъ съ отрядомъ казаковъ изъ 90 человѣкъ. Переваливъ на лыжахъ черезъ горы и везя съ собой оружіе и провіантъ на саняхъ, они спустились въ Пріамурскій край близъ рѣки Зеи, гдѣ и вынуждены были зазимовать. Зимою 60 казаковъ умерли, но Поярковъ отправился съ остальными дальше, внизъ по Зеѣ до Амура, и былъ такимъ образомъ первымъ европейцемъ, открывшимъ эту мощную рѣку. Тутъ они смастерили себѣ примитивныя лодки, и на нихъ смѣлымъ искателямъ приключеній удалось доплыть до самаго устья. Лѣтомъ въ 1646 году атаманъ отважился даже выйти въ Охотское море и направиться вдоль берега къ сѣверу. Но послѣ трехмѣсячнаго плаванія ихъ утлыя суда потерпѣли крушеніе близъ устья рѣки Улы. Перезимовавъ

у гиляковъ и вынудивъ у нихъ помощь, Поярковъ сушею добрался до рѣки Маи, впадающей въ Алданъ, и по этимъ рѣкамъ перебрался опять на Лену и вернулся въ Якутскъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отлучки.

Это замѣчательное путешествіе дало толчокъ къ завоеванію Пріамурья, начатому храбрымъ казачьимъ атаманомъ Ерофеемъ Павловичемъ Хабаровымъ. Съ горстью казаковъ достигъ Хабаровъ въ 1650 году верхняго теченія Амура около Урки, но встрѣтилъ здѣсь отпоръ со стороны туземцевъ дауровъ. Послѣ многочисленныхъ схватокъ и получивъ подкрѣпленіе изъ Якутска, онъ ихъ одолѣлъ, а затѣмъ съ помощью своихъ пушекъ и огнестрѣльнаго оружія побѣдоносно сталъ пробиваться въ слѣдующіе годы дальше, положивъ такимъ образомъ основаніе русскому господству на Амурѣ. Въ апрѣлѣ 1653 года небольшой отрядъ казаковъ встрѣтился въ первый разъ съ войскомъ главныхъ властителей края, манчжуръ-китайцевъ, и разбилъ ихъ. Но китайцы вернулись съ подкрѣпленіемъ, и война продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ, хотя казаковъ въ сравненіи съ непріятелемъ была лишь горсть. Укрѣпленный русскими постъ Албазинъ нѣсколько разъ осаждался врагомъ, далеко превосходившимъ по численности защитниковъ; такъ, однажды въ 1686 году осаждающихъ было 5.000 человѣкъ пѣшихъ, 3.000 всадниковъ и 40 пушекъ, но двѣ-три сотни казаковъ постоянно съ успѣхомъ отстаивали свой городъ.

Кончилось дѣло миромъ въ Нерчинскѣ 9 сентября 1689 года, по которому русскіе отступились отъ всѣхъ своихъ завоеваній на Амурѣ. Этотъ миръ считался самымъ темнымъ пятномъ въ исторіи русскаго государства. Границей между Россіей и Китаемъ долженъ былъ съ тѣхъ поръ служить доходящій до самаго моря Становой хребетъ. Восточная граница китайскаго царства не была строго опредѣлена, но нынѣшній русскій Уссурійскій край скорѣе признавался китайскою провинціей. Упомянутымъ миромъ

стремленіе Россіи на востокъ было парализовано на долгіе годы, и, какъ ни важно было для Восточной Сибири обезпечить себѣ выходъ къ морю по теченію могучей рѣки Амура, путь этотъ оставался для нея загражденнымъ. Громадныя разстоянія и плохіе пути сообщенія препятствовали посылкѣ достаточныхъ военныхъ силъ противъ китайцевъ. Не было у Россіи и достаточнаго числа транспортныхъ судовъ, на которыхъ можно было бы доставить войска моремъ. Единственная база русскихъ на Тихомъ океанѣ, военная гавань Петропавловскъ на Камчаткѣ, была бо̀льшую часть года скована льдомъ и не имѣла никакого сухопутнаго сообщенія съ материкомъ.

Лишь около 1850 года мы снова встрѣчаемъ русскихъ на Амурѣ. И на этотъ разъ они очутились тутъ случайно, благодаря главнымъ образомъ иниціативѣ отдѣльнаго лица и, кажется, вдобавокъ, противъ воли руководящихъ круговъ въ С.-Петербургѣ. А именно 13 августа 1850 года русскій адмиралъ Невельской, приплывъ съ горстью своихъ подчиненныхъ на нѣсколькихъ гребныхъ лодкахъ къ устью Амура, выкинулъ на берегу русскій флагъ, приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположенъ Николаевскъ. При энергичномъ содѣйствіи дѣльнаго генералъ-губернатора Муравьева-Амурскаго удалось добиться царскаго одобренія смѣлому шагу молодого моряка, и это дало толчокъ къ постепенному занятію амурскихъ земель русскими въ слѣдующіе годы. Во время самой Крымской кампаніи произошло такимъ образомъ большое и важное расширеніе владѣній Россіи къ востоку, и по договору съ Китаемъ въ Айгунѣ въ 1858 году графу Муравьеву, которому царь впослѣдствіи пожаловалъ титулъ графа Амурскаго, удалось закрѣпить новое пріобрѣтеніе за Россіей. А по новому договору, который русскій посланникъ графъ Игнатьевъ заключилъ въ Пекинѣ въ ноябрѣ 1860 года, русское государство подвинулось по берегу Тихаго океана къ югу до самыхъ границъ Кореи, граница же съ Китаемъ прошла

по рѣкамъ Уссури и Амуру. Вотъ какъ эти обширныя и важныя владѣнія были пріобрѣтены безъ единаго выстрѣла. Подобнымъ же мирнымъ образомъ пріобрѣла Россія въ 1896 году у Китая право на постройку Восточно-Китайской желѣзной дороги черезъ сѣверную Манчжурію. А затѣмъ принудила Японію отказаться отъ завоеванной ею въ 1894 году южной Манчжуріи и трактатомъ 1898 года пріобрѣла у Китая полуостровъ Квантунъ съ Портъ-Артуромъ и Дальнимъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ послѣднія пріобрѣтенія были утеряны менѣе мирнымъ образомъ.

Бросивъ взглядъ на карту и на узкую линію желѣзной дороги, единственную, связующую Россію съ ея дальневосточными провинціями у Тихаго океана, и подумавъ о томъ, что послѣ уничтоженія дальневосточнаго флота вся надежда, въ случаѣ какихъ-либо осложненій, остается на эту тонкую нить въ противовѣсъ полчищамъ, наступающимъ съ юга и востока,—всякій легко пойметъ, насколько необходимо скорѣйшее культивированіе этихъ дикихъ пространствъ и заселеніе ихъ сильнымъ и стойкимъ русскимъ элементомъ, который отчасти самъ сумѣлъ бы, хотя бы временно, задержать вторженіе желтыхъ въ русскіе предѣлы и облегчилъ бы содержаніе здѣсь необходимыхъ военныхъ силъ. Поэтому вполнѣ понятно, что стремленія Россіи съ одной стороны улучшить сообщеніе съ дальневосточными провинціями, а съ другой колонизировать ихъ—съ каждымъ годомъ идутъ crescendo.

Но и трудности, какъ сказано, велики. Во-первыхъ, невѣроятныя разстоянія. Отъ Петрограда, центра всей русской администраціи, до Владивостока, нынѣшняго сосредоточія русскихъ военныхъ силъ на Дальнемъ Востокѣ, 10.000 километровъ желѣзнодорожнаго пути, которые даже въ экспрессѣ можно покрыть только въ девять сутокъ. Наконецъ и самая колонизація этихъ далекихъ провинцій связана съ большими затрудненіями разнаго рода.

Русская колонизація Пріамурья началась съ того, что

три сотни Забайкальскихъ казаковъ, выбранныхъ по жребію, получили весною въ 1857 году приказъ разселиться съ семьями по Амуру. Горько было имъ переселяться въ новую, невѣдомую и дикую страну, но дѣлать нечего. На плотахъ повезли ихъ внизъ по рѣкѣ и разселили небольшими поселками, или станицами, расположенными одна отъ другой на разстояніи 20—30 километровъ, по береговымъ участкамъ, которые казаки должны были обрабатывать и тѣмъ кормиться. Задачею казаковъ была охрана границы съ Китаемъ и обезпеченіе почтоваго сообщенія Пріамурья съ Забайкальемъ. Земля, которую имъ было приказано обрабатывать, представляла по большей части настоящую пустыню; значительная часть была занята болотами и дѣвственнымъ лѣсомъ, и только равнины, гдѣ Зея впадаетъ въ Амуръ, были заселены погуще манчжурами. Съ достойнымъ похвалъ мужествомъ взялись казаки за свою трудную піонерскую работу—вырубали лѣсъ, осушали болота и создавали поля и луга. Такимъ образомъ на Амурѣ образовалось казачье войско. Съ годами стали переселяться туда и русскіе крестьяне.

Послѣ закрѣпленія за Россіей новыхъ земель въ 1858 году, нѣсколько сотенъ Забайкальскихъ казаковъ получили приказъ разселиться и въ Уссурійской долинѣ, вдоль китайской границы, отъ Амура до внутренняго озера Ханка. Задача этихъ поселенцевъ была еще труднѣе. Разумѣется, эти казаки съ семьями—женами и дѣтьми—натерпѣлись всякихъ лишеній и мытарствъ во время долгаго пути на плотахъ внизъ по Амуру и затѣмъ вверхъ по Уссури. Скотина тоже голодала и гибла десятками. Другихъ путей, кромѣ рѣчныхъ, лѣтомъ въ этой бездорожной странѣ не существовало. Когда же переселенцы наконецъ въ болѣе или менѣе плачевномъ состояніи добрались до мѣста, власти отвели имъ участки земли, не заботясь о томъ—годится эта земля для обработки или нѣтъ. Главное было—разселить казаковъ вдоль границы на соотвѣтствующихъ раз-

стояніяхъ, ради поддержанія почтоваго сообщенія, а также въ видѣ вооруженной пограничной стражи.

Не легко было при такихъ условіяхъ строиться, подымать новь и добывать себѣ пропитаніе. Много изнурительнаго труда и нужды приняли новопоселенцы, пока кое-какъ устроились. Но въ слѣдующемъ году Уссури вышла изъ береговъ, и все было залито; случилось это совершенно неожиданно для переселенцевъ, незнакомыхъ съ повадками рѣки; посѣвы и все имущество погибло, и они окончательно упали духомъ. И мѣстныя условія жизни мало выиграли отъ того, что власти пригнали и разселили подлѣ казаковъ вдоль Уссури еще цѣлую массу штрафованныхъ солдатъ.

Послѣдствіемъ было то, что казаки окончательно опустились и матеріально и морально и перестали представлять какой-либо оплотъ для края на случай возстанія китайцевъ, какъ это было въ 1868 году. Вдобавокъ у нихъ не было никакихъ запасовъ на случай неурожая, и приходилось прямо голодать. Въ результатѣ они стали прибѣгать къ помощи болѣе зажиточныхъ китайцевъ, или манзъ, о которыхъ рѣчь впереди, и занимать у нихъ деньги подъ будущіе посѣвы, а стало-быть, попадали въ зависимость отъ манзъ. Мало-по-малу казаки, бывшіе въ сущности плохими земледѣльцами, сбились на образъ жизни туземцевъ, стали промышлять ловлей рыбы и охотиться, и тѣмъ самымъ извратили смыслъ разселенія ихъ вдоль границы. Вотъ исторія Уссурійскаго казачества.

Но понемногу въ Уссурійскій край стали переселяться и русскіе крестьяне, частью изъ другихъ областей Сибири, частью изъ Европейской Россіи. Нѣкоторые селились въ плодородной южной части Уссурійскаго края, къ югу отъ казачьихъ земель; другіе въ промежуткахъ между казачьими станицами по направленію къ сѣверу. Но тутъ лучшія земли были уже отданы казакамъ, хотя они были въ состояніи обрабатывать лишь малую часть этихъ земель.

Крестьянамъ приходилось довольствоваться менѣе удобною землей или уходить въ тайгу и расчищать себѣ новины. Упорядоченіе земельныхъ отношеній казаковъ и новыхъ колонистовъ доставило начальству много хлопотъ, и въ распоряженіяхъ его не чувствовалось твердой системы. Да и пусть даже казакамъ было отведено слишкомъ много земли,—отбирать ее было не такъ-то просто. Въ 1911 году вышло распоряженіе отдать колонистамъ значительныя пространства казачьихъ земель вдоль Амура и Уссури.

Крестьяне-поселенцы были, разумѣется, въ большинствѣ случаевъ лучшими земледѣльцами, чѣмъ казаки, но и они не всегда были въ состояніи справиться со всѣми трудностями, неизбѣжными при колонизаціи такихъ дикихъ бездорожныхъ областей. Неудачи и неурожаи часто одолѣвали ихъ, они впадали въ нужду, и многіе изъ нихъ, подобно казакамъ, искали помощи у манзъ и тоже попадали въ зависимость отъ нихъ.

Въ силу большой отдаленности отъ Россіи, колонизація Дальняго Востока, разумѣется, должна была итти медленно, особенно до постройки желѣзной дороги. Въ Пріамурье переселенцы попадали только сухопутными трактами черезъ Сибирь, тогда какъ въ Уссурійскій край можно было отчасти попадать и моремъ. Въ этотъ край въ 1859 году и переселилось около 250.000 русскихъ крестьянъ (казаки въ счетъ не входятъ). По официальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, общее количество населенія равнялось въ 1911 году 523.840 человѣкъ, изъ которыхъ 360.437 русскихъ. Въ число это не вошли китайцы и корейцы, приходящіе на лѣтніе заработки, но не имѣющіе здѣсь осѣдлости. Въ первое время, съ 1859 по 1912 годъ, переселилось всего 5.705 колонистовъ-крестьянъ, или по 238 въ годъ. Съ 1883 по 1899 явилось уже 45.196 русскихъ колонистовъ, т.-е. по 2.659 въ годъ. Съ того же времени, особенно послѣ 1906 года, переселеніе чрезвычайно усилилось.

Переселеніе на Амуръ выражалось меньшими цифрами.

Въ 1911 году общее число населенія,—т.-е. не считая пришлыхъ желтыхъ рабочихъ или европейцевъ, пріѣзжающихъ на время, — равнялось 286.263 человѣкамъ, изъ нихъ 242.304 русскихъ. Въ 1911 году въ Пріамурье и Уссурійскій край вмѣстѣ переселилось 19.503 русскихъ колониста, а въ 1912 году 25.115 человѣкъ. Зато въ томъ же 1911 году возвратилось обратно въ Россію 3.507 (т.-е. 18%) и въ 1912 году 2.151 человѣкъ (т.-е. 9%).

Разумѣется, въ прежніе годы переселеніе было сопряжено съ огромными трудностями; съ годъ или полгода переселенцы проводили въ дорогѣ по сибирскимъ трактамъ, пока наконецъ добирались до Востока. Да и въ послѣдніе годы, когда ѣдутъ уже по желѣзной дорогѣ, путь сюда нелегкій и беретъ съ мѣсяцъ, полтора. Медленно двигаются перегруженные переселенческіе поѣзда, гдѣ люди скучены, какъ сельди въ бочкѣ, и санитарныя условія далеки отъ желательныхъ. На конечныхъ станціяхъ, откуда переселенцамъ предстоитъ отправляться въ разныя стороны, въ мѣста своего назначенія, часто не хватаетъ временныхъ помѣщеній для переселенцевъ, и больницы бываютъ иногда переполнены до того, что въ палатахъ, расчитанныхъ на 12 кроватей, помѣщаютъ до 100—150 больныхъ и кладутъ ихъ на нары въ три яруса.

Но вотъ, положимъ, послѣ всѣхъ мытарствъ переселенцы съ семьями наконецъ добрались до своихъ земельныхъ участковъ и теперь должны сразу, изнуренные и обнищавшіе за время долгаго пути, приниматься за тяжкій трудъ, связанный съ устройствомъ на пустомъ, дикомъ мѣстѣ. Надо и построить себѣ жилье, и расчистить и вспахать новь, и чѣмъ-нибудь кормиться въ ожиданіи первой жатвы. На все нужно время и много силъ и труда. Большинство же переселенцевъ изъ родныхъ краевъ, вдобавокъ, отнюдь не изъ первосортныхъ земледѣльцевъ. Часто это именно неважные работники, съ трудомъ пробивавшіеся и у себя на родинѣ, а тутъ еще вдобавокъ растерявшіе

силы во время изнурительнаго долгаго пути. Такимъ образомъ вполнѣ понятно, насколько переселенцы теряютъ въ сравненіи съ здѣшними китайцами и корейцами, которые являются и болѣе умѣлыми земледѣльцами и болѣе трудолюбивыми и выносливыми работниками вообще.

Итакъ, трудности колонизаціи велики и многочисленны, но русскія власти уже обратили на нихъ свое вниманіе, и въ послѣдніе годы для облегченія и урегулированія колонизаціи сдѣлано немало; правительство, какъ уже упомянуто выше, тратитъ на это все больше и больше средствъ.

Извѣстный приростъ населенія въ этихъ странахъ давали и такъ называемые вольно-поселенцы изъ бывшихъ ссыльныхъ или каторжниковъ, отбывшихъ свои сроки. Но и это были не тѣ рабочія силы, какія являлись желательными для этихъ важныхъ областей, и въ послѣдніе годы произошла перемѣна и въ этомъ смыслѣ: преступниковъ сюда больше не ссылаютъ.

Но рядомъ съ колонизаціей этихъ областей русскими происходило и все усиливающееся переселеніе сюда желтыхъ, особенно корейцевъ и китайцевъ. Переселеніе корейцевъ началось послѣ того, какъ край перешелъ въ руки русскихъ; впервые стали корейцы переходить границу послѣ 1860 года. Главной причиной послужили періодическіе неурожаи въ пограничныхъ корейскихъ владѣніяхъ, повергшіе населеніе въ страшную нужду. Другой причиной было примитивное веденіе полевого хозяйства, при которомъ всегда ощущается недостатокъ въ землѣ. И наконецъ третьей, пожалуй, безсовѣстныя притѣсненія корейскихъ чиновниковъ. Массовое переселеніе корейцевъ въ Уссурійскій край наблюдалось особенно въ 1869 году. Вслѣдствіе сильныхъ дождей въ сѣверной Кореѣ случился такой неурожай, который вызвалъ форменный голодъ, и 7.000 корейцевъ перешли границу въ самомъ плачевномъ состояніи. Вначалѣ русскіе не относились къ этому переселенію недружелюбно. Корейцы—пре-

красные земледѣльцы и содѣйствовали улучшенію жизненныхъ условій края и удешевленію хлѣба и овощей. Часть корейцевъ вдобавокъ селилась въ Пріамурьѣ.

Но съ увеличеніемъ переселенческаго движенія желтыхъ возникли разныя сомнѣнія и страхи: въ столь сильномъ притокѣ не-русскаго элемента стали усматривать національную опасность. Въ 1882 году издано было распоряженіе предоставлять въ Сибири землю только русскимъ подданнымъ; лишь въ исключительныхъ случаяхъ генералъ-губернаторъ могъ разрѣшать это иностраннымъ подданнымъ. Кромѣ того, по соглашенію съ корейскимъ правительствомъ всѣ переселившіеся до 1884 года корейцы признаны были принявшими русское подданство, а болѣе позднимъ переселенцамъ было предоставлено лишь право пробыть въ здѣшнихъ краяхъ еще нѣкоторый срокъ, по истеченіи котораго они обязаны были продать свою недвижимую собственность и возвратиться въ Корею. Въ 1891 году срокъ былъ признанъ истекшимъ, и многимъ корейцамъ пришлось продать свои земли и выселиться отчасти въ Корею, отчасти въ Манчжурію, гдѣ имъ отвело земли китайское правительство. Но притокъ корейцевъ въ Уссурійскій край все-таки не прекратился; нѣкоторые получили землю во временное пользованіе, другіе арендовали участки, особенно у казаковъ. И это имѣло деморализующее вліяніе на русское населеніе, поощряя его къ праздности. Въ то время какъ корейцы воздѣлывали землю и тѣмъ кормились, казаки все болѣе и болѣе входили во вкусъ безпечальнаго житья на доходъ съ аренды, пристрастившись къ выпивкѣ и картежной игрѣ. Кромѣ того, каждою весною появлялись новыя толпы корейцевъ, уходившихъ по окончаніи полевыхъ работъ осенью назадъ въ Корею съ заработанными деньгами.

Сліянія русскихъ съ корейцами такъ и не произошло. Корейцы обыкновенно живутъ не деревнями, какъ русскіе, а хуторами, ставя себѣ хижины среди полей, которыя об-

рабатываютъ. Этимъ достигаются большія преимущества какъ въ смыслѣ облегченія надзора за полями, такъ и въ смыслѣ сбереженія времени, уходящаго у русскихъ на ежедневныя длинныя путешествія изъ деревни въ поле на работы. Да и работаютъ корейцы совсѣмъ иначе, нежели русскіе, усерднѣе воздѣлываютъ землю и собираютъ лучшій урожай, продаютъ много зерна и сѣна и съ теченіемъ времени достигаютъ извѣстнаго благосостоянія. На нихъ поэтому надо смотрѣть, какъ на элементъ полезный и весьма желательный въ цѣляхъ скорѣйшаго культивированія невоздѣланныхъ еще земельныхъ пространствъ.

Присоединивъ эти области къ своимъ владѣніямъ, русскіе, какъ упоминалось, нашли въ южной части Уссурійскаго края китайское населеніе; это были первоначальные хозяева края, такъ называемые манзы. Часто неженатые, они однако жили маленькими общинами и не всегда отличались добрыми нравами. Послѣ присоединенія края къ Россіи, число китайцевъ здѣсь стало расти. Китайскія власти въ Манчжуріи уже не имѣли тутъ вліянія, да и русскія были почти-что безсильны въ этой дикой странѣ. Поэтому манзы и чувствовали себя здѣсь все болѣе и болѣе настоящими хозяевами и дѣлали, что̀ хотѣли. Вдобавокъ на русской сторонѣ границы открыты были богатыя золотыя розсыпи. Въ концѣ 60-хъ годовъ китайское населеніе достигло 40.000 человѣкъ. Изъ нихъ почти половина вела осѣдлый образъ жизни, занимаясь земледѣліемъ, охотой и рыбной ловлей, а остальная, бродячая часть образовывала шайки хунхузовъ, державшія въ страхѣ мирное населеніе, а также искателей золота, грибовъ, оленьихъ роговъ и столь высоко цѣнимаго китайцами корня женьсень *). Кромѣ того, манзы безсовѣстно эксплоатировали

*) Корень этотъ считается у нихъ универсальнымъ средствомъ противъ всѣхъ болѣзней и часто оплачивается не только на вѣсъ золота, но даже втрое дороже. Въ 1869 году, говорятъ, за одинъ корень платили по 5.000 марокъ, а около 1900 года уже дешевле, 350—400 марокъ за

корейцевъ и часто дѣлали ихъ прямо своими рабами. Въ смыслѣ эксплоатаціи туземцевъ ни одинъ европеецъ не можетъ сравниться съ китайцами. Они спаиваютъ ихъ и отравляютъ своею ужасной китайской водкой—ханшиномъ, отравляютъ и опіумомъ, и за безцѣнокъ выманиваютъ у нихъ драгоцѣнныя собольи шкурки и другіе мѣха, а свои товары сбываютъ имъ по самымъ высокимъ цѣнамъ, опутываютъ ихъ неоплатными долгами и обращаютъ въ своихъ крѣпостныхъ поставщиковъ пушнины. Кромѣ того, они внушаютъ туземцамъ страхъ и ненависть къ русскимъ, какъ къ врагамъ, себя же выдаютъ за друзей и спасителей.

Не мудрено, что манзы отличаются зажиточностью, и, какъ упоминалось, русскіе казаки и поселенцы-крестьяне въ голодные годы часто бываютъ принуждены занимать у нихъ въ долгъ и такимъ образомъ попадаютъ отъ нихъ въ зависимость. Неблагопріятные результаты дало и то обстоятельство, что большинство колонистовъ, во всякомъ случаѣ въ Уссурійскомъ краѣ, были малороссы, которые, правда, хорошіе земледѣльцы, но не привычны къ хозяйничанью въ лѣсистыхъ областяхъ, и вдобавокъ плохіе ремесленники, даже въ домашнемъ быту, не въ примѣръ великоруссамъ. Для всякихъ кузнечныхъ, слесарныхъ и прочихъ работъ и починокъ имъ приходилось звать тѣхъ же китайцевъ; такимъ образомъ ко всему прочему прибави-

килограммъ. Настоящій манчжурскій и китайскій жень-сень—разновидность корня Panax Ginseng, C. A. Meyer (P. quinquefolius, Lin. var. Ginseng, Regel et Maak), родина котораго въ Кореѣ и въ сѣверномъ Китаѣ и который воздѣлывается также въ Японіи. Согласно общераспространенному повѣрію въ Китаѣ, корень долженъ по возможности напоминать своей формой человѣческую фигуру,—тогда только онъ обладаетъ цѣлебной силой. (Въ средніе вѣка подобную роль игралъ въ Европѣ мандрагоръ). Жень-сень помогаетъ будто бы отъ всѣхъ недуговъ, охраняетъ отъ злыхъ чаръ, удлиняетъ жизнь и даже даритъ безсмертіе тому, кто его носитъ на груди. Оленьи и лосиные рога тоже употребляются для порошковъ и пилюль противъ разныхъ болѣзней. Грибы отчасти идутъ просто въ пищу, отчасти также въ видѣ лѣкарствъ. Всѣми этими свѣдѣніями я обязанъ А. Фонану. *Примѣч. авт.*

лась еще и эта зависимость. И наконецъ по трактату, заключенному въ Пекинѣ въ 1860 году, китайскіе подданные были не подвластны суду и наказанію русскихъ властей даже за маловажные проступки, но должны были препровождаться къ китайскимъ властямъ. Такимъ образомъ манзы имѣли особыя права, которыми и умѣли пользоваться къ немалой выгодѣ для себя и въ ущербъ русскому населенію, и китайцы по-прежнему оставались болѣе или менѣе фактическими хозяевами края.

Въ Пріамурье желтые, главнымъ образомъ китайцы, тоже прибывали безпрерывно. Во времена, предшествовавшія русскому владычеству, имѣлось, какъ упомянуто, значительное китайско-манчжурское населеніе въ равнинахъ около Зеи. Къ этому осѣдлому земледѣльческому населенію стало понемногу прибавляться все больше китайскихъ золотоискателей на пріискахъ и ремесленниковъ въ городахъ, особенно въ Благовѣщенскѣ. Послѣ боксерскаго возстанія въ 1900 году и несчастныхъ событій въ Благовѣщенскѣ, когда массы китайцевъ были прогнаны за рѣку, число ихъ въ Пріамурьѣ поубавилось.

Эмиграція японцевъ въ восточныя провинціи была въ прежнія времена незначительна въ сравненіи съ числомъ китайскихъ и корейскихъ переселенцевъ.

Благодаря непрерывному приливу желтыхъ ремесленниковъ и рабочихъ до войны 1904 года, ихъ стало въ Пріамурьѣ и въ Уссурійскомъ краѣ значительно больше, чѣмъ русскихъ. Изъ 487 промышленныхъ предпріятій въ Уссурійскомъ краѣ 192 принадлежало желтымъ хозяевамъ, и у нихъ не работало ни одного русскаго. Остальныя 295, правда, принадлежали русскимъ, но работали у нихъ тоже желтые. Во времена самой войны наблюдалось новое массовое переселеніе китайцевъ, вызванное потребностью въ сельскихъ работникахъ, такъ какъ и амурскіе и уссурійскіе казаки и часть поселенцевъ-крестьянъ были призваны въ армію. Послѣ войны китайцы и корейцы хлынули въ

еще большемъ количествѣ, и къ нимъ прибавились японцы.

Въ 1904 году, до войны, русское населеніе Пріамурья и Уссурійскаго края исчислялось приблизительно въ 380.000 человѣкъ, тогда какъ китайскихъ и корейскихъ поселенцевъ—въ томъ числѣ и принявшихъ русское подданство—60.000 человѣкъ. Желтое населеніе, слѣдовательно, должно было составлять приблизительно 16% русскаго. Въ 1908 году число русскихъ достигло по расчетамъ приблизительно 500.000 человѣкъ, а китайцевъ и корейцевъ 120.000 человѣкъ, т.-е. за четыре года процентное соотношеніе поднялось съ 16% до 24%, иначе говоря, желтыхъ теперь всего въ четыре раза меньше, чѣмъ русскихъ. Если же принять во вниманіе, что въ общее число русскихъ включены женщины, дѣти и старики, соотношеніе оказывается еще менѣе благопріятнымъ. Китайскіе и корейскіе переселенцы большею частью находятся въ самомъ расцвѣтѣ рабочихъ силъ, и на всѣ 120.000 желтыхъ приходится не больше 10.000 женщинъ, дѣтей и стариковъ. Получается желтая рабочая армія въ 110.000 человѣкъ, а столь же работоспособныхъ русскихъ мужского пола найдется не болѣе 130.000 (изъ общаго числа 500.000 человѣкъ обоего пола). Итакъ, силы почти равны.

Въ Забайкальѣ, которое ближе къ Сибирской желѣзной дорогѣ и къ Россіи, соотношеніе было вообще еще менѣе выгодное для бѣлой расы. Въ 1909 году однако наплывъ китайцевъ и корейцевъ, ищущихъ работы, достигъ положительно небывалыхъ размѣровъ. По желѣзнодорожной статистикѣ, желтыхъ переселенцевъ появилось въ упомянутомъ году въ Пріамурьѣ, Уссурійскомъ краѣ и Забайкальѣ втрое противъ предыдущаго года. А черезъ станцію Манчжурія на границѣ между Манчжуріей и Забайкальемъ прослѣдовало въ поискахъ работы даже вчетверо большее число китайцевъ, чѣмъ въ прошлые годы.

Не мудрено, что въ Россіи призадумываются надъ та-

кимъ положеніемъ дѣлъ, и, какъ выразился одинъ русскій, есть полное основаніе припомнить слова Ли-хунъ-чана въ 1900 году, когда русскіе заняли Манчжурію: „Россія еще раскается, что слишкомъ приблизилась къ Китаю и вмѣшалась въ его внутреннія дѣла, когда увидитъ, что Сибирь становится китайскою".

Чѣмъ вызывается эта огромная эмиграція желтыхъ? Прежде всего—недостаткомъ рабочихъ рукъ на Востокѣ; использованіе большихъ природныхъ богатствъ, земледѣліе и горная промышленность требуютъ массу рабочихъ рукъ, которыхъ пока негдѣ взять, кромѣ какъ среди желтыхъ. Къ этому надо прибавить, что европейскіе рабочіе вообще не выдерживаютъ конкуренціи съ китайцами и корейцами, и сами русскіе часто утверждаютъ, что безъ желтаго труда жизнь на Дальнемъ Востокѣ стала бы невозможною.

Неприхотливость и умѣренность потребностей китайцевъ хорошо извѣстны, и онѣ причиной, что китаецъ довольствуется гораздо меньшимъ заработкомъ, нежели европейскій рабочій. Къ тому же онъ вообще работоспособнѣе. Правда, я слыхалъ и такія утвержденія, что русскій желѣзнодорожный рабочій можетъ сработать за день больше корейца и будто бы даже китайца, зато требуетъ болѣе высокой платы, такъ какъ его жизненныя потребности обходятся ему гораздо дороже. Но такое сопоставленіе не вполнѣ правильно: забываютъ, что китайцы и корейцы питаются гораздо хуже русскихъ; если же ихъ посадить на одинаковую пищу, то врядъ ли русскій сработаетъ больше и лучше желтаго. Вдобавокъ всѣ китайцы и корейцы въ общемъ чрезвычайно работящій и добросовѣстный въ работѣ народъ, чѣмъ не всегда отличаются тамошніе русскіе.

Имѣетъ значеніе и то, что желтые, какъ уже сказано, хорошіе ремесленники, которымъ приходится брать на себя большинство ремесленныхъ работъ, а потому они во многихъ мѣстахъ являются почти-что необходимымъ элемен-

томъ. А что китайскій торговецъ заткнетъ за поясъ и русскаго и европейскаго — фактъ общеизвѣстный. И вотъ эти качества, вмѣстѣ взятыя, и представляютъ, по отзыву русскаго писателя Болховитинова, бо̀льшую опасность, нежели китайскіе войска и флотъ.

Понятно, что русскія власти призадумались надъ угрожающею опасностью, и теперь въ Пріамурьѣ и въ Уссурійскомъ краѣ запрещено брать китайскихъ рабочихъ. Нельзя пользоваться ихъ трудомъ даже при постройкѣ Амурской желѣзной дороги, въ чемъ многіе видѣли сначала слишкомъ большой тормазъ. Главнымъ вдохновителемъ и строгимъ проводникомъ этой антикитайской политики является нынѣшній генералъ-губернаторъ восточныхъ провинцій Николай Львовичъ Гондатти. Выше упоминалось, какъ китайцы, у которыхъ бумаги не въ порядкѣ, сразу выпроваживаются обратно въ Китай.

Можно понять, что такая политика основывается на важныхъ причинахъ, но съ другой стороны многіе выдающіеся русскіе смотрятъ на дѣло совсѣмъ иначе, и у меня возникло впечатлѣніе, что значительная часть самого русскаго населенія на Дальнемъ Востокѣ очень не одобряетъ гоненія на желтыхъ. Говорятъ: „Куда же мы такимъ путемъ придемъ? Безъ китайцевъ намъ все равно не обойтись. Здѣсь нельзя достать потребнаго количества русскихъ рабочихъ рукъ, и, если китайцевъ будутъ гнать, жизнь станетъ невозможною по своимъ условіямъ и дороговизнѣ предметовъ первой необходимости“. Въ видѣ примѣра одинъ русскій разсказалъ мнѣ, что онъ держитъ повара-китайца, котораго прячетъ отъ чужихъ глазъ; если же ему придется отпустить этого повара, другого ему негдѣ взять. И такъ во многомъ. Говорятъ еще: „Будь такое гоненіе воздвигнуто на японцевъ — не бѣда: они не необходимы, а ихъ все прибываетъ и прибываетъ; но ихъ-то у насъ какъ-разъ и не смѣютъ трогать“.

Одинъ русскій пишетъ по этому же „желтому“ вопросу

слѣдующее: „Взгляните, какъ живетъ горожанинъ. Житель, напримѣръ, Хабаровска помѣщается въ домѣ, выстроенномъ китайскими плотниками изъ манчжурскаго дерева; печка сложена китайскими печниками; по утрамъ ему приноситъ воду изъ колодца манчжурскій ванька; въ кухнѣ тульскій самоваръ ставитъ китайченокъ. Хозяинъ дома пьетъ китайскій чай съ булками, испеченными изъ манчжурской муки китайскими булочниками. Затѣмъ приходятъ китайцы и корейцы съ разными овощами и плодами, съ яйцами, съ зеленью и т. п. Китайченокъ бѣжитъ на базаръ за монгольскимъ масломъ и готовитъ обѣдъ. Хозяйка носитъ платье, сшитое китайскимъ портнымъ; хозяинъ въ теплую погоду облекается въ чечунчу. На дворѣ рубитъ ему дрова кореецъ. Самъ сенаторъ Иваницкій, разбирая сложившіяся на русскомъ Востокѣ условія, говоритъ, что запрещеніе пользоваться желтой рабочею силой, можетъ-быть, и желательно съ политической точки зрѣнія, но не съ государственно-экономической и земледѣльческой. Суровыя мѣры въ этомъ направленіи могутъ быть проведены лишь съ вредомъ для экономической жизни пограничныхъ областей".

Какъ на одну изъ отрицательныхъ экономическихъ особенностей желтаго труда, указываютъ на то обстоятельство, что бережливые желтые рабочіе являются въ русскія области весною и, вновь возвращаясь къ своимъ семьямъ въ Корею, Манчжурію и Китай осенью, уносятъ съ собою всѣ скопленныя деньги; такимъ образомъ страна ежегодно теряетъ значительный капиталъ. На это опять возражаютъ, что денежный капиталъ, уносимый изъ страны желтыми работниками, восполняется съ лихвою трудовымъ капиталомъ, вкладываемымъ въ страну тѣми же рабочими. Съ помощью этихъ усердныхъ и умѣлыхъ земледѣльцевъ обработаны большія пространства новыхъ земель, а культура старыхъ улучшена, и производительность земли увеличена; отъ этого же улучшились и условія жизни, подешевѣли

предметы первой необходимости, а главное—увеличилось и продолжаетъ увеличиваться общее богатство страны путемъ прироста вновь воздѣланныхъ земельныхъ участковъ и роста доходности земли съ каждымъ годомъ. И если есть надежда въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ обратить эти пограничныя области въ настолько культурныя и густо заселенныя, что онѣ будутъ представлять для господства Россіи на Востокѣ дѣйствительно цѣнное значеніе, то это можетъ совершиться лишь съ помощью желтаго труда. А если ждать развитія страны однѣми силами русскихъ поселенцевъ, то ждать придется слишкомъ долго; тѣмъ временемъ слабо населенныя провинціи могутъ попасть въ чужія руки, и тогда всѣ затраты Россіи людьми, трудомъ и деньгами пойдутъ на пользу и усиленіе чужой державы.

Я слышалъ также утвержденіе знающихъ и выдающихся русскихъ, что такая враждебная китайцамъ политика и слишкомъ безцеремонное обращеніе, какому они часто подвергаются, дѣло рискованное. Это значитъ безъ нужды наживать себѣ враговъ въ китайцахъ и толкать ихъ въ объятія японцевъ, на которыхъ прежде китайцы смотрѣли, какъ на своихъ естественныхъ враговъ, тогда какъ къ русскимъ относились болѣе или менѣе дружелюбно. Дѣло въ томъ, что, какъ утверждаютъ, русскіе лучше обходятся съ китайцами, чѣмъ японцы; русскій, даже высокопоставленный, никогда не дойдетъ до такого оскорбительно-презрительнаго обращенія съ китайцемъ, какъ японецъ.

Но за послѣднее время произошли вещи, нѣсколько измѣнившія такія взаимоотношенія, главнымъ образомъ злополучныя событія 1900 года. Во время боксерскаго возстанія въ Китаѣ, китайцы внезапно напали на нѣсколько русскихъ пароходовъ, плывшихъ по Амуру, и остановили ихъ. Враждебныя толпы китайцевъ собрались также на берегу Амура противъ Благовѣщенска. А въ этомъ городѣ проживало уже до 15 тысячъ мирныхъ китайцевъ. Изъ боязни, что послѣдніе стакнутся со своими земляками по ту сторону

Амура, русскіе и погнали мирныхъ китайцевъ за рѣку, не давъ имъ лодокъ. Нѣсколько тысячъ при такой переправѣ утонуло, и долго внизъ по теченію плыли массы труповъ. Китайцы, стоявшіе по ту сторону рѣки, отвѣчали на такую мѣру обстрѣломъ города изъ пушекъ, и въ Благовѣщенскѣ было убито 40 человѣкъ русскихъ. Амурскіе казаки въ свою очередь, въ отместку, разрушили китайскій городъ Айгунь и другія поселенія на южномъ берегу.

Когда волненія прекратились, изгнанные китайцы стали черезъ свои власти въ Манчжуріи требовать возвращенія своихъ земельныхъ участковъ и построекъ. Но, по словамъ Болховитинова, все это было послѣ бѣгства китайцевъ передано русскимъ правительствомъ казачьему войску въ воздаяніе за его превосходную службу во время подавленія китайскаго возстанія въ 1900 году. И русскій писатель опасается, что это обстоятельство „причинитъ много непріятностей въ будущемъ“. Неблагопріятно отразилось также на взаимоотношеніяхъ русскихъ и китайцевъ участіе русскихъ въ занятіи Пекина международнымъ отрядомъ и въ осквернені европейцами китайскихъ могилъ. Русскіе были для китайскаго простолюдина наиболѣе знакомыми изъ европейцевъ, русское имя звучало у него въ ушахъ всего чаще, вотъ онъ всю вину и возложилъ на русскихъ. Занятіе русскими Манчжуріи тоже не способствовало воскрешенію дружескихъ чувствъ въ китайцахъ. А затѣмъ русскіе были побѣждены въ войнѣ съ японцами, въ силу чего ихъ престижъ на Востокѣ сильно пошатнулся. Все вмѣстѣ взятое привело къ тому, что китаецъ сталъ смотрѣть на русскихъ уже иными глазами, чѣмъ прежде, и, какъ увѣряютъ свѣдущіе люди, въ китайцахъ тлѣетъ ненависть къ чужому народу, ненависть, вспыхнувшая въ кровавыхъ событіяхъ 1900 года и почерпавшая пищу въ послѣдующихъ. Слѣдовало бы поэтому, по мнѣнію такихъ людей, держаться по отношенію къ китайцамъ болѣе дружеской политики. Вмѣсто того съ ними обращаются съ

излишнею суровостью, которая не можетъ смягчить ихъ непріязни.

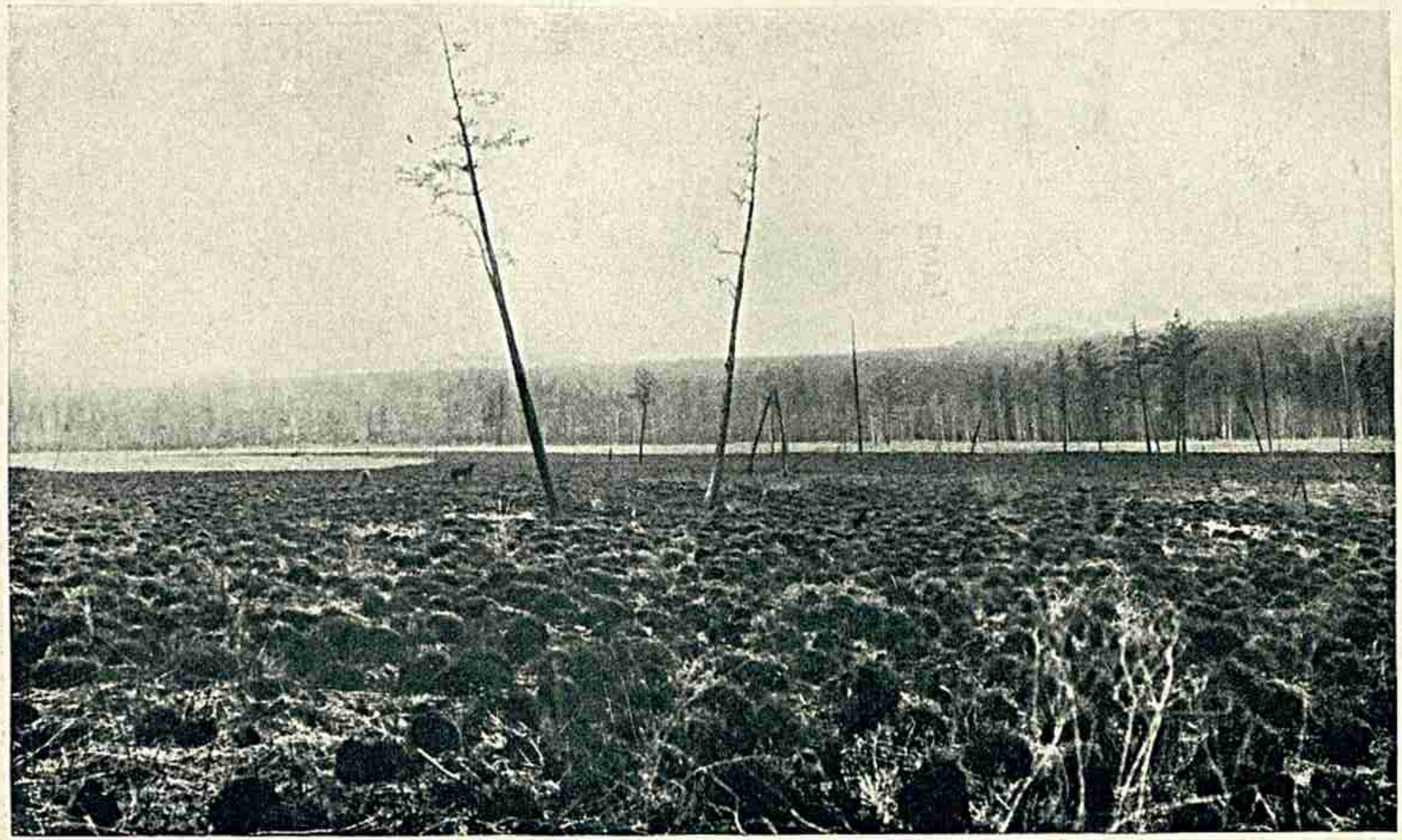
Немаловажнымъ обстоятельствомъ въ общей сложности положенія является еще то, что обновленіе Китая началось съ преобразованія его арміи на современно-европейскій ладъ, благодаря чему Китай имѣетъ теперь въ Манчжуріи довольно значительную вооруженную силу; это уже не та слабосильная страна, какъ въ 1900 году. Далѣе, китайское правительство сильно поощряетъ колонизацію сѣверной Манчжуріи, вдоль русской границы. Сами русскіе постройкой желѣзной дороги усилили притокъ колонистовъ въ эти предѣлы. Китайцы въ свою очередь прокладываютъ желѣзнодорожный путь къ сѣверу, черезъ Манчжурію, отъ Восточно-Китайской дороги до Цицикара и дальше до Мергеня; въ концѣ концовъ этотъ путь будетъ навѣрно доведенъ вплоть до Амура.

Понятно, что положеніе Россіи на Дальнемъ Востокѣ стало значительно труднѣе, чѣмъ было; русскимъ государственнымъ дѣятелямъ предстоитъ разрѣшить здѣсь рядъ трудныхъ и очень важныхъ вопросовъ, а самая задача чрезвычайно сложна. Русскіе не скрываютъ отъ себя, что будущее можетъ выдвинуть такія коллизіи, которыя способны невыгодно отразиться даже на мощныхъ силахъ Россіи, — независимо отъ того, будетъ ли продолжаться антикитайская политика или нѣтъ. Да, положеніе настолько серьезно, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время дебатовъ о новой Пріамурской желѣзной дорогѣ, и въ Думѣ и въ печати раздавались голоса, рисовавшіе будущее въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, и даже недалеко было до признанія русской политики на Дальнемъ Востокѣ политикою приключеній. Указывалось, что желѣзная дорога, проложенная съ такими жертвами черезъ южную Манчжурію, оказалась въ концѣ концовъ во вражескихъ рукахъ и послужитъ орудіемъ противъ Россіи; такая же участь можетъ-де постигнуть и новую, Пріамурскую дорогу. Если

Китай будетъ продолжать прогрессировать, какъ началъ, въ его распоряженіи окажется черезъ нѣсколько лѣтъ европейски-организованная армія въ 4 милліона солдатъ; да если эта армія и будетъ меньше, то Китай соединится съ Японіей, и что̀ противопоставитъ тогда этимъ силамъ Россія? Отстоять протихъ нихъ русскія дальневосточныя провинціи мало надежды; а если онѣ будутъ потеряны, всѣ труды и жертвы, положенныя на ихъ развитіе, пойдутъ на пользу врагамъ, подобно южно-манчжурской дорогѣ. Пусть даже такое заглядываніе въ будущее преувеличенно-пессимистично, — предвидимыя опасности настолько серьезны, что нельзя закрывать глаза на нихъ. Если противъ Россіи окажутся и Японія и обновленный Китай одновременно, положеніе можетъ стать чрезвычайно грознымъ, если даже не будетъ никакихъ осложненій на другихъ границахъ. Но если представить себѣ, что Россіи придется держать значительную часть своихъ силъ въ боевой готовности въ самой Европѣ, то положеніе рисуется въ еще болѣе мрачномъ свѣтѣ. А вѣдь въ сущности ничего нѣтъ неправдоподобнаго въ томъ, что если восточно-азіатскія державы задумаютъ серьезно посчитаться съ европейцами, то онѣ сумѣютъ выбрать для столкновенія именно подобный моментъ.

КИТАЙСКІЕ ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ НА СТАНЦІИ КАРЫМСКОЙ ВЪ ЗАБАЙКАЛЬѢ (18 ОКТ.).

БОЛОТО ВЪ ПРІАМУРЬѢ.

XVII. ПРІАМУРСКІЙ КРАЙ И ПРІАМУРСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА.

Пространство и общій характеръ края.—Климатъ.—Золото.—Коренное населеніе и пришлое. — Общее число жителей. — Пріѣздъ и дальнѣйшіе планы.—Новая желѣзная дорога.—Рабочіе.—Длина и стоимость.—Дистанціи и инженеры.—Заботы о здоровьѣ и школы.—Средняя Амурская равнина.—Дренажъ и удобныя для воздѣлыванія поля.—Затрудненія при работахъ.—Плодородность почвы.—На дрезинѣ и въ автомобилѣ.—Малый Хинганъ.—Дубовый паркъ. — Бира. — Лѣсныя пространства и дичь.—Туземцы и мерзлая почва.—Плодородная область.—Самый длинный туннель.—Оба автомобиля испорчены.—Тайная торговля водкой и грабежи.—Отложенія въ древнемъ внутреннемъ озерѣ.

Пріамурье — внутренняя область, отдѣленная отъ моря на западѣ Приморскою областью; на югѣ и юго-западѣ она соприкасается съ Манчжуріей, на востокѣ съ Забайкальемъ, а на сѣверѣ съ Якутскою губерніей. Занимаемая Пріамурьемъ площадь равняется приблизительно 360.000 квадратныхъ верстъ, т.-е. въ 4¼ раза больше Норвегіи. Протяженіе Пріамурья съ запада на востокъ свыше 900 верстъ, а съ юго-запада на сѣверо-востокъ отъ 270 до 500 верстъ. Это горная страна, образованная нѣсколькими сравнительно мало извѣстными горными хребтами. Высота вершинъ не превосходитъ 2.100 метровъ. Вдоль границы на сѣверъ тянется Становой или Яблоновый хребетъ, образуя водораздѣлъ между Амуромъ и Леной. Между рѣками

Зеей и Буреей находятся Туранскія горы, а дальше на востокъ—Буреинскія, которыя являются скорѣе всего продолженіемъ Малаго Хингана. Горная страна изъ края въ край изборождена множествомъ рѣкъ, впадающихъ въ Амуръ и часто протекающихъ въ глубокихъ долинахъ.

Широкая, мощная рѣка Амуръ, главная артерія всей этой области, обнаруживаетъ отчасти ту же особенность, которая столь ярко выражена у Енисея: правый берегъ круче и выше лѣваго, во многихъ мѣстахъ образующаго плоскую болотистую низину. Получается впечатлѣніе, что рѣка постепенно перемѣщалась вправо, пока не встрѣтила препятствія въ видѣ Манчжурскихъ горъ, а налѣво оставляла за собой низину. Особенно бросаются въ глаза двѣ большія равнины. Первая—Бурея-Зейская равнина, которая, начинаясь на порядочномъ разстояніи отъ рѣки Зеи на западѣ, тянется на юго-востокъ вдоль Амура, далеко за устье рѣки Буреи. Вторая — Средняя Амурская равнина, идущая отъ Малаго Хингана, захватываетъ устья Сунгари, Уссури и Тунгузки и кончается на востокъ отъ Хабаровска. Эта вторая равнина довольно болотистая и потому мало пригодна для населенія. Напротивъ, Бурея-Зейская часть представляетъ очень удобную землю—луговую и лѣсистую равнину, которая, безъ сомнѣнія, можетъ стать обширною земледѣльческою областью. Вообще все Пріамурье въ лѣсахъ; горы поросли безконечными хвойными лѣсами, а на равнинѣ близъ Амура много лиственнаго лѣса; больше всего здѣсь дуба, затѣмъ березы, бѣлой и отчасти черной; попадаются также болѣе южныя древесныя породы, какъ-то: сливовыя деревья, яблони, пробковый дубъ и дикій виноградъ; растительность на этихъ низкихъ равнинахъ бываетъ очень пышная.

Климатъ Пріамурья сравнительно холодный. Средняя годовая температура для большей части области, находящейся приблизительно на широтѣ Бурея-Зейской равнины, исчисляется приблизительно 0° Ц., тогда какъ въ болѣе

южной части, близъ Хабаровска, она бываетъ и выше. Лѣто здѣсь жаркое, что̀ важно для земледѣлія. Средняя температура въ іюлѣ превышаетъ 20° Ц. въ большей части страны. Мѣстами же температура подымается до 47° Ц. Зима холодная. Средняя январская температура въ Буреи-Зейской равнинѣ падаетъ приблизительно до ÷25° Ц., но нерѣдки и морозы въ ÷30° Ц. и даже въ ÷40° Ц.

Благодаря преобладающимъ юго-восточнымъ вѣтрамъ лѣтомъ и сѣверо-западнымъ зимою, лѣтомъ выпадаетъ много дождей, а зимою мало снѣгу, настолько мало, что съ трудомъ устанавливается санный путь. Это создаетъ неблагопріятныя условія для растительности: зимою почва промерзаетъ на значительной глубинѣ и поздно оттаиваетъ весною.

Минеральныя богатства страны значительны. Особенно богата она золотомъ, которое находятъ во многихъ мѣстахъ, главнымъ образомъ въ розсыпяхъ вдоль многихъ рѣкъ. Во время работъ по прокладкѣ желѣзнодорожнаго пути найдены также во многихъ мѣстахъ залежи угля.

Первоначальное туземное населеніе Пріамурья состояло изъ бродячихъ племенъ тунгузскаго корня, манчжуровъ, манегровъ, дауровъ, гольдовъ, орочонъ и настоящихъ тунгузовъ. Большая часть ихъ занималась охотой и рыбной ловлей, бродя вдоль рѣкъ и по обширной тайгѣ; настоящіе же тунгузы и часть орочонъ были оленеводами, кочевавшими въ окрестныхъ лѣсахъ, но кромѣ того рыбаками и охотниками. Въ настоящее время число туземцевъ врядъ ли превышаетъ 4 — 5 тысячъ человѣкъ, и принадлежатъ они къ самымъ даровитымъ и жизнеспособнымъ изъ тунгузскихъ племенъ. Многіе изъ нихъ на рѣдкость ловкіе и выносливые охотники, а гольды, напримѣръ, славятся особымъ искусствомъ проводить свои лодки вверхъ и внизъ по рѣчнымъ порогамъ. Но и эти первобытные народы постепенно вырождаются и вымираютъ подъ натискомъ болѣе сильной европейской культуры и, къ сожалѣнію, совсѣмъ

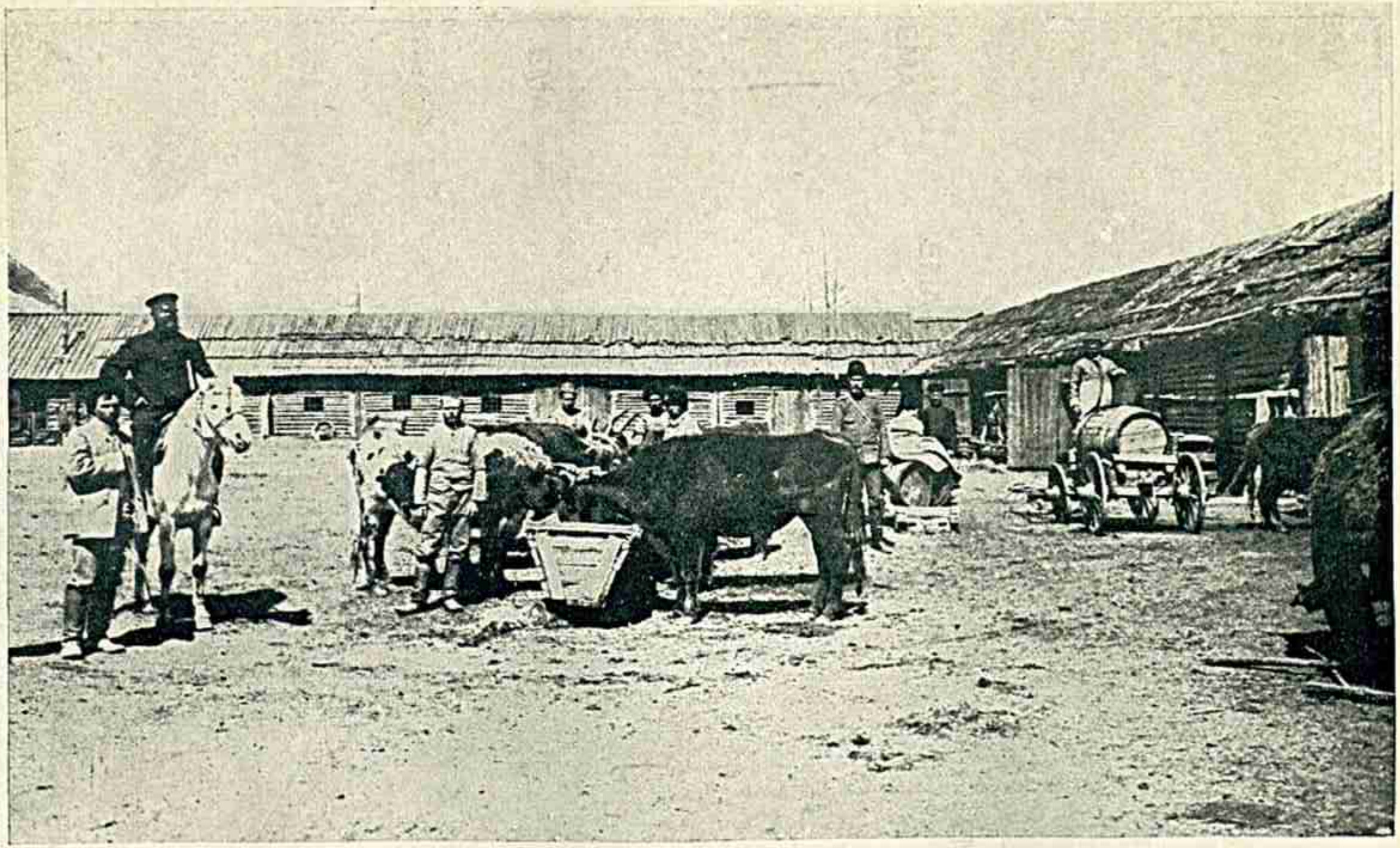
исчезнутъ съ лица земли, когда страна будетъ вполнѣ оцивилизована.

Кромѣ европейцевъ постоянный притокъ колонистовъ даютъ желтые—частью корейцы, частью китайцы, какъ уже упомянуто выше.

Общая цифра населенія Пріамурья равнялась въ 1897 году 120.206 человѣкъ, изъ которыхъ не-русскихъ насчитывалось 16.783; но въ 1911 году было уже 286.268 колонистовъ, и изъ нихъ не-русскихъ, т.-е. по большей части желтыхъ, было 43.959 человѣкъ.

Переѣздъ изъ Россіи въ Пріамурье въ прежнее время былъ чрезвычайно труденъ. Прежде всего надо было по безконечнымъ сибирскимъ трактамъ добраться до Иркутска и Байкала, переправиться черезъ это озеро-море и продолжать путь по тракту черезъ Забайкалье до Шилки, а затѣмъ на плотахъ или лодкахъ плыть внизъ по этой рѣкѣ и по Амуру до самаго мѣста назначенія. На весь путь уходило около года, а то и полтора. Послѣ постройки желѣзнодорожныхъ линій Восточно-Сибирской и Забайкальской, стало возможнымъ пользоваться желѣзной дорогой до Срѣтенска, а оттуда пароходомъ по Шилкѣ и Амуру. Но и такое путешествіе утомительно, и, безъ сомнѣнія, отсутствіе связи между Забайкальской и Уссурійской желѣзнодорожной линіей представляло большія неудобства.

Неудивительно поэтому, что уже давно была задумана желѣзная дорога черезъ Пріамурье, чтобы связать Забайкальскую, кончавшуюся у Срѣтенска, съ Благовѣщенскомъ, самымъ крупнымъ городомъ Пріамурья, и съ Хабаровскомъ, у котораго эта линія примкнула бы къ Уссурійской желѣзнодорожной линіи. Планъ этотъ былъ проектированъ и разработанъ еще въ 1893—96 г.г., но вдругъ сообразили, что будетъ короче и легче, да и дешевле, проложить рельсовый путь отъ Забайкалья прямо черезъ Манчжурію до Уссурійской желѣзной дороги и Владивос-

ДВОРЪ ТЮРЕМНЫХЪ БАРАКОВЪ, ГДѢ ПОМѢЩАЮТСЯ АРЕСТАНТЫ, РАБОТАЮЩІЕ НА ПОСТРОЙКѢ АМУРСКОЙ ЛИНІИ.

ДѢТИ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫХЪ РАБОЧИХЪ.

тока. Правда, этотъ путь пересѣкалъ китайскую территорію, но, какъ справедливо разсудили, сговориться насчетъ этого съ Китаемъ было ужъ не такъ трудно. И вотъ Восточно-Китайская желѣзная дорога выстроилась на русскія деньги. Вскорѣ была также устроена русская военная гавань въ Портъ-Артурѣ, который во многихъ отношеніяхъ представлялъ преимущества передъ Владивостокомъ. Отъ Амурской желѣзной дороги совсѣмъ отказались, и вниманіе Россіи все больше и больше устремлялось на Манчжурію, болѣе плодородную и имѣвшую больше шансовъ на будущее развитіе, нежели Пріамурье.

Но разразилась война 1904 — 1905 г.г., и послѣ мира южная часть русской желѣзной дороги отошла къ японцамъ, да и въ сѣверной Манчжуріи положеніе стало таково, что русскіе не могли считать желѣзнодорожное сообщеніе съ Владивостокомъ черезъ Манчжурію достаточно надежнымъ. Естественно поэтому, что вновь былъ выдвинутъ планъ Амурской желѣзной дороги. Признано было, между прочимъ, по стратегическимъ соображеніямъ, необходимымъ связать восточныя провинціи съ безпрерывной желѣзнодорожной линіей, проходящею цѣликомъ по русской территоріи и расположенною такъ, что непріятелю не легко овладѣть ею. Могло бы показаться желательнымъ проложить новый желѣзнодорожный путь черезъ наиболѣе густо населенную область, прилегающую поближе къ Амуру, но тогда пришлось бы вести его на всемъ протяженіи вдоль китайской границы, а это было рискованно на случай войны. Вотъ и остановились на рѣшеніи провести линію подальше, внутри страны, гдѣ желѣзная дорога будетъ лучше защищена, но зато проходитъ большей частью по совсѣмъ необитаемымъ районамъ.

Ясно, что послѣднее обстоятельство усугубляло трудности сооруженія Амурской желѣзной дороги во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, въ этихъ дикихъ, пустынныхъ мѣстахъ не существовало никакихъ путей сообщенія, и

приходилось начать съ проложенія проѣздныхъ дорогъ, чтобы обезпечить подвозъ строительныхъ матеріаловъ и рабочихъ, а также продовольствія для послѣднихъ. И все это надо было везти издалека. Вдобавокъ большія затрудненія ставила сама природа страны. Климатъ зимою такъ суровъ, что по большей части исключаетъ возможность какихъ бы то ни было работъ, кромѣ туннельныхъ и мостовыхъ. Да и лѣтомъ условія не изъ благопріятныхъ: жарко, и такая масса комаровъ и мухъ, осъ и всякой мошкары, что единственное спасеніе отъ нихъ — дымъ отъ костровъ. Не легко находить на этихъ плоскихъ, болотистыхъ равнинахъ и хорошую питьевую воду, и приходится большею частью довольствоваться стоячею, болотною. А бездорожье приводило къ тому, что лѣтомъ болотистая мѣстность становилась окончательно непроходимою, и самое проложеніе сколько-нибудь сносныхъ дорогъ приходилось откладывать до зимы, когда морозъ скуетъ болота. Не легко было прокладывать пути и въ тайгѣ, гдѣ тоже попадалось много болотъ и вдобавокъ масса бурелому. Бури часто ломаютъ и валятъ деревья на большихъ пространствахъ, гдѣ и образуются такія баррикады, что не пробраться ни человѣку ни звѣрю; надо сначала расчистить и проложить путь. Прокладка желѣзнодорожнаго полотна черезъ обширныя и часто бездонныя болота, разумѣется, тоже крайне затруднительна. И санитарныя условія при работахъ въ этихъ мѣстахъ не могутъ быть удовлетворительными, пока мѣстность не расчищена и не дренажирована. Недаромъ цифра заболѣваній среди рабочихъ, занятыхъ подготовительными работами, достигала 75%. Но по мѣрѣ того, какъ работы подвигались — условія улучшались, и теперь, повидимому, во многихъ мѣстахъ вполнѣ сносны; во всякомъ случаѣ въ желѣзнодорожныхъ больницахъ мы видѣли не много другихъ больныхъ, кромѣ пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ при постройкѣ.

Не легко было и добывать рабочихъ. Желтаго труда

рѣшено было не примѣнять, а русскихъ рабочихъ въ тѣхъ краяхъ не имѣлось, и ихъ выписывали изъ самой Россіи. Но такъ какъ бо́льшую часть работъ нельзя было продолжать зимою, то массамъ рабочихъ приходилось на зиму уѣзжать обратно въ Россію, съ тѣмъ чтобы вернуться опять весною. И такой путь въ оба конца бралъ даже по желѣзной дорогѣ около трехъ мѣсяцевъ. Начинались работы обыкновенно въ іюнѣ, а кончались въ началѣ—серединѣ октября, т.-е. продолжались приблизительно четыре мѣсяца, да изъ этого срока нѣсколько дней пропадало изъ-за сильныхъ дождей. Если принять въ расчетъ плату рабочимъ за всѣ семь мѣсяцевъ (изъ которыхъ три уходили на дорогу) да стоимость самой ихъ перевозки, то можно представить себѣ, во что должны обходиться работы. За послѣдніе три года на востокъ перевезено было 130.000 русскихъ рабочихъ, а въ Пріамурье въ одномъ 1912 году переправилось 80.000 рабочихъ, заработавшихъ въ общей сложности 30 милліоновъ. Правда, выгода та, что всѣ эти деньги остались въ Россіи, чего не было бы, если бы пользовались рабочими-китайцами. Вторую выгоду видятъ въ томъ, что многіе рабочіе не возвращаются назадъ въ Россію, но получаютъ здѣсь землю и остаются на востокѣ въ качествѣ колонистовъ. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, 20% рабочихъ привозятъ съ собою семьи и образуютъ въ этихъ необитаемыхъ районахъ авангарды будущихъ колоній.

Кромѣ свободныхъ русскихъ рабочихъ привлечены къ работамъ по постройкѣ Амурской желѣзной дороги и арестанты, содержащіеся въ небольшихъ арестантскихъ колоніяхъ, устроенныхъ во многихъ мѣстахъ вдоль строящейся линіи. На каждый десятокъ арестантовъ полагается три конвойныхъ солдата, которые приводятъ ихъ утромъ на работы и уводятъ въ тюремные бараки. Всѣмъ арестантамъ положена поденная плата за трудъ, которая вносится за нихъ въ сберегательную кассу и выдается имъ на руки

по отбытіи ими наказанія. Поэтому они охотно идутъ на работы.

Единственными желтыми, допускаемыми на работы по постройкѣ желѣзной дороги, являются корейцы, признаваемые за русскихъ подданныхъ, т.-е. принадлежащіе къ осѣдлому населенію Пріамурья и Уссурійскаго края. Ихъ занято на постройкѣ нѣсколько тысячъ; ими дорожатъ, особенно въ болотистыхъ мѣстностяхъ, такъ какъ они гораздо лучше переносятъ сырость, нежели русскіе, вообще неохотно работающіе на болотахъ, тогда какъ корейцы ничего противъ этого не имѣютъ.

Общее протяженіе Амурской желѣзной дороги, отъ Куэнги до Хабаровска—1.830 верстъ, а обошлась она около 300 милліоновъ рублей, т.-е. около 164 тысячъ рублей съ версты.

Построена дорога въ четыре пріема. Первый, самый западный участокъ, въ 183 версты, отъ станціи Куэнга Забайкальской желѣзной дороги до станціи Урюмъ, и завѣдуетъ имъ инженеръ Борисъ Васильевичъ Зеестъ. Работы по проведенію этого участка начаты были въ мартѣ 1908 года; теперь онъ уже вполнѣ готовъ, и движеніе давно открыто. Второй участокъ, протяженіемъ 597 верстъ, между станціями Урюмъ и Керакъ. Постройкой здѣсь завѣдуетъ инженеръ Евгеній Ульяновичъ Подруцкій; этотъ участокъ тоже почти законченъ. Третій, протяженіемъ 600 верстъ, между Керакомъ и Малиновкой, находится въ вѣдѣніи инженера Владимира Владимировича Трегубова. Четвертый, самый восточный участокъ, протяженіемъ 450 верстъ, между Малиновкой и Хабаровскомъ; завѣдуетъ имъ инженеръ Александръ Васильевичъ Ливеровскій. Работы по сооруженію этого участка начались всего два года тому назадъ и должны быть закончены въ 1914 году, когда и будетъ можно пользоваться всей дорогой сплошь. Изъ остающихся работъ наибольшей затраты времени потребуетъ мостъ черезъ Амуръ у Хабаровска. Отвѣтственный

постъ при Амурской желѣзной дорогѣ занимаетъ врачъ Сергѣй Павловичъ Серебрянниковъ, стоящій во главѣ медицинскаго и санитарнаго надзора, имѣющаго цѣлью охрану жизни и здоровья всѣхъ этихъ многихъ тысячъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, поставленныхъ въ столь трудныя условія. Какъ упомянуто выше, въ настоящее время санитарныя условія, повидимому, хороши, больныхъ среди рабочихъ немного. На большихъ станціяхъ имѣются больницы. Мы посѣтили нѣкоторыя изъ нихъ, видѣли операціонные покои, палаты для больныхъ, ванны и пр. Вездѣ такъ свѣтло, чисто, все въ такомъ порядкѣ, что пріятно взглянуть. Но паціентовъ было мало въ сравненіи съ числомъ, на которое расчитаны больницы, и многіе изъ паціентовъ были съ чисто случайными поврежденіями. За счетъ желѣзной дороги строятся также около станцій школы для дѣтей рабочихъ. Мы осматривали нѣкоторыя изъ нихъ и тоже остались довольны впечатлѣніемъ. Помѣщенія просторныя, воздуху много; на стѣнахъ географическія карты, таблицы и картинки по ботаникѣ, зоологіи, геологіи и т. п. Въ однѣхъ школахъ преподаютъ учительницы, въ другихъ—учителя. Въ нѣкоторыхъ школахъ дѣтей такъ много, что приходится дѣлить ихъ на двѣ смѣны, утреннюю и послѣобѣденную. Видъ у дѣтей былъ веселый, и незамѣтно было, чтобы климатъ дурно вліялъ на ихъ здоровье.

Область, которую намъ предстояло теперь проѣхать, можно раздѣлить на четыре района, согласно особенностямъ природы. Сначала идетъ Средняя Амурская равнина, затѣмъ горная страна, которую можно считать продолженіемъ Малаго Хингана, далѣе обширная плоская Буреинская равнина и отъ ея западной границы вплоть до Забайкалья опять горная страна.

Вторникъ, 7 октября. Рано утромъ 7 октября мы прежде всего переправились на пароходѣ черезъ Амуръ къ началу небольшой временной желѣзнодорожной вѣтки, построенной для нуждъ Амурской дороги. Когда мы высади-

лись, на берегу уже стоялъ маленькій поѣздъ, съ которымъ мы и двинулись по обширной равнинѣ; ѣхали мы до вечера слѣдующаго дня, и проѣхали 140 верстъ съ небольшимъ. Равнина представляетъ здѣсь въ сущности низменную сырую дельту, образуемую устьями впадающихъ въ Амуръ большихъ рѣкъ Уссури и Сунгари и во время разлива рѣкъ отчасти заливаемую водой. Почва здѣсь по преимуществу песокъ и глина; много также обширныхъ торфяныхъ болотъ; въ западной части, ближе къ гористой области и отрогамъ Малаго Хингана, я видѣлъ гравій и гальку, попадались и камни въ кулакъ величиной. Это давало хорошій матеріалъ для балласта при сооруженіи желѣзнодорожнаго полотна, но на большинствѣ участковъ этого матеріала негдѣ было взять. Повсюду почва черноземная или торфяная, которая тоже обѣщаетъ богатый урожай послѣ надлежащей обработки.

Равнина на большихъ протяженіяхъ поросла травою; мѣстами растетъ и жиденькій лѣсокъ, преимущественно березовый; въ общемъ очень сыро, но дренажъ, произведенный при постройкѣ желѣзной дороги, даетъ поразительно быстрые результаты. Тамъ, гдѣ прежде было настоящее болото, образовались большіе хорошіе участки земли, которые отчасти уже использованы, а дренажъ произведенъ не далѣе, какъ зимою 1911 года. И уже одна стоимость вновь пріобрѣтенной такимъ путемъ земли, годной къ обработкѣ, скоро окупитъ, по мнѣнію Е. Д. Вурцеля, стоимость сооруженія здѣсь желѣзной дороги. Для дренажныхъ работъ пользуются отчасти большими землекопными машинами, которыя мы видѣли въ дѣйствіи. Онѣ движутся по широкимъ рельсамъ, временно проложеннымъ по полямъ, а приводятся въ движеніе паромъ и больше всего напоминаютъ большія землечерпалки. Въ короткое время онѣ прорываютъ широкія канавы и аккуратно складываютъ весь вырытый илъ, песокъ и гальку по другую сторону канавъ для сооруженія новой желѣзнодорожной насыпи или нагру-

жаютъ этимъ матеріаломъ вагонетки для отправки на другіе участки строящейся дороги. Вновь прорытыя канавы довольно быстро наполняются водой, и уровень почвенныхъ водъ понижается, желѣзнодорожное полотно осушается; одновременно становится суше и вся равнина. Тяжелая это работа; мы видѣли цѣлыя горы песку, который долженъ пойти на засыпку глубокихъ болотъ по строящейся вновь линіи. Для подвоза этого матеріала и была сооружена временная боковая вѣтка, вдоль которой расположились многочисленныя землянки рабочихъ. Со временемъ, когда дорога будетъ готова, т.-е. въ будущемъ году, все это будетъ уничтожено. Въ общемъ все свидѣтельствуетъ о громадныхъ затрудненіяхъ, которыя приходится преодолѣвать при сооруженіи этой желѣзной дороги, тянущейся участокъ за участкомъ по сырой низменности, а чаще всего прямо по болоту.

Погода стоитъ такая дивная, что совсѣмъ забываешь, что уже октябрь мѣсяцъ. На ивахъ еще зеленая листва, чуть тронутая желтизной; зато березки частью уже оголились; лишь нѣкоторыя сохранили зеленыя листья вперемѣшку съ пожелтѣвшими.

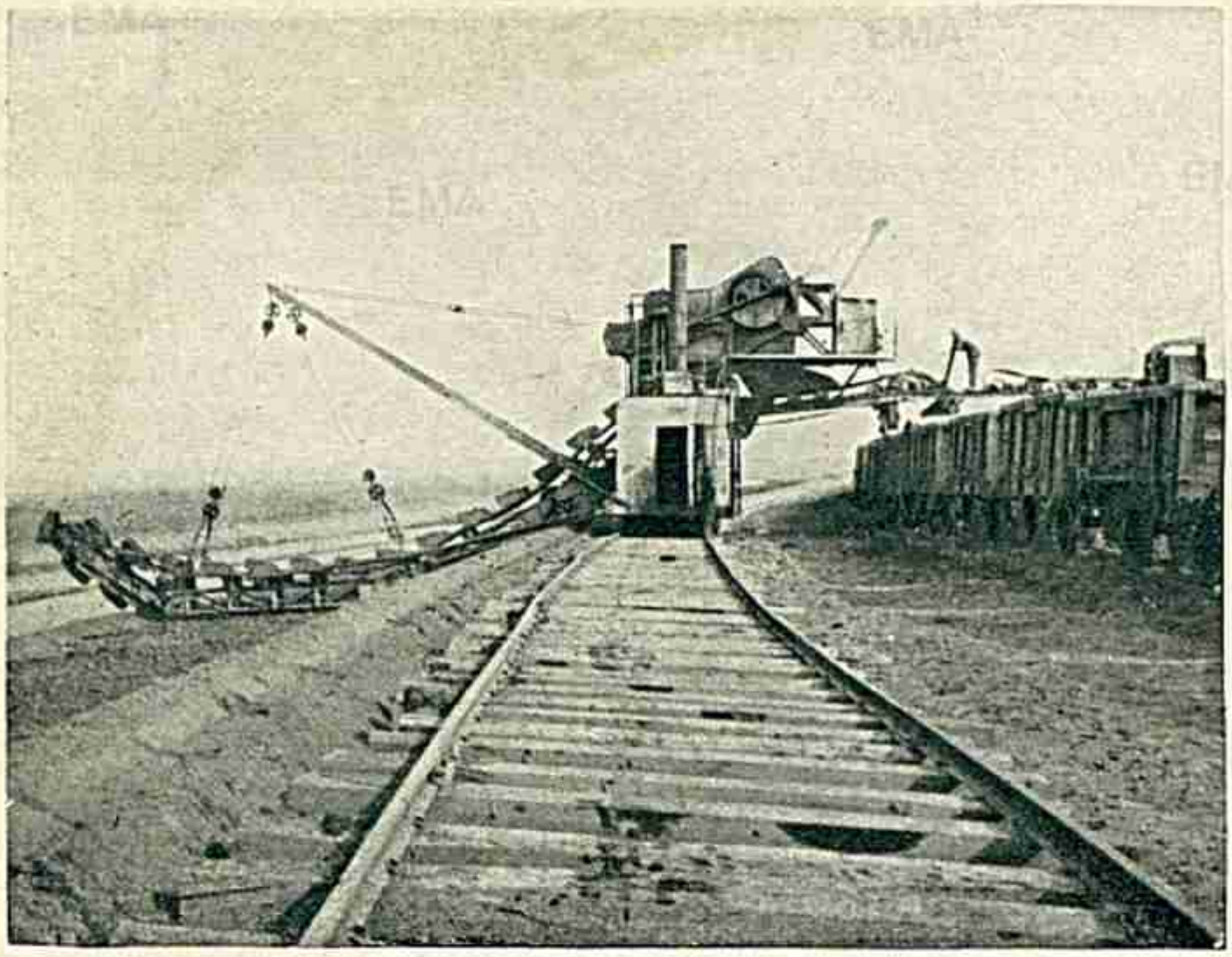
Въ деревнѣ Покровкѣ мы посѣтили желѣзнодорожную школу для дѣтей рабочихъ. Е. Д. Вурцель познакомилъ меня съ учителемъ, и послѣдній сталъ разсказывать мальчикамъ и дѣвочкамъ, кто я и гдѣ раньше путешествовалъ; онъ могъ говорить, что̀ хотѣлъ, такъ какъ я вѣдь не понималъ ни слова. Впрочемъ, видно было, что онъ толковый преподаватель и хорошій человѣкъ, а дѣтишки производили впечатлѣніе здоровыхъ, веселыхъ и бойкихъ.

Завтракали мы у начальника участка, инженера Холевы, который жилъ въ уютномъ домикѣ съ хорошенькимъ садикомъ, засаженнымъ цвѣтами и овощами; а годъ тому назадъ здѣсь было только болото да голыя поля. Онъ угостилъ насъ доморощенной цвѣтной капустой и жаркимъ изъ доморощеннаго поросенка. Держалъ онъ и трехъ коровъ.

Нѣсколько подальше мы миновали деревушку, которая существовала всего одинъ годъ. Но здѣсь уже имѣлась вѣтряная мельница, тогда какъ всего какой-нибудь годъ назадъ тутъ было сплошное болото. Въ другомъ мѣстѣ мы пересѣкли почти готовое полотно, а два года тому назадъ здѣсь не было лѣтомъ ни проѣзда ни прохода по болоту. Пришлось инженеру, строившему этотъ участокъ, дождаться зимы, когда болото подмерзло. Теперь и тутъ земля стала годной къ обработкѣ.

Получивъ болѣе или менѣе наглядное понятіе о различныхъ фазисахъ и трудностяхъ сооруженія желѣзной дороги въ этой болотистой области, добрались мы вечеромъ, въ темнотѣ, до новой ночевки на станціи Инъ, настоящаго городка, построеннаго исключительно для желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. Онъ расположенъ при рѣкѣ Инъ, притокѣ Урми, впадающей въ свою очередь въ Тунгузку. Тутъ насъ угостили обильнымъ ужиномъ, вѣрнѣе обѣдомъ въ мѣстномъ буфетѣ, который арендовалъ красивый грузинъ, щеголявшій въ національномъ костюмѣ—широкомъ кафтанѣ съ нашитыми на груди кармашками для патроновъ; патроны, впрочемъ, давно замѣнены деревянными пробками. Итакъ, и здѣсь мы встрѣтили кавказцевъ.

Видно было, что мы попали въ страну, гдѣ живутъ сытно, — такъ хорошо насъ угостили. Начали съ разныхъ сортовъ икры—и черной, и красной, и свѣжей, и паюсной. Въ Амурѣ ловится много осетровъ, а кромѣ того, онъ изобилуетъ амурской семгой, или кетой, которая показалась мнѣ не хуже нашей лососины, хотя знатоки и утверждаютъ, что она не такъ нѣжна. Вдобавокъ кета даетъ красную икру, чудеснаго цвѣта, въ родѣ блѣдныхъ рубиновъ. Кромѣ рыбы край богатъ дичью, водящейся въ лѣсахъ; поэтому столъ нашъ ломился подъ всевозможными блюдами изъ рыбы и дичи. Сначала угощали насъ холодными, какъ бы въ видѣ „закуски“, потомъ пошли горячія, и я, рѣшивъ,

РЫТЬЕ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫХЪ КАНАВЪ МАШИНОЙ (7 ОКТ.).

КОРЕЙСКІЕ И РУССКІЕ РАБОЧІЕ (7 ОКТ.).

НА ДРЕЗИНѢ ПО БОЛОТИСТОМУ ГРУНТУ (8 ОКТ.).

МЕДВѢДЬ ИЗЪ ПРІАМУРЬЯ (Ursus torquatus) (8 ОКТ.).

что это начался самый обѣдъ, ѣлъ, какъ слѣдуетъ. Затѣмъ со стола все убрали, и, казалось бы, дѣлу конецъ. Не тутъ-то было! Подали супъ, отличный русскій супъ, что̀ означало начало настоящаго обѣда! Оказалось, что все, поглощенное нами раньше, было только „закуской“. За супомъ послѣдовала чудесная рыба и затѣмъ одно горячее мясное блюдо съ зеленью за другимъ. Я постоянно попадался впросакъ съ этой „закуской“, къ которой такъ и не привыкъ за всю поѣздку по Пріамурью, и всякій разъ считалъ обѣдъ законченнымъ, когда онъ только-что готовъ былъ начаться! Угощали насъ и чудеснымъ кахетинскимъ (кавказскимъ) виномъ, дивнаго густо-золотистаго цвѣта, опьяняющимъ однимъ своимъ видомъ. Потомъ подавались ташкентскіе фрукты, крупныя груши и сочный крупный виноградъ, какимъ мы лакомились всюду въ Сибири, угостились и здѣсь, въ Пріамурьѣ. Что̀ за дивная страна, должно-быть, этотъ Туркестанъ!

Среда, 8 октября. Дальше отсюда дорога оказалась не настолько готовой, чтобы мы могли продолжать нашъ путь въ поѣздѣ; пришлось ѣхать на дрезинѣ. Мѣстность—та же плоская равнина, повсюду сырая и болотистая. Во̀ды стоячія, и трудно найти хорошую питьевую. Въ колодцахъ вода, правда, довольно чистая, но пахнетъ сѣрой даже на глубинѣ пяти метровъ. Растительность — по большей части одна трава, но изрѣдка попадаются и большія березовыя рощи. Ослѣпительно-бѣлые стволы вполнѣ оправдываютъ названіе „бѣлой березки“. Въ отличіе отъ нашей норвежской березы, здѣшняя дѣйствительно имѣетъ бѣлую кору отъ самыхъ корней до послѣдней вѣтки и производитъ удивительно свѣтлое, воздушное впечатлѣніе, особенно теперь, когда листва уже облетѣла. Эта бѣлизна какъ-то даже неестественна: можно подумать, что кто-то взялъ да и обмазалъ деревья бѣлой известкой, какъ поступаютъ съ фруктовыми деревьями; разница лишь въ томъ, что тутъ вымазаны даже всѣ сучья и вѣтки. Растутъ деревья и

здѣсь негусто. По мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся къ западу, между березами начинаютъ попадаться и дубы и кое-гдѣ одинокія лиственницы. Трава растетъ повсюду, а также между деревьями въ рощахъ.

Катясь безпрерывно на дрезинѣ къ западу, мы попозже днемъ завидѣли далеко впереди надъ равниной синеватую цѣпь горъ. Это былъ Малый Хинганъ.

Подъ вечеръ окончилась и наша поѣздка на дрезинѣ. Дальше не было проложено даже рельсовъ, и намъ предстояло уже ѣхать въ автомобилѣ по неровной грунтовой дорогѣ, всюду слѣдующей направленію желѣзнодорожнаго пути и проложенной черезъ всю область прежде, чѣмъ было приступлено къ прокладкѣ полотна. Эту проѣзжую дорогу рѣшено поддерживать и впослѣдствіи, главнымъ образомъ изъ стратегическихъ соображеній. Если непріятель займетъ тотъ или иной участокъ желѣзной дороги, русскіе солдаты и артиллерія могутъ все-таки двигаться по грунтовой дорогѣ. Кромѣ того, она служитъ подъѣзднымъ путемъ къ станціямъ для колонистовъ.

Въ нашемъ распоряженіи были два автомобиля. Одинъ—хорошій, сильный автомобиль, обычнаго дорожнаго типа—для насъ самихъ; другой—блиндированный—для багажа. Вообще-то онъ служитъ въ этой небезопасной мѣстности для перевозки желѣзнодорожной почты. Такъ какъ почта бываетъ и денежная (жалованье рабочимъ), то автомобиль конвоируютъ жандармы или солдаты съ заряженными ружьями. Шины у него литыя, каучуковыя, а не дутыя, которыя могутъ проколоться; зато и трясетъ на этомъ автомобилѣ по здѣшнимъ дорогамъ изрядно.

Мы и на автомобилѣ продолжали нашъ путь довольно быстро, высоко подпрыгивая на неровностяхъ дороги; просто чудо, какъ наши рессоры и шины выдерживали такіе толчки! Зато мы пугали лошадей, и онѣ вмѣстѣ съ телѣгами и возами сворачивали въ канавы. Какъ выбирались онѣ оттуда, мы не знаемъ, такъ какъ не останавли-

вались поглядѣть. Иногда же лошади дико пускались вскачь по дорогѣ впереди автомобиля. Черезъ болота мы ѣхали по гатямъ изъ бревенъ, часто тянувшимся по нѣскольку верстъ. Подъ тяжестью автомобиля бревна прыгали и плясали, какъ живыя.

ЧЕРЕЗЪ МАЛЫЙ ХИНГАНЪ.

Наконецъ мы стали подъѣзжать къ западной границѣ равнины, все ближе и ближе къ горной странѣ и горамъ. Ландшафтъ измѣнился: береза почти исчезла; ее смѣнилъ дубъ, и дорога шла прекраснымъ дубовымъ лѣсомъ, извиваясь между рядами деревьевъ—то взбираясь въ гору, то сползая подъ гору. Удивительно чисто было въ этомъ дѣвственномъ лѣсу, скорѣе напоминавшемъ хорошо содержимый англійскій паркъ, чѣмъ лѣсъ въ необитаемомъ краю, по Амуру. Но причина такой чистоты, пожалуй, та, что туземцы издавна практикуютъ періодическое выжиганіе высокой засохшей травяной растительности, чтобы улучшить пастбище для дичи; а можетъ-быть, жгутъ траву и бродячіе китайцы, искатели оленьихъ роговъ, отчего часто страдаютъ и самые лѣса.

По мѣрѣ того, какъ мы подымались по хребтамъ выше, между дубами стали все чаще попадаться лиственницы, затѣмъ пошли во множествѣ ели и даже кое-гдѣ отдѣльныя сосны. И вдругъ внизу подъ нами заблестѣла извилистая лента большой рѣки, а за рѣчной долиной замаячили одѣтые лѣсомъ хребты и отдѣльныя горы. Совсѣмъ норвежскій видъ! Рѣка эта—Бира, и вскорѣ мы достигли расположенной на косогорѣ новенькой станціи того же названія, гдѣ намъ предстояла ночевка.

Наступилъ вечеръ. Небо за горами на западѣ побагровѣло, и надъ лѣсомъ взошелъ полумѣсяцъ. Темнѣетъ здѣсь быстро. Горные склоны совсѣмъ почернѣли, но волнистая линія хребта явственно вырисовывается на синемъ небѣ, и силуэты ближайшихъ деревьевъ выступаютъ отчет-

ливо. Гдѣ-то въ лѣсу налѣво звенятъ бубенцами коровы. Чѣмъ не нашъ норвежскій горный сэтеръ! *)

Четвергъ, 9 октября. Раннимъ утромъ, еще до восхода солнца, я прогулялся по лѣсу. Свѣжо, ясно; на холмахъ иней. Такъ бы и отправился на охоту за зайцами по этимъ косогорамъ! Спустить бы собакъ — скоро вѣдь начнется охотничій сезонъ — и бродить, прислушиваясь къ ихъ заливчатому лаю, вдоль этихъ горныхъ склоновъ... Ужъ здѣсь-то непремѣнно должны водиться зайцы!

Вотъ гдѣ, должно-быть, раздолье для охотника! Какіе обширные лѣса, какое обиліе медвѣдей, лосей, кабановъ, оленей—преимущественно на луговыхъ равнинахъ—глухарей, тетеревовъ, не говоря о дикихъ уткахъ! Чего желать еще? Изрѣдка попадаются и тигры. Они здѣсь крупные,— пожалуй, не меньше бенгальскихъ, судя по видѣннымъ мной шкурамъ. Но шерсть у нихъ гуще, длиннѣе, и сами они красивѣе. Послѣдней зимою нѣсколько рабочихъ остались жить въ землянкѣ поблизости отсюда; ночью одинъ изъ нихъ услыхалъ какой-то шорохъ за дверью; взялъ топоръ, вышелъ и увидалъ передъ собой какого-то звѣря и треснулъ его по башкѣ. Было очень темно, и онъ даже не разглядѣлъ хорошенько, что̀ сталось со звѣремъ, вернулся къ товарищамъ и разсказалъ, что, кажется, сейчасъ убилъ какого-то звѣря, скорѣе всего хищнаго. Утромъ всѣ вышли посмотрѣть и нашли у дверей мертваго годовалаго тигра, при видѣ котораго самъ убившій его расплакался со страху. А нѣсколько времени тому назадъ два охотника-любителя отправились въ лѣсъ, пробродили цѣлый день и подъ вечеръ вдругъ наткнулись на двухъ тигровъ между деревьями. Разстояніе было невелико, но стрѣлять охотники все-таки не посмѣли и дали тиграмъ уйти съ миромъ, сами же пробираться домой побоялись, такъ какъ начало уже смеркаться, и всю ночь провели въ лѣсу у

*) Норвежское названіе горнаго пастбища.

Примѣч. перев.

ДУБОВЫЙ И БЕРЕЗОВЫЙ ЛѢСЪ БЛИЗЪ СТАНЦИИ БИРА (9 ОКТ.).

МОСТЪ ЧЕРЕЗЪ РѢЧКУ, НА ПРОѢЗЖЕЙ ДОРОГѢ, ВДОЛЬ ПОЛОТНА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ (9 ОКТ.).

РѢКА КАМЕНУШКА СРЕДИ ЛѢСОВЪ (9 ОКТ.).

костра, не смыкая глазъ отъ страха. Звѣри вѣдь могли втихомолку рыскать вокругъ нихъ. Ночь такимъ образомъ вышла не изъ пріятныхъ, и одинъ изъ охотниковъ съ тѣхъ поръ разъ навсегда закаялся ходить въ лѣсъ.

Меня лично, вопреки обилію всякой дичи и звѣря, тянуло здѣсь именно на зайца. Мѣстность была какъ-разъ такая, что обѣщала дивную охоту. Вообще хотѣлось бы имѣть въ своемъ распоряженіи лишнее время, чтобы углубиться въ эти лѣса, побывать у туземцевъ, пожить съ ними ихъ жизнью, поохотиться съ ними вмѣстѣ. Они прирожденные охотники и знаютъ, гдѣ водится дичь. Но намъ недосугъ было медлить; надо было ѣхать безъ перерывовъ, чтобы осмотрѣть весь этотъ желѣзнодорожный путь, извивающійся по лѣсамъ и болотамъ и открывающій дорогу такъ называемой культурѣ, которая понемногу очиститъ край и отъ лѣсовъ, и отъ туземцевъ, и отъ дичи.

Мы съ быстротой вѣтра помчались по подмерзшей кочковатой дорогѣ и въ первыя же 40 минутъ отмахали, несмотря на двѣ остановки, 24 версты съ лишкомъ.

Теперь мы очутились на восточномъ склонѣ горной страны, являющейся сѣвернымъ продолженіемъ Малаго Хингана. Желѣзная дорога прорѣзываетъ эту страну въ западномъ направленіи на протяженіи 140—180 верстъ и затѣмъ снова приближается къ большой равнинѣ. Въ сущности горная страна эта состоитъ изъ двухъ невысокихъ горныхъ хребтовъ съ заключеннымъ между ними плоскогоріемъ. Восточный изъ этихъ хребтовъ представляетъ прекрасныя лѣсныя угодья. Синеватые гребни и верхушки горъ перемежаются темными лѣсными долинами. Въ общемъ мѣстами большое сходство съ Норвегіей. Лѣсъ всюду хвойный, но часто ели смѣняются кедрами. Вообще здѣсь, какъ всюду въ Сибири, рѣдко увидишь настоящій старый лѣсъ,—больше все молоднякъ,—и не потому, что старый вырубленъ: чаще всего онъ просто выженъ неразумными людьми; лѣснымъ пожарамъ здѣсь конца нѣтъ, и слѣды

ихъ замѣтны повсюду. Растетъ же здѣсь лѣсъ медленно, по причинѣ суровыхъ и снѣжныхъ зимъ. Мѣстами попадаются большія равнины съ болотами, и на нихъ кое-гдѣ отдѣльныя лиственницы или бѣлыя березы; огромныя болотистыя равнины тянутся далеко на сѣверъ къ синимъ горамъ, и бѣлые стволы березъ сливаются вдали въ какую-то бѣлую пелену надъ болотами, уходящую въ синюю даль.

Дорога медленно идетъ въ гору, вверхъ по рѣкѣ Бирѣ, къ водораздѣлу между нею и рѣчкой Хинганъ, впадающей въ Амуръ. Сквозь самый высокій гребень здѣсь идетъ тунель длиною въ 1.300 метровъ. Но мы, еще не достигнувъ его, дѣлаемъ остановку для завтрака на станціи Кимканъ, у рѣчки того же названія (т.-е. Золотой), впадающей въ Биру. Станція лежитъ на высотѣ почти 260 метровъ надъ уровнемъ моря. Почва здѣсь нерѣдко промерзаетъ на глубину 8 метровъ и лѣтомъ оттаиваетъ на какой-нибудь метръ или около того, — т.-е. тамъ, гдѣ земля оставлена въ первобытномъ состояніи, —на воздѣланныхъ же поляхъ почва оттаиваетъ уже на 2 метра вглубь, а со временемъ, говорятъ, будетъ оттаивать и вся. На низинѣ подъ станціей обнаруженъ былъ подъ верхнимъ слоемъ мха, въ одинъ метръ толщины, пластъ торфа въ три метра, затѣмъ ледъ въ два метра, а подъ ледяною толщею опять торфъ, промерзшій до глубины 8 метровъ. На горномъ склонѣ надъ этой низиной почва суше и менѣе промерзаетъ, такъ что тамъ выращиваютъ картофель, овесъ и всевозможную зелень, даже красивые цвѣты и вдобавокъ кукурузу — въ саду. А всей этой культурѣ лишь годъ!

Горный гребень, сквозь который проходитъ туннель, сложенъ изъ порфирита, въ которомъ однако такъ много каолина, что на воздухѣ онъ быстро бѣлѣетъ и сверкаетъ издали, какъ мраморъ. Внутри туннель не промерзаетъ. Почва здѣсь вообще промерзаетъ зимою не болѣе, какъ до глубины двухъ метровъ отъ поверхности; глубже температура держится круглый годъ почти на нулѣ по Цель-

сію,—какъ сообщилъ нашъ инженеръ. Въ глубинѣ же туннеля, проходящаго приблизительно на 70 метровъ ниже поверхности гребня, температура была значительно выше; инженеръ утверждалъ, что не меньше +7° Ц. На этомъ участкѣ всюду порфиритъ, но дальше къ востоку, у рѣки Каменушки, оставленной нами позади, горной породой былъ слабый гнейсовый гранитъ, который быстро вывѣтривается. Къ западу отъ туннеля желѣзнодорожный путь снова идетъ подъ гору; здѣсь много глубокихъ долинъ и впадинъ, и для полотна сдѣланы высокія насыпи, до 25 метровъ высоты и больше, изъ гальки и гравія, вырытыхъ изъ дренажныхъ канавъ, — внушительныя инженерныя сооруженія!

Пятница, 10 октября. Подальше къ западу идетъ второй туннель, такъ называемый „Малый“, длиною всего въ 300 метровъ, и прорѣзавшій другой горный хребетъ, близъ станціи Облучекъ. И этотъ гребень изъ порфирита, но болѣе твердаго, содержащаго больше кварца. Самый туннель отличается тѣмъ, что гора всюду промерзаетъ до глубины 70 — 80 метровъ отъ поверхности. По открытіи туннеля температура внутри горы все-таки поднялась. Такъ, въ первую зиму на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ оказалось −8° Ц., и съ тѣхъ поръ температура все повышалась. Мы лично констатировали въ боковомъ коридорѣ, приблизительно на глубинѣ 40 метровъ, температуру въ −0,3° Ц., а на глубинѣ 60 метровъ—около −0,1° Ц. Въ другихъ мѣстахъ здѣсь подобныхъ температуръ не отмѣчено. Вообще почва въ этомъ районѣ не всегда промерзаетъ, а только зимою, и не болѣе, какъ на 2 метра въ глубину. Низкая же температура въ послѣднемъ туннелѣ вызвана, вѣроятно, тѣмъ, что гора сильно вывѣтрѣла, вездѣ трещины и провалы, длинные и глубокіе, часто глубже самого туннеля. Охлажденіе происходитъ отъ того, что въ эти трещины осѣдаетъ зимою тяжелый холодный воздухъ, сильно охлаждающій всю гору и замораживающій скопившуюся въ

трещинахъ воду. Лѣтнее же прогрѣваніе горы съ поверхности происходитъ медленно: теплый воздухъ, какъ болѣе легкій, не можетъ осѣдать вглубь трещинъ, и тамъ держится по-прежнему холодный зимній, во всякомъ случаѣ— въ несквозныхъ трещинахъ. Такимъ путемъ въ горѣ образуются какъ бы ледяные погреба, гдѣ температура и держится одинаковая лѣтомъ и зимою. Вывѣтрѣлая гора также является плохимъ проводникомъ внутренняго тепла изъ земныхъ нѣдръ. Подобныя же условія наблюдаются и въ Норвегіи въ заброшенныхъ, закрытыхъ и не вентилируемыхъ шахтахъ. Тамъ круглый годъ можно найти ледъ. Явленіе это старое, и имъ между прочимъ пользуются крестьяне въ Гардангерѣ для устройства домашнихъ „холодильниковъ“, т.-е. попросту ямъ, вырытыхъ въ каменистыхъ розсыпяхъ. Въ этихъ ямахъ все лѣто держится температура ниже нуля, и можно хранить въ нихъ съѣстные припасы. Обусловливается это холоднымъ воздухомъ, осѣдающимъ зимою въ глубину отверстій между камнями и замораживающимъ подпочвенную воду, тогда какъ теплый лѣтній воздухъ по легкости своей вглубь не попадаетъ.

Этотъ туннель, который мы прошли пѣшкомъ, былъ чудесно разукрашенъ морозомъ. Стѣны боковыхъ коридоровъ и трещинъ были всѣ въ инеѣ и сверкали при свѣтѣ нашихъ фонарей чистѣйшимъ бѣлымъ мраморомъ. Туннель еще не законченъ, и предстоитъ еще преодолѣть немало трудностей; при той температурѣ, какую имѣютъ стѣны, нельзя производить бетонныхъ работъ: приходится согрѣвать туннель; но, когда ледъ въ трещинахъ оттаетъ, не грозитъ ли это выпаденіемъ большихъ глыбъ, спаянныхъ со скалой только морозомъ? Вообще трудностей при такой работѣ не обобраться, и ихъ приходится принимать въ расчетъ, не дожидаясь катастрофъ.

Дальше къ западу горныя гряды стали постепенно подниматься, переходя въ волнистую, поросшую травой равнину, окруженную невысокими лѣсистыми вершинами. Въ

СГОРѢВШІЙ ЛѢСЪ БЛИЗЪ Р. КАМЕНУШКИ (9 ОКТ.)

ВООРУЖЕННЫЙ РУССКІЙ КРЕСТЬЯНИНЪ ВЪ ПОИСКАХЪ УКРАДЕННОЙ ЛОШАДИ (10 ОКТ.).

ЧЕРНАЯ И БѢЛАЯ БЕРЕЗА (10 ОКТ.).

БАЗАЛЬТОВЫЙ ХРЕБЕТЪ НА БУРЕИНСКОЙ РАВНИНѢ, КЪ ВОСТОКУ ОТЪ РѢКИ АРХАРЫ (11 ОКТ.).

одной изъ большихъ впадинъ расположилась казачья станица Эсауловка. Земля была здѣсь довольно хороша, и ее стоило бы вспахать, но казаки не настолько предпріимчивы и довольствуются сборомъ необходимаго количества сѣна для своихъ многочисленныхъ лошадей и небольшого числа коровъ. Мы видѣли на равнинѣ высокіе стога. Кромѣ того, казаки промышляютъ охотой.

Днемъ мы прибыли на станцію Кундуръ, гдѣ живетъ инженеръ Скугаревскій, занимающій уютный домикъ съ хорошенькимъ садомъ и площадкой для дѣтскихъ игръ, гдѣ водружены качели. И здѣсь въ прошломъ году было одно болото, въ которомъ восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ нѣмецкій инженеръ однажды завязъ вмѣстѣ съ лошадью. Теперь здѣсь растетъ морковь, свекла, картофель, томаты и даже дыни на открытомъ воздухѣ. Правда, вызрѣли всего двѣ, изъ которыхъ одну намъ и подали къ завтраку; столь малую удачу объяснили тѣмъ, что сѣмена были посѣяны слишкомъ поздно.

Послѣ обильнаго завтрака отправились дальше и стали постепенно подниматься къ самому длинному туннелю на всей линіи, проходящему сквозь западный отрогъ Малаго Хингана или, вѣрнѣе, самостоятельный хребетъ, возвышающійся нѣсколько западнѣе. Туннель, длиною въ 1.500 метровъ, пробитъ въ слюдяномъ сланцѣ. Пройдя одинъ километръ по туннелю, который еще не вполнѣ законченъ, мы перевалили черезъ хребетъ на автомобилѣ и помчались дальше еще быстрѣе прежняго. Колеи на дорогѣ замерзли, но мѣстами слегка оттаяли, и нашъ автомобиль швыряло изъ стороны въ сторону или высоко подкидывало кверху. Я съ минуты на минуту ждалъ, что насъ выброситъ на пни, и только выбиралъ себѣ пень, за который бы уцѣпиться. Но все сходило благополучно. Спустившись и проѣхавъ конецъ по ровной дорогѣ, мы опять должны были подыматься въ гору. Вдобавокъ понадобилось перемѣнить скорость, послѣ чего автомобиль вдругъ заупрямился. Моторъ

стучалъ и жужжалъ, а мы не двигались съ мѣста. Зубчатое колесо въ коробкѣ скоростей совсѣмъ стерлось. На починку нужно было часа четыре, и оставалось только дожидаться блиндированнаго автомобиля, ѣхавшаго позади. Ждали, ждали, а онъ все не показывался. На гребнѣ горы онъ слѣдовалъ какъ-разъ за нами, а теперь пропалъ. На дорогѣ показался верховой, котораго мы и попросили вернуться посмотрѣть—гдѣ автомобиль, да поторопить къ намъ на помощь экипажи съ лошадьми, которые тоже провожали насъ на всякій случай.

Наконецъ прибыла тройка; оказалось, что у блиндированнаго автомобиля сломалась рессора. Итакъ, оба автомобиля заразъ отказались служить; да и не диво по такой дорогѣ. Затѣмъ подоспѣла еще тройка, и мы продолжали путь на лошадяхъ, и тоже не тихо. Лошади мчались рысью или вскачь безостановочно, но мы уже избаловались, разъѣзжая по желѣзной дорогѣ и на автомобилѣ, такъ что ѣзда на лошадяхъ казалась намъ медленнымъ способомъ передвиженія, даже когда лошади неслись вскачь. Я ѣхалъ въ одномъ экипажѣ съ нѣмецкимъ инженеромъ, который строилъ всѣ эти туннели и имѣлъ уже большой опытъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ принималъ участіе въ сооруженіи большихъ туннелей въ Швейцаріи и въ другихъ мѣстахъ. Мы скоро обогнали того верхового, котораго посылали за лошадьми. Это былъ русскій, съ ружьемъ за спиной и мѣшками, перекинутыми черезъ сѣдло. Онъ съ ругательствами разсказалъ намъ, что ѣдетъ разыскивать свою лошадь, которую угналъ какой-то бродяга-спиртоносъ. На мой взглядъ, искать лошадь въ этихъ пустынныхъ краяхъ и безконечныхъ лѣсахъ было однако дѣломъ довольно безнадежнымъ.

Нѣмецкій инженеръ много разсказывалъ мнѣ о томъ, насколько небезопасно здѣсь на проѣзжихъ дорогахъ, и о спиртоносахъ, промышляющихъ тайною торговлею водкой, а также не брезгающихъ кражами и разбоемъ. Мѣсяца полтора тому назадъ близъ одного изъ туннелей былъ

средь бѣла дня застрѣленъ одинъ подрядчикъ. За нѣсколько дней до того, онъ, уѣзжая, проговорился, что по возвращеніи расплатится съ рабочими. Изъ этого вывели, что возвращаться онъ будетъ съ деньгами, подкараулили его и убили въ повозкѣ. Кучеръ не оказалъ никакого сопротивленія: не то былъ заодно съ грабителями, не то они ему пригрозили смертью,—во всякомъ случаѣ онъ убѣжалъ по-добру по-здорову. Подрядчикъ везъ съ собою три тысячи рублей во внутреннемъ грудномъ карманѣ жилетки и тысячу рублей въ наружномъ боковомъ. Эти послѣднія деньги разбойники нашли и присвоили, а остальныхъ не дали себѣ труда разыскать, торопясь скрыться въ лѣсу.

Возможно, что тѣ же самые разбойники черезъ день напали на двухъ рабочихъ на дорогѣ, близъ самаго поселка. Они знали, что одинъ изъ рабочихъ получилъ въ тотъ день жалованье, и ударили его камнемъ по головѣ, чтобы заставить сказать, гдѣ у него спрятаны деньги. Къ счастью, онъ за часъ до того успѣлъ кому-то передать деньги. Тутъ разбойники заслышали, что кто-то ѣдетъ по дорогѣ, извинились, что понапрасну напали, прыгнули въ телѣгу и ускакали.

Полтора года тому назадъ собрался отсюда обратно въ Россію одинъ мелкій купецъ съ женой, дѣтьми и скопленными деньгами. На прощальной пирушкѣ вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, онъ, вѣроятно, похвастался немножко нажитыми деньгами, и черезъ нѣсколько дней его и всю семью нашли на дорогѣ убитыми и ограбленными дочиста.

И почти никогда этихъ разбойниковъ не удается поймать, такъ какъ никто не осмѣливается выслѣдить ихъ. Если же кто вздумалъ бы, съ тѣмъ они бы живо раздѣлались. Однажды они средь бѣла дня на дорогѣ къ станціи, гдѣ всегда людно, застрѣлили одного изъ полицейскихъ, который особенно ретиво преслѣдовалъ тайную торговлю водкой и былъ особенно ненавидимъ спиртоносами.

На другое утро мы опять могли продолжать путь въ автомобилѣ. Горы мало-по-малу всѣ остались позади. Растетъ на равнинахъ главнымъ образомъ бѣлая и черная береза. Бѣлая береза стройна и изящна, съ тонкими вѣтвями; черная—толще, съ торчащими узловатыми сучьями, пышной кроной и часто скорѣе похожа на дубъ. Тамъ и сямъ попадаются между березами и настоящіе дубы, а на возвышенностяхъ чаще всего сплошной дубовый лѣсъ.

Послѣдній туннель въ этомъ районѣ находится у Ханукана и проходитъ сквозь гряду, верхній слой которой гравій, затѣмъ идетъ то мелкій песокъ съ глиной, то глина съ пескомъ поперемѣнно, неровными по толщинѣ слоями, измѣряемыми сантиметрами. Вѣроятно, это рѣчныя отложенія, и обѣ гряды, сложенныя изъ того же матеріала, идущія по обѣ стороны широкой и плоской долины къ западу отъ туннеля, повидимому, приблизительно одинаковой высоты. Возможно, что эти мощныя наслоенія отложились когда-то на днѣ огромнаго внутренняго озера, покрывавшаго всю Бурея-Зейскую равнину на западѣ, въ то время, когда Амуръ не успѣлъ еще прорыть себѣ столь глубокаго русла сквозь горы (Малый Хинганъ) къ востоку. И отлагались они близъ береговъ озера, при устьяхъ впадавшихъ въ него рѣкъ. Частая смѣна слоевъ объясняется разнокачественностью матеріаловъ, выносимыхъ теченіемъ рѣкъ, что̀ въ свою очередь зависитъ отъ осадковъ. Озеро исчезло послѣ того, какъ Амуръ прорылъ себѣ глубокое русло на востокъ, и съ теченіемъ времени отложенія эти были прорѣзаны потоками-рѣками, образовавшими плоскія широкія долины, которыя мы теперь видимъ, а такія гряды, какъ та, черезъ которую проведенъ туннель, остались. Въ отложеніяхъ этихъ найдены также прѣсноводныя ракушки.

XVIII. БУРЕЯ-ЗЕЙСКАЯ РАВНИНА ДО ЗАБАЙКАЛЬЯ.

Бурея-Зейская равнина.—Близъ Буреи.—Рѣзкія колебанія уровня водъ.—Крещеніе станціи.—Плодородность почвы и необходимость обработки.—Удивительное вліяніе морозовъ.—На Зею.—Новый городъ Алексѣевскъ.—Нагорье отъ Зейской равнины до Забайкалья.—Медленный подъемъ.—Лѣсъ.—Никакихъ признаковъ ледниковаго періода.—Переѣхали человѣка.—Станція Гондатти.—Непостоянство судебъ людскихъ.—Печальная область.—Буря и лѣсной пожаръ.—Талданъ.—Ключъ и замерзшая земля.—Происхожденіе ледниковаго покрова земли.—Лѣсныя тюрьмы.—Печальная, но золотоносная страна.—Нюкжа.—Земледѣліе и скотоводство.—Бурея и лѣсной пожаръ.—Обрушившійся съ моста поѣздъ.—Черезъ границу Забайкалья.—Амазаръ.—Арестанты и тюрьмы.—Высшій пунктъ Амурской желѣзной дороги.—Богатѣйшіе золотые пріиски.—Допущеніе китайцевъ.—Черный и Бѣлый Урюмъ.

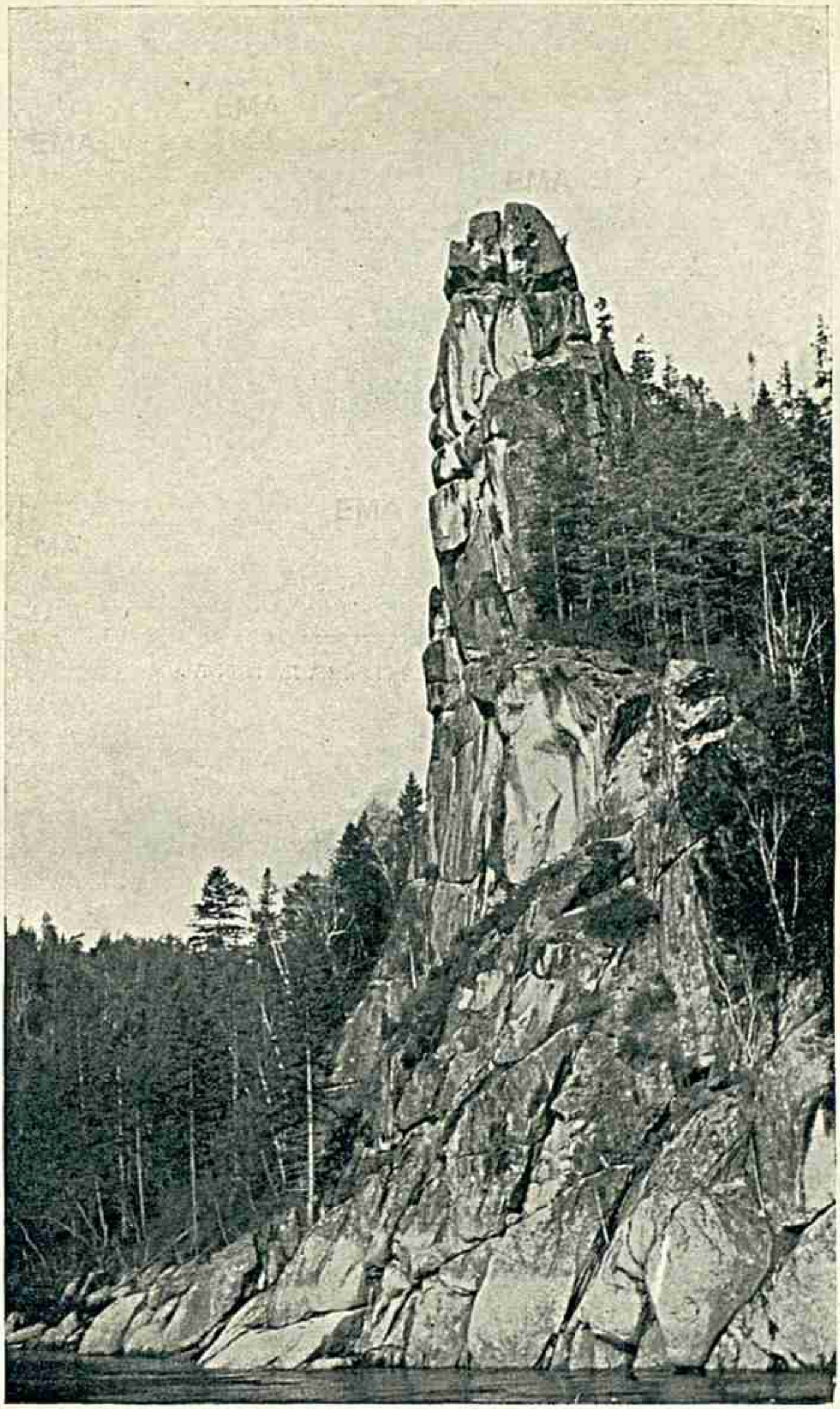
БУРЕЯ-ЗЕЙСКАЯ РАВНИНА.

Еще конецъ дороги проѣхали по волнистымъ холмамъ, но они становились все ниже. И вдругъ мы очутились на послѣднемъ гребнѣ, и передъ нами раскинулась огромная плоская Амурская равнина, простирающаяся къ сѣверо-западу, насколько хватаетъ глазъ, и къ сѣверу вплоть до горъ, синѣющихъ по другую сторону Амура, въ Китаѣ. Это Бурея-Зейская равнина; желѣзнодорожный путь прорѣзываетъ ее въ сѣверо-западномъ направленіи на протяженіи приблизительно 225 верстъ, мимо рѣки Зеи. Часъ за часомъ ѣхали мы мимо воздѣланныхъ полей; многіе

участки были засѣяны пшеницей; земля здѣсь хорошая, удобная. Потомъ впереди выросла гора или круглая базальтовая скала, одиноко возвышающаяся посреди плоской равнины. Базальтъ выперло въ трещину въ земной корѣ, и въ этой небольшой скалѣ находится каменоломня, гдѣ берутъ камень для туннельныхъ работъ у Ханукана. Говорятъ, что камень твердый, хорошій.

Послѣ обѣда мы достигли Буреи, большого притока Амура. Здѣсь приходилось разстаться съ автомобилемъ и переплыть рѣку на лодкѣ. Мостъ, длиною въ 550 метровъ, долженъ быть готовъ въ будущемъ году, но мы видѣли только вырытыя въ пескѣ ямы для первыхъ устоевъ. Здѣсь находится большой городъ, очень многолюдный и оживленный, съ рядами лавокъ и ларей, а полгода тому назадъ врядъ ли былъ тутъ хоть одинъ домишка.

Вечеромъ, на закатѣ, мы совершили прогулку вдоль рѣки по большой вѣткѣ, ведущей къ каменоломнѣ. Дорога была очень красива, съ высокими горными грядами по обѣ стороны и пышной растительностью. Послѣ огненнаго заката небо освѣтилось луной, и мы вернулись назадъ уже совсѣмъ ночью. Берега этой рѣки изобилуютъ золотомъ, но она часто течетъ въ ущельяхъ между отвѣсными скалистыми стѣнами по дикой странѣ. Неподалеку отсюда есть высокій утесъ, круто падающій въ воду. Говорятъ, что у подошвы его недавно потерпѣла крушеніе лодка съ нѣсколькими золотоискателями. Быстрымъ теченіемъ лодку нанесло на утесъ и разбило. Люди спаслись на берегъ, но, потерявъ все снаряженіе и съѣстные припасы, лишены были возможности выбраться отсюда: болотистая тайга здѣсь непроходима. Въ концѣ концовъ они умерли съ голоду, но сначала все-таки вскарабкались на самую высокую вершину утеса, чтобы высмотрѣть—нельзя ли откуда-нибудь получить помощь, и выцарапали на утесѣ сообщеніе о найденномъ ими подальше въ горахъ золотомъ богатствѣ. Никто однако до сихъ поръ не нашелъ этого золота.

ГОРНЫЙ УТЕСЪ НА Р. БУРЕѢ, ГДѢ ПОГИБЛИ ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ.

СТАНЦІЯ НАНСЕНА НА АМУРСКОЙ Ж. Д. (12 ОКТ.).

ОБРАТНЫЯ ТЕЛѢГИ (12 ОКТ.). Лошади пугаются нашего автомобиля.

Я былъ въ ту ночь гостемъ инженера Барковскаго и его любезной супруги. Барковскій будетъ строить мостъ черезъ Бурею и показалъ мнѣ интересную таблицу уровня воды въ этой рѣкѣ. Послѣ большихъ дождей вода въ горахъ прибываетъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на два-три метра; притомъ это совершается настолько внезапно, что вода можетъ надѣлать большихъ бѣдъ. Въ апрѣлѣ нынѣшняго года вода поднялась въ теченіе двухъ-трехъ дней почти на семь метровъ, но затѣмъ снова спала еще быстрѣе. Ясно, что при такихъ условіяхъ сооруженіе моста дѣло не легкое и должно производиться главнымъ образомъ зимою, когда вода въ рѣкѣ остается на одномъ уровнѣ и когда вдобавокъ дѣлу помогаетъ морозъ. Рѣка съ такими приливами и бурнымъ теченіемъ, разумѣется, энергично роетъ себѣ русло и пробивается сквозь самыя узкія ущелья.

Воскресенье, 12 октября. Теперь мы уже настолько подвинулись къ западу, что достигли почти готовой желѣзнодорожной линіи, во всякомъ случаѣ готовой настолько, что мы могли мѣстами пользоваться поѣздомъ. Такъ, отъ Буреи мы проѣхали порядочный конецъ по желѣзной дорогѣ; затѣмъ рельсовый путь прервался,—не успѣли проложить его за недостаткомъ рельсовъ,—и мы снова покатили по равнинѣ на автомобилѣ, а на слѣдующей станціи опять сѣли въ поѣздъ. Тамъ же распростились мы съ нашими любезными буреинскими хозяевами. Прощаніе, происходившее въ купэ, вышло очень торжественнымъ: собрались всѣ инженеры, и главный инженеръ Буреинскаго участка Альфредъ Августовичъ Кларе обратился ко мнѣ по-нѣмецки съ рѣчью, въ которой говорилось, что вотъ-де я проѣхалъ по Пріамурью, осмотрѣлъ строящуюся желѣзную дорогу, познакомился съ обширною областью и добрался уже до пункта, откуда начинается настоящій рельсовый путь безъ перерывовъ,—за исключеніемъ двухъ-трехъ мостовъ,—и откуда я, слѣдовательно, гладко домчусь

до самаго Петрограда. Въ ознаменованіе же такового моего путешествія имъ угодно назвать эту самую станцію моимъ именемъ! Это было полнѣйшимъ сюрпризомъ для меня, и я могъ только отъ всего сердца поблагодарить за столь великую неожиданную честь. Станція была небольшая, чистенькая, расположенная на равнинѣ, въ плодородномъ и отчасти воздѣланномъ районѣ.

Итакъ, мы снова двинулись дальше въ поѣздѣ. Часто видѣли поля съ пшеницей, тянувшіяся до самаго горизонта. Количество сжатыхъ сноповъ свидѣтельствуетъ о томъ, что земля тутъ хорошая, плодородная, и позволяетъ судить о томъ, чего можно ожидать отъ этой области въ будущемъ. Видѣли мы по пути и немало деревень, но разстоянія между ними были большія, а поля лежали иногда въ 5—6 верстахъ отъ деревни. Вотъ, значитъ, какую даль приходится людямъ ходить утромъ на полевыя работы и возвращаться съ работъ вечеромъ; на взглядъ посторонняго, это прямо безсмысленная трата силъ. Но возможно, что здѣшніе жители считаютъ болѣе безопаснымъ селиться кучками, чѣмъ вразбросъ среди пустой равнины. Во всякомъ случаѣ одинокія жилища попадались намъ на глаза очень рѣдко.

Инженеры указали мнѣ на замѣчательный примѣръ того, что̀ можетъ сдѣлать зимою морозъ. Строился новый мостъ на деревянныхъ сваяхъ, которыя забивались въ илъ; мѣсто оказалось глубокимъ и потребовалось надставить сваи. Но, когда инженеры вновь пріѣхали на мѣсто весною, мостъ оказался выпертымъ и перекорobленнымъ. Сваи поднялись на 31 сантиметръ. Когда ихъ вырыли, обнаружилось, что между концами свай и надставками намерзъ ледъ, который и раздвинулъ концы бревенъ, а затѣмъ на нихъ наросли ледяные столбы такого же діаметра, какъ сами сваи, и въ 31 сантиметръ высотой. Дѣло въ томъ, что, вѣроятно, надставки были пригнаны не совсѣмъ плотно, въ скважины просочилась вода и, замерзая, расширилась,

выперла болты и нѣсколько раздвинула концы бревенъ. При дальнѣйшемъ охлажденіи ледъ сжался, образовались новыя скважины, куда опять могла просочиться вода, снова замерзнуть и еще больше раздвинуть бревна; затѣмъ при дальнѣйшемъ охлажденіи снова сжаться, образовать новыя скважины и т. д.

Мы свернули съ главнаго пути на боковой, ведущій на Благовѣщенскъ. Это самый большой городъ Пріамурья и лежитъ на устьѣ Зеи. До самаго города мы не доѣхали: намъ нужно было только взглянуть на мостъ, строящійся черезъ Зею близъ города. По дорогѣ туда загорѣлся нашъ вагонъ отъ дождя искръ изъ трубы паровоза, отапливаемаго березовыми дровами. Пришлось ломать стѣнки, чтобы залить огонь между двойною обшивкой.

Наконецъ достигли широкой, красивой Зеи. Солнце какъ-разъ садилось, когда мы взошли на рѣчной пароходъ, построенный здѣсь, въ Благовѣщенскѣ. Западный горизонтъ пылалъ, какъ въ огнѣ, но сумракъ все густѣлъ, и блѣдный мѣсяцъ на востокѣ все разгорался, да электрическіе фонари на мостовыхъ устояхъ мерцали на фонѣ темнѣвшаго неба и бросали на воду свѣтовыя полосы. Вечеръ былъ чудесный—теплый, мягкій, будто лѣтній.

На пароходѣ мы должны были подняться вверхъ по рѣкѣ до станціи главной линіи. Но предварительно надо было запастись дровами. Движеніе здѣсь, видимо, большое. За короткое время, что̀ мы стояли у пристани, мимо пробѣжало по крайней мѣрѣ три большихъ парохода, два внизъ и одинъ вверхъ по рѣкѣ, таща за собою тяжелую баржу. Клубы дыма изъ трубы, отраженія сигнальныхъ огней и освѣщенныхъ иллюминаторовъ создавали фантастическую картину и рѣзкій контрастъ съ недавно покинутымъ нами необитаемымъ пространствомъ; мы, словно по волшебству, перенеслись изъ пустыни въ центръ кипучей жизни. Капитанъ сказалъ намъ, что по Амуру и его притокамъ ходитъ до трехсотъ пароходовъ.

Эту часть пути съ нами ѣдетъ большой говорунъ, желѣзнодорожный докторъ Гусаковскій, безъ умолку разсказывающій разныя разности о здѣшней жизни. Къ сожалѣнію, я ни слова не понималъ по-русски, а онъ знаетъ всего съ десятокъ не-русскихъ словъ, такъ что бесѣды у насъ выходятъ преоригинальныя. Знакомя меня со старымъ капитаномъ, онъ сказалъ: „Altus mare lupus“. Онъ былъ правъ: капитанъ былъ дѣйствительно „старый морской волкъ“—финнъ, плававшій по Амуру 17 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ привелъ сюда изъ Финляндіи первые пароходы. Но этотъ прѣсноводный фарватеръ уже надоѣлъ ему, его тянуло на настоящееe соленое море, и онъ собирался въ скоромъ времени уѣхать къ себѣ, въ Финляндію.

Фарватеръ былъ хорошо обозначенъ: на западномъ берегу горѣли по ночамъ красные сигналы, на восточномъ—бѣлые; кромѣ того, были проставлены знаки, хорошо замѣтные днемъ. Да иначе и нельзя: теченіе страшно извилистое и масса песчаныхъ мелей, которыя неожиданно появлялись у насъ то съ праваго борта, то съ лѣваго; въ концѣ концовъ стало почти невозможно держаться надлежащаго курса. Судно безпрестанно задѣвало за дно, и приходилось уклоняться отъ курса то вправо, то влѣво. Еще хуже, кажется, мѣшала мертвая зыбь, которая шла за нами поперекъ отъ кормы черезъ всѣ мели и разбивалась около насъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глубина была меньше 6 футовъ. Осадка самого парохода была всего $2^1/_4$ фута. Эта мертвая зыбь здѣсь до извѣстной степени соотвѣтствуетъ мертвой зыби въ морѣ. Но здѣсь судно оставляетъ за собой большую верхнюю волну надъ мелью, тогда какъ въ морѣ волна образуется въ соленой водѣ подъ верхнимъ прѣсноводнымъ теченіемъ; здѣсь, на рѣкѣ, эта зыбь и не замедляетъ хода судна. Возможно также, что нижніе слои прѣсной воды отягчаетъ масса песку, поднятаго со дна движеніемъ пароходнаго винта, и такимъ образомъ подъ верхними слоями образуется настоящая мертвая зыбь. Но

вообще мы идемъ слишкомъ скоро, чтобы такія волны могли особенно задерживать ходъ судна.

Ночь была дивная, лунная, но фарватеръ мелкій и трудный. Когда мы сидѣли за ужиномъ, судно вдругъ накренилось, и мы почувствовали толчокъ. Пароходъ задѣлъ днищемъ за дно русла, но благополучно сошелъ съ мели.

Понедѣльникъ, 13 октября. Ночью, часовъ около двухъ, мы опять сѣли на мель и просидѣли нѣсколько часовъ. Вообще однако здѣшнимъ пароходамъ не особенно трудно сниматься съ мели при помощи особыхъ козелъ, которыя ставятся на мель впереди судна, на козлы водружается лебедка, и носъ судна приподнимается на блокѣ въ то время, какъ судну дается задній ходъ.

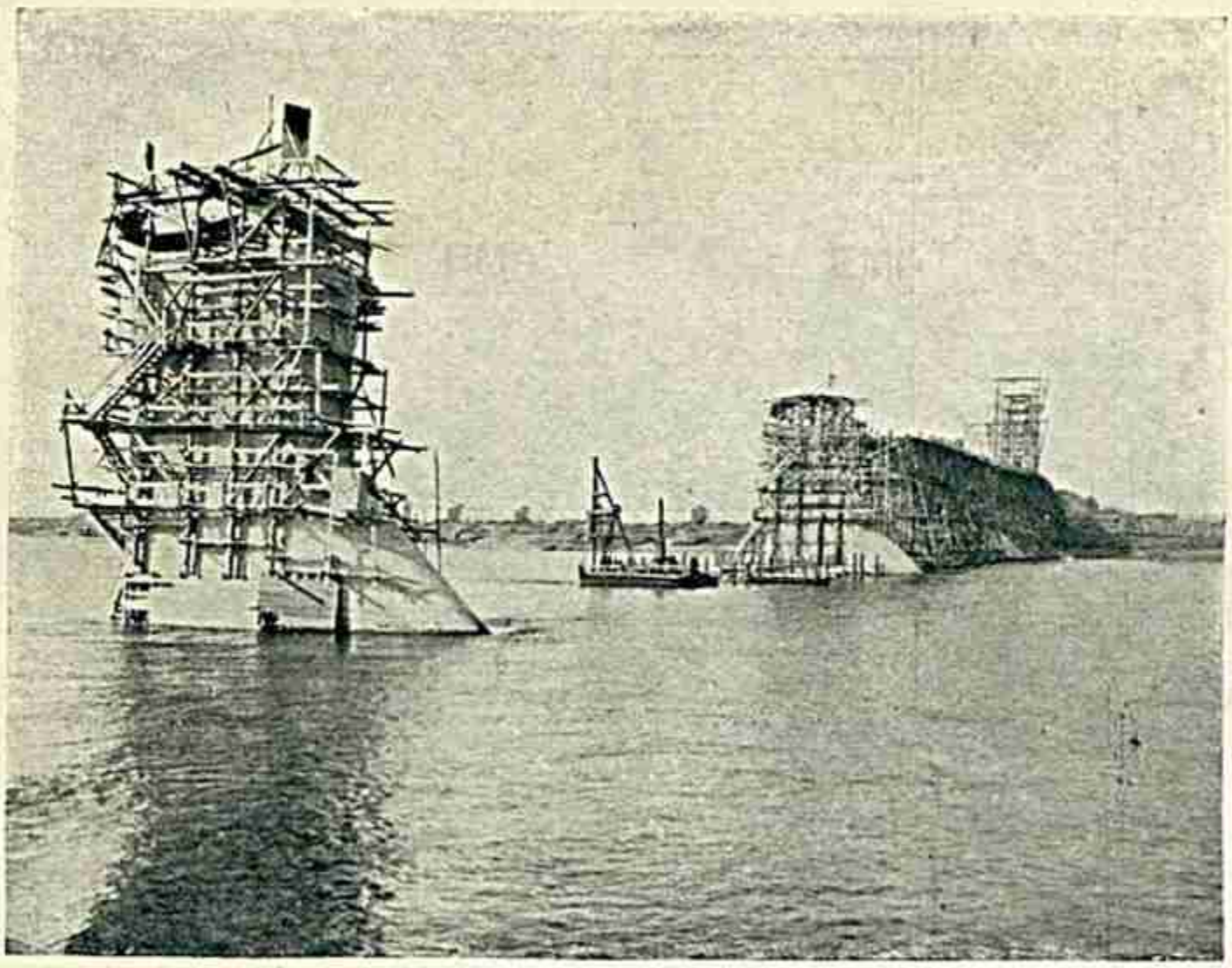
Утромъ наблюдали чудесный солнечный восходъ надъ Зеей, извивавшейся лентой по плоской равнинѣ. И здѣсь повторилась знакомая картина: правый западный берегъ выше и круче лѣваго восточнаго, совсѣмъ плоскаго. Откосы западной стороны поросли лѣсомъ, по большей части сосною, смѣшанной съ березой. Капитанъ говоритъ, что эта сибирская сосна даетъ отличныя дрова, но какъ строительный матеріалъ—плоха: легко трескается. И тутъ лѣсъ довольно малорослый, жидкій, съ большими плѣшинами, отчасти результатами хищнической вырубки, отчасти лѣсныхъ пожаровъ.

Мы ѣдемъ по богатой золотоносной рѣкѣ. Здѣсь повсюду золотой песокъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно, по разсказамъ Гусаковскаго, простою промывкою добыть золота на 3—4 рубля въ день. Но обыкновенно добыча настолько мала, что еле-еле можно прокормиться. Позже днемъ, повыше на рѣкѣ, близъ Алексѣевска, мы видѣли на берегу людей, занятыхъ промывкой песку. Попадались и деревни, на видъ зажиточныя. Въ этихъ районахъ, вдоль рѣки, давно живутъ люди; должно-быть, первые осѣли здѣсь китайцы.

Затѣмъ мы подошли къ недавно заложенному городу

Алексѣевску, около котораго черезъ Зею перекинутъ мостъ. Еще издали завидѣли мы освѣщенные солнцемъ высокіе мостовые устои на плоской землѣ. Обогнали пароходъ, везшій на буксирѣ баржу, затѣмъ другой и миновали землечерпательную машину. Опять вокругъ насъ кипѣли жизнь и движеніе. Кромѣ того, видѣли на рѣкѣ плывшій внизъ по теченію большой бревенчатый плотъ; на немъ были люди, лошади и разный домашній скарбъ, необходимый для обихода на плоту во время плаванія. Это старый способъ сообщенія по рѣкѣ въ здѣшнихъ краяхъ. Пароходы, желѣзная дорога, землечерпалка — все это принадлежитъ новому времени. Устои были съ виду вполнѣ готовы. Близъ моста ходитъ удивительный паромъ, приводимый въ движеніе лошадью, которая вертитъ воротъ. При насъ паромъ былъ переполненъ людьми.

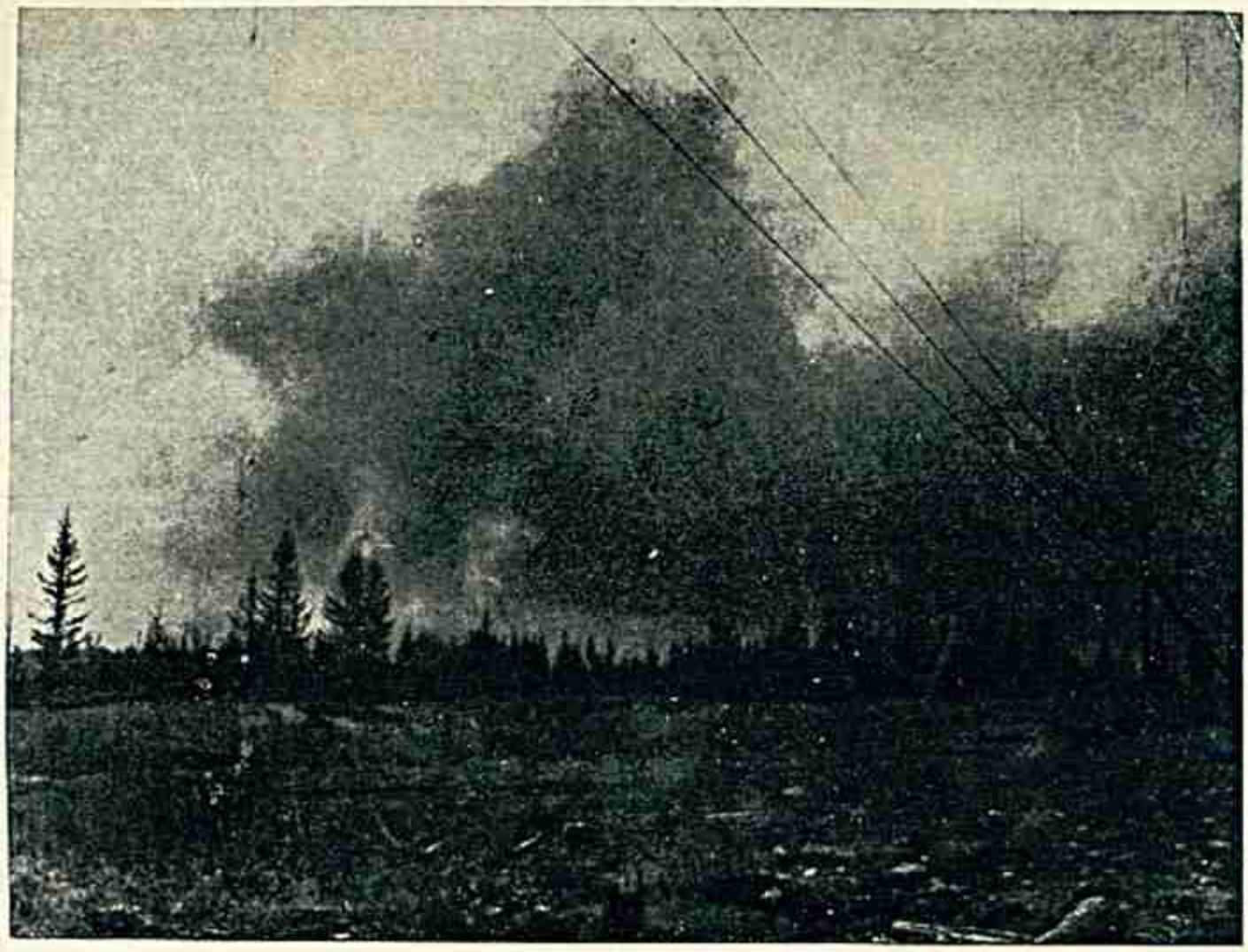
Въ этомъ новомъ большомъ городѣ, названномъ въ честь русскаго Наслѣдника Престола, будетъ находиться Главное Управленіе Амурской желѣзной дороги. Мы поднялись посмотрѣть на равнину, гдѣ будутъ расположены всѣ зданія. Пока выстроенъ всего одинъ домъ, и, замѣчательно, какъ-разъ сиротскій домъ, для дѣтей умершихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Мы осмотрѣли самый домъ, съ просторными комнатами и большими окнами. У дѣтей не будетъ, такимъ образомъ, недостатка ни въ воздухѣ ни въ свѣтѣ. Пока дѣтей находилось въ пріютѣ трое. Первыми поступили около Пасхи нынѣшняго года двѣ дѣвочки. Отецъ ихъ, рабочій, убилъ свою жену и мать дѣтей,—вѣроятно, въ пьяномъ видѣ. Старшая дѣвочка, семи лѣтъ, вошла въ моментъ убійства и застала мать еще живою, а отца съ топоромъ въ рукахъ, которымъ онъ разрубилъ ей голову. Дочь обо всемъ и разсказала впослѣдствіи. Что за ужасъ, какое неизгладимое впечатлѣніе на мягкую дѣтскую душу! Отца посадили въ тюрьму и, вѣроятно, присудятъ къ каторгѣ. Третій питомецъ былъ мальчикъ трехъ лѣтъ, искалѣченный англійскою болѣзнью настолько, что почти не могъ

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЙ МОСТЪ ЧЕРЕЗЪ ЗЕЮ У АЛЕКСѢЕВСКА (18 ОКТ.)

ПАРОМЪ НА ЗЕѢ (31 ОКТ.).

ЛѢСНОЙ ПОЖАРЪ ВЪ ПРІАМУРЬѢ.

БУРЕЛОМЪ ВЪ ПРІАМУРЬѢ.

ходить. Мать его умерла, отецъ пьянствовалъ. Годъ тому назадъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ домъ, былъ болотистый пустырь. А еще черезъ годъ здѣсь вырастетъ цѣлый городъ изъ зданій, принадлежащихъ желѣзной дорогѣ.

Мы отправились дальше, къ самому городу, заложенному годъ назадъ. Тогда здѣсь не было ни одной хижины, теперь проложены широкія улицы, обозначены кварталы, намѣчены бульвары и разбитъ большой паркъ. Но домовъ еще мало. Мы посѣтили школу, гдѣ училось уже 250 дѣтей рабочихъ, такъ что пришлось ихъ раздѣлить на двѣ смѣны: одна учится по утрамъ, другая послѣ полудня. Школа трехклассная. Дѣти на видъ крѣпкія, здоровыя. Мѣстоположеніе города хорошее, на ровной песчаной возвышенности. Но до рѣки порядочное разстояніе, и это невыгодно для торговаго сообщенія.

Лучшая пристань тоже находится за городомъ, внизъ по рѣкѣ, гдѣ берегъ пониже; зато тамъ мѣстность не такая здоровая, поэтому для города выбрали мѣсто повыше.

ГОРНАЯ СТРАНА МЕЖДУ БУРЕЯ-ЗЕЙСКОЙ РАВНИНОЙ И ЗАБАЙКАЛЬЕМЪ.

Отъ Алексѣевска желѣзная дорога идетъ дальше къ сѣверо-западу, почти посрединѣ между двумя рѣками: Амуромъ съ одной стороны и Зеей съ другой. Верхнее теченіе послѣдней почти параллельно Амуру и лишь нѣсколько сѣверо-восточнѣе Алексѣевска дѣлаетъ крутой поворотъ и направляется къ юго-западу. Желѣзнодорожное полотно идетъ по гребню плоскогорья, образующему водораздѣлъ между двумя рѣками, и подымается постепенно. Сначала идетъ большая волнистая равнина; станція Гондатти, расположенная на этой равнинѣ, почти въ 94 верстахъ отъ Алексѣевска, находится на высотѣ 282 метровъ надъ уровнемъ моря. Дальше равнина, понемногу все повышаясь, переходитъ въ горную область, и желѣзнодорожное по-

лотно за станціей Керакъ оказывается уже на высотѣ 680 метровъ, гдѣ находится водораздѣлъ между истоками Зеи и маленькой рѣки, тоже впадающей въ Амуръ. Затѣмъ желѣзная дорога проходитъ по горной странѣ на различныхъ высотахъ, пока не достигаетъ границъ Забайкалья, гдѣ подымается еще выше.

Лѣсъ на всѣхъ этихъ участкахъ довольно жидкій, и тѣмъ жиже, чѣмъ выше лежитъ участокъ. Состоитъ лѣсъ по большей части изъ лиственницы, съ большой примѣсью березы; кое-гдѣ растутъ сосны и ели. Деревья не крупныя, такъ какъ зима здѣсь суровая и малоснѣжная, отчего почва промерзаетъ глубоко и медленно оттаиваетъ, а на большихъ высотахъ и совсѣмъ не оттаиваетъ. За станціей Гондатти, на высотѣ метровъ 300, лѣсъ растетъ такой, что хвойныя деревья едва ли годились бы даже на телеграфные столбы, и растутъ они по обыкновенію негусто. На высотѣ 600—700 метровъ лѣсъ еще больше мельчаетъ, такъ какъ растетъ еще медленнѣе: деревьямъ сантиметровъ двадцати съ чѣмъ-то въ обхватѣ—лѣтъ по 120. Здѣшнія горы—невысокія волнистыя гряды—раздѣлены большими плоскогоріями и болотами безъ всякой древесной растительности или же поросшими рѣдкими лиственницами и березами. Мѣстами, впрочемъ, горы дѣлаютъ слабыя попытки вырасти повыше, образовать дерзко выдающуюся изъ длинной ровно-волнистой линіи вершину.

Замѣчательно, что и здѣсь не замѣтно признаковъ ледниковаго періода. Верхушки и склоны не имѣютъ типичныхъ скругленныхъ льдомъ формъ; и гребни и долины почти всюду носятъ ясный характеръ водныхъ отложеній. Нигдѣ также не увидишь здѣсь сглаженнаго движеніемъ льдовъ плоскогорія. Самое же главное доказательство—эти высокіе, острые, скалистые и сильно вывѣтрѣлые гребни не могли бы уцѣлѣть, если бы здѣсь, сравнительно недавно въ геологическомъ смыслѣ, господствовалъ ледниковый періодъ. А, судя по нѣкоторымъ удивительнымъ результатамъ процесса

вывѣтриванія, эти скалистые гребни очень древняго происхожденія.

Послѣ обѣда поѣздъ нашъ вдругъ остановился среди поля. Что̀ случилось? Оказалось, что мы переѣхали человѣка. Кто говорилъ, что онъ шелъ навстрѣчу поѣзду; кто утверждалъ, что онъ пытался перебѣжать черезъ рельсы передъ самымъ локомотивомъ. Пьянъ, что ли, былъ? Никто не зналъ. Другіе рабочіе, находившіеся неподалеку, не видѣли, какъ онъ подошелъ. Бѣдняга, благообразный, рослый и сильный на видъ парень, лежалъ безъ чувствъ съ отрѣзанной по колѣно ногой и двумя проломами черепа. Докторъ наложилъ повязку на ногу, чтобы остановить кровь, забинтовалъ голову, но сказалъ, что поврежденія смертельны. Рука, безсильно свѣсившаяся съ бревна, на которомъ лежалъ несчастный, посинѣла и закоченѣла; пульса не было, но дыханіе еще не прекратилось. Кругомъ столпилось много рабочихъ, нѣкоторые помогали доктору. Были въ толпѣ и женщины, но никто не плакалъ, не охалъ, и вообще всѣ вели себя, какъ-будто ничего особеннаго не случилось. Неужели у этого бѣдняги не было здѣсь ни одного друга? Подальше на рельсахъ я замѣтилъ сапогъ, въ которомъ такъ и осталась отрѣзанная нога; возлѣ валялись клочья мяса. Пострадавшаго положили на носилки и унесли въ вагонъ; кто-то изъ рабочихъ принесъ и отрѣзанную ногу, которую положили туда же. Затѣмъ паровозъ далъ свистокъ, и мы тронулись. Вскорѣ въ купэ возобновились разговоры и смѣхъ. А человѣкъ вечеромъ умеръ. Въ лѣсу стояла глубокая, тихая лунная ночь.

Вторникъ, 14 октября. На станціи Гондатти, гдѣ мы ночевали, мы видѣли всевозможныя овощи—крупную капусту, кочанную и цвѣтную, морковь, свеклу, кольраби, томаты и пр.,—все крупное, сочное, выращенное за короткое лѣто, на зло длинной, холодной, снѣжной зимѣ. Земля здѣсь тучная, лѣто жаркое, вотъ и удается выращивать овощи, хотя почва во многихъ мѣстахъ на извѣстной глубинѣ уже

мерзлая. Для зерновыхъ же посѣвовъ лѣто, видно, коротко. Близъ одной изъ станцій, подальше и повыше, сдѣлана была въ этомъ году попытка посѣять овесъ, но онъ не вызрѣлъ; правда, его и посѣяли, говорятъ, слишкомъ поздно. Вообще на этой равнинѣ суровый климатъ: зима ранняя, весна поздняя, и лѣто слишкомъ коротко для зернового хлѣба.

Удивительная страна! Здѣсь къ намъ присоединился очень образованный и симпатичный инженеръ, разсказывавшій и разспрашивавшій обо всемъ съ большимъ интересомъ. Онъ былъ на видъ совсѣмъ еще молодъ, но волосы у него были совершенно сѣдые. Оказалось, что въ 1905 году его чуть не повѣсили въ Ташкентѣ, гдѣ во время революціи была объявлена республика. Бѣднягу притянули къ суду, какъ одного изъ зачинщиковъ, и военный судъ присудилъ его къ смертной казни. Друзьямъ съ большимъ трудомъ удалось доказать его невинность и освободить его, но отъ пережитыхъ волненій онъ посѣдѣлъ раньше времени. Инженеръ онъ очень знающій, дѣльный и служитъ теперь на здѣшней дорогѣ.

Остановились на большой станціи. Тамъ разгуливалъ взадъ и впередъ вытянутый въ струнку тюремный смотритель въ хорошо вычищенномъ мундирѣ и блестящихъ сапогахъ, настоящій франтъ и большой говорунъ. Три дня назадъ онъ какимъ-то чудомъ спасся при крушеніи поѣзда на ближайшемъ мосту.

Мѣстность, по которой мы ѣдемъ теперь, скучная; конца не видать рѣденькому и все мельчающему лѣсу изъ березъ и лиственницъ. Печальная природа! А впереди вдобавокъ долгая, печальная снѣжная зима. Но и эта печальная природа хорошѣетъ весною, когда береза распускается и лиственница зеленѣетъ свѣжею хвоей. Впрочемъ, гдѣ же не хороша весна съ ея свѣжей молоденькой зеленью и большими обѣщаніями? Мнѣ даже кажется, что здѣсь, среди этихъ стройныхъ бѣлыхъ березъ, весна должна быть

еще красивѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и сулить еще больше, хотя ея посулы никогда и не сбываются.

На большихъ протяженіяхъ виднѣются высокіе стволы березъ, лишенные вѣтвей, съ обломанными на одной и той же высотѣ верхушками. Убилъ ли эти деревья жаръ отъ выжигаемой травы? Или, можетъ-быть, промерзлая почва? А затѣмъ буря обломала засохшія верхушки на одинаковой высотѣ? Попался и такой участокъ лѣса, гдѣ всѣ березы цѣликомъ были повалены бурей. Это, пожалуй, еще болѣе печальная картина. Докторъ разсказалъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ проѣзжалъ по этимъ же мѣстамъ на лошадяхъ въ страшную бурю и самъ видѣлъ, какъ вырывало съ корнемъ, ломало и разметывало березы. Иногда буря валитъ лѣса на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Разсказывалъ онъ также о лѣсныхъ пожарахъ, какъ они иной разъ свирѣпствуютъ. Два года назадъ докторъ съ дочерью инженера Вурцеля, служившей врачомъ въ Благовѣщенскѣ, проѣзжали тутъ на тройкѣ и на перегонѣ между Благовѣщенскомъ и Алексѣевскомъ видѣли пожаръ въ дубовомъ лѣсу. Горѣла только сухая листва, а деревья оставались стоять, и огонь бѣжалъ отъ дерева къ дереву съ быстротой 9 верстъ въ часъ. Путешественники спаслись, заѣхавъ съ лошадьми въ болото, гдѣ и выждали, пока огонь пронесся мимо со свистомъ и трескомъ. Длилось это всего нѣсколько минутъ, но они чуть не задохлись отъ дыма.

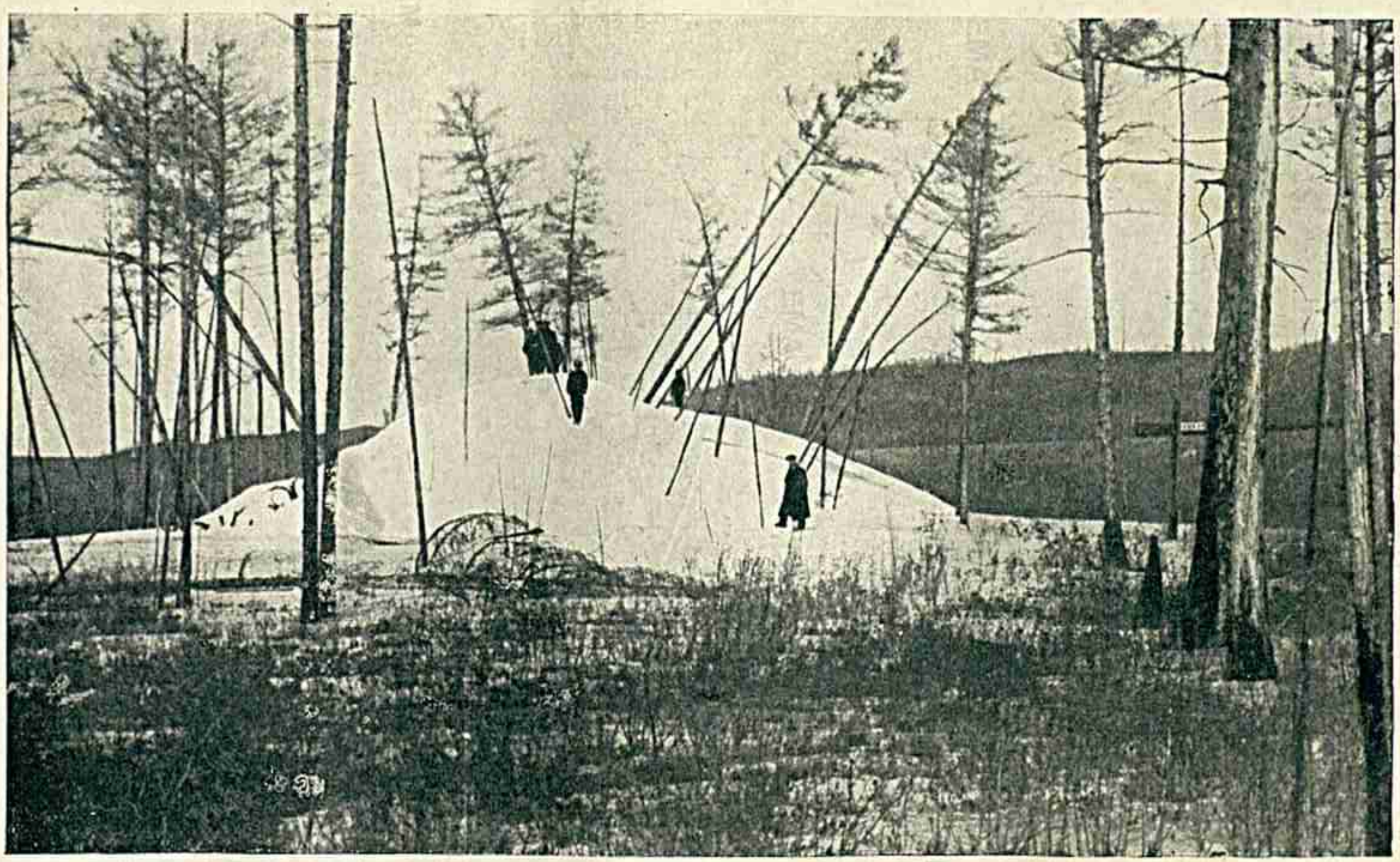
Вечеромъ мы пріѣхали на станцію Талданъ, гдѣ предстояло переночевать. Тутъ мы были уже на высотѣ 446 метровъ надъ уровнемъ моря, тогда какъ станція Гондатти, съ которой мы выѣхали сегодня утромъ, находилась еще на высотѣ 282 метровъ. Ландшафтъ пустынный и безрадостный, несмотря на лунное сіяніе. Мы съ докторомъ, не обращая вниманія на рѣзкій вѣтеръ, пошли прогуляться при свѣтѣ луны. Около станціи цѣлый городъ, съ почти тысячнымъ населеніемъ, состоящимъ сплошь изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ: ряды новыхъ деревян-

ныхъ домовъ образуютъ нѣсколько улицъ; все это возникло въ какой-нибудь годъ или два, чтобы со временемъ опять исчезнуть совсѣмъ или наполовину. Мы побывали въ клубѣ: на всѣхъ такихъ станціяхъ имѣются свои клубы. Клубъ занималъ нѣсколько просторныхъ комнатъ: имѣлся билліардъ и театральная зала, гдѣ устраивались спектакли, концерты, кинематографическіе сеансы, танцовальные вечера и чтенія. Побывали мы также въ гостяхъ у одного инженера. Никто здѣсь не говорилъ ни на какомъ другомъ языкѣ кромѣ русскаго, и бесѣда шла у насъ на какомъ-то удивительномъ волапюкѣ. Докторъ неутомимъ въ своихъ попыткахъ быть понятымъ мною. Желая предложить мнѣ выпить „шнапсъ", онъ сказалъ: „Wollen Sie Schwanz trinken?" *), чѣмъ возбудилъ общее веселье. А когда вздумалъ объяснить мнѣ, что одна русская дама проѣхала верхомъ отъ Владивостока до Петрограда, то выразился такъ: „Владивостокъ, Петербургъ гопъ-гопъ-гопъ!" И я отлично понялъ. Она, впрочемъ, проѣхала сначала изъ Читы (черезъ Манчжурію) во Владивостокъ, а оттуда (черезъ Уссурійскій и Пріамурскій край и всю Сибирь) въ Россію до самаго Петрограда верхомъ на одной и той же лошади. Дамѣ этой 36 лѣтъ; она въ одинъ годъ лишилась мужа и четверыхъ дѣтей; по происхожденію она полутатарка.

Среда, 15 октября. Е. Д. Вурцель еще не покончилъ съ дѣлами, и ему предстоитъ еще много о чемъ переговорить съ инженеромъ Трегубовымъ, главнымъ инженеромъ третьяго участка, который мы скоро оставимъ позади. Приходится поэтому повременить здѣсь. Мы и рѣшили пока прогуляться за нѣсколько верстъ отъ станціи, къ источнику, гдѣ нужно было запастись водой. Вопросъ о водоснабженіи на линіи, разумѣется, одинъ изъ чрезвычайно важныхъ въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ: вода нужна не только для питья, но главнымъ образомъ для паровозовъ,

*) Schwanz—хвостъ.

Примѣч. перев.

ЛЕДЯНАЯ СКАЛА НАДЪ ИСТОЧНИКОМЪ БЛИЗЪ ТАЛДАНА.

ПЕРЕВОЗКА ПОКОЙНИКА ЧЕРЕЗЪ ТАЙГУ.
Посерединѣ виденъ большой ледникъ, гдѣ хранятъ лѣтомъ провизію.

и запасы ея должны пополняться съ правильными промежутками. Добывать же ее въ этихъ мѣстахъ, гдѣ почва вѣчно мерзлая, дѣло не легкое. Во многихъ мѣстахъ, сколько ни рыли колодцевъ, воды не нашли; потомъ наткнулись на этотъ источникъ въ лѣсу, что̀ было очень важной находкой. Зимою на такихъ источникахъ нарастаютъ цѣлыя ледяныя скалы, но здѣсь надъ источникомъ возведенъ деревянный срубъ съ крышей, который отапливается, что̀ и предохраняетъ отъ замерзанія воду, стекающую въ водоемъ. Температура источника около 1° Ц. лѣтомъ и зимою, а даетъ онъ 300 кубическихъ метровъ воды въ сутки. Отъ этого источника проведутъ къ станціи водопроводную трубу, которую обложатъ торфомъ и землею, чтобы предохранить отъ замерзанія въ никогда не оттаивающей почвѣ. Кромѣ того, инженеръ полагаетъ, что вода, находящаяся въ постоянномъ движеніи, не можетъ охлаждаться до точки замерзанія, даже если ея не подогрѣвать. По-моему, однако, это нѣсколько сомнительно. Съ какой глубины бьетъ этотъ источникъ, для меня загадка. Инженеръ говоритъ, что начало его въ четырехъ верстахъ отсюда. Вѣроятно, онъ течетъ съ болѣе высокихъ мѣстъ гдѣнибудь по близости и обязанъ своимъ происхожденіемъ скопленію лѣтнихъ водъ, просачивающихся, благодаря своей болѣе высокой температурѣ, на такую глубину, гдѣ вода уже не замерзаетъ зимою. Тѣмъ не менѣе это явленіе удивительное, такъ какъ вообще здѣсь все замерзаетъ по зимамъ—и самая почва, и рѣки, и болота. Въ окрестностяхъ источника сдѣланы были три буровыя скважины, чтобы узнать его направленіе и силу теченія. Скважины эти пробуравлены въ гнейсовомъ гранитѣ, на различной глубинѣ, и внутренняя температура оказалась не ниже 0° Ц. Теперь какъ-разъ производились работы по буренію новой скважины; воду нашли уже на глубинѣ 2 метровъ, но скважину довели до 9 метровъ.

Вообще внутренняя температура здѣсь очень измѣнчива.

Поблизости станціи сдѣланы три буровыя скважины въ поискахъ воды. Одна на ровномъ болотистомъ мѣстѣ, глубиною въ 106 метровъ. Сверху найденъ былъ пластъ торфа въ 1 метръ толщины, затѣмъ 1,5 метра плотнаго льда, дальше песокъ, подъ нимъ гнейсовый гранитъ, и всѣ эти пласты до самаго дна скважины были промерзлые. Въ другомъ мѣстѣ, на ровномъ склонѣ косогора, гдѣ расположена станція, пробуравили скважину въ 110 метровъ глубины, и здѣсь оказались промерзшіе и непромерзшіе горные пласты вперемежку до самаго дна. Въ третьей скважинѣ, глубиною въ 55 метровъ, на томъ же склонѣ, почва оказалась промерзшей лишь до глубины 20 метровъ, а воду хотя и нашли, но въ слишкомъ небольшомъ количествѣ. Лѣтомъ почва близъ метеорологической станціи, на томъ же склонѣ, оттаиваетъ до глубины 3,5 метра, тогда какъ внизу, на болотѣ, едва до глубины 1 метра, благодаря слою торфа, плохого проводника тепла.

Размышляя о залегающихъ въ почвѣ Сибири ледяныхъ слояхъ, я пришелъ къ тому заключенію, что большинство ходячихъ объясненій этого явленія неправильно. Эти слои не могутъ являться остатками древнихъ ледниковъ, какимъ-то образомъ уцѣлѣвшими и занесенными сверху пескомъ и глиной. Не могли они образоваться и путемъ замерзанія водъ, разлившихся по поверхности во время наводненія, и потомъ, при новыхъ наводненіяхъ, занесенныхъ сверху пескомъ и глиною. Ледяные слои эти должны были образоваться въ глубинѣ почвы, тамъ, гдѣ находятся сейчасъ, притомъ не могутъ быть болѣе древняго происхожденія, нежели верхніе слои песку и глины. Послѣднее подтверждается также тѣмъ, что въ этихъ верхнихъ слояхъ находятъ остатки, свидѣтельствующіе о болѣе тепломъ періодѣ, нежели нынѣшній; поэтому трудно представить себѣ, чтобы ледъ могъ сохраниться подъ такими отложеніями.

Ледъ можетъ образоваться въ самой почвѣ различнымъ

образомъ. Ясно, напримѣръ, что вода, просачивающаяся въ землю до никогда не оттаивающихъ слоевъ, должна тамъ замерзать въ свою очередь (какъ мы между прочимъ и видѣли въ маленькомъ туннелѣ Малаго Хингана), и что ледъ, образующійся въ почвѣ, имѣетъ свойство расширяться и нарастать (какъ на сваяхъ желѣзнодорожнаго моста на Бурея-Зейской равнинѣ), о чемъ упоминалось выше*). Но такимъ путемъ ледъ не можетъ особенно распространяться вширь. По-моему, процессъ образованія этихъ ледяныхъ слоевъ скорѣе всего можно было бы назвать конденсаціей.

Если въ какой-нибудь мѣстности средняя температура воздуха настолько ниже 0° Ц., что постоянная температура почвы на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ отъ поверхности держится круглый годъ ниже 0° Ц., то, стало-быть, почва до извѣстной глубины остается вѣчно мерзлой. Далѣе, почва, какова бы она ни была—твердыхъ породъ или изъ рыхлыхъ слоевъ, и мерзлая или талая, всегда бываетъ до извѣстной степени пористой, содержащей влагу и испаренія. Но такъ какъ температура повышается вмѣстѣ съ глубиною, то и давленіе паровъ должно сказываться сильнѣе въ болѣе глубокихъ слояхъ почвы, нежели ближе къ поверхности.

---

*) Д-ръ Александръ ф.-Бунге въ „Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Минералогическаго Общества" за 1893 годъ, во второй серіи, томъ 40, стр. 293, даетъ вотъ какое объясненіе обычному возникновенію ледяныхъ почвенныхъ слоевъ въ Сибири: онъ полагаетъ, что ледъ образуется изъ воды, которая просачивается весною въ скважины замерзшей поверхности и замерзаетъ при соприкосновеніи съ никогда не оттаивающими слоями почвы; путемъ расширенія и послѣдующаго сжиманія льда образуется свободное мѣсто для скопленія новой воды и т. д., вслѣдствіе чего ледяной слой все утолщается. Доказательствомъ того, что ледъ дѣйствительно можетъ образоваться въ землѣ подобнымъ образомъ, можетъ послужить вышеупоминавшійся случай съ мостовыми сваями, но въ такихъ случаяхъ наращеніе льда идетъ вертикально, горизонтальныхъ же слоевъ не можетъ образоваться. Вдобавокъ такія скважины не могутъ проникать особенно глубоко, во всякомъ случаѣ не глубже того уровня, на которомъ температура одинакова и лѣтомъ и зимой.

Если теперь на извѣстной глубинѣ въ никогда не оттаивающей почвѣ кристаллизуется такой слой льда,—какъ оно, повидимому, часто бываетъ при подобныхъ условіяхъ,—то послѣдній можетъ постоянно утолщаться путемъ конденсаціи испареній нижележащихъ земляныхъ слоевъ, гдѣ давленіе сильнѣе. Такимъ образомъ ледяной слой можетъ, постепенно увеличиваясь съ годами, достигнуть любой толщины. При помощи огромной способности воды кристаллизоваться, ледъ легко можетъ приподнять прикрывающій его земляной слой. Возможно также, что лѣтомъ, когда верхніе земляные слои оттаиваютъ, водныя испаренія и текучія воды, проникающія вглубь до поверхности ледяного слоя, конденсируются и замерзаютъ поверхъ него, и такимъ образомъ слой этотъ нарастаетъ и сверху, если лѣто выдается не настолько теплое, чтобы почва оттаяла до самой поверхности ледяного слоя.

Возможность образованія такимъ путемъ внутреннихъ и иногда довольно мощныхъ ледяныхъ слоевъ кажется мнѣ при соотвѣтствующихъ условіяхъ вполнѣ естественною, и это, по-моему, единственное объясненіе широкаго распространенія упомянутаго явленія въ Сибири, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Значительная разница температуры почвы на короткихъ разстояніяхъ, какая наблюдается близъ Талдана и въ другихъ мѣстахъ, объясняется различною теплопроводностью почвы. Какъ показываетъ опытъ, главное значеніе имѣетъ тутъ самый верхній почвенный слой. Гдѣ этотъ послѣдній представляетъ ровную и плоскую, поросшую травой торфяную толщу, являющуюся дурнымъ проводникомъ тепла, тамъ почва и лѣтомъ не оттаиваетъ, остается вѣчно мерзлой. Если же удалить этотъ торфяной слой, солнечное тепло проникаетъ глубже, и почва оттаиваетъ на бо́льшую глубину, иногда даже совсѣмъ. Играетъ, разумѣется, роль и теплопроводность нижнихъ слоевъ. Если почва пористая, изобилующая трещинами и провалами, черезъ которые можетъ проникать вглубь холодный

зимній воздухъ, это тоже можетъ создать въ глубинѣ низкую температуру, какъ мы уже видѣли.

Близъ Талдана средняя годовая температура не особенно низка, а именно +1° Ц., какъ мнѣ говорили. Обыкновенно въ мѣстностяхъ съ среднею годовой температурой выше +3° или +4° Ц. нельзя ожидать встрѣтить вѣчно-мерзлую почву, если только зимою поверхность ея покрывается снѣгомъ. Но здѣсь снѣгу выпадаетъ слишкомъ мало, и легко понять, что промерзшіе и непромерзшіе участки могутъ встрѣчаться въ близкомъ сосѣдствѣ.

Въ лѣсу, поблизости источника, мы видѣли цѣлый комплексъ домовъ; это арестантская колонія на двѣсти человѣкъ арестантовъ, которые подъ присмотромъ нужнаго числа солдатъ работаютъ надъ прокладкой желѣзнодорожнаго полотна.

Безспорно, въ осеннюю пору этотъ край наводитъ одну грусть: рѣдкіе лѣса, голыя лиственницы и березы и уже замерзшія болота. Даже дичи здѣсь мало. Одинъ изъ здѣшнихъ инженеровъ держитъ двухъ охотничьихъ собакъ, но за три года застрѣлилъ всего 5 тетеревовъ. Зато здѣсь попадаются лоси да изрѣдка медвѣди.

Неподалеку отъ станціи находится горный гребень, сложенный, повидимому, изъ порфирита. Съ вершины его видна убѣгающая во всѣ стороны волнистая мѣстность, поросшая лѣсомъ и пересѣченная горными грядами, а на дальнемъ горизонтѣ невысокія скалистыя вершины. Среди этихъ пустынныхъ лѣсовъ расположены тюрьмы, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ прорѣзываетъ пустынную тайгу въ западномъ направленіи желто-песчаная линія желѣзной дороги, пріобщающей этотъ дикій край къ цивилизованному міру, гдѣ кипитъ жизнь. Зато этотъ край богатъ золотомъ. Близъ станціи золота, впрочемъ, такъ мало, что не стоитъ искать: едва полграмма на кубическій метръ. Но въ 30—40 верстахъ къ сѣверу, на рѣкѣ Урканѣ, притокѣ Зеи, богатые золотые пріиски, гдѣ на кубическій

метръ приходится около 10—12 граммовъ золота. Въ особенно удачные дни человѣкъ можетъ намыть на 15 рублей въ день, и за послѣдній годъ здѣсь добыто, насколько я понялъ, 80 пудовъ золота.

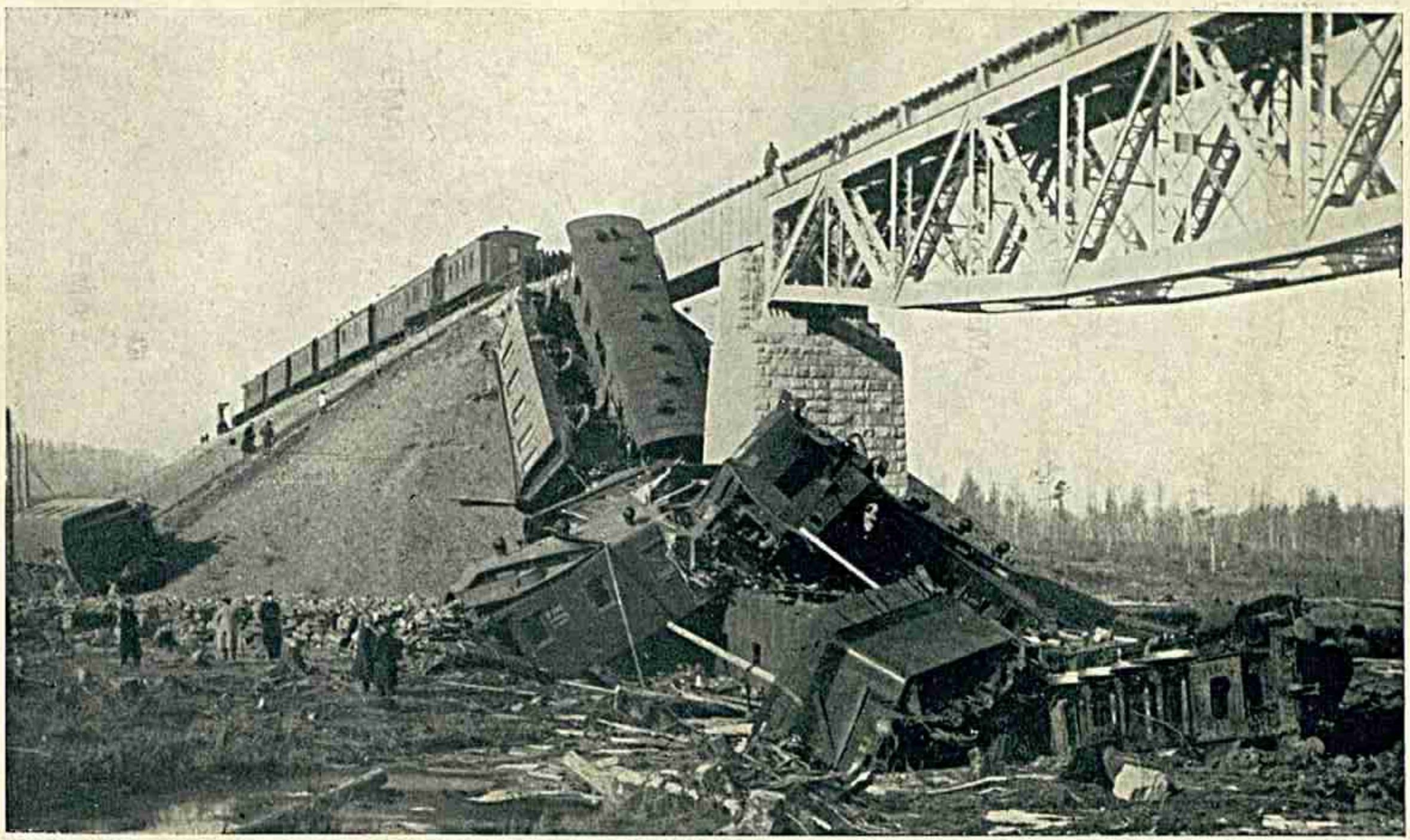
На обширной поросшей травой равнинѣ у станціи паслось до сотни монгольскихъ быковъ. Это живой запасъ мяса для рабочихъ. Но запасовъ сѣна нигдѣ не было видно, и скотъ, вѣроятно, предназначался къ убою одновременно съ истощеніемъ подножнаго корма. Сохранять мясо здѣсь не трудно благодаря холодамъ. Не видно было кругомъ и никакихъ признаковъ земледѣльческой культуры или скотоводства. Но подальше я въ одномъ мѣстѣ замѣтилъ нѣсколько стоговъ сѣна; должно-быть, тамъ держали коровъ, а можетъ-быть, это былъ запасъ для лошадей.

Мы безпрерывно, хотя и медленно, подымались все выше, пока за станціей Керакъ не достигли на высотѣ 960 метровъ длиннаго туннеля, прорѣзавшаго гребень горной цѣпи Нюкжа, образующей водораздѣлъ между истоками Зеи съ одной стороны и небольшою рѣкою Неверъ, тоже притокомъ Амура, съ другой. Хребетъ Нюкжа является сѣверо-западнымъ отрогомъ Яблоноваго, образующимъ водораздѣлъ между рѣками Нюкжей, притокомъ Лены, и Ольдоемъ, притокомъ Амура. Туннель проходитъ на высотѣ 680 метровъ, и надъ нимъ еще на 43 метра возвышается гребень горы. Здѣсь вся земля промерзла, начиная съ самой поверхности, и лѣтомъ оттаиваетъ лишь тонкій слой.

Мѣстность стала живописнѣе: больше долинъ и холмовъ, чѣмъ прежде; путь все время идетъ лѣсомъ, по горамъ, склонамъ, кручамъ и надъ оврагами, по насыпямъ высотою болѣе 20 метровъ, при дивномъ лунномъ освѣщеніи до поздняго вечера, когда мы прибыли на станцію Ольдой для ночевки. Я долго гулялъ при лунѣ взадъ и впередъ около поѣзда вмѣстѣ съ инженеромъ, который три года служилъ здѣсь на станціи Таптугары, расположенной подальше. Онъ много разсказывалъ о здѣшней жизни. Земля

ОБМЕРЗШИЙ ТУННЕЛЬ НА АМУРСКОЙ Ж. Д.

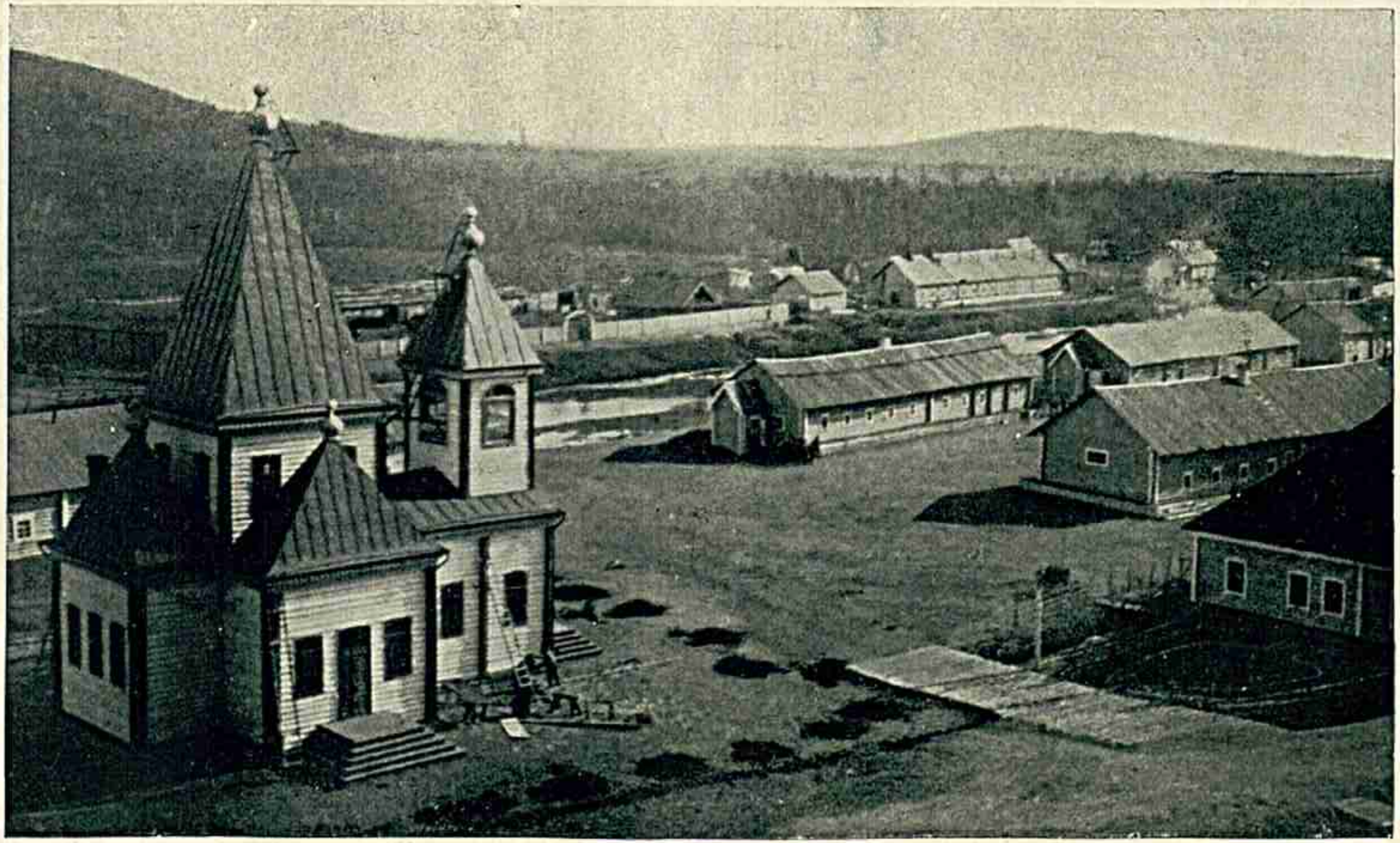
ПОѢЗДЪ, ОБРУШИВШІЙСЯ СЪ МОСТА ВЪ РѢКУ.

всюду мерзлая и оттаиваетъ за лѣто къ концу іюля метра на два отъ поверхности. Но и на этомъ оттаявшемъ слоѣ можно за короткое лѣто выращивать хорошіе овощи. Картофель всходитъ около 10 іюня, а въ первой половинѣ августа все уже можетъ померзнуть. Но въ этотъ промежутокъ, короче двухъ мѣсяцевъ, посѣянное и посаженное растетъ быстро. Инженеръ посадилъ три пуда картофеля въ серединѣ мая, а снялъ въ августѣ тридцать пудовъ. То же самое съ свеклой: онъ засѣялъ въ маѣ поле въ 6 квадратныхъ метровъ, а снялъ съ него около пяти пудовъ. Лошади здѣсь круглый годъ пасутся на волѣ и должны сами находить себѣ кормъ; снѣгу здѣсь вѣдь почти не бываетъ, такъ что имъ и зимой не трудно находить траву, хотя бы сухую, мерзлую. Отъ холода, доходящаго до 40° или 50° Ц., и скуднаго корма животныя сильно тощаютъ, но лѣтомъ снова нагуливаютъ себѣ тѣло. Другой оригинальный обычай здѣсь: телятъ не отымаютъ отъ матокъ, и коровы даютъ себя доить, только если одновременно ихъ сосетъ теленокъ. Половина молока ему, половина людямъ. Скотъ здѣсь монгольской породы. Инженеръ, не знавшій ея особенностей, купилъ себѣ корову съ теленкомъ и закололъ теленка, чтобы имѣть побольше молока для себя, но корова совсѣмъ перестала доиться; пришлось ему зарѣзать и корову. Снѣгу зимою выпадаетъ такъ мало, что саннаго пути по сушѣ не бываетъ, и ѣздятъ по льду, по рѣкамъ. Поистинѣ суровая страна, не дающая въ награду за холодную зиму даже побаловаться саннымъ или лыжнымъ путемъ.

Четвергъ, 16 октября. Дальше все та же горная страна съ низкими увалами, но лѣсъ пошелъ еще жиже и мельче,— почти однѣ хворостины; лишь изрѣдка встрѣтится дерево, мало-мальски годное хоть для телеграфнаго столба. А вѣтеръ такъ и свирѣпствуетъ въ этомъ жиденькомъ лѣсу, вырывая деревья вмѣстѣ съ мелко сидящими корнями и валя на протяженіи десятинъ. Лѣсные пожары тоже дѣ-

лаютъ свое дѣло, и во многихъ мѣстахъ стоятъ изуродованные пни и оголенные переломанные стволы безмолвными свидѣтелями хозяйничанья огненнаго пѣтуха. Растетъ въ этихъ районахъ только лиственница.

Доѣхали до моста черезъ Житканъ, гдѣ, какъ я упоминалъ, произошло нѣсколько дней назадъ крушеніе: паровозъ и восемь вагоновъ свалились съ моста. Жутко было взглянуть внизъ съ высоты 16 или 17 метровъ; не мудрено, что паровозъ смяло и сплющило въ лепешку, словно картонный; вагоны нагромоздились одинъ на другой, и самый нижній былъ совсѣмъ раздавленъ. Тѣмъ не менѣе изъ него-то какъ-разъ и извлекли двухъ живыхъ, легко раненыхъ людей, не считая одного убитаго, кондуктора. Несчастье произошло оттого, что рабочіе, собираясь положить черезъ мостъ новыя, болѣе широкія шпалы, сняли два рельса. У въѣзда на мостъ они выставили красный флагъ, но на сосѣднихъ рельсахъ стояла дрезина, а на дрезинахъ обыкновенно тоже вывѣшиваются красные флаги, и машинистъ подумалъ, что флагъ вывѣшенъ именно на дрезинѣ. Тѣмъ не менѣе онъ изъ предосторожности убавилъ ходъ; рабочіе, бывшіе на мосту и на линіи, увидавъ, что поѣздъ не остановился, принялись кричать и махать машинисту. Онъ началъ изо всѣхъ силъ тормозить, но было уже поздно, и поѣздъ по инерціи докатился до опаснаго мѣста, гдѣ рельсы были сняты, остановился на минутку, затѣмъ потерялъ равновѣсіе, свалился и увлекъ за собой восемь вагоновъ. Къ счастью, они были почти пусты, и убито было всего два человѣка: одинъ—упомянутый выше кондукторъ, а другой—кочегаръ, попавшій подъ свалившійся паровозъ. Машинистъ съ помощникомъ спаслись; имъ только обожгло паромъ руки и лицо. Когда машинистъ пришелъ въ себя, то увидалъ, что лежитъ наполовину въ водѣ. Онъ всталъ и принялся выжимать воду изъ тужурки, а потомъ побѣжалъ, куда глаза глядятъ; то же самое сдѣлалъ помощникъ, — до того оба растерялись. Послѣдній вагонъ остался стоять

АРЕСТАНТСКАЯ КОЛОНІЯ СЪ ЦЕРКОВЬЮ, БЛИЗЪ РАЗДОЛЬНАГО (17 ОКТ.).

ЗОЛОТЫЕ ПРИСКИ НА ЧЕРНОМЪ УРЮМЪ (17 ОКТ.).

КСЕНІЕВСКІЯ СКАЛЫ КЪ ЮГУ ОТЪ ЧЕРНАГО УРЮМА (17 ОКТ.).

на рельсахъ, и сидѣвшіе въ немъ десять пассажировъ даже не знали, что̀ случилось, такъ какъ почувствовали только слабый толчокъ, и, лишь когда выглянули изъ окошекъ, увидѣли, что поѣзда передъ ними нѣтъ.

Ландшафтъ все тотъ же: то плоскогорье съ жиденькимъ лѣсомъ, преимущественно изъ лиственницъ, перемежающимся большими болотами, то неглубокія рѣчныя долины. Всюду гнейсъ или родъ гнейсоваго гранита; слоистости не замѣтно. И повсюду по берегамъ этихъ большихъ и малыхъ рѣкъ находятся золотыя розсыпи, которыя во многихъ мѣстахъ и разрабатываются.

ОТЪ ГРАНИЦЪ ЗАБАЙКАЛЬЯ ДО КУЭНГИ.

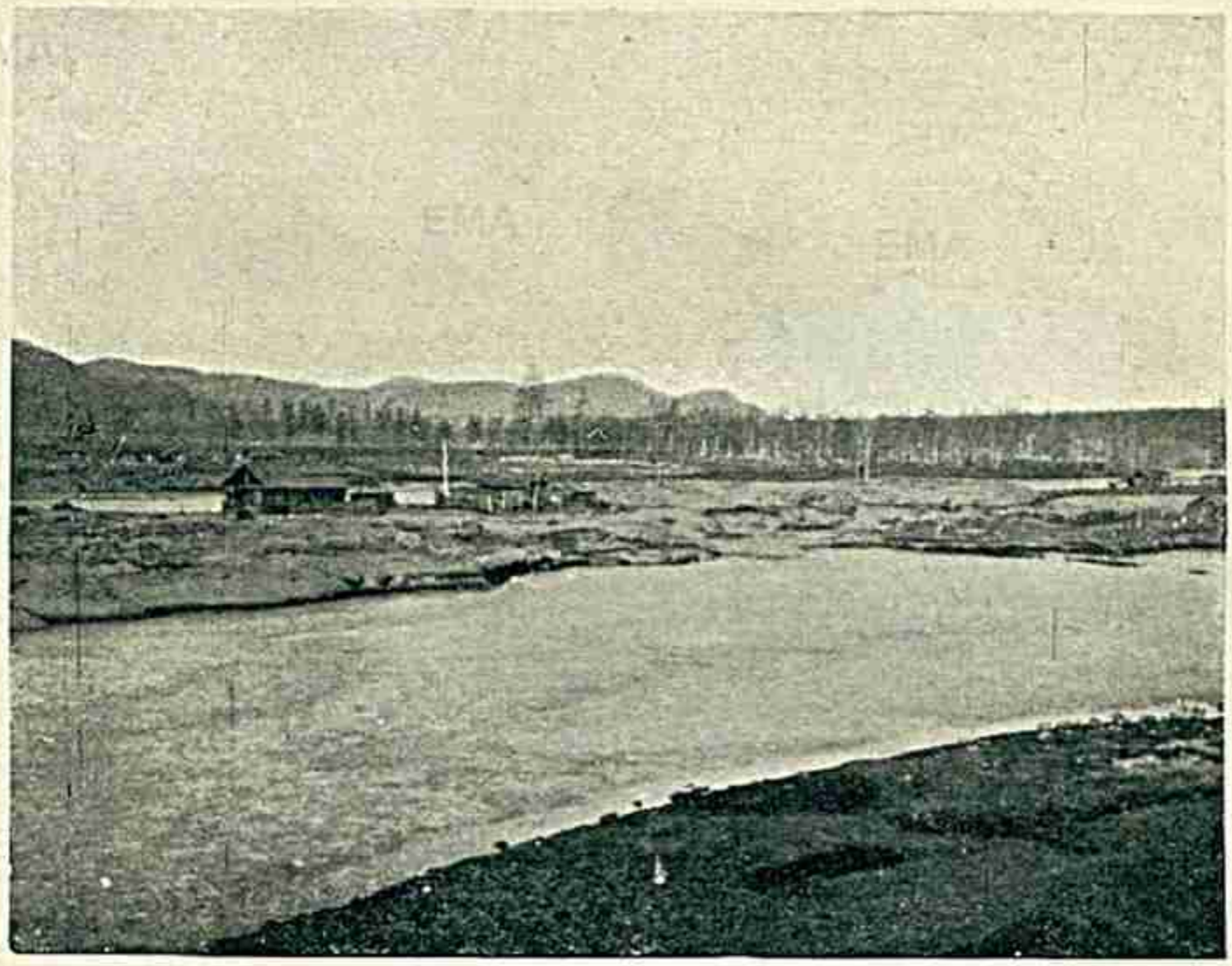
Вечеромъ мы, миновавъ рѣку Урканъ, выѣхали изъ границъ Пріамурья; началось Забайкалье. Теперь передъ нами былъ прямой путь, и мы могли при свѣтѣ луны продолжать ѣхать до поздняго вечера по этой дикой и пустынной горной странѣ, менѣе плоской и однообразной, чѣмъ предыдущая часть дороги. Прежде всего мы по отлогому склону спустились къ рѣкѣ Амазаръ и остановились ночевать на станціи того же названія.

Пятница, 17 октября. Холодно: ÷12° Ц. Дальше желѣзнодорожная линія медленно подымается въ гору по долинѣ Амазара. На этомъ участкѣ дороги работаетъ много арестантовъ. Мы видѣли цѣлыя толпы ихъ подъ надзоромъ солдатъ, а у станціи Раздольной пріютилась арестантская колонія съ большой церковью въ центрѣ. За станціей Пеньковой желѣзная дорога зигзагами идетъ въ гору такъ круто, какъ только возможно (8 на 1000), къ водораздѣлу между Амазаромъ и Чернымъ Урюмомъ. Тамъ мы очутились на высотѣ 850 метровъ, т.-е. достигли высшей точки на всей Амурской желѣзнодорожной линіи. По другую сторону перевала дорога снова большими зигзагами пошла подъ гору, мимо станціи Артеушка, по долинѣ Чернаго Урюма, вдоль берега этой рѣчки. Въ верхней части

долины, близъ водораздѣла, мы видѣли издали мѣстонахожденіе знаменитыхъ золотыхъ пріисковъ, принадлежащихъ Кабинету Его Величества. Съ 1868 года по 1897 годъ тамъ намыто золота около 1.500 пудовъ, но теперь пріиски стали давать уже меньше. Вообще промывка золота идетъ во многихъ мѣстахъ, и мы частенько видѣли на берегу людей, занимающихся этимъ дѣломъ. Всѣ рабочіе на здѣшнихъ золотыхъ пріискахъ—китайцы, и самые пріиски казенные. Здѣсь, въ Забайкальѣ, китайцы не находятся подъ запретомъ.

Желѣзная дорога продолжаетъ извиваться подъ гору, по долинѣ Чернаго Урюма. Слѣва отъ насъ хребетъ Ксеніевскій, названный такъ въ честь дочери русскаго царя. Высота его доходитъ до 1.400 — 1.500 метровъ; онъ образуетъ водораздѣлъ между Чернымъ Урюмомъ и Шилкой и поросъ хвойнымъ лѣсомъ почти до самыхъ вершинъ; на самомъ гребнѣ растетъ, впрочемъ, только карликовый кедръ. Мы остановились на красивой Ксеніевской станціи, лежащей на склонѣ Урюмской долины. Здѣсь живетъ до 1.500 человѣкъ народу; на холмѣ возвышается небольшая церковь, и съ этого холма открывается видъ на всю долину, до самыхъ окрайныхъ горъ. Отсюда желѣзная дорога идетъ внизъ по рѣкѣ до станціи Сбѣга, гдѣ встрѣчаются Черный и Малый Урюмъ, образуя рѣку Черную, притокъ Шилки, минуетъ четыре моста, перекинутыхъ надъ излучинами этихъ двухъ рѣкъ, и вновь начинаетъ подыматься въ гору по рѣкѣ Бѣлый Урюмъ, къ водораздѣлу между нимъ и Алеуромъ, который впадаетъ въ Куэнгу, притокъ Шилки. Этотъ перевалъ не такъ высокъ, какъ предыдущій,— всего 600 метровъ надъ уровнемъ моря.

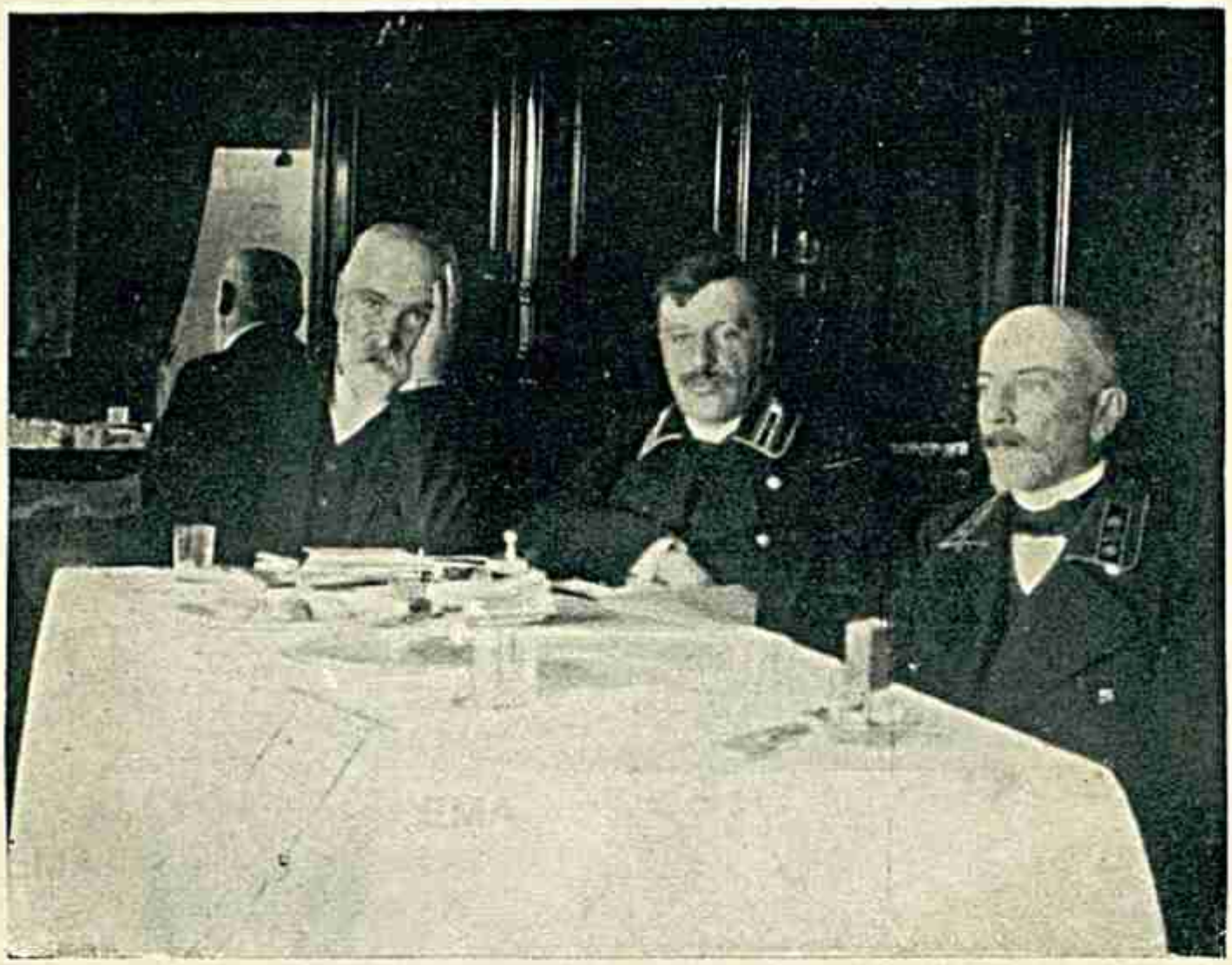
Достигаемъ станціи Урюмъ; начиная отсюда, дорога функціонируетъ въ западномъ направленіи вполнѣ правильно уже въ теченіе двухъ лѣтъ. На слѣдующей станціи Зилово мы обѣдали, и такъ странно было послѣ долгаго промежутка вновь услыхать оповѣщеніе вошедшаго въ

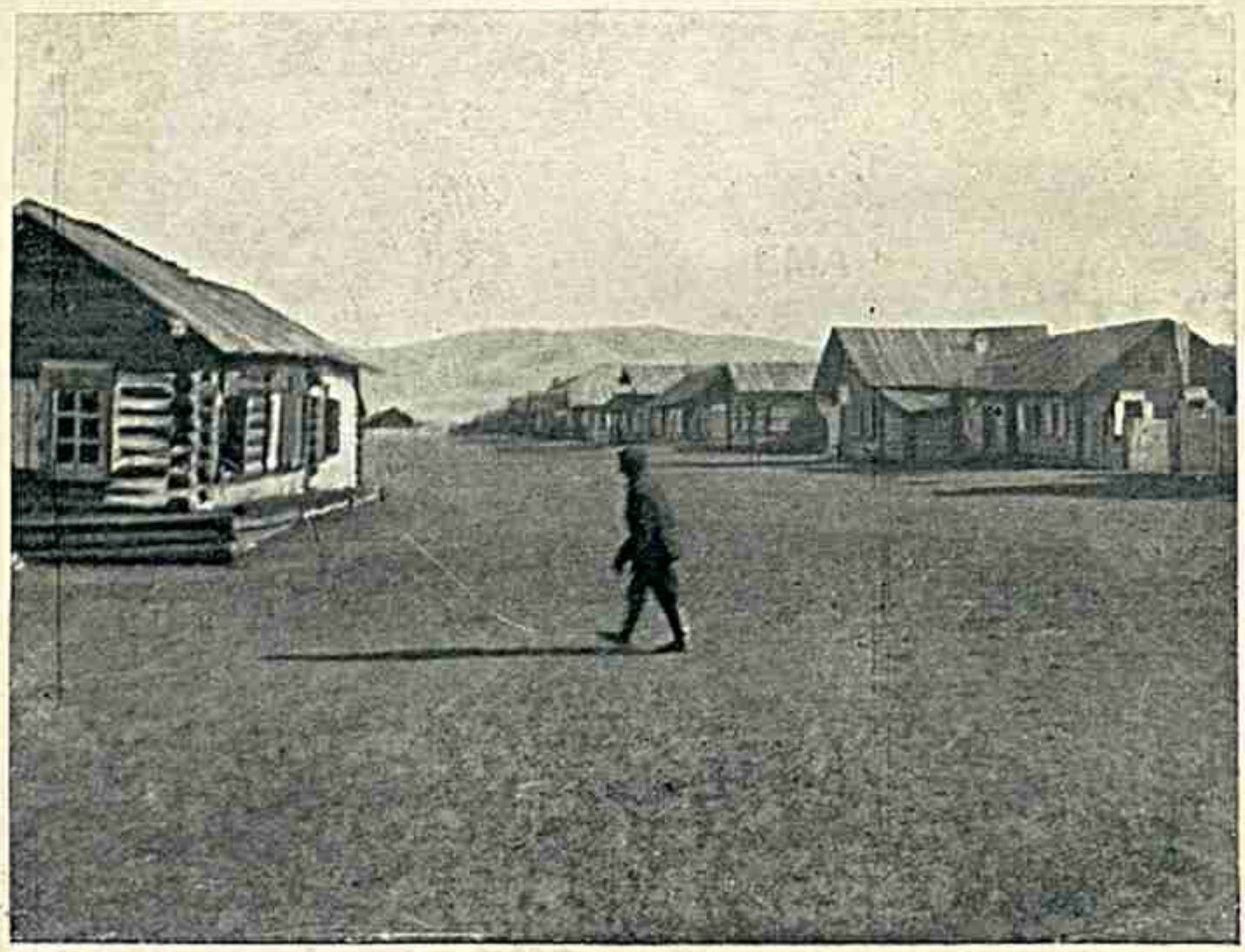
ВОДОРАЗДѢЛЪ МЕЖДУ АМАЗАРОМЪ И ЧЕРНЫМЪ УРЮМОМЪ,
850 метр. надъ уровнемъ моря (17 ОКТ.).

ЦЕРКОВЬ НА КСЕНІЕВСКОЙ СТАНЦІИ (17 ОКТ.).

Е. Д. ВУРЦЕЛЬ, Б. В. ЗЕЕСТЪ И Е. У. ПОДРУЦКІЙ ВЪ САЛОНѢ (18 ОКТ.).

УЛИЦА ВЪ СЕЛЕНІИ КАРЫМСКОМЪ.

буфетъ станціоннаго сторожа, что „поѣздъ сейчасъ отходитъ“ туда-то. Лунною ночью помчались мы дальше по гористой мѣстности со скоростью 56 верстъ въ часъ, безъ всякихъ остановокъ. Наша поѣздка по незнакомой странѣ—Пріамурью—и по еще не вполнѣ достроенной желѣзнодорожной линіи была закончена. Завтра утромъ пріѣдемъ въ Читу и оттуда прямо на родину, черезъ Петроградъ. Тогда длинный путь мой будетъ совсѣмъ завершенъ. Правда, остается проѣхать еще 7—8 тысячъ верстъ, но это небольшая цифра въ сравненіи съ тѣми, какими мы уже привыкли считать.

XIX. ДОМОЙ ЧЕРЕЗЪ СИБИРЬ.

Вдоль Шилки. — Неровный климатъ. — Чита. — Вдоль Селенги. — Байкалъ.— Тулунъ.— Красноярскъ.— Районъ къ востоку отъ Красноярска.— Родичевъ; взглядъ политическаго дѣятеля на Сибирь. — Ново-Николаевскъ. — Ровная степь. — Уралъ и зима. — Екатеринбургъ. — Назадъ въ Европу. — Пермь и Вятка.—Прощай, Сибирь!

Суббота, 18 октября. Выглянувъ сегодня утромъ въ окно купэ, я увидѣлъ совсѣмъ другой ландшафтъ. Мы ѣхали вверхъ по долинѣ Шилки, и горные увалы по обѣ стороны были покрыты березовымъ лѣсомъ съ примѣсью сосны. Во многихъ мѣстахъ склоны сплошь поросли одной травой, безъ лѣса; внизу, на равнинѣ, виднѣлась кое-гдѣ осина и другія лиственныя породы; самыя деревья выше и пышнѣе. Климатъ здѣсь, повидимому, болѣе благопріятный для лѣсной растительности, хотя высота надъ моремъ немногимъ ниже вчерашней. Долина Шилки довольно узкая въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы сейчасъ проѣзжаемъ, и горы подступаютъ къ рѣкѣ съ обѣихъ сторонъ. Потомъ вдругъ долина расширяется, и по обѣ стороны оказываются луговыя равнины съ небольшими холмами. Вдоль рѣки раскинулись деревни, большія и малыя. Живутъ тутъ больше казаки. Чѣмъ однако живутъ — для меня нѣкоторая загадка. Полевого хозяйства здѣсь почти не существуетъ; правда, сѣется въ небольшомъ количествѣ овесъ, но онъ очень рѣдко вызрѣваетъ и сѣется главнымъ образомъ въ

качествѣ подножнаго корма. Картофель и разныя овощи, впрочемъ, выращиваются; кромѣ того, здѣсь хорошіе сѣнокосные луга. Рыбы же въ рѣкѣ мало. На станціяхъ повсюду виднѣется множество китайцевъ — въ отличіе отъ Пріамурья. Затѣмъ мы снова встрѣчаемся съ Восточно-Китайской дорогой въ томъ мѣстѣ, гдѣ она пересѣкаетъ рѣку Ингоду, и гдѣ мы нѣсколько недѣль тому назадъ проѣхали, направляясь на юго-востокъ, въ Манчжурію. Достигли большой станціи Карымской, которая, видно, явится и конечною станціей Амурской желѣзной дороги. Теперь мы будемъ продолжать путь съ регулярнымъ поѣздомъ. Къ сожалѣнію, экспрессъ въ Россію только-что ушелъ, а слѣдующій пойдетъ лишь черезъ два дня; дожидаться не стоитъ, поэтому нашъ вагонъ прицѣпили къ обыкновенному пассажирскому поѣзду, самому быстрому изъ очередныхъ.

Опять поразило меня, какой здѣсь крупный сосновый лѣсъ на гребняхъ и въ долинѣ у рѣки. Ландшафтъ самый норвежскій, и, если бы не эти русскіе дома, можно было вообразить себя въ Норвегіи. На равнинѣ подальше видѣли мы также разбросанные тамъ и сямъ стоги сѣна. Совсѣмъ иная картина, нежели вчера. И нельзя не подивиться этому, если принять во вниманіе, что наивысшій пунктъ Амурской желѣзной дороги, водораздѣлъ Амазара и Урюма, находится на высотѣ 840 метровъ, а Чита, къ которой мы теперь подъѣзжаемъ, на высотѣ 655 метровъ. Разница высотъ не такъ ужъ велика. Зато разница температуръ значительная. Средняя годовая температура въ Читѣ приблизительно ÷2° Ц.; въ Нерчинскѣ приблизительно ÷4° Ц., и на Ксеніевской станціи, наивысшемъ пунктѣ Амурской желѣзной дороги, приблизительно такая же. Средняя же температура декабря тамъ, по даннымъ 1911 года, ÷39° Ц.; средняя температура дня ÷49,7°Ц., а минимальная ÷56°Ц.

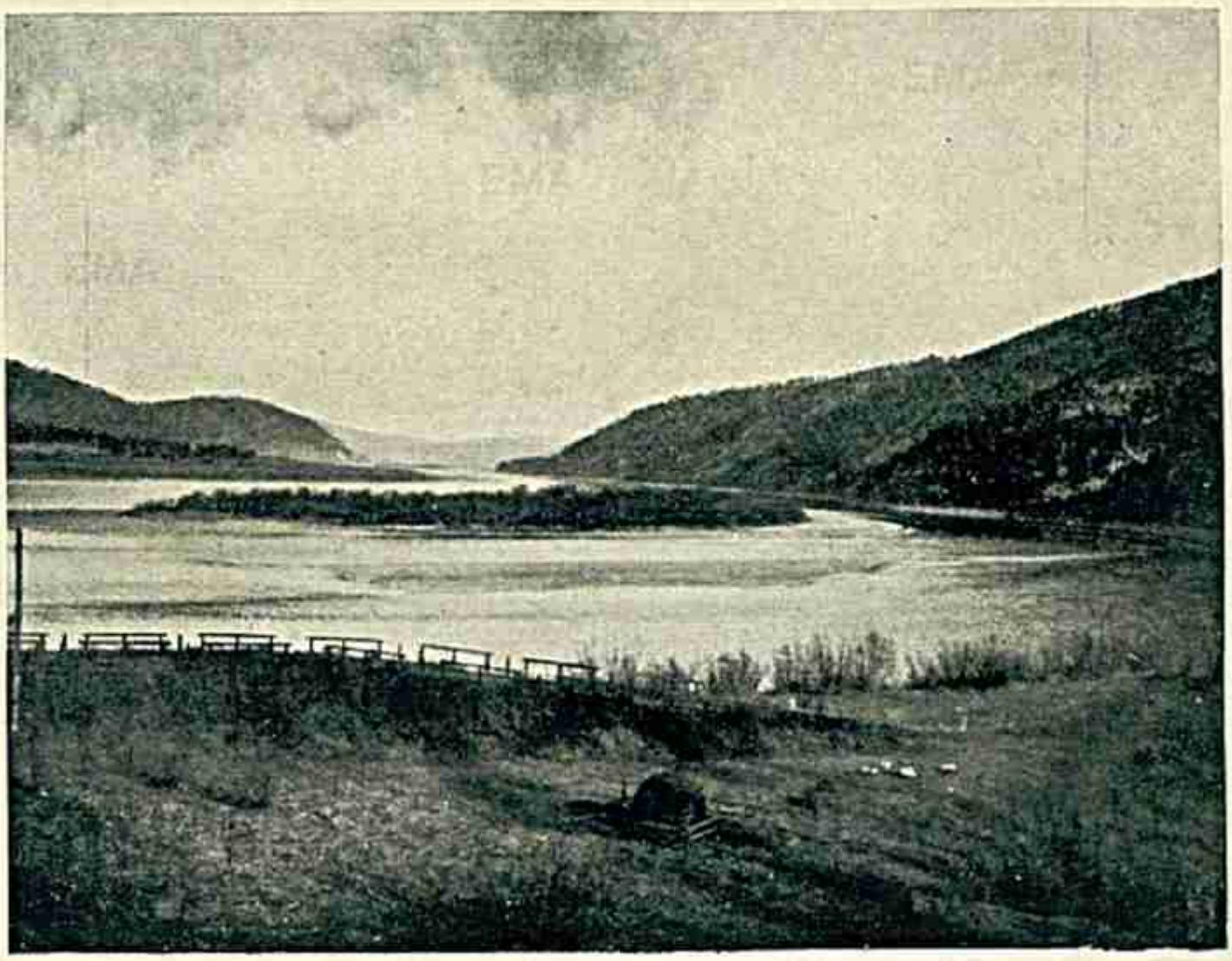
Въ Читѣ мы разстались съ главными инженерами Зеестомъ и Подруцкимъ, живущими здѣсь, а сами помчались дальше въ Россію, все по тѣмъ же обширнымъ луго-

вымъ равнинамъ съ низкими увалами, одѣтыми жидкимъ лѣсомъ, уже видѣнными нами, когда мы ѣхали на востокъ. Дорога опять пошла въ гору, медленно поднимаясь къ Яблоновому хребту и водораздѣлу между Тихимъ океаномъ и Ледовитымъ, т.-е. между Амуромъ и Енисеемъ.

Воскресенье, 19 октября. На слѣдующее утро опять очутились въ настоящей горной странѣ. Поѣздъ мчался по долинѣ широкой рѣки Селенги съ высокими, поросшими сосной хребтами по обѣимъ сторонамъ. Сосны здѣсь пышныя и мѣстами очень крупныя. На днѣ долины огороженные луга со стогами сѣна и кое-гдѣ поросли ивняка. Населеніе еще не густое, но чѣмъ дальше, тѣмъ деревни встрѣчаются чаще. И все это—лѣсистые косогоры, воздѣланныя поля, изгороди, пасущіяся коровы и лошади—создаетъ удивительно привѣтливую и знакомую картинку: такъ и чудится, что я дома, въ Норвегіи. Эти изгороди, поля, а иногда и самые дома совсѣмъ такіе же, какъ у насъ, въ Нумедалѣ или Вальдресѣ. Лошади тоже мало отличаются отъ нашихъ, а вотъ коровы болѣе монгольскаго типа.

Мало-по-малу долина расширяется, и увалы отступаютъ. Все чаще попадаются воздѣланные участки и одна большая деревня за другою, съ бѣлыми церквами, видными издалека; близъ дельты Селенги виднѣется на равнинѣ большой монастырь, а на сѣверо-западѣ, по ту сторону Байкала, синѣютъ хребты. И вдругъ само озеро-море засверкало передъ нами своею мощною стальною синевой. Дуетъ сильный вѣтеръ, и озеро совсѣмъ потемнѣло, длинныя волны съ шумомъ разбиваются о прибрежныя мели. На сѣверномъ горизонтѣ земли не видно, но на противоположной сторонѣ озера, какъ-разъ передъ нами, вырисовываются горы. На юго-западѣ онѣ тоже ниже горизонта. И вотъ мы стали огибать Байкалъ съ юга.

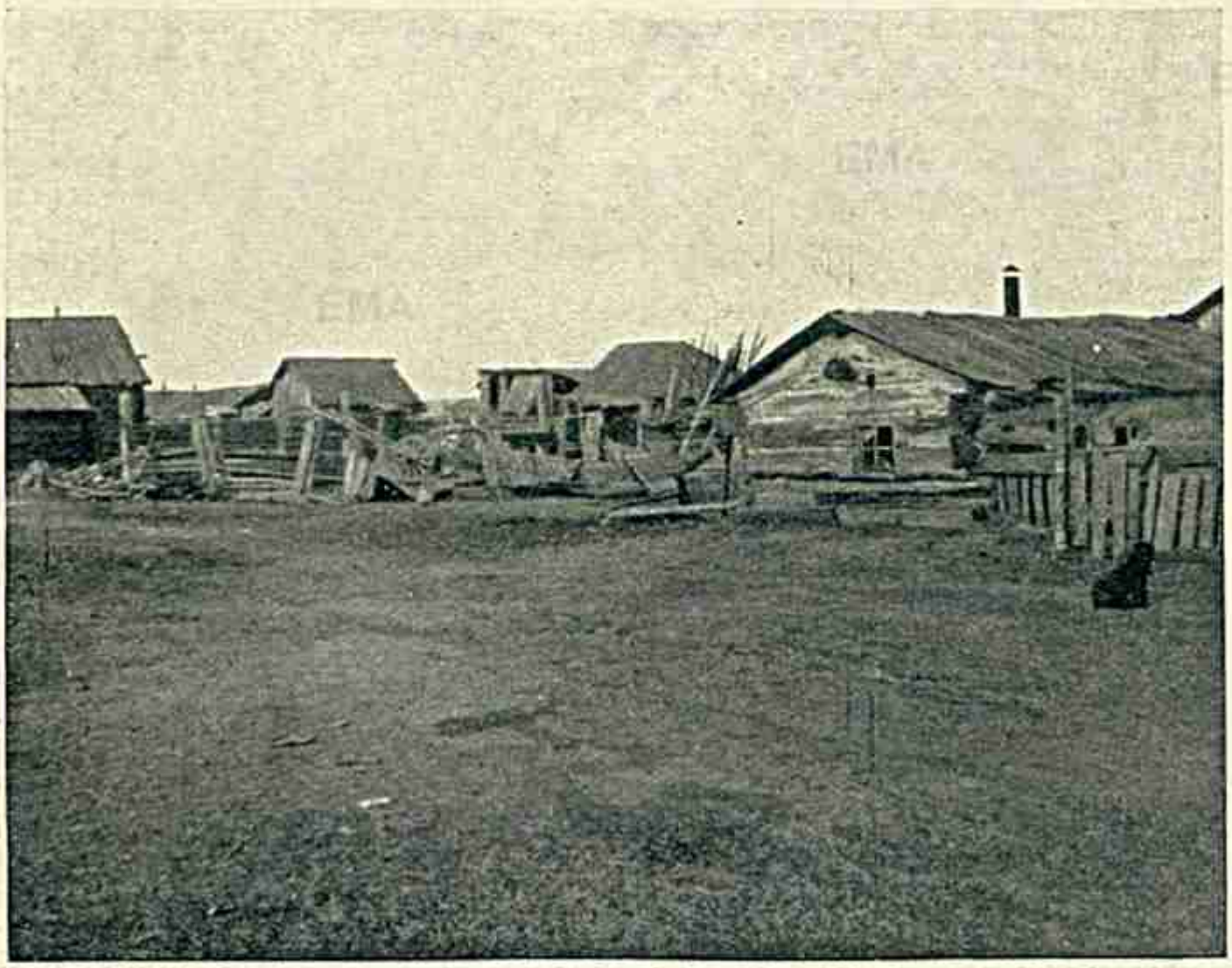
Понедѣльникъ, 20 октября. Ночью прибыли въ Иркутскъ, но поѣздъ продолжалъ мчаться день и ночь безъ оста-

ВИДЪ СЪ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАГО МОСТА НА СЕЛЕНГУ (19 ОКТ.).

БАЙКАЛЪ У СТАНЦІИ ТАНХОЙ (19 ОКТ.).

УЛИЦА ВЪ СЕЛЕНІИ ТАИХОЙ (19 ОКТ.).

УЛИЦА ВЪ ТУЛУНѢ (20 ОКТ.).

новки, въ солнечную погоду днемъ, при яркой лунѣ ночью. Въ окна быстро мелькаютъ лѣса, а иногда и луга, пахотныя поля и деревни. На станціи Тулунъ была двухчасовая остановка, такъ какъ требовалось пропустить экспрессъ изъ Россіи. Нашъ пассажирскій поѣздъ не изъ скорыхъ. Утѣшаемъ себя тѣмъ, что почтовые поѣзда здѣсь ходятъ еще медленнѣе. Самая же станція Тулунъ—одна изъ крупныхъ; отсюда проектируется желѣзная дорога къ сѣверу, на Лену, чтобы связать пароходное движеніе по ней съ великимъ Сибирскимъ желѣзнодорожнымъ путемъ.

Дальше мѣстность волнистая, сплошь поросшая сосновымъ лѣсомъ; на желтомъ вечернемъ небѣ рѣзко вырисовываются зубчатые хребты. Внизу по темной лѣсной опушкѣ бѣжитъ ручей, и отражающееся въ немъ небо желто-зеленымъ глазомъ смотритъ изъ лѣсу. И вдругъ заря разомъ меркнетъ, на синемъ небѣ загораются звѣзды, и ночной мракъ окутываетъ лѣсъ. Скоро восходитъ луна, и длинныя дрожащія полосы свѣта прокрадываются между стволами. Тишина полная; лѣсъ похожъ на зачарованную страну.

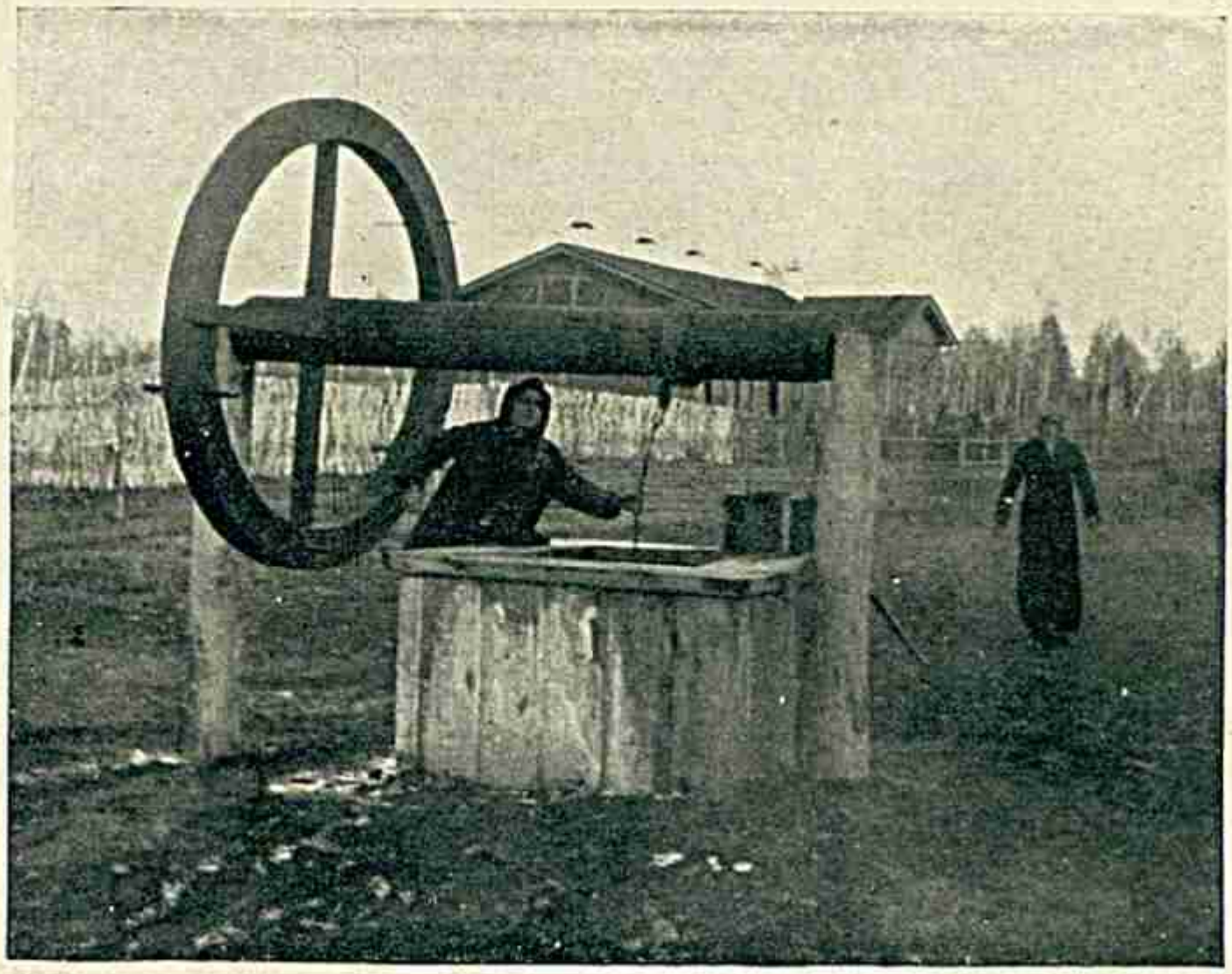
Вторникъ, 21 октября. На утро мы опять пересѣкли могучій Енисей, образующій широководный путь къ югу, между горами, и къ сѣверу, по безконечнымъ равнинамъ. Около одиннадцати утра пріѣхали въ Красноярскъ, гдѣ насъ встрѣтилъ на вокзалѣ директоръ Лидъ, г. Гуннеръ Христенсенъ и молодой г. Гадаловъ. Присоединился къ намъ тутъ и Востротинъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ до Петрограда.

Мѣстность къ западу отъ Красноярска—та же холмистая равнина, по которой мы ѣхали отъ Енисея къ востоку. Земля частью воздѣлана, но большая часть подъ лѣсомъ. Въ Красноярскѣ же сѣлъ въ нашъ поѣздъ извѣстный политическій дѣятель, членъ Думы Родичевъ. Это одинъ изъ вождей конституціонно-демократической партіи и лучшихъ думскихъ ораторовъ. Онъ возвращался изъ поѣздки по Сибири, которую въ первый разъ проѣхалъ насквозь до

Владивостока и Хабаровска. И самая страна и народъ разочаровали его: страна показалась ему дикой пустыней, которую легко завоевать, а населеніе—лишеннымъ предпріимчивости и будущности. Можно было бы распахать всю эту землю отъ Урала до Тихаго океана, а она между тѣмъ большею частью оставалась невоздѣланной голой степью или дикимъ лѣсомъ. Затѣмъ онъ высказалъ мнѣніе, которое совпало съ моимъ впечатлѣніемъ, а именно, что сибирскимъ поселенцамъ слѣдовало бы преимущественно заняться скотоводствомъ, что̀ гораздо выгоднѣе.

Среда, 22 октября. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ западу, мѣстность становилась все болѣе плоской, а близъ Ачинска мы были уже недалеко и отъ степей. Настоящая равнина началась однако лишь около р. Оби. У пересѣченія рѣки желѣзной дорогою расположенъ городъ Ново-Николаевскъ. Этотъ городъ сто̀итъ отмѣтить. Какихъ-нибудь лѣтъ пятнадцать назадъ, до постройки желѣзной дороги, здѣсь торчало всего нѣсколько жалкихъ домишекъ, а теперь въ городѣ 85.000 жителей.

Начиная отсюда, на протяженіи приблизительно 1.300 в. до Челябинска, близъ Уральскихъ горъ, мѣстность совсѣмъ плоская, степного характера, переходящая на югѣ въ настоящія киргизскія степи; здѣсь же скорѣе, если можно такъ выразиться, „бѣлоберезовая степь“. Пейзажъ удивительно монотонный, какого я еще не видывалъ. Гладкое, какъ морская равнина безъ волнъ, луговое пространство съ порослями бѣлаго березняка да ивняка, стоги сѣна, лишь изрѣдка вспаханное поле и почти ни единаго жилья на пространствѣ многихъ верстъ. Во многихъ мѣстахъ почва болотистая, и по обѣ стороны полотна тянутся заросли тростника и осоки, поблескиваютъ стоячія болотца. Тутъ не проведено канавъ вдоль желѣзнодорожной линіи, какъ на Амурской равнинѣ. Въ другихъ мѣстахъ почва суше и плодороднѣе, но часто и вода и земля содержатъ много соли. Воздѣланныхъ участковъ видно поразительно

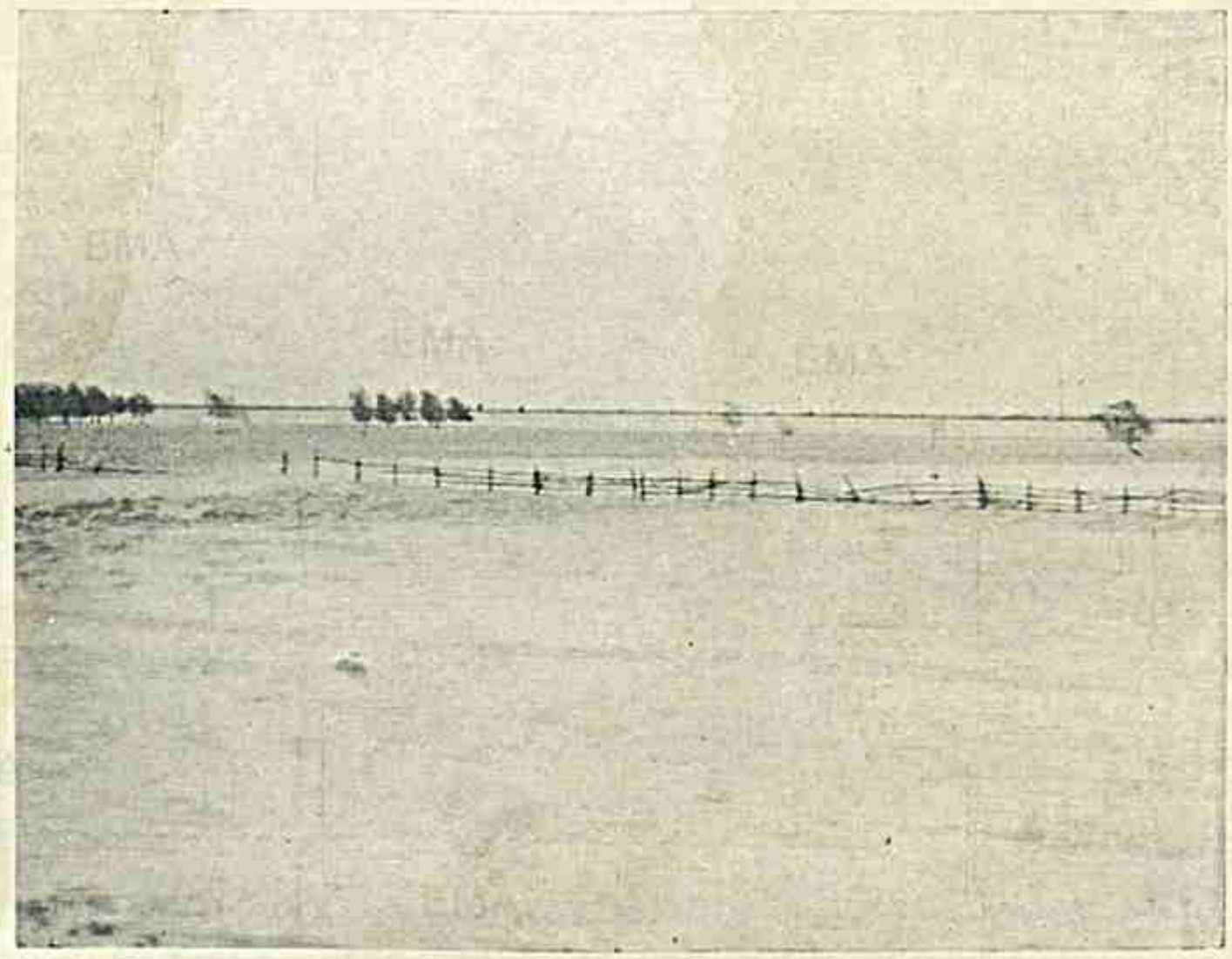
КОЛОДЕЗЬ БЛИЗЪ СТАНЦИИ ХУДОБЛАНСКОЙ (20 ОКТ.).

ПАРОХОДЫ У НОВО-НИКОЛАЕВСКА (22 ОКТ.).
Видъ съ моста.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЕ ПАССАЖИРЫ БЕРУТЪ КИПЯТОКЪ НА СТАНЦИИ (23 ОКТ.).

РАВНИНА ВЪ ЗИМНЕМЪ УБОРѢ (23 ОКТ.).

мало, но инженеръ Вурцель утѣшаетъ тѣмъ, что подальше отъ желѣзной дороги, въ обѣ стороны, совсѣмъ иныя условія: много и деревень и воздѣланныхъ полей.

Четвергъ, 23 октября. Дальше къ западу стало людиѣе, и вспаханныя поля попадались чаще. Но здѣсь стояла уже настоящая зима. Поля были занесены снѣгомъ. И такъ странно было видѣть у вокзала въ Петропавловскѣ верблюдовъ, флегматично стоявшихъ рядами около своихъ возовъ, не шевелясь, подъ бѣлившимъ ихъ снѣгомъ.

Да, степь уныло однообразна. Но кочевникамъ-скотоводамъ было здѣсь привольно; а теперь ихъ вытѣсняютъ осѣдлые жители, которые дѣлаютъ масло и отсылаютъ его въ Англію, а номады остались только въ болѣе скудныхъ кормомъ солончаковыхъ степяхъ дальше къ югу, гдѣ осѣдлымъ людямъ кажется пока невыгоднымъ селиться. Дойдетъ однако очередь и до тѣхъ мѣстъ.

Время отъ времени мы видимъ большія стада коровъ, преимущественно бураго цвѣта, какъ монгольскій скотъ; съ коровами пасутся порою и лошади и овцы. Пастухи верхомъ; имъ помогаютъ собаки. Изрѣдка на дальнемъ горизонтѣ покажется вѣтряная мельница, или вырастетъ надъ степью высокая бѣлая церковь съ круглыми главами и крестами, а вокругъ нея кучка приземистыхъ деревянныхъ избъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше зимняго, какъ въ воздухѣ, такъ и въ пейзажѣ. Въ степи уже установился санный путь, а въ Курганѣ, куда мы прибыли послѣ обѣда, на улицахъ и не видно было другихъ экипажей, кромѣ саней. А кругомъ плоско, плоско по-прежнему!

Пятница, 24 октября. Ночью миновали Челябинскъ и утромъ были между увалами восточнаго Уральскаго склона, на пути къ сѣверу, въ Екатеринбургъ. Стояла чудесная, бѣлая морозная зима; кругомъ шелъ густой лѣсъ, большею частью сосновый съ примѣсью елей, отягченный снѣжнымъ убором; увалы, холмы, дорогу—все занесло снѣгомъ. Вотъ гдѣ бы побѣгать на лыжахъ! Совсѣмъ рождественскій пей-

зажъ; такой знакомый, родной! Здѣсь, стало-быть, уже окончательно установилась зима.

Въ Екатеринбургъ пріѣхали утромъ и были встрѣчены на вокзалѣ городскимъ головой, предсѣдателемъ мѣстнаго отдѣла Географическаго Общества, секретаремъ, членами и другими лицами. Пріемъ былъ самый радушный, и угощали насъ на всѣ лады. Я побывалъ въ музеѣ и познакомился съ геологіей и минералогіей этой сказочно-богатой страны. Какихъ-какихъ только сокровищъ не содержатъ ея нѣдра! Осматривали мы и цѣнныя археологическія, и этнографическія, и орнитологическія коллекціи, представляющія большой интересъ. Налюбовались также всевозможными издѣліями и украшеніями изъ уральскихъ камней и осмотрѣли немножко самый городъ, очень красивый. Одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ зданій, по-моему, домъ-дворецъ, воздвигнутый богачомъ-золотопромышленникомъ, вѣроятно, не знавшимъ, куда иначе дѣвать деньги. Вотъ онъ и выстроилъ себѣ такую громадину, что послѣ его смерти уже не нашлось жильцовъ для нея, и весь дворецъ со всѣмъ его великолѣпіемъ пошелъ подъ типографію. Послѣ хорошаго обѣда въ любезной семьѣ инженера Бера, состоялось собраніе Географическаго Общества, на которомъ я прочелъ докладъ о своемъ Енисейскомъ путешествіи. И здѣсь къ новому морскому пути въ Сибирь отнеслись съ большимъ интересомъ, хотя для Екатеринбурга путь этотъ и не можетъ имѣть значенія. По отношенію ко мнѣ было проявлено много любезности: мнѣ поднесли почетный дипломъ и красивый подарокъ изъ уральскихъ камней на память о мѣстной промышленности. Закончился вечеръ тѣмъ, что насъ отвезли въ оперный театръ, очень красивое зданіе, гдѣ мы прослушали первый актъ оперы Чайковскаго „Пиковая дама". Поѣздъ уходилъ въ 8 ч. 45 м. вечера, и, къ сожалѣнію, намъ нельзя было дослушать эту интересную музыку.

Суббота, 25 октября. Перевалили черезъ Уралъ и снова

очутились въ Европѣ. Утромъ прибыли въ Пермь и переѣхали черезъ Каму, гдѣ былъ сильный ледоходъ. Рѣчной ледъ этотъ немало напоминалъ новый ледъ или такъ называемые „ледяные блины“ въ Ледовитомъ океанѣ. Пейзажъ чисто зимній. Мѣстность холмистая, много еловаго лѣса, много и огороженныхъ полей; большое сходство съ Норвегіей; только сани здѣсь другой формы, съ высоко загнутыми передними салазками. Дома шире, нѣсколько иного типа, и затѣмъ, конечно, эти стога сѣна въ поляхъ подъ открытымъ небомъ, а не въ сараяхъ, какъ у насъ, хотя лѣсу для постройки и здѣсь не занимать стать. Зима здѣсь тоже началась, но снѣгу выпало еще немного, не больше, какъ вершка на два, хотя для саннаго пути достаточно.

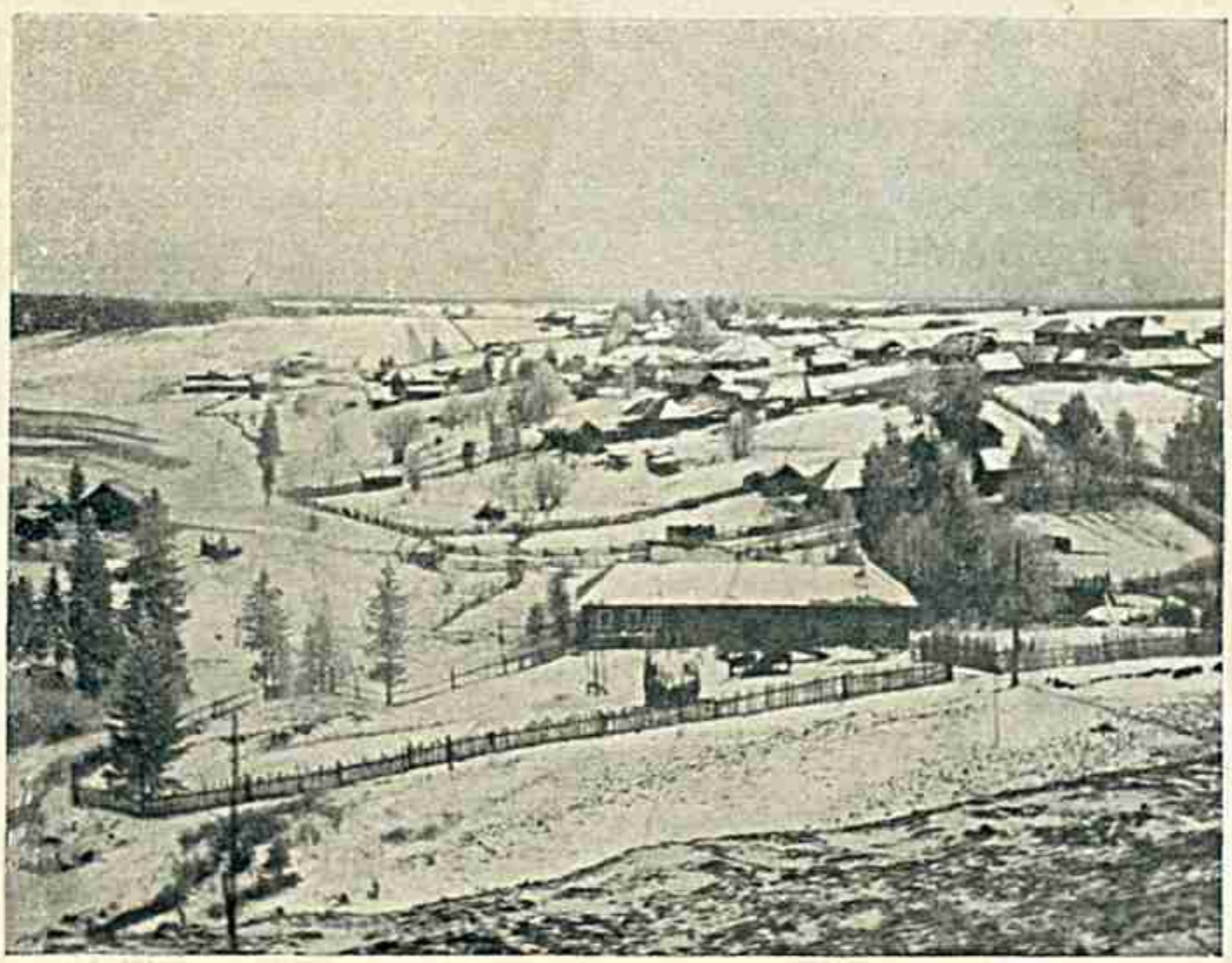
Около полудня прибыли въ Вятку, извѣстный центръ оригинальной отрасли крестьянскаго кустарнаго труда — издѣлій изъ дерева и коры. Просто невѣроятно, какія интересныя вещицы мастерятся здѣсь изъ березоваго дерева, коры и корней, и продаются по баснословно низкимъ цѣнамъ. Въ лавкѣ на станціи большой выборъ этихъ кустарныхъ издѣлій. Населеніе Вятской губерніи, какъ и Пермской, отличается предпріимчивымъ и свободолюбивымъ духомъ. Крупныхъ помѣщиковъ тутъ нѣтъ, но зато есть земство и городское самоуправленіе, и говорятъ, что эти губерніи зажиточнѣе и культурнѣе, нежели болѣе консервативныя сосѣднія губерніи, напримѣръ Вологодская. Коренное населеніе Вятки и Перми, впрочемъ, финско-угорскаго происхожденія; славяне проникли сюда позже; но теперь всѣ крестьяне говорятъ по-русски.

Воскресенье, 26 октября. Теперь мы уже сильно подвинулись къ дому. Еще день—и мы будемъ въ Петроградѣ, гдѣ я распрощаюсь съ вагономъ, служившимъ моимъ домомъ цѣлый мѣсяцъ, съ самаго выѣзда изъ Красноярска, 29 сентября. Правда, былъ и перерывъ, когда мы ѣхали черезъ Уссурійскій край и Пріамурье. Здѣсь тоже зима, но пейзажъ

сталъ болѣе плоскимъ; лѣсъ преимущественно еловый, съ небольшой примѣсью березы, осины и другихъ лиственныхъ породъ; много воздѣланныхъ полей. Но скоро и этому пейзажу конецъ, какъ всему моему долгому путешествію. И мнѣ невольно становится грустно при мысли о томъ, что я уже простился съ обширными задумчивыми лѣсами Сибири, съ ея торжественно-строгой природой, простыми и величавыми линіями. Я полюбилъ эту огромную страну, раскинувшуюся вширь и вдаль, какъ море, отъ Урала до Тихаго океана, съ ея обширными равнинами и горами, съ замерзшими берегами Ледовитаго океана, пустыннымъ привольемъ тундры и таинственными дебрями тайги, волнистыми степями, синѣющими лѣсистыми горами и вкрапленными въ эти безграничныя пространства кучками людей.

ДОМЪ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКА ВЪ ЕКАТЕРИНБУРГѢ, ГДѢ ТЕПЕРЬ ПОМѢЩАЕТСЯ ТИПОГРАФІЯ (24 ОКТ.).

ДЕРЕВНЯ ВЪ ВЯТСКОЙ ГУБ. (25 ОКТ.).

EMA

ПРИЛОЖЕНІЕ.

СУДОХОДСТВО ПО КАРСКОМУ МОРЮ.

10 сентября, недѣлю спустя послѣ нашего отъѣзда къ югу на „Омулѣ“, погрузка товаровъ на „Корректъ“ была закончена, и онъ послѣ полудня снялся съ якоря, чтобы направиться въ обратный путь. Къ югу отъ острова Диксона 12 сентября ему встрѣтился плавучій ледъ, тянувшійся къ западу до острова Вилькицкаго, но ледъ былъ большею частью слабый, а дальше къ западу Карское море оказалось совершенно свободнымъ отъ льда. Нѣсколько дней подъ рядъ дулъ сильный противный вѣтеръ, переходившій по временамъ въ штормъ и разводившій сильную волну, вслѣдствіе чего пароходъ медленно подвигался впередъ. 16 сентября „Корректъ“ прошелъ Карскія Ворота и въ полночь съ 19-го на 20 сентября, нигдѣ не встрѣтивъ препятствій со стороны льда, прибылъ въ южную Медовую бухту.

Въ то же лѣто, всего нѣсколькими днями позднѣе насъ, прошли черезъ Карское море къ востоку два русскихъ судна. Капитанъ Спаде съ тралеромъ „Западъ“ встрѣтилъ 12 августа (1913) ледъ къ западу отъ Югорскаго Шара и къ вечеру того же дня прошелъ названнымъ проливомъ въ Карское море, т.-е. двумя днями позже „Корректа“. Море было свободно отъ льда, и „Западъ“ взялъ курсъ

къ сѣверо-западу, но утромъ 14 августа, приблизительно въ 70 миляхъ отъ Югорскаго Шара, капитанъ Спаде снова встрѣтилъ ледъ и долго старался обойти его съ сѣверо-запада. Убѣдившись однако, что съ этой стороны ледъ всюду непроходимъ, „Западъ“ повернулъ назадъ, пошелъ на юго-западъ и достигъ земли на южномъ берегу Карскаго моря. Здѣсь ему удалось пробраться сквозь ледъ къ Ямалу, повидимому, черезъ ту же самую длинную, свободную отъ льда бухту, вдававшуюся въ ледъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, которую мы видѣли тремя днями раньше Спаде, а именно въ ночь съ 11-го на 12 августа.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней капитанъ Спаде пробирался черезъ льды къ сѣверу вдоль Ямала, но больше удалялся въ открытое море, чѣмъ „Корректъ“, и встрѣтилъ тамъ болѣе мелкій ледъ. 18 августа онъ достигъ 73°56′ с. ш. и почти 67° в. д., и все-таки на востокѣ было по-прежнему много непроходимаго льда. Только 20 августа посчастливилось ему пройти сквозь ледъ и выйти въ открытое море около сѣверныхъ береговъ Бѣлаго Острова, откуда онъ направился къ югу, вдоль острова, въ Обскую губу. „Западъ“ сильно пострадалъ во время плаванія во льдахъ отъ безпрерывныхъ столкновеній съ льдинами.

Въ теченіе 22, 23, 24 августа „Западъ“ безуспѣшно искалъ въ Обской губѣ осетровъ, которые успѣли подняться вверхъ по Оби. 26 августа капитанъ Спаде снова находился около сѣверной оконечности Бѣлаго Острова, направляясь въ обратный путь. Здѣсь онъ снова натолкнулся на ледъ и вынужденъ былъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ итти тихимъ ходомъ; только подъ вечеръ оказалось возможнымъ развить полный ходъ между огромными ледяными полями. На другой день Спаде взялъ къ югу вдоль Ямала и прошелъ сквозь ледъ на высотѣ 71°7′ с. ш. къ мысу Харосоваю. Далѣе море было свободно

отъ льда, и днемъ позже, 28 августа, „Западъ“ прошелъ черезъ Югорскій Шаръ.

Въ серединѣ іюля вышелъ изъ Архангельска на казенномъ суднѣ „Николай II“ генералъ Н. Морозовъ, пытался пройти Югорскимъ Шаромъ или Карскими Воротами, но встрѣтилъ къ западу отъ Вайгача непроходимый ледъ, среди котораго вынужденъ былъ лавировать нѣсколько дней, не въ силахъ пробраться сквозь него, такъ же какъ и два другихъ парохода: „Данъ“ и „Вассіанъ“, которые должны были доставить матеріалы для станціи радіотелеграфа. Морозовъ попытался тогда пройти Маточкинымъ Шаромъ, что̀ ему и удалось безъ труда 16 августа. Онъ вышелъ въ открытое море и взялъ курсъ прямо на востокъ, но тутъ, въ 70 миляхъ отъ Маточкина Шара, „Николай II“ снова встрѣтилъ пловучій ледъ. Ледъ этотъ все сгущался, и, пройдя еще 70 миль, судно должно было остановиться. Морозовъ попытался взять къ сѣверу и, держась края льда, достигъ почти 74°45′ с. ш. Потерявъ надежду пробраться сѣвернымъ путемъ, онъ снова повернулъ къ югу и постарался пробиться сквозь ледъ къ Бѣлому Острову. Пройдя верстъ 30—40 среди большихъ ледяныхъ массъ, онъ таки-пробился и 26 августа достигъ Бѣлаго Острова. Здѣсь онъ провелъ одиннадцать дней, чтобы поставить бетонный сигналъ высотою въ 60 метровъ. 6 сентября онъ достигъ острова Вилькицкаго, гдѣ также поставилъ сигналъ; 10 сентября двинулся дальше къ острову Диксона, и на островкѣ Вернъ былъ сооруженъ третій сигналъ. Только 25 сентября, въ бурную ненастную погоду, Морозовъ вышелъ въ обратный путь къ западу, пробираясь среди мелкаго пловучаго льда, который однако днемъ позже сгустился къ сѣверо-востоку отъ острова Вилькицкаго. Въ этотъ день выпало много снѣгу, который заполнилъ всѣ промежутки между отдѣльными льдинами, и ударившій морозъ поставилъ судно въ затруднительное положеніе. 27 сентября „Николай II“ былъ окончательно

затертъ пловучимъ льдомъ и понесся вмѣстѣ съ нимъ. Два дня спустя ледъ однако нѣсколько разрѣдился, такъ что судну удалось выйти въ открытое море по другую сторону льда. Отсюда „Николай II“ по совершенно свободному отъ льда фарватеру обошелъ съ сѣвера Бѣлый Островъ и направился къ югу вдоль западнаго берега Ямала. 1 октября Морозовъ достигъ Югорскаго Шара.

Такимъ образомъ всѣ эти три экспедиціи, побывавшія въ Карскомъ морѣ въ 1913 году, выяснили, что даже въ августѣ въ восточной части Карскаго моря, къ западу и и къ сѣверо-западу отъ Ямала, встрѣчается ледъ. Къ концу мѣсяца льду стало уже меньше, а въ сентябрѣ ни „Коректъ“ ни „Николай II“ не встрѣтили льда на всемъ пути по Карскому морю—отъ Бѣлаго Острова и до Вайгача.

Чтобы составить себѣ вѣрное представленіе о шансахъ правильнаго судоходства по Карскому морю, не лишнее будетъ ознакомиться съ успѣхами, достигнутыми въ этомъ направленіи до сего времени.

Мы не знаемъ въ точности, когда именно былъ открытъ морской путь изъ Европы въ Сибирь и когда развились торговыя сношенія по этому пути. Но въ 1620 году судоходство этимъ путемъ было запрещено русскимъ царемъ, и тѣми немногими свѣдѣніями, которыя имѣются о судоходствѣ до того времени, мы обязаны по большей части отдѣльнымъ представителямъ Западной Европы, пытавшимся въ XVI вѣкѣ открыть вдоль береговъ Сибири морской путь въ Китай. Отдѣльныя записи попадаются также въ Новгородскихъ хроникахъ и въ донесеніяхъ воеводъ изъ Тобольска, которые настойчиво добивались запрещенія морского сообщенія между Бѣлымъ моремъ и сибирскими рѣками.

По этимъ источникамъ можно составить себѣ ясное представленіе о томъ, что торговый путь вдоль Бѣлаго моря отъ Печоры и до Обской губы былъ хорошо извѣстенъ во второй половинѣ XVI вѣка. Путь этотъ прохо-

дилъ, вѣроятно, главнымъ образомъ черезъ Югорскій Шаръ, но въ случаѣ препятствій со стороны льда, быть-можетъ, и черезъ Карскія Ворота, а затѣмъ вдоль южнаго берега Карскаго моря къ Ямалу. Обычно этотъ полуостровъ не огибался съ сѣвера, но суда проходили черезъ него по двумъ рѣкамъ въ Обскую губу.

Въ 1556 году изъ Англіи посланъ былъ обслѣдовать Обь, извѣстную лишь по наслышкѣ, Стефанъ Бюрру, который 10 августа достигъ Карскихъ Воротъ и Вайгача. Изъ-за льдовъ ему не удалось пройти въ Карскія Ворота, но отъ русскихъ китолововъ онъ собралъ свѣдѣнія, которыя показали, что дальнѣйшій путь къ устью Оби былъ уже хорошо извѣстенъ русскимъ въ то время.

Въ 1580 году изъ Англіи вышли съ двумя судами отыскивать Сѣверо-восточный проходъ Артуръ Питъ и Чарльзъ Джекманъ. 2 августа Питъ прошелъ черезъ Карскія Ворота въ Карское море. Джекманъ со своимъ суднома также пробрался въ это море, но, направляясь на востокъ вдоль южнаго берега, встрѣтилъ много льда. Возможно, что оба судна продвинулись въ общемъ настолько далеко, что Ямалъ уже былъ у нихъ въ виду, но 7 августа имъ пришлось повернуть въ обратный путь, и 27 августа они снова прошли Карскія Ворота, направляясь на западъ.

Въ 1581 году, по слухамъ, какое-то судно изъ Западной Европы, быть-можетъ, англійское, погибло около устья Оби, и команда его была перебита самоѣдами, которые приняли пришельцевъ за враговъ, явившихся для покоренія себѣ туземцевъ.

Въ 1594 году изъ Голландіи была отправлена экспедиція въ составѣ четырехъ судовъ, которой было поручено найти Сѣверо-восточный проходъ. Виллимъ Баренцъ пошелъ съ двумя судами къ сѣверу вдоль западнаго берега Новой Земли и достигъ самаго крайняго сѣвернаго пункта, тогда какъ Корнелій Нэй, адмиралъ всей флотиліи, прошелъ съ

двумя остальными судами 25 іюля Югорскій Шаръ и 1 августа выбрался въ Карское море, гдѣ вначалѣ оказалось порядочно льду. Но уже 9 августа ледъ разсѣялся, и скоро передъ мореплавателями открылось Карское море, почти совсѣмъ свободное отъ льда. Нэй рѣшилъ, что нашелъ открытый морской путь прямо въ Китай, а достигнувъ западнаго берега Ямала, подумалъ, что уже миновалъ устье Оби. Затѣмъ оба судна двинулись къ сѣверу, все вдоль того же западнаго берега Ямала, и есть основаніе предполагать, что имъ удалось добраться до 71½° с. ш. Такъ какъ море было по-прежнему совершенно свободно отъ льда, то у Нэя не могло явиться сомнѣній, что онъ открылъ морской путь въ Китай; въ этой увѣренности онъ и повернулъ обратно и 14 августа снова прошелъ Югорскій Шаръ.

Въ слѣдующемъ, 1595 году Нэй прибылъ на сѣверъ уже въ качествѣ адмирала флотиліи изъ семи кораблей съ Виллимомъ Баренцомъ въ качествѣ главнаго лоцмана. Подойдя 19 августа къ Югорскому Шару, они нашли его забитымъ льдомъ. Встрѣтившіеся имъ здѣсь русскіе промышленники сообщили, что изъ Холмогоръ, на Бѣломъ морѣ, и „изъ ихъ земли ежегодно отправляется по нѣскольку ладей по Татарскому морю, мимо рѣки Оби, къ другой рѣкѣ, Гылиссѣ, гдѣ русскіе ведутъ съ туземцами торгъ одеждой и матеріями, и что какъ-разъ въ скоромъ времени изъ Холмогоръ отплывутъ десять небольшихъ ладей, которыя направятся къ названной рѣкѣ и перезимуютъ тамъ до будущаго года, какъ дѣлаютъ обычно“. „Гылисса“— это, разумѣется, Енисей, и, насколько мнѣ кажется, названіе этой рѣки въ данномъ случаѣ впервые встрѣчается въ литературѣ. Промышленники сообщили также, что зима у нихъ длинная и суровая, и что годъ на годъ не приходится: иногда зима наступаетъ раньше, иногда позже, но что ледъ скоро исчезнетъ, какъ это бываетъ каждый годъ, и пройдетъ еще десять недѣль, прежде чѣмъ наступитъ настоящая

зима. 25 августа флотилія миновала Югорскій Шаръ и, только пройдя 8 миль по Карскому морю, встрѣтила ледъ. Было сдѣлано много попытокъ пробиться впередъ вдоль южнаго берега, но состояніе льда было крайне неблагопріятно, и мореплавателямъ не удалось пройти далеко. Даже неутомимый Баренцъ долженъ былъ спасовать, и 15 сентября флотилія отплыла въ обратный путь черезъ Югорскій Шаръ.

Въ 1596 году Виллимъ Баренцъ сдѣлалъ попытку пробиться впередъ къ востоку, обойдя съ сѣвера Новую Землю, но къ концу августа былъ затертъ льдами въ Ледовитомъ океанѣ на 76°7′ с. ш., противъ сѣверо-восточнаго берега Новой Земли. Пришлось остаться тутъ на зимовку и ближайшимъ лѣтомъ покинуть судно, чтобы вернуться на родину въ лодкахъ. Самъ Баренцъ умеръ во время пути отъ скорбута.

Торговля морскимъ путемъ между сѣверной Россіей и землями на устьяхъ Оби и Енисея сильно развилась съ основаніемъ въ 1601 году укрѣпленнаго города Мангазеи на нижнемъ теченіи Таза, немного выше Тазовской губы, которая въ свою очередь является однимъ изъ развѣтвленій Обской губы. Морскія сношенія между Бѣлымъ моремъ и Обью и Мангазеей происходили обычно на плоскодонныхъ судахъ, слѣдовавшихъ вдоль береговъ до Мутнаго залива на западномъ берегу Ямала, почти на 70°20′ с. ш. Затѣмъ они поднимались по рѣкѣ Мутной въ три сообщающіяся между собою озера Ней-те. Оттуда лодки перетаскивались волокомъ черезъ узкую низменную косу къ озеру Ямбу-то и шли по рѣкѣ Зеленой (по-самоѣдски Сья-яга) до Обской губы, и оттуда черезъ Тазовскую губу вверхъ по рѣкѣ Тазу до Мангазеи. Должно-быть, здѣсь происходила довольно оживленная, по тѣмъ временамъ, торговля. 10 августа 1611 года англичане встрѣтили въ устьѣ Печоры не менѣе двадцати шести русскихъ ладей, направлявшихся въ Мангазею, но вынужденныхъ изъ-за льда дожидаться слѣдующаго года.

Повидимому, въ тѣ времена былъ извѣстенъ не только этотъ путь по рѣкамъ черезъ Ямалъ, но также и сѣверный путь, мимо Бѣлаго Острова, хотя послѣднимъ пользовались не такъ часто. Но, если даже не каждый годъ удавалось пробраться по Карскому морю къ Оби и Мангазеѣ, и хотя, въ силу необходимости оставаться на зимовку, приходилось вдобавокъ затрачивать на такой путь цѣлыхъ два года, торговля все-таки процвѣтала и, по всей вѣроятности, приносила хорошіе барыши. Особенно цѣнились шкурки соболя, бѣличьи, лисьи и прочіе мѣха, которыхъ много добывалось въ тѣ времена въ сѣверной Сибири. Сохранились указанія на то, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ этого торговаго пути въ Мангазею существовалъ особый спросъ на собольи мѣха. Одновременно ввозилось много иностранныхъ товаровъ въ самую Мангазею, при чемъ немалая доля ввоза приходилась на долю Англіи. Въ силу этого отъ тобольскихъ воеводъ стали поступать жалобы на причиняемые тѣмъ убытки мѣстнымъ купцамъ. Воеводы добивались полнаго запрещенія пользоваться сѣвернымъ морскимъ путемъ, чтобы слѣдомъ за русскими не пробрались въ Сибирь иностранцы.

Въ 1620 году указомъ царя Михаила Ѳеодоровича этотъ путь и былъ закрытъ. Ослушникамъ грозило наказаніе батогами. На Вайгачѣ была поселена стража изъ пятидесяти человѣкъ. Такимъ образомъ желавшіе торговать съ Мангазеей вынуждены были пробираться туда сухимъ путемъ, во избѣжаніе уклоненія отъ уплаты пошлинъ. Этотъ путь оказался однако слишкомъ труднымъ, и Мангазея, бывшая во времена своего процвѣтанія важнымъ центромъ нѣсколькихъ округовъ, гдѣ лѣтомъ собиралось до двухъ тысячъ купцовъ, пришла послѣ 1620 года въ упадокъ.

Послѣ указа 1620 года русскіе, повидимому, совершенно забросили морской путь къ Оби. Правда, они, должно-быть еще долго послѣ того продолжали охотиться и ловить, рыбу въ Карскомъ морѣ, а также торговать съ самоѣдами,

обитавшими на Ямалѣ, но объ этомъ не сохранилось никакихъ историческихъ данныхъ. Только въ большомъ трудѣ голландца Витсена (въ 1705 году) встрѣчаются случайныя описанія такихъ путешествій на Ямалъ въ 1690 и 1691 г.г., со словъ одного штурмана, потерпѣвшаго кораблекрушеніе и зимовавшаго на Ямалѣ. Съ того же времени русскіе промыслы какъ-будто мало-по-малу свелись на нѣтъ.

Мы слишкомъ уклонились бы, если бы стали перечислять всѣ попытки пройти по Карскому морю къ востоку, которыя совершались на протяженіи многихъ лѣтъ,— по большей части неудачно, но нѣкоторыя съ большимъ успѣхомъ. Такъ, напримѣръ, голландскій китоловъ Виллимъ де-Фламингъ обогнулъ въ 1664 году Новую Землю съ сѣвера и достигъ зимней гавани Баренца; затѣмъ проникъ дальше къ юго-востоку почти до 74° с. ш., а также до какого-то пункта къ сѣверу отъ устья Оби или Енисея, нигдѣ не встрѣтивъ льда.

Во время большой сѣверной экспедиціи (въ 1734—39 г.г.) русскіе серьезно возобновили попытки изслѣдовать Карское море и побережье Сибири, и послѣ многолѣтнихъ усилій Малыгину и Скуратову удалось пробиться мимо Ямала и Бѣлаго Острова къ Обской губѣ въ 1737 году.

Изъ русскихъ, оказавшихъ исключительныя услуги дѣлу изслѣдованія побережій Карскаго моря, можно назвать Савву Ѳеофановича Ложкина, который въ 1441—42 (?) г.г. обогнулъ Новую Землю; Розмыслова, прошедшаго черезъ Маточкинъ Шаръ (1768—69); Пахтусова и Чиволку (1833—1835), проплывшихъ вдоль восточнаго берега Новой Земли; фонъ-Бера (1837) и Павла фонъ-Крузенштерна, который прошелъ въ 1860 году черезъ Карскія Ворота и нашелъ Карское море совершенно свободнымъ отъ льда, но вынужденъ былъ повернуть въ обратный путь 13 сентября по причинѣ недостатковъ снаряженія. Въ 1862 году, 15 августа, онъ проникъ съ запада черезъ Югорскій Шаръ, встрѣтилъ много льда, былъ затертъ имъ и унесенъ льдомъ въ

восточномъ направленіи. 26 августа Крузенштернъ увидѣлъ берега Ямала; тутъ ледъ понесъ его къ сѣверу, и 17 сентября онъ покинулъ съ командой судно и добрался до берега, гдѣ самоѣды помогли ему доѣхать до Обдорска.

Съ этого времени начинаютъ совершать путешествія къ востоку, въ поискахъ новыхъ мѣстъ ловли, норвежскіе промышленники на своихъ маленькихъ суденышкахъ; они-то и положили начало новой эпохѣ судоходства по Карскому морю.

Въ 1868 году шкиперъ промысловаго судна Эллингъ Карлсенъ прошелъ на своемъ рыболовномъ шлюпѣ изъ Гаммерфеста въ Карское море черезъ Карскія Ворота и вернулся обратно черезъ Югорскій Шаръ.

Въ 1869 году Карлсенъ пробрался почти до самаго Бѣлаго Острова и проложилъ обратный путь въ Норвегію черезъ Маточкинъ Шаръ. Въ томъ же году норвежскій шкиперъ промысловаго судна Эдвардъ Іогансенъ прошелъ 29 іюня черезъ Карскія Ворота и по совершенно чистому отъ льда фарватеру пересѣкъ Карское море до береговъ Ямала, вдоль которыхъ поднялся къ сѣверу до Бѣлаго Острова, куда прибылъ 7 августа. Отсюда Іогансенъ снова пересѣкъ Карское море и, спустившись къ югу, вдоль восточнаго берега Новой Земли до Карскихъ Воротъ, вернулся черезъ нихъ въ Норвегію. Тѣмъ же лѣтомъ прошелъ черезъ Маточкинъ Шаръ англійскій спортсмэнъ майоръ Джонъ Паллизеръ, пересѣкшій затѣмъ Карское море почти до Бѣлаго Острова и вернувшійся обратно черезъ Югорскій Шаръ.

Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ норвежскія промысловыя суда избороздили Карское море вдоль и поперекъ.

1870 годъ выдался особенно благопріятный: Карское море было, повидимому, почти совершенно свободно отъ льда уже съ первой половины августа.

1871 годъ былъ также довольно благопріятенъ въ смыслѣ состоянія льда, особенно въ сѣверной части Кар-

скаго моря. Рыбопромышленникъ Макъ достигъ 12 сентября 75°25′ с. ш. и 82°30′ в. д. по чистому отъ льда фарватеру. Такимъ образомъ онъ пробрался восточнѣе устья Енисея.

Годы 1872 и 1873 были неблагопріятны: въ Карскомъ морѣ было много льда.

Зато въ 1874 году условія снова улучшились, и многіе норвежскіе рыбопромышленники плавали по Карскому морю въ разныхъ направленіяхъ. Въ томъ же году прошелъ черезъ Карскія Ворота англичанинъ Джозефъ Виггинсъ, обогнувшій съ сѣвера Бѣлый Островъ и достигшій какого-то пункта къ сѣверу отъ устья Оби, откуда повернулъ обратно и 28 августа прошелъ Карскія Ворота.

Въ 1875 году баронъ Норденшёльдъ на норвежской рыболовной шкунѣ „Прёвенъ“, со шкиперомъ Исаксеномъ, прошелъ Югорскій Шаръ 2 августа и 15 августа достигъ по почти совсѣмъ свободному отъ льда Карскому морю Диксоновой гавани, къ сѣверу отъ устья Енисея.

Въ 1876 году состояніе льда также благопріятствовало Норденшёльду, который прошелъ 15 августа съ груженымъ пароходомъ „Имеръ“ черезъ Маточкинъ Шаръ и 15 августа достигъ устья Енисея.

Въ 1877 году состояніе льда также было благопріятно, и къ устью Енисея и Оби пробрались два-три парохода. Въ 1878 году, когда Норденшёльдъ вышелъ со своей экспедиціей на „Вегѣ“, Карское море было въ первыхъ числахъ августа почти совсѣмъ свободно отъ льда, и лѣтомъ того же года черезъ Карское море прошли въ оба направленія многіе пароходы, а также капитанъ Виггинсъ, дошедшій до Обской губы. Дальше къ сѣверу море было также на рѣдкость свободно отъ льда, и рыбопромышленникъ Эдвардъ Іогансенъ, обогнувшій Новую Землю съ сѣвера, настолько продвинулся къ востоку, что видѣлъ землю около полуострова Таймыра и открылъ островъ Уединенія.

Въ 1879 году состояніе льда въ проливахъ было не столь благопріятно, и не менѣе шести торговыхъ пароходовъ и парусныхъ судовъ тщетно пытались пробиться къ Оби. Одному „Нептуну“ удалось пройти Маточкинъ Шаръ 3 сентября и выйти въ Карское море, но тутъ льды заставили его повернуть обратно. Капитану Далльманъ съ пароходомъ „Луиза“, напротивъ, удалось пройти 8 или 9 сентября въ Карское море Югорскимъ Шаромъ; море оказалось почти совсѣмъ свободнымъ отъ льда, и 13 сентября онъ достигъ Гольчихи на устьѣ Енисея, откуда вернулся и снова прошелъ Югорскій Шаръ 11 октября. Этимъ же лѣтомъ прошли по Карскому морю нѣсколько норвежскихъ рыбопромышленниковъ.

Въ 1880 году состояніе льда въ Карскомъ морѣ также было не особенно благопріятно. Нѣсколькимъ пароходамъ пришлось вернуться обратно, не попавъ въ Карское море, но пароходъ „Нептунъ“ пробрался до Обской губы и 19 сентября прошелъ на обратномъ пути Югорскій Шаръ. Сибиряковъ съ пароходомъ „Оскаръ Диксонъ“ и парусникомъ „Нордландъ“, который часть пути шелъ на буксирѣ, прошелъ Карскимъ моремъ почти до острова Вилькицкаго, но 24 сентября суда Сибирякова сѣли на мель и были затерты льдомъ. Подъ конецъ имъ удалось добраться до залива Гыдаямо, но тутъ они окончательно погибли во льдахъ.

1881 годъ былъ нѣсколько благопріятнѣе въ смыслѣ состоянія льда, такъ что двумъ пароходамъ и нѣсколькимъ баржамъ удалось добраться до устья Енисея.

1882 годъ былъ особенно неблагопріятенъ. Пароходы „Луиза“ и „Норденшёльдъ“ тщетно пытались пробиться сквозь льды, а голландская экспедиція на „Варнѣ“ и датская на „Дьимфнѣ“ (съ капитаномъ Ховгоромъ) застряли въ пловучихъ льдахъ и носились съ ними всю зиму.

1883 годъ также, повидимому, былъ неблагопріятенъ: ни одно судно не прошло черезъ Карское море, хотя это

могло случиться и по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, а не только изъ-за состоянія льдовъ.

Въ 1884 году условія были не изъ благопріятныхъ. Пароходу „Норденшёльдъ“ пришлось вернуться обратно, хотя главною виною этого была, по всей вѣроятности, порча машины. О другихъ попыткахъ намъ ничего не извѣстно.

Въ 1885 и 1886 г.г. судоходство по Карскому морю прервалось.

1887 годъ былъ благопріятенъ. Капитанъ Виггинсъ нашелъ 29 августа Карское море почти совсѣмъ чистымъ отъ льда и прошелъ къ устью Енисея и обратно.

Въ 1888 году въ Карскомъ морѣ было много льда. Капитанъ Виггинсъ, несмотря на позднее время года (было уже 25 сентября), встрѣтилъ значительныя ледяныя массы, хотя мѣстами море было свободно отъ льда. Виггинсъ дошелъ до Бѣлаго Острова и вернулся обратно 1 октября.

Въ 1889 году Карское море было вполнѣ доступно, и капитанъ Виггинсъ безъ труда достигъ 4 сентября устья Енисея.

1890 годъ былъ тоже благопріятенъ. Къ устью Енисея прошли три парохода.

Въ 1891 и 1892 г.г. судоходства по Карскому морю вообще не было. Не заходили туда и мелкія рыболовныя суда.

Въ 1893 году, въ первой половинѣ августа, „Фрамъ“ встрѣтилъ въ Карскомъ морѣ много льда, тогда какъ капитанъ Виггинсъ, вышедшій съ шестью пароходами въ послѣднихъ числахъ августа, встрѣтилъ очень мало льда и безъ труда добрался до устьевъ Енисея.

1894 годъ былъ благопріятенъ. Виггинсъ прошелъ Карское море чистымъ фарватеромъ и достигъ въ концѣ августа устья Енисея.

Въ 1895 году Виггинсъ въ концѣ августа и въ началѣ сентября встрѣтилъ въ Карскомъ морѣ порядочное количество льда, но тѣмъ не менѣе добрался до Енисея.

Въ 1896 году состояніе льда благопріятствовало судоходству, и къ устью Енисея прибыли два парохода; столько же судовъ вышло въ обратный путь.

1897 годъ выдался особенно благопріятный. Къ устьямъ Оби и Енисея прошли одиннадцать пароходовъ.

1898 годъ, повидимому, былъ также благопріятенъ. По Карскому морю прошли къ устьямъ Енисея и Оби шесть пароходовъ. Русскій экспедиціонный пароходъ „Пахтусовъ“ встрѣтилъ въ Карскомъ морѣ мало льда.

Въ 1899 году въ южной части Карскаго моря было порядочное количество льда. Четыре большихъ англійскихъ парохода не могли пройти проливы, и, послѣ того какъ одинъ изъ нихъ затонулъ во льдахъ, остальные три вернулись обратно. Тѣмъ не менѣе многочисленнымъ норвежскимъ рыболовнымъ шкунамъ удалось благополучно пройти Карское море, равно какъ и русскому „Пахтусову“.

1900 годъ былъ благопріятенъ. Баронъ Толь на „Зарѣ“ встрѣтилъ въ Карскомъ морѣ въ первой половинѣ августа лишь немного мелкаго пловучаго льда. Многочисленныя норвежскія рыболовныя шкуны также прошли взадъ и впередъ по Карскому морю, и одно изъ нихъ достигло даже земли Франца-Іосифа.

1901 годъ выдался особенно удачный. Одинъ норвежскій рыбопромышленникъ нашелъ Карское море свободнымъ отъ льда уже въ началѣ августа. „Пахтусовъ“ также не встрѣтилъ льда въ первыхъ числахъ сентября.

Въ 1902 году въ Карскомъ морѣ было много льда даже въ концѣ августа и въ началѣ сентября; „Пахтусовъ“ прошелъ вдоль южнаго берега немного къ востоку и 10 сентября повернулъ обратно. По разсказамъ самоѣдовъ, въ ту зиму Карскія Ворота совершенно замерзли, что случается крайне рѣдко.

Въ 1903 году въ проливахъ было много льда, и „Пахтусову“ и другимъ судамъ не удалось пройти въ Карское море.

1904 годъ былъ очень удаченъ. „Пахтусовъ“ нашелъ Карское море совершенно очистившимся отъ льда во второй половинѣ августа.

Въ 1905 году вышли къ устью Енисея двадцать два казенныхъ русскихъ парохода и два германскихъ къ устью Оби. Несмотря на то, что дѣло было уже въ послѣднихъ числахъ августа, Югорскій Шаръ оказался забитымъ льдомъ. Въ первыхъ числахъ сентября судамъ удалось, впрочемъ, выйти въ Карское море, которое было почти совсѣмъ свободно отъ льда, за исключеніемъ юго-западной части, гдѣ попадались небольшія количества разсѣяннаго пловучаго льда.

Въ 1906 году состояніе льдовъ въ Карскомъ морѣ было, насколько можно судить, довольно благопріятно. Русское рыболовное судно „Святой Фока“ прошло Карское море по свободному отъ льда фарватеру въ концѣ августа и послѣ удачной охоты на моржей вернулось обратно въ сентябрѣ. Русскій пароходъ „Баканъ“ прошелъ 31 августа Югорскій Шаръ и достигъ Енисея 27 сентября.

Въ 1908 году условія, повидимому, вполнѣ благопріятствовали судоходству, и Карское море посѣтили многочисленныя русскія и норвежскія рыболовныя шкуны.

За 1909 — 1910 г.г. не получено свѣдѣній о состояніи льдовъ въ Карскомъ морѣ.

Въ 1911 году Карское море было частью покрыто льдомъ, но англичанинъ Вебстеръ на „Немвродѣ“ достигъ устья Енисея и благополучно вернулся обратно.

Въ 1912 году въ Карскомъ морѣ было необычайно много льда. Многія суда, которыя должны были доставить матеріалы для станціи безпроволочнаго телеграфа у Мора-Сале на Ямалѣ, тщетно пытались добраться туда вплоть до середины сентября. Такъ же неудачно старались пробиться къ востоку сквозь ледъ нѣсколько русскихъ судовъ, и 28—29 сентября всѣ они вернулись обратно отъ Югорскаго Шара.

Выше упоминалось, что Сибирское Общество послало

въ томъ же году норвежскій пароходъ „Туллу“ къ устью Енисея. 12 августа судно подошло къ Югорскому Шару, но не могло пройти изъ-за льда. Карскія Ворота были тоже непроходимы. 27 августа „Тулла“ все-таки прошла Югорскій Шаръ, но, встрѣтивъ въ Карскомъ морѣ много льда, могла пройти лишь немного вдоль южнаго берега. Простоявъ еще четыре дня на якорѣ, пароходъ вернулся къ Югорскому Шару 4 сентября и отправился въ обратный путь въ Норвегію.

Вышеприведенный обзоръ судоходства по Карскому морю, несмотря на всю его краткость, является достаточнымъ показателемъ того, что состояніе льдовъ въ этомъ морѣ крайне измѣнчиво. Съ другой стороны приведенныя сообщенія показываютъ, насколько въ общемъ мало измѣнились условія судоходства за 333 года, которые протекли съ 1580 года, когда въ Карское море проникла первая экспедиція англичанъ. Читая описанія этой первой экспедиціи, или экспедиціи голландцевъ въ 1594 и 1595 г.г., получаешь такое впечатлѣніе, какъ-будто рѣчь идетъ объ экспедиціяхъ послѣднихъ лѣтъ. И тогда, какъ теперь, въ одномъ году море оказывалось свободнымъ отъ льда, а на другой—судоходство встрѣчало большія затрудненія со стороны льда. Впрочемъ, въ прежнія времена къ услугамъ мореплавателей были только паруса, тогда какъ теперь мы пользуемся паромъ.

Нашъ обзоръ показываетъ также, насколько рѣдки въ послѣднее время случаи, когда судну не удавалось проникнуть въ Карское море,—если только попытка носила серьезный характеръ. За 45 лѣтъ, истекшихъ съ того времени, когда норвежскій рыболовъ вновь проложилъ (въ 60-хъ годахъ) путь по Карскому морю, можно по пальцамъ перечесть тѣ годы, когда не представлялось возможнымъ войти въ это море. Съ 1874 года, т.-е. за сорокъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ не прекращались попытки пробраться

изъ Европы моремъ къ устьямъ Оби и Енисея, выдались только четыре неудачныхъ года: 1882, 1902, 1903 и 1912, когда состояніе льдовъ не позволило ни одному судну пройти этимъ путемъ. Правда, въ 1883 году Карскимъ моремъ тоже не прошло ни одно судно, но случилось это потому, что одно изъ нихъ поломало винтъ объ ледъ, а другое было вынуждено вернуться въ Норвегію, чтобы отвести первое на буксирѣ. Въ 1902 и 1903 г.г. попытки были предприняты только однимъ судномъ, а именно „Пахтусовымъ". Вполнѣ очевидно, что годы эти были неблагопріятны въ смыслѣ состоянія льдовъ въ проливахъ, ведущихъ въ Карское море; каковы были условія въ остальныхъ его частяхъ, намъ однако неизвѣстно. Въ 1912 году попытка ограничилась небольшимъ пространствомъ Карскаго моря, около южнаго его берега; объ условіяхъ въ сѣверной части моря намъ ничего не извѣстно.

Такимъ образомъ многочисленныя экспедиціи прежнихъ лѣтъ съ точностью установили, что въ большинствѣ случаевъ, на протяженіи многихъ лѣтъ, оказывалось возможнымъ пройти по Карскому морю къ сибирскимъ рѣкамъ, и что вообще нѣтъ основаній считать Карское море непроходимымъ. Я лично увѣренъ, что при имѣющихся въ нашемъ распоряженіи въ настоящее время вспомогательныхъ средствахъ рѣдкія неудачи слѣдуетъ считать чисто случайными.

Впрочемъ, вышеприведенный обзоръ показываетъ, что количество ледяныхъ массъ, встрѣчающихся лѣтомъ въ Карскомъ морѣ, далеко не одинаково изъ года въ годъ. Въ иные годы (какъ, напримѣръ, въ 1878 году) море бываетъ, повидимому, наиболѣе чисто отъ льда начиная съ южной его части и до самаго острова Уединенія или почти до Земли Франца-Іосифа къ сѣверу; зато выдаются и такіе годы, когда и въ сѣверной и въ южной части моря встрѣчается множество льда, затрудняющаго судоходство, хотя и не ставящаго ему непреодолимыхъ препятствій.

Напримѣръ, въ 1882 году льду было очень много и на югѣ и на сѣверѣ Карскаго моря. Насколько намъ извѣстно, море было всюду покрыто льдомъ и въ 1883 году. Въ 1888 и 1895 г.г. встрѣчалось много льда даже въ концѣ сентября, а въ 1902 и 1903 г. г. Карское море было полно льдомъ, во всякомъ случаѣ въ юго-западной части. Съ другой стороны, Карское море оказывалось болѣе или менѣе чистымъ отъ льда уже въ концѣ августа въ 1887, 1890, 1894, 1897, 1898, 1900 (въ особенности) и наконецъ въ 1901 и 1904 г.г.

Поэтому ошибочно было бы предполагать, что количество льда, ежегодно скопляющагося за зиму въ Карскомъ морѣ, остается одинаковымъ каждое лѣто и каждую осень, а также расчитывать на то, что если трудно пройти южной частью моря, то можно легко сдѣлать это въ сѣверной, или наоборотъ. Безъ сомнѣнія, скопленіе главныхъ массъ льда находится въ прямой зависимости отъ вѣтровъ, которые приводятъ ледъ въ движеніе, но еще болѣе важнымъ условіемъ для судоходства по Карскому морю является самое количество льда. Для будущаго судоходства по Карскому морю было бы поэтому желательно точно установить—отъ чего зависитъ количество льда, подвергающееся, какъ мы видѣли, такимъ рѣзкимъ колебаніямъ.

Можно предположить двѣ причины. Во-первыхъ, возможно, что мѣняются вѣтры и морскія теченія, благодаря чему въ одномъ году пригоняются съ сѣвера большія массы льда, которыя заполняютъ все море, а въ другомъ году льды угоняются изъ моря на сѣверъ. Во-вторыхъ, можно предположить, что бо́льшая часть льда, встрѣчающагося въ Карскомъ морѣ, образуется на мѣстѣ, а не пригоняется изъ другихъ мѣстъ, и такимъ образомъ различіе въ количествѣ льда, образующагося и тающаго ежегодно въ Карскомъ морѣ, зависитъ отъ мѣстныхъ условій.

Первая возможность мало вѣроятна. Карское море между Ямаломъ и Новой Землей можетъ считаться своего

рода замкнутымъ и неглубокимъ заливомъ, такъ что большія количества льда, пригоняемыя въ него съ сѣвера, не могутъ считаться обычнымъ явленіемъ. Льды, встрѣчающіеся здѣсь или во всякомъ случаѣ въ южной части моря, между Ямаломъ и Новой Землей, производятъ впечатлѣніе образовавшихся въ самомъ Карскомъ морѣ. Мощный ледъ, встрѣчающійся дальше къ сѣверу—дѣло особое.

Значитъ, приходится признать, что ежегодныя колебанія количества льда въ Карскомъ морѣ вызываются мѣстными причинами. Врядъ ли однако это зависитъ отъ колебанія температуры самой воды моря, вызываемаго различными, смотря по году, теченіями. Количество воды, которое могутъ принести съ запада въ это замкнутое море морскія теченія, настолько не велико, что не можетъ играть никакой роли въ смыслѣ пониженія или повышенія температуры воды въ морѣ. Впрочемъ, необходимо имѣть въ виду, что верхніе слои воды въ Карскомъ морѣ полупрѣсные, полусоленые, образующіеся отъ смѣшенія морской воды съ рѣчною и съ водою изъ растаявшаго снѣга и льда. Такимъ образомъ эта полупрѣсная вода значительно легче нижнихъ, болѣе соленыхъ слоевъ морской воды и даже при сильнѣйшемъ охлажденіи не можетъ смѣшаться съ ними, а потому пониженіе температуры въ нижнихъ слояхъ, обусловливаемое холодными морскими теченіями съ сѣвера, изъ-за Новой Земли, не оказываетъ на верхніе слои никакого вліянія *).

Количество льда, образующагося ежегодно въ Карскомъ морѣ, зависитъ отъ охлажденія поверхности моря въ зимнее время, а также отъ слоя снѣга, покрывающаго ледъ. Очевидно, подъ толстымъ слоемъ снѣга образуется меньше льда, чѣмъ подъ тонкимъ. Послѣ холодной зимы, съ малымъ количествомъ осадковъ, количество льда въ Кар-

*) Водныя массы, могущія проникнуть черезъ болѣе южные проливы (Маточкинъ Шаръ, Карскія Ворота, Югорскій Шаръ), слишкомъ незначительны, чтобы оказать сколько-нибудь замѣтное дѣйствіе.

скомъ морѣ въ слѣдующую весну бываетъ значительно больше, чѣмъ послѣ мягкой, снѣжной зимы. Если за суровой зимой послѣдуютъ сравнительно холодныя и ненастныя весна и лѣто, ледъ мало подвергается таянію, и состояніе льдовъ въ Карскомъ морѣ будетъ особенно неблагопріятнымъ. Напротивъ, послѣ мягкой зимы, съ обиліемъ снѣга, и послѣ теплой весны и солнечнаго лѣта, таяніе льда происходитъ очень быстро, и Карское море до извѣстной степени очищается отъ льда.

Кромѣ того, образованіе льда зимою въ сильной степени зависитъ отъ состоянія моря осенью—много ли или мало оставалось въ морѣ льда, холодна или тепла была поверхность морской воды. Если въ концѣ лѣта море сравнительно чисто отъ льда, какъ это часто бываетъ,—вода верхнихъ слоевъ будетъ довольно тепла, и потребуется нѣкоторое время, чтобы она охладилась до точки замерзанія; вдобавокъ и само замерзаніе будетъ затруднено волненіемъ, поднимаемымъ на морѣ вѣтрами. Если и образовывается новый ледъ, то быстро вновь вскрывается силою вѣтра и разбивается волнами. Проходитъ немало времени, прежде чѣмъ образуется ледъ, достаточно крѣпкій, чтобы противостоять вѣтрамъ и волнамъ.

Въ тѣ же годы, когда въ морѣ остается къ осени много прошлогодняго льда, вода верхнихъ слоевъ бываетъ холоднѣе, и новый ледъ быстрѣе и прочнѣе сковываетъ между собою пловучія льдины, покрывающія все море, что̀ уже значительно облегчаетъ дальнѣйшее наращеніе льда. Такимъ образомъ обиліе льда въ предыдущемъ году можетъ оказать вліяніе и на условія послѣдующаго года; если же, напримѣръ, выпадутъ двѣ суровыя зимы подъ рядъ, можетъ случиться, что слѣдующее за ними лѣто окажется особенно неблагопріятнымъ для судоходства. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что мягкая зима еще не всегда въ состояніи устранить вліяніе предыдущаго года, неблагопріятнаго въ смыслѣ состоянія льда.

Уже въ давно-минувшія времена было, повидимому, подмѣчено вліяніе суровыхъ зимъ на количество льда, встрѣчавшагося слѣдующимъ лѣтомъ въ Карскомъ морѣ. Въ 1595 году, какъ уже упоминалось выше, русскіе рыболовы сообщили голландскимъ мореплавателямъ въ Югорскомъ Шарѣ, что условія одного года не похожи на условія другого, и что неблагопріятное состояніе льда въ данномъ году объясняется исключительно суровостью и продолжительностью предыдущей зимы.

Сравнивая среднюю температуру воздуха зимою и лѣтомъ въ области, прилегающей къ Карскому морю, съ состояніемъ льдовъ, можно было бы провѣрить правильность высказаннаго выше взгляда. Къ сожалѣнію, вблизи Карскаго моря нѣтъ метеорологическихъ станцій, гдѣ бы производились правильныя наблюденія на протяженіи цѣлаго ряда лѣтъ. Ближайшая станція Малыя Кармакулы — на западномъ берегу Новой Земли, но на ней произведенъ рядъ мало-мальски связныхъ наблюденій только съ 1896 по 1910 г.г., если не считать отрывочныхъ наблюденій зимою 1876—77, 78, 79, 1882—83 и 1891—92 г.г. Приходится обратиться къ помощи станцій, расположенныхъ южнѣе, на материкѣ; ближайшею является Обдорскъ, гдѣ наблюденія велись превосходно, начиная съ осени 1882 по 1913 годъ. Ближайшею станціей въ Европейской Россіи является Пустозерскъ на Печорѣ. Здѣсь правильныя наблюденія велись съ 1 января 1901 года по весну 1906 года, когда станція была упразднена, и одновременно начались правильныя наблюденія въ Оксинѣ, неподалеку отъ Пустозерска.

При любезномъ содѣйствіи директора Николаевской Главной Физической Обсерваторіи въ Петроградѣ и его помощника г. Эд. Стеллинга я получилъ доставленныя упомянутыми станціями свѣдѣнія о средней мѣсячной температурѣ.

Средняя температура въ Обдорскѣ высчитана по наблю-

деніямъ, полученнымъ въ 7 часовъ утра, въ 1 часъ дня и въ 9 часовъ вечера, и затѣмъ свѣрена съ подлинной средней температурой сутокъ. Такъ же произведено вычисленіе средней температуры для Кармакулъ. Средняя мѣсячная температура для Пустозерска и Оксина, напротивъ, вычислена непосредственно по ежедневнымъ наблюденіямъ въ 7 часовъ утра, въ 1 часъ дня и въ 9 часовъ вечера, безъ внесенія какихъ-либо поправокъ.

На основаніи этихъ среднихъ мѣсячныхъ температуръ мною составлены нижеприведенныя таблицы. Въ таблицѣ первой сопоставлены среднія показанія термометра для каждой станціи и для каждой зимы въ отдѣльности за время съ 1 ноября по 30 апрѣля. Таблица вторая даетъ среднія показанія термометра по годамъ за весенніе и лѣтніе мѣсяцы, съ 1 мая по 31 августа. Таблица третья содержитъ среднія показанія термометра на протяженіи десяти мѣсяцевъ—съ ноября одного года по конецъ августа послѣдующаго года, такъ какъ эта температура, повидимому, оказываетъ вліяніе на состояніе льдовъ въ Карскомъ морѣ въ августѣ и сентябрѣ.

Діаграммы I и II представляютъ кривыя среднихъ температуръ зимы и десяти мѣсяцевъ года, выведенныя отдѣльно для каждой изъ трехъ станцій. Годы даны по порядку въ горизонтальномъ направленіи, а показанія термометра—въ шкалѣ слѣва. Эти кривыя показываютъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ одновременно наблюденія на трехъ станціяхъ, колебанія всѣхъ трехъ кривыхъ почти совпадаютъ, — особенно кривыхъ, показывающихъ среднія температуры для десяти мѣсяцевъ, съ ноября по августъ. Въ кривыхъ зимней температуры можно отмѣтить нѣкоторыя уклоненія,—впрочемъ, незначительныя,—въ 1897 и 1898 г.г., гдѣ колебанія температуры въ Кармакулахъ и въ Обдорскѣ не вполнѣ совпадаютъ между собою, а въ 1905 году показанія термометра нѣсколько ниже въ Пустозерскѣ, нежели въ Обдорскѣ и Кармакулахъ. Зато крупныя коле-

Таблица . 1 **Средняя температура зимою—съ 1 ноября по 30 апрѣля.**

	1876—77	1878—79	1882—83	1883—84	1884—85	1885—86	1886—87	1887—88	1888—89
Обдорскъ	--	—	—18.8	—19.5	—19.2	—20.1	--17.4	—22.6	—18.4
Кармакулы.	—18.1	—12.3	—13.3	—	—	—	—	—	—

	1889—90	1890—91	1891—92	1892—93	1893—94	1894—95	1895—96	1896—97	1897—98
Обдорскъ	—16.0	—19.0	—20.6	—19.0	—18.2	—22.5	—19.2	—19.1	—20.8
Кармакулы	—	—	—15.3	—	—	—	—	—12.7	—13.6

	1898—99	1899—1900	1900—01	1901—02	1902—03	1903—04	1904—05	1905—06
Обдорскъ	—20.3	—16.3	—17.3	—23.9	—19.8	—16.4	—16.9	—19.1
Кармакулы	—16.1	—11.8	—	—20.2	—16.4	—10.7	—12.7	—13.9
Пустозерскъ.	—	—	(—12.8)	—19.2	—15.1	—10.95	—11.1	—12.3

	1906—07	1907—08	1908—09	1909—10	1910—11	1911—12	1912—13
Обдорскъ	—14.5	—19.3	—20.0	—17.1	—20.6	(—19.3)	—18.6
Кармакулы	— 8.1	—12.2	—14.7	—13.6	—	—	—
Оксино	—10.8	—14.9	—14.0	—10.1	—16.0	—16.6	—11.7

Таблица 2. **Средняя температура весною и лѣтомъ—съ 1 мая по 31 августа.**

	1879	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890
Обдорскъ	—	5.8	4.3	4.4	5.4	8.8	7.9	6.5	5.8
Кармакулы	(1.9)	1.8	—	—	—	—	—	—	—

	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898
Обдорскъ	4.2	8.6	7.5	8.5	6.2	9.0	9.9	7.8
Кармакулы	—	—	—	—	—	—	4.1	(2.8)

	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906
Обдорскъ	5.9	8.1	6.7	6.6	6.6	10.0	—	9.1
Кармакулы	(0.5)	2.2	—	1.6	(1.5)	3.7	(2.9)	2.4
Пустозерскъ.	—	—	6.4	6.4	6.9	8.8	8.0	8.2

	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Обдорскъ	7.8	8.6	8.2	9.0	8.5	5.8	8.0
Кармакулы	2.9	3.0	2.6	(2.8)	—	—	—
Оксино	8.3	7.4	6.4	7.0	6.6	5.6	7.1

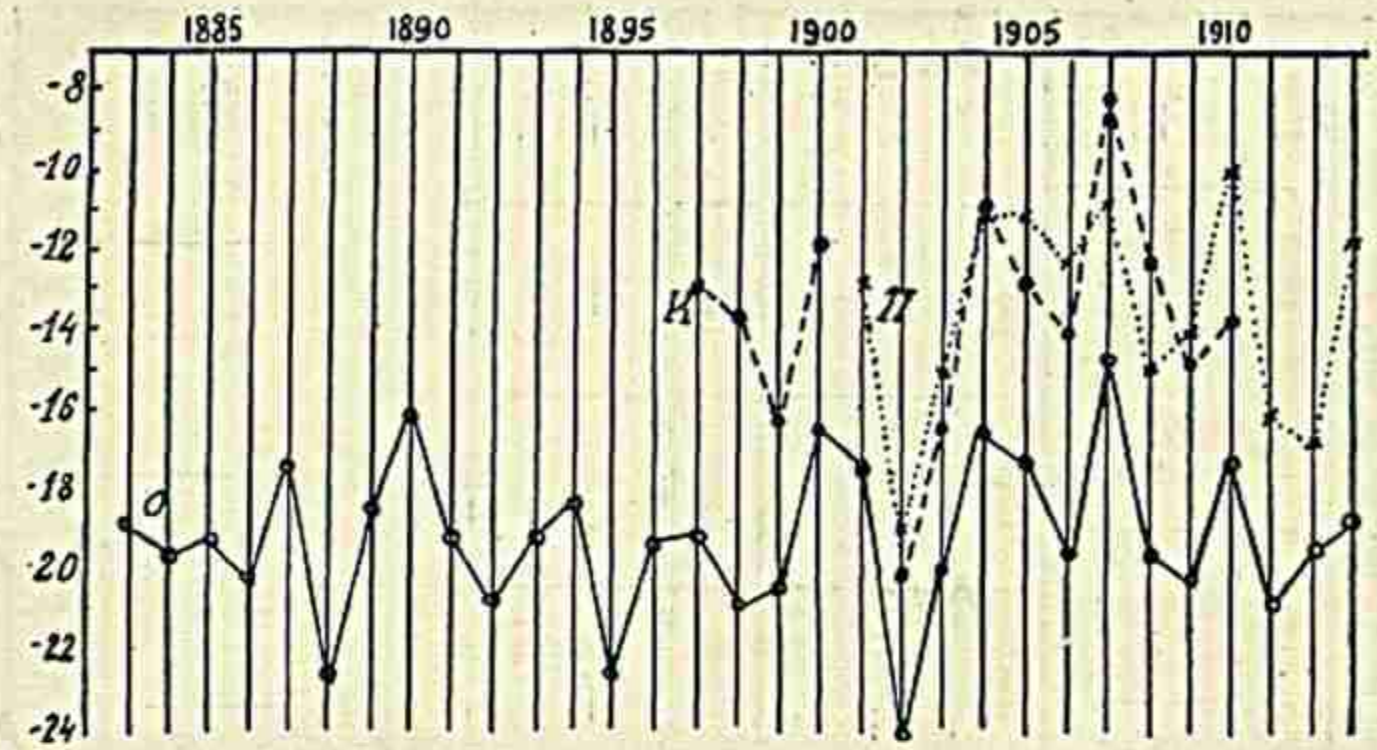
Таблица 3. **Средняя температура за десять мѣсяцевъ—съ 1 ноября по 31 августа.**

	1879	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890
Обдорскъ	—	—8.9	—10.0	—9.7	—9.9	—6.9	—10.4	—8.4	—7.2
Кармакулы	—6.6	—	—	—	—	—	—	—	—

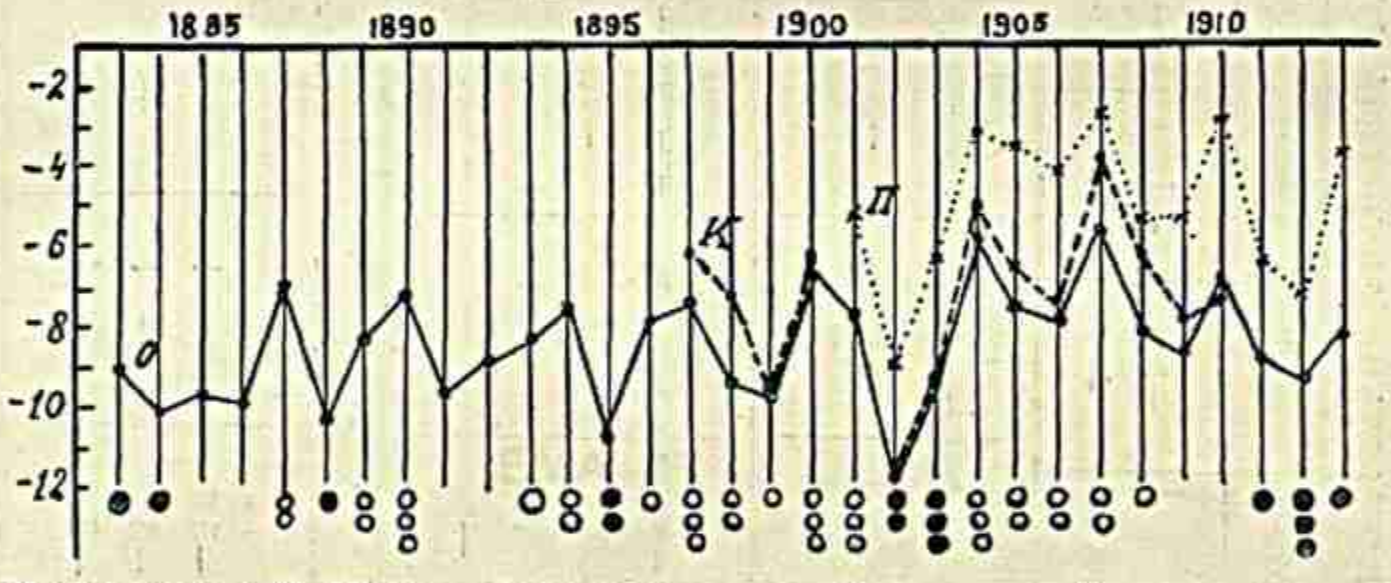
	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898
Обдорскъ	—9.7	—8.9	—8.4	—7.6	—11.0	—7.9	—7.4	—9.4
Кармакулы	—	—	—	—	—	—	—6.0	(—7.1)

	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906
Обдорскъ	—9.8	—6.5	—7.7	—11.7	—9.3	—5.8	—	—7.8
Кармакулы	(—9.5)	—6.2	--	—11.5	(—9.2)	—4.9	(—6.5)	—7.4
Пустозерскъ.	—	—	(—5.1)	— 9.0	—6.3	—3.1	—3.5	—4.1

	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Обдорскъ	—5.6	—8.1	—8.7	—6.7	—8.9	—9.4	—8.0
Кармакулы	—3.8	—6.1	—7.8	(—7.1)	—	—	—
Оксино	—2.6	—5.4	—5.3	—2.7	—6.4	—7.2	—3.6

Діаграмма I. Кривыя изображаютъ колебанія средней зимней температуры съ 1 ноября предыдущаго года по 30 апрѣля послѣдующаго: *О*—въ Обдорскѣ, *К*—въ Кармакулахъ, *П*—въ Пустозерскѣ (и Оксинѣ).

Діаграмма II. Кривыя показываютъ колебанія средней температуры за 10 мѣсяцевъ съ 1—ноября по 31 августа: *О*—въ Обдорскѣ, *К*—въ Кармакулахъ, *П*—въ Пустозерскѣ (и Оксинѣ).

банія кривыхъ встрѣчаются одновременно на всѣхъ трехъ станціяхъ.

Составить себѣ ясное представленіе о весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцахъ уже трудно, за отсутствіемъ наблюденій въ Кармакулахъ. Лѣтомъ 1909 года наблюденія не производились въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; въ 1898, 1899, 1903

и 1905 г.г. недостаетъ наблюденій за августъ мѣсяцъ. Воспользовавшись средней температурой за августъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, оказалось однако возможнымъ вычислить приблизительно среднюю температуру за четыре лѣтнихъ мѣсяца, которая и указана въ скобкахъ въ таблицѣ 2-й. Найденныя температуры показываютъ, что разница въ среднихъ показаніяхъ термометра за эти мѣсяцы (весну и лѣто) почти совпадаетъ на всѣхъ трехъ станціяхъ.

Исходя изъ этого, мы можемъ съ полнымъ правомъ считать, что среднія показанія термометра въ Обдорскѣ даютъ приблизительно вѣрную картину того, какъ измѣнялась средняя температура въ соотвѣтствующемъ году въ области, прилегающей къ Карскому морю, хотя необходимо, разумѣется, не терять изъ виду, что въ послѣднемъ случаѣ могутъ получиться меньшія уклоненія, такъ какъ Обдорскъ расположенъ значительно южнѣе. Если мы теперь сопоставимъ ряды среднихъ показаній термометра въ Обдорскѣ, особенно за десять мѣсяцевъ, съ имѣющимися въ нашемъ распоряженіи данными о состояніи льдовъ въ Карскомъ морѣ, почерпнутыми изъ описаній прежнихъ путешествій, то мы получимъ удивительную согласованность тѣхъ и другихъ данныхъ. На діаграммахъ сдѣлана попытка показать и состояніе льдовъ, насколько это возможно прослѣдить по данному выше обзору судоходства по Карскому морю въ различные годы. Черный сплошной кружокъ внизу подъ кривою означаетъ присутствіе въ Карскомъ морѣ льда въ концѣ лѣта, два такихъ кружка означаютъ большое количество льда, а три—особенное его скопленіе. Простой кружокъ означаетъ, что море было сравнительно чисто отъ льда; два такихъ кружка показываютъ, что море было свободно на большомъ пространствѣ, и три—что льда почти совсѣмъ не было. Мы видимъ, что годы, изобиловавшіе льдами, примыкаютъ къ тѣмъ годамъ, когда средняя температура была наиболѣе низкою, какъ, напримѣръ, въ 1888, 1895, 1902, 1903, 1912г.г.; то же самое наблюдается, и, въ тѣ

годы, когда низкая температура держалась нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, какъ въ 1883 и 1884 г.г.; въ 1903 году условія должны были быть особенно неблагопріятны, такъ какъ кромѣ того, что самый годъ былъ холодный, ему предшествовалъ необыкновенно холодный 1902 годъ. Съ другой стороны, благопріятные въ смыслѣ льда годы находятся въ непосредственной связи съ зимними періодами, которые въ таблицахъ отмѣчены наивысшими показаніями термометра, какъ, напримѣръ, 1887, 1890, 1894, 1896 и 1897 г.г., и особенно 1900, 1901 и 1904 г.г. Исключеніе составляетъ только 1907 годъ, когда въ Карскомъ морѣ былъ ледъ, несмотря на то, что годъ выдался очень теплый. Впрочемъ, много льду здѣсь—во всякомъ случаѣ въ концѣ августа—не могло быть, такъ какъ въ это время прошли черезъ Карское море какъ норвежскій китоловъ, такъ и русское промысловое судно „Фока“, которые не встрѣтили на пути льда.

Лучшаго согласованія, чѣмъ выше отмѣченное, собственно говоря, трудно было бы и ожидать, и мы можемъ, повидимому, съ полнымъ правомъ повѣрить тому, что между измѣненіями въ количествѣ льда въ Карскомъ морѣ осенью и колебаніями средней температуры воздуха въ данной области предыдущею весною существуетъ прямая связь. Если же это такъ, то, очевидно, можно составить себѣ довольно ясное представленіе о томъ, каково будетъ состояніе льда и условія судоходства осенью, если только имѣются точныя свѣдѣнія о томъ, какъ протекала весна или начало лѣта въ областяхъ, прилегающихъ къ Карскому морю, или хотя бы въ Обдорскѣ. Конечно, и лѣтняя температура, какъ мы уже могли убѣдиться, можетъ оказать вліяніе на таяніе льда, но въ большинствѣ случаевъ уже весной можно составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, каковы будутъ условія осенью. Все это должно, вѣроятно, имѣть большое значеніе для судоходства по Карскому морю въ будущемъ.

Но проходимость проливовъ и Карскаго моря зависитъ, разумѣется, не только отъ одного количества льда, а и отъ его распространенія и распредѣленія въ морѣ, и въ этомъ отношеніи играютъ большую роль вѣтры и морскія теченія. Даже если льда въ морѣ лѣтомъ и немного, неблагопріятные вѣтры могутъ нагнать льда, напримѣръ, въ Карскія ворота и Югорскій Шаръ, такъ что пройти эти проливы — во всякомъ случаѣ въ теченіе нѣкоторой части лѣта—можетъ оказаться очень затруднительно. Впрочемъ, въ этихъ случаяхъ можно ожидать, что удастся сравнительно легко пройти въ другую часть моря.

Затѣмъ надо имѣть въ виду, что движеніе воды и льда зависитъ также отъ глубины моря. Изъ путешествія на „Корректѣ“, а равно изъ прежнихъ моихъ путешествій, я вынесъ впечатлѣніе, что льды въ Карскомъ морѣ, такъ же какъ и въ Ледовитомъ океанѣ, проявляютъ большую склонность задерживаться на меляхъ. Здѣсь теченія играютъ меньшую роль, такъ какъ встрѣчаютъ препятствія въ видѣ неровностей морского дна, вслѣдствіе чего вѣтрамъ труднѣе угонять воду и ледъ. Въ силу этого зимній ледъ обычно дольше держится на болѣе мелкихъ мѣстахъ, чѣмъ тамъ, гдѣ море достигаетъ большой глубины.

Какъ видно изъ всего вышеприведеннаго, затрудненія, встрѣчаемыя судоходствомъ на морскомъ пути изъ Европы къ устьямъ Енисея и Оби, зависятъ почти исключительно отъ состоянія льдовъ въ Карскомъ морѣ между Новой Землей и Ямаломъ. Приходится считаться съ тѣмъ, что въ иные годы судоходство на этомъ пути можетъ оказаться труднымъ, и въ рѣдкіе годы даже весьма труднымъ, а промежутокъ времени, когда судоходство вообще возможно, всегда бываетъ непродолжительнымъ. Поэтому, если желательно совершить этотъ путь туда и обратно въ возможно кратчайшій срокъ, то суда должны выходить изъ Европы не слишкомъ рано лѣтомъ, и въ неблагопріятные годы позже, чѣмъ въ благопріятные. Въ среднемъ слѣдуетъ

считать нормальнымъ срокомъ для начала судоходства по Карскому морю вторую половину августа, а въ нѣкоторые годы даже начало сентября. Какъ уже говорилось, слѣдовало бы передъ началомъ навигаціи каждый годъ освѣдомляться о температурѣ минувшей зимы и весны.

Но, чтобы заложить для будущаго болѣе прочныя основы правильнаго судоходства по Карскому морю, было бы, на мой взглядъ, крайне важно установить болѣе полныя и систематичныя наблюденія за состояніемъ льдовъ въ этомъ морѣ лѣтомъ и осенью. Нужно имѣть подробныя свѣдѣнія, сколько именно льда въ дѣйствительности бываетъ въ этой части моря въ то время, когда судоходство можетъ происходить безпрепятственно: нужно знать, насколько быстро уменьшается количество льда въ теченіе лѣта и осени, и какія измѣненія происходятъ въ этомъ отношеніи изъ года въ годъ. Важно было бы также изучить—какимъ образомъ и въ какихъ размѣрахъ ледъ разгоняется вѣтрами и теченіями. Слѣдуетъ также изслѣдовать морскія теченія и ихъ уклоненія, а также ихъ температуру и содержаніе соли на различныхъ глубинахъ и въ разныхъ частяхъ моря на протяженіи всего лѣта и осени.

Подробное систематическое изученіе цѣлесообразнѣе всего было бы производить съ помощью трехъ-четырехъ снабженныхъ моторными двигателями парусныхъ катеровъ, которые могли бы, какъ только состояніе льда позволитъ, проникать въ Карское море черезъ различные проливы, т.-е. какъ въ сѣверную, такъ и въ южную его часть, а если представится возможнымъ, то и съ запада, отъ устья Енисея. Посланные на этихъ судахъ спеціалисты должны были бы обслѣдовать море въ различныхъ направленіяхъ вплоть до поздней осени и обстоятельно изучить расположеніе льдовъ и т. п. въ разные періоды.

Тѣмъ, что̀ намъ до сихъ поръ извѣстно о состояніи льдовъ въ Карскомъ морѣ, мы обязаны исключительно

отрывочнымъ и случайнымъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ различными мореплавателями. Нѣтъ сомнѣнія, что упомянутыя выше періодическія и систематичныя обслѣдованія помогутъ лучше разобраться въ этихъ условіяхъ, и произведенныя такимъ образомъ планомѣрныя наблюденія окажутъ неоцѣнимую услугу будущему судоходству по сѣверному морскому пути къ устьямъ двухъ великихъ рѣкъ Сибири.

Если снабдить упомянутые моторные катера безпроволочнымъ телеграфомъ, то они могли бы оказывать огромную пользу, своевременно передавая сообщенія о состояніи льдовъ станціямъ безпроволочнаго телеграфа, которыя въ свою очередь передавали бы полученныя свѣдѣнія въ Европу или же судамъ, направляющимся въ Карское море. По входѣ въ Карское море суда эти могутъ также получать непосредственныя сообщенія по безпроволочному телеграфу съ самихъ катеровъ, находящихся среди льда въ различныхъ мѣстахъ, что̀ имѣло бы, разумѣется, громадное значеніе для навигаціи.

Впрочемъ, для опредѣленія нахожденія льда и моментальнаго извѣщенія объ этомъ могутъ быть примѣнены еще съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ эти моторные катера, аэропланы и гидропланы. Разстояніе между станціей безпроволочнаго телеграфа у Мора-Сале на Ямалѣ и станціей у Югорскаго Шара не превышаетъ 120 миль, т.-е. приблизительно 220 километровъ, а отъ Ямала до станціи безпроволочнаго телеграфа на Вайгачѣ приблизительно 160 миль, или 300 километровъ. Разстоянія эти не превышаютъ того, сколько можетъ безъ труда пролетѣть современный аэропланъ. Если бы эти аэропланы разъ въ недѣлю совершали такіе большіе перелеты, какъ, напримѣръ, отъ станціи у Мора-Сале до станціи у Югорскаго Шара или на Вайгачѣ, или въ обратномъ направленіи, то станціи эти, безъ сомнѣнія, могли бы передавать по телеграфу самыя точныя свѣдѣнія о мѣстонахожденіи льдовъ. Въ случаѣ,

если бы это понадобилось, не особенно трудно было бы устроить одно или два депо съ бензиномъ немного сѣвернѣе на берегу Ямала,—напримѣръ, хотя бы на 71°, и второе—еще сѣвернѣе. Тогда летчикъ безъ труда могъ бы пролетѣть изъ Море-Сале вдоль береговъ Ямала до этихъ депо, наблюдая по пути состояніе льдовъ. Пополнивъ здѣсь свои запасы бензина, онъ могъ бы пересѣчь Карское море къ Вайгачу или Югорскому Шару, а затѣмъ предпринять перелетъ въ обратномъ направленіи. Такимъ путемъ можно было бы постоянно получать подробныя свѣдѣнія о состояніи льдовъ въ южной части Карскаго моря.

Если бы вдобавокъ соорудить станцію безпроволочнаго телеграфа у Маточкина Шара и установить съ нею связь при помощи аэроплановъ, можно было бы получать свѣдѣнія о состояніи льдовъ и ихъ проходимости также и въ этой части моря.

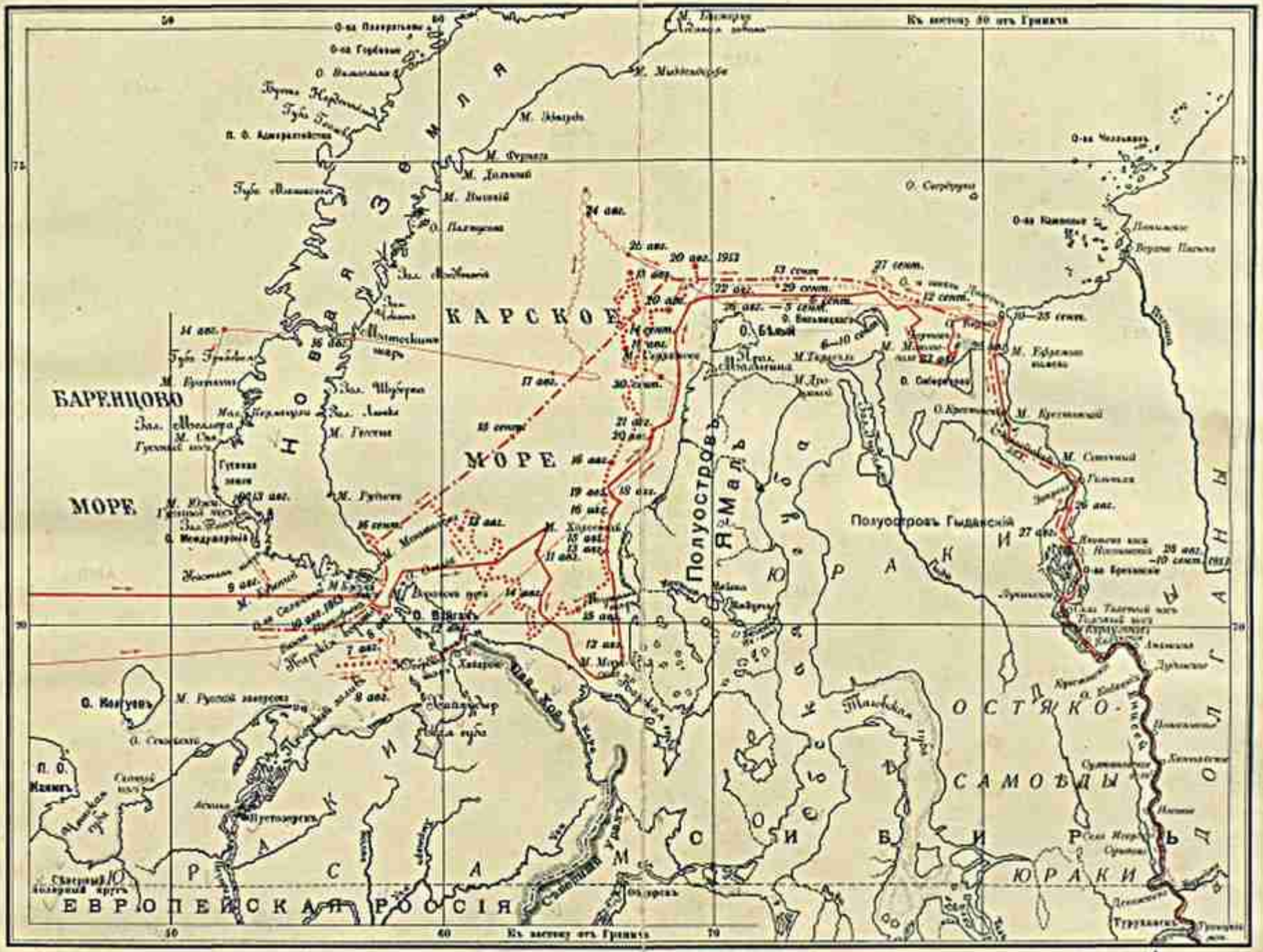
Вполнѣ вѣроятно, что подобная служба аэроплановъ и гидроплановъ будетъ имѣть важное значеніе для судоходства Сѣвернымъ морскимъ путемъ, тѣмъ болѣе, что расходы, связанные съ ихъ примѣненіемъ, ни въ коемъ случаѣ не могутъ считаться непосильными. На равнинахъ Ямала, около Югорскаго Шара, а также на Вайгачѣ, не трудно будетъ найти достаточно ровныя площадки для безопаснаго подъема и спуска аэроплановъ. Не можетъ также встрѣтиться затрудненій и при взлетѣ и спускѣ аэроплановъ съ громадныхъ ледяныхъ полей вдоль береговъ.

Въ виду уже признаннаго громаднаго значенія успѣшнаго развитія морского судоходства между Европой и устьями Оби и Енисея для будущности необъятной Сибири, можно считать жертвы, связанныя съ вышеупомянутыми мѣрами ради безопасности этого судоходства, вполнѣ пріемлемыми и незначительными по сравненію съ результатами, которые онѣ обѣщаютъ.

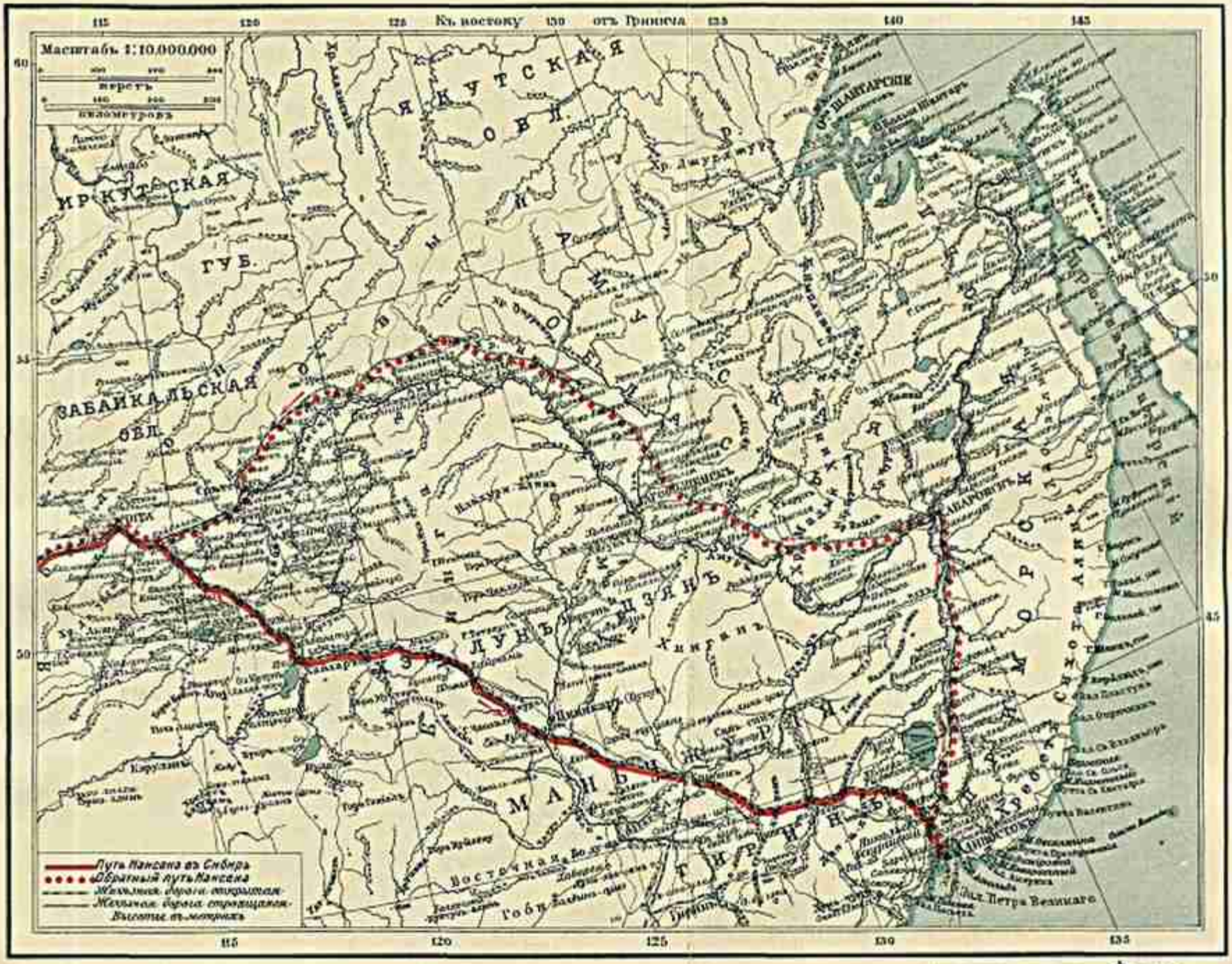
II. 927/1922

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе.	3
I. Изъ Норвегіи въ Карское море.	7
II. Визитъ самоѣдовъ.	33
III. Сквозь ледъ къ сѣверу вдоль Ямала	47
IV. Открытое море; на востокъ, къ Енисею.	65
V. Носоновскій Песокъ. Самоѣды	92
VI. Въ ожиданіи продолженія пути.	116
VII. Вверхъ по Енисею.	134
VIII. Отъ Дудинки до Курейки	152
IX. Троицкій монастырь и дальнѣйшій путь къ югу	181
X. Отъ Верхне-Имбацкаго до Сумарокова	206
XI. Изъ Сумарокова въ Енисейскъ.	231
XII. Отъ Енисейска до Красноярска и дальше.	253
XIII. Колонизація и развитіе Сибири.	280
XIV. Отъ Иркутска до Владивостока.	299
XV. Уссурійскій край, Владивостокъ и Хабаровскъ.	325
XVI. Россія на Востокѣ.—Желтый вопросъ.	341
XVII. Пріамурскій край и Пріамурская желѣзная дорога.	365
XVIII. Бурея-Зейская равнина до Забайкалья.	389
XIX. Домой черезъ Сибирь.	414
Приложеніе.	
Судоходство по Карскому морю.	423

К востоку от Гринича
БАРЕНЦОВО МОРЕ
КАРСКОЕ МОРЕ
Полуостров Ямал
Полуостров Гыданский
ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ НИЗМЕННОСТЬ
ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССІЯ
САМОЕДЫ
ОСТЯКО-ЮРАКИ
Новая Земля
Югорский Шар
Маточкин Шар
Югорский полуостров
Ямал
Гыданский полуостров
Обь
Енисей
Таз
Пур
Надым
Мутный Материк
Ледовитый океан
К востоку от Гринича

Путь Нансена въ Сибирь
Обратный путь Нансена
Обратный путь подъ Корлинга
Жилыхъ мѣстъ почти нѣтъ
Жилыхъ мѣстъ почти нѣтъ
Масштабъ 1:21000000.

Грав. и печат. въ картогр. изд. ава. ТПб. А.Ф. Маркса.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Арт. зав. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ
Петроградъ, Изм. пр., 29.

30 к.
52 Коп.

Складъ при Конторѣ изданій Т-ва А. Ф. Марксъ,
ПЕТРОГРАДЪ, ул. Гоголя, 22.

ГПБ Русский фонд
37.77.3.100